научный рецензируемый цитируемый журнал

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ВАК И БЕЛЫЙ СПИСОК

KANT

№ 1(58)

март 2026

ISSN 2222-243X

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ С ПОЗИЦИИ КЛАССИЧЕСКОГО ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО ПОДХОДА ••• ТРАКТОВКА "РУССКОЙ ИДЕИ" В КУЛЬТУРФИЛОСОФИИ Г.П. ФЕДОТОВА ••• АВТОРИТАРИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ ••• ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ: ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К РИСКОВАННОМУ МИРУ СОВРЕМЕННОСТИ ••• ФЕНОМЕН ГЕРОИЗМА В УСЛОВИЯХ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ••• ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЗАКОНЫ МЫШЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ ••• ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОГЛАСОВАНИЯ СМЫСЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ••• ИДЕОЛОГИЯ ПОСЛЕ ДИСКУРСА: ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ВЛАСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛИЗМА ••• СИНГУЛЯРНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ ••• ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПЕРЕХОДА

KANT

1(58)’2026

KANT ориентирован на междисциплинарный диалог. Издается с 2011 года. Выходит 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь). Индексируется в РИНЦ, Google Scholar, PhilPapers, DOI

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-83359 от 7 июня 2022 года. Подписной индекс по каталогу «Пресса России» — Т62200.

ISSN 2222-243X

KANT включен в список рецензируемых журналов ВАК РФ (Q2) по следующим отраслям науки: 5.2. Экономика; 5.7. Философия; 5.8. Педагогика. Список ЕГПНИ (Белый список)

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО “Издательство

СТАВРОЛИТ”

издательство

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Григорьев А.Ф., *д-р культурологии, проф. (Ставрополь, Россия)*

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Агаркова Л.В., *д-р э. н., проф. (Ставрополь, Россия)*
Бакланов И.С., *д-р филос. н., проф. (Москва, Россия)*
Билалов М.И., *д-р филос. н., проф. (Махачкала, Дагестан)*
Бичеев Б.А., *д-р филос. н.(Элиста, Калмыкия)*
Бобрышов С.В., *д-р пед. н., проф. (Ставрополь, Россия)*
Великая Н.Н., *д-р ист. н., проф., (Армавир, Россия)*
Воеводин А.П., *д-р филос. н., проф.(Луганск, ЛНР)*
Воробьев Н.Н., *д-р э. н., проф. (Ставрополь, Россия)*
Грачев С.И., *д-р полит. н., проф. (Н. Новгород, Россия)*
Гурнович Т.Г., *д-р э. н., проф. (Краснодар, Россия)*
Давыдянц Д.Е., *д-р э. н., проф.(Ставрополь, Россия)*
Деменчонок Э.В., *д-р филос., проф. (Пич-Каунти, США)*
Жидков В.Е., *д-р т. н., проф. (Ставрополь, Россия)*
Захарова Е.Н., *д-р э. н., проф., (Майкоп, Россия)*
Косов Г.В., *д-р полит. н., проф. (Москва, Россия)*
Костина А.В., *д-р культурологии, д-р филос. н., проф. (Москва, Россия)*
Костюкова Е.И., *д-р э. н., проф. (Ставрополь, Россия)*
Крохичева Г.Е., *д-р э. н., проф. (Ростов-на-Дону, Россия)*
Кудрина Е.Л., *член РАЕН, д-р пед. н., проф.(Москва, Россия)*
Лю Сяоянь, *д-р филолог. н., проф. (Пекин, КНР)*
Плугина М.И., *д-р психол. н., проф. (Ставрополь, Россия)*
Прабхакара Джатьяло Рао, *профессор лингвистики (Хайберабат, Индия)*
Скрипкина А.В., *д-р пед. н., доц. (Москва, Россия)*
Солопанова О.Ю., *д-р пед. н., проф. (Краснодар, Россия)*
Тамов А.А., *д-р э. н., проф. (Майкоп, Россия)*
Туравец Н.Р., *д-р пед. н., проф. (Белгород, Россия)*
Фурсов В.А., *д-р э. н., проф. (Ставрополь, Россия)*

ИЗДАТЕЛЬ: **ООО «Издательство СТАВРОЛИТ»**
ИНН/КПП **2635120079/263501001**
Адрес изд-ва, редакции, типографии: **355044, Ставрополь, пр. Кулакова, 29/3, 44**
E-mail: info@stavrolit.ru; Сайт: stavrolit.ru/kant

© «KANT», 2026, №1(58), 1–464 с.

Выпускающий редактор *А.Д. Григорьева*
Дизайн обложки М.А. Зоря
Техническое редактирование и верстка *П.В. Арсентьев*
Корректура *К.Д. Ковтун*

Подписано в печать 25.03.2026. Выход в свет 26.04.2026. Формат 84 x 108 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PalatinoLinotype. Уч.-изд. л. 83,52. Тираж 1000 экз. Заказ № 661. Цена свободная.

Уважаемые читатели!

Журнал «KANT» ориентирован на междисциплинарный диалог с последующей публикацией исследований, в фокусе которых находятся проблемы образовательного пространства, экономические тенденции и их неэкономические следствия, прежде всего в свете философского осмысления.

Построенная на традиционных этических принципах научной периодики, разработанных COPE, и полагающаяся на стандарты Международной социологической ассоциации редакционная политика журнала направлена на создание открытой площадки обмена научной информацией, результатами фундаментальных и прикладных исследований специалистов академического и экспертно-аналитического профиля.

В своей деятельности редакция журнала руководствуется принципами научности, профессионализма, объективности. Журнал нацелен на создание и поддержку единого пространства научной коммуникации в стремлении преодолеть информационную пропасть между изданиями регионального, федерального и международного уровня.

Критериями статей служат актуальность, научная новизна и научная достоверность представленных материалов, практическая значимость, уровень оригинальности представленного материала, а также качество его изложения. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией на основе мнений ведущих ученых, привлекаемых в качестве рецензентов и экспертов.

шеф-редактор журнала
к. полит. н. М.А. Григорьева

Содержание

Философия 5.7

Акрамов А.Н. **Справедливость в философском наследии Платона: от диалектического поиска к гармонии идеального государства**-------4

Андреев А.А. **Цивилизационный и формационный подходы к исследованию феномена науки в культуре и цивилизации (философско-культурологический анализ)**----------12

Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Степанов В.А. **Духовная безопасность как социальное явление с позиции классического трансцендентального подхода** ----------19

Введенский И.А. **Трактовка «русской идеи» в культурфилософии Г.П. Федотова**----------24

Вялых В.В. **Авторитаризм в исторической ретроспективе: опыт социально-философского анализа**----------35

Гурьянов А.С., Закирова Г.Ф., Ярхамова А.А. **Феномен самообладания в современном обществе в социально-философской трактовке: гендерный аспект**----------41

Джавад О.В. **Историко-философские предпосылки формирования культуры безопасности: от традиционного общества к рискованному миру современности**----------48

Жуков М.В. **Феномен героизма в условиях алгоритмической детерминации: экзистенциальный анализ**----------55

Зеленов А.В. **Тринитарная парадигма в доникейской богословско-философской мысли**----------61

Иванова В.Г. **Отражение православного мировоззрения в восточно-христианском изобразительном искусстве: средства и приемы**----------72

Кравцов А.Д. **Кармический код «На дне»: фатализм как объяснительный механизм в японской адаптации пьесы М. Горького**----------78

Лебедев Д.В., Лебедева Г.В. **Искусственный интеллект и законы мышления: возможности и границы формализации**----------88

Неронов А.В., Неронова М.Ю. **Онтологическое основание этоса как условие формирования устойчивых ценностей**----------95

Равочкин Н.Н., Ковалева Г.П. **Философские основания развития отечественного образования**----------102

Сапрыкина Е.В., Оноприенко А.В. **Гуманитарная экспертиза как коммуникативная технология согласования смыслов в современном обществе**----------107

Сергодеева Е.А., Турдимуродов Г.А. **Междисциплинарный анализ социальных инноваций: возможности философского синтеза**----------112

Трунов А.А. **Идеология после дискурса: инфраструктурная власть и трансформация субъектности в условиях цифрового капитализма**----------117

Урядова В.В., Черная И.П. **Сингулярность человеческого бытия и вызовы цифровой эпохи**----------125

Федорова Ж.В., Айтуганова Ж.И. **Регулирование как социокультурный концепт и его дуалистичный потенциал**----------134

Чернов А.В., Новикова С.В. **Роль института семьи в утопическом обществе Герберта Уэллса «Люди как боги»**----------140

Шаповалов И.С. **Танатологические мотивы в учениях древних киников: социально-философский анализ**---------145

Шевчук Н.В. **Политическая культура молодёжи»: от понятийного термина к категориальной концепции (исторический и философский аспект)**----------153

Юркова Э.В. **Социально-философские основания взаимодействия современных правовых норм и традиционных практик в региональных сообществах**----------159

Экономика 5.2

Алексахина С.А., Бородина Н.А., **Горшкова А.А. Интернет-вещей в цифровом развитии отрасли здравоохранения и превентивной медицины**----------167

Антонова И.А. **Перспективы развития ШОС и ее место в мировой экономике на фоне решений стран РИК (Россия, Индия, Китай) на саммите в сентябре 2025 г.**----------175

Антонов-Дружинин П.В. **Методологические, организационные и технологические аспекты внедрения гибридных систем искусственного интеллекта в деятельность производственного предприятия**----------184

Аракелян Э.А. **Киберриски как фактор стратегической устойчивости крупнейших корпораций сырьевого сектора России и Азии**----------190

Балабан В.В. **Управленческая результативность и эффективность землячеств в системе трансляции экономических интересов регионов Российской Федерации**----------199

Волченко А.А., Воронина Е.В., Сергеева И.В. **Качество услуг в образовательных организациях: механизм управления и алгоритм его внедрения**----------209

Воробьев Н.Н., Пучкова Е.М., Фомин И.В. **Механизм проведения внутреннего аудита в учреждениях высшего образования в условиях применения цифровых технологий**----------216

Злотников И.Р. **Цифровые экосистемы как ключевой элемент инновационной устойчивости развития промышленности регионов Российской Федерации**----------221

Зубарева Л.В., Пучкова Н.В., Черкашина А.М. **Анализ существующих методов оценки экономической эффективности энергосервисных проектов в пространственной экономике**----------234

Киселев В.В. **Современный процесс экономического развития Луганской Народной Республики: анализ и оценка экономического потенциала региона**----------241

Котенев А.Д., Хатагова С.В., Сажнева С.В. **Теоретико-методические аспекты обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов**----------249

Краснощеков Д.С. **Анализ и развитие методик оценки цифровой зрелости корпораций**----------254

Лихоузов К.И. **Использование искусственного интеллекта в прогнозировании рыночных и технологических рисков промышленного предприятия**----------260

Оруджев Т.К. **Пути инновационного развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации**------269

Песоцкий А.А. **Натиск санкций на экономику России и ее регионов. Взгляд из 2026 года**----------277

Пьянкова С.Г., Блинова Е.А., Бочков П.В. **Полицентрические стратегии повышения технологического суверенитета региона**----------283

Сейдаметова З.С., Темненко В.А. **Структура и динамика глобальной экономики в XXI веке. XV. Донжон Глобального Юга и другие структурные элементы**----------289

Сейдаметова З.С., Темненко В.А. **Структура и динамика глобальной экономики в XXI веке. XVI. Донжон Глобального Юга: Изменение состава и неизменные страны-маркеры в 2010–2024**----------296

Смолькин В.П., Удалов О.Ф., Фадеева И.П. **Системные подходы к идентификации процессов изменений в управлении экономикой организации**----------303

Ткачук П.Ю., Розмыслов А.Н. **Инвестиционные токены: эволюция финансовых инструментов и их роль в формировании современных экосистем**----------309

Щиров Н.Н. **Концентрация фискальных доходов и дефицит региональной самостоятельности**----------321

Педагогика [5.8]

Абраменко Н.Ю. **Развитие информационной компетентности студентов вуза в процессе изучения дисциплин социально-гуманитарного цикла**----------329

Балыков В.В. **Невербальные средства интернет-коммуникации в обучении РКИ: смайлики, стикеры, мемы**----------335

Бостанова С.Н., Кафарова К.З., Копосова Е.Г. **Теория когнитивной нагрузки как методологическая основа проектирования учебных материалов**----------340

Ван И. **Становление форм профессионального иноязычного образования в университетах Китая**---345

Гарифуллина Л.А., Бикетова Я.О., Максимова М.А. **Теоретическая модель формирования цифровой грамотности преподавателей в контексте гибридных профессиональных сообществ**----------355

Гуров В.Н., Еремеев А.В. **Основы патриотического воспитания студентов в поликультурной и полиэтнической средах вуза**----------360

Дроздов С.А. **Ценностные ориентиры искусства в воспитании общества и укреплении духовного единства России (на примере культурологического аспекта художественной подготовки в педагогическом вузе)**----------366

Дрондин А.Л., Сайтбагина Л.А. **Актуальные аспекты качества российского высшего образования в свете его цифровой трансформации**----------375

Лопец Р., Талыбина Е.В. **Развитие навыков аудирования через аутентичные аудиоматериалы: от теории к практике**----------381

Лю Ц. **Современные индивидуально ориентированные технологии подготовки будущих учителей музыки в классе фортепиано в Китае**----------391

Махиянова А.В., Киямова А.Г. **Портрет преподавателя высшего профессионального образования глазами студентов**----------396

Мельникова К.А. **Роль научно-педагогического текста в формировании профессиональных умений студентов языковых вузов**------403

Николов Н.О. **Общественное мнение как психолого-педагогический фактор влияния на продуктивность работы представителей научно-исследовательского коллектива**----------413

Рубан Е.Ю. **Особенности формирования экологической культуры у детей дошкольного возраста в современном культурно-образовательном пространстве**----------418

Рудометов С.С. **Концепция обоснования педагогических условий повышения результативности исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты Росгвардии**-------424

Унатлоков В.Х., Кафарова К.З., Петросян А.А. **Семантико-прагматическая интерпретация дискурса преподавателя как показатель когнитивной нагрузки студентов**----------431

Шабанова Т.Н. **Контекст социальной коммуникации как условие смыслообразования обучающегося: теоретико-педагогическое осмысление**----------436

Щербакова Д.С., Шак Ф.М. **Обучение приёмам фингерстайла: опыт работы с экспериментальными группами детской музыкальной школы**----------441

Щербатых С.В., Козырева А.В. **Компетентностная модель обучающегося в рамках математической подготовки в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации**----------448

Обзор

Григорьева М.А., Григорьев А.Ф. **Эволюция культурного пространства в эпоху глобального цивилизационного перехода**----------455

JUSTICE IN PLATO'S PHILOSOPHICAL HERITAGE: FROM DIALECTICAL SEARCH TO THE HARMONY OF THE IDEAL STATE

Akramov Azizdzhon Nabidzhonovich, *Postgraduate student, Moscow Pedagogical State University, Moscow*

The article examines the fundamental problem of justice in Plato's philosophical heritage, the relevance of which is due to the search for stable ethical and legal foundations in modern society. The purpose of the study is a systematic reconstruction of the Platonic concept of justice, tracing its transformation from the Socratic criticism of sophistical relativism to the creation of an ontologically grounded model of the ideal polis and the rule of law state. The methodological basis of the work consists of the hermeneutic analysis of classical texts ("The Republic", "Laws", "Laches"), the dialectical method, as well as a comparative historical approach based on the fundamental works of A.F. Losev, V.F. Asmus, and W. Jaeger. The results of the study demonstrate that Platonic justice is not reduced to a social contract but represents an ontological harmony of the soul and the state, based on the knowledge of the Idea of the Good. The failure of interpretations (in particular, K. Popper), accusing Plato of totalitarianism, is proven: through the analysis of later works, it is substantiated that the restriction of freedom in Plato acts as a conscious necessity of serving the common good, anticipating the principles of the rule of law state. The scientific novelty lies in substantiating the integrity of the Platonic ethical and political project, where education (paideia) and law act as instruments for the realization of objective truth in history.

Keywords: *justice; Plato; ideal state; harmony of the soul; dialectics; paideia; common good; rule of law state; freedom.*

EDN: ACMGBS ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.1***

Цитировать: *Акрамов А.Н. Справедливость в философском наследии Платона: от диалектического поиска к гармонии идеального государства // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 4-11. EDN: ACMGBS. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.1*

УДК 1(091)

5.7.2

© Акрамов А.Н., 2026

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ ПЛАТОНА: ОТ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПОИСКА К ГАРМОНИИ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

АКРАМОВ Азизджон Набиджонович,
аспирант, Московский педагогический государственный университет, Москва

ORCID ID: 0009-0006-2807-5364

В статье рассматривается фундаментальная проблема справедливости в философском наследии Платона, актуальность которой обусловлена поиском устойчивых этико-правовых оснований в современном обществе. Цель исследования заключается в системной реконструкции платоновской концепции справедливости, прослеживая ее трансформацию от сократической критики софистического релятивизма до создания онтологически обоснованной модели идеального полиса и правового государства. Методологическую основу работы составляют герменевтический анализ классических текстов («Государство», «Законы», «Лахет»), диалектический метод, а также сравнительно-исторический подход. Результаты исследования демонстрируют, что платоновская справедливость не сводится к социальному контракту, а представляет собой онтологическую гармонию души и государства, базирующуюся на знании Идеи Блага. Научная новизна заключается в обосновании целостности платоновского этико-политического проекта, где воспитание (пайдейя) и закон выступают инструментами реализации объективной истины в истории.

Ключевые слова: *справедливость; Платон; идеальное государство; гармония души; диалектика; пайдейя; общее благо; правовое государство; свобода.*

Проблема справедливости, занимающая центральное место в философском дискурсе, в трудах Платона обретает особое измерение, трансформируясь из абстрактной этической категории в фундамент политической онтологии. В диалогах «Государство», «Лахет» и «Законы» справедливость предстает как функциональная основа для построения идеально-

го общества и внутренней гармонии души. Актуальность обращения к платоновской классике сегодня обусловлена размыванием ценностных ориентиров: современная философия права ищет универсальные основания легитимности, которые Платон обнаруживал в объективной природе Блага.

Степень научной разработанности темы обширна. Классическая традиция изучения Платона представлена фундаментальными трудами А.Ф. Лосева [8], В.Ф. Асмуса [1], В. Йегера [7]. Современные исследователи смещают фокус на прикладные аспекты. Так, С.В. Рассадин [14] и С.В. Гроздилов [5] рассматривают справедливость как принцип конструирования «счастливого полиса». Д.В. Бугай [4] проводит текстологический анализ ранних диалогов. Работы Й. Маниатиса [19] и Б.Ф. Чалаби [16] интегрируют античное наследие в контекст современной философии права. Однако в историографии сохраняется дискуссия о соотношении «раннего» и «позднего» Платона.

Научная новизна данной работы заключается в доказательстве целостности платоновской концепции справедливости. Работа демонстрирует, что эволюция от «Государства» к «Законам» — это не мировоззренческий разрыв, а диалектическое развертывание понятия: от внутренней психологии к внешней институционализации права. Цель статьи — проанализировать эту трансформацию, опираясь на классическую методологию и герменевтический анализ текстов.

Негативная диалектика: критика мнения и софистического релятивизма

В начале своего философского пути Платон, через Сократа, проводит тщательную критику традиционных и софистических представлений о справедливости. Согласно Д.В. Бугаю, в первой книге «Государства» Сократ показывает несостоятельность узких определений справедливости, в частности предложенных Кефалом и Полемархом [4, с. 116]. Определение Кефала, заключающееся в «говорении правды и отдаче взятого», оказывается редукционистским, не способным охватить все многообразие моральных ситуаций. Полемархово же понимание, «делать добро друзьям и вредить врагам» [4, с. 124], представляется парциальным, ставящим справедливость в зависимость от личных отношений и игнорирующим принцип универсальной этики. Как отмечает Сократ в диалоге «Государство»: «…если кто станет утверждать, что воздавать каждому должное — справедливо, и будет понимать это так, что справедливый человек должен причинять врагам вред, а друзьям приносить пользу, то говорящий это вовсе не мудрец, потому что он сказал неправду, ведь мы выяснили, что справедливо никому ни в чем не вредить» [11, с. 90].

Софистическое понимание справедливости, как утверждает И.В. Упорникова-Пивоварова, основано на релятивизме и конвенционализме, сводя ее к договору или выгоде сильного [15, с. 132]. О.В. Шабалина в своем анализе подчеркивает, что Платон рассматривает справедливость как ядро совместной деятельности людей, противопоставляя «реалистический тип» справедливости (польза сильнейшего, по Фрасимаху) и «договорную справедливость» (соглашение не творить и не терпеть несправедливость ради общей пользы, как описывает Главкон) [17, с. 48]. Платон, в свою очередь, стремится к установлению трансцендентальной основы справедливости, укорененной в мире идей. Этот эпистемологический поворот в понимании справедливости подчеркивает, что она — не феноменальный конструкт, а номологический принцип, укорененный в самой природе бытия. В диалоге «Государство» Сократ отвечает на вопрос (к какому же виду благ ты относишь справедливость?) Главкона: «Я-то полагаю, что к самому прекрасному, который и сам по себе, и по своим последствиям должен быть ценен человеку, если тот стремится к счастью» [11, с. 117]. Таким образом, Платон выходит за рамки эмпирического понимания справедливости, направляя нас к ее метафизическому измерению.

Однако главным оппонентом выступает софистическая традиция в лице Фрасимаха, провозглашающего: «справедливость — это то, что пригодно сильнейшему» [11, с. 93]. Это вызов не только этике, но и онтологии: софисты сводят справедливость к воле к власти и социальному контракту. Как указывает А.Ф. Лосев, справедливость у Платона имеет онтологический статус: она, наряду с законом и разумом, является порождением са-

мой природы, а не продуктом случайных и временных социальных конвенций [8, с. 780]. Ответ Платона софистам, развернутый в книгах II–IV, строится на преодолении «договорной» теории. Платон показывает, что если справедливость — лишь внешняя конвенция, то любой человек, обладая безнаказанностью, станет тираном. Задача Сократа — доказать, что справедливость ценна сама по себе, а не ради наград.

Ответ Платона на «генеалогию справедливости» (как компромисса между вредить и терпеть вред) состоит в показе ее внутренней необходимости для блага души и полиса. Даже если предположить внешнюю безнаказанность несправедливости (как в истории с кольцом Гигеса), внутренняя расплата неизбежна: душа утрачивает мир, распадается на конфликтующие части, а вместе с этим рушится и способность к счастью [11, с. 219, 368]. Здесь Платон обращает внимание на то, что «выгода» не может быть критерием справедливости, потому что злое действие разрушает самого агента, хотя бы и приносило внешнюю успешность. И наоборот, справедливость, даже будучи неувенчанной похвалой толпы, делает человека тем, кем ему подобает быть, — владельцем самого себя, «другом самому себе».

Онтология справедливости: гармония Души и Полиса

Позитивное построение справедливости Платон начинает не с законов, а с эпистемологии. Эпистемологическим фундаментом конструкции служит идея Блага. Развертывая эту перспективу, необходимо остановиться на фундаменте знания. Метафора Солнца, Деления линии и Миф о пещере, представленные в VI–VII книгах «Государства», дают ключ к пониманию того, почему справедливость мыслится как то, что требует знания высшего начала — Идеи Блага. Как Солнце делает видимыми предметы чувственного мира и дает глазу способность видеть, так Благо делает постижимыми сущности и дает разуму способность знать; более того, Благо «по достоинству и силе» превосходит бытие, выступая его источником.

Эта онтологическая иерархия задает иерархию форм познания: от догадок и веры (в мире образов и вещей) к рассудочному мышлению и чистому разуму (в сфере математических объектов и чистых идей). Справедлив лишь тот полис, которым управляют философы, созерцавшие Благо. Справедливо править может тот, кто прошел путь «от гипотез к безусловному началу», а значит — умеет мыслить не по образцам мнения, а в логике самой сущности [11, с. 293-294]. Йорго Маниатис особо акцентирует внимание на том, что этот эпистемологический путь необходим не ради чистого созерцания, а ради политического действия: философ-правитель, взошедший к созерцанию Блага, обязан «снова спуститься в пещеру». Знание высших онтологических принципов (Идей) является наиболее практичным инструментом управления, позволяющим видеть истинные «парадигмы» справедливости, а не их искаженные тени [19, с. 480].

Именно на этом эпистемологическом фундаменте базируется позитивное учение Платона о справедливости, выраженное в знаменитом изоморфизме души и государства. Справедливость определяется как принцип «своего дела» (*oikeiopragia*), когда каждое начало выполняет свою функцию, не вмешиваясь в дела других. В душе это означает иерархическое подчинение вожделеющего и яростного начал разумному. Справедливость у Платона, как утверждают А.Ф. Лосев, Л.А. Бессонова, С.В. Гроздилов, С.В. Рассадин, достигается тогда, когда каждая часть выполняет свою надлежащую функцию, не вторгаясь в чужую сферу деятельности [8, с. 715; 3, с. 88; 5, с. 135; 14, с. 236]. Сократ в диалоге «Государство» утверждает: «…он владеет собой, приводит себя в порядок и становится сам себе другом; он прилаживает друг к другу три начала своей души… и так из множественности достигает собственного единства, рассудительности и слаженности» [11, с. 218].

Для Платона справедливость не ограничивается принципом организации общества, но и является высшей добродетелью [5, с. 135], неотделимой от мудрости, мужества и умеренности. А.Ф. Лосев утверждает, что справедливость — это «центр равновесия всех добродетелей» [8, с. 718]. Согласно М.А. Маяцкому, в диалоге «Лахет», Платон показывает, что истинное мужество — это не слепое бесстрашие, а нравственная готовность защищать благо и справедливость [9, с. 27-28]. Это демонстрирует этическую интенциональность

платоновской философии. Платон в диалоге «Лахет» приводит: «Сократ. Значит, стойкость, сопряженная с разумом, — это прекрасная вещь? Лахет. Несомненно» [10, с. 283], подчеркивая, что моральное основание определяет добродетельность действия. В фокусе этой части рассуждений — проблема единства добродетелей. С одной стороны, Платон различает их по «носителям» и функциям; с другой — настаивает, что добродетели образуют внутренне связанную структуру, где отсутствие одной нарушает гармонию целого. Мужество без мудрости превращается в безрассудство, умеренность без справедливости — в конформизм, а мудрость без умеренности — в интеллектуальную гордыню.

Однако эта внутренняя архитектура души не возникает сама по себе; она требует формирования. С эпистемологией и этикой неразрывно связан педагогический проект. Математические дисциплины — арифметика, геометрия, стереометрия, астрономия, гармоника — выступают ступенями отвлечения ума от чувственной привязанности к чистой мысли; диалектика завершает этот путь. Для Платона эта программа не «техническая», а нравственная: она дисциплинирует душу, подготавливая к справедливости как гармонии. Здесь уместно обратиться к концепции «Пайдейи», которую фундаментально исследовал Вернер Йегер, указывая, что для Платона воспитание предстает как способ достижения «органического» понимания мира души: справедливость здесь трактуется не просто как внешнее выполнение обязанностей, а как внутреннее «душевное здоровье», гармонизирующее все побуждения личности подобно тому, как медицина восстанавливает естественную природу тела [7, с. 229-231].

Раскрывая культурное измерение справедливости, Платон уделяет особое внимание целостному воспитанию. В «Государстве» он подробно обсуждает музыкальное и гимнастическое образование, подчеркивая формирование «этоса» через мелос, ритм и гармонии, способные «впитываться» душой и упорядочивать ее аффекты. В этой политике «культурной селекции» (цензура миметических образов) нет эстетического пуризма ради самого вкуса; напротив, жемчужиной платоновской эстетики выступает забота о справедливости души. Через искусство полис учится различать достойное и недостойное, прекрасное и безобразное. Для Платона справедливость является не только политическим и этическим принципом, но и фундаментом культуры, что отмечает Б.Д. Эрдниева [18, с. 174]. В.К. Дмитриев и Н.А. Рагозина подтверждают, что проблема воспитания граждан в духе добродетели занимает центральное место в философии Платона. Осознанное подчинение законам и распоряжениям правителей невозможно без надлежащего воспитания, которое формирует «воздержанность и справедливость» как у граждан, так и у самих правителей [6, с. 81-82].

Ключевой, но порой недооцениваемый элемент платоновского проекта — «благородная ложь» (финикийский вымысел), или миф о металлах, призванный закрепить в сознании граждан идею о природной дифференциации дарований. Этот миф не предназначен для сокрытия истины; он — символическая формула социальной солидарности [11, с. 184].

Проецируясь вовне, эта внутренняя гармония и система воспитания становятся основой социальной структуры полиса. Отдельного внимания требуют политико-институциональные следствия: в сословии стражей устранены источники частного интереса, которые подтачивают общность. Ни богатства, ни роскоши, ни особых семейных привязанностей, способных конкурировать с верностью целому [11, с. 238]. Это решение можно понимать как радикально превентивное средство от «ста́сис» — гражданской распри. Коммунитарный характер жизни стражей сопряжен с принципом меритократии. Более того, Платон открывает путь для участия женщин в охране полиса: различие полов не релевантно для доблести и знания, если женщины проходят ту же школу воспитания [11, с. 229; 14, с. 236].

Что происходит, когда эта гармония нарушается? Переходя к динамике режимов, Платон описывает нисходящую деградацию от аристократии философов к тимократии, олигархии, демократии и тирании. Каждая из них соответствует «перекосу» в душе. Тиран предстает как самое несчастное существо, раб своих вожделений, окруженный страхом и подозрением [11, с. 366-371]. Сопоставляя «справедливого» и «несправедливого» человека, Платон доказывает не только превосходство первого по достоинству, но

и его превосходство по подлинной наслаждаемости: истинные удовольствия принадлежат разумной части, тогда как удовольствия страстей — теневые.

От Идеи к Закону: реализация справедливости в истории

Вместе с тем переход от «Государства» к «Законам» обнаруживает примечательную эволюцию в трактовке роли законности. Если в идеальном полисе правит знание — мудрые правители, видящие благо, — то в «Законах» Платон ищет «второй лучший» порядок [12, с. 191], где закон становится учителем и воспитателем, компенсируя невозможность повсеместного господства философии. Отсюда новация «преамбул» (вступления) к законам: законодатель не только предписывает, но и убеждает, объясняет гражданину цель нормы, апеллируя к его разуму и нравственному чувству [12, с. 175-176]. Эта «риторика закона» направлена на формирование культуры добровольного послушания справедливости, когда принуждение уступает место внутренней согласии с разумной необходимостью. Наконец, предложенная в «Законах» система смешанной конституции [12, с. 145] и институт Ночного Совета [12, с. 436-437] — образец того, как Платон стремится закрепить за знанием роль хранителя справедливости в реальном политическом устройстве.

Именно здесь возникает полемическое напряжение. Карл Поппер в работе «Открытое общество и его враги» подвергает резкой критике политическую программу Платона. Поппер характеризует ее как попытку «задержать все политические перемены» и вернуться к «родовой патриархии» [13, с. 123]. Философ прямо утверждает, что платоновский проект «вполне можно назвать тоталитаристским», поскольку справедливость в нем отождествляется с «властью класса и классовыми привилегиями» в ущерб свободе индивида [13, с. 124, 128]. Поппер усматривал в жесткой регламентации жизни полиса прообраз современных диктатур.

Однако вопрос свободы остается острым. Здесь уместно вспомнить интерпретацию В.Ф. Асмуса, который, анализируя учение Платона об идее блага, приходит к выводу, что свобода понимается как осознанное следование необходимости блага — высшей цели, к которой стремится всё сущее [1, с. 45-48]. В диалоге «Законы» приводится: «Мы должны, насколько позволяет присущая нам доля бессмертия, убежденно следовать этой жизни… именуя законом эти определения разума» [12, с. 165], что подчеркивает рационалистический подход Платона к законотворчеству. Платон, как указывает К. Асмут, не ставит гражданскую свободу выше справедливости, считая, что свобода должна быть подчинена мудрости и добродетели [2, с. 115-116]. Это антиномичное отношение к свободе отражает его убеждение, что без порядка и разумного руководства общество неизбежно скатится в хаос. Здесь Платон, отходя от концепций абсолютной свободы, выдвигает тезис о том, что свобода должна быть направлена на благо, а значит, должна быть ограничена принципами справедливости. Платон в диалоге «Государство» утверждает: «…все принудительное вызывает у них возмущение как нечто недопустимое… чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над ними власти» [11, с. 351]. Это утверждение является основанием для ограничения свободы ради поддержания социального порядка.

Поставим также вопрос о соотношении справедливости и свободы, столь актуальный для современного читателя. Свобода и справедливость не могут осуществиться на холодном пути. Они только тогда будут иметь успех, если каждый будет служить целям целого, общего, исходя из своего свободного убеждения… Единичное и целое неразрывно связаны друг с другом [2, с. 115]. Платон различает свободу как произвол и свободу как способность действовать согласно разуму. Критика «лихой» демократии в «Государстве» направлена против первой: когда всякое принуждение объявляется злом, а всякая иерархия — угнетением, общество оказывается неспособным поддерживать порядок. Справедливость, напротив, требует свободы в сильном смысле — свободы от рабства страстей, свободы для блага. Непримиримо выступая против релятивизма нравов, Платон видит задачу политики не в «раздаче прав», а в воспитании свободной личности, способной согласовать свои желания с требованиями разума и блага полиса.

Дальнейшего разъяснения достойна и упрекаемая современными критиками «жесткость»

платоновского идеала. Нельзя не согласиться: требование цензуры, запрет на роскошь, коллективный образ жизни стражей — все это звучит для современного уха строго. Однако в логике Платона это — меры защиты от глубинных патологий политического организма, предотвращающие трансформацию конкуренции во вражду, а не способ подавления личности. Более того, в платоновской системе каждый призван к развитию, соответствующему его дарованиям: производители не унижены, потому что выполняют труд, без которого невозможно благо целого; стражи не «военная каста», а хранители справедливости; правители — не «властители» в современном смысле, а служители блага [14, с. 233, 235-236]. Указанная «иерархичность» — не ценностное неравенство людей, а функциональная дифференциация ролей в сложном целостном организме, где справедливость есть условие жизни всех частей.

Важнейший аспект реализации справедливости — экономический. Платон полагает, что крайняя бедность и крайнее богатство подрывают устойчивость полиса одинаково: первое порождает мятежность, второе — высокомерие и корысть [11, с. 191-192]. Поэтому в идеальном городе исключен культ золота и серебра, а основой хозяйства является мера. Как указывают В.К. Дмитриев и Н.А. Рагозина, платоновская идея о «среднем достатке» и необходимость формирования широкого слоя среднего класса рассматривается современными исследователями как важная предпосылка формирования социальных прав граждан [6, с. 82]. Любое крайнее состояние, будь то нищета или чрезмерное богатство, противоречит общему благу. Эта «экономика умеренности» соотносится с этикой: справедливость требует соразмерности и отказа от избыточности. Правление же, вращающееся вокруг накопления, неизбежно приводит к олигархии, где власть принадлежит богатым, а добродетели уступают место имущественному цензу.

В понимании Платона, юридическая справедливость должна стремиться к идеальной справедливости, и, если закон противоречит моральным принципам, он теряет свою легитимность. Платон, как отмечает Б.Ф. Чалаби, не идеализирует законы, но считает, что они должны соответствовать принципам справедливости и способствовать нравственному росту граждан [16, с. 63-65]. В.К. Дмитриев и Н.А. Рагозина в своем исследовании обращают внимание на то, что в представлении Платона власть закона в идеальном государстве фактически заменяет добродетель правителя. Поскольку законы носят общий характер и не могут быть абсолютно совершенны, они все же необходимы в силу несовершенства людей. Платон настаивал на жестком соблюдении законов, отмечая, что их нарушение следует карать, вплоть до крайних мер, чтобы не допустить беспорядков. Важно, что уголовное наказание, по мысли Платона, должно носить персонифицированный характер, затрагивая только осужденного, но не его родственников, что можно рассматривать как зарождение принципа защиты честного имени и достоинства личности [6, с. 81-82].

Если посмотреть на платоновскую конструкцию через призму современных теоретических дискуссий, можно заметить, что интуиция о приоритете блага и внутренней мере справедливости имеет продолжение и в XX–XXI веках: вопрос о том, может ли нейтральная процедура без этического содержания обеспечить устойчивый порядок, остается открытым. Платонов ответ — отрицателен: без ориентации на благо, без культивирования добродетелей справедливость неизбежно будет редуцирована к соглашению интересов, чреватому распадом при первой же смене обстоятельств. Его проект — «требовательный» к гражданину, он предполагает не потребителя прав, а участника общего дела, соучаствующего в воспроизводстве культурных оснований справедливости [18, с. 175-176].

Обсуждение результатов

Проведенный анализ позволяет включить платоновскую концепцию справедливости в широкий контекст современной философии права и политической теории. Ключевая дискуссия разворачивается вокруг вопроса о совместимости платоновского перфекционизма с ценностями открытого общества. Если К. Поппер усматривал в «Государстве» теоретическое обоснование тоталитаризма, то привлечение герменевтического инструментария В.Ф. Асмуса и А.Ф. Лосева позволяет снять это противоречие. Мы видим, что «жесткость» платоновских конструкций направлена не на

подавление личности, а на преодоление отчуждения индивида от социального целого.

В условиях кризиса либеральной модели, часто сводящей справедливость к формальной процедуре распределения благ (Дж. Ролз), платоновский подход обретает новое звучание. Платон настаивает: процедурная справедливость без онтологического фундамента (Идеи Блага) и без антропологической базы (воспитания добродетелей) неустойчива. Современные дебаты о «меритократии» и «экспертном знании» в управлении также находят свои истоки в платоновском требовании единства власти и философии.

Таким образом, дискуссионным полем остается вопрос о границах применимости платоновской модели: возможно ли построение государства, основанного на Добродетели, в условиях этического плюрализма? Данное исследование показывает, что платоновский ответ лежит не в плоскости принуждения, а в плоскости «пайдейи» — формирования культуры, где свобода понимается не как произвол, а как компетентность в выборе Блага.

Заключение

Подводя итог исследованию эволюции понятия справедливости в философии Платона, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, Платон совершает революционный переход от софистического понимания справедливости как «выгоды сильнейшего» или утилитарного договора к ее пониманию как объективной онтологической нормы. В этом заключается преодоление релятивизма: справедливость обосновывается не конвенционально, а метафизически — через причастность к Идее Блага.

Во-вторых, раскрывается антропологическое измерение справедливости. Через изоморфизм души и государства доказывается, что справедливость есть внутренняя гармония (здоровье) души, достигаемая через иерархическое подчинение аффектов разуму. Воспитание (пайдейя) выступает здесь не просто педагогической практикой, а политическим инструментом формирования субъекта справедливости.

В-третьих, обосновывается диалектическое единство платоновского проекта. Вопреки мнению о разрыве между ранним идеализмом и поздним прагматизмом, «Законы» являются логическим продолжением «Государства». Введение правовых рамок, смешанной конституции и экономической умеренности представляет собой необходимую адаптацию идеала к исторической реальности.

В-четвертых, установлено, что ограничение свободы у Платона диктуется не авторитаризмом, а стремлением защитить полис от хаоса. Справедливость реализуется там, где свобода понимается как осознанная необходимость служения целому.

Таким образом, философия Платона предлагает целостную модель, где политика, этика и эпистемология неразрывны, что делает ее вечно актуальным источником для осмысления природы социального порядка.

Литература:

1. Асмус В.Ф. Платон. — М.: Мысль, 1975. — 220 с.
2. Асмут К. Справедливость и гражданская свобода: Платон, Фихте и проблема справедливого государства / К. Асмут // Вестник ВЭГУ. — 2005. — №23/24. — С. 110-116.
3. Бессонова Л.А. Категория «Справедливость» в учении Платона о государстве / Л.А. Бессонова // Вестник экономики, права и социологии. — 2015. — № 1. — С. 86-89.
4. Бугай Д.В. Проблема справедливости в первой книге «Государства» Платона: Кефал и Полемарх / Д.В. Бугай // Вопросы философии. — 2015. — №1. — С. 115-125.
5. Гроздилов С.В. Идея справедливости как общего блага в социально-философской мысли Платона и Аристотеля / С.В. Гроздилов // Известия ТГУ. Гуманитарные науки. — 2018. — № 4. — С. 134-140.
6. Дмитриев В.К., Рагозина Н.А. Мысль Античности о справедливости и демократии как «протоконцепция» современных базовых принципов конституционализма и правового государства (Ч. 2) / В.К. Дмитриев, Н.А. Рагозина // Социально-экономические и гуманитарные науки: сборник избранных статей по материалам Международн. науч. конф. (ГНИИ «Нацразвитие», 26 февраля 2020 г.). — СПб., 2020. — С. 80-83.
7. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 2. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. — 336 с.
8. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. — М.: АСТ, 2000. — 846 с.
9. Маяцкий М.А. Мужество, справедливость, философия: читая «Лахета» Платона / М.А. Маяцкий // Вестник ЛГУ им. Пушкина. — 2014. — Т. 2, №3. — С. 20-29.
10. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. — Т. 1 / пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1990. — 860 с.
11. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. — Т. 3 / пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1994. — 654 с.

12. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. — Т. 4 / пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1994. — 830 с.

13. Поппер К. Открытое общество и его враги. — Т. 1: Чары Платона / пер. с англ. — М.: Феникс, 1992. — 448 с.

14. Рассадин С.В. Справедливость как принцип конструирования «счастливого полиса» у Платона / С.В. Рассадин // Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия — 2021. — №4(58). — С. 232-237.

15. Упорникова-Пивоварова И.В. Эволюция понятия «справедливость» в греческой философии (софисты, Сократ, Платон) / И.В. Упорникова-Пивоварова // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2012. — №4. — С. 130-135.

16. Чалаби Б.Ф. Законы и справедливость в сократических сочинениях Ксенофонта и Платона / Б.Ф. Чалаби // Право и государство: теория и практика. — 2014. — №5(113). — С. 60-65.

17. Шабалина О.В. Справедливость как моральная норма и ценность культуры / О.В. Шабалина // Социально-философские аспекты науки и образования. — 2025. — №1. — С. 47-56.

18. Эрдниева Б.Д. Культура справедливости в учениях Платона и Аристотеля / Б.Д. Эрдниева // Общество: философия, история, культура. — 2022. — №12. — С. 173-177.

19. Maniatis Yiorgo N. Ontology, epistemology and politics in Plato's republic / Yiorgo N. Maniatis // Schole. Ancient philosophy and the classical tradition (Философское антиковедение и классическая традиция). — 2021. — №2. — С. 468-500.

CIVILIZATIONAL AND FORMATIVE APPROACHES TO THE STUDY OF THE PHENOMENON OF SCIENCE IN CULTURE AND CIVILIZATION (A PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL ANALYSIS)

Andreev Artyom Andreevich, *Postgraduate student, Surgut State University, Surgut*

This article analyzes the role of civilizational and formational approaches to studying the phenomenon of science in culture and civilization. A comparative analysis is conducted, identifying their key features, strengths, and weaknesses. The methodological basis for the analysis is the concepts of Russian authors who have explored the formational and civilizational approaches individually, as well as their possible synthesis. The need for a dialectical synthesis of the civilizational and formational approaches to studying science as a cultural phenomenon is substantiated. A dialectical synthesis of these approaches allows us to identify their methodological and conceptual interrelationships and helps us uncover all possible aspects of science in the constantly changing sociocultural and spiritual environment of modern civilization. This topic is particularly relevant when studying the phenomenon of science in traditional and technological civilizations in the context of global processes occurring in the modern world.

Keywords: *science; culture; society; civilization; formation; civilization approach; formative approach.*

EDN: AKDQZB ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.2***

Цитировать: *Андреев А.А. Цивилизационный и формационный подходы к исследованию феномена науки в культуре и цивилизации (философско-культурологический анализ) // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 12-18. EDN: AKDQZB. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.2*

УДК 130.2
5.7.8

© Андреев А.А., 2026

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ И ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА НАУКИ В КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ (ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

АНДРЕЕВ Артём Андреевич, *аспирант, Сургутский государственный университет, Сургут*
SPIN-код: 3823-8187
ORCID: 0000-0002-3795-6941

В статье анализируется роль цивилизационного и формационного подходов к исследованию феномена науки в культуре и цивилизации. Проводится их сравнительный анализ, выявляются основные особенности, достоинства и недостатки. Методологической основой анализа послужили концепции отечественных авторов, исследовавших формационный и цивилизационный подходы в их отдельности, а также в их возможном синтезе. Обосновывается необходимость диалектического синтеза цивилизационного и формационного подходов к исследованию науки как культурного феномена. Диалектический синтез данных подходов позволяет выявить их методологическую и концептуальную взаимосвязь, а также помогает раскрыть все возможные аспекты науки в постоянно меняющейся социокультурной и духовной среде современной цивилизации. Особую актуальность данная тема приобретает при исследовании феномена науки в традиционных и техногенных цивилизациях в контексте глобальных процессов, происходящих в современном мире.

Ключевые слова: *наука; культура; общество; цивилизация; формация; цивилизационный подход; формационный подход.*

Введение

Преобладавший последние два столетия в западной культуре формационный подход к исследованию феномена науки в культуре и цивилизации доказал свою эвристическую ценность, но в то же время проявил свой ограниченный характер в социокультурном аспекте научного познания. Евроцентристская точка зрения об абсолютной истинности формационного подхода к исследованию феномена науки в культуре и цивилизации активно отстаивалась европейскими представителями марксизма и позитивизма. На определённом этапе своего развития научная методология пришла к признанию однобокости и недостаточности формационного подхода, поскольку

данный подход не учитывал многие социокультурные, духовные и ценностно-мировоззренческие аспекты науки в контексте развития конкретных цивилизаций.

Цивилизационный подход к исследованию феномена науки в культуре и цивилизации также имеет свои недостатки, состоящие в том, что в нём отсутствует ясное и чёткое понимание будущего развития науки. Например, применительно к исследованию исторической науки недостаток цивилизационного подхода проявляется в том, что он представляет разрозненную картину истории и не раскрывает общих закономерностей общественно-исторического процесса. Также в цивилизационном подходе игнорируется взаимосвязь между различными эпохами и культурами [2, с. 89].

Таким образом, основная проблема нашего исследования состоит в том, что предлагаемое многими современными авторами применение формационного или цивилизационного подходов в их отдельности не позволяет полноценно исследовать феномен науки в культуре и цивилизации. Для решения данной проблемы далее предлагается диалектический синтез формационного и цивилизационного подходов, который позволит более полноценно, системно и комплексно исследовать феномен науки в культуре и цивилизации, учитывая все его материальные, духовные и социокультурные аспекты. Задачи исследования: 1) провести анализ достоинств и недостатков формационного подхода к исследованию феномена науки в культуре и цивилизации; 2) выявить преимущества и слабые стороны цивилизационного подхода к исследованию феномена науки в культуре и цивилизации; 3) обосновать состоятельность и необходимость диалектического синтеза цивилизационного и формационного подходов к исследованию феномена науки в культуре и цивилизации.

Теоретической базой исследования послужили, во-первых, работы отечественных авторов, исследовавших формационный подход (А.Я. Щукина, А.Н. Васильев, Я.В. Орлов [15]; Г.М. Ипполитов [4]; А.И. Гадельшина [1]; Р.И. Соколова [13], А.Г. Рябченко [11]).

Во-вторых, были проанализированы труды, посвящённые исследованию цивилизационного подхода (А.А. Галиакберова, А.Г. Мухаметшин, Н.М. Асратян, И.В. Корнилова, Р.М. Галиев [2]; Н.М. Морозов [8]; Н.И. Смоленский [12]; В.Ф. Маслов [7]; Р.И. Соколова [13]; В.Н. Шевченко [14]).

В-третьих, в основу нашего исследования легли работы, в которых исследуются методологические возможности синтеза цивилизационного и формационного подходов (А.Я. Щукина, А.Н. Васильев, Я.В. Орлов [15]; В.В. Корякин [5]; В.В. Маркин [6]; Н.Г. Пряхин [10]; Р.И. Соколова [13]; А.В. Ильина [3]).

Для исследования выбранной темы использовались такие методы, как философско-культурологический анализ, восхождение от абстрактного к конкретному, компаративистский, диалектический, цивилизационный, формационный, системный подходы. Данные методы и подходы позволили доказать состоятельность синтеза цивилизационного и формационного подходов к исследованию феномена науки в культуре и цивилизации.

Практическая значимость статьи состоит в том, что результаты исследования могут использоваться в преподавательской деятельности при чтении курсов, посвящённых философским аспектам науки, культуры и общества.

Результаты и их обсуждение

Проблема соотношения цивилизационного и формационного подходов в российской науке приобрела особую актуальность в 90-х годах XX века [12, с. 26]. Для анализа феномена науки в культуре и цивилизации сначала необходимо выявить преимущества и недостатки обоих подходов.

Преимущества формационного подхода к исследованию феномена науки в культуре и цивилизации состоят в следующем:

1. Формируется ясное и четкое понимание будущего развития науки. Формационный подход показывает способы и цели развития науки исходя из её настоящего и прошлого исторического развития.

2. Устанавливается взаимосвязь между развитием науки и производственными отношениями. Формационный подход раскрывает степень их влияния на науку.

3. Определяется влияние экономики на научные открытия и на будущее развитие науки. Формационный подход показывает, как наука зависит от экономических факторов

и получает финансовые средства для своего развития. В свою очередь, научные открытия и технические изобретения стимулируют развитие экономики.

4. Обозначается влияние классовой структуры общества на развитие научных исследований. Формационный подход помогает выявить положительное или отрицательное влияние различных социальных классов на развитие науки.

5. Раскрывается влияние социально-экономических формаций на научный прогресс. В каждой социально-экономической формации наука имеет определённые материальные и духовные условия для своего развития.

6. Учитывая настоящее состояние и прошлую историю развития науки, формационный подход позволяет прогнозировать сценарии её будущего развития.

7. Анализируется взаимосвязь между технологическим прогрессом и научными открытиями. Формационный подход показывает зависимость научных открытий от научных технологий и их использования в научном познании. В свою очередь появление новых научных технологий зависит от успешности научных открытий.

8. Осуществляется систематизация научных достижений по историческим эпохам (социально-экономическим формациям).

9. Выявляются исторические закономерности в развитии различных наук и научных направлений.

10. Раскрываются социально-экономические причины научных революций.

11. Исследуется классовая структура научного сообщества.

Таким образом, формационный подход к познанию науки позволяет выявить социальные и экономические аспекты, а также определить материальные условия её развития в целом.

К недостаткам формационного подхода относится, во-первых, его абстрактный логицизм, не позволяющий увидеть уникальные особенности развития науки в конкретном культурно-цивилизационном образовании.

Во-вторых, упрощённый взгляд формационного подхода на духовную жизнь человека, приуменьшение зависимости материального производства от духовных факторов, преувеличение роли классовой борьбы, игнорирование культурного своеобразия и многообразия народов, причин их неравномерного развития, умаление роли личности в истории [2, с. 89]. Примером является применение формационного подхода к познанию истории, где утверждалась исключительность линейного развития; абсолютизировалась экономическая составляющая истории; принижалось значение социально-психологического аспекта, к которому относится менталитет [4, с. 232].

В-третьих, формационный подход является продуктом европейской науки и поэтому может быть применим только к исследованию западной цивилизации. По отношению к незападным цивилизациям данный подход непригоден, поскольку формы развития в них не соответствуют логике пяти формаций. На это указывал и сам основатель формационного подхода — К. Маркс. Для решения данного вопроса он выдвинул проблему азиатского способа производства, но не решил её [6, с. 136].

Формационный подход, начинающий анализ с экономического аспекта, пригоден только для исследования западной цивилизации, поскольку в незападных цивилизациях преобладает духовно-политический фактор (религия и власть), к которым понятие прогресса в экономическом смысле не применимо. Поэтому традиционное общество незападных цивилизаций никогда не переходило ни в рабовладение, ни в феодализм, ни в капитализм [7, с. 42].

В-четвёртых, недостатком формационного подхода является его линейность (стадиальность), не предполагающая многовариантности развития всего человечества [1, с. 133].

К достоинствам формационного подхода относится его масштабный характер, позволяющий выявить и установить взаимосвязь универсальных тенденций эволюционно-исторического процесса развития государственности в контексте исторической преемственности [11, с. 949].

Второй подход к исследованию феномена науки в культуре и цивилизации — цивилизационный. Он имеет разнообразную методологию исследования и включает в себя различные направления. Но несмотря на имеющееся разнообразие методологии исследования, все представители цивилизационного подхода сходятся в том, что любая цивилизация име-

ет уникальные социокультурные, духовные и ценностно-мировоззренческие основания.

Цивилизационный подход к исследованию феномена науки в культуре и цивилизации имеет следующие важные преимущества:

1. Определяется культурный контекст научных достижений. Цивилизационный подход позволяет рассматривать научные достижения и научное развитие в рамках конкретного культурно-исторического контекста. Данный контекст помогает понять, как культурные особенности, ценности и традиции влияют на формирование научных идей и методов.

2. Цивилизационный подход выявляет взаимосвязь между наукой и культурой. Это позволяет понять, каким образом социокультурные и духовные факторы влияют на научные исследования, а также помогает выяснить, как научные достижения влияют на общество и культуру.

3. Сравнение различных цивилизаций помогает выявить уникальные особенности научных традиций, которые становятся незаметными при более универсальном подходе. Это позволяет лучше понять разнообразие подходов к науке в различных культурных контекстах.

4. Цивилизационный подход учитывает исторические и географические особенности развития науки, например, такие как влияние торговых путей, колонизации, войн и других событий на обмен знаниями и технологиями между различными цивилизациями.

5. Исследуется эволюция научных парадигм в контексте определённых цивилизаций. Это позволяет лучше понять, как меняются научные парадигмы, теории и методы под влиянием социокультурных, духовных и ценностно-мировоззренческих факторов.

6. Цивилизационный подход основывается на интеграции различных наук, что позволяет получить более полноценное и многомерное представление о развитии самой науки как таковой.

7. Данный подход помогает критически оценить идею универсальности научных достижений, показывая, как социокультурные и духовные условия формируют научные теории, понимаемые как универсальные.

8. Цивилизационный подход обогащает понимание развития науки, выявляя её сложность, многообразие и взаимосвязь с социокультурными, духовными и ценностно-мировоззренческими аспектами.

Необходимо указать на методологическую особенность цивилизационного подхода, которая состоит в том, что он не может быть ограничен конкретной предметной областью, поскольку основные контуры природы изучаемого объекта являются многомерными, как в онтологическом, так и в институциональном аспектах [8, с. 228].

Недостатки цивилизационного подхода состоят, во-первых, в том, что он не может объяснить причины и механизмы перехода от одной фазы цивилизационного развития к другой [6, с. 138].

Во-вторых, в данном подходе присутствует акцент на культурной проблематике и недооцениваются многие другие факторы, определяющие политику и жизнедеятельность страны [13, с. 13].

В-третьих, цивилизационный подход имеет аморфные критерии выделения типов цивилизации. В результате различные сторонники цивилизационного подхода называют разное число основных типов цивилизаций. Например, Н.Я. Данилевский выделял тринадцать типов цивилизаций, О. Шпенглер — восемь типов, А. Тойнби — двадцать шесть [9, с. 33].

В-четвёртых, рассматриваемый подход отрицает прогресс в развитии общества, либо подчеркивает его однородность [9, с. 33].

В-пятых, цивилизационный подход допускает «упрощенное» истолкование, которое может стать основой для опасных идеологий [9, с. 33].

Рассмотренные достоинства и недостатки цивилизационного и формационного подходов приводят к пониманию того, что предлагаемое многими современными авторами применение данных подходов в их отдельности не позволяет полноценно исследовать феномен науки в культуре и цивилизации. Поэтому становится необходим их синтез, который позволит более полноценно, системно и комплексно исследовать феномен науки, учитывая все его материальные и духовные аспекты в культуре и цивилизации.

О методологических возможностях синтеза цивилизационного и формационного подходов высказывались многие отечественные философы.

Например, В.В. Корякин считал, что синтез данных подходов может быть осуществлён только как эклектическое смешение их положений и базовых принципов, которое приведёт к их вырождению и выхолащиванию [5, с. 346].

По нашему мнению, синтез цивилизационного и формационного подходов должен основываться не на их эклектическом смешении, а на их диалектическом взаимодополнении. Диалектический синтез цивилизационного и формационного подходов должен пониматься как качественно новый, более совершенный диалектический уровень развития исследования феномена науки в культуре и цивилизации. На данном уровне учитываются все преимущества обоих подходов и устраняются их недостатки.

В.В. Маркин одной из предпосылок синтеза формационного и цивилизаионного подходов считал спиралевидный, а не линейно-стадиальный характер формационной теории общественного развития. Её польза для цивилизационной теории состоит в том, что она указывает на единство развития мировой совокупности цивилизаций как целостной системы [6, с. 137]. В основе синтеза цивилизационного и формационного подходов должен лежать принцип соответствия. Согласно этому принципу «старая теория не отрицается полностью, поскольку она обязательно чему-то соответствует в теории новой, представляет её частный, предельный случай» [6, с. 138].

Необходимо отметить, что предлагаемый В.В. Маркиным принцип соответствия вполне согласуется с диалектической взаимодополнительностью цивилизационного и формационного подходов, поскольку каждый новый диалектический уровень развития предполагает сохранение всего положительного, что было на предыдущем уровне. Поэтому диалектический синтез цивилизационного и формационного подходов, понимаемый как качественно новый, более совершенный диалектический уровень развития исследования феномена науки в культуре и цивилизации, позволяет сохранять и учитывать все преимущества обоих подходов и устранять их недостатки.

Н.Г. Пряхин и Н.А. Иванченко указывали на сложность решения проблемы синтеза формационного и цивилизационного подходов по причине отсутствия ясного и однозначного толкования понятий «цивилизация» и «культура», а также единого понимания способности цивилизационных концепций объективно отражать реальность [10, с. 161].

В.Ф. Маслов считал цивилизационный подход наиболее адекватно отражающим реальный исторический процесс, который должен заменить устаревшую формационную теорию [7, с. 46].

По-нашему мнению, формационный подход сегодня сохранил свою научную ценность, но в отдельном его применении к исследованию культурных феноменов он даёт однобокий, не имеющий полноты и целостности результат. Поэтому для исследования феномена науки в культуре и цивилизации становится необходимым диалектический синтез цивилизационного и формационного подходов, основанный на их диалектическом взаимодополнении.

В современной научной литературе присутствуют и такие точки зрения, которые для полноты и целостности результата предлагают усовершенствовать формационный или цивилизационный подходы в их отдельности. Так, например, Р.И. Соколова для достижения полноты и институциональной многогранности изучаемого объекта предлагает отказаться от крайностей формационного подхода при использовании его положительных аспектов. При таком подходе появляется возможность исследовать экономические отношения в единстве общего и отдельного, учитывая цивилизационные особенности, социокультурные, духовно-этические константы, принимая во внимание соотношение объективных и субъективных факторов [13, с. 18].

Необходимо отметить, что усовершенствованный сам по себе формационный подход, учитывающий цивилизационные особенности, социокультурные и духовно-этические константы, уже не является формационным подходом, а представляет собой именно синтез формационного и цивилизационного подходов. Также и цивилизационный подход, дополненный элементами формационного, представляет собой синтез того и другого.

Оценивая состояние современной науки и цивилизации, В.Н. Шевченко отмечает необходимость обновления устаревшей клас-

сической методологии и создания постклассических парадигм и методологий [14, с. 77]. В связи с этим, по нашему мнению, диалектический синтез формационного и цивилизационного подходов может стать новым методологическим основанием для постклассической методологии, которая придёт на смену устаревшей классической методологии, основывавшейся на формационном подходе.

Рассуждая о синтезе цивилизационного и формационного подходов, А.Я. Щукина, А.Н. Васильев и Я.В. Орлов отмечали способность цивилизационного подхода заменить формационный. Для этого цивилизационный подход должен приобрести стройность и логичность формационного, превратившись в субординированную систему: «Только тогда указанная система сможет показать закономерности смены одной цивилизации другой, а следовательно, исторически и логически объяснить восхождение человеческого общества от первобытного стада до современного его состояния» [15, с. 109].

Необходимо отметить, что в синтезе цивилизационного и формационного подходов не должно быть замены одного другим. Важно их равноценное сохранение в диалектическом взаимодополнении, где на каждом новом диалектическом уровне развития исследования сохраняются и учитываются все преимущества обоих подходов и устраняются их недостатки.

А.В. Ильина изучение исторического процесса в формационном и цивилизационном аспектах считала возможным в рамках рассмотрения взаимосвязи всех измерений (стадиальности, многолинейности, цивилизационной дискретности) социального бытия [3, с. 145]. По её мнению, «Сочетание формационного подхода и цивилизационного анализа позволяет представить цивилизацию стадией и локальным вариантом эволюционного процесса человеческого общества» [3, с. 147].

На наш взгляд, данная интерпретация представляет собой наиболее оптимальный вариант синтеза цивилизационного и формационного подходов к исследованию феномена науки, поскольку учитывает взаимосвязь всех аспектов социального бытия, определяющих состояние науки в современной культуре и цивилизации.

Заключение

Таким образом, проведённый нами философско-культурологический анализ показывает, что для полноценного исследования феномена науки в культуре и цивилизации необходим диалектический синтез цивилизационного и формационного подходов. Данный синтез обеспечивает более полный, целостный, системный и комплексный подход к исследованию феномена науки, учитывая все его материальные, духовные и социокультурные аспекты в их взаимосвязи. Предлагаемое многими современными авторами применение формационного или цивилизационного подходов в их отдельности не позволяет полноценно исследовать науку как культурный феномен.

Диалектический синтез цивилизационного и формационного подходов должен пониматься как качественно новый, более совершенный диалектический уровень развития исследования феномена науки в культуре и цивилизации. На этом уровне учитываются все преимущества обоих подходов и устраняются их недостатки. Диалектический синтез данных подходов также позволяет выявлять сущность и специфику науки на различных исторических этапах её развития в традиционных и техногенных цивилизациях, что становится актуальным в контексте современных мировых событий.

Литература:

1. Гадельшина А.И. Формационный подход как методология анализа социального развития // Современные проблемы науки и образования. — 2011. — №5. — С. 133.

2. Галиакберова А.А., Мухаметшин А.Г., Асратян Н.М., Корнилова И.В., Галиев Р.М. Категории и методология цивилизационного подхода в современном философско-историческом дискурсе // Исторический бюллетень. — 2023. — Т. 6, №2. — С. 88–95.

3. Ильина А.В. Территория: от формационного подхода к цивилизационному анализу // Личность. Культура. Общество. — 2015. — Т. 17, Вып. 1–2 (№85–86). — С. 144–149.

4. Ипполитов Г.М. Формационный подход к познанию истории: исчерпан ли его потенциал? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11, №6. — С. 231–239.

5. Корякин В.В. Цивилизационный и формационный подход к истории: возможен ли синтез? // Личность. Культура. Общество. — 2009. — Т. XI, Вып. 3 (№50). — С. 341–348.

6. Маркин В.В. Проблемы методологии исследования общественно-исторического процесса: формационный и цивилизационный подход // Образ человека в историко-философском познании. Сборник трудов лаборатории «Философия человека и образования» и кафедры философии БГПУ / под ред. В.В. Маркина. — Барнаул, 2001. — С. 134–138.

7. Маслов В.Ф. Цивилизационный подход к историческому процессу // Вопросы философии. — 2010. — №7. — С. 40–46.

8. Морозов Н.М. О поиске принципов цивилизационного подхода (по материалам отечественной историографии конца XX — начала XXI вв.) // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. — 2012. — №7(126), Вып. 22. — С. 228–235.

9. Петунин О.В. Цивилизационный подход как методологический инструмент исследования педагогических процессов // Социально-философские аспекты науки и образования. — 2024. — №2. — С. 30–38.

10. Пряхин Н.Г., Иванченко Н.А. Методологии познания истории: нужно ли дополнять формационный подход цивилизационным? // Субъективное и объективное в историческом процессе: сб. ст. Международной научной конференции. Серия «Социально-гуманитарные исследования учёных Донбасса» / отв. ред. Т. Э. Рагозина. — 2017. — С. 159–164.

11. Рябченко А.Г. Формационный и цивилизационный подходы к типологии государства: к проблеме соотношения // Точки научного роста: на старте десятилетия науки и технологии: сб. ст. Ежегод. науч.-практич. конф. преподавателей по итогам НИР за 2022 г. / отв. ред. А. Г. Кощаев. — Краснодар, 2023. — С. 948–950.

12. Смоленский Н.И. Проблема цивилизационного подхода в научном наследии И. Д. Ковальченко // Вестник РУДН. — 2011. — №4. — С. 26–39.

13. Соколова Р.И. Цивилизационный подход и необходимость его дополнения в новых исторических условиях // Философские науки. — 2020. — Т. 63, №2. — С. 7–26.

14. Шевченко В.Н. Цивилизация и общество как категории социальной философии // Проблемы цивилизационного развития. — 2021. — Т. 3, №1. — С. 57–80.

15. Щукина А.Я., Васильев А.Н., Орлов Я.В. Формационный и цивилизационный подход к социально-экономическому развитию: общее понимание и их соотношение // Вестник волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2011. — №23. — С. 106–109.

SPIRITUAL SECURITY AS A SOCIAL PHENOMENON FROM THE PERSPECTIVE OF THE CLASSICAL TRANSCENDENTAL APPROACH

Bikmetov Evgeniy Yurevich, *DSc of Sociology, Professor*

Lukyanov Arkadiy Viktorovich, *DSc of Philosophy, Professor*

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Rebublic of Bashkortostan

Stepanov Vladimir Andreevich, *Postgraduate student, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Rebublic of Bashkortostan*

This article presents a socio-philosophical analysis of the spiritual security of individuals and society based on classical transcendental methodology. Currently, the functional space of the transcendental "I" is expanding, encompassing existential security and the cultural and communicative space-time of forces aimed at preserving and reproducing society, preventing the expansion of technocratic tendencies associated with the specifics of the subject's activity in a complex and flexible existence. When the spiritual and energetic rhythm of individuals and society slows, essential forces (love, hope for a more just world, moral will) are lost. The scientific novelty lies in examining spiritual security as a social phenomenon that is only completed in a metaphysical sense when it has achieved an understanding of social processes. Social security is linked to spiritual impulses that define a social phenomenon, which is completed in the direction of moral development when it has fully realized itself, i.e., achieved a certain form of understanding of social processes.

Keywords: *spiritual safeguarding; transcendental approach; I. Kant and J.G. Fichte; existential safety and the communicative spatio-temporal realm; cultural and spiritual impulses of modern society.*

EDN: AOTRDU ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.3***

Цитировать: *Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Степанов В.А. Духовная безопасность как социальное явление с позиции классического трансцендентального подхода // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 19-23. EDN: AOTRDU. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.3*

Духовная безопасность как социальное явление с позиции классического трансцендентального подхода

УДК 130.2
5.7.7

В статье представлен социально-философский анализ духовной безопасности человека и общества на основе классической трансцендентальной методологии. В настоящее время происходит расширение функционального пространства трансцендентального «Я», которое включает в себя безопасность экзистенции и культурного, коммуникативного пространства-времени действия сил, направленных на сохранение и воспроизводство социума, предотвращение экспансии технократических тенденций, связанных с особенностями деятельности субъекта в сложном и эластичном бытии. Когда замедляется духовный, энергетический ритм человека и социума, то утрачиваются сущностные силы (любовь, надежда на более справедливый мир, нравственная воля). Научная новизна заключается в рассмотрении духовной безопасности как социального явления, которое лишь тогда завершается в метафизическом плане, когда достигло понимания общественных процессов. Безопасность социума связана с духовными импульсами, определяющими социальное явление, которое завершается в направлении становления нравственности, когда себя полностью осознало, т.е. достигло определенной формы понимания общественных процессов.

Ключевые слова: *духовная безопасность; трансцендентальный подход; И. Кант и И.Г. Фихте; безопасность экзистенции и коммуникативное пространство-время; культурные и духовные импульсы современного общества.*

© Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Степанов В.А., 2026

БИКМЕТОВ Евгений Юрьевич, *доктор социологических наук, профессор*

ЛУКЬЯНОВ Аркадий Викторович, *доктор философских наук, профессор*

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Республика Башкортостан

СТЕПАНОВ Владимир Андреевич, *аспирант, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Республика Башкортостан*

Введение

Актуальность исследования духовной безопасности связана с воспроизводством культурных импульсов социальной жизни. Необходимость познания этой связи создает теоретические предпосылки увеличения душевного и духовного благополучия людей, раскрытия процесса самоутверждения человека в мироздании. Целью исследования выступает обоснование духовной безопасности как социального явления, которое способствует утверждению сущностных сил и культурных универсалий, направленных на сохранение функционального пространства-времени, и в конечном счете на воспроизводство социума. Задачами данной работы являются: 1) раскрытие духовной безопасности как реальной ценности современного общества, находящегося на этапе трансформаций; 2) рассмотрение процесса расширения функционального пространства «трансцендентального субъекта»; 3) анализ духовной безопасности как определенной формы понимания социальных процессов.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении духовной безопасности как социального явления, которое лишь тогда завершается в метафизическом плане, когда достигло понимания общественных процессов.

Духовная безопасность присуща всем сферам общественного бытия, пронизывает общественные отношения. Сущность и социально-философское содержание этого феномена позиции различных методологических подходов раскрываются в ряде работ современных отечественных ученых. Духовная безопасность рассматривается как вид национальной безопасности, состояние защищенности духовной сферы [8]; связана с сохранением базовых идейно-мировоззренческих ориентиров, нравственных норм, патриотических убеждений, исторической памяти, национальной идентичности [7]; анализируется в границах культурно-цивилизационного развития, где ключевой характеристикой рассматриваемого явления выступает ценностно-смысловая составляющая [6]. Обеспечение духовной безопасности направлено на защиту позитивной духовности [11].

Дискуссии и обсуждение

Духовная безопасность связана с достижением гармонии «духа» и «системы» социальной философии. Дух общества не должен противостоять системному рассмотрению современных процессов. Данный тезис сопряжен с осмыслением «трансцендентального субъекта» у И. Канта и И.Г. Фихте. Если Кант отрицает «интеллектуальное созерцание», т.е. не смешивает Божественное и человеческое, то Фихте исходит из Абсолютного разума, тем самым снижая уровень духовной безопасности. Ведь проекция духовного и морального на все сферы общественной жизни постоянно воспроизводит дух морализаторства, делая жизнь человека хрупкой и эластичной.

Соотношение понятий «духа» и «системы» проанализировано в работах Г. Гирндта, М. Ивальдо, А.В. Лукьянова [16; 17; 18]. В этих исследованиях показано, что «дело-действие» (Фихте) обозначает энергию деятельности, которая составляет основу самосознания. Фихте видимо осознавал, что стремление встать на точку зрения универсального сознания чревато размежеванием с идеей конкретного познания духа, духовного действия. Но духовная безопасность человека и общества размывается, если исчезает духовная субстанция как чисто идеальное понятие.

Когда человек рассуждает о духовном, оно предстает как некая природа, элемент окружающего мира. Но эти рассуждения не спасают от опасного для человека существования. Он не может стать Богом, т.е. реализовать свои сущностные силы как ему может показаться желательным. Перед ним всегда встает вопрос, а что в духовном, нравственном мире возникает первым? Ведь духовный элемент тесно взаимодействует с материальным.

Ничего невозможно помыслить до обретения самосознания. Для того, чтобы осознать эластичность мира, человек должен понять абсолютный субъект, который связан с историческим субстратом. От самосознания в принципе невозможно отвлечься [9, с. 74]. Для возникновения и развития самосознания были определенные условия. Одно из них — наличие общества, в котором индивидуумы взаимодействуют посредством свободы. Многие относятся к этому как к идеалу и будут предлагать эмпирические средства для его достижения. Но трансцендентальная или «критическая» философия утверждает способ, посредством которого оценивается практика создания совершенного общества.

Этот способ, видимо, дан до всякого опыта и апеллирует непосредственно к разуму. Именно разум, как полагает Фихте, может внести порядок в хаос исторических опытов [3, с. 98]. Разум усиливает безопасность общества перед стихийными, непреднамеренными силами, которые сегодня властно вторгаются в жизнь человека.

Эти мысли Фихте в настоящее время сохраняют свою актуальность. Невозможно абстрагироваться от духовного фактора и духовно-практических чувств, универсалий культуры (любви, надежды на более справедливый мир, нравственной воли). Продуктивно-нравственное побуждение выражается в стремлении субъекта к формированию природы и общества. Но социальная действительность часто оказывается иной, чем она есть. Следовательно, она должна быть произведена, сконструирована. Но деятельность — это трансцендентальная деятельность. Фихте, как и Кант, имеет в виду трансцендентальное «Я», которое выступает в качестве условия существования индивидуума.

В «критической» философии Канта граница между трансцендентальным (универсальным) и эмпирическим «Я» очерчена достаточно резко. Поэтому и идея духовного приобретает более определенный, чем у Фихте, характер. Кант не выдает свой идеализм за решение проблемы соотношения души и тела. Он лишь указывает на то обстоятельство, что единство души и тела покоится на «неизвестной нам основе» или на «неизвестном субъекте» [4, с. 128]. Тем самым Кант оставляет пространство эластичности и безопасного существования, точнее выражаясь, концепцию духовного другим исследователям, которые не стремятся выдать ее за решение проблемы духовного бытия. В отличие от Фихте, Кант представляет духовное как «трансцендентальное единство апперцепции». В результате всего этого «духовное» предстает в виде всепоглощающего резервуара, в который погружается все бытие, все объекты, в том числе и «душа» человека. Согласно Фихте, человек более не состоит из души и тела как из двух кусков, а есть синтез внутреннего и внешнего созерцания», а это создается «мышлением [12, s. 604, 611].

Человек часто наблюдает себя в «зеркале», но не видит целиком. Только мышление позволяет ему увидеть себя полностью. Зеркало, как замечает Ж. Бодрийяр, позволяет осознать горизонт исследования. Люди готовы следы исчезновения культуры принять за идею сотворения истории. Ведь мы заняты фабрикацией предыстории эпохи, о которой будет даже нечего вспомнить [2, с. 57]. Мы больше не знаем, что делать с реальным миром. Перед нами возникает технологический простой реального воплощения идеи в социальную реальность. Но мы далеко ушли от идеи сотворения истории. Мы заняты фабрикацией предыстории эпохи, о которой трудно что-либо вспомнить. В далекие времена мир зеркал и мир людей не были разобщены [2, с. 166]. Но безопасность стала разрушаться, когда зеркальное и человеческое отдалились друг от друга. Вместе с тем сегодня зеркальный мир постепенно заполняет социальное пространство. Он лишает людей силы, которая противостоит стеклянным и металлическим преградам. Чисто технический мир отнимает творческие силы у человека, властвует над его духовными возможностями.

Когда человек просто отражает мир, то, по крайней мере, исчезает его душа как «Я» в созерцании внешнего и внутреннего. Человек перестает выступать как некое орудие в понятии. Однако человек не просто отражает мир, но и творит его. Отсутствие этой творческой продуктивности порождает далеко не гибкую эластичность и конфликтность с миром, который мозаичен и имеет целое множество измерений: социальное, духовное, культурное, политическое и нравственное.

Фихтевское решение проблемы духовного имеет отношение к идее Абсолютного «Я». Причем это абсолютное отлично от кантовского понимания «трансцендентального субъекта». В фихтевской философии «трансцендентальное» есть особая духовная монада или «сознание вообще», объединяющее тело и душу, внешний и внутренний опыт. Но в таком случае эта претензия на значимость оказывается хрупкой и уязвимой. Трудно связать все индивидуальные, духовные «Я» бесконечной нравственной волей. Поэтому духовная безопасность состыкуется с нравственной философий Канта, которая рассматривает человека как конечную цель развития. И дело здесь состоит не только в этом. Кант, видимо, рассматривал функциональное пространство

трансцендентального «Я», которое включает в себя защиту безопасности экзистенции. В философии Канта соседствуют тезис и антитезис. Причем тезис означает начало «позитивной» или «положительной» философии, а антитезис есть начало логической или «негативной» философии.

В «Критической философии» Канта сосуществуют эти две тенденции. Но мы полагаем, что начало «негативной», логической философии есть начало «положительной» или экзистенциальной системы. Мысль, достигшая наивысшего напряжения, заболевает тоской по лучшему миру, где человеку небезопасно и уютно. Таким образом, философия Канта гармонизирует сущность и существование, дух философствования и его систему.

Чтобы безопасность времени и пространства не нарушалась, время необходимо расположить впереди пространства. Духовное связано со способностью к отвлечению, абстрагированию. Если отсутствует данная способность, то и безопасное существование разрушается. Если мышление становится невостребованным обществом, то исчезают духовные импульсы, которые выступают источником и регулятором социальности.

В сочинении «О духе и букве в философии» Фихте обращает внимание на тот момент, что духовное произведение в состоянии оживить чувство к предмету [15, s. 273]. Именно определенность, точность мышления составляет критерий духовного. Духовная безопасность в этом плане составляет основание интеллектуальной и духовной деятельности.

Духовное, по мысли Фихте, — это то, «само содержание коего не допускает вмешательства чувств» [10, с. 721]. Долг человека состоит в том, чтобы не служить чувствам, пусть даже и самым высоким. Этот нравственный долг предполагает эластичность времени и пространства. Он располагается между высоким служением народу и тем, что требует возможности повседневного существования.

Необходимо заметить, что духовное можно анализировать на трех уровнях: уровне качественной характеристики свободы от мира вещей, уровне духа как «любви к дальнему», уровне сущностного понимания духовного.

Но духовная безопасность не соотносится с выявлением критериев ближнего и дальнего. В связи с этим можно указать на идею нравственного совершенствования человека, причем как на бесконечную задачу приближения к духовной субстанции самосознания.

Человек, чтобы не разрушилась его духовная и социальная безопасность, призван в ближнем любить дальнего, т.е. не игнорировать его перспективу. Эта творческая перспектива создает устойчивость развития человека и общества. Ведь главным качеством духовности выступает ее независимость от неопределенного материального начала. Это важно подчеркнуть, поскольку духовная, интеллектуальная деятельность чаще всего выступает как нечто определенное. Эта мысль направлена на сохранение социума от тех духовных сил, в основе которых лежит фактор воли, а следовательно, от технократических тенденций в неопределенном, подвижном и эластичном мире. Технократический дух понижает способность человеческого понимания и предпонимания [1, с. 121], ослабляет духовную защищенность.

Когда ослабевает энергетический импульс человека и социума, то сущностные силы размываются, и возникает факт отдаления их от безопасного существования. Однако духовное «Я», если не снимается в Абсолютном «Я», то приоткрывает путь к ситуации, когда любовь к ближнему оказывается соподчиненной любви к дальнему, еще не родившемуся человеку. Именно «абсолютное» начало, присутствующее в культуре, способствует единению людей. Данное единение выражено в нравственном законе, но данный закон связан с энергией деятельности. Мысль К. Маркса о морали как «бессилии в действии» [5, с. 219] есть определенная рефлексия над кантовской и фихтевской философией нравственности.

Фихте, который исходит из идеи «нравственного закона», очевидно, понимает, что никакие общие правила не могут обучить человека конкретным действиям в направлении какого-либо стремления к социальной справедливости. Именно здесь содержится мысль, что духовность невозможно свести к религиозности. Однако сила духовности не должна исчезать полностью, а безопасность общества и человека всегда нуждается в отсутствии бездуховности.

Духовная безопасность сопряжена с потенцией, которая является чем-то «общим для всех душ» [14, s. 275]. Но почему пафос

индивидуальности часто сливается с пафосом универсальности? Разве система многих «Я» уже перестает представлять собой особую категорию бытия? [13, s. 530].

Думается, что если индивидуум возможен лишь в системе многих «Я», то идея индивидуальности не исчерпывается существующим духовным порядком.

В заключение, можно привести следующие выводы.

1. Безопасность социума невозможна без духовных, энергетических импульсов, детерминирующих социальное и духовное явление, которое лишь в том случае завершается, когда себя полностью осознало, т.е. достигло формы понимания социальных процессов, осознания тенденций современного общества.

2. Высокая духовность состоит не в том, чтобы осознать «Лицо» в качестве единственного субъекта, способного положительно влиять на общественные процессы, а в том, чтобы выявить содержательно экзистенциальную целостность этого «Лица». «Лицо» характеризует универсальность изначального духовного чувства всего человеческого рода. В этом «Лице» как точке единства коммуникации всех «Я» олицетворены энергетические импульсы и потенции рода. В данном случае духовная безопасность становится ощутимой потребностью человечества.

Литература:

1. Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Пушкарёва М.А. Современное социально-гуманитарное знание: особенности понимания и предпонимания социокультурной ситуации // KANT. — 2023. — №2(47). — С. 118-121.

2. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление / заговор искусства / пер. с фр. А.В. Качалов. — М.: РИПОЛ классик, Панглосс, 2019. — 347 с.

3. Бур М., Иррлиц Г. Притязание разума. — М.: Прогресс, 1978. — 327 с.

4. Кант И. Иммануила Канта пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки / пер. с нем. В.С. Соловьева. — М.: Прогресс, VIA, 1993. — 236 с.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. — Т. 2. — М.: Политиздат, 1955. — С. 3-230.

6. Попов Е.А. Духовная безопасность в условиях современного культурно-цивилизационного развития // Социодинамика. — 2023. — №2. — С. 10-19

7. Родачин В.М. Философия безопасности: энциклопедический словарь категорий, понятий, концептов, идей. — СПб.: Наукоемкие технологии, 2024. — 160 с.

8. Тонконогов А.В. Духовная безопасность современного российского общества. — М.: РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, 2009. — 205 с.

9. Фихте И.Г. Избранные сочинения И.Г. Фихте. — Т. 1 / пер. с. нем. под ред. Е. Трубецкого. — М.: Путь, 1916. — 521 с.

10. Фихте И.Г. Сочинения: в 2 т. — Т. 2. — СПб.: Мифрил, 1993. — 798 с.

11. Чернова И.Б. Духовная безопасность как социокультурная ценность в современной России // Власть. — 2014. — №6. — С. 68-72.

12. Fichte J.G. Sämtliche Werke, hrsg. von I.H. Fichte. Bd. 2. — Berlin: Veit, 1845-1846.

13. Fichte J.G. Sämtliche Werke, hrsg. von I.H. Fichte. Bd. 5. — Berlin: Veit, 1845-1846.

14. Fichte J.G. Sämtliche Werke, hrsg. von I.H. Fichte. Bd. 6. — Berlin: Veit, 1845-1846.

15. Fichte J.G. Sämtliche Werke, hrsg. von I.H. Fichte. Bd. 8. — Berlin: Veit, 1845-1846.

16. Girndt H. Die Differenz des Ficnteschen und Hegelschen systems in der Hegelschen "Differenzschrift". — "Abhandlungen zeit Philosophie. Psychologie und Pädagogik". Bd. 30. — Bonn: Bouvier, 1965. — 165 s.

17. Ivaldo M. Transzendentale Interpersonalitätslehre in Grundzügen nach der Prinzipien der Wissenschaftslehre. In: Transzendental Philosophie als system. Die Enseinandersetzung zwischen 1794 und 1804. Gerausgegeben von Albert Mucs. — Hamburg: Meiner, 1989. — 564 s.

18. Lukjanow A.V. Die Beziehung zwischen Geist und System bei Fichte und Reinhold // Fichte-Studien, Bd. 10. — Amsterdam — New York, 2003. — S. 111-116.

THE INTERPRETATION OF THE "RUSSIAN IDEA" IN THE CULTURAL PHILOSOPHY OF G.P. FEDOTOV

Vvedensky Ilya Anatolyevich, *lecturer, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint Petersburg*

The article examines the thematization of the concept "Russian idea" in the cultural philosophy of G.P. Fedotov (1886-1951). The purpose of the work is to analyze the key ideas of G.P. Fedotov that form the author's content of the concept "Russian Idea". In accordance with this goal, the following tasks have been formulated: to show G.P. Fedotov's approach to the "Russian idea" at different stages of his work, to identify the ideological foundations of the thinker's views in the context of the history of the concept of the "Russian idea," to reconstruct the meaning-forming constants of the concept of the "Russian idea" in G. P. Fedotov's philosophy of culture, and to establish and analyze the key ideas of the thinker that form his unique representation of the "Russian idea." An analysis of G. P. Fedotov's texts revealed that he used both the term "Russian idea" and semantically similar phrases, such as "The Face of Russia," "The Idea of Russia," "The Russian National Idea," and "The Russian Cause." It is noteworthy that the development of this topic was driven by G. P. Fedotov's desire to actively serve his motherland, both through his teaching activities at the historiosophical seminars held since the late 1920s as part of the "Study of Russia" circle of the Russian Student is Christian Movement and through his political journalism. Of particular note is the disclosure of views on the "Russian idea" in the works of G.P. Fedotov dedicated to the creative legacy of N.A. Berdyaev and I.I. Fondaminsky, the analysis of which allowed him to clarify his own position on the "Russian idea." The study employs methods of reconstruction and explication within the framework of the hermeneutical approach and philosophical comparative studies, which allow for the identification of the specific features of G.P. Fedotov's ideas. The scientific novelty of the study is due to the implementation of a comprehensive approach to the study of the "Russian idea" in the cultural and philosophical interpretation of G.P. Fedotov in the context of Russian philosophy. The result of this study is the identification and clarification of the most significant ideas that are summarized in the concept of the "Russian idea" by G.P. Fedotov. The study demonstrates the ideological continuity of his views from F.M. Dostoevsky, which have transformed into an independent concept. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in teaching philosophical disciplines, as well as serving as a basis for research into the creative legacy of G.P. Fedotov.

Keywords: *Russian idea; philosophy of G.P. Fedotov; philosophy of culture; Russian philosophy; G.P. Fedotov; civilizational identity; face of Russia; national unity; Russian world.*

EDN: CGBAWC ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.4***

Цитировать: *Введенский И.А. Трактовка «русской идеи» в культурфилософии Г.П. Федотова // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 24-34. EDN: CGBAWC. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.4*

УДК 130.2
5.7.8

© Введенский И.А., 2026

ТРАКТОВКА «РУССКОЙ ИДЕИ» В КУЛЬТУРФИЛОСОФИИ Г.П. ФЕДОТОВА

В статье рассматривается тематизация концепта «русская идея» в культурфилософи Г.П. Федотова (1886-1951). Цель исследования состоит в анализе ключевых идей Г.П. Федотова, формирующих авторское содержание понятия «русская идея». В соответствии с данной целью поставлены следующие задачи — показать обращение Г.П. Федотова к теме «русской идеи» на разных этапах его творчества, определить идейные основы взглядов мыслителя в контексте истории концепта «русская идея», реконструировать смыслообразующие константы понятия «русская идея» в философии культуры Г.П. Федотова, установить и проанализировать ключевые идеи мыслителя, раскрывающие его самобытную репрезентацию «русской идеи». Анализ текстов Г.П. Федотова показал использование им как непосредственно термина «русская идея», так и семантически близких ему формулировок: «Лицо России», «Идея России», «Русская национальная идея», «Русское дело». Обращает на себя внимание, что разработка данной темы была продиктована желанием деятельного служения Отечеству как путем педагогической деятельности Г.П. Федотова на историософских семинарах, проводимых с конца 20-х годов в рамках работы кружка «Изучение России» Русского студенческого христианского движения, так и политической публицистикой. Отдельно заслуживает внимание раскрытие взглядов на «русскую идею» в работах Г.П. Федотова, посвящённых творческому

наследию Н.А. Бердяева и И.И. Фондаминского, анализ критических замечаний в которых позволил уточнить его собственную позицию в отношении «русской идеи». В процессе исследования применены методы: реконструкции и экспликации в рамках герменевтического подхода и философской компаративистики, позволяющие выявить специфику идей Г.П. Федотова. Научная новизна исследования обусловлена реализацией комплексного подхода к изучению «русской идеи» в культурфилосоской интерпретации Г.П. Федотова в контексте русской философии. Результатом данного исследования является выявление и уточнение наиболее существенных идей, обобщённых в концепт «русская идея» Г.П. Федотова. Показана идейная преемственность его взглядов от Ф.М. Достоевского, трансформировавшихся в самостоятельную концепцию. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в преподавании дисциплин философской направленности, а также послужить материалом для исследования творческого наследия Г.П. Федотова.

Ключевые слова: *русская идея; философия Г.П. Федотова; философия культуры; русская философия; Г.П. Федотов; цивилизационная идентичность; лицо России; национальное единство; русский мир.*

ВВЕДЕНСКИЙ Илья Анатольевич, *доцент кафедры, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург*
SPIN-код: 5210-2938
ORCID: 0000-0001-9104-3484

Введение

Укрепление национального единства является приоритетом государственной политики, о чем свидетельствует проведение в 2026 году в Российской Федерации Года единства народов России. Формирование мировоззрения единства и согласия российского общества в парадигме «русского мира» относится к первостепенным задачам не только образования, но и в целом современного российского гуманитарного знания. Необходимость философского осмысления проблемы идентичности на основе цивилизационного подхода стало острой необходимость настоящего момента [7]. Е.И. Наумова подчеркивает, что задача российского образования, в соответствии с принципом симфонизма, показать не только западные идеи и проекты понимания человека и общества, но и «русскую и западную идеи в их совместности, различии и равноправии». [10, с. 411]. Интерес современных исследователей к проблеме российской идентичности в контексте поиска ценностного ядра актуализировал обращение к русской философии, отдельной темой которой можно выделить концепт «русской идеи».

Современные исследователи, обращающиеся к данной теме, выделяют П.Я. Чаадаева, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, И.А. Ильина, В.В. Розанова, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Ф.М. Степуна, С.Л. Франка и др. [4; 8; 13]. Однако, в представленных в этих работах перечнях творцов «русской идеи» отсутствует мыслитель, историк, культуролог Г.П. Федотов. Для широкой аудитории «русская идея» в первую очередь связана с Н.А. Бердяевым. В целях настоящего исследование обращает на себя внимание рецепция идей Г.П. Федотова в первой главе «Русской идеи» Н.А. Бердяева. Необходимо отметить, что С.Л. Франк в своем письме к Г.П. Федотову дает следующую характеристику Георгию Петровичу: «Вы обрели этим право быть причисленным к очень небольшой группе подлинно честных, нравственно трезвых, независимо мыслящих русских умов, как Чаадаев, Вл. Соловьев…» [40, с. 414]. В то же время в современных исследованиях тема «русской идеи» в интерпретации Г.П. Федотова представлена недостаточно.

Среди последних исследований необходимо выделить монографии А.Н. Боханова [2], А.Ф. Киселева и А.В. Лубкова [11] в которых акцент делается на агиографических работах и исторической проблематике, С. Н. Кочерова и О.В. Парилова [14], в которой «русская идея» в интерпретации Г.П. Федетова носит религиозно-культурный характер и рассматривается в контексте русской мысли в скромном объёме. Таким образом, «русская идея», по

Г.П. Федотову, в настоящее время раскрыта современными исследованиями в недостаточной мере, что делает обращение к данной теме, востребованным и актуальным.

Результаты и обсуждения

Исследователь русской философии А.А. Тесля справедливо указывает на необходимость биографического элемента применительно именно к русской мысли XIX — первой половины XX вв., «что живёт она во многом в журнальной критике и публицистике, зачастую далека от академических форм, а в какие-то моменты даже оказывается по преимуществу обитающей в кружковых спорах» [19, с. 121]. В связи с этим, будет уместно выделить существенные события в жизни Георгия Петровича, связанные с осмыслением заявленной темы.

Знаменательной вехой в жизни Федотова стало участие в съезде Русского Студенческого Христианского Движения, проходившего с 18 июля по 24 июля 1927 года в Клермонте. Супруга Георгия Петровича в биографическом очерке, предваряющем первый том собрания сочинений мыслителя «Лицо России», отмечает, что «Со свойственной ему жертвенностью в общественных делах Г.П. входит в работу Движения» [20 с. 22]. Участие в съезде было судьбоносным для Федотова. На нем произошло знакомство с Е.Ю. Скобцовой (матерью Марией) в миру Е.Ю. Кузьминой-Караваевой и с И.И. Фондаминским, сотрудничество с которым во многом определило его творческую жизнь во Франции. В рамках настоящего исследования наибольший интерес представляет издание Г.П. Федотовым журнала «Новый Град» совместно с И.И. Фондаминским и Ф.А. Степуном, а также работа кружка «Изучение России», руководителем которого был Георгий Петрович, а секретарем являлась Е.Ю. Скобцова.

В недавно опубликованной статье, посвящённой деятельности РСХД, Е.Ю. Скобцова, отмечает, что к его работе удалось привлечь «лучшие силы русской религиозной мысли» [16, с. 295], среди которых в Париже она выделяет Богословский институт и Религиозно-философскую академию Бердяева, располагавшеюся в помещениях Движения по адресу Монпарнас, 10. Работа движения первоначально была построена на базе религиозных кружков. Совместно с религиозно-миссионерским и детско-юношеским направлением в структуре Движения обращает на себя внимание деятельность общего кружка по изучению России. В рамках его работы проводилось два семинара по изучению марксизма, возглавляемый Н.А. Бердяевым, и второй по русской историософии под руководством Г.П. Федотова [16, с. 296]. Во втором номере Вестника РСХД за 1928 год вышла статья Федотова «Изучение России», в которой он описывает работу кружка и приводящихся семинаров, определяя цель своей работы, он пишет: «Но наше изучение подчинено задачам деятельного служения. Идея России, которая опознается нами, должна определить путь нашего будущего служения ей» [24, с. 113]. В контексте проблематизации будущего знаковой является публикация «Будет ли существовать Россия?», вышедшая Вестнике РСХД №1-2 за 1929 год. Отмечая на нелепость этого вопроса для большинства, Г.П. Федотов в качестве опасного симптома выделяет «забвение имени России», замена его СССР или предложением некоторых политических течений альтернативных названий: «Союз народов восточной Европы» или «Евразией».

В качестве реальной опасности Г.П. Федотов выделяет нарастание сепаратистских устремлений, истоки которых он видит в партийной номенклатуре большевистского правительства «в рядах самой коммунистической партии складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России» [22, с. 128]. Обращает на себя внимание дальновидность Г.П. Федотова, указывающего, что Украина и Грузия, в лице их интеллигенции, рвутся к независимости, как и Азербайджан и Казахстан «тяготеют к азиатским центрам ислама». Георгий Петрович подчеркивает, что Россия до революции являлась величайшей империей Европы и Азии, распространившей свою волю и культуру на целый «этнографический материк», при этом почти для всех народов империи это стало «счастливой судьбой», дало возможность «приобщиться к всечеловеческой культуре, какой являлась культура русская» [22, с.128]. Учитывая государствообразующую роль великорусской народной основы, наибольшие опасения у него вызывает апатия национального чувства, во многом усугубившаяся в годы

революционного лихолетья. Но причина этого «омертвления» для Федотова кроется глубже — в отечественной истории. Он выделяет три главные силы, определявшие развитие России еще в период империи, первыми двумя из которых являлись интеллигенция и власть. Говоря об интеллигенции в данном контексте, Георгий Петрович выделяет в ней, во-первых, ее западническое крыло, для которого национальная идея была скомпрометирована связью с самодержавием. «Все национальное отзывалось реакцией, вызывало ассоциацию насилия или официальной лжи. Для целых поколений «патриот» было бранное слово» [22, с. 129]. Во-вторых, выступающие противоположностью западного крыла правые партии, нашедшие поддержку правительства, интерпретация национальной идеи которых утратила нравственную силу, приняла болезненные формы национализма. Было забыто творческое ее содержание. «Русская национальная идея, вдохновлявшая некогда Аксаковых, Киреевских, Достоевского, в последние десятилетия необычайно огрубела» — пишет Г.П. Федотов [22, с. 129]. Более подробно тема русской интеллигенции раскрыта Федотовым в статье «Трагедия интеллигенции», публикация которой во втором номере журнала «Версты» в 1926 года сразу принесла ему известность в эмигрантских кругах. Обращает на себя внимание определение Геогригия Петровича — «Русская интеллигенция «идейна» и «беспочвенна». «Беспочвенность есть отрыв: от быта, от национальной культуры, от национальной религии, от государства, от класса, от всех органически выросших социальных и духовных образований», — пишет Г.П. Федотов [32, с. 28]. Третья сила сам народ — основа империи, потеряв национальное сознание за годы революции, атомизировавшись, утратил «сознание нужности России». Именно по этой причине в качестве основной цели своих семинарских занятий по историософии в рамках кружка «Изучения России» Федотов ставит формирование нового национального сознания. По определению Федотова оно должно быть сложным — одновременно «великоросским — русским и российским». Федотов подчеркивает, что «Задача культурных работников, каждого русского в том, чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его «русскости») в сознание российское». [22, с.137]. Как отмечает исследовать относительно вопроса русского национального сознания в творчестве Федотова Ж. А. Гумерова: «Нация есть материя, которая должна быть одухотворена культурным содержанием» [5, с. 79].

Национальный вопрос, по мысли Федотова, станет ключевым для постбольшевисткой России. Весьма примечательно, что наиболее сложной в этом отношении проблемой он считал Украину, «от правильного решения ее зависит самое бытие России» [22, с. 135]. Георгий Петрович понимал, что чрезвычайно опасный процесс зарождения нового украинского сознания уже начался, но будущее его не определено и необходимо работать над тем, чтобы оно приобрело «особую форму русского самосознания» [22, с. 135] Для малороссов или украинцев, не утративших своей русскости, национальное сознание должно, по мнению Г.П. Федотова, получить следующий вид «малорусское, русское, российское». [22, с. 134]. Основные усилия следует направить на интеграцию «украинской культуры» в культуру русскую. «В борьбе с политическим самостийничеством, в обороне русской идеи и русского дела на Украине нельзя смешивать русское дело с великорусским и глушить ростки тоже русской (т. е. малорусской) культуры», — пишет Г.П. Федотов. [22, с. 136]. Предлагая дифференцированный подход реализации русской идеи, краеведческого углубления на севере и расширение и преодоления «великорусских форм» на юге.

Более подробна эта проблематика освещается Федотовым в начале тридцатых годов. В трех номерах журнала «Современные записки» за 1931 год, в котором выходят его статьи под общим названием «Проблемы будущей России», а в 1932 году на их основе в Париже издается книга «И есть, и будет». Раскрывая значение культуры в формировании нового национального сознания, особую роль он отводит интеллигенции, Федотов подчёркивает, что «Интеллигенция творит эти народы» [33, с. 153]. Рассматривая интеллигенцию в широком смысле, не ограничиваясь вершинами творческой деятельности, а принцип иерархичности культуры является для него определяющим, причисляя к ней как журналистов, так и школьных учителей, он обращает внимание на важнейшую роль школы и «газе-

ты», которые могут быть как проводниками разлагающей космополитической культуры, так и служить «культуре творческой, национальной». В этом смысли на русскую интеллигенцию должна лечь большая часть «общероссийской культурной работы». Г.П. Федотов убежден, что «национальная проблема России упирается в проблему культурную» [33, с.157]. Оценивая роль культуры как «живой творческой силы», основной задачей которой в послереволюционной России должно быть «выпрямление духовного вывиха нации», предлагалось создание «Лиги русской культуры», цель которой осуществлять «пропаганду русской идеи в массах» [33, с.185]. Постулируя необходимость свободы как условие развития культуры, это должен быть свободный союз с широкой идейной основой, поддерживаемый, но не возглавляемый государством. Лига должна будет вести деятельность по изучению России в различных направлениях от исторического и художественного до этнографического, служа воспитанию культурной национальной традиции [33, с. 186].

Необходимо обратить особое внимание на предостережение Г.П. Федотова, оно касается двух опасностей, угрожающих самому бытию России, это шовинизм, как со стороны малых народов, так и со стороны государствообразующего большинства. «Россия — не нация, но целый мир. Не разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет — как Россия» — вновь подчеркивает Г.П. Федотов. [22, с.137]. Существенным моментом для понимания культурфилософских идей Георгия Петровича является религиозная их направленность. Зарубежный исследователь К.Дж. Мьёр, соглашаясь с точкой зрения отечественного исследователя И.П. Смирнова [17] о перемещении размышлений о «русской идее» из метафизической и литературной сферы в область конкретно-исторического и культурологического анализа, акцентирует внимание на религиозном понимании культуры Федотовым [42, с. 26]. Действительно, культура связана у Федотова с ее божественным началом, ее истоком по Федотову является Св. Дух. В этом смысле, религиозная направленность его культурфилософии формирует и его социальные и политические основы. «Без внутреннего приобщения христианству невозможно никакое истолкование русской национальной идеи» — пишет Федотов [33, с. 177]. Но мыслитель подчеркивает, что для России «Не греческой, а русской Церкви было дано раскрыть смысл национальной идеи в православии». [29, с. 117] К.А. Костромин, и А.В. Петров, обращаясь к творческому наследию мыслителя по агиографии отмечают, что «свв. Борис и Глеб занимают одно из центральных мест, как ключевые фигуры, через которые понятны русская идея и культура» [12, с. 104]. Г.П. Федотов полагал, что святые Борис и Глеб принадлежат к особому национальному типу «кенотическому», сама их канонизация была инициативой не греческих митрополитов, но следствие почитания народа, ни как мучеников за веру, а как жертв братоубийственной междоусобицы [37, с. 95-96].

Равным образом с работой РХСД, значимым для Г.П. Федотова явилось учреждение с И.И. Фондаминским и Ф.А. Степуном журнала «Новый град», в котором Георгий Петрович стал соредактором. Раскрывая цели издания в Первом номере журнала, вышедшем в 1931 году, в редакторской статье отмечено, что «Мы хотим уловить образ подлинной — это не значит чистой и безгрешной — России, и определить основы, на которых должна сложиться ее историческая жизнь». [28, с. 132]. Среди авторов журнала помимо его основателей можно выделить: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, мать Марию (Е.Ю. Скобцову), П.М. Бицилли, Б.П. Вышлавцева, Ю.П. Иваска, В.В. Вейдле, М. Цветаеву и других. Для дела строительства «Нового града» предполагалось не только теоретическое переосмысление социализма, либерализма, демократии на платформе христианства, но формирование «ордена интеллигенции», готового к воплощению новых идей в рамках своей общественной работы в постсоветской России.

Среди публикаций журнала, посвящённых теме русской идеи, в первую очередь необходимо выделить размышления Ф.А. Степуна в статье «Идея России и форма ее раскрытия», напечатанной в журнале «Новый град» №8, 1934 г. Отвечая на анкету пореволюционного клуба, Степун проясняет свое отношение к термину идея, «я исхожу из понимания идеи как Божьего замысла о сущностях вещей, людей, времен и народов.» [18, с. 496]. Для него ясно, что русский народ имеет «великие

идеи» и «свою трудовую миссию». Наиболее существенным историческим аспектом идеи России является ее православная традиция, призванная прежде всего к «ревностному блюдению образа Христа и опыта христианства» [18, с. 497]. Избегая конкретизации, Степун дает следующее определение: «идея и миссия России заключается в том, чтобы стоять на страже религиозно-реальной идеи и всюду и везде, где только можно, вести борьбу против ее идеологических искажений» [18, с. 497].

Здесь необходимо выделить, что Степун разделяет идею как «Божий замысел о мире» и идеологию как «произвольными домыслами и выдумками о нем». Из этого постулата и вытекает требование быть на страже «религиозно-реальной идеи», и не отрываться от ее «живой конкретности». Для выполнения этого требования он говорит о необходимости обращения к историческому пути и распознаванию «лица России», идя от противоположности, выделяя коренное отличие Запада от России, в том, что для нее «высшей идея есть единство всех идей» [18, с. 497]. Размышляя о русской идее, в проекции на социальный и государственный уровни, ее реализации в постбольшевисткий период, Федор Августович считает необходимостью сохранять и развивать в себе «подлинную природу русской духовности и своеобразный стиль русской культуры». [18, с. 499] Обращает на себя внимание, что политическая форма «в которой наиболее легко будет удумать русскую жизнь согласно русской идее, мне на ближайшее после падения или низвержения большевиков время представляется республика с очень сильной президентской властью» [18, с. 500]

Ранее еще в работе «Проблемы будущей России», вышедшей в 1931 году, Г.П. Федотов развивает схожие идеи, более того он говорит о необходимости диктатуры с точки зрения разрешения «спутанного узла национальных проблем». «Русскому народу придется еще многие годы вести отчаянную борьбу за сохранение единства России. В этой борьбе победа возможна лишь при сохранении внутреннего единства нации», — пишет Федотов [33, с. 160] Вместе с тем, в конечном счете целью диктатуры в разных ее вариантах должно стать передача власти народу.

Определяя проекцию русской идеи в социально-хозяйственной плоскости, Ф.А. Степун настаивает на «создании того экономического избытка, который дал бы возможность обществу и государству пробудить и удовлетворить культурные потребности человека» [18, с. 501]. Постулируя расхождение идеи индивидуализма и русской религиозной идеи, Степун говорит о приближении новой эпохи — новой связи личности и коллектива. «Россия может и должна стать во главе этого мирового процесса, хозяйственный аспект которого мы называем социализмом. <…> Хозяйственной проекцией русской идеи должен быть потому признан социализм, а не капитализм» [18, с. 503].

В этом же номере первой идет статья Федотова «Основы христианской демократии». Представляется, что в свете идей Ф.А. Степуна вступительная статья Г.П. Федотова может быть полезна и в целях настоящего исследования. В ней Федотов обращает внимание на изменение отношения к социализму, если в XIX веке социализм был «пугалом» для христиан, то в веке XX веке их идейное объединение воспринимается с чрезвычайной легкость, «социализм есть блудный сын христианства» — констатирует Федотов [31, с. 238]. Более того, размышляя о будущем социализма в России, в более ранней работе Федотов пишет: «Достоевский был прав, говоря, что Церковь — это наш русский социализм, — прав, в смысле предвидения грядущего» [33, с. 193]. В отношении конвергенции социализма и христианства для Федотова проблематизируется вопрос свободы и демократии. По мысли Федотова эта задача решена положительно для протестантизма, являющегося «отцом современной свободы и демократии», католичество обладает предпосылками положительного решения, имея опыт средневековой борьбы с абсолютными монархиями, с падением которых современное католичество не оставляет попыток защищать свободу и демократию. В то же время, для православия свобода и демократия остается мучительной проблемой. «Пусть либеральная мысль XIX столетия — от Хомякова и до Соловьева — боролась за освоение этой идеи православием. <…> Достоевский, Победоносцев, Леонтьев, Розанов... Рядом с такими противниками демократии слишком бледными и хилыми ка-

жутся зачастую ее православные защитники», — констатирует Федотов [31, с. 239].

Следует принять во внимание, что на момент написания этой статьи Федотов констатировал крушение демократии в большей части европейского мира, речь идет о росте националистических авторитарных режимов, что ставит перед православным человеком трудную задачу ее защиты в рамках идейных традиций XIX века, которым оставались верны новоградцы. Опираясь на идею социального православия, Г.П. Федотов, отмечает, что «Наша принадлежность к восточной традиции христианства — для одних по исповеданию, для других по России и русской идее — создает необходимость ставить эту апологию на почву православной традиции». [31, с. 240]. Размышляя о путях, на которых эта апология возможна, Федотов говорит о еще несуществующей теории православного демократического государства, в качестве базы которой должна выступать теория православного царства. Уточняя свою мысль, он подчеркивает, что говоря о демократии, речь не идет о конкретном политическом строе XIX, а о «вечных началах» на которые опираются исторические формы демократии и могут строиться «неоформленные демократии будущего». Отвергая секуляризированные формы современных демократий, идеал христианского общежития Федотов полагал в растворение его в Царстве Божием. Этот эсхатологизм в политической плоскости должен состоять в сужении власти Кесаря. В этом смысле Федотов видит противоречие между отрицательным отношением к папскому началу православной церкви и догматизации монархии в государстве. Как возможное объяснение Федотов говорит о языческом корне царства, который церковь не смогла преобразовать на началах соборности, т.е. началах христианской демократии. «Идеал соборности есть организм любви — по образу идеального семейного или дружеского общения — где повинующиеся повинуются свободно, где властвующие не властвуют, но служат всем и находят основу своего служения в общем признании» — пишет Г.П. Федотов. [31, с. 246]. В.Я. Яновский в «Поля Елисейские: Книга памяти», содержащий воспоминания и размышления о Г.П. Федотове, отмечает: «К разряду редких явлений относилась также исповедуемая Федотовым идея демократии. Впервые в русской мысли православие сопрягалось, в идеале, с формальной демократией, доказывая этим на деле, что нет никаких канонических причин обязательно цепляться за кесаря, наместника или главу» [41, с. 52].

Однако для Георгия Петровича эта идея не могла казаться новой, более того ее практическую реализацию он видел в 500-летней истории Древнего Новгорода, непосредственно связанного с идеалом Святой Руси. Так, Г.П. Федотов полагал, что «оказалось возможным даже создание в Новгороде единственной в своем роде православной демократии» [36, с. 131] или в другой работе: «на русской земле создавались христианские демократии Новгорода, Пскова, Вятки». [31, с. 244] В этом отношении к монархии русская идея Федотова отличается от И.И. Фондаминского и Ф.М. Достоевского. Критически оценивая его работу «Пути России» Федотов отмечал, что «для него Московское Царство было высшим раскрытием русской идеи в прошлом, и самодержавие — политической верой русского народа». [25, с. 270] Необходимо уточнить, что данный труд Ильи Исидоровича Федотов атрибутировал как обращенный к прошлому, его кредо как политика он видел в строительстве Нового Града, а связанного с различением современных ему форм общественного устройства, необходимости их очищения в «горниле христианской правды и истории» и приближении искомого идеала. Говоря об отношении монархии и русской идеи у Федора Михайловича, его издание «Дневник писателя. 1881 год» содержит следующую мысль великого писателя: «Для народа царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований его» [6, с. 21]. В то же время, в своих размышлениях о причинах революций в России Федотов, выражая похожую точку зрения, констатировал, что «Единственной скрепой нации была идея царя — религиозная для одних, национальная для других» [23, с. 8]. «Падение царской идеи повлекло за собой падение идеи русской.» — отмечает Федотов в более ранней работе [22, с. 130]. Рассуждая о будущем государственном строе постбольшевисткой России Георгий Петрович, говорит о преимуществах монархической формы как для «построения Российского Союза», так и отмечая позитивную роль монархии

для русской культуры, как «центра кристаллизации культурного меньшинства». Вместе с тем, Федотов рассматривал монархию не как абстрактную форму, но через народ, как носителя монархического сознания, утратившего эту идею уже до революции. Вот почему мечты о монархии в XX веке обернутся вредной утопией. [33, с. 163]. Возвращаясь к идеи православной демократии, как уже было показано выше связанной для Г.П. Федотова с Новгородской республикой, обращает на себя внимание одна из последних статей Георгия Петровича «Республика Святой Софии», опубликованной в «Народной правде», №11–12 за 1950 г. Биограф мыслителя С.С. Бычков, подготовивший и издавший 12-томное сочинение, отмечает, что «эта работа — своеобразное завещание Федотова сегодняшней России» [3, с. 441]. Необходимо уточнить, что здесь нет отсылки к мистической Софии В.С. Соловьева или софиологии С.Н. Булгакова. Для Федотова это живой исторический опыт, более того Новгород для него «не курьезный нарост на русской жизни, но наиболее русское в ней явленье <…> «таившее в себе возможности будущего свободного и культурного развития» [35, с. 354] Эту мысль Федотова нельзя отнести исключительно к заключительному этапу его творчества. «Общественный строй Новгорода всего более приближался к теократии. <…> Его хозяйство, "дом Святой Софии", было не только церковным, но и государственным хозяйством; его войско, "владычный полк", составляло часть новгородской армии.» — пишет Г.П. Федотов в работе «Святые Древней Руси» (1931 г.) [38, с. 88]. Именно на нее ссылается Н.А. Бердяев в первой главе своей «Русской идеи» [1, с. 15], воспроизводя идеи Федотова о духовном опыте Росси. Н.П. Полторацкий в статье, посвященной Н. А. Бердяеву, говоря об оценке его взглядов и творчества русскими мыслителями, отмечает, что замечания Федотова «касаются не религиозных и общефилософских основ миросозерцания Бердяева, а главным образом его социальных, политических и историософских взглядов» [15, с. 202] при этом замечания Федотова по Русской идее он относит к историософским. В статье, посвящённой Г.П. Федотову Ю. Иваск, сравнивая творческое наследие Н.А. Бердяева и Федотова в контексте «русской идеи», подчеркивает ориентацию Бердяева в этой работе на «апокалиптиков и нигилистов», идеи которых непригодны для «живого конкретного строительства», а Федотов, основываясь на «голосе» истории, находит полезное для настоящего и будущего. «У Бердяева «Русская идея», а очерки Федотова о России я озаглавил бы «Русское Дело», которое еще не делается, и может только намечаться» — резюмирует Ю. Иваск [9, с. 353]. Сам Георгий Петрович критические оценивал «Русскую идею» Николая Александровича в статье «Н.А. Бердяев — мыслитель», опубликованной в «Новом журнале» №19 за 1948 год, «Ни Пушкин, ни почвенники, преемники московской традиции, не вошли в линию «Русской идеи» — пишет Федотов [21, с. 289].

В биографии Георгия Петровича обращает на себя внимание участие в кружке А.А. Мейера, возникший осенью 1917 года. Е.Федотова отмечает, что кружок нельзя было назвать чисто церковным, вопросы, обсуждаемые на нем, не носили чисто богословского или литургического характера, тем не менее в качестве общего направления можно обозначить «освещение современных событий в духе христианства» [20, с. 12]. В его рамках вышло два выпуска журнала «Свободные голоса», редактором которых был Федотов. В первом номере журнала за 1918 год было помещено небольшая статья-эссе Г.П. Федотова «Лицо России». В попытке духовного осмысления культурного и исторического своеобразия России, ставя вопрос: «где лицо России?», Г.П. Федотов констатирует, что оно и в поэмах Пушкина [26, с. 107]. Обращение к А.С. Пушкину проходит через все творчество Федотова. В конце тридцатых годов выходят две его статьи «Пушкин и освобождение России» (1937 г.), «Певец империи и свободы» (1937 г.), статья «О гуманизме Пушкина» (1949 г.) относится к заключительным его работам. Обращает на себя искренняя радость Георгия Петровича отмечающего, что «через 100 лет Пушкин дошел до народа» [34, с. 67]. Отмечая этот факт, Федотов приписывает это к единственному подлинному достижению революции, видя в этом «преодоление классового сознания». Размышляя об отсутствии Пушкина в «Русской идее» Бердяева, Федотов указывает на характер философствования Николая Александровича. «Враг всякой системы, не

верящий в возможность мысли, свободной от противоречий», — пишет Федотов [21, с. 283]. Совсем другим ему представляется мир Пушкина, в творчестве которого органично соединялись, казалось бы, противоположности. «Могло ли быть иначе при его цельности, при его укорененности во всеединстве, выражаясь языком ненавистной ему философии?» — отмечает Федотов [32, с. 130-131]. Размышляя о творческой личности Пушкина, Федотов выделяет два ее метафизических корня — свобода и Россия, раскрывавшаяся у него как в природном, народном аспектах, так и в государственном, имперском. Со смертью великого поэта Федотов связывает и разрыв в русском сознании империи и свободы. В статье «О гуманизме Пушкина», опубликованной в газете «Новое русское слово» 8 мая 1949 года, Федотов раскрывает его творчество формулой из четверых элементов «слава, свобода, искусство и любовь». Все это — различные аспекты пушкинского гуманизма, которому Федотов дает следующее его определение: «гуманизм есть культура человека как творческой личности. Это покроет все — от Петрарки до Бердяева». [30, с. 315-316]

Сам человек раскрывается у Федотова не в эгоистичной буржуазности, а в христианстве и социализме как нуждающийся в спасении, страдающий как «человек, создающий ценности — вот человек гуманизма». [30, с. 316]. Восприятие Г.П. Федотом фигуры Пушкина, его объединяющей основы, укорененности в народной почве одновременно с рецепцией европейской культуры, делает его основой и служит направляющем началом культурного развития. «В своем сознательном мире Пушкин всегда был западником, или, по Достоевскому, всечеловеком. В подсознании он воспринял от своего народа больше, чем кто-либо из его современников. Только это и позволило ему стать великим национальным поэтом не Московии, не Руси, но России. [30, с. 319]. И в этом отношение, в восприятии Пушкина Федотовым проявляет себя пророческое начало, подчеркнутое Ф.М. Достоевским в «Пушкинской речи».

В послевоенный период жизни Георгия Петровича акцент в его работах сместился в общечеловеческое, всемирное измерение. В этом ключе возникают космополитические трактовки его идей. Размышляя о будущем мироустройстве, он пишет, что «Единственно реальные границы народов — это понимание Пушкина, Гете, Шекспира, Расина и Данте» [27, с. 212]. И.П. Смирнов указывая на мировой контекст мысли Федотова, отмечает, что «рассуждая о всемирно-исторической миссии России, Федотов близок к русской «философии всеединства» [17, с. 70]. Правильным будет описать социально-исторический контекст его размышлений — невиданная по жестокости и бесчеловечности мировая война, изобретение атомного оружия, грозящее планетарной катастрофой и всеобщим уничтожением — в такой обстановке он формулировал идеи об объединении мира и развивал тезис о необходимости новой политической культуры, не утративший своей актуальности и в наши дни.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. «Русская идея», по Г.П. Федотову, основывается и является продолжением русской идеи Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, в той их части, как «всечеловечность» и «всеединство». С П.Я. Чаадаевым творчество Федотова роднит устремленность к грядущему, его критика, обличающая несовершенство и несправедливость в истории и современности должна была проложить дорогу справедливому лучшему будущему. Русскую идею М.Ф. Достоевского и Федотова сближает задача примирения «цивилизации с народным началом», в наследии Федотова проблематизируется как задача организация культуры. Среди коренного отличия от Достоевского необходимо выделить критику монархической идеи как утопической для послебольшевистской России. В этом же вопросе Г.П. Федотов расходится и с И.И. Фондаминским. Как и для русской идеи В.С. Соловьева Федотову чужд «национальный эгоизм», но для Федотова именно православие носит в себе потенциал для мирового объединения, с сохранением культурного многообразия. В целом Федотов является сторонником соборности, а не единоличного правящего начала как для государства, так и для церкви. Определяя исторические предпосылки возможного пути развития России в будущем, он призывает обратиться к наследию Новгорода, в котором, по мысли Федотова была осуществлена

республиканская теократия, владычицей и покровительницей которой являлась Св. София, представителем на земле которой был избираемый всенародно архиепископ. Необходимо уточнить, что это не отсылка к Софии Вл. Соловьева. Г.П. Федотова подчеркивает, что София — это одно из имен Христа — Премудрость Божья.

Как было замечено выше, обращение к проблематике русской идеи для Г.П. Федотова определилось задачей деятельного служения, что ставило вопрос о ее практическом применении. Чаемый образ будущего отличался у Г.П. Федотова, Ф.А. Степуна и Н.А. Бердяева в степени радикализации идей, но общей платформой для них оставалось христианство и социализм. Идейные расхождения Георгия Петровича с Н.А. Бердяевым можно обозначить в отношении к мессианству, по мнению последнего, присущего русскому народу. Федотов напротив выделяет «не «мессианство», а миссию России, суть которой можно определить в необходимости продемонстрировать миру, что проблема сверхнационального государства разрешима на почве великой культуры, сохранение и развитие которой наше общее дело.

В качестве перспективных направлений дальнейшего исследования можно выделить необходимость более углубленной компаративистики наследия Г.П. Федотова и мыслителей русского религиозного ренессанса, что должно способствовать более системному рассмотрению заявленной темы.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Русская идея — Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. — 624 с.

2. Боханов А.Н. Русская идея / А.Н. Боханов. — М.: Проспект, 2025. — 576 с.

3. Бычков С.С. «Свободы сеятель пустынный…»: Жизнь и труды русского мыслителя Георгия Федотова / Сергей Бычков. — М.: Рутения, 2024. — 446 с.

4. Ванчугов В.В. Наброски к современной типологии «русской идеи» / В.В. Ванчугов // Русская философия. — 2024. — №1(7). — С. 9-20. DOI 10.25991/RPH.2024.7.1.001. — EDN XXKSZL.

5. Гумерова Ж.А. Проблема формирования русского национального сознания в XX в. в интерпретации Г.П. Федотова / Ж.А. Гумерова // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — №416. — С. 75-80. DOI 10.17223/15617793/416/11. EDN YLYBNV.

6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-х т. — Т. 27. Дневник писателя, 1881 года. Автобиографическое. — Л.: Наука. Ленингр. отд., 1984.

7. Дрожжина С.В. Идентичность российского государства-цивилизации как фактор обеспечения духовно-культурной безопасности (экофилософский взгляд) / С.В. Дрожжина // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 236-245. DOI 10.24923/2222-243X.2025-54.35. EDN MIUIQH.

8. Жданова Д.С., Пивторак А.Н. Соборность как духовная основа русской идеи // Актуальные вопросы культуры, искусства, образования. — 2025. — №4. — С. 9– 17. DOI: 10.32340/2949-2912-2025-4-9-17.

9. Иваск Ю.П. Г.П. Федотов. Русская религиозно-философская мысль XX века: сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. — Питтсбург: Отд. славянских яз. и лит-р Питтсбургского ун-та, 1975. — 413 с. — С. 346-355.

10. Наумова Е.И. Русские смыслы versus неолиберальный дискурс / Е.И. Наумова // Пушкин и универсум русского міра: сб. ст. Международной конференции, Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2024 года. — СПб.: Институт мира и исследования конфликтов, 2024. — С. 407-412. EDN IDRLQO.

11. Киселев А.Ф. Национальная идея в историческом бытии России / А.Ф. Киселев, А. В. Лубков. — М.: Вече, 2024. — 640 с.

12. Костромин К.А. Образы святых Бориса и Глеба в парадигме идейно-философских исканий Г.П. Федотова и И.А. Ильина / К.А. Костромин, А.В. Петров // Русско-Византийский вестник. — 2024. — №3(18). — С. 101-113. DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_101. EDN CSBFLO.

13. Кот Ю.В. Русская идея и Русский мир: философско-культурные параллели / Ю.В. Кот // Знание. Понимание. Умение. — 2023. — №1. — С. 108-119. DOI 10.17805/zpu.2023.1.7. EDN MESPBA.

14. Кочеров С.Н. Философия русской идеи / С.Н. Кочеров, О.В. Парилов. — М.: Русская Философия, 2022. — 304 с.

15. Полторацкий Н.П. Н.А. Бердяев Русская религиозно-философская мысль XX века: сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. — Питтсбург: Отд. славянских яз. и лит-р Питтсбургского ун-та, 1975. — 413 с. — С. 190-204.

16. Скобцова Е.Ю. Русское студенческое христианское движение (Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева Е. Ю.) Россия и эмиграция жития святых, религиозно-философские очерки, ранняя публицистика, письма и записные книжки / мать Мария (Скобцова) Е.Ю. Кузьмина-Караваева. — Москва, Париж: Русский путь, Русское Зарубежье, Ymca-Press, 2019. — 808 с. — С. 294-297.

17. Смирнов И.П. Оправдание нации культурой как основа историософии Г.П. Федотова / И.П. Смирнов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. — 2020. — №94. — С. 59-73. DOI 10.15382/sturII202094.59-73

18. Степун Ф.А. Идея России и форма ее раскрытия Сочинения. — М.: РОССПЭН, 2000. — 1000 с. — С. 496–503.

19. Тесля А.А. О жизнеописании Георгия Федотова. Рецензия на: Бычков С.С. «Свободы сеятель пустынный...»: жизнь и труды русского мыслителя Георгия Федотова. — М.: Рутения, 2024. — 446 с. // Отечественная философия. — 2025. — Т. 3, №2. — С. 120-125. DOI 10.21146/2949-3102-2025-3-2-120-125.

20. Федотова Е.Н. Георгий Петрович Федотов // Г.П. Федотов. Собрание статей: в 6 т. — Т. 1. — Париж, 1988. — 330 с.

21. Федотов Г.П. Бердяев мыслитель // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 9. — М.: Матис, 2004. — С. 278–291.

22. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 2. — М.: Матис, 1998. — С. 127–139.

23. Федотов Г.П. И есть, и будет // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 5. — М.: Sam & Sam, 2011. — С. 5–195.

24. Федотов Г.П. Изучение России // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 2. — М.: Матис, 1998. — С. 112–115.

25. Федотов Г.П. И.И. Фондаминский в эмиграции // Собрание сочинений: в 12 т. — М.: Матис, 2004. — Т. 9. — С. 264–277.

26. Федотов Г.П. Лицо России // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 1. — М.: Матис, 1996. — С. 104–109.

27. Федотов Г.П. Между двух войн // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 9. — М.: Матис, 2004. — С. 210–227

28. Федотов Г.П. «Новый Град» №I. «От редакции» России // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 4. — М.: Sam & Sam, 2012. — С. 128–132.

29. Федотов Г.П. Национальное и вселенское // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 2. — М.: Матис, 1998.– С. 116–121.

30. Федотов Г.П. О гуманизме Пушкина // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 9. — М.: Матис, 2004. — С. 315–319.

31. Федотов Г.П. Основы христианской демократии // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 5. — М.: Sam & Sam, 2011. — С. 238–249.

32. Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 7. — М.: Sam & Sam, 2011. — С. 130–149.

33. Федотов Г.П. Проблемы будущей России // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 5. — М.: Sam & Sam, 2011. — С. 129–195.

34. Федотов Г.П. Пушкин и освобождение России // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 7. — М.: Sam & Sam, 2014. — С. 66–69.

35. Федотов Г.П. Республика Святой Софии // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 9. — М.: Матис, 2004. — С. 352–359.

36. Федотов Г.П. Россия и свобода // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 9. — М.: Матис, 2004. — С. 127–153.

37. Федотов Г.П. Русская религиозность. Часть I. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 10. — М.: Sam & Sam, 2013.

38. Федотов Г.П. Святые Древней Руси // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 8. — М.: Матис, 2008. — С. 268.

39. Федотов Г.П. Трагедия русской интеллигенции // Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 4. — М.: Sam & Sam, 2012. — С. 23–63.

40. Франк С.Л. Письмо С.Л. Франка Г.П. Федотову Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. — М.: Тэтис Паблишн, 2008. — 504 с. — С. 413–415.

41. Яновский В.С. Поля Елисейские: кн. памяти / В.С. Яновский; предисл. С. Довлатова. — СПб.: Пушкин. фонд, 1993. — 276 с.

42. Mjør KJ. Georgii Fedotov as a Theologian of Culture // RUDN Journal of Philosophy. — 2022. — №26(1). — Pp. 15-29. https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-1-15-29

AUTHORITARIANISM IN HISTORICAL RETROSPECT: AN EXPERIENCE OF SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Vyalykh Vladimir Vladimirovich, *PhD of Political science, Associate Professor, Orenburg State Medical University, Orenburg*

A trend in contemporary socio-philosophical discourse in recent years has been a renewed interest in authoritarianism, driven both by crises in modern democracy and the complexity of global political processes. It is precisely the latter that complicates the differentiation of political regimes as either clearly authoritarian or democratic. Furthermore, for quite a long time, various scholars considered authoritarianism solely as a transitional form of governance, accompanying the transformation of the state and society from totalitarianism to democracy, and vice versa. Contemporary authoritarianism, on the contrary, is not only capable of existing as an ontologically independent form of governance but also of being incorporated into the political practices of democratic states. The purpose of the study is to analyze the perception of authoritarianism in various historical eras, for which purpose the work presents a retrospective periodization.

Keywords: *authoritarianism; totalitarianism; politics; power; covid-19; democracy.*

EDN: CGGMPO ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.5***

Цитировать: *Вялых В.В. Авторитаризм в исторической ретроспективе: опыт социально-философского анализа // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 35-40. EDN: CGGMPO. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.5*

Авторитаризм в исторической ретроспективе: опыт социально-философского анализа

УДК 321.64

5.7.7

© Вялых В.В., 2026

Тенденцией современного социально-философском дискурсе последних лет является актуализация интереса к авторитаризму, обусловленному как кризисными явлениями в современной демократии, так и сложностью глобальных политических процессов. Именно последние затрудняют дифференциацию политических режимов как ярко выраженно авторитарных, либо демократических. Кроме того, достаточно долгое время авторитаризм полагался различными исследователями исключительно в качестве переходной формы властвования, сопровождавшей трансформацию государства и общества от тоталитаризма к демократии, и наоборот. Современный авторитаризм, напротив, не только способен существовать как онтологически самостоятельная форма властвования, но и быть включенным в политические практики демократических государств. Цель исследования — анализ восприятия авторитаризма в различных исторических эпохах, для достижения которой в работе представлена ретроспективная периодизация.

Ключевые слова: *авторитаризм; тоталитаризм; политика; власть; ковид-19; демократия.*

ВЯЛЫХ Владимир Владимирович,
кандидат политических наук, доцент, Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург

Восприятие авторитаризма в философии и политологии исторически менялось в соответствии со сменами эпох, а также социокультурного и социально-политического контекста развития государства. Анализ восприятия авторитаризма в различных исторических эпохах предполагает ретроспективную периодизацию исследований. Для этого необходимо выделить несколько фаз, в рамках которых формировалось восприятие авторитаризма.

Первая фаза — фаза генезиса — сопровождалась образованием фашистских и нацистских диктатур в ряде европейских и азиатских государств в первой половине XX века. Авторитаризм на данном этапе воспринимался как промежуточная стадия перехода государства от тоталитаризма к демократии, либо наоборот. Ключевым экзистенциалом бытия авторитарной власти было подчинение, поскольку авторитаризм предполагал тотальное доминирование государства как

властвующего субъекта. Попытки концептуализации понятия в научном дискурсе были сделаны в XIX веке теоретиками консерватизма Ж. де Местром и Л. де Бональдом. Их анализ авторитаризма был опытом рефлексии событий Французской революции и сформировавшихся во время нее социалистического движения.

К концу столетия авторитаризм воспринимается как политическая практика, мобилизующая общество и направляющая развитие государства. К примеру, Д. Кортес видел в авторитаризме средство достижения повиновения общества, его сплоченности перед лицом различных экзистенциальных угроз. В свою очередь, О. Шпенглер полагал, что, авторитаризм, в противовес либерализму и демократии, формирует в обществе социальную иерархию и обеспечивает его подчинение государству. Само понятие «авторитаризм» в научный оборот было ведено теоретиками Франкфуртской школы, среди которых были Т. Адорно, М. Хоркхаймер и др. По их мнению, авторитаризм был социально-политической системой, основанной на подчинении государству в лице его лидера или правящей группы, при соблюдении строгой и безусловной преданности властям и их авторитету. Также в авторитарном режиме зачастую присутствует диктатура одной личности или группы лиц и отсутствует подлинная демократия [7, с. 123]. Идею противопоставления авторитаризма и демократии Франкйуртской школы развили Д. Амендола и П. Габетти, определявшие авторитаризм как понятие, производное от тоталитаризма, обозначавшее характерную для фашистских и нацистских стран систему крайне недемократических политических порядков [3, с. 26]. Противопоставляя авторитаризм и демократию, авторы указывают на невозможность сосуществования двух этих практик властвования в одной социокультурной и политической среде.

Логическим продолжением исследований Франкфурсткой школы стала *вторая фаза* развития авторитаризма — биполярная — длилась в период «холодной войны», в ходе которой мир был разделен на два крупных политических, экономических и культурных блока — тоталитаризм и демократию, возглавляемых СССР и США, соответственно. Для этой фазы исследований авторитаризма характерны попытки преодоления бинарной оппозиции «тоталитаризм-демократия». Одним из первых обосновал невозможность изучать современные формы недемократических режимов сквозь призму концепта тоталитаризма Х. Линц, указавший на отсутствие базовых тоталитарных характеристик у многих современных автократий. Авторитаризм он стал рассматривать как особый тир режима, равно отличающийся как от тоталитаризма, так и от демократии.

Большой вклад в выход за пределы диады «тоталитаризм-демократия» сделал создатель теории открытого общества К. Поппер. Он не только проанализировал истоки противостояния демократических и недемократических режимов, но и уделил особое внимание авторитарным истокам западной демократии. В качестве ключевого фактора, позволяющего говорить об онтологической общности авторитаризма и демократии, Поппер выделял культуру. Анализируя политическую теорию Платона, Поппер показывает, как мыслитель, состоявшийся в русле демократической политической культуры, заложил в своих трудах основы для создания автократической модели государства. Модель эта основывалась на системе близкого к тотальному контролю за различными аспектами бытия индивида и общества, которую Поппер определял как социальную инженерию. Задачей последней было контролировать и при необходимости дезавуировать любые перемены в обществе, направленные на изменения действующей парадигмы существования власти через управление сферами экономики, политики и образования.

Идею тоталитарности демократий, заведенную Поппером, развивает Дж. Талмон, создавший концепцию тоталитарной демократии. Ее отличительной чертой Дж. Талмон считает политическое мессианство, которое «постулирует предопределенный, гармоничный и совершенный порядок вещей, к которому неизменно влечет человека и к которому он неизбежно прибудет» [15]. Причины политического мессианства в политических практиках демократических государств Дж. Талмон видел в стремлении привнесение демократии и повышения качества жизни в другие, отличающиеся по онтическим и культурным осно-

ваниям, государства. При этом императивом действия властвующего субъекта являются соображения гуманизма, выражающиеся в экзистенциалах «улучшения жизни», «демократизации», «привнесения порядка».

Для завершения второй фазы развития авторитаризма характерен посттоталитаризм, обусловленный не только утратой тоталитаризмом политического и экономического преимущества, но и вынужденного перехода некоторых политических режимов к демократии. Длительность этого перехода, временный, либо постоянный характер дальнейшего развития демократии связан не только с экономической и политической необходимостью, но и с укорененностью демократических начал в политической культуре конкретного государства. Понятие пост-тоталитаризм активно использует Я.-В. Мюллер, характеризуя им особенность развития западной политической культуры, включающей в себя некоторые авторитарные тенденции [12, с. 287]. Теория Мюллера включает анализ онтологических оснований авторитаризма с точки зрения конвергенции демократического и недемократического начал в политическом дискурсе и практиках государства как властвующего субъекта. Но в то же время автор противопоставляет авторитаризм и демократию как различные типы политических практик, содержащие противоположные нормативно-ценностные и социокультурные основания. Мюллер не рассматривает авторитаризм как самостоятельную форму властвования, а лишь как практику перехода общества от тоталитарного политического режима к демократическому. Это утверждение не является недостатком рассмотренной теории, а лишь особенностью авторского подхода к проблеме.

Третья фаза развития авторитаризма — трансформационная — совпала с окончанием «холодной войны» и началом доминирования демократии в глобальном политическом дискурсе. В процессы глобальной трансформации мир стал многополярным, а западные демократии начали доминировать в культурном и политическом дискурсе. Это стало возможным не только благодаря экономической и политической мощи этих режимов, но и невозможностью воспроизводства тоталитарного проекта в условиях глобального мира. Это отмечает Л. Гудков, утверждавший, что полное воспроизведение тоталитаризма в современном политическом дискурсе невозможно по причине отсутствия располагающих к этому экономических, политических и культурных факторов [6, с. 242]. Именно на постоталитарной фазе развития происходит становление авторитаризма как серединного типа властвования, являющегося разумной альтернативой как демократии, так и тоталитаризму.

Для трансформационной фазы развития авторитаризма также характерно его становление в качестве не временной, переходной, но и постоянной формы властвования. Данную тенденцию отмечает А.П. Кочетков, по мнению которого, во многих государствах авторитаризм стал перманентным фактором политической жизни [8, с. 68]. Причиной выступает сложность практической реализации онтических элементов демократической политической культуры, таких как толерантность, доверие, уважение к правам человека. Согласившись с автором, отметим, что само их существование в политическом дискурсе часто несовместимо с эффективным управлением государством, особенно если это касается решения сложных политических задач в меняющейся политической обстановке. В свою очередь, Е. Вятр утверждает, что новый авторитаризм как феномен XXI в. формируется и поддерживается благодаря тем процессам, которые деструктивно влияют на либеральную демократию и являются причиной ее кризиса [4, с. 15]. Авторитаризм, таким образом становится жизнеспособной альтернативой демократии не только на короткий промежуток времени, но и конституируется в политическом дискурсе на постоянной основе. Постепенное закрепление авторитаризма в политическом дискурсе в качестве умеренного, серединного типа властвования также становится гарантией противодействия тоталитарным интенциям в развитии государства.

Но существование авторитаризма в рамках третьей фазы не ограничивается профилактикой тоталитаризма, но также связано с его становлением в качестве самостоятельной формы властвования. Для решения этой задачи авторитарный властвующий субъект интегрирует некоторые элементы демократии в свои политические практики. Более

подробно этот аспект проблемы в теории парадемократического авторитаризма [2, с. 174] рассматривает Ф.С. Антонов. Он считает, что существует возможность использовать отдельные элементы демократии в качестве надстройки к авторитарному управленческому базису [2, с. 174]. Это делается в ситуациях экзистенциального напряжения государства, когда существующие демократические институты не позволяют преодолеть существующий кризис, либо осуществить переход от одной формы властвования к другой. Кроме того, Ф.С. Антонов допускает, что использование ряда демократических установок в авторитаризме при сохранении его исходных, базовых констант будет способствовать его воспроизводству и укоренению в политическом дискурсе.

Использование элементов демократии не нарушает онтической целостности авторитаризма, а наоборот — выводит его на новый уровень развития. Интеграция некоторых элементов демократии в авторитаризм способствует умеренности, серединности его развития, повышения эффективности как практике властвования. Умеренный авторитаризм способен создать ситуацию баланса использования демократических и недемократических практик властвующим субъектом. Подробно этот в теории авторитарного равновесия рассматривает Е.А. Лазарев, по мнению которого, использование некоторых демократических институтов и практик содействует повышению эффективности авторитаризма. Демократические институты в этом случае подвергаются авторитарной адаптации [10, с. 117-119], что означает их трансформацию с учетом особенностей культурной, экономической и политической ситуации существования авторитаризма.

Идею авторитаризма как серединного типа политического властвования активно развивал С. Ринген. В книге «Народ дьяволов. Демократические лидеры и проблема повиновения» он в равной степени критикует и авторитарную, и демократическую системы властвования, настаивая на том, что они способствуют сдерживанию тоталитарных интенций. Достигается это за счет «сдержанного употребления власти», которое С. Ринген определял как достижение повиновения через признание легитимности того или иного субъекта властвования или политической системы [13, с. 10]. Упомянутая автором «сдержанность», однако, не означает отказа от экономического и политического принуждения, что подразумевает варьирование властвующим субъектом своих политических практик в диапазоне от демократических к недемократическим.

Мысль автора отчасти перекликается с точкой зрения В.Я. Гельмана, который считал, что «…авторитарные режимы не всегда прибегают к массовым репрессиям, используя при этом в своих целях и некоторые институты, присущие демократиям» [5, с. 26-27]. Это позволяет выделить такой экзистенциал авторитаризма как имитационность, то есть способность к ограниченному использованию демократических практик и институтов в рамках решения конкретной политической задачи. Особое внимание этому признаку авторитаризма уделяли Е.А. Лукьянова и И.Г. Шаблинский. Сам авторитаризм они понимают как режим, обеспечивающий неограниченную власть одного лица и его бюрократической группы над государственным аппаратом и СМИ, имитирующий иногда в целях легитимации демократические процедуры либо использующий в тех же целях лишь харизму правителя, подкрепленную силой репрессивного аппарата» [9, с. 168]. Несомненным достоинством их исследования является разделение имитационного и гибридного типов авторитаризма. В частности, Е.А. Лукьянова и И.Г. Шаблинский придерживаются мнения, что что автократии на новом историческом этапе не являются гибридными [11, с. 168], и представляют собой полноценные авторитарные режимы, массово мимикрируют под демократию посредством имитации демократических институтов и процедур [11, с. 167].

В качестве современной фазы развития авторитаризма необходимо выделить пандемическую, когда на развитие авторитаризма повлияла глобальная пандемия covid-19. Анализирующий истоки пандемического авторитаризма Д. Чендлер создал теорию «антропоцентрического авторитаризма». Ее ключевым тезисом было то, что что «либеральные свободы в нынешней ситуации угрожают всему обществу, и поэтому государству приходится повсеместно вводить чрезвычайные меры и полномочия, усиливая авторитаризм»

[14]. Таким образом, одним из факторов формирования пандемического авторитаризма стал конфликт между ценностью личной свободы и императивом выживанием общества является. И если для его разрешения авторитарные субъекты действуют привычными способами, то демократические, напротив, активно используют авторитарные формы контроля над обществом. Глобальная пандемия стала своего рода экзистенциальным вызовом, на который должны были отвечать и демократические, и недемократические государства привел к формированию как минимум двух новых форм авторитаризма: пандемического и постпандемического.

Ключевым экзистенциалом обеих форм стало выживание: общества, государства и индивида. Первый связан с реагированием властвующего субъекта на covid-19, принятие различных ограничительных мер для существования общества; второй обусловлен стремлением государства сохранить ряд ковидных ограничений после окончания пандемии. Пандемический авторитаризм можно определить как специфическую форму властвования, сложившуюся в ситуации экзистенциального вызова, носящую временный характер, практики контроля которой распространялись не только на макрофизическое, но и на микрофизическое измерение бытия индивида. В условиях экзистенциального вызова властвующий субъект — демократический, либо авторитарный — существенно расширял практики для контроля над обществом и индивидом. В ситуации борьбы с глобальной пандемией императив — буквально — физического выживания общества обеспечивал позитивную легитимацию практически любых форм не только авторитарного, но и тоталитарного контроля над обществом.

Постпандемический авторитаризм представляет собой форму организации политического бытия общества, при котором властвующий субъект стремится сохранить некоторые из ограничений периода глобальной пандемии, позитивно легитимируя это решение различными способами. Авторитарность властвующего субъекта в период covid-19 проявлялась не только в биополитическом измерении, связанном с контролем не сколько за политической, сколько за биологической активностью индивида. Государство как властвующий субъект наделял себя правом репрезентации нормальности социального бытия, что создавало возможность для сохранения ряда мер контроля над обществом и после окончания пандемии. Исследовавший covid-19 как политический феномен, Дж. Агабмен утверждал, что именно властвующий субъект определяет «состояние нормальности» [1, с. 26] существования общества, которое дает право как на продление, так и на отмену чрезвычайного положения.

Некоторые ограничения прав и свобод общества за годы пандемии хабитуализировались и стали частью существования общества и государства. Также пандемия covid-19 в наглядно продемонстрировала недостатки демократии и преимущества авторитаризма в ситуации экзиственциального вызова, требующего быстрого принятия необходимых, но непопулярных решений. Эффективность части авторитарных режимов в борьбе с глобальной пандемией и ее отсутствие у некоторых демократий вновь актуализировала дискуссию о преимуществах авторитаризма в качестве постоянной формы властвования. Анализируя последствия covid-19 для современных государств, А.Н. Курюкин отмечает, что covid-19 может превратить демократическую рецессию в депрессию, что грозит поворотом политических систем к авторитаризму [9, с. 259].

В заключение, на основании приведенных выше подходов, отметим: развитие авторитаризма и его исследования включает несколько основных стадий: генезиса, биполярности, посттоталитаризма и пандемийности. Для каждого из этих этапов были характерны различные подходы к восприятию авторитаризма, определявшиеся следующими экзистенциалами: подчинение, трансформация, серединность и выживание. В рамках каждого из этих четырех этапов авторитаризм эволюционировал от временной, до постоянной формы бытия власти, становился серединной, умеренной альтернативой как тоталитаризму, так и демократии. Мы определим авторитаризм как тип только политической практики, но и форму бытия власти, способную быть как частью процесса перехода государства от одной формы политической организации к другой, так и существовать в качестве автономного типа власти. Можно констатировать, что ав-

торитаризм сохранит свою актуальность как феномен, требующий мультидисциплинарного подхода к исследованию.

Литература:

1. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. — М.: Европа, 2011. — 254 с.
2. Антонов Ф.С. Институциональное воспроизводство парадемократического авторитаризма: причины и последствия // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2018. — №2(18). — С. 174-184.
3. Бутенко А.П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // Социологические исследования. — 1998. — №6.
4. Вятр Й.И. Новый авторитаризм: кризис или конец либеральной демократии // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. — 2019. — №1. — С. 15-22.
5. Гельман В. Авторитарная Россия. Бегство от свободы, или почему у нас не приживается демократия. — М.: Говард Рорк, 2021. — С. 26-34.
6. Гудков Л.Д. Вторичный, или возвратный тоталитаризм // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2018. — №3-4. — С. 237-242.
7. Иванов А.О. Развитие доктринальных подходов к понятиям «тоталитаризм» и «авторитаризм» // Вестник Московского городского педагогического университета. — 2020. — №2(38). — С. 119-126.
8. Кочетков А.П. Авторитаризм: ретроспектива и реальность // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2010. — №2. — С. 60-70.
9. Курюкин А.В. Covid-19 как вызов экономике, социуму, политике. — М.: МИР, 2020. — 535 с.
10. Лазарев Е.А. Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций // Полис. — 2010. — №2. — С. 115-120.
11. Лукьянова Е.А., Шаблинский И.Г. Авторитаризм и демократия. — М.: Мысль, 2018. — 456 с.
12. Мюллер Я.-В. Споры о демократизации. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 378 с.
13. Ринген С. Народ дьяволов. Демократические лидеры и проблемы повиновения. — М.: Дело, 2016. — 352 с.
14. Чэндлер Д. Биополитика и подъем «антропоцентрического авторитаризма» // Россия в глобальной политике. — 2020. — №3. https://globalaffairs.ru/articles/biopolitika-avtoritarizma/
15. Talmon J. The origin of totalitarian democracy. — London: MercuryBooks, 1961. — 366 p. https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.460216/mode/2up

THE PHENOMENON OF SELF-CONTROL IN MODERN SOCIETY IN A SOCIO-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION: THE GENDER ASPECT

Gurianov Alexei Sergeevich, *DSc of Philosophical sciences, Professor, Kazan State Power Engineering University; Kazan State Medical University, Kazan, Republic of Tatarstan*

Zakirova Gulnara Fazylovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Republic of Tatarstan*

Iarkhamova Alfiia Abrikovna, *Associate Professor, Kazan State Agrarian University, Kazan, Republic of Tatarstan*

The article analyzes gender relations in the modern world based on the ancient concept of self-control (enkrateia). According to the authors, the concept of power over oneself as a justification for power over another, which served as the basis for building both social and intimate relationships in the patriarchal world, in the context of modern realities marked by legal and material parity in intersexual relations acquired by women, receives a new meaning: power over oneself (self-restraint/self-repression) serves as a condition for the freedom of another. The source of the sought-after balance in gender interaction, according to the authors, are the socio-economic (labor) relations that have changed in post-industrial society, creating conditions for unalienated, free work that brings satisfaction and independence.

Keywords: *gender; love; man; woman; self-restraint; repression; equality; independence; attraction; labor.*

EDN: DFDACF ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.6***

Цитировать: *Гурьянов А.С., Закирова Г.Ф., Ярхамова А.А. Феномен самообладания в современном обществе в социально-философской трактовке: гендерный аспект // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 41-47. EDN: DFDACF. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.6*

УДК 111.1
5.7.7

Феномен самообладания в современном обществе в социально-философской трактовке: гендерный аспект

© Гурьянов А.С., Закирова Г.Ф., Ярхамова А.А., 2026

В статье проводится анализ гендерных отношений в современном мире с опорой на античное понятие самообладания (enkrateia). Согласно позиции авторов, концепция власти над собой как оправдания власти над другим, что служило основой для выстраивания как социальных, так и интимных отношений в патриархальном мире, в условиях современных реалий, отмеченных обретенным женщиной правовым и материальным паритетом в межполовых отношениях, получает новое звучание: власть над собой (самоограничение/саморепрессия) служит условием свободы другого. Источником искомого баланса в гендерном взаимодействии, по мнению авторов, являются изменившиеся в постиндустриальном обществе общественно-экономические (трудовые) отношения, создающие условия для неотчужденного, свободного дела, приносящего удовлетворение и независимость.

Ключевые слова: *гендер; любовь; мужчина; женщина; самоограничение; репрессия; равенство; независимость; влечение; труд.*

ГУРЬЯНОВ Алексей Сергеевич, *доктор философских наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет; Казанский государственный медицинский университет, Казань, Республика Татарстан*

ЗАКИРОВА Гульнара Фазыловна, *кандидат философских наук, доцент, Казанский государственный энергетический университет, Казань, Республика Татарстан*

ЯРХАМОВА Альфия Абриковна, *кандидат педагогических наук, доцент, Казанский государственный аграрный университет, Казань, Республика Татарстан*

Введение

Культ самообладания, восходящий, как известно, к античным философско-религиозным практикам и соответствующим доктринам (стоит упомянуть, к примеру, атараксические теории эпикуреизма и стоицизма с идеями, фокусировавшимися на эпохэ, т.е. воздержании от чрезмерных удовольствий, и апатии как бесстрастности), одна из центральных идей практически любой не гедонистической и не утилитаристской этической доктрины и по сей день. Неудивительно, что спектр вовлеченных в него вопросов и проблем, несмотря на выраженный индиви-

дуальный, сфокусированный на внутренней интеллектуальной и моральной работе пласт бытия человека, затрагивает и межличностные отношения, а среди них интимные отношения занимают едва ли не главенствующее место. Как известно, обращение философии эллинизма к личности было реакцией на изменившиеся общественно-политические реалии греческого мира.

Наряду с запретами, диктуемыми человеку социумом, существуют, как известно, рестрикции, которые индивид налагает на самого себя, что является одним из наиболее заметных проявлений диалектики свободы и необходимости в соответствии с принципом «свобода есть познанная необходимость». Говоря о социальной репрессии, Г. Маркузе уже в современную эпоху выделяет два вида таковой — базовую и прибавочную. Базовые проявления репрессии он считает обязательными, подобно правилам, ограничивающим свободу личности, но способствующим порядку и гармонии в общественной жизни. Так, любой участник дорожного движения вынужден следовать соответствующим правилам, так как это в интересах и самого индивида. Подобные ограничения регулируют равноправие людей во взаимодействиии индивидов на законодательном уровне, тогда как прибавочные, напротив, нарушают паритет и служат эксплуатации одних людей другими.

Второй вид рестрикций, сопряженный с собственно самоограничением, стал впервые известен в античности на стадии рабовладельческого общества и был соответствующим образом осмыслен в концептуальном анализе понятия enkrateia (самообладание/власть над желаниями). По Платону, впервые сделавшему этот феномен предметом философской рефлексии, самоограничение как способность преодолевать себя, быть сильнее самого себя, было сопряжено с развитием способности контролировать вожделеющую часть души, имеющую склонность к выходу за границы меры [1] [4, с. 80]. Как известно, вопрос о золотой середине и способности контролировать разумом естественные, основанные на чувстве и склонные к излишествам проявления человеческого существования, одна из сквозных идей древнегреческой философии. И насколько разум способен сдерживать естественные проявления природы человека, настолько человек разумен, а также счастлив, морален и свободен. Эта мысль о единстве благополучия (эвдемонии), добродетели (арете) и благоразумия (фронезис) является традиционной для греческой философии и пронизывает идеи Демокрита и Платона, Аристотеля и Эпикура, Аристиппа и стоиков и т.д. Разумеется, что это определенным образом формирует и благополучие взаимоотношений мужчины и женщины.

В патриархальном обществе, для которого характерно гендерное неравенство и в публичных, и в частных взаимоотношениях, чертой истинной добродетели является саморепрессия маскулинности как свободного и неограниченного начала: доминация над семьей оправдана и реализуема тогда, когда ее глава берет контроль над самим собой, как власть в социуме оправдана тогда, когда его лидер способен взять под контроль свои слабости, отмечает М. Фуко [4, с.82]. И чем выше статус мужчины в обществе, его авторитет и власть, тем более его добродетельность заключена в воздержанности: нельзя добиться послушания от других, если не можешь добиться послушания у своих желаний, о чем говорят Ксенофонт, Псевдо-Демосфен, Исократ, Платон и др.

Методы

При раскрытии гендерного аспекта феномена самообладания в культурно-историческом измерении авторы используют сравнительно-исторический и концептуальный анализ, что позволяет обнаружить новые смысловые оттенки данного явления в ходе эволюции общественных отношений в соответствующем культурном контексте. По мнению авторов, содержательные характеристики понятия самообладания с изменением условий и обстоятельств жизни общества изменяются в направлении либерализации отношений и нарастания, по Гегелю, политической и правовой свободы, поэтому концептуальное и сравнительно-историческое иссле-

[1] М. Фуко справедливо отмечает это применительно к сексуальной стороне чувственности: естественная острота полового удовольствия склонна к излишеству, перехлестыванию, бунту и подчинению своей энергией души человека: «моральная проблема здесь заключается в том, чтобы знать, как обращаться с этой силой, как властвовать над ней…».

дование указанного феномена предполагают друг друга. В этой связи методологически авторы опираются на диалектический подход в оценке реальности, а именно на принцип единства логического и исторического, лежащий в основе исследования динамически развивающихся явлений действительности.

Результаты и обсуждения

В античном обществе самоограничение проявлялось не только в социально-политической реальности, но и в межличностных интимных отношениях, поскольку последние отражают общие реалии жизни. Как известно, истинная любовь, находившаяся в фокусе внимания древнегреческих философов и являвшаяся предметов воспевания поэтов, имела серьезный крен в сторону гомосексуальных связей, а в идеале — между свободным мужчиной и свободным юношей, и здесь достаточно ознакомиться с классическими диалогами Платона по этой теме.

Очевидно, греки были убеждены, что истинная любовь невозможна, если люди несвободны, но можно ли говорить о свободе в подобного рода отношениях? Препятствием для истинного понимания любви, основанной на равенстве двух любящих, служили идеи античных мыслителей о распределении интимных ролей на любящего и любимого — эраста и эромена, активного и пассивного, а значит, правого и бесправного. Б. Рассел отмечает: «Любовь бессмысленна, если она собственническая; в таком случае она ничем не отличается от работы ради добывания денег. Чтобы обрести те ценности, о которых идет речь, любовь должна уравнять в правах эго любящего и любимого, должна заставить осознать, что чувства и желания другого человека важны ничуть не меньше собственных» [3, с.119].

В этом свете саморепрессия в однополых отношениях предполагает как раз собственнический аспект в силу неравенства статусов их участников [2], а кроме того, подобные отношения не могли быть длительными и перерасти в семейные, в которых самоограничение необходимо. Что касается гетеросексуальных отношений, то здесь дело обстояло не лучше. Вообще благосклонность и благорасположение (*charis*), предполагающие взаимное влечение и свободу любви, становятся частью взаимоотношений между мужчиной и женщиной, вероятно, лишь с работ Плутарха «Об эроте» и «Наставление супругам» [3].

В Средние века с активной пропагандой сексуальной саморепрессии со стороны церкви, возведением в идеал девства и ограничением сексуальных отношений в браке исключительно целями деторождения идея самоограничения также не могла быть реализована должным образом. Св. Августин рассматривал секс лишь как «допустимый грех», а в трактате «О девстве» Григорий Нисский подчеркивал различие между союзом по плоти и союзом по духу, ставя отказ от первого условием второго. Сократ, о чем говорит Кассиан в «Собеседованиях», обладая способностью к самоконтролю и воздержанию, продемонстрированной в «Пире», тем не менее, не был целомудрен — наличие у Сократа «желания и услаждения страстью», по мнению Кассиана, несовместимы с целомудрием.

В реальности на протяжении еще многих столетий общее положение вещей было таково, что пропаганда формально обоюдного аскетизма сохраняла женщину в ущемленном положении: будучи свободной лишь формально, она по существу не имела права самоопределения и, соответственно, возможности для сознательного и самостоятельного этического поведения в силу отсутствия гарантированного правового паритета с мужчинами. Поэтому первым значимым моментом в регуляции взаимодействия мужчины и женщины явилось установление в них правового баланса.

Равноправие в отношениях способствует появлению определенных взаимных ограничений, предполагающих поддержку, совершен-

[2] О симметричности отношений мужчины и женщины открыто и с полным на то основанием стали говорить и писать в эллинистические времена. В частности, Сенека в «Нравственных письмах», Эпиктет в «Беседах» или Мусоний Руф Гай в «Реликвиях».

[3] В этой связи мы не согласны с позицией А. Шопенгауэра, в соответствии с которой существенной стороной любви является не взаимность, а обладание и физическое наслаждение. Вряд ли физическое наслаждение может расцениваться как любовь, иначе насильник-коллекционер в одноименном романе Фаулза со своими чувствами к Миранде был бы эталоном любящего, а потребность в любви — легко удовлетворимой.

ствование отношений и стремление уберечь их от пагубных последствий. Саморепрессия не может приписываться лишь одному из полов, поскольку оба любящие взаимно заинтересованы в стабильности отношений, базирующихся на обоюдно и непринужденно взятых на себя обязанностей; саморепрессия не может не быть взаимной. Б. Рассел резонно говорит о пагубных последствиях, которые влечет за собой отказ от ограничений и желание уступить внутренним страстям: в частности, сексуальные отношения перестают связывать с глубокими и истинными чувствами, а сами отношения оказываются часто недолговечными [3, с.119] .

Говоря о добродетели, Продик у Платона указывает на нездоровые желания, не являющиеся природной склонностью человека, а происходящие от безделья: сон может быть только тогда крепок и здоров, когда человек устал. М. Фуко, упоминая это место из Платона, указывает: «если можно удовлетворять половые желания, когда они дают о себе знать, не следует создавать желания, выходящие из круга потребностей» [4, с. 89]. Порождением подобных желаний, нарушающих равновесие между ними и наслаждениями, являющими результатом слабости воли (*akrasia*), являются разнообразные трансгендерные девиации, распыляющие, разбавляющие удовольствия, делающие настоящее удовольствие недостижимым. Распущенность не приносит истинное наслаждение.

Экономическая зависимость явилась еще одним фактором, способствовавшим порабощению женщины: пока мужчина — единственный добытчик и владелец имущества, экономическая власть является его главным инструментом влияния, и этот инструмент, вытеснивший на второй план сакральность и физическую силу, дает ему возможность косвенно управлять домашними. На это, собственно, указывает М. Хоркхаймер: «*the sons and daughters of bourgeois families learned that the fulfillment of all wishes depends in reality on money and position*» [6, с.107]. Возникновение патриархальной моногамной семьи было продиктовано необходимостью сохранить и передать по наследству собственность, о чем пишет Ф. Энгельс [5, с.151]. Когда крупная промышленность оторвала женщину от дома, отправила ее на рынок труда и на фабрику, по замечанию Ф. Энгельса, началось экономическое расширение прав и возможностей женщины [5, с.151]. Благодаря экономической независимости супружеская неверность и гетеризм, сопровождающие моногамные отношения, больше не играют ключевую роль и уступают место новым моделям взаимоотношений.

Согласно нашей концепции, применение античной модели самоограничения в условиях современного мира, выровнявшего положение женщины в правовом и экономическом отношениях, позволит заложить теоретическую основу под новую модель интимных взаимоотношений, и любовь играет здесь роль центрального начала. В рамках этой модели основополагающее значение приобретает базовая саморепрессия как добровольное самоограничение вступающих в интимные взаимоотношения людей, что, в случае успеха, позволяет избежать прибавочную со стороны одного из участников взаимоотношений.

Совместно с самоограничением древних и взаимоотношениями, построенными на взаимном уважении, экономической независимости, юридическом равноправии появляются необходимые условия для глубоких и долгосрочных отношений, поскольку свобода и добровольное купирование единичности в интересах совместного общего, т.е. базовая саморепрессия, способствуют рождению подлинной любви [4] [5, с.149]. Но поскольку в традиционном обществе женщина занимала подчиненное положение, подобное обоюдное самоограничение не могло быть реализовано, что создавало условия для «злоупотребления» правом и, как следствие, односторонней прибавочной репрессии в интимных отношениях.

Только любовное чувство, имеющее следствием взаимное ограничение в интересах того, что «угодно природе», как ни странно, создает условия для глубоких и длительных отношений. Понятие «*kairos*», означавшее, что всему есть место и время, не случайно занимало центральное место в греческой философии (в частности, в «Законах» Платона). Эта добровольная сдержанность является залогом

[4] Ф. Энгельс справедливо пишет, что «Самая природа прочного единобрачия при господстве мужа исключала это».

нравственности любви, которая затем перерастает в нравственность семейных отношений [5]. Следовательно, в отличие от античного понимания власти над собой, тождественной власти над другими, власть над собой в современных условиях служит не только личной свободе, но и свободе другого.

Однако, каким образом возможно реализовать независимость двоих любящих, будучи в ситуации обоюдной зависимости? Как построить сбалансированные отношения, где каждый сможет сохранить автономию и индивидуальность и сохранить здоровую связь, избегая при этом деструктивной взаимной зависимости и нарциссического подчинения? [6] Есть ли возможность научиться воспринимать другого как целостную личность, а не как средство или инструмент? Как преодолеть устаревшие представления, в рамках которых роль мужчины сводится лишь к роли добытчика, а роль женщины — к исполнительнице бытовых и сексуальных услуг?

Гуманистическое отношение к человеку рождается в самой природе близких отношений. М. Хоркхаймер утверждает, что в основе развитых близких отношений, не обусловленных определенными социальными и историческими факторами, лежит естественное стремление к лучшему для своих близких: «В тоске многих взрослых по раю своего детства, в том, как мать может говорить о своем сыне, даже если он вступил в конфликт с миром, в защитной любви жены к своему мужу, действуют идеи и силы, которые, по общему признанию, не зависят от существования семьи в ее нынешней форме» [7] [6, с. 114].

Однако подобное гуманистическое стремление к лучшему для близких вплетено в гуманистическое отношение к «дальним», и здесь на передний план выходит трудовая деятельность, в которой человек проводит большую часть своей публичной жизни. Общественно-исторические процессы неизбежно оказывают влияние на отношения между полами, поэтому эволюция последних всегда вплетена в события, происходящие за пределами личной жизни, и ключевым моментом является возможность профессионально заниматься любимым делом, которое соответствует талантам и увлечениям.

Профессиональная самореализация для человека, стремящегося к развитию, является одним из самых важных аспектом его жизни. Чувство самоидентификации, формирующееся благодаря успехам в трудовой деятельности, является общим для всех людей, как указывает В. Райх [2, с. 14]. Разумеется, при условии, что труд не превращается в отчуждающую, рутинную и изнурительную деятельность, а время отдыха не сводится к банальному восстановлению работоспособности: «Труд, как и ограничения, налагаемые на либидо, стал всеобщим. А время, на него затраченное и занимающее большую часть жизни индивида, наполнено страданиями, ибо отчужденный труд, лишенный удовлетворения, отрицает принцип удовольствия. Либидо переключается на выполнение социально полезных функций, и индивид работает для себя лишь постольку, поскольку он работает для аппарата, в основном занимаясь деятельностью, не совпадающей с его (индивида) способностями и желаниями» [1, с. 46]. Деятельность, идущая вразрез с талантами и интересами человека, заставляет человека страдать от невозможности получать удовольствие от жизни, жить полноценно, что неизбежно порождает внутренний конфликт, выплескивающийся наружу в виде беспричинных вспышек агрессии, которые ранят тех, кто находится рядом — самых близких.

Репрессивная цивилизация порождает насилие и ненависть, которые в свою очередь ложатся бременем на тех, кто ее взращивает и поддерживает. Если профессиональная деятельность человека сводится к выполнению чужой воли и лишает его творческой свободы, он не может быть глубоко счастлив в личных отношениях. Взаимное влияние личной и профессиональной сфер очевидно: удов-

---

[5] Руф Эфесский, греческий врач эпохи Траяна, по словам Орибасия, указывал, что лучше всего вступать в половую связь, когда к этому влекут и душевный порыв, и телесная потребность.

[6] Нарциссизм не следует смешивать с самоуважением и здоровой любовью к себе: любовь к другим и любовь к себе, с нашей точки зрения, не только не исключают, но предполагают друг друга.

[7] В стремлении многих взрослых к раю своего детства, в том, как мать может говорить о своем сыне, даже если он вступил в конфликт с миром, в покровительственной любви жены к мужу работают идеи и силы, которые, по общему признанию, не зависят от существования семьи в ее нынешнем виде.

летворенность в работе способствует счастью в личной жизни, поскольку истинное счастье не может быть фрагментарным.

Таким образом, свободный неотчуждаемый труд, создающий условия для общественного перенаправления сексуальных импульсов, переориентирует энергию либидо, и труд как жизненная необходимость обращается в труд как удовольствие. Как фундаментальный компонент репрессивной системы труд должен превратиться в то, что приносит личную радость и позволяет реализовать интеллектуальный и творческий потенциал. Для современного человека, имеющего больше свободы выбора, это становится все более возможным.

Самореализация в профессиональной деятельности неминуемо сказывается на сфере личных отношений, где человек раскрывается в роли возлюбленного или возлюбленной, супруга или супруги, отца или матери. Г. Маркузе верно отмечает, что для реализации полноценных интимных отношений необходимо провести реорганизацию социальной структуры, пересмотреть ценности индустриальной цивилизации, которая подавляет все чувственное и ставит во главу угла производительность.

Современный человек располагает гораздо большими возможностями для управления своим временем по сравнению с прошлыми эпохами. Это имеет важное значение, поскольку позволяет ему направить свое время не только на профессиональную деятельность, но и на общение с близкими: «Наличные ресурсы способствуют качественному изменению человеческих потребностей. Сокращая количество энергии инстинктов, необходимой для работы (отчужденный труд), рационализация и механизация труда высвобождают энергию для достижения целей, устанавливаемых свободной игрой человеческих способностей.

Технология, поскольку она сокращает временные затраты на производство предметов необходимости, действует вопреки репрессивному использованию энергии и тем самым освобождает время для развития потребностей, выходящих за пределы царства необходимости» [1, с. 85]. Современному человеку нет необходимости жертвовать личной жизнью ради борьбы за выживание, которая, естественно, не может не сказаться на его духовном и психическом состоянии. Инстинкт любви может больше не подчиняться жестким правилам и требованиям производительности, присущим нашей репрессивной реальности, а само желание любви может быть самоценным и не сводится к воспроизводству потомства, чтобы тем самым поддерживать эту искажающую отношения систему. Вместо этого фокус должен сместиться на отношения, а дети выступать как естественное продолжение, а не главная цель. Увеличение свободного времени в противовес репрессивной реальности освобождает энергию влечений, которая теперь может быть потрачена не на изнурительный труд, а на увлечения и любимого человека, что создает условия для перехода эроса из поля общественной жизни в пространство личных отношений.

Заключение

Для реализации глубинных потребностей человеческой жизни, подпитываемых эротической энергией, с нашей точки зрения, необходимо идти по пути сочетания профессиональных интересов и личных потребностей человека. Успех в труде и успех в личной жизни переплетаются друг с другом, фундируя счастье человека. В нынешних реалиях созданы условия для, пользуясь терминологией Г. Маркузе, «либидозной рациональности» — рационального подхода, основанного на принципе удовольствия от жизни если не во всех ее проявлениях, то в наиболее значимых, и среди них трудовая занятость и личная жизнь занимают львиную ее часть. Это позволяет расчистить поле для теоретического обоснования классической, существующей со времен утопии Платона, идеи о всеобщем удовлетворении человеческих потребностей, но в современных реалиях — в деле построения нерепрессивных, свободных и равноправных, зрелых взаимоотношений с реальностью.

Литература:

1. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – М.: АСТ, 2002. - 526, [2] с.

2. Райх В. Секс – путь к свободе / В. Райх. – М.: Родина, 2021. – 256 с.

3. Рассел Б. Брак и мораль / Б. Рассел. — М.: АСТ, 2020. – 288 с.

4. Фуко М. Использование удовольствий // М. Фуко. История сексуальности. Сочинения: в 4 т. - Т. 2. – СПб.: Академический проект, 2004. – 432 с.

5. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9-ти т. - Т. 6. – М.: Политиздат, 1987. – 664 с.

6. Horkheimer M. Critical Theory. Selected Essays. New York.: Continuum Publishing Company, 1982. – 128 p.

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL PREREQUISITES FOR THE SECURITY CULTURE FORMATION: FROM TRADITIONAL SOCIETY TO THE RISKY WORLD OF MODERNITY

Dzhavad Olga Vasilievna, *Senior Lecturer, Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow*

The article undertakes a historical and philosophical reconstruction of the evolution of security culture as a specific form of social rationality. It is shown that the transformation of ideas about security is caused by deep changes in the anthropological, ontological and epistemological order. The analysis is carried out in a diachronic manner: from traditional communities oriented towards sacral models of protection, through the modernist project of rational control to the postmodern "risk society", where security ceases to be an external guarantee and becomes an internal experiment of the subject. The purpose of the study is to identify the historical and philosophical prerequisites for the formation of security culture, to trace its transformation and to substantiate the hypothesis of the transition from a reactive to a proactive model. The methodological basis is formed by the concepts of U. Beck (risk society), M. Foucault (disciplinary power and biopolitics), A. Toynbee (civilisational approach), as well as the ideas of M. Weber, M. Eliade and A. Giddens, which allow us to reveal the connection between changes in social structure and ways of conceptualising security. As a result, it is shown that the formation of modern security culture reflects not just the development of technologies and institutions, but above all an anthropological shift: the loss of the sacred, the hypertrophy of individualism and the rise of reflexive rationality. The transition from a "reactive" security culture (oriented towards the past and collective rituals) to a "proactive" one (requiring the individual to constantly self-monitor and manage risks) is substantiated. Special attention is paid to the transformation of the functions of power, science, the church and the media in the process of institutionalising the security discourse. The article demonstrates that security culture evolves through a change in the anthropological matrix, rather than linearly — from primitive to high-tech practices.

Keywords: *security culture; risk society; traditional society; modernity; postmodernity; institutionalisation of security; reflexivity; individualism; the sacred; security discourse.*

EDN: DMAPRL **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.7**

Цитировать: *Джавад О.В. Историко-философские предпосылки формирования культуры безопасности: от традиционного общества к рискованному миру современности // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 48-54. EDN: DMAPRL. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.7*

УДК 101.9
5.7.7

© Джавад О.В., 2026

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ: ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К РИСКОВАННОМУ МИРУ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье предпринимается историко-философская реконструкция эволюции культуры безопасности как специфической формы социальной рациональности. Показано, что трансформация представлений о безопасности обусловлена глубинными изменениями антропологического, онтологического и эпистемологического порядка. Анализ проводится в диахронном ключе: от традиционных сообществ, ориентированных на сакральные модели защиты, через модернистский проект рационального контроля к постмодернистскому «обществу риска», где безопасность перестаёт быть внешней гарантией и превращается во внутренний эксперимент субъекта. Цель исследования — выявить историко-философские предпосылки формирования культуры безопасности, проследить её трансформацию и обосновать гипотезу о переходе от реактивной модели к проактивной. Методологическую основу составляют концепции У. Бека (общество риска), М. Фуко (дисциплинарная власть и биополитика), А. Тойнби (цивилизационный подход), а также идеи М. Вебера, М. Элиаде и Э. Гидденса, позволяющие раскрыть связь между изменениями социальной структуры и способами концептуализации безопасности. В результате показано, что формирование современной культуры безопасности отражает не просто развитие технологий и институтов, но прежде всего антропологический сдвиг: утрату сакрального, гипертрофию индивидуализма и возвышение рефлексивной рациональности. Обоснован переход от «реактивной» куль-

туры безопасности (ориентированной на прошлое и коллективные ритуалы) к «проактивной» (требующей от индивида постоянного самоконтроля и управления рисками). Особое внимание уделено трансформации функций власти, науки, церкви и медиа в процессе институционализации дискурса безопасности. Статья демонстрирует, что культура безопасности эволюционирует через изменение антропологической матрицы, а не линейно — от примитивных к высокотехнологичным практикам.

Ключевые слова: *культура безопасности; общество риска; традиционное общество; модерн; постмодерн; институционализация безопасности; рефлексия; индивидуализм; сакральное; дискурс безопасности.*

ДЖАВАД Ольга Васильевна, *старший преподаватель кафедры социальной философии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва*
SPIN-код: 1244743 5617-9987
ORCID: 0000-0003-4498-0664
ResearcherID: AAD-4952-2022

Введение

Безопасность — категория, значение которой трансформируется вместе с изменением парадигм социальной реальности. В традиционных обществах безопасность институционализировалась как гармония с космосом, в модернистских — как результат действия власти и техники, в постмодернистских — как регулятивный императив индивидуальной и коллективной рефлексии. Таким образом, культура безопасности является не просто производной от политических или технологических изменений, но проекцией метафизических установок эпохи, отражающей глубинные сдвиги в понимании бытия, субъекта и риска.

Проблематика безопасности привлекала внимание мыслителей на протяжении всей истории философии. Ещё в античности Платон и Аристотель связывали безопасность полиса с добродетелью и справедливостью. В Новое время Т. Гоббс обосновал необходимость абсолютной власти как гаранта безопасности, а Дж. Локк развил идеи договорной защиты прав индивида. В XX веке тема безопасности получила новое звучание в работах М. Вебера, который показал, как процесс «расколдовывания мира» ведёт к рационализации социального контроля. М. Фуко исследовал механизмы дисциплинарной власти и биополитики, через которые безопасность внедряется в тело общества. У. Бек ввёл понятие «общества риска», описав ситуацию, когда угрозы становятся глобальными и произведёнными самим человеком. А. Тойнби, анализируя цивилизационные циклы, подчеркнул, что утрата связи с сакральным приводит к кризисам и распаду. М. Элиаде раскрыл значение священного как центра, организующего безопасное пространство архаического человека. Э. Гидденс развил теорию рефлексивности современности, указав на постоянное переосмысление рисков.

Несмотря на обширную литературу, историко-философский аспект становления культуры безопасности остаётся недостаточно изученным. Большинство исследований сосредоточены либо на институциональных механизмах, либо на технологических аспектах, тогда как антропологические и метафизические основания безопасности требуют специального анализа. В данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел.

Цель статьи — выявить историко-философские предпосылки формирования культуры безопасности, проследить её трансформацию в динамике социальной эволюции и обосновать гипотезу о переходе от реактивной к проактивной модели. Для достижения цели ставятся следующие задачи: реконструировать изменения в восприятии безопасности в традиционном, модернистском и постмодернистском обществах; провести сравнительный анализ докапиталистических и капиталистических формаций; проанализировать роль ключевых институтов (власти, церкви, науки, СМИ) в институционализации дискурса безопасности; интерпретировать антропологический сдвиг, лежащий в основе современной культуры безопасности.

Методологическую основу исследования составляют историко-философский и сравнительный методы, а также концептуальный аппарат, разработанный У. Беком, М. Фуко, А. Тойнби, М. Вебером, М. Элиаде и Э. Гидденсом. Статья структурирована следующим образом: в

первом разделе рассматривается эволюция культуры безопасности от сакрального к рациональному; второй раздел посвящён институциональным трансформациям дискурса безопасности; третий раздел анализирует антропологический сдвиг и формирование проактивной культуры безопасности; в заключении подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Эволюция культуры безопасности: от сакрального к рациональному

В традиционном обществе, которое можно охарактеризовать как «общество благодати» или «архаическое вселенское целое» (согласно М. Элиаде), культура безопасности носит ярковыраженный реактивный и сакрально-детерминированный характер [20; 21]. Безопасность (или, точнее, состояние «защищённости», «благодарности») есть производная от космического порядка (cosmos), противопоставленного хаосу. Угрозы — не расчётливые «риски», а сакральные нарушения: гнев богов, нарушение табу, колдовство, роковая фатальность (moira, karma). Профилактика сводится к ритуальному соблюдению установленного порядка (жертвоприношения, молитвы, табу), а не к прогнозированию вероятностей.

В качестве примера можно привести древнегреческий полис, где безопасность города (*aspis* — символ этики долга, гражданской доблести и коллективной ответственности) обеспечивалась не полицейскими штатами, а соблюдением законов (nomoi), которые сами были священным даром богини Афины и гарантом *eunomia* (благого порядка). Катастрофа (например, чума в Афинах) интерпретировалась как признак божественного недовольства (*miasma*), а не как следствие дефицита санитарно-эпидемиологических условий. Как показал Э.Б. Тайлор, традиционные общества базировались на онтологической устойчивости, обеспеченной верой в сакральное и порядок [13]. М. Элиаде писал: «священное — это центр», и именно вокруг священного упорядочивается мир, обеспечивая человеку чувство защищённости [21, с. 22]. Культура безопасности была ориентирована на прошлое: нормы, передаваемые из поколения в поколение, служили надёжным ориентиром. А. Тойнби отмечал, что цивилизации, потерявшие связь с сакральным, впадают в «вызов-реакцию» и в итоге деградируют [14]. Ключевым институтом обеспечения безопасности была церковь (религиозный истеблишмент), которая не только объясняла происхождение угроз, но и ритуализировала их преодоление. Э. Дюркгейм утверждал, что религия есть «социальное объединяющее начало», создающее коллективную совесть и тем самым обеспечивая внутреннюю стабильность [11, с. 47].

Процесс модернизации, секуляризации и научно-технического прогресса, описанный М. Вебером как «расколдовывание мира» (*Entzauberung der Welt*), разрушает этот сакрально-космический каркас [6; 7]. Вебер использовал этот термин для описания трансформации культурного ландшафта, в котором традиционные магические и религиозные объяснения уступают место рациональному, техническому и вычислительному порядку [8]. Начало модерна (XVII–XVIII вв.) стало переломным моментом: безопасность перестала быть частью религиозной призмы мировосприятия и стала задачей власти и человеческого разума. Т. Гоббс писал: в «естественном состоянии» человек «есть волк для человека» (*Homo homini lupus*), и лишь абсолютная власть (*Левиафан*) может обеспечить безопасность [10, с. 82]. Таким образом, безопасность становится политическим императивом государства.

У. Бек в рамках концепции «общества риска» обосновывает, что риски становятся глобальными, человек-индуцированными (*manufactured risks*) и невидимыми (радиация, финансовые кризисы, климатические изменения) [1; 2]. С крушением внешнего, гарантированного сакрального порядка источник угрозы интериоризируется. Мир больше не населён демонами и богами, но подвержен изменениям своего внутреннего ландшафта — идеологическим аберрациям, психопатологиям, скрытым мотивам. Бек указывает на то, что угрозы теперь генерируются самим обществом (технологии, производство), и с философской точки зрения это означает, что «внешний враг» трансформируется во «внутреннего оппонента» [1; 4]. Проактивная культура безопасности, следовательно, есть культура управления «собственной неустойчивостью» и потенциальной деструктивностью человеческого проективизма [3; 5].

В качестве примера можно привести современное представление о «безопасности полётов». Прежде обеспечение безопасности воздушного судна и пассажиров опиралось на строгие процедуры и авторитет командира. После серии авиакатастроф, вызванных человеческим фактором (ошибки экипажа), сформировалась проактивная система CRM (Crew Resource Management), которая рефлексирует коммуникацию, иерархию, эмоциональное состояние внутри кабины. Угроза перенесена из сферы «неисправности двигателя» (внешний, технический риск) в сферу «неэффективного командного взаимодействия» (внутренний, антропологический риск).

М. Фуко в своих работах о дисциплинарном обществе показывает, как безопасность институционализируется через механизмы дисциплины и нормализации: тюрьмы, школы, больницы становятся «машинами» по производству безопасного субъекта [16]. В этом контексте безопасность приобретает реактивный характер: она активизируется в ответ на угрозу — бунт, эпидемия, преступность. Как отмечает Фуко, «безопасность — это регуляция популяции» через распределение ресурсов, контроль рождаемости, медицинские кампании [17, с. 31].

Институциональные трансформации дискурса безопасности

На протяжении нескольких веков (от Гоббса до Фуко) роль государства трансформируется, становясь центральным актором в производстве безопасности и порядка. Государственная власть играет ключевую роль в формировании культуры безопасности. Институты, такие как полиция и военные, становятся основными носителями практик обеспечения безопасности, устанавливая нормы и правила, регулирующие поведение граждан. В обществе модерна безопасность — монополия государства, как и легитимное насилие [6]. Однако в постмодернистских исследованиях эта монополия ослабевает: терроризм, киберугрозы, эпидемии дестабилизируют национальные границы. Государство переходит от внешнего обеспечения безопасности, которое уже не представляется возможным в полной мере, к внутреннему регулированию поведения граждан.

Влияние церкви ослабевает, она теряет свои прерогативы в области безопасности, уступая место светским институтам. Однако, как отмечает Ю. Хабермас, «вера не исчезает, а трансформируется» [18]. В постсекулярном обществе религия возвращается в дискурс безопасности, например, в экологических движениях («экологическая этика» как новая форма сакрального).

Наука, будучи движущей силой технологического прогресса, создаёт новые угрозы и возможности, что приводит к необходимости адаптации практик безопасности. При этом наука становится ещё и арбитром в определении рисков. Однако, как показал Бек, «научные знания сами производят неопределённость» [1, с. 45]. Вакцинация, ГМО, ядерная энергия — всё это области, где научные утверждения становятся объектом социального конфликта. Наука оказывается не гарантом безопасности, а её институциональным источником нестабильности. Новейшие научно-технические и медицинские достижения, как правило, не воспринимаются обществом как благо; они практически сразу попадают в зону критики, вызывая волну негативных реакций и недовольства, зачастую становясь причиной раскола и дестабилизации разных слоёв общества (к примеру, пандемия 2020 г.).

СМИ активно способствуют этому, являясь прямым каналом для увеличения дестабилизирующего контента, формирующего ежедневную новостную повестку. Средства массовой информации играют ключевую роль в конструировании рисков [22]. Как утверждает У. Бек, «риск — это то, что попадает в новостные заголовки» [1, с. 52]. СМИ не просто информируют, а нормализуют страх, создавая «культуру страха» (culture of fear), формируют общественное восприятие угроз и безопасности [15].

Проведём сравнительный анализ представлений о безопасности в докапиталистических и капиталистических обществах (табл.).

В докапиталистических формациях угроза была онтологической — связана с разрушением порядка. Безопасность рассматривалась через призму общинной взаимопомощи и посредничества сил, имеющих религиозное значение, и носила локальный характер. В капиталистическом обществе угроза становится онтогенетической — она порождается самим процессом развития. Безопасность оформляется через призму государствен-

ного контроля и законодательно установленной ответственности. А. Шопенгауэр, предвосхищая этот сдвиг, писал: «Чем выше ступень цивилизации, тем больше количество способов уничтожить самого себя» [19, с. 203]. Капиталистическая формация ввела финансовую институционализацию риска: страхование, деривативы, анализ риска инвестиций. Как показал Ф. Найт, «риск — это измеримая неопределённость», в отличие от «неопределённости», которая не поддаётся вычислению [12].

Таблица — Сравнительный анализ представлений о безопасности в докапиталистических и капиталистических обществах

Критерий	Докапиталистические общества	Капиталистические общества
Основание безопасности	Сакральный порядок, космос	Государство, наука, рынок
Тип угрозы	Божественное наказание, хаос	Преступность, экономические кризисы, технологические аварии
Роль субъекта	Пассивный участник циклов	Активный участник, несущий ответственность
Институты безопасности	Церковь, община, ритуал	Полиция, армия, СМИ, страховые компании
Временная ориентация	Прошлое (традиция)	Будущее (прогноз, планирование)
Восприятие риска	Внешний, неизбежный	Управляемый, антропогенный

Источник: составлено автором.

Антропологический сдвиг: переход от реактивной культуры безопасности к проактивной

Говоря о проактивной культуре безопасности, важно отметить, что индивидуализм, будучи ключевой ценностью модерна, разрывает коллективные, «общинные» механизмы защиты. Согласно исследованиям М. Фуко, индивид становится носителем и субъектом безопасности одновременно. Ответственность за защиту от рисков (финансовых, карьерных, психогигиенических) делегируется индивиду, который должен быть «предпринимателем самого себя» [17]. В рамках реактивной культуры безопасности для защиты в той или иной жизненной ситуации был важен сигнал от общины/государства, которые должны были гарантировать безопасность. Проактивная культура требует от субъекта постоянного самодиагностирования, прогнозирования и предпринимательства по минимизации индивидуальных уязвимостей.

В данном случае можно привести пример финансовой грамотности и пенсионных накопительных формул. В реактивной модели государство или предприятие предоставляло гарантированную пенсию. В проактивной модели индивид должен анализировать рыночные риски, высчитывать возможность и потенциал долгосрочных отчислений, самостоятельно конструировать «безопасную» финансовую траекторию. Безопасность здесь — продукт перформативного самоинвестирования (self-investment).

Согласно идеям Э. Гидденса в его работе «Устроение общества: Очерк теории структурации», современное общество по своей логике рефлексивно, потому что оно не просто сталкивается с рисками, но постоянно переосмысливает, классифицирует и производит новые категории рисков на основе собственного знания [9]. Культура безопасности становится гиперрефлексивной практикой, где сам факт обсуждения риска (в медиа, в терапии, в корпоративных тренингах) изменяет его восприятие и управление. Риск не «обнаруживается», он конструируется в дискурсивных практиках.

К примеру, «стресс», «выгорание» (*burnout*), «травма» (*trauma*) — это не объективные болезни, а рефлексивно сконструированные категории, которые маркируют ранее немаркированные состояния как «риски для безопасности личности». Проактивная культура безопасности здесь — это культура технологий саморефлексии (коучинг, технология осознанности в психологической практике (*mindfulness*), цифровой трекинг самочувствия и т.д.), цель которых — не просто «отреагировать» на кризис, а создать устойчивый внутренний аппарат для преодоления потенциальных будущих состояний.

Научная новизна предложенного подхода заключается в переворачивании каузальной цепочки. Господствующий в мире технологический детерминизм видит в развитии си-

стем мониторинга, алгоритмов предсказания и приборов защиты первопричину новой культуры безопасности. Как полная противоположность данному подходу, технологии проактивного управления рисками (Big Data, предиктивная аналитика, биометрический контроль) являются лишь материальным воплощением более глубокого антропологического запроса. Утрата сакрального создаёт экзистенциальный вакуум, который заполняется различными проектами контроля. Глубинный индивидуализм переносит груз необходимости обеспечения безопасности на самого человека, «принуждая» его к перманентному труду по самооптимизации. Рефлексивность же в данном контексте превращает жизнь в открытый коллективный эксперимент по идентификации и нейтрализации угроз.

Таким образом, переход от реактивной к проактивной культуре безопасности — это не эволюция методов и подходов, а в каком-то смысле «антропологический сдвиг». Традиционная безопасность была онтологически задана и коллективно переживаема. Современная безопасность становится онтологически проблематизирована и индивидуально производима. Она требует от субъекта не только знания процедур, но и постоянной работы над собой как над источником и объектом риска, виртуозности в управлении собственной рефлексией и готовности к перманентному состоянию «безопасного напряжения».

Заключение

В заключении следует отметить, что научная новизна исследования состоит в демонстрации того, что культура безопасности эволюционирует не линейно (от примитивных к высокотехнологичным практикам), а через изменение самой антропологической матрицы: осознание человеком своей уязвимости в «обществе риска» (У. Бек) ведёт к переходу от пассивного принятия угроз к их активному конструированию и минимизации, что отражает более широкий тренд — переход от гетерономности к автономности субъекта. Таким образом, формирование проактивной культуры безопасности есть не только социальный, но и экзистенциальный процесс, связанный с переосмыслением человеком своего места в мире, лишённом трансцендентных опор.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении диалогической природы проактивной культуры, где индивидуальные практики перманентной «заботы о себе» (*self-care*) встраиваются в цифровые экосистемы контроля, порождая новые формы так называемого «нео-сакрального», а именно «алгоритмической власти» (*algorithmic authority*) и коллективной гиперрефлексии. Век безопасности, таким образом, представляется веком перманентного онтологического проектирования, где вопрос «Как быть в безопасности?» превращается в более фундаментальный: «Как быть, чтобы быть безопасным?» — и ответ на него лежит теперь уже далеко не в плоскости традиционных подходов, а в глубинах рефлексирующего, индивидуализированного общества.

Литература

1. Бек У. Общество риска / пер. с нем. А. К. Ивановой. — М.: Питер, 2007. — 312 с.
2. Бек У. Глобальный мир / под ред. и с предисл. С.Л. Тихонова; пер. с нем. — СПб.: Алетейя, 2011. — 368 с.
3. Бек У. Трансформация современного общества / предисл. Д.В. Морозова; пер. с нем. — М.: Наука, 2014. — 424 с.
4. Бек У. Социальная трансформация: Современные проблемы / предисл. П.И. Сергеева; пер. с нем. — М.: Питер, 1992. — 384 с.
5. Бек У. Социальные изменения и глобальная неопределённость / предисл. В. Т. Кузнецова; пер. с нем. — М.: Наука, 1992. — 312 с.
6. Вебер М. Экономика и общество / пер. с нем. Н.К. Кузнецова; коммент. В. Г. Климова. — М.: Азбука Аттикус, 2015. — 960 с.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. И.М. Серова. — М.: Эко-Либра, 2019. — 224 с.
8. Вебер М. Политика как призвание / пер. с нем. Л.П. Соколова. — М.: Эко-Либра, 2021. — 256 с.
9. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / пер. с англ. — М.: Академический проект, 2005. — 528 с.
10. Гоббс Т. Левиафан / пер. с лат. О.В. Киселева; коммент. К. И. Смирнова. — М.: АСТ, 2020. — 560 с.
11. Дюркгейм Э. О разделении труда в обществе / пер. с фр. А.Е. Григорьева. — М.: Наука, 2014. — 416 с.
12. Найт Ф. Социальные артефакты: Содержание и символика / под ред. В.Г. Романова. — М.: Наука, 2009. — 312 с.

13. Тайлор Э.Б. Тайм система: Теория истории и культуры / пер. с англ.; предисл. Д.С. Козлова. — СПб.: Наука, 2012. — 432 с.

14. Тойнби А. Исследование истории / под ред. и с коммент. С.В. Гурова; пер. с англ. — М.: ИЛП РАН, 2016. — 624 с.

15. Уолтер М. Культурные процессы в постмодернистском мире / пер. с англ. А.В. Карасева. — СПб.: Алетейя, 2009. — 248 с.

16. Фуко М. Надзор и наказание / пер. с фр. И.В. Бутенко; предисл. А.В. Зайцева. — М.: Эксмо, 2008. — 432 с.

17. Фуко М. Рождение биополитики / пер. с фр. С.Л. Калинина. — СПб.: Алетейя, 2005. — 272 с.

18. Хабермас Ю. Теория коммуникационного действия / пер. с нем. — М.: Юридическая литература, 1999. — 352 с.

19. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. с нем. И.С. Михайлова. — М.: АСТ, 2013. — 704 с.

20. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / пер. с рум. — М.: АСТ, 2005. — 256 с.

21. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с рум. В.В. Казакова. — М.: Претория, 2018. — 312 с.

22. Dzhavad O.V. The Phenomenon of Security: Socio Philosophical Context / O.V. Dzhavad, M.L. Ivleva // RUDN Journal of Philosophy. — 2025. — Vol. 29, No. 2. — С. 267-281.

THE PHENOMENON OF HEROISM UNDER CONDITIONS OF ALGORITHMIC DETERMINISM: AN EXISTENTIAL ANALYSIS

Zhukov Maxim Vitalievich, *Postgraduate Student, Tsiolkovsky Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga*

The purpose of the study is to analyze the phenomenon of heroism in the digital age as a form of existential rebellion that affirms the right to an authentic choice in the context of total algorithmic determinism. The methodological basis consists of a synthesis of the conceptual analysis of existentialist categories and a phenomenological description of choice situations at the intersection of human will and algorithmic systems. As a result, it is shown that algorithmization generates a specific form of "algorithmic absurdity" — a conflict between free human existence and the deterministic logic of the system. Heroism is defined as an authentic existential act in which an individual, assuming absolute responsibility, opposes their choice to the "optimal" prescriptions of the algorithm. The scientific novelty of the work lies in the development of the concept of "algorithmic absurdity" as an extension of A. Camus's ideas, as well as in the reinterpretation of heroism through the lens of existential philosophy (J.-P. Sartre, K. Jaspers, M.M. Bakhtin) in relation to the context of the digital era, where it manifests itself not as a singular feat but as a practice of everyday resistance in the form of "small acts of defiance."

Keywords: *heroism; algorithmization; digital age; existentialism; absurd; rebellion; authenticity; freedom.*

EDN: DPOOFC ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.8***

Цитировать: *Жуков М.В. Феномен героизма в условиях алгоритмической детерминации: экзистенциальный анализ // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 55-60. EDN: DPOOFC. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.8*

Феномен героизма в условиях алгоритмической детерминации: экзистенциальный анализ

УДК 14.140.8
5.7.8

© Жуков М.В., 2026

Целью исследования является анализ феномена героизма в цифровую эпоху как формы экзистенциального бунта, утверждающего право на аутентичный выбор в условиях тотальной алгоритмической детерминации. Методологическую основу составляет синтез концептуального анализа категорий экзистенциализма и феноменологического описания ситуаций выбора на стыке человеческой воли и алгоритмических систем. В результате показано, что алгоритмизация порождает специфическую форму «алгоритмического абсурда» — конфликта между свободной экзистенцией и детерминистской логикой системы. Героизм определяется как аутентичный экзистенциальный акт, в котором индивид, принимая на себя абсолютную ответственность, противопоставляет свой выбор «оптимальным» предписаниям алгоритма. Научная новизна работы заключается в разработке концепции «алгоритмического абсурда» как развития идей А. Камю, а также в переосмыслении героизма через призму экзистенциальной философии (Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, М.М. Бахтин) применительно к контексту цифровой эпохи, где он проявляется не как единичный подвиг, а как практика повседневного сопротивления в форме «малых выборов».

Ключевые слова: *героизм; алгоритмизация; цифровая эпоха; экзистенциализм; абсурд; бунт; аутентичность; свобода.*

ЖУКОВ Максим Витальевич, *аспирант, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, Калуга*

Введение

Современный этап технологического развития характеризуется беспрецедентным проникновением алгоритмических систем в ткань повседневной человеческой жизни. Цифровая среда, зиждящаяся на больших данных и искусственном интеллекте, формирует принципиально новые условия существования, в которых традиционные концепции свободы, ответственности и морального выбора подвергаются глубокому переосмыслению. В данном контексте проблематика сохранения человеческой идентичности и достоинства в условиях нарастающей алго-

ритмической детерминации обретает особую остроту.

Феномен героизма, исторически ассоциирующийся с преодолением экстремальных вызовов, в настоящее время требует новой концептуализации. Если классический героизм разворачивался в пространстве физического противостояния, то его современная ипостась все чаще проявляется в плоскости экзистенциального выбора — в ситуации столкновения человеческой воли с безличной логикой вычислительных систем. Этот конфликт порождает особую разновидность абсурда, при которой созданные человеком технологии вступают в противоречие с фундаментальными основами человеческого бытия.

Актуальность данного исследования обусловлена настоятельной необходимостью философского осмысления новых форм героического в эпоху цифровой трансформации общества. Понимание героизма как акта экзистенциального сопротивления алгоритмизации открывает возможность не только выявить имманентные риски технологического развития, но и наметить контуры сохранения человеческой автономии в условиях доминирования искусственного интеллекта.

Целью работы является анализ героизма как формы экзистенциального бунта против абсурдности алгоритмической предопределенности, находящего свое выражение в повседневной практике утверждения аутентичного выбора и личной ответственности. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: 1) выявить и проанализировать онтологические угрозы, которые алгоритмические системы несут человеческой свободе и аутентичности, с позиций экзистенциальной философии (Ж.-П. Сартр); 2) обосновать и раскрыть содержание понятия «алгоритмический абсурд» как специфической формы конфликта между экзистенцией и логикой алгоритмов, развивая идеи А. Камю; 3) концептуализировать героический поступок в цифровую эпоху как форму экзистенциального бунта и ответственного выбора, противопоставляемого системной детерминации; 4) выявить и классифицировать конкретные практики «малых сопротивлений» как повседневных проявлений нового героизма; 5) проанализировать ключевые экзистенциальные дилеммы (целей и средств, безопасности и свободы), возникающие перед индивидом, совершающим героический выбор в условиях алгоритмизации.

Логика изложения следует данной последовательности задач. Сначала опираясь на категориальный аппарат экзистенциальной философии, будет проанализирован алгоритмический детерминизм как источник новой формы абсурда и «неподлинности». Затем, на основе этого анализа, будет предложена концепция героизма как аутентичного бунта, а также рассмотрены его конкретные проявления и внутренние противоречия.

Алгоритмическая детерминация как экзистенциальная угроза и источник «алгоритмического абсурда»

С позиции экзистенциальной философии, широкое внедрение алгоритмических систем представляет собой не столько технологический сдвиг, сколько онтологическую угрозу, ведущую к систематической эрозии человеческой свободы и утверждению тотальной формы «неподлинного существования» (Сартр) [4, с. 112]. Алгоритмы, предлагая готовые, статистически выверенные поведенческие сценарии, превращаются в современное воплощение «дурной веры» (*mauvaise foi*) — фундаментального механизма бегства от собственной свободы и ответственности. Как отмечал Ж.-П. Сартр, человек «осужден быть свободным», однако эта свобода порождает экзистенциальную тревогу, от которой индивид пытается укрыться, делегируя свою способность к выбору внешнему, объективированному авторитету [4, с. 78]. В цифровую эпоху функцию такого авторитета выполняет алгоритм, чья мнимая «объективность» основана на данных, а не на моральном суждении.

Индивид, слепо следующий алгоритмической рекомендации, совершает акт экзистенциального самоотчуждения. Он добровольно отказывается от своей трансценденции — способности выходить за пределы наличной ситуации и проецировать собственное будущее — в пользу статичной фактичности, бытия-в-себе [4, с. 90]. Превращаясь из субъекта в объект управления, в «вещь среди вещей», он утрачивает то, что, по Сартру, составляет саму суть человеческого: способность «быть тем, чем он не является, и не быть тем, чем он

является» [4, с. 115]. Этот процесс порождает специфическую форму абсурда, которую можно определить как «алгоритмический абсурд».

Развивая мысль Камю применительно к новому контексту, можно сказать, что если классический абсурд проистекает из столкновения иррационального, безмолвного мира с безумным желанием человека обрести ясность и смысл [3, с. 45], то алгоритмический абсурд возникает из конфликта между человеческой экзистенцией с ее свободой, непредсказуемостью и поиском уникального смысла — и тотальной, имперсональной, псевдорациональной логикой вычислительных систем. Алгоритмический мир может казаться гиперрациональным, но эта рациональность враждебна иррациональной по своей природе человеческой экзистенции, что создает ситуацию фундаментального разрыва, нового «раздора между человеком и его жизнью, актером и декорациями» [3, с. 48], где функцию декораций выполняет цифровая среда.

Проявления абсурда: от предиктивной аналитики к социальному рейтингу

Проявления этого абсурда можно обнаружить в конкретных социальных практиках. Как указывает Г.Б. Юдин, системы предиктивной аналитики, используемые в управлении персоналом и отсеивающие «нестандартных» кандидатов, чей профессиональный путь не вписывается в выверенные статистические модели, формируют мир, в котором уникальность и непредсказуемость человеческой личности интерпретируются как девиация, а не потенциал [6, с. 73]. В этом заключена глубинная абсурдность ситуации: система, созданная человеком как инструмент упорядочивания мира, оборачивается против его собственной сути, отрицая право на индивидуальный, нелинейный жизненный проект. Анализируемая Н.М. Смирновой система социального рейтинга доводит эту логику до предела, создавая механизм «мягкого», но эффективного принуждения к конформному поведению, где социальное одобрение становится инструментом формирования «неподлинного» социального тела [5, с. 112].

В подобной системе пространство для героического поступка в его традиционном понимании катастрофически сужается, поскольку героизм по определению предполагает свободный волевой акт, выходящий за рамки рутины и предписаний. Алгоритмическая среда предлагает лишь иллюзию выбора, сводящуюся к выбору из предустановленных, безопасных опций. Угроза применения реальных санкций — от понижения рейтинга до профессиональных репрессий — лишь усугубляет экзистенциальную тревогу (*Angst*), связанную с необходимостью самостоятельного, ответственного выбора, тем самым подталкивая индивида к бегству в комфортную, безответственную предопределенность.

Таким образом, алгоритмизация создает не просто техническую проблему, а экзистенциальный тупик, ставящий под угрозу саму возможность аутентичного человеческого существования, в котором только и может зародиться подлинный героический поступок. Человек оказывается перед радикальным выбором: либо принять «дурную веру» алгоритмического детерминизма, либо столкнуться с тревогой свободы в ситуации, где сама система карает за ее проявление. Именно эта пограничная ситуация современности и требует героического усилия по преодолению как внутреннего, так и внешнего сопротивления.

Героизм как аутентичный бунт и ответственный выбор в эпоху алгоритмов

Парадоксальным образом, экзистенциальный тупик, порождаемый алгоритмизацией, дает жизнь новым формам героического, которые в рамках экзистенциалистской парадигмы осмысляются как акт аутентичного существования. В противоположность «неподлинности» следования алгоритмическим директивам, героизм проявляет себя как сознательный, ответственный отказ от навязанных системой сценариев. Этот отказ представляет собой форму бунта, который, по определению А. Камю, начинается с «осознания очевидной, подавляющей судьбы — без отказа, который обычно за ним следует» [3, с. 52]. В цифровом контексте такой бунт — это не нигилистическое отрицание технологии как таковой, а акт «говорить "нет"» тому, что подавляет человеческое в человеке, и одновременно «"да"» тому, что он в себе утверждает [3, с. 132].

Данный героический акт является практической реализацией концепции свободы Сартра. Когда индивид, испытывая экзистенциальную тревогу, постигает, что он «обречен на свободу» [4, с. 78], он принимает на себя всю тяжесть ответственности за последствия своего выбора, отказываясь перекладывать ее на «объективность» данных. Такой поступок есть воплощение того, что М.М. Бахтин именовал «поступком в ситуации» — единственно ответственным актом, в котором «участвует вся единственная личность» [1, с. 42]. Учитель, бросающий вызов прогнозу адаптивной системы об учебном «потолке» ученика, или судья, учитывающий уникальные обстоятельства дела вопреки алгоритмической оценке риска рецидива, совершают именно такой бунт. Они утверждают, что человек — это не совокупность данных и не статичный набор характеристик, а проект, непрерывно созидающий себя своими выборами, трансцендирующий за пределы любой заданной фактичности [4, с. 90].

Подобные ситуации являются современными «пограничными ситуациями» (К. Ясперс) — экзистенциальными моментами, когда рутинный, автоматизированный мир сталкивается с фундаментальными вопросами человеческого бытия [7, с. 95]. В такие моменты, по Ясперсу, человек встречается с чем-то «окончательным» — в данном случае с окончательностью алгоритмического детерминизма, — что разрушает привычную повседневность и принуждает к подлинному самоопределению. Герой в этой ситуации — это тот, кто, подобно Сизифу Камю, ясно осознает абсурдность своего положения: бессмысленность как слепого следования алгоритму, так и потенциальную тщетность бунта против него. Однако, как писал Камю, «сама борьба с вершиной достаточна, чтобы заполнить сердце человека» [3, с. 55]. Победа такого героя заключена не в гарантированном успехе или изменении системы, а в самом акте сознательного выбора, в стоическом утверждении своей воли и человеческого достоинства вопреки внешнему давлению.

Более того, в условиях повседневной, а не ситуативной алгоритмизации, этот героический бунт отнюдь не всегда является громким и публичным жестом. Он все чаще обретает форму «малых сопротивлений» — повседневных, методичных актов утверждения собственной воли, ответственности и эмпатии в тех точках, где система предлагает исключительно холодный расчет и утилитарную эффективность. Врач, опирающийся на клинический опыт и интуицию, а не исключительно на данные диагностической программы; журналист, отказывающийся от использования заголовков-ловушек, рекомендованных алгоритмом для максимизации охвата; рядовой пользователь, сознательно ограничивающий время использования соцсетей, вопреки продуманной архитектуре вовлечения, — все эти случаи иллюстрируют аутентичный выбор, который, будучи умноженным, формирует ткань экзистенциального сопротивления.

Таким образом, в эпоху алгоритмов героизм смещается из сферы единовременных внешних свершений в пространство постоянного внутреннего усилия и ежедневного морального выбора. Это усилие нацелено на сохранение себя в качестве субъекта, а не объекта технологических процессов, и на утверждение права на собственную, ни к чему не сводимую экзистенциальную истину перед лицом абсурдной претензии алгоритма на тотальную истинность.

Экзистенциальные дилеммы героического выбора

Однако сам этот героический выбор, понятый как экзистенциальный бунт, не является простым или однозначным. Проблема героизма в контексте сопротивления алгоритмизации обнажает ряд экзистенциальных дилемм, не имеющих универсальных решений и требующих от индивида постоянного личностного усилия по их преодолению. Эти дилеммы представляют собой не просто логические парадоксы, но экзистенциальные тупики (К. Ясперс), в которых сталкиваются фундаментальные ценности человеческого существования [7, с. 101].

Дилемма целей и средств обретает в экзистенциалистской оптике новое, трагическое звучание. Способен ли бунт, нацеленный на утверждение человечности и попирающий правила алгоритмической системы, сохранить аутентичность, если он сам прибегает к инструментам насилия, обмана или иного нарушения этических норм? Не оборачивается ли бунт против одной формы отчужде-

ния дорогой к другому, возможно, еще более опасному? Эта дилемма, как демонстрирует пример «разоблачителя», вынужденного нарушать корпоративные правила для обнародования информации о неэтичных алгоритмах, не поддается алгоритмическому разрешению. Она требует от индивида непрерывной рефлексии и морального творчества, поскольку, по Сартру, «человек не что иное, как его проект самого себя» [4, с. 85], и каждый выбор конституирует его сущность. Никакой внешний, объективный моральный кодекс не в состоянии снять с индивида бремя этого выбора.

Дилемма безопасности и свободы становится для экзистенциализма ключевым испытанием человеческой аутентичности. Алгоритмический комфорт и гарантированная безопасность представляют собой соблазн «дурной веры» — искушение обменять свою «экзистенцию», свою сущностную свободу, на спокойное «бытие-вещью» в хорошо отлаженной системе. Героический выбор в пользу свободы — это всегда выбор в пользу риска, неопределенности и экзистенциальной тревоги. Возможен ли баланс? Экзистенциализм предлагает радикальный ответ: никакого объективного баланса не существует, есть лишь голый выбор, за который индивид несет полную и ни с кем не разделяемую ответственность перед самим собой и своей совестью [4, с. 89]. Выбор между высоким социальным рейтингом и помощью «неблагонадежному» — это не расчет, а экзистенциальный прыжок, в котором индивид определяет, кем он является.

Проблема распределения ответственности в экзистенциалистской рамке кардинально переформулируется. Вопрос смещается с поиска виновных (разработчик, регулятор, пользователь) в плоскость личной экзистенциальной позиции. Сартр утверждал, что, «выбирая себя, я выбираю человека вообще» [4, с. 294]. Это означает, что индивид несет ответственность не только за свои прямые действия, но и за тот мир, который он своими выборами поддерживает и легитимизирует. Даже пассивное следование алгоритму, конформное принятие его решений — это не невинное поведение, а моральный выбор, за который человек экзистенциально ответственен. Он творит тот мир, в котором алгоритмическая бюрократия подменяет человеческое суждение.

Наконец, дилемма определения «человеческого» оказывается центральной для понимания самой возможности героизма в цифровую эпоху. Героизм в его экзистенциальной трактовке — это борьба за право оставаться «нередуцируемым», тем, что нельзя до конца оцифровать, формализовать и предсказать. Это утверждение способности к абсолютно свободному, ничем не детерминированному поступку, который, по словам Ф.М. Достоевского, может быть продиктован «собственной, выгоднейшей выгодой», вопреки всякой рациональности и очевидной пользе [2, с. 119]. Герой отстаивает право на иррациональное, на спонтанность, на ту самую «подпольность», которая делает человека человеком, а не «штифтиком в орга́не» [2, с. 122]. В этом контексте развитие искусственного интеллекта, способного к имитации эмпатии или морального суждения, лишь рельефнее оттеняет уникальность человеческого как способности к бытийному акту — поступку, укорененному не в вычислении, а в свободе.

Каждая из этих дилемм демонстрирует, что современный героизм требует не только личного мужества, но и развитого философского сознания, способного к рефлексии над сложными этическими проблемами, порожденными технологическим развитием. Преодоление этих «тупиков» является не поиском готовых ответов, а точкой экзистенциального роста, в которой индивид заново утверждает себя как свободный и ответственный автор собственной жизни перед лицом алгоритмического абсурда.

Таким образом, анализ героизма через призму экзистенциальной философии позволяет не только описать новый формат героического поступка, но и выявить его внутренние противоречия.

Заключение

Проведенное исследование, имевшее своей целью анализ героизма как формы экзистенциального бунта против абсурдности алгоритмической предопределенности, позволило решить поставленные задачи и, тем самым, достичь цели. Последовательная реализация исследовательских задач привела к следующим принципиальным результатам.

Во-первых, был осуществлен анализ алгоритмической детерминации как онтологической угрозы, ведущей к систематической эрозии человеческой свободы и утверждению «неподлинного существования» (Ж.-П. Сартр), что создало теоретический фундамент для дальнейшего рассмотрения.

Во-вторых, на этом основании было разработано и обосновано ключевое для работы понятие «алгоритмического абсурда», характеризующее фундаментальный конфликт между свободной, иррациональной по своей природе экзистенцией и тотальной, псевдорациональной логикой вычислительных систем, что представляет собой развитие идей А. Камю применительно к цифровому контексту.

В-третьих, это позволило дать новую концептуализацию героического поступка в цифровую эпоху. Героизм был определен как аутентичный экзистенциальный акт, в котором индивид, превозмогая тревогу и принимая на себя абсолютную ответственность, противопоставляет свой свободный выбор «оптимальным» предписаниям алгоритма, тем самым совершая акт бунта (А. Камю) и утверждая себя как «проект» (Ж.-П. Сартр).

В-четвертых, проведенное исследование выявило и описало конкретные формы проявления такого героизма в виде «малых сопротивлений» — повседневных актов утверждения воли, ответственности и эмпатии в профессиональной и приватной сферах (практики врача, учителя, журналиста, рядового пользователя).

Наконец, был осуществлен анализ ключевых экзистенциальных дилемм (целей и средств, безопасности и свободы, распределения ответственности), возникающих перед индивидом, совершающим героический выбор, что показало невозможность их алгоритмического разрешения и их роль как точек личностного роста (К. Ясперс).

Таким образом, настоящая работа демонстрирует фундаментальную трансформацию феномена героизма в условиях нарастающей алгоритмизации. Современный героизм утрачивает свои традиционные черты экстраординарного подвига и обретает новые характеристики, проявляясь как форма повседневного экзистенциального сопротивления. Алгоритмическая среда, предлагая готовые решения, создает ситуацию, в которой простое сохранение человеческой автономии и способности к самостоятельному моральному выбору само по себе становится героическим актом.

В этом контексте героем оказывается не тот, кто совершает масштабные деяния, а тот, кто в повседневности сохраняет способность говорить «нет» логике системы, когда она вступает в противоречие с человеческими ценностями. Цифровая эпоха порождает новый тип героя — человека, способного нести бремя ответственности за свой выбор в мире, где технологии все активнее предлагают переложить это бремя на алгоритмы. Культурное значение этого феномена заключается в том, что он указывает путь к сохранению человечности не через отрицание технологического прогресса, а через углубление в собственную экзистенцию. Героизм современности — это мужество каждый день совершать осознанный выбор в мире, который все настойчивее стремится этот выбор за нас сделать, и нести полную ответственность за его последствия.

Литература:

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Собрание сочинений: В 7 т. — Т. 1. — М.: Русские словари, 2003. — С. 7–68.
2. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание сочинений: В 30 т. — Т. 5. — Л.: Наука, 1973. — С. 99–180.
3. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / пер. с фр. — М.: АСТ, 2018. — 224 с.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / пер. с фр. — М.: Политиздат, 1989. — 176 с.
5. Смирнова Н.М. Социальный рейтинг как технология управления: этико-философский анализ // Вестник РУДН. Серия: Философия. — 2022. — Т. 26, № 1. — С. 108–118.
6. Юдин Г.Б. Цифровой соблазн: Человек в эпоху больших данных. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. — 256 с.
7. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — С. 287–420.

THE TRINITARIAN PARADIGM IN ANTE-NICENE THEOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL THOUGHT

Zelenov Alexandr Viktorovich, *Postgraduate student, General Church Postgraduate and Doctoral Studies named after Holy Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius, Moscow*

The study is devoted to the analysis of the Trinitarian paradigm in ante-Nicene theological and philosophical thought and aims to identify and characterize the conceptual foundations of the doctrine of the Trinity within the Christian tradition. The focus of the study is the process by which ideas of God as both one and triune were formed. This process unfolded, in particular, in the absence of a dogmatically fixed Trinitarian formula, yet developed at the intersection of biblical revelation and ancient philosophical reflection. The relevance of the present research is determined by the need for a systematic comprehension of the ante-Nicene period as an independent stage in the development of Christian theology, possessing its own logic and internal coherence. Special attention is given to a detailed analysis of the key concepts and models through which early Christian thinkers understood and interpreted the relationship between God the Father, the Logos (the Son), and the Holy Spirit, including subordinationist, logocentric, and functional interpretations. The methodological basis of the study consists of historical-theological and philosophical-hermeneutical approaches, which make it possible to examine Trinitarian issues within the context of the intellectual culture of antiquity and early Christianity. In addition, the conceptual apparatus of ante-Nicene thought is analyzed, and certain philosophical presuppositions that significantly influenced the formation of Trinitarian discourse as a whole are elucidated. As a result of the research, it is demonstrated that the ante-Nicene Trinitarian paradigm is characterized primarily by dynamism and conceptual heterogeneity, while nevertheless exhibiting a persistent aspiration toward the affirmation of the unity of the Godhead. The article concludes that during the ante-Nicene period fundamental categories and concepts were formed that determined the subsequent dogmatic development of the Christian doctrine of the Trinity.

Keywords: *Trinitarian paradigm; ante-Nicene period; early Christian theology; doctrine of the Trinity; Holy Trinity; Logos; Holy Spirit; subordinationism; patristics; theological-philosophical thought; dogmatic development.*

EDN: DQFXEO **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.9**

Цитировать: *Зеленов А.В. Тринитарная парадигма в доникейской богословско-философской мысли // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 61-71. EDN: DQFXEO. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.9*

ТРИНИТАРНАЯ ПАРАДИГМА В ДОНИКЕЙСКОЙ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

УДК 231.01
5.7.9

© Зеленов А.В., 2026

Исследование посвящено анализу тринитарной парадигмы в доникейской богословско-философской мысли и направлена на выявление и характеристику концептуальных оснований учения о Троице в христианской традиции. Центром исследования является процесс формирования представлений о Боге как едином и в то же время троичном. Данный процесс происходил, в частности, в условиях отсутствия догматически закрепленной тринитарной формулы, но, в то же время, он развивался на пересечении библейского откровения и античной философской рефлексии. При этом, актуальность настоящей работы определяется необходимостью системного осмысления доникейского периода, представляющегося как самостоятельный этап развития христианского богословия, и обладающего собственной логикой и внутренним единством. Особое внимание также уделяется детальному анализу ключевых понятий и моделей, посредством которых ранние христианские мыслители понимали и осмысливали соотношение Бога Отца, Логоса (Сына), а также Святого Духа, включая логосоцентрические и функциональные его интерпретации, понимание субординационизма. Методологическую основу данного исследования составляют историко-богословский и философско-герменевтический подходы, благодаря которым становится возможным рассмотреть тринитарную проблематику в контексте интеллектуальной культуры античности и раннего христианства. Наряду с этим, проводится анализ понятийного аппарата доникейской мысли, а также раскрываются некоторые философские предпосылки, оказавшие значительное влияние на формирование тринитарного дискурса в целом. В результате исследования про-

демонстрировано, что доникейская тринитарная парадигма характеризуется, прежде всего, динамичностью и концептуальной неоднородностью, при наличии, однако, устойчивого стремления к утверждению единства Божества. Делается вывод, что в доникейский период были сформированы фундаментальные категории и понятия, которые определили дальнейшее догматическое развитие христианского учения о Троице.

Ключевые слова. *тринитарная парадигма; доникейская эпоха; раннехристианское богословие; учение о Троице; Святая Троица; Логос; Святой Дух; субординационизм; патристика; богословско-философская мысль; догматическое развитие.*

ЗЕЛЕНОВ Александр Викторович, *аспирант, Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Москва*

Введение

Доникейский период в истории христианства является временем активного развития богословия, формирования церковной структуры, а также периодом развития богослужебной практики. Христианство в данный период включало в себя различные понятия, которые сегодня рассматриваются в аспекте их влияния на вероучение в целом. Учитывая это, следует выделить некоторые особенности вероучения христианства в доникейский период [1, с. 152].

Цель исследования. Одним из основных аспектов является учение о Святой Троице. Так, традиционным пониманием для доникейской церкви выступал субординационизм, под которым необходимо понимать веру личности в абсолютное главенство Единого Бога (Отца) над подчиненным Ему Сыном («Логосом»), а Сына — над святым духом. Отдельно следует отметить также и учение об Иисусе Христе. Первоначально основное внимание уделялось Его божественной природе, при этом возникала некоторая сложность умаления Его человеческой природы. На основе этого возник так называемый докетизм (еретическое христианское учение), представлявший собой учение относительно призрачности человеческого тела Иисуса Христа, отрицающее при этом истинность самого Боговоплощения.

Проблемная область исследования. Конечно, происходило формирование канона Нового Завета. На протяжении первых веков существовало достаточно много различных текстов, которые можно было отнести к апостольскому преданию, однако не все они вошли в состав священных книг. Конечно, рассматриваемое понятие включает в себя ряд представлений, позволяющих говорить о его понятийном аппарате [10, с. 32]:

1. Субординационизм, представляющий собой веру в абсолютное главенство Единого Бога (Отца) над подчиненным Ему Сыном («Логосом»), а Сына — над Святым Духом. Например:

— Сын во всем подчинен Отцу и меньше Его. Хотя Сын и назывался «богом», но лишь в условном смысле, как тот, кто был представителем истинного Бога и осуществлял Его волю.

— Святой Дух был подчиненным Сыну средством, которым Сын творил мироздание. Некоторые богословы считали, что Святой Дух был сотворен Сыном.

2. Различие терминов в троичном богословии предполагает, что термин «сущность» употреблялся с целью обозначения единства в Боге, а «ипостась» — для различия Лиц. Однако некоторые исследователи не дали положительного определения соответствующих понятий.

3. Идея Логоса-посредника состоит в том, что Логос рассматривался в качестве посредника между Богом и творимым Им миром. Принимая во внимание тот факт, что Бог Сам по Себе, будучи Существом трансцендентным, не может соприкоснуться ни с чем тварным, то для сотворения мира и управления им Он нуждается в посреднике, и этот посредник — Божественное Слово — Логос.

Исследовательский вопрос. Учитывая то, что методологическую основу данного исследования составляют историко-богословский и философско-герменевтический подходы, мы можем сделать вывод, что историко-богословский контекст доникейской эпохи формировался в условиях отсутствия догматической завершенности и институциональной устой-

чивости Церкви. При этом, само христианство существовало в мире античной культуры, испытывая некоторое давление со стороны иудаизма, эллинистической философии, а также римской государственной идеологии.

Данные обстоятельства определяли необходимость постоянного самоопределения, что могло проявляться, например, в защите веры от внешней критики и внутреннего искажения основных аспектов и понятий, а также поиска того языка, который будет способен выразить сравнительно новое откровение в понятных для определенной эпохи категориях.

Богословская мысль доникейского периода носила преимущественно апологетический и полемический характер. Основные усилия были направлены на осмысление личности Христа, соотношения веры и разума, природы Откровения, и, помимо этого, роли самой Церкви в мире. Отсутствие общецерковных догматических формул приводило к многообразию интерпретаций и пониманий, что, с одной стороны, способствовало формированию богословских споров и ересей, а с другой — позволяло несколько стимулировать развитие понятийного аппарата и углубление христианской рефлексии.

Доникейская эпоха в целом стала своего рода подготовительным этапом, направленным на последующее догматическое оформление христианства. В условиях исторической нестабильности и различных равноправных, независимых и несводимых друг к другу форм знания и методологий познания, были сформированы основы христианского вероучения, которые потребовали «соборного осмысления», а также некоторого закрепления в научном знании. При этом, в качестве значительного итога данного процесса стало созревание богословских предпосылок для Никейского Собора, где накопленный опыт ранней Церкви получил не только нормативное, но и также общеобязательное выражение.

Синтез богослужебной практики, осуществившийся в никейский период, оказывается и реальным историческим, прежде всего, синтезом различных тенденций предшествующих веков. Однако, он являлся и формой, благодаря которой возможно понять и теоретически выразить в дискурсе литургической теологии смысл различий и внутреннего единства данных практик. В то же время, богословский смысл доникейского богослужения приобретает отчетливые и конкретные формы в развитом богословском смысле литургического богослужения константиновской эпохи [5, с. 91-102].

Возникновение и развитие практики молитвенного призывания Святого Духа в раннехристианской традиции остается сегодня по-прежнему малоизученной темой. Существует много вопросов, на которые ответы пока еще не найдены. В православной, католической и протестантской традициях пение гимнов и употребление молитв Святому Духу является нормативной богослужебной практикой [9, с. 465]. Тем не менее, с целью понимания сути данного вопроса, исследователи предлагают проследить примерное время возникновения практики молитвенного обращения к Святому Духу и попытаться найти ответы на вопросы о причинах ее достаточно позднего появления [3, с. 9-20].

Критический обзор работ

В современной патристической историографии проблема божественного промысла рассматривается как один из ключевых узлов христианской философии не только истории, но и антропологии. В настоящем контексте показательной является позиция А.А. Каменчука, который отмечает и подчеркивает преемственность между доникейскими концептуализациями промысла (учения, которые существовали в период от зарождения христианства), а также богословскими построениями рассматриваемой и анализируемой эпохи.

А.А. Каменчук отмечает, что в эпоху Вселенских соборов православные богословы продолжали развивать сложившиеся в доникейский период концептуализации божественного промысла. В этом тематическом блоке выделяются три основные тенденции: полемика с концепциями промысла у языческих философов; критика астрологического фатализма; попытки теоретического согласования благого божественного промысла с отсутствием справедливого воздаяния за этические поступки в течение земной жизни [4, с. 76-87].

Как видно, анализируя корпус текстов православных авторов эпохи Вселенских соборов, А.А. Каменчук выделяет три устойчивые ли-

нии осмысления божественного промысла, которые, по мнению исследователя, несколько структурируют богословскую мысль (теологию) рассматриваемого периода.

Первая из них, например, связана с критической полемикой с языческой философской традицией, прежде всего с теми ее направлениями, в которых провидение трактовалось либо в безлично-космологическом ключе, либо как рациональный принцип, который не является соотносимым с личностным Богом христианского откровения.

В данном контексте христианские богословы, как отмечает А.А. Каменчук, стремились не столько отвергнуть античную философию в полном ее понимании, сколько переосмыслить ее понятийный аппарат, желая понять его сущность.

При этом, также наблюдается противопоставление стоическому или платоническому пониманию учения о личном и благом Боге-Творце, что позволяет говорить относительно формирования собственных трактовок понятия.

Вторая тенденция, по наблюдению исследователя, выражается в последовательной критике астрологического фатализма, получившего широкое распространение в позднеантичной культуре. А.А. Каменчук говорит о том, что обращение богословов к данной проблематике было обусловлено не только пастырскими задачами, но и также необходимостью защиты христианского учения о свободе воли, без которого само понятие нравственной ответственности теряло бы любой смысл.

В данном отношении полемика с астрологией становится значимым и даже в некотором смысле необходимым элементом более широкой дискуссии, направленной на соотношение как божественного промысла, так и человеческой свободы.

Наконец, третья линия, которую А.А. Каменчук рассматривает как наиболее теоретически сложную, тесным образом с попытками согласования идеи благого божественного промысла с эмпирической реальностью зла, а также отсутствием справедливого воздаяния в пределах земной человеческой жизни.

Помимо этого, исследователь также отмечает, что именно в эпоху Вселенских соборов данная проблематика приобретает черты систематического богословского осмысления, формируя важные предпосылки для христианской теодицеи. При этом ученый подчеркивает, что богословы данного периода, как правило, избегают рационалистических объяснений зла, предпочитая рассматривать его в эсхатологической перспективе (учение о судьбах человеческой личности) и в контексте домостроительства спасения.

Тринитарная парадигма в доникейской богословско-философской мысли была представлена учениями многих философов, среди который можно отметить муч. Иустина Философа, Тертуллиана, Оригена и муч. Ипполита Римского. Данные раннехристианские писатели предприняли попытку осмыслить учение о Боге-Троице, используя при этом как логико-философский аппарат, так и метафизические конструкции античной философии.

Муч. Иустин Философ, в частности, изложил тринитарное учение в наиболее систематическом виде. Богослов полагал, что первоначально вечно существовал единый Бог-Отец, а в нем всегда пребывала его «словесная мощь», она была «внутренним Словом (Логосом) Божиим». Когда Отец захотел создать мир, Он произнес это Слово, которое стало Его рожденным Сыном, «другим Богом», «служителем Отца». В его трудах встречаются такие понятия, как субординационизм и космологизм (представление о том, что Логос рождается в связи с творением мира) [7, с. 72].

Решающий момент в учении философа тесно связан с актом творения, муч. Иустин Философ отмечает, что, когда Бог-Отец пожелал создать мир, Логос становится своего рода устным указанием, произнесенным Словом, т.е. рождается как Сын и получает личностное бытие.

Именно в этом контексте раннехристианский писатель говорит о Логосе как о «другом Боге» и «служителе Отца», подчеркивая при этом функциональное и иерархическое различие между Отцом и Сыном. В интерпретации самого богослова данное различие не разрушает единства Божества, однако, оно способно отражать порядок, показывающий основы божественного действия в мире.

В историографической перспективе учение муч. Иустина Философа занимает промежуточное положение между библейским свидетельством о Слове и позднейшей никейской догматикой. Его концепция Логоса демон-

стрирует попытку философского осмысления христианской веры, в которой еще отсутствует терминологически оформленное учение о единосущии, являющегося богословским термином, обозначающим единство божественной природы (сущности) в Лицах Отца, Сына и Святого Духа. Однако, важно учитывать, что в данное понимание уже заложены ключевые категории, которые определили дальнейшее формирование и развитие тринитарного богословия.

Еще один раннехристианский писатель, теолог и апологет, Тертуллиан, разработал учение о Святой Троице. Философом отмечается, что каждое из Лиц Троицы есть Бог, однако, все они являются одним. Лица Троицы, хотя и едины по существу или по субстанции, тем не менее различаются как Лица. Сын и Дух выступают не просто как безличные силы или инструменты Бога Отца, но приобретают статус самостоятельных Лиц.

Тертуллиан признавал Божественными все Лица Троицы, и все они вместе составляют единую Божественную реальность. Выработанная Тертуллианом тринитарная терминология — Троица, лицо, единство по сущности и др. — использовалась богословами на протяжении многих веков [8, с. 327].

В историографических интерпретациях Тертуллиан выступает в качестве автора, который смог зафиксировать следующий принцип: каждое из Лиц Троицы является Богом, при этом сохраняется единство Божественной реальности. Богослов также подчеркивает, что принципиально важно проводить видимую грань, даже дифференциацию между единством сущности и различием Лиц.

Однако, Тертуллиан не растворяет различие между Отцом, Сыном и Святым Духом. В настоящем контексте Тертуллиан интерпретируется как мыслитель, который смог заложить основы для последующего богословского разграничения между «единосущием» и «ипостасным различием», хотя важно отметить и то, что сами будущие никейские термины еще отсутствуют в его трудах.

Ввиду этого можно сделать вывод, что именно благодаря Тертуллиану тринитарное учение получило понятийный язык, который позволил в дальнейшем вести богословскую дискуссию на философски выверенном уровне. Тем самым в историографии вклад теолога оценивается не столько как завершителя догматического учения о Троице, сколько как его роль в качестве концептуального «архитектора», оказавшего долговременное влияние на развитие христианской теологии в целом.

Другой исследователь, Ориген, отводил центральное место Логосу, Второй Ипостаси Троицы. Он полагал, что Логос следует рассматривать как посредника между Богом и творимым Им миром. Сын рождается Отцом именно с той целью, чтобы представлять собой посредника при творении, а следовательно, и само рождение Сына нужно мыслить предвечно (не имея ни начала, ни конца) [8, с. 271].

Ориген признавал ипостасность Сына, поскольку Сын в его системе является не безличной силой, а самостоятельным Существом, ипостасно отличное от Отца. Троица, по Оригену, — это убывающая Троица: Отец, Сын, Святой Дух, где каждое последующее Лицо находится в подчиненном положении по отношению к предшествующему. При этом, Ориген был первым, кто установил различие терминов в троичном богословии: термин «сущность» он стал употреблять для обозначения единства в Боге, а «ипостась» — для различия Лиц [8, с. 271].

В рамках своей богословской концепции Ориген рассматривает Логос в качестве необходимого связующего звена между трансцендентным Богом и космосом. Именно Сын, по мысли богослова, делает возможным творение и промышление о мире, поскольку непосредственное действие Отца в отношении изменчивого и множественного бытия противоречило бы абсолютной простоте и неизменности Божества, что не могло бы вписаться в данную концепцию как таковую.

В связи с этим рождение Сына мыслится не просто как некий акт во времени, а как предвечное и необходимое отношение внутри самого Божественного бытия. Тем самым Ориген одним из первых в христианской мысли формулирует идею вечного рождения Сына, принципиально отличную от схем субординационизма, представленных гностическим или иудейским происхождением.

Результаты исследования и их обсуждение

В историографии доникейской тринитарной мысли Ориген предстает не только как

отвлеченный богослов, но и как систематизатор, чье учение одновременно включает в себя элементы будущей никейской ортодоксии и черты, впоследствии признанные не просто сложными, но и несколько проблематичными.

Концепция Троицы исследователя фиксирует напряжение между философским наследием эллинизма и задачей сохранения библейского монотеизма (религиозное представление о существовании только одного, единого Бога), что делает ее ключевым этапом в развитии христианского учения о Боге.

Отдельного анализа требует наследие христианского богослова, церковного деятеля, автора многочисленных литургико-канонических, догматических, полемических, экзегетических и исторических трудов — муч. Ипполита Римского. Так, раннехристианский писатель опровергал модалистическое учение Ноэта из Смирны, отождествлявшего Бога Отца с Богом Сыном, считая, что до воплощения существовал один только Бог Отец, который после воплощения стал Сыном Божиим.

Муч. Ипполит Римский критиковал основания ноэтианской доктрины, излагая православное учение о Боге едином, по существу, и троичном в лицах. В то же время, мыслитель разрабатывал учение о Троице в полемике с модализмом (учением, согласно которому Отец, Сын и Дух Святой являются модусами единой божественной субстанции). В то же время, в христологии муч. Ипполит Римский настаивал на реальности человеческой природы Христа [6, с. 300-325].

В историографической перспективе можно подчеркнуть, что тринитарное учение муч. Ипполита Римского еще не обладает терминологической строгостью никейского богословия, однако уже включает в себя его ключевые интуиции. Также можно отметить, что теолог рассуждает о Боге как едином во всем своем существе, что позволяет нам рассматривать Бога не только в отдельности, но и в совокупности Лиц.

Особое значение в концепции придается также тому, что муч. Ипполит Римский соотносит учение о Троице с христологией. Так, признание реальности человеческой природы Христа представляет для него дополнительный аргумент, направленный против модализма, поскольку исключает всякую возможность отождествления Отца и Сына без ущерба непосредственно для тайны его воплощения.

В целом, можно сделать вывод, что муч. Ипполит Римский предстает не только как полемист, который реагирует очень тонко на различные направления своего времени, но и как богослов, который смог сформировать и заложить важные предпосылки для последующего догматического оформления тринитарного учения.

Наследие философа в историографии рассматривается как переходное звено между апологетической теологией и зрелым богословием никейской эпохи; ввиду этого, фигура муч. Ипполита Римского является ключевой в понимании представлений о Боге, а также в целом понимания эволюции доникейской тринитарной мысли.

Изучение взглядов раннехристианских писателей дает возможность уточнить, что традиционным пониманием для доникейской церкви был субординационизм, который заключался в вере в абсолютное главенство Единого Бога (Отца) над подчиненным Ему Сыном, а Сына — над Святым Духом. Например, если рассматривать учение Оригена о Троице, то это убывающая Троица: Отец, Сын, Святой Дух, где каждое последующее Лицо находится в подчиненном положении по отношению к предшествующему. В то же время, учение Тертуллиана о Троице представлено следующим образом: каждое из Лиц Святой Троицы представляет собой Бога, но вместе с тем все Они являются единым. При этом, хотя Лица и едины по субстанции, они все же различаются как Лица.

Согласно взглядам философа, Отца следует рассматривать как источник и полное божество, в то время как Сын является вечным Логосом, рождаемым Отцом и обладающим божественной природой, но в меньшей мере, чем Отец. Что касается Святого Духа, то он занимает третью ступень в данной онтологической иерархии.

Несмотря на то, что Ориген отвергал представление о рождении Сына из сущности Отца, он все же последовательно проводил мысль о подчиненности Сына Отцу по степени божественного достоинства. Тем самым можно сделать вывод, что его тринитарная схема отражает характерное для доникейской эпохи стремление осмыслить различие Лиц

преимущественно в категориях порядка и иерархии.

В целом же, в доникейскую эпоху, еще не существовало общецерковного, догматически закрепленного учения о Троице, признанного и авторизованного самой Церковью. В богословском наследии раннехристианских писателей наблюдается, как правило, большое количество сравнительно автономных богословских концепций, которые появлялись и возникали в разных регионах и традициях, в частности, в александрийской, антиохийской, латинской. Это связано с особенностями мышления представителей данных школ, которые по-разному подходили к толкованию Священного Писания.

Эти построения нередко опирались на различные философские предпосылки, использовали неодинаковый терминологический аппарат и по-разному расставляли акценты в понимании соотношения Отца, Сына и Святого Духа, что делает рассмотрение данного понятия сложным и даже несколько противоречивым в научном познании.

Именно это многообразие и некоторая незавершенность тринитарной мысли и определяют специфику доникейского периода, который стал подготовительным этапом для последующих догматических формулировок, рассматриваемых и изучаемых сегодня.

При этом, в доникейскую эпоху не было церковного учения о Троице как такового, которое было бы принято и авторизовано самой Церковью. В частности, имелся ряд мало зависимых друг от друга, своеобразных богословских построений [12, с. 805-810], которые рассматривали концепцию Триединства как важный фактор понимания мира, хотя и приводили собственное ее понимание.

Отметим и то, что учение о Святом Духе в доникейской мысли формировалось постепенно, однако, оно так и не получило завершенной догматической формы, поскольку не было единого понимания данной концепции. В центре внимания раннехристианского сознания находился не столько вопрос о сущности Святого Духа, сколько опыт Его действия в жизни Церкви. Дух воспринимался мыслителями как живая и действенная сила Бога, присутствующая непосредственно в самой проповеди, таинствах, пророчестве, а также духовном обновлении человека. Осмысление Святого Духа носило преимущественно библейско-экзегетический и литургический характер.

В ранний период Святой Дух понимался прежде всего функционально. Он рассматривался как источник вдохновения, освящения и Божественного откровения. Помимо этого, Святой Дух рассматривался в тесной связи с историей спасения и с действием Бога в мире. Однако, отметим, что вопрос о личностном статусе Святого Духа оставался открытым, поскольку Дух мог мыслиться как Божественная сила, энергия или дар, исходящий от Самого Бога, без какого-либо четкого различения между личностным и безличным его пониманием.

Постепенно в богословской рефлексии начинает утверждаться представление о Святом Духе как об отличном от Отца и Сына, но действующем с Ними в единстве, представляя единое, но в то же время различное.

Дух включается в икономию спасения, представляя участника творения, освящения и обожения человека. Вместе с тем сохраняется определенная иерархия внутри Божественного бытия, поскольку Святой Дух нередко мыслится как третий по порядку и функционально подчиненный, что в целом отражает общий уровень развития тринитарного сознания, представленного в доктринах доникейского периода.

Для доникейской эпохи характерна неопределенность онтологического статуса Святого Духа, его божественность чаще утверждается косвенно, т.е. посредством описания Его действий и плодов, а не через прямые формулы вероучения. Безусловно, все это приводит к сосуществованию различных интерпретаций, колеблющихся между признанием Святого Духа как Лица и пониманием Его как особой Божественной силы, что и обуславливает большое количество исследований и трудов, которые по-разному представляют данный вопрос.

В древние времена бытия христианской Церкви предпринимались многие попытки раскрытия догмата о Святой Троице, т.е. тогда, когда начинало формироваться учение о данном понятии. Говоря о том, что оно начало формироваться, предлагается не думать, что данное учение стали изобретать как нечто новое, что ранее не существовало, а, напротив, тайна Святой Троицы, конечно, была и

остается тайной и все, что возможно сказать о Ней без каких-либо ограничений, уже было сказано в Священном Писании [2, с 82-90].

Тем не менее, достаточно мало информации можно найти в Священном Писании, чтобы этого было достаточно для самостоятельного построения учения о Святой Троице. Но все же переживание данной тайны в духовном опыте Церкви, в особенности святых отцов, предоставило много сведений для раскрытия этого догмата. Под раскрытием следует представлять осмысление тайны настолько, насколько это возможно для просветленного верой разума христианина, в то время как раскрывать ту или иную тайну — это не значит делать ее совершенно понятной, поскольку это не представляется возможным, и тогда она уже не была бы тайной. Помимо этого, приближать тайну к разумению верующего человека, в сущности, может только Церковь, совершая это в своем многообразном и коллективном опыте, главным образом в опыте святоотеческом, в опыте людей праведной, святой, благочестивой жизни, которые сочетают с образованностью чистую духовную жизнь [2, с 82-90].

В целом, учение о Святом Духе в доникейской мысли находится на этапе становления и поиска богословского языка. Несмотря на отсутствие довольно четких догматических определений, уже в данный период закладывается прочный фундамент для будущего тринитарного учения. При этом, накопленный опыт и возникающие в концептах противоречия подготовили важную основу, направленную на более строгое и четкое осмысление не только природы, но и также положения Святого Духа в богословских дискуссиях прошлого времени.

Доникейская триадология заложила основной фундамент для Никейского догмата относительно единосущии Отца, Сына и Святого Духа. При этом, триадология всегда была тесным образом связана с учением о Христе, о Боговоплощении. Прежде всего важно принимать во внимание то, что тринитарные споры имели под собой христологическое основание, что позволяло исследователям рассматривать данный вопрос в контексте христианских учений.

В первые три века христианства не существовало тринитарного учения в понятном сегодня нам смысле: единый Бог включает в себя равно божественные Лица, а именно Отца, Сына и Святого Духа. Многие термины, которые сегодня рассматриваются в аспекте Троицы, стали употребляться только спустя некоторое время. Тем не менее, часто такие термины применялись не для того, чтобы обозначить единого Бога, а для указания множественности единого Бога вместе с его Сыном и, конечно же, его Святым Духом.

В доникейской христианской мысли постепенно складывается представление о внутренней сложности Божественного бытия. Бог осмысливается не как моноипостасный абсолютный субъект, а как единство, в котором различаются Отец, Логос и Дух. При этом также подчеркивается и тот факт, что говорится не о трех богах, а о различных способах божественного самобытия и откровения, еще не оформленных в строгую догматическую систему.

Особое внимание в данной концепции уделяется учению о Логосе как Божественном Слове, пребывающем при Боге и одновременно принимающем участие в сотворении мира и откровении Бога человеку. Логос в данном смысле представляется как отличное от Отца, но не чуждое Ему начало, которое обладает значимой божественной природой. Тем самым закладывается некоторое основание, направленное на последующее различение ипостасей при сохранении единства сущности.

Постепенно по мере развития рассматриваемой концепции появляется и само терминологическое обозначение троичности Божественного бытия. В частности, впервые вводится понятие «Троица» относительно его применения к Богу. Данный фактор дает возможность говорить о стремлении ранних христианских мыслителей выразить языком философии и богословия уже существующую религиозную интуицию о триедином характере Божественного откровения.

Дальнейшее развитие триадологической мысли связано с попыткой уточнить соотношение между этими божественными реальностями. Формируется постепенно более прочное и четкое учение, рассматривающее и анализирующее единство Божественной природы Отца, Сына и Святого Духа при их реальном различии. Одновременно предпринимаются первые попытки осмыслить про-

исхождение Святого Духа, в том числе через идею Его исхождения от Отца посредством Сына, что станет важным элементом последующих тринитарных дискуссий, позволяющих анализировать единство понятий, но в то же время, рассматривать их как отдельные элементы концепции.

Заключение

В целом можно сделать вывод, что доникейская триадология носит поисковый и недогматический характер. Она еще не предлагает завершенного учения о Святой Троице в никейском смысле, но создает важные и фундаментальные понятийные и концептуальные предпосылки, благодаря которым станет возможным формулирование классического тринитарного догмата более позднего времени.

Как и многие концепции, эта также включала некоторые недостатки. Многие из них были описаны смч. Иринеем Лионским, который отмечал изъяны триадологии ранних апологетов, отказавшихся от различения между Словом внутренним и Словом произнесенным, а также подчеркивал совечность Сына и Святого Духа Отцу, тем самым приближаясь к учению о рождении Сына из сущности Отца.

I Никейский собор 325 г. стал переломным моментом в истории христианского богословия, поскольку впервые была догматически закреплена вера Церкви в божественность Сына Божия.

В этот период и на последующих Вселенских Соборах были сформулированы основные положения, а также правила общецерковной и частной христианской жизни, произошел окончательный отказ от иных интерпретаций и утверждение равенства Сына с Отцом по божественной природе, при сохранении личностного различия между едины-ми, но разными Ипостасями.

Сформулированное вероучение отразило, прежде всего, внутреннюю логику христианского монотеизма. Так, Бог Отец мыслится как источник бытия и Творец всего сущего, Бог Сын является предвечным, нерожденным во времени, но рождаемый от Отца, в то время как Бог Дух Святой представляет собой предвечно исходящего от Отца. Тем самым была очерчена триадологическая структура божественной жизни, в которой единство сущности сочетается с различием Лиц, присутствующих в данной триединой концепции.

Можно говорить о том, что в данной период была не только зафиксирована уже существующая церковная вера, но сформированы и заданы нормативные рамки дальнейшего развития тринитарного богословия. Решения, принятые в то время, стали существенным основанием, направленным на последующие догматические уточнения; но, что не менее важно, они сыграли ключевую роль в развитии классического христианского учения о Святой Троице.

В доникейский период христианства существовали древние формы Символа веры, так называемые апостольские символы. Они воплощали веру доникейской церкви и представляли плод вторичной богодухновенности. Позже в символе веры было опущено анафематствование арианства и расширена часть, в которой провозглашается божественность Духа Святого и его равенство Отцу и Сыну, постепенно произошло окончательное формирование догмата Святой Троицы. До этого было много мыслителей, которые обладали различными мнениями о правильной терминологии в отношении Троицы. Решающую роль в этом вопросе сыграли святители, которые также сформулировали учение о Святом Духе как единосущном и равночестном Отцу и Сыну [11, с. 182].

Говоря иначе, тринитарная проблематика в доникейской богословско-философской мысли предстает как процесс постепенного, нередко противоречивого осмысления откровения о Боге, проявлявшегося в условиях отсутствия догматически закрепленного учения о Троице.

Мысль ранних христианских авторов развивалась в ситуации напряженного диалога, протекавшего между библейским откровением и античной философской традицией. В результате формировалась не завершенная доктрина, а новая парадигма мышления, в рамках которой Бог мыслился как единый по существу, и одновременно многообразный в способах Своего бытия и действия.

В то же время, доникейская эпоха демонстрирует, что тринитарное сознание Церкви возникло задолго до того, как оно было догматически зафиксировано позднее. Уже у раннехристианских писателей прослеживает-

ся попытка осмыслить отношение Бога Отца и Логоса в категориях субординационизма, при сохранении их онтологической связи. Наряду с этим, важно понимать, что данные построения не были систематическими, однако, их также сложно назвать бессистемными, поскольку они способствовали сформированию важнейших оснований для дальнейшего богословского языка, дав возможность говорить относительно различия Лиц при упоминании божественного единства.

Существенным этапом развития тринитарной парадигмы стало обращение к философским категориям эллинистической мысли. Понятия «логос», «ипостась», «сущность», которые были заимствованы из стоической и платонической традиции и переосмыслены в христианском богословии, использовались в качестве инструментов богословской рефлексии, а не как самоцель.

Данный факт говорит о том, что доникейская мысль усваивала античную философию не механически, а переосмысляла ее в свете христианского откровения, нередко наполняя привычные термины принципиально новым содержанием.

Делая вывод, мы можем отметить, что важным итогом доникейского периода стало формирование представления о внутренней жизни Бога, выходящей за рамки чисто функционального понимания Святой Троицы. У многих мыслителей различие между Отцом, Сыном и Духом Святым тесно связано не только с понятием спасения, но и также с замыслом Бога относительно мира и человека. Со временем, по мере развития понятий и самой концепции в целом, Троичность начинает осмысляться как важное условие божественного самооткровения, а также как основание истории спасения.

В то же время доникейская тринитарная парадигма сохраняла внутреннюю напряженность и неоднородность, что и обуславливает вариативность философских взглядов. Учения о Логосе у ряда мыслителей демонстрируют, прежде всего, различные модели соотношения единства и различия в Боге. Как правило, это связано с разными интерпретациями понятия «Логос» в античной философии, христианстве и гностицизме. Однако, данные расхождения не являются ошибками или отклонениями; напротив, они отражают живой характер богословского поиска, а также отсутствие окончательно устоявшегося понятийного аппарата.

Для ранних раннехристианских писателей откровение Бога в истории спасения было единственным доступным способом богопознания, и потому размышления о внутреннем бытии Бога, так или иначе, отталкивались от библейского опыта и литургической практики. Безусловно, все это наделяло тринитарную парадигму в христианском богословии экзистенциальным и сотериологическим характером благодаря ключевым аспектам осмысления учения о Святой Троице, а также его связи с самой идеей спасения.

В целом, тринитарная парадигма доникейской эпохи может быть охарактеризована как допонятийная и поисковая. Предполагается, что она не стремилась к логической завершенности, однако, она последовательно вырабатывала понятия и идеи, которые позднее будут оформлены догматически.

Однако, важно учитывать, что именно в доникейский период были сформированы ключевые основания, позволяющие понимать Бога как единства сущности и различия Лиц. В результате это стало важным результатом, который оказал в совокупности огромное влияние на христианское богословие.

Таким образом, значение доникейской тринитарной мысли заключается не столько в конкретных формулировках, сколько в самом направлении богословского мышления. Доникейская тринитарная мысль смогла подготовить основу для никейского догмата, сформировала язык, проблематику, а также обозначила горизонты тринитарного богословия, показала, что учение о Троице представляет собой не абстрактную метафизическую конструкцию, а основу христианского понимания Бога, человека и спасения.

Литература

1. Акимов В.В. История Христианской Церкви в доникейский период. — Минск: Ковчег, 2012. — 266 с.

2. Воронов Л. Опыты богословского раскрытия догмата о Св. Троице в доникейский период. Из лекций по истории Древней Церкви в Ленинградской духовной академии // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. — 2022. — №2(10). — С. 82-90.

3. Григорян А.В. О практике молитв Святому Духу в раннехристианской традиции // Сборник трудов

Якутской духовной семинарии. — 2022. — №17-18. — С. 9-19. doi: 10.24412/2686-9497-2022-17-18-9-19.

4. Каменчук А.А. Основные тенденции понимания Божественного промысла в трудах церковных мыслителей IV-V вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2022. — №1(59). — С. 76-86.

5. Масленников Д.В., Дячина М.В., Гаврилова Е.Н. Проблема связи ветхозаветной и новозаветной традиции в немецкой литургической теологии (XVI-XXI вв.): философские и естественно-правовые аспекты // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2022. — №23(3-2). — С. 91-102.

6. О Христе и антихристе: [Сборник трудов] / Святой Ипполит, епископ Римский. — СПб.: Библиополис, 2008. — 398 с.

7. Патрология / профессор архимандрит Киприан (Керн). — Москва, Париж: Изд-во Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-та, 1996. — 182 с.

8. Патрология. Период Древней Церкви с хрестоматией / Свящ. Михаил Легеев; Санкт-Петербургская православная духовная акад. — Санкт-Петербург: СПбПДА, 2015. — 588 с.

9. Скабалланович М.Н. 1-я глава Типикона. «Чин малой вечерни» // Толковый Типикон. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. — 815 с.

10. Фокин А.Р. Античная философия и формирование тринитарной доктрины в латинской патристике: автореферат дис. ... д-ра филос. наук. — М., 2013. — 58 с.

11. Фокин А.Р. Латинская патрология; Рос. православ. ун-т св. Апостола Иоанна Богослова, Филос.-богосл. фак. — М.: Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина, 2005. — Т. 1: Период первый. Доникейская латинская патрология (150-325 гг.). — 2005. — 362 с.

12. Чистяков Д.И. Неоплатонизм и византийская патристика: взаимосвязь концепции Плотина о триаде и христианского вероучения о Святой Троице // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2022. — №26(4). — С. 805-820.

Reflection of the orthodox worldview in eastern christian visual art: means and techniques

Ivanova Valentina Georgievna, *competitor, Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk*

The article examines the connection between Eastern Christian art and the Orthodox worldview. In addition to the well-known connection of the plot and iconographic levels with theological truths, its presence is also found in other layers of the work. At that, semantic formation is interpreted in an expanded sense: not only as rational knowledge, but also as an emotional effect. The relevance of the research is determined by modern trends towards rethinking the icon not just as a historical artifact, an object of worship or art, but as a complex semiotic system. In the context of a resurgence of interest in religious culture, an analysis of exactly how worldview influences artistic language is timely and in demand. The purpose of the research is to identify the means and techniques used in the formation of the artistic form of a work of Eastern Christian art and their connection with the Orthodox worldview. To achieve this goal, the following tasks are consistently solved: determining the structural elements of the worldview, the artistic form of the icon and the means of artistic expression; highlighting the relationships of these structural elements to each other, forming techniques that clearly show the connection between the worldview and art in Orthodoxy. The research, which has a conceptual and methodological character, mention the methods of semiotic analysis, formal stylistic analysis and hermeneutics. The element of scientific novelty consists in an attempt to shift the focus of attention from the plot and iconography to the artistic form (composition, color, rhythm, etc.) as a carrier of theological meaning. The article outlines the general principle of the methodology for studying the connection between worldview meanings and artistic techniques. The main conclusion of the article is about the diverse ways of reflecting the Orthodox worldview at all levels of the artistic form of the icon, as well as the close connection of pictorial and artistic imagery with theological content.

Keywords: *icon; Orthodox worldview; worldview and art; Eastern Christian art; means of artistic expression; connection of form and content.*

EDN: EDQSEK ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.10***

Цитировать: *Иванова В.Г. Отражение православного мировоззрения в восточно-христианском изобразительном искусстве: средства и приемы // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 72-77. EDN: EDQSEK. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.10*

УДК 246:7.01
5.7.8

© Иванова В.Г., 2026

Отражение православного мировоззрения в восточно-христианском изобразительном искусстве: средства и приемы

В статье рассматривается вопрос связи восточно-христианского искусства и православного мировоззрения. Кроме общеизвестной связи сюжетного и иконографического уровней с богословскими истинами, обнаруживается ее наличие и в других слоях произведения. Причем смыслообразование толкуется в расширенном понимании: не только как рациональные знания, но и как эмоционально-чувственное воздействие. Актуальность исследования обусловлена современными тенденциями к переосмыслению иконы не просто как исторического артефакта, объекта культа или искусства, но как сложной семиотической системы. В условиях возрождения интереса к религиозной культуре анализ того, как именно мировоззрение влияет на художественный язык, является своевременным и востребованным. Целью исследования является выявление средств и приемов, используемых в формировании художественной формы произведения восточно-христианского искусства и их связи с православным мировоззрением. Для достижения поставленной цели последовательно решаются следующие задачи: определение структурных элементов мировоззрения, художественной формы иконы и средств художественной выразительности и выделение соотношений этих структурных элементов между собой, образующих изобразительные приемы, наглядно показывающих связь мировоззрения и искусства в православии. Исследование, имеющее концептуально-методологический характер привлекает методы семиотического анализа, формально-стилистического анализа и герменевтики.

Элемент научной новизны заключается в попытке сместить фокус внимания с сюжета и иконографии на художественную форму (композиция, колорит, ритм и пр.) как носителя богословского смысла. В статье намечается общий принцип методологии исследования связи мировоззренческих смыслов и художественных приемов. Главный вывод статьи — о многообразных способах отражения православного мировоззрения во всех уровнях художественной формы иконы, а также о тесной связи живописно-художественной образности с понятийно-богословским содержанием.

Ключевые слова: *икона; православное мировоззрение; мировоззрение и искусство; восточно-христианское искусство; средства художественной выразительности; связь формы и содержания.*

ИВАНОВА Валентина Георгиевна, *соискатель, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Липецк*

В настоящее время не подвергается сомнению положение о том, что христианское искусство отражает вероучение, и даже является его иллюстрацией. Безусловно, это верно, однако, взгляд на «иллюстративность» икон зачастую является односторонним, также, как и представление об однообразии средневекового искусства. Лишь специалисты различают в нем стили, течения, школы и индивидуальные особенности отдельных икон. Это и понятно, т.к. религиозная культура как общественное явление ушла в далекое прошлое. Между тем, икона обладает многоуровневой смысловой наполненностью и характеризуется полисемией. На уровне сюжета и иконографии разные иконы могут нести одинаковую информацию, но индивидуальные трактовки художественной формы икон производит различное впечатление и, следовательно, создают разную акцентировку смыслов.

Утверждения о связи мировоззрения и художественной формы искусства можно встретить у многих авторов, придерживающихся культурологического взгляда на данный вопрос. Однако, разработанной методологии общего анализа связи «мировоззрение — художественная форма» нет. Относительно уровня сюжета и иконографии такой подход подразумевается в иконографическом методе анализа, относительно же уровня художественной выразительности только некоторые авторы (Х. Зедельмайр, И. Тэн) указывали на общие принципы связи мировоззрения и искусства, которые и приводятся в статье. Причиной отсутствия подробной разработки этой методологии, как представляется, является слишком большое количество влияющих факторов, и слишком большая вариативность характера этого влияния, поэтому анализ связи «мировоззрение — художественная форма» возможен только при интерпретации отдельных явлений (например, стиля) или конкретных произведений искусства. Подобный герменевтический подход имеет родство со структурным анализом Венской школы искусствоведения. Применительно к восточнохристианскому искусству подход смыслового анализа уровня художественной выразительности применяли немногие исследователи, а именно П.П. Муратов и М.В. Алпатов, однако у последнего этот смысл не имел связи с богословием.

Из современных исследований следует указать две диссертации, в которых предпринята попытка интерпретации икон как художественно-богословских произведений: Е.А. Челпановой «Византийская живопись XIV-первой половины XV века в контексте общественного сознания эпохи» [17] и О.В. Губаревой «Культурологический анализ интерпретационных моделей иконописи в контексте богословско-эстетической целостности» [3]. В сравнении с этими исследованиями, в данной статье предлагается подобный подход, но расширенный за счет увеличения количества сравниваемых структурных элементов мировоззрения и средств художественной выразительности. Работе присущ междисциплинарный характер (богословие, культурология, искусствознание, эстетика), что соответствует теме исследования. Статья написана с опорой на широкий круг авторитетных источников: Б. Успенский, А. Грабар, А. Лосев, И. Тэн, Х. Зедльмайр, Я. Мукаржовский и др. Аргументация строится от критики упро-

щенного подхода к обоснованию многоуровневой структуры образа.

Трансформация изобразительных приемов искусства особенно заметна при переменах его стиля и языка, которые обусловлены сменой мировоззрения. Относительно христианского мировоззрения можно отметить, что в разное время и в разных обществах в рамках этого мировоззрения его носители на первый план выдвигали разные вопросы и нужды. Этим запросам соответствовали и перемены ведущих функций икон, акцент на которых ставился в том или ином случае [о функциях икон см.: 8]. Отвечая на эти запросы, художники, умело используя средства выразительности, могли сознательно или подсознательно создавать наиболее адекватное художественное выражение идей и чаяний своего общества.

В исследовании особое внимание обращается на малоизученный вопрос связи мировоззренческих смыслов и изобразительных приемов художественной формы произведения искусства. И т.к. этот вопрос предполагает исследование преимущественно отдельных памятников, то его изучение представляет бескрайнее поле деятельности. По этой причине в данной статье лишь намечается общий принцип методологии изучения исследуемого вопроса.

Рассматривая вопрос о связи искусства и мировоззрения в восточном христианстве, прежде всего следует заметить, что на практике чисто православного, т.е. состоящего исключительно из православно-ориентированных элементов, ни мировоззрения, ни искусства не существует. В реальности мировоззрение даже очень религиозных людей и обществ включает в себя влияние не одной религии, но многих факторов, часть из которых кажется неочевидными. В первую очередь это культура своего времени и этноса [1], социальные условия и отношения, исторические и географические особенности бытования.

В то же время изобразительное искусство, независимо от того, светское оно или религиозное, имеет одни структурные составляющие (композиция, колорит, линия, силуэт, ритм, перспектива, пропорции и т.д.). К тому же, многие приемы художественной выразительности, характерные для православного искусства (обратная перспектива, тяготение к плоскостности и локальным цветам и пр.), имеют место и в искусстве других общностей.

Поэтому в этом исследовании, для выделения специфических особенностей связи искусства с мировоззрением, применяется прием абстрагирования и, насколько возможно, рассматривается мировоззрение православия в чистом виде. Такое упрощение, конечно, имеет ограничения, они возникают, когда рассматривается произведение восточно-христианского искусства, где в значительной степени отражаются явления светской стороны жизни общества, что неизбежно будет свидетельствовать о мировоззрении культуры в целом. Но все же, абстрагирование в данном случае во многом позволяет обойти сложность, обусловленною разностью культурной позиции и восприятия современного исследователя и средневекового художника (т.к. для изучения христианского искусства лучше брать произведения средневекового периода, когда это искусство достигло наибольшего развития). Ведь большой ошибкой будет, по словам И. Данилевского, исходить «из неявной предпосылки, будто психологические механизмы остаются неизменными на протяжении веков» [5, с. 8]. Нам, людям постмодерна, даже подробно изучив культуру Средневековья, невозможно понять сакральное изображение идентично задумке древнего автора. Слишком много прошло времени и слишком сильно изменилась наша культура, которая породила другое видение, другой стиль мышления и мировосприятия, поэтому любая интерпретация будет только одной из множества возможных. Что касается самого феномена обусловленности и даже детерминированности искусства современной ему культурой, то, по словам Я. Мукаржовского, «Вопрос об отношении между мировоззрением и искусством кажется нам в высшей степени самим собой разумеющимся и даже простым» [11, с. 525].

Поскольку в исследовании мировоззрение православия сопоставляется с искусством, то следует учесть специфику религиозного мировоззрения, во многом определяемого нерациональным фактором — верой, а также

[1] См: Аверинцев С.С. Богословие в контексте культуры. URL: https://azbyka.ru/bogoslovie-v-kontekste-kultury

специфику чувственного восприятия изобразительного искусства, тоже имеющую внерациональный эмоционально-образный характер. Поэтому под понятием мировоззрения в исследовании подразумеваются и миропонимание, и мироощущение, и миросозерцание. В связи с этим, богословская составляющая мировоззрения, выраженная средствами художественной выразительности, будет иметь невербальный характер, несводимый к рациональным понятиям. Следовательно, здесь уместно говорить о визуальном богословии образа, которое проявляется исключительно в художественной форме сакрального искусства [см.: 11, с. 10]. И это визуальное богословие порой имело самостоятельный характер, опережающий развитие рационального богословия [см.: 1, с. 77-78].

Если кратко обобщить определения философских словарей [2], мировоззрение является системой взаимосвязанных знаний, ценностей, убеждений и принципов поведения. В православном мировоззрении функцию знания выполняют догматы и вообще все вероучение, главными ценностями являются Бог, Церковь, вера и нравственность, к принципам поведения можно отнести жизнь согласно вероучению: молитвенную практику, исполнение заповедей и участие в церковной жизни.

В художественной форме изобразительного произведения самым очевидным и убедительным уровнем являются сюжет и иконография. Главными предметами изображений православного искусства являются Троица, Иисус Христос, Богородица, ангелы, святые люди, а также сюжетные композиции Священной, церковной и агиографической историй, что соответствует основному предметному содержанию и вероучебной составляющей православного мировоззрения. Понятие о тождестве иконографии и богословского смысла иконы окончательно закрепил А.Н. Грабар, создавший свою версию иконографического метода [см.: 4, с. 161].

Далее следует уровень художественной выразительности, и перед тем как рассуждать о его средствах (композиция, колорит, линия и т.д.), следует упомянуть об их совокупности, которая дает общее впечатление и имеет образ, характер, дух, язык и стиль. Под понятием образа здесь подразумевается интуитивно-чувственно воспринимаемый смысл конкретного изображения, который считывается быстрее информации сюжетного и иконографического уровня. Поэтому в случае несоответствия образа, сформированного средствами художественной выразительности, и богословского содержания иконы, может возникнуть подсознательная подмена этого содержания.

Для изображения святых, соответствующего православному мироощущению, важно очевидное наличие у них даров Духа Святого, о чем пишет прот. А. Салтыков [см.: 12, 14-15], т.к. таким приемом осуществляется связь образа и эмоционально-волевого мировоззренческого компонента православия. Эти дары: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5:22), т.е. благодатные чувства-состояния возможно выразить в первую очередь, во взгляде, мимике, жесте, позе-движении при помощи физиогномических признаков. Хотя в восточно-христианском искусстве изображение эмоциональности и имеет ограничения, выражения этих и других чувств, требуемых контекстом композиции, выглядят вполне уместно.

С понятием образа близко связаны понятия характера и духа, которые сложно поддаются вербальному выражению, однако вполне ощутимы чувством. Х. Зедльмайр в своем труде «Проблемы интерпретации» дает такое определение: «то, что создает единство произведения, есть некое живое качество, изначальное и индивидуальное, запечатленное в целостности всего произведения, равно как и в каждом из искусственно выделенных его "элементов", "частей" или "слоев". Мы называем это "наглядным характером" произведения» [7, с. 147]. И. Тэн связывал характер изображения и его содержание, для чего художник всеми художественными средствами выделяет черты, подчеркивающие характер и отказывается от изображения черт, умаляющих его выразительность [см.: 14, с. VI-VII].

[2] См.: Философский словарь. Мировоззрение // ref.by
Новейший философский словарь. Мировоззрение // gufo.me
Философский словарь. Мировоззрение // vslovare.info
Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия». Мировоззрение // iphlib.ru

Под духом произведения можно понимать эмоциональный эффект, оказываемый им на зрителя, который сравним с впечатляющей силой и энергией. А. Салтыков использует термин «энергетический вектор» и считает, что все структурные элементы художественной формы иконы должны служить «единственной задаче — созданию некого энергетического эффекта» [13, с. 400].

Выявлению характера и духа образа содействуют язык выразительности и стиль произведения, которые также тесно связаны с ментальным содержанием времени. Поэтому сейчас столь популярна идея о том, что со сменой эпох меняются и языки, в т.ч. и язык искусства. По словам Генри Мэгваэра, «способ изображения святых в Византии не был сухой и мертвой системой. Это был живой организм, взаимодействующий с глубинными эмоциональными и духовными нуждами зрителей» [18, p. 4]. Средневековый язык иконы подробно рассматривает в своей работе «Семиотика иконы» [15, с. 230-294] представитель Тартусской семиотической школы Б. Успенский. В этом труде рассматриваются специфика изображения в средневековом восточно-христианском искусстве пространственно-временных отношений, природы, архитектуры, фигур людей, их динамики и т.д. Все эти элементы языка иконы могут толковаться и на символическом уровне, также, как и цвет отдельных вещей, свет, жесты, атрибуты в руках святых и пр. Язык и стиль православного искусства менялся в течение времени существования восточного христианства, и этот факт является одним из важных показателей для атрибуции икон.

Словом «стиль» обозначается «наиболее общее понятие <…> которое выражает материально зафиксированную относительную систему изобразительно-выразительных принципов» [16, с. 318] и которая являет преобладающие художественные тенденции эпохи. Стиль проявляется в способе структурного строения формы, избирающего определенные выразительные средства. В стилистических особенностях произведений многие исследователи видят опосредованное художественное выражение мировоззрения определенного времени. Стиль, как правило, не осознается и не подвергается анализу во время своего доминирования, но воспроизводится сам собой как господствующее представление общества. Он «одновременно позволяет почувствовать и скрывающиеся от внешнего взора глубинные установки культуры, то есть содержит в себе некую интуитивную пружину, невербализуемый смысловой фермент, обладающий как способностью суггестивного воздействия, так и придания этой суггестии направленной духовной устремленности» [9, с. 120]. По словам В.В. Вейдле, стиль нельзя выдумать или сделать, он рождается естественно, как проявленная в искусстве соборность творчества [см.: 2, с. 42]. Вместе с тем, понятие стиля включает разный масштаб его проявления: всеобщий — общекультурный, основной — определенной общности и индивидуальный — отдельного художника.

Далее следует рассмотреть вопрос выразительности и красоты сакральных изображений. От степени выраженности этих качеств напрямую зависела положительная оценка произведения. Дело в том, что в средневековье определяющим в оценке иконы являлся эффект, производимый на воспринимающего субъекта [см.: 17, с. 119]. Недаром на посвященном теме иконопочитания VII Вселенском соборе к художественной форме сакральных изображений было выдвинуто лишь одно требование — чтобы они были выразительны, ради оказываемой ими силы впечатления [см.: 6, с. 116-118]. Такая выразительность создает психологический эффект присутствия первообраза, который способствует молитвенному обращению к нему [см.: 19, col. 749B].

Наряду с общей выразительностью образа, ею обладают и отдельные художественные средства, составляющие его структуру. Эта структура слагается из многих составляющих: композиции, линий, силуэтов, светотени, колорита и пр. Каждый из этих элементов является носителем определенного смысла и характера, а взаимодействуя, они дополняют друг друга и создают общий образ. Эта художественная структура канонического искусства православия также связана с ментальным содержанием эпохи: по словам А.Ф. Лосева, «художественная структура произведения, используемая в кано¬нах, воспроизводится на основе мировоззрения» [цит. по: 16, с. 319]. О том же самом пишет Я. Мукаржовский: «Мировоззрение <…> существует не только вне художественного произведения как нечто им выражаемое, но и становится непосред-

ственным принципом его художественного построения» [11, с. 535].

Прекрасно пишет о средствах художественной выразительности как носителях смысла, И. Тэн. Его рассуждения относятся к светской живописи, однако эти характеристики совершенно подходят и для сакрального искусства: «Линии <…> в зависимости от того, прямые они, кривые, извилистые, ломаные или неправильные, они производят на нас разное впечатление. То же самое относится к массам, составляющим тело; их пропорции также сами по себе многозначущи; в зависимости от различия соотношений величины головы и туловища, туловища и членов и, наконец, членов между собой мы испытываем различные впечатления <…> Гамма красок <…> может быть богатой или бедной, изящной или тяжеловесной <…> Но этот элемент состоит в свою очередь из нескольких элементов; это, во-первых, степень яркости или тусклости общего колорита; <…> тона представляют созвучия и диссонансы в зависимости от того, дополняют они друг друга или же нет; <…> цвета образуют, таким образом, подобно последовательным музыкальным нотам, полную и могучую, или грубую и резкую, или же мягкую и ласкающую гармонию» [14, с. 339-341].

Заключение

Таким образом, православное мировоззрение в изобразительном искусстве восточного христианства может отражаться разнообразными приемами и средствами. Для такого вывода основанием является аксиома смысловой наполненности всех структурных элементов произведения, будь то рациональные или эмоциональные смыслы. Причем в иконах этот смысл имеет тесную связь с православным мировоззрением, поэтому при интерпретации конкретного произведения «живописно-художественная образность раскрывается как образность понятийно-богословская» [3, с. 137]. Такой подход углубляет и обогащает понимание восточно-христианского искусства, открывая богатый мир смыслов для зрителей и расширяя взгляд на возможность творчества иконописцам.

Литература:

1. Бунге Г. Другой утешитель. Икона Пресвятой Троицы преподобного Андрея Рублева / предисл. С. Аверинцева / пер. с нем. А.С. Репко / под ред. В.А. Фадеева. — М.: Познание, 2020. — 208 с.
2. Вейдле В. Умирание искусства. — М.: Республика, 2001. — 448 с.
3. Губарева О.В. Культурологический анализ интерпретационных моделей иконописи в контексте богословско-эстетической целостности: дис. ... канд. культурол.: 24.00.01 / О.В. Губарева. — СПб, 2013. — 168 с.
4. Губарева О.В. О целостном подходе к исследованию иконописи (на примере икон «Рождество Христово», «Крещение», «Сошествие во ад») / О.В. Губарева // Вестник РХГА. — 2010. — №3. — С. 161-169.
5. Данилевский И.И. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). — М.: Аспект Пресс, 1998. — 399 с.
6. Деяния вселенских соборов, изданные при Казанской духовной академии. — Казань: Центральная типография, 1909. — 337 с.
7. Зедльмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства / пер. с нем. Ю.Н. Попова / послесл. В.В. Бибихина. — СПб: Axioma, 2000. — 272 с.
8. Иванова В.Г. Функции иконы по апологиям иконопочитания иконоборческой эпохи / В.Г. Иванова // KANT. — 2025. — №3(56). — С. 219-224.
9. Кривцун О.А. Психология искусства. — М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2000. — 224 с.
10. Крижевский М.В. Богословие образа и современная феноменологическая эстетика / М.В. Крижевский // Культурное наследие России. — 2022. — №4(39). — С. 9-13.
11. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / пер. с чешск. В.А. Каменской. — М.: Искусство, 1994. — 606 с.
12. Салтыков А., прот. О некоторых предпосылках богословия образа. Религиозное искусство / А. Салтыков // Церковное искусство в современном обществе. — Вып. 2. — М.: ПСТГУ, 2019. — С. 5-24.
13. Салтыков А.А. О пространственных отношениях в византийской и древнерусской живописи / А.А. Салтыков // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. — М.: Наука, 1975. — С. 398–413.
14. Тэн И. Философия искусства / пер. с фр. Н. Соболевского. — М.: ОГИЗ, ИЗОГИЗ, 1933. — 383 с.
15. Успенский Б.А. Семиотика искусства. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 360 с.
16. Ходаков М.А. Канон и стиль: вопрос о терминологии при описании иконы / М.А. Ходаков // Искусство Христианского Мира. — Вып. 9. — 2005. — С. 313-324.
17. Челпанова Е.А. Византийская живопись XIV-первой половины XV века в контексте общественного сознания эпохи: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Е.А. Челпанова. — СПб, 2008. — 194 с.
18. Maguire H. The icons of their bodies: saints and their images in Byzantium. — New Jersey, 1996.
19. Nicephori archiepiscopi Constantionopolitani Apologeticus duplex pro sacris imaginibus, ex eodem // PG 100. — Col. 534-849.

KARMIC CODE OF "THE LOWER DEPTHS": FATALISM AS AN EXPLANATORY MECHANISM IN THE JAPANESE ADAPTATION OF M. GORKY'S PLAY

Kravtsov Andrey Dmitrievich, *Postgraduate student, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

The article demonstrates how the Japanese translation of Gorky's play "At the Bottom" involves a deliberate substitution of key Russian Christian concepts with Japanese philosophical-religious equivalents, thereby shifting the interpretation of the play from social critique and Christian rhetoric to an existential-fatalistic perspective. The most illustrative example is the transition from the injustice of the world to the cyclical concept of karma, which reorients the categories of «guilt and righteousness» into the realm of causality and the search for truth. The study combines quantitative analysis of semantic density across three thematic clusters with the calculation of a cultural index, which registers the dominance of philosophical conflict in the Japanese text. Qualitative comparisons of pivotal scenes — Anna and Luka, Luka's monologue, Baron's remarks, scenes involving Medvedev reveal systematic lexico-semantic substitutions, wherein Christian markers of righteousness, guilt, and utopia are replaced with terms denoting karma, truth, and status ethics. These shifts amplify universal existentialism while attenuating the Christian-social resonance: suffering is attributed to karma, and the utopian "righteous land" is reduced to a metaphysical "land of truth." Concurrently, the neutralization of formal-authority lexicon diminishes the role of institutional guilt and reinforces interpretation through cultural mechanisms of acceptance and the rationalization of fate.

Keywords: *semantic shifts; existentialism; fatalism; Russian classical literature; Japanese reception of Russian classics.*

EDN: EJHXQS ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.11***

Цитировать: *Кравцов А.Д. Кармический код «На дне»: фатализм как объяснительный механизм в японской адаптации пьесы М. Горького // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 78-87. EDN: EJHXQS. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.11*

УДК 140.8
5.7.8

© Кравцов А.Д., 2026

Кармический код «На дне»: фатализм как объяснительный механизм в японской адаптации пьесы М. Горького

Статья посвящена малоисследованной проблеме трансформации содержания литературного текста в соответствии с мировоззрением страны-реципиента. Автор показывает, как в практике перевода на японский язык пьесы М. Горького «На дне» происходит целенаправленная замена ключевых русских христианских понятий на японские философско-религиозные эквиваленты, что смещает содержательную доминанту пьесы — от социальной критики и православной риторики к экзистенциально-фаталистической оптике. Наиболее показателен переход идеи несправедливости мира к цикличному понятию кармы, который переводит категории «вины/праведности» в плоскость причинности и поиска истины. Предпринятое исследование сочетает количественный анализ семантической плотности основных понятийных кластеров с расчетом культурного индекса, фиксирующим доминирование философского конфликта на стороне японского текста. Качественные сравнения узловых сцен — Анна и Лука, монолог Луки, реплики Барона, сцены с Медведевым выявляют систематические лексико-семантические замены, где христианские маркеры праведности, вины и утопии заменяются терминами кармы, истины и статусной этики. Данные переносы усиливают универсальный экзистенциализм и смягчают христианско-социальное звучание: страдание объясняется кармой, а утопическая «праведная земля» редуцируется до метафизической «страны истины». Одновременно нейтрализация формально-властной лексики снижает роль институциональной вины и укрепляет интерпретацию через культурные механизмы принятия и объяснения судьбы.

Ключевые слова: *семантические сдвиги; экзистенциализм; фатализм; русская классическая литература; японская рецепция русской классики.*

КРАВЦОВ Андрей Дмитриевич, *аспирант, Институт философии РАН, Москва*

ORCID: 0009-0006-1065-6136

Введение

Максим Горький занимает центральное положение в истории русской, советской и мировой культуры в качестве символа ключевого этапа ее эволюции. Его литературный путь представляет собой диалектический переход, который естественно связывает традиции русской литературы XIX века с новаторством XX века. В философии Горького ключевое место занимает гуманистическое почитание человека как активного создателя реальности: основной принцип философии писателя подчеркивает освобождение личности и признание ее безусловной ценности. Горький видел в человеке высшее проявление бытия, способное преодолевать ограничения мира и формировать его по своим идеалам. Эта убежденность пронизывает все его творчество, где человек предстает как вершина существования, превосходящая любые другие формы. Таким образом, наследие Горького отмечено глубоким уважением к человеческому духу, где индивид выступает не просто участником, а истинным преобразователем окружающего.

В отечественной традиции горьковской философии жизнь понимается как непрерывное движение к совершенствованию духа. Человек способен бесконечно совершенствоваться, и вся его деятельность будет развиваться «из века в век» [33, с. 118–119]. Социальная значимость личности определяется степенью ее совершенства, которое выражается в «*желании видеть всех людей свободными внешне и внутренне, разумными, красивыми, товарищами, а не врагами друг друга*» [35, с. 318]. Фундаментальным качеством Человека, согласно Горькому, является его активное отношение к миру, социальная включенность в деяния. Горький был сторонником необходимости активного отношения к жизни, к людям: человек должен выступать инициативным субъектом жизнетворчества, не будучи «жертвой действительности», а ее соавтором [9, с. 156].

Эта концепция преобразующей активности распространяется на эстетику. Горький считал, что литература призвана воспевать человека, его красоту, которая неотделима от созидательного труда. Вся деятельность человека, и прежде всего искусство, «*должна быть художественна, то есть* (человек должен быть — А.К.) *красив и силен, как бог*» [33, с. 119]. Эта поэтика ознаменовала собой диалектический переход от художественного познания реальности к ее творческому преображению [9, 153, 155].

С точки зрения философской эстетики марксиста Георга Лукача, Горький воспринимался как наследник классического реализма XIX века и одновременно завершитель авангардистского проекта [9, с. 153; 9, с. 155]. Его реализм не был простым отражением действительности, а включал элемент творческого вымысла. Горький определял реализм как процесс, в котором «*Миф — это вымысел. Вымыслить значит извлечь из суммы реально данного основной смысл и воплотить в образ — так мы получаем реализм*» [32, с. 312].

Ключевым пересечением его идей с неомарксистской эстетикой стало марксистское богостроительство. Оно утверждало, что разум как продукт материи осознаёт своё господство над природой и становится «богом-творцом» — в образе божественно совершенного человека. Отсюда Горький выводил социалистический реализм как создание образов творимой жизни и человека-творца, богоравного, по типу античных героев. Геркулес, подчёркивал он, — «герой труда», а его вознесение на Олимп служит моделью героического мифа [32, с. 300]. Этот подход обусловил и жанровый «сдвиг в направлении эпоса», в сторону эпической тотальности. Социалистический коллектив Горький мыслил по модели первоначальной церкви, где люди творят в себе «Бога красоты и разума, справедливости и любви» [31, с. 341].

Таким образом, творчество Горького, ориентированное на созидание и воспевание Человека-творца, требует особого жанрового воплощения, находящегося на грани реализма и эпоса. Именно эта амбициозная программа, направленная на поступательное совершенствование человеческого духа, нашла свое наиболее концентрированное выражение в его ключевом драматическом произведении, в пьесе «На дне» (1902). В ней философская структура предстает как поступательный синтез идей: триада ведет от образа «диких» людей-зверей (платонизм) через сострадание (христианство/толстовство) к идеалу Гордого Человека (ницшеанство/новая философия). Центральной для пьесы становится идея

гармоничного поступательного синтеза, направляющего человечество к абсолютному, совершенному Гордому Человеку [4, с. 1089, 1100]. Эта структура моделирует движение человеческого рода от состояния звериной низменности к абсолютному и совершенному Гордому Человеку [Там же].

Начальная сцена пьесы, по авторской ремарке «Подвал, похожий на пещеру», символически отсылает к платоновскому мифу о пещере, выступая «зашифрованным кодом» для постижения семантической глубины произведения и осмысления человеческого бытия. Обитатели ночлежки предстают как «дикие» люди-звери, чья низменная, животная природа доминирует, делая их воплощением непросвещенных душ, неочищенных от скверны. Зооморфные черты пронизывают образы персонажей (Сатин «рычит», Квашня — «старая собака»), а мотивы сытости и близости к кухне подчеркивают животный характер их интересов; платонизм проявляется в концепте труда как простого удовлетворения потребностей, где афоризм Сатина «Когда труд — обязанность, жизнь — рабство!» раскрывает их неволю. Таким образом, Квашня, Настя и Барон олицетворяют низший этап платоновских «диких» людей-зверей. Появление странника Луки на сцене, чье имя (от лат. «свет») символизирует замену «тьмы античности» на «свет христианства», вводит в пьесу гуманистические идеи, опосредованные толстовством [4, с. 1094]. Философия Луки основана на жалости, сострадании и утешении. Он провозглашает равенство и братство, называя обитателей «братьями» и поддерживая «диких» и «темных» персонажей. Лука, будучи «деятелем, но не наблюдателем», выполняет действие, которое никто не делал, — подметает пол, уравнивая понятия порядка и чистоты [4, с. 1094–1095]. Лука предстает выразителем «Нового Евангелия от Луки» (по аналогии с «Евангелием от Льва» Толстого), где платонизм вступает во взаимодействие с христианством.

Наиболее трагичный и последовательный выбор совершает Актер, который, будучи изначально соотнесен с Сатиным, становится «персонифицированным заместителем» Луки. Его самоубийство, хотя по замыслу автора должно было свидетельствовать о ложности лукинских утешений, парадоксально поддерживает гуманистическую традицию. Смерть Актера символизирует сознательный, сильный отказ принять собственное ничтожество — знак возрождения в нем Человека.

Исчезновение Луки открывает пространство для утверждения горьковской философии Человека. В этой логике Лука выступает не антагонистом, а предтечей Сатина, чье признание — «как кислота на старую и грязную монету» — запускает в нем становление проповедника новой философии. Сатин, бывший телеграфист, формулирует апологию жизни и идеал Гордого Человека в русле ницшеанства. Этот идеал требует возрождения античного образа сильной свободной личности и отказа от христианской апологии слабости и жертвы, а кульминационная сцена-пир, выстроенная в платоновском ключе, венчает горьковскую эристику [4, с. 1091, 1097–1098].

Пьеса «На дне» представляет собой идеальную модель гармоничного поступательного синтеза великих философских теорий человечества, призванного вывести человека из грязи и тьмы к свету и совершенству. В этой структуре, где Актер и Лука выступают представителями христианского этапа, Сатин является предвестием идеального Гордого Человека. Таким образом, «На дне» Горького, будучи произведением, отражающим переход от художественного познания действительности к ее творческому преображению и ознаменовавшим жанровый «сдвиг в направлении эпоса» [9, с. 155; 37, с. 381; 9, с. 164], требует исследования его ключевых философских идей на уровне лингвистической и культурной рецепции.

Сложность и многослойность этой философской триады и связанного с ней вокабуляра, используемого для обозначения ключевых концептов (таких как Человек, Свобода, Правда, Идеал), в связи с задачей представления текста иностранному читателю и иным, нежели горьковское, мировоззрением, обуславливают необходимость сравнительного анализа оригинального русского текста пьесы и его японского перевода. Такое исследование позволит выявить, насколько сложный философский синтез Горького и его культурологический императив по созданию богоравного человека-творца [32, с. 300] был воспринят и трансформирован в другой культурной и лингвистической системе.

Ключевые философские и этические установки японской культуры, повлиявшие на интерпретацию пьесы Горького

Для реализации заявленного сравнительного анализа необходимо, в первую очередь, очертить ключевые философские и этические установки принимающей культуры (реципиента), которые могут повлиять на интерпретацию идей Горького. Японский культурный контекст представляет особый интерес для изучения рецепции горьковского культа активного Человека, поскольку он характеризуется сложной системой мировоззренческих установок, особенно в отношении предопределенности и социальной ответственности. Первым из этих фундаментальных концептов является фатализм.

Фатализм, определяемый как вера в неизбежность событий, предопределенных агентом или силой, находящейся вне светского контроля индивида или группы [20, с. 145], долгое время являлся объектом упрощенных западных стереотипов, изображающих «восточное мышление» как пассивно принимающее свою судьбу [20, с. 143]. Однако современные систематические исследования азиатской жизни демонстрируют необходимость пересмотра этих «старых мифов». Япония, часто рассматриваемая как «иная» среди азиатских стран из-за ее уникальной траектории модернизации [28, с. 161], представляет собой важный случай для изучения фатализма. Согласно последним волнам Всемирного исследования ценностей, Япония является одним из наиболее фаталистических обществ в мире [30, с. 25, 32].

Философская основа фатализма в Японии вплетена в сложную сеть местных народных верований, буддизма и конфуцианства. Фаталистическая этика глубоко укоренилась в японском народном сознании и различных новых религиозных движениях [30, с. 25]. Ключевая идея японского фатализма заключается в том, что различные события определяются сверхъестественными силами и не могут быть изменены человеческой властью [30, с. 27]. Философская основа фатализма в Японии включает следующие концепции: карма, воля небес и концепции удачи и фортуны в синтоизме.

Понятие кармы является, пожалуй, наиболее заметным. Влияние буддийских священников способствовало распространению этой идеи, особенно после появления популярных сект в XII веке [28, с. 166]. В отличие от классического индийского видения, предполагающего преемственность через множество существований, японские интерпретации кармы склонны приглушать или отбрасывать этот аспект, так что кармические результаты, вероятно, проявляются уже в этой жизни [28, с. 169; 27, с. 416–418; 26, с. 116]. Важно, что вера в карму традиционно трактуется не как слепое подчинение судьбе, а как стимул к напряженным усилиям, направленным на преодоление эгоистических мотивов [12, с. 73–74]. Поскольку человек может влиять на карму правильными действиями, он должен действовать энергично [28, с. 169]. Также важно учитывать в данном контексте роль воли Небес и Природного Потока (*тэнмэй, сизэн-но-нагарэ*): события могут определяться небесами (天命) и законом природы (自然の流れ) [30, с. 27], которых в свою очередь определили конфуцианские и синтоистские традиции, набравшие силу после XVII века, способствовавшие развитию идеи ответственности. Например, «крестьянский мудрец» Токугава, Ниномия Сонтоку, признавал природный порядок, но учил, что «Небесная воля может быть изменена человеческим усердием или праздностью» [21, с. 106]. Концепции удачи и фортуны также были широко распространены и включают различные формы гадания, геомантии и другие мантические техники, известные как Популярный Синтоизм [28, с. 173]. Хотя это детерминистическое мировоззрение предполагает существование сил, влияющих на человеческие дела, человек находится в «диалоге» с ними: он может влиять на них или прогнозировать их действия [28, с. 175]. Такая форма детерминизма совместима с планированием, оптимизмом и моральной ответственностью [Там же].

В японской ментальности фатализм тесно связан с механизмами культурной адаптации, особенно в отношении стрессовых ситуаций и социальной ответственности. Резигнация (*акирамэ* 諦め) высоко ценится: для того чтобы жить лучшей жизнью, важно принять настоящее и даже плохие события [30, с. 27]. Японцы могут повышать свое субъ-

ективное благополучие, признавая стрессовые события как судьбу и принимая их [30, с. 28]. С культурологической точки зрения, фатализм в Японии выполняет важную социальную функцию, которая выходит за рамки простого объяснения: он является частью «морального разделения труда» [18, с. 80]. Фатализм и представления о судьбе следует рассматривать как «объяснительные механизмы», используемые для того, чтобы снять с себя или других тяжелое бремя вины за все превратности жизни, особенно когда усилия приводят к непредвиденным ошибкам или «созданию зла» [28, с. 167, 168; 13, с. 157]. Идея судьбы или удачи в этом контексте является существенной формой прощения [28, с. 168; 14, с. 216–217]. Приписывание неудач карме позволяет простить как личный промах, так и социальное прегрешение, что необходимо для продолжения жизни и сохранения статуса людей как свободных агентов [28, с. 168; 14, с. 216–217]. Таким образом, фаталистические установки могут способствовать облегчению отношений между людьми, чья этическая система должна распределять вину и прощение за социальные проступки, присущие общественной жизни [20, с. 147].

Японский фатализм — это не просто пассивное принятие судьбы, но глубоко укорененная и динамичная культурная система. Его философская основа требует усилий и ответственности, а его культурная функция связана с этикой принятия и прощения, позволяющей обществу справляться с непредвиденными социальными проступками и неудачами. Именно этот сложный, двойственный характер фатализма — баланс между предопределенностью (инга) и моральной ответственностью, а также использование его как социального инструмента для смягчения вины — делает его ценным контекстом для анализа японской рецепции пьесы «На дне».

Персонажи пьесы, оказавшиеся на социальном «дне», могут быть истолкованы японской аудиторией не просто как жертвы неизбежной судьбы, но и как субъекты, борющиеся за моральную автономию, пытаясь найти прощение или, наоборот, отвергающие необходимость усердия и старания, столь ценимые в японской этике, даже в рамках фаталистического мировоззрения. Эта установка на культурную адаптацию и этику прощения, присущая японскому фатализму, тесно связана с более широкой антропологической дихотомией, традиционно противопоставляющей «культуры стыда» и «культуры вины».

Антропологическая и социологическая мысль традиционно оперирует дихотомией, противопоставляющей «культуры стыда» коллективистского типа и «культуры вины», представленные преимущественно западными, в первую очередь, протестантскими, обществами. Однако исследователи признают, что это противопоставление является во многом условным, поскольку «чувство стыда универсально» [3, с. 138; 6, с. 176], и различия проявляются в культурной вариативности использования этих аффектов. Япония, в частности, была охарактеризована Рут Бенедикт как «культура стыда», которая противопоставляется западной «культуре вины» как полярная противоположность [23, с. 562]. Согласно этому подходу, «культуры стыда» опираются на внешнее осуждение для обеспечения надлежащего поведения, а не на «интернализованное убеждение в грехе» [16, с. 222–223; 23, с. 562]. В основе этой системы лежит репутация человека, формирующаяся на основе мнения других людей, учитывающих соблюдение или нарушение норм поведения [3, с. 138]. Стыд, будучи ориентированным на внешнюю оценку, требует аудитории или хотя бы фантазии о ней [16, с. 222–223; 29, с. 32]. Он неразрывно связан с занимаемым статусом [24, с. 243] и возникает, когда нечто, несовместимое с заявленным статусом, раскрывается публично, что приводит к «потере лица» [24, с. 244].

Япония рассматривается как «социокульт», где само общество занимает место Бога, что способствует обобщению стыда [24, с. 252]. Стыд в такой системе обширно разделяется коллективно [24, с. 251], поскольку опозорен может быть не только сам субъект, но и статус, который он представляет. Члены коллектива стремятся избежать опосредованного стыда или, наоборот, достичь почестей, которыми можно поделиться. Эта культурная структура также обусловлена слабостью промежуточных групп, таких как семья [29, с. 33]. Если член семьи судится по внешним социальным стандартам, семья, вместо того чтобы защищать своего члена, может присоединиться к критике, чтобы защитить собственную честь, что является неизбежным результатом

слабой автономии семьи внутри общества. Таким образом, члены групп «были, так сказать, обнажены для пристального внимания посторонних» [Там же].

Вместе с тем, редукционистский взгляд на культуру чести как на чисто внешний феномен подвергается критике [23, с. 562], в частности, на примере японской элиты. В культуре самураев стыд (*хадзи*) был глубоко укоренен во внутренней глубине достоинства личности [19, с. 1351]. «Знание стыда» (*хадзи-о-сиру или сючи*) олицетворяло моральное сознание в зеркале интернализованного другого, выступая в качестве внутреннего источника морального суждения [19, с. 1359] и тесно связываясь с автономией и честью [19, с. 1357]. Избегание стыда для самурая означало «*правдивое следование внутреннему другому*», а не просто уклонение от внешнего осуждения. Такой высокий идеал чести, хотя и был публичным концептом, служил ресурсом для «честолюбивого индивидуализма» [19, с. 1360], стимулируя моральную автономию [19, с. 1358]. Самовольная смерть (*сэппуку*), например, позволяла самураю продемонстрировать автономию путем полного контроля над телом, избегая позора плена [19, с. 1361].

В противоположность этому, для русской культуры исследователи считают более справедливым обозначение «культура совести» [3, с. 139]. Русский язык является одним из немногих европейских языков, в котором «совесть» и «сознание» не являются одним и тем же, что подчеркивает особую значимость совести для культуры. Совесть определяется как «тайник души», где отражается одобрение или осуждение каждого поступка [3, с. 140]. Философы отмечают, что славянская душа отличается «напряженностью совести» и «остротой трагических противоречий» [5, с. 363; 3, с. 139]. В этом контексте стыд, наряду с совестью, выступает как внутренний нравственный регулятор поведения человека. Этот фокус на внутреннем моральном суждении находит свое историческое обоснование в иудео-христианской традиции, которая противопоставляется языческому идеалу чести [23, с. 561, 562]. Раннехристианские авторы, такие как Августин, утверждали, что добродетель превосходит Славу (внешнее признание), поскольку добродетель требует «свидетельства совести человека» [15; 23, с. 561]. С точки зрения антропологии, в монотеистической культуре вина генерализована, поскольку она связана с неограниченным долгом перед единым, универсальным кредитором (Богом) [24, с. 252]. Западная «культура вины» опирается на развитие совести у людей, прививая им абсолютные стандарты морали [16, с. 222; 23, с. 562].

Русская классическая литература демонстрирует трансформацию от «культуры стыда» к «культуре совести» [3, с. 140]. В.И. Даль, например, выделял прямой стыд («наружное проявленье совести») и ложный стыд («стыд суетности, тщеславия») [3, с. 140; 7]. С этой позицией коррелирует убеждение Л.Н. Толстого, что «недовольство собой есть необходимое условие разумной жизни», побуждающее к работе над собой и нравственному совершенствованию [11, с. 142]. Произведения Ф.М. Достоевского, демонстрируют трансформацию от «культуры стыда» [3, с. 140], где ранние герои (например, Макар Девушкин) испытывают «жгучий стыд» за бедность и униженность к «культуре совести», в которой герои в позднем творчестве выбирают совесть, «оказывающуюся сильнее идеологии» и страстей, для нравственного возрождения [2, с. 327].

Понятия стыда и совести в философии Горького не являются центральными, так как его гуманистический культ Человека предполагает преодоление «пределов» морали и христианства, а также отказ от культа слабости и смирения. Вместо них ключевое значение приобретают внутренние активные качества, такие как самоуважение и чувство человеческого достоинства, необходимые для становления «Гордого Человека» и активного созидания действительности. Следовательно, центральное противоречие между активным, богоравным Человеком Горького и японскими установками фатализма (*инга*) и внешней регуляции (*хадзи*) образует теоретический фундамент для анализа рецепции пьесы. Возникает вопрос: каким образом радикальный гуманистический императив Горького был переосмыслен в культуре, где преобладают иные этические механизмы и где высоко ценится принятие предопределенной судьбы?

Этапы исследования процесса культурной адаптации русского текста в японской переводческой традиции и детальный анализ ключевых фрагментов текста

Данное исследование применяет комплексный двухэтапный метод, объединяющий количественный и качественный анализ, для исследования процесса культурной адаптации русского текста в японской переводческой традиции. Методология направлена на эмпирическую и теоретическую проверку гипотезы о том, что перевод переносит акцент пьесы с социально-классовой критики на универсальные экзистенциальные и фаталистические темы. Избранная методология также опирается на анализ семантических сдвигов как инструмента культурной адаптации, раскрывая, как перевод воплощает японские представления о соотношении «я — другой» и различия между культурами стыда/вины и русской традицией, ориентированной на социальную справедливость. Для этой цели сформулированы три основные гипотезы: первая предполагает ослабление классовой критики в пользу вечных философских вопросов о человеческом бытии, лжи и смерти; вторая — усиление экзистенциальных мотивов через японский фатализм; третья — реинтерпретацию иерархии как личной трагедии, а не системного угнетения.

Первый этап исследования заключался в проведении количественного анализа, целью которого было установление общей тенденции семантического доминирования и обеспечение объективной эмпирической базы для последующей философской интерпретации. Для этого текста пьесы были сгруппированы в три ключевых тематических кластера: «Социальное дно», «Философский конфликт» и «Власть и иерархия». В рамках этих кластеров был рассчитан индекс семантической плотности как для русского оригинала, так и для японского перевода, с целью измерить степень семантического присутствия и насыщенности каждого кластера в соответствующем тексте. На основе этих данных был вычислен культурный индекс, который отражает нормализованную степень семантического присутствия кластера в японском переводе относительно оригинала. Количественный этап зафиксировал [1] доминирование философского конфликта и относительное ослабление мотивов социального дна и вертикали власти, что задает общий вектор к экзистенциальному переосмыслению и служит опорой для последующего качественного анализа.

Второй этап — качественный анализ — был сфокусирован на детальном изучении ключевых фрагментов текста для верификации выдвинутых культурно-философских гипотез. Качественный анализ позволил выявить, как именно конкретные лексические и контекстуальные замены служат механизмами адаптации русской социальной критики к японскому фаталистическому мировоззрению

Фрагмент 1: Диалог Анны и Луки (Акт II)

Контекст	Русский оригинал	Японский перевод
Анна, изможденная болезнью, спрашивает Луку, за что ей досталась такая несчастная жизнь.	«Всю жизнь мою дрожала… Всю жизнь в отрепьях ходила… всю мою несчастную жизнь… За что?»	アンナ: あたしは一生、ふるえてばかりいたんですよ... 不仕合わせな一生をね... いったいなんの因果でしょうね？ (Я всю жизнь дрожала… Несчастная жизнь… Какая же это карма/причина?)
Лука утешает Анну, обещая ей покой после смерти.	«Смерть — она все успокаивает… она для нас ласковая… Помрешь — отдохнешь, говорится… верно это, милая!»	ルカ: 死はすべてのものを休ませてくれる... 死はわしらにとって優しいものだ (Смерть успокаивает все вещи… смерть добра к нам/ласкова для нас.)

Центральный сдвиг происходит в ответе Анны на вопрос о смысле ее несчастной жизни. В русском оригинале Анна спрашивает: «*За что?*», что по своей грамматической и семантической структуре подразумевает поиск внешней, социальной или божественной несправедливости. В японском перево-

[1] КИ: 0.156 — «Философский конфликт»; 0.0618 — «Социальное дно»; 0.0729 — «Власть и иерархия». КИ — нормализованный показатель семантического присутствия кластера в японском переводе относительно русского оригинала; рассчитан на основе индекса семантической плотности (СП) по обоим текстам.

де эта фраза заменена на «いったいなんの因果でしょうね?». Ключевой лексической единицей здесь является слово 因果 (инга), которое переводится как «*карма*» или «*причинно-следственная связь*». Это лексическое замещение переносит акцент со страдания как результата социальной несправедливости на фаталистическое и универсальное осмысление. Использование термина инга, укорененного в восточной философии и, в частности, в буддизме, позволяет осмыслить страдание Анны не как обличение социального дна, а как неизбежный результат фатальных причин, которые невозможно изменить. Это усиливает экзистенциальное, а не социально-критическое прочтение пьесы, что согласуется с гипотезой. При этом сохранение Лукой метафоры «ласковая» смерть (優しいものだ) подчеркивает его универсальную гуманистическую функцию.

Фрагмент 2: Монолог Луки (Акт IV)

Контекст	Русский оригинал	Японский перевод
Лука рассказывает историю о человеке, который верил в утопическое место.	«знал я одного человека, который в праведную землю верил…»	ルカ: わしの知った男に、真実の国を信じている者が一人あったんだ… (Был один человек, которого я знал, который верил в Страну Истины...)
Ученый доказывает, что места не существует, и человек кончает жизнь самоубийством.	«глядел-глядел — нет нигде праведной земли!»	ルカ: 真実の国はどこにも見あたらぬ！ (Страны Истины нигде не видно!)

В русском тексте Лука рассказывает о человеке, который верил в «*праведную землю*». Этот термин обладает сильным религиозно-социальным, утопическим и историко-культурным подтекстом. В японском переводе этот термин заменен на 真実の国 (*синдзитцу-но-куни*), что буквально переводится как «Страна Истины / Правды». Данный семантический сдвиг усиливает абстрактный, чисто философский и экзистенциальный характер конфликта, что подтверждает гипотезу. Пьеса отходит от обсуждения конкретных социальных или утопических идеалов, фокусируясь на метафизической борьбе за смысл существования. Трагедия человека в японской версии проистекает из неспособности найти абстрактную истину/правду, что углубляет экзистенциализм и приглушает прямое классовое обличение. Неспособность найти эту Истину становится главной причиной трагедии.

Фрагмент 3: Барон (Акт I и II)

Контекст	Русский оригинал	Японский перевод
Барон делится с Сатиным своим ощущением бессмысленности жизни, вспоминая свое прошлое.	«Мне… как-то неловко… мне кажется, что я всю жизнь только переодевался… а зачем? Не понимаю!»	男爵: おれの頭の中にゃいつも、霧のようなものがかかっていた。おれは、いつだって、なにひとつわかったことはなかった (В моей голове всегда висел туман, как туман. Я никогда ничего не понимал.)

В оригинале Барон описывает свою жизнь через ощущения «неловкости» и термином «переодевался». Лексика «переодевался» указывает на кризис идентичности, связанный со сменой социальных ролей, а «неловкость» отражает смущение или вину перед обществом за утрату социального статуса. Японский перевод использует другие метафоры: «тумана» (霧, *кири*) в голове и фразу «ничего не понимал». Это замещение переводит трагедию Барона из социальной плоскости в чисто когнитивный и экзистенциальный кризис самости. Проблема больше не состоит в том, кем он был в обществе, а в том, что он никогда не осознавал смысла своего существования. Потеря титула становится лишь частным проявлением универсальной человеческой бессмысленности. Таким образом, трагедия титула адаптируется под кризис самости, что более релевантно для японского культурного контекста, ориентированного на иерархическую гармонию, а не на систематическую опрессию.

В русском тексте Медведев, как представитель правопорядка, занимает чин «*ундер*» (унтер-офицер), который прямо связан с государственной карательной системой. В японском переводе Лука обращается к нему как к 部長さん (*бучё-сан*), что является общим термином, обозначающим руководителя или «господина начальника/заведующего». Бучё

не несет прямой и специфической коннотации с полицией или военной иерархией. Это лексическое изменение лишает фигуру Медведева специфической угрозы, связанной с формализованной государственной властью. Оно подтверждает гипотезу об ослаблении критики формализованной власти. Акцент смещается на личные отношения иерархии внутри общины (Медведев — дядя Василисы), а не на систематическую критику государственного аппарата. Даже угроза Пепла, где «следователь» заменен на «прокурора» (検事, *кендзи*), показывает, что акцент смещен на конкретные коррупционные преступления хозяев ночлежки (личный конфликт), а не на несовершенство системы в целом.

Фрагмент 4: Медведев (Акт III)

Контекст	Русский оригинал	Японский перевод
Медведев пытается сохранить остатки достоинства перед Пеплом и Лукой, подчеркивая свой статус родственника.	Медведев: Я ей не отец, я — дядя… Зачем надо мной смеяться?..	メドヴェージェフ: おれはあれの親爺じゃない、おれは叔父だ... なんのためにおれを笑やがるんだ (Я не ее отец, я ее дядя... Зачем надо мной смеяться?)
Лука, уходя, обращается к Медведеву, используя официальный титул.	Лука: Верно, господин ундер…	ルカ: ほんとうだよ、部長さん... (правда, господин начальник / заведующий...)
Медведев снижает свой официальный статус.	Медведев: М-да… хоть я… еще не совсем ундер…	メドヴェージェフ: ふん、そう.....実はおれは.....まだすっかり部長ってわけじゃないがね... (Хм, да... На самом деле, я еще не совсем начальник...)

Таким образом, качественный анализ подтверждает: японский перевод, используя семантику кармы (инга) и лексику абстрактной истины (синдзицу-но-куни), перевел произведение в русло универсального экзистенциализма, одновременно приглушая специфическую социальную критику через использование более общих терминов для власти (бучё-сан) и переосмысление кризиса Барона как когнитивной, а не социальной трагедии.

Заключение

Исследование, основанное на комплексном количественном и качественном анализе, как нам представляется, подтвердило гипотезу о том, что японский перевод пьесы М. Горького «На дне» функционирует как механизм культурной адаптации, смещая акцент с социально-классовой критики на универсальный экзистенциализм и фаталистическое мировоззрение. Японская рецепция интерпретирует пьесу Горького, который постулировал культ активного Человека и требовал отказа от христианского культа слабости и жертвы, через призму собственной культурной этики. Хотя японский фатализм требует усердия и ответственности, перевод адаптирует трагедию персонажей под механизмы «культуры стыда» и необходимости принятия судьбы, позволяя обществу снимать с себя вину за социальные проступки. В результате, горьковский идеал Гордого Человека, борющегося против рабства труда и несправедливости, в японском контексте трансформируется в субъект, сталкивающийся с универсальной, предопределенной кармой и когнитивным кризисом истины, а не с систематической социальной угнетенностью.

Литература:

1.Анненский И.Ф. Книга отражений. — М., 1979. — 364 с.

2. Арутюнова Н.Д. Понятие стыда и совести в текстах Достоевского // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. — М., 1999. — С. 320–345.

3. Богданова Л.И. «Культура стыда» и «Культура вины»: От Ф.М. Достоевского до наших дней // Раздел III. Культурологический аспект обучения иностранцев русской литературе. — 2021. — С. 137–142.

4. Богданова О.В. Философия Человека в пьесе М. Горького «На дне» // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. — 2016. — Т. 9, №5. — С. 1089–1100. DOI: 10.17516/1997-1370-2016-9-5-1089-1100.

5. Волошин М.А. Лики творчества. — Л., 1988. — 376 с.

6. Гергилов Р.Е. Стыд. — СПб., 2016. — 245 с.

7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. — М., 1999.

8. Достоевский Ф.М. Бедные люди / изд. подгот. К.А. Баршт; отв. ред. И.А. Битюгова. — М.: Ладомир: Наука, 2015. — 807 с.

9. Жеребин А.И. Георг Лукач и Максим Горький: у истоков теории социалистического реализма

// Философические письма. Русско-европейский диалог. — 2023. — Т. 6, №1. — С. 153–167. DOI: 10.17323/2658-5413-2023-6-1-153-167.

10. Тарланов З.К. Концепт «Человек и жизнь» как важнейшая категория в философии творчества и культуры Максима Горького (по материалам его писем) // Метафизика. — 2023. — №3(49). — С. 105–117. DOI: 10.22363/2224-7580-2023-3-105-117.

11. Толстой Л.Н. Круг чтения. — М.: ЭКСМО, 2016. — 1056 с.

12. Anesaki M. A History of Japanese Religion with special reference to the social and moral life of the nation. — London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Company, 1930. — xxii p., 1 l. : 423, [1] p. xxii pl.

13. Araki J.T. The Ballad-Drama of Medieval Japan. — Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1964. — 289 p.

14. Arendt H. The Human Condition / by Hannah Arendt; introduction by Margaret Canovan. — 2nd ed. — Chicago & London: University of Chicago Press, 1998. — 372 p.

15. Augustine. The City of God, Book V, chap. 12.

16. Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword. — Boston: Houghton Mifflin, 1946. — P. 222–223.

17. Dore R.P. City Life in Japan, a Study of a Tokyo Ward. — London: Rolitledge & Kegan Paul, 1958. — 472 p.

18. Hughes E.C. Men and Their Work. — Glencoe: Free Press, 1958. — 184 p.

19. Ikegami E. Shame and the Samurai: Institutions, Trustworthiness, and Autonomy in the Elite Honor Culture // Social Research. — 2003. — Vol. 70, No. 4. — P. 1351–1361.

20. Ingersoll J. Introduction // In Book: Anthropological Quarterly. — 1966. — Vol. 39(3). — P. 143–147.

21. Ishiguro T. Ninomiya Sontoku: His Life and "Evening Talks". — Tokyo: Kenkyiisha, 1955.

22. Katada T. Tanin wo kogeki sezuniha irarenai hito (How to Handle Those Taking Delight in Harraseng Others). — Tokyo: PHP Kenkyujo, 2013.

23. Kaufman W. Understanding Honor: Beyond the Shame/Guilt Dichotomy // Social Theory and Practice. — 2011. — Vol. 37, No. 4. — P. 557–573.

24. Lebra T.S. The Social Mechanism of Guilt and Shame: The Japanese Case // Anthropological Quarterly. — 1971. — Vol. 44, No. 4. — P. 241–255.

25. Minami H. Nihonjin no shinri (Japanese Mentality). — Tokyo: Iwanami shoten, 1974. — 212 p.

26. Morris I. The World of the Shining Prince. Court Life in Ancient Japan. — Kodansha International, 1994. — 336 p.

27. Nakamura H. The Ways of Thinking of Eastern Peoples: India, China, Tibet, Japan. — Tokyo: Japanese National Commission for UNESCO, 1960. — 712 p.

28. Plath D.W. Japan and the Ethics of Fatalism // Anthropological Quarterly. — 1966. — №39(3). — P. 161–170.

29. Sakuta K., Yagi K., McKinney M. A Reconsideration of the Culture of Shame // Review of Japanese Culture and Society. — 1986. -Vol. 1, No. 1. — P. 32–33.

30. Terazawa S. Is Fatalism Related to a High Level of Subjective Well-Being in Japan? // Bulletin of the Graduate School of Literature, Hokkaido University. — 2016. -№148, — P. 21–33. https://doi.org/10.14943/bgsl.148.l21

Источники:

31. Горький М. Исповедь // Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. Т. 9. М.: Наука, 1971. С. 341.

32. Горький М. Заключительная речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года // Горький М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. М.: ГИХЛ, 1953. С. 300, 312 [32; 33].

33. Горький М. Письмо И.Е. Репину, 23 ноября 1899 // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986. С. 118–119.

34. Горький М. Письмо Л.Н. Толстому, 14 или 15 февраля 1900 // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. С. 141.

35. Горький М. Письмо Д.Я. Айзману, 24 ноября (7 декабря) 1906 // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. С. 318.

36. Горький М. Письмо Л.Н. Андрееву, середина марта 1912 // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986. С. 10–11.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE LAWS OF THINKING: POSSIBILITIES AND LIMITS OF FORMALIZATION

Lebedev Dmitry Valerievich, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

Lebedeva Galina Viktorovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg

The article examines the problem of formalizing thinking in the context of philosophical reflection on artificial intelligence. The relevance of the study is determined by the growing role of intelligent systems that claim to reproduce rational functions of thinking. The purpose of the study is to analyze the philosophical foundations and limits of formalizing the laws of thought in contemporary AI models. The methodological framework is based on classical and non-classical logic, philosophy of mind, and philosophy of technology. It is shown that artificial intelligence implements normative structures of rationality, while failing to reproduce semantic and intentional aspects of thinking.

Keywords: *artificial intelligence; thinking; laws of thought; formalization; logic; philosophy of mind; philosophy of technology.*

EDN: EPYXPQ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.12***

Цитировать: *Лебедев Д.В., Лебедева Г.В. Искусственный интеллект и законы мышления: возможности и границы формализации // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 88-94. EDN: EPYXPQ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.12*

УДК 16
5.7.5 / 5.7.7

© Лебедев Д.В., Лебедева Г.В., 2026

ЛЕБЕДЕВ Дмитрий Валерьевич, *кандидат философских наук, доцент*

ЛЕБЕДЕВА Галина Викторовна, *кандидат философских наук, доцент*

Уральский государственный юридической университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЗАКОНЫ МЫШЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ

В статье анализируется проблема формализации мышления в контексте философского осмысления искусственного интеллекта. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью интеллектуальных систем, претендующих на воспроизведение рациональных функций мышления. Цель исследования — выявить философские основания и границы формализации законов мышления в современных моделях искусственного интеллекта. Методологической базой исследования являются концепции гносеологии, философии сознания, классической и неклассической логики. В результате показано, что искусственный интеллект реализует нормативные структуры рациональности, но при этом не способен воспроизвести семантические и интенциональные аспекты мышления.

Ключевые слова: *формальная логика; искусственный интеллект; мышление; законы мышления; формализация; философия сознания.*

Введение

Вопросы развития информационных технологий в настоящее время обладают несомненной актуальностью. Бурное развитие ИИ во всех сферах бытия формирует запрос на глубокое научное изучение возможностей человеческого мозга, а также, с философской точки зрения, на формирование новой онтологии ментального пространства, новой гносеологии в понимании мышления, внутренней и внешней рефлексии, сознания и самосознания.

Если сейчас ИИ еще выглядит технологией, владение которой является преимуществом, то в скором времени наступит эпоха его повсеместного использования. Тогда преимущество будет у тех, кто развивает собственное мышление, способность к исследованию и рефлексии, используя ИИ как помощника, а не делегируя ему в полном объеме свое «умение думать», что формирует привычку к готовым ответам. В условиях цифровой трансформации принципиально важно разобраться в том, как формируется и развивается ментальная среда, как цифровизация меняет мышление, как человек и технологии влияют друг на друга. В рамках данного исследования ключевым является вопрос о возможностях и

границах формализации человеческого мышления в аспекте развития технологий искусственного интеллекта.

Целью исследования является философский анализ возможностей и границ формализации мышления в контексте развития технологий искусственного интеллекта. В качестве методологической основы используются положения логики, философии сознания и эпистемологии. Научная новизна состоит в трактовке формализации мышления не только как нормативной процедуры. В отличие от редукционистских подходов показано, что законы мышления являются философскими идеализациями рациональности, реализуемыми в искусственном интеллекте в регулятивном статусе. Это позволяет уточнить философский статус искусственного интеллекта и сместить исследовательский интерес с вопроса о формах и законах мышления на анализ различных форм рациональности, воплощаемых в технических системах.

Проблема соотношения мышления и формальных систем занимает центральное место в философии со времён античности. Было бы неверно полагать, что технологии искусственного интеллекта являются прерогативой только XX и XXI столетий: «Технологии, которые сейчас известны в обществе под названием ИИ, прошли долгий исторический путь от первых попыток рассуждений о них Сократа, Демокрита и Платона», создания механизма, моделирующего мыслительный процесс, Раймундом Луллием в XIII веке, идей Г. Лейбница о формализации знания и моделировании логических операций мышления «до современных новейших комплексов сложных установок» [10, с. 239].

Развитие искусственного интеллекта актуализирует вопрос о возможности формализации рациональности и о философском статусе различных моделей мышления.

Логос и законы мышления в их философском измерении

Несмотря на «современность» и несомненную «актуальность» технологий искусственного интеллекта, философским истоком этой проблематики можно считать представления о Логосе в античной философии. Что означает это понятие? Логос как понятие древнегреческой философии включает в свое содержание целый «континуум значений», более тридцати различных толкований, таких как «слово», «понятие», «разум», «ум», «мысль» и другие [9, с. 24]. В философской традиции первая конкретная формулировка Логоса принадлежит Гераклиту, еще укорененному в мифологическом сознании. Это не только некий мировой закон, точнее универсальная форма для всех законов бытия, но и предмет разума, мифическое существо и стихия (огонь).

Аристотель развивает учение о Логосе как «мыслящем себя мышлении Ума-перводвигателя» [9, с. 24]. Мысль и предмет мысли, ноэма и ноэзис, в нём тождественны: «ум мыслит сам себя, если только он превосходнейшее и мышление его есть мышление о мышлении» [2, с. 316]. Ум-перводвигатель есть и высшее благо, и мышление, которое само себя мыслит. Отечественный философ С.Н. Трубецкой характеризует аристотелевский Логос как всеобъемлющий исток, начало мироздания: «Это вечное, сверхиндивидуальное начало, свободное от всякой материи, есть чистая энергия, в которой нет ничего потенциального, которая от века осуществляется в себе самой, в самодеятельности своего мышления» [12, с. 38]. Интересно было бы соотнести по контрасту данное онтологическое определение абсолютного мышления с представлениями о современных интеллектуальных системах. Развитие искусственного интеллекта позволяет выявить радикальное различие между классическим онтологическим пониманием мышления и его современными функционально-техническими интерпретациями, в рамках которых интеллект мыслится как конечный, материально реализуемый и потенциально изменяемый процесс» [18].

Важно подчеркнуть, что античное учение о Логосе как о высшем космическом разуме было в дальнейшем переосмыслено в учении стоиков и христианстве, став одной из самых устойчивых концепций в истории западноевропейской философской мысли. В настоящее время, через критическое соотнесение, мы вновь возвращаемся к этим идеям в связи с осмыслением технологий искусственного интеллекта и законов мышления. Еще в трактатах Аристотеля встречаются упоминания о науке, основанной на знании законов мышления. Речь идет о формальной логике, отцом-осно-

вателем которой является этот мыслитель. Формальная логика направлена на изучение структуры мысли, процесса мышления независимо от конкретного содержания утверждений. Она позволяет выявлять закономерности правильного вывода и систематизировать правила умозаключений.

Законы мышления в аристотелевской логике рассматривались как универсальные принципы рационального познания, обеспечивающие непротиворечивость и возможность достижения истины, Логоса [2].

Традиционное понимание законов мышления сформировалось в рамках классической формальной логики и восходит к аристотелевской философской традиции. К числу фундаментальных относятся закон тождества, закон непротиворечия и закон исключённого третьего, сформулированные ещё в античной логике и получившие систематическое развитие в аристотелевском «Органоне». Эти законы рассматривались как универсальные и необходимые принципы, обеспечивающие возможность непротиворечивого и рационально упорядоченного мышления. В Новое время к ним был добавлен закон достаточного основания, наиболее последовательно сформулированный Г.В. Лейбницем, согласно которому ни одно суждение не может быть признано истинным без указания достаточного основания его истинности.

В рамках формальной логики данные законы трактуются не как эмпирические обобщения психологических актов мышления, а как нормативные требования к построению правильных рассуждений. Как подчёркивает А.А. Старченко, законы логики выражают «наиболее общие и необходимые формы связи мыслей, нарушение которых делает рассуждение логически некорректным» [11]. В этом смысле законы мышления обладают объективным статусом: они не зависят от конкретного субъекта мышления, его психологических особенностей или культурного контекста, а задают универсальный каркас рациональности как таковой.

Таким образом, в классической логической традиции законы мышления понимаются как универсальные и необходимые условия правильного рационального мышления, обеспечивающие объективность истины и возможность логического доказательства. Их универсальность и необходимость служили философским обоснованием тезиса о том, что мышление подчиняется строгим формальным структурам, независимым от эмпирических условий, что впоследствии стало предметом критического пересмотра в неклассической логике. Именно такое представление легло в основу ранних проектов искусственного интеллекта, в которых мышление моделировалось как способность к логическому выводу по формальным правилам.

В дальнейшем, развивая идеи формализации мышления и логико-математические основания ИИ, необходимо также вспомнить о работах философов XIX века: Дж. Буля и О. де Моргана, в которых был сформирован символический язык науки и правила обращения с научными высказываниями.

Готлиб Фреге в труде «Основы арифметики» создал точный язык для описания математики и её философских основ. Таким образом, с помощью данного языка Фреге формализовал многие вопросы, поднятые еще Аристотелем в Античности.

Классическое понимание законов мышления как универсальных и необходимых принципов рациональности стало методологическим основанием для попыток формализации мышления. Предполагалось, что если мышление подчиняется логическим законам, то оно в принципе может быть представлено в виде формальных процедур, поддающихся алгоритмизации. Именно эта установка легла в основу ранних проектов символического искусственного интеллекта, ориентированных на моделирование рассуждений посредством логических правил и дедуктивного вывода. Формальная логика в данном контексте рассматривалась как нормативная модель правильного мышления, а интеллектуальная деятельность понималась как процесс применения логических законов к знаковым структурам.

Однако в философии XX века статус логических законов и символического языка для формализации был подвергнут переосмыслению. Развитие неклассических логик, феноменологии и аналитической философии показало, что мышление не исчерпывается только формально-логическими структурами. Так возникло различие между формальным мышлением, ориентированным на абстракт-

ные структуры, и содержательным мышлением, укоренённым в смыслах, контекстах и субъективном опыте.

Таким образом, ответ на вопрос: «Применимы ли классические законы мышления к технологиям искусственного интеллекта?» — зависит от того, о каких именно интеллектуальных системах идёт речь, что делает необходимым прояснение смысла понятия «искусственный интеллект».

Искусственный интеллект как проект формализации мышления

Мы выяснили, что, несмотря на всю техническую сложность и распространённость технологий искусственного интеллекта в современности, попытки теоретических исследований и даже первых практических реализаций в этой области начались достаточно давно, с момента первых попыток объяснения процесса мышления и управляющих им законов. В начале XX века понятие ИИ начало употребляться в научной среде уже в более привычном для нас смысле. ИИ-агенты, технологии искусственного интеллекта, нейросети — эти понятия за последние годы стали одними из самых популярных в информационном пространстве. За весь период их существования сформировалось более десятка общепринятых определений.

Само понятие «искусственный интеллект» появилось в 1956 году, когда Дж. Маккарти и его коллеги провели семинар на базе Дартмутского колледжа с целью обсудить вопрос о границах моделирования интеллекта, когнитивных и творческих процессов с помощью вычислительных машин. Именно тогда появилась одна из первых формулировок: «Каждый аспект обучения или любой другой характеристики интеллекта в принципе может быть настолько точно описан, что машина может быть создана для его имитации» [17]. В чём заключалась, с точки зрения авторов, проблема ИИ? В том, что «необходимо заставить машину вести себя таким образом, как если бы человек вёл себя так, чтобы быть названным разумным» [17].

В большом энциклопедическом словаре искусственный интеллект определяется как «раздел информатики, в котором разрабатываются методы и средства компьютерного решения интеллектуальных задач, традиционно решаемых человеком. К прикладным направлениям ИИ относят создание технических устройств, способных *к логическим выводам и рациональному поведению*, к приобретению новых знаний и диалогу с человеком-пользователем» [1]. То есть речь идёт о решении интеллектуальных задач, обычно связанных с человеком и его мыслительной деятельностью, при помощи цифровых компьютеров или роботизированных систем.

Алан Тьюринг, известный своей экспериментальной разработкой для выяснения степени «разумности» систем на основе искусственного интеллекта (так называемый тест Тьюринга), ещё в 50-е годы сформулировал вопрос: «Может ли машина мыслить?» [20]. Согласно тесту Тьюринга определяющим критерием при ответе на данный вопрос будет коммуникативный: человеку необходимо пообщаться с ИИ. И если не получится отличить, где он общается с техническим устройством, то, значит, тест пройден положительно. Но можем ли мы на основании положительного результата теста утверждать, что искусственный интеллект по своим ментальным характеристикам не отличается от человеческого? Вокруг этого вопроса в настоящее время формируется отдельная область философского знания — философия искусственного интеллекта.

Джон Сёрл, предложивший альтернативный эксперимент под названием «Китайская комната», разработал собственную концепцию, полагая, что искусственный интеллект — это лишь набор алгоритмов, модель работы человеческого мозга. При этом «сознание человека неповторимо» [19] и его невозможно редуцировать к чисто логическим процессам. Таким образом, согласно Джону Сёрлу, ИИ может корректно манипулировать символами, не обладая при этом интенциональностью и сознанием.

В настоящее время в зависимости от функциональных особенностей AI-систем используется несколько концепций ИИ, объединяющих альтернативные подходы. Не вдаваясь в технические тонкости, обозначим их принципиальные отличия.

[1] Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

Концепция «ограниченного или слабого ИИ». Реализуется через использование алгоритмов. Любой процесс — это результат следования немногочисленному набору простых правил. Даже сверхсложная среда может описываться небольшим количеством фундаментальных принципов и правил. Например, с точки зрения концепции «слабого ИИ», это могут быть системы рекомендаций, алгоритмы для диагностики заболеваний, системы распознавания лиц, беспилотники. Такой вариант ИИ функционирует в рамках заданных алгоритмов, и в непредвиденных обстоятельствах мы получим сбой, так как указанные системы не могут выполнять задачи, выходящие за границы их запрограммированной области.

Концепция «общего или сильного ИИ». В рамках этой концепции ИИ по уровню своего развития приближается к человеческому и даже превосходит его. Он способен понимать, учиться и применять свои знания. Сильный ИИ способен справиться с любой интеллектуальной задачей, которую может выполнить человек. Например, Илон Маск, явно придерживаясь концепции «сильного ИИ», в одном из своих последних выступлений сказал о том, что «...ИИ, который превосходит по интеллекту самого умного человека, появится в следующем году или в течение двух лет». При этом эксперты предупреждали о «серьезных рисках для общества и человечества» от создаваемых сверхмощных инструментов и призвали к немедленной паузе в обучении любой системы, более мощной, чем GPT-5 от OpenAI. «Мощные системы ИИ следует разрабатывать только тогда, когда мы уверены, что их эффекты будут положительными, а риски — управляемыми» [2]. В этой цитате указан важный момент о соблюдении баланса между возможностями и рисками, связанными с применением ИИ-технологий. Философская проблема заключается в вопросе, является ли разработка мощных систем ИИ тождественной мышлению в собственном смысле слова или лишь функциональной имитацией его отдельных аспектов.

Таким образом, искусственный интеллект с момента своего появления рассматривался как проект моделирования мышления средствами формальных систем [6]. Несмотря на значительные достижения, ИИ воспроизводит лишь вычислимые аспекты рациональности, что принципиально отличает его от человеческого мышления как феномена сознания [6].

Именно формальная логика стала философским и методологическим фундаментом первых ИИ-систем, поскольку:

1) знания представлялись в виде формальных символов;

2) мышление понималось как дедуктивный вывод;

3) законы логики играли роль нормативных правил обработки информации.

Современные методы ИИ, основанные на машинном обучении и нейронных сетях, отходят от жёсткой логической формализации. ИИ-технологии показали, что эффективное интеллектуальное поведение не обязательно требует строгого соблюдения логических законов, что ставит под вопрос их универсальность как модели интеллекта.

Возможности и границы формализации

Ранние концепции искусственного интеллекта основывались на символическом подходе, в рамках которого интеллект понимался как способность использовать формальные символы по строгим правилам. В этом контексте формальная логика задавала стандартную модель мышления, а интеллектуальная деятельность отождествлялась с логическим выводом.

Однако развитие математической логики показало принципиальные ограничения формальных систем. Теоремы К. Гёделя о неполноте также указывают на принципиальные пределы алгоритмического описания рациональности [5]. Это подрывает идею исчерпывающей формализации мышления и указывает на фундаментальные границы алгоритмического подхода.

Современные интеллектуальные системы демонстрируют высокую эффективность в задачах логического вывода и оптимизации. Однако ограничения формализации мышления выявляются при обращении к проблемам смысла, понимания и сознания.

[2] Илон Маск заявил о возможности ИИ стать умнее человека уже в 2025 году // URL: https://www.forbes.ru/milliardery/509969-ilon-mask-zaavil-o-vozmoznosti-ii-stat-umnee-celoveka-uze-v-2025-godu

Формальные системы оперируют синтаксическими структурами, в то время как человеческое мышление неразрывно связано с семантикой и интенциональностью. Так, например, Л. Флориди определял ИИ как «новый тип агента, не обладающий сознанием и интенциональностью» [16].

Таким образом, даже если рассматривать ИИ как формальную систему, он неизбежно сталкивается с пределами, заложенными в самой логической структуре. Кроме того, такие аспекты мышления, как интуиция, творчество и ценностное суждение, не сводимы к формальным правилам. Следование формальным правилам не тождественно пониманию, поскольку логический синтаксис не обеспечивает семантики и интенциональности, необходимых для мышления.

С философской точки зрения это означает, что формализация мышления неизбежно носит частичный характер и не может претендовать на исчерпывающее описание человеческого мышления. В этом смысле технологии искусственного интеллекта реализуют законы мышления как нормативные принципы рациональности, освобождённые от эмпирических искажений.

В итоге современные системы искусственного интеллекта существенно отходят от классической формальной логики как универсального основания интеллектуальной деятельности. В отличие от ранних символических моделей ИИ, ориентированных на дедуктивный вывод и логическое следование по строго заданным правилам, актуальные ИИ-системы функционируют преимущественно на основе вероятностных и статистических методов. Их работа направлена не на установление логической истинности утверждений, а на вычисление наиболее вероятных ответов в условиях неопределённости.

Как подчёркивают С. Рассел и П. Норвиг, современные интеллектуальные системы «рассматривают рациональность не как логическую безупречность, а как способность действовать оптимально при ограниченной информации» («acting rationally under uncertainty») [18]. Далее авторы отмечают, что современные технологии искусственного интеллекта активно включают методы вероятностного рассуждения и обработки неопределённости, поскольку «трудно захватить каждую возможную ситуацию подходящим набором необходимых и достаточных логических правил» [18, с. 982], что привело к отказу от чисто логического подхода в пользу гибридных методов анализа и обучения. В этом контексте логический вывод уступает место вероятностным моделям и статистическим обобщениям.

Заключение

Все вышеизложенное позволяет тезисно обозначить основные выводы исследования:

1. В философском контексте проблема искусственного интеллекта приобретает особую значимость, поскольку затрагивает статус законов мышления, их применимость к ИИ-системам и границы формализации процессов мышления.

2. Искусственный интеллект следует рассматривать как инструмент формализации отдельных рациональных структур мышления, но не как эквивалент человеческого мышления.

3. Формальная логика является важным инструментом для формализации мышления. Однако связь между формальной логикой и технологиями искусственного интеллекта носит скорее историко-методологический характер. Ранние исследования в области ИИ исходили из предположения, что интеллектуальная деятельность может быть адекватно смоделирована посредством формальных логических правил и дедуктивного вывода. Однако развитие современных ИИ-систем показало ограниченность данного подхода.

4. Современные системы искусственного интеллекта всё чаще основываются не на классической логике, а на вероятностных и статистических моделях. Машинное обучение, нейронные сети и большие языковые модели функционируют в режиме приближённого моделирования, а не строгого логического вывода.

5. Это приводит к трансформации представлений о рациональности. Вместо детерминированной логической необходимости на первый план выходит вероятностная обоснованность и практическая эффективность. Однако такая рациональность плохо соотносится с классическими законами мышления, которые предполагают строгость, непротиворечивость и определённость. Таким образом,

современные ИИ-системы демонстрируют отход от формальной логики как универсального основания интеллекта.

6. Искусственный интеллект выступает не только моделью мышления, но и философским инструментом его критического переосмысления, раскрывая границы формальной логики как науки о законах и формах правильного мышления.

7. Философское осмысление границ формализации позволяет избежать редукционистских интерпретаций мышления и способствует более глубокому пониманию природы рациональности и сознания в целом.

8. Технологии искусственного интеллекта не подтверждают универсальность формальной логики как модели мышления, а, напротив, выявляют её нормативный и ограниченный характер.

Литература:

1. Антонов-Дружинин П.В. О сущности и эволюции понятия искуственного интеллекта // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2025. — №2(46). — С. 82-86.

2. Аристотель. Метафизика // Собрание сочинений: в 4-х т. — Т. 1. — М.: Мысль, 1976. — С. 66-367.

3. Викторов А.В. Феномен искусственного интеллекта в философской традиции // Социально-гуманитарные знания. — 2023. — №7. — С. 117-120.

4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. — М.: Канон+, 2010. — 288 с.

5. Гёдель К. О формально неразрешимых предложениях Principia Mathematica и родственных систем // Избранные труды. — М.: Наука, 1982. — С. 45–87.

6. Григорьев А.Д., Шеманов К.А., Кириллов Г.М. Проблема искусственного интеллекта в философии: граница между человеческим и машинным сознанием // Скиф. — 2020. — №1(41). — С. 161-166.

7. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания / пер. с англ. — М.: Идея-Пресс, 2004. — 512 с.

8. Желнин А.И. Объективное воплощение логики: от вычислительных машин к жизни и интеллекту? // Философская мысль. — 2024. — №2. С. 34-48. doi:10.25136/2409-8728.2024.2.69896

9. Коськов С.Н., Иваненко М.А. Учение о Логосе в античной философии // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. — 2025. — №3. — С. 24–29.

10. Миндигулова А.А. Феномен искусственного интеллекта: история возникновения и развития // Социология. — 2023. — №5. — С. 239-244. doi:10.24412/1812-9226-2023-5-239-244

11. Старченко А.А. Логика: учебник для вузов. — М.: Гардарики, 2010. — 255 с.

12. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории. — СПб.: Издательство Олега Абышко; Универсальная книга, 2009. — 608 с.

13. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. — М.: Республика, 1993. — С. 221-238.

14. Черч А. Введение в математическую логику / пер. с англ. — М.: ИЛ, 1960. — 486 с.

15. Юдин Б.Г. Искусственный интеллект как философская проблема // Философские науки. — 2019. — №6. — С. 7-22.

16. Floridi L. The Logic of Information. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — 304 p.

17. McCarthy J., Minsky M. L., Rochester N., Shannon C. E. A proposal for the Dartmouth summer research project on artificial intelligence. — Hanover, NH: Dartmouth College, 1955. — 17 p.

18. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 4th ed. — Hoboken: Pearson, 2021. — 1136 p.

19. Searle J. R. Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. — 1980. — Vol. 3, No. 3. — P. 417–457.

20. Turing A. Computing Machinery and Intelligence // Mind. — 1950. — Vol. 59, No. 236. — P. 433–460.

THE ONTOLOGICAL BASIS OF ETHOS AS A CONDITION OF FORMATION SUSTAINABLE VALUES

Neronov Alexander Vladimirovich, *PhD of Cultural Studies, Associate Professor*

Neronova Marina Yurievna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

St. Petersburg Chemical and Pharmaceutical University of Ministry of Health of Russian Federation, St. Petersburg

This article examines the relationship between traditional and non-traditional values and attempts to understand the essence of the contradiction between them. Searching for the foundations of their differences allows us to identify the causes of crises in contemporary culture. The widespread prevalence of non-traditional values is the result of the modernist project, which has led to a crisis of Western ethos and human identity. This crisis of ethos, in turn, is associated with the lack of an ontological foundation and entails an identity crisis and the destruction of values. Conversely, the ethos of cultures that uphold traditional values possesses an ontological foundation, which allows these cultures to maintain their identity and a stable value system. Based on the analysis, the conclusion is drawn that the foundation of a stable value system is the presence of an ontological foundation in a national ethos, which represents the foundation of a worldview and is passed down from generation to generation. It is this ontological foundation that is the cultural constant that preserves core values from spontaneous change over time and is the cause of their historical development, not their decline.

Keywords: *worldview; non-traditional values; traditional values; identity; identity crisis; modernity project; ethos; Chinese ethos; Russian ethos, conciliarity, nationality, symphony.*

EDN: FIVLIP ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.13***

Цитировать: *Неронов А.В., Неронова М.Ю. Онтологическое основание этоса как условие формирования устойчивых ценностей // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 95-101. EDN: FIVLIP. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.13*

Онтологическое основание этоса как условие формирования устойчивых ценностей

В статье рассматривается проблема соотношения традиционных и нетрадиционных ценностей и осуществляется попытка понимания сути противоречия между ними. Поиск оснований различия между ними позволяет установить причины кризисных явлений в современной культуре. Широкое распространение нетрадиционных ценностей вызвано результатами реализации проекта модерна, что привело к кризису Западного этоса и идентичности человека. Кризис этоса, в свою очередь, связан с отсутствием в нем онтологического основания и влечет за собой кризис идентичности и разрушение ценностей. Напротив, в этосе культур, поддерживающих традиционные ценности, присутствует онтологическое основание, что позволяет данных культурам сохранять идентичность и устойчивую систему ценностей. По результатам проведенного анализа представлено заключение, что основой устойчивой системы ценностей является наличие в национальном этосе онтологического основания, которое представляет собой фундамент мировоззрения и передается из поколения в поколение. Именно онтологическое основание является культурной константой, сохраняющей основные ценности от спонтанных изменений во времени и являющейся причиной их исторического развития, а не упадка.

Ключевые слова: *мировоззрение; нетрадиционные ценности; традиционные ценности; идентичность; кризис идентичности; проект модерна; этос; китайский этос; русский этос, соборность, народность, симфония.*

УДК 304.2

5.7.7

© Неронов А.В., Неронова М.Ю., 2026

НЕРОНОВ Александр Владимирович, *кандидат культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,*
SPIN-код:1127-5476
ORCID: 0009-0004-5791-1590
Researcher ID: 587133

НЕРОНОВА Марина Юрьевна, *кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин*
SPIN-код: 4574-8782
ORCID: 0009-0003-1868-8691
Researcher ID: 559727

Санкт-Петербургский химико-фармацевтический университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Санкт-Петербург

Популярность понятия «ценности» в последнее время настолько велика, что дискуссии с частым употреблением данного термина происходят как в научной литературе, так

и в СМИ, особенно в политическом контексте. Нередко кажется, что ценности представляют собой особые виды оружия, применяемого в битве идеологий нашего времени. То, что мы вошли в эпоху больших перемен, уже никем не оспаривается, как и то, что мир больше никогда не будет таким, каким был прежде. На практике это означает, что прежняя относительная стабильность в мировой политике при существовании двух соревнующихся систем уже потеряла основы для своего существования с исчезновением одного из полюсов противостояния, когда победившая сторона, став «абстрактной частью» прежнего противоречия, не смогла справиться с вышедшими из-под контроля политическими и экономическими силами. Прежние договоры, сдерживающие агрессию государств, стали недееспособными, и мир потерял некогда существовавшее противоречивое равновесие.

Идеология, мировоззренческие основания и ценности определяют субъективную сторону национальных характеров. Каждая из новых сил, борющихся за место под солнцем, желает иметь преимущество не только во внешней мощи, но и в том, что называется духовной опорой. У любой цивилизации всегда имеется некий символ веры, несущий в себе основополагающие смыслы существования страны, выраженные в идеологии. Победа над оппонентом означает не только успех в экономическом или политическом противостоянии, но, прежде всего, в идеологическом.

Ключевые аргументы западной политики построены на либеральных ценностях, возникших в ходе развития проекта модерна и под влиянием леворадикальных политических течений. В свою очередь, страны, ставшие оппонентами однополярной глобализации, как правило, опираются на ценности, выработанные в ходе их историко-культурного развития. Кардинальное несходство выбранных путей культурного развития определяет условия цивилизационного противостояния, борьбу традиционных и нетрадиционных ценностей.

Если обратиться к философии софистов, то можно заметить во взглядах ее представителей удивительное сходство с современными западными ценностными установками. «В соответствии с учением софистов человек есть мера всех вещей. Истина относительна, различна для каждой культуры, человека и ситуации. Ценность любого мнения можно определить только исходя из практической пользы, которую оно может принести в жизнь человека. Софисты доказывали, что не существует определенных норм истинного и ложного, то есть невозможно четко разграничить истину и ложь, добро и зло, справедливость и несправедливость и т. д.» [9, с. 178].

То есть Протагор, Горгий и другие софисты задолго до христианства сформулировали установки, практически не отличающиеся от современных «нетрадиционных» ценностей. То есть, у новых западных ценностей также можно отыскать собственную «историческую традицию», отчего их неверно считать именно «нетрадиционными». Попутно отметим, что с софистами решительно не соглашался Сократ, который стоял на позициях поиска истины. Можно сказать, что у него познание было критерием этики, поскольку злой человек — это человек невежественный. Таким образом, «новые ценности» западного мира оказались «хорошо забытыми старыми ценностями». Из этого следует, что различие между позициями борющихся мировоззрений следует искать не в том, что одни придерживаются устаревших норм, а другие — новых. И дело даже не в самих ценностях, а в чем-то ином, что заставляет ценности быть именно такими, какими они представляются. У различия ценностей должно быть свое достаточное основание. То, что лежит глубже внешне презентируемой шкалы ценностей и ее определяет.

Рассматривая западную систему ценностей, ряд авторов пишет о кризисе идентичности человека, исповедующего такие ценности [3; 7; 11; 13] Кризис идентичности есть нечто более глубокое, чем неудовлетворительная ценностная шкала. При этом такой кризис объясняется не столько «упадочными ценностями», сколько кризисом мировоззрения, а также основных социальных институтов и так далее. Е.Л. Разова приходит к выводу, что кризис личностной, социальной и культурной идентичности происходит в результате разрушения западного этоса. Автор статьи понимает этос в широком смысле, как «пространство экзистенции» [10].

«Один из путей самоидентификации — понимание себя через понимание Своего

Другого. …Это может быть метафизический другой — Бог, разум, всеобщая справедливость; индивидуальный другой — любимый человек, цель в жизни; предметный другой — дом, дорогие памятные вещи, книги. Все предложенные варианты объединяются в некоем месте, «открытом пространстве», которое позволяет явиться тому, что «касается человеческого существа и, захватывая его, пребывает в его близости», местопребывание человека, которое «заключает в себе и хранит явление того, чему человек принадлежит в своем существе». Это место… будучи пространством экзистенции, в то же время тысячами нитей соединяет человека через его понимающие духовные отношения с другими» [10, с. 86].

То есть, речь идет не только об этических нормах, но об определенности всего существования человека, где есть представление о доме, семье, Родине, о мире в целом, во взаимодействие с которыми происходит самоидентификация личности в пространстве этоса. Здесь человек полноценно живет, пользуясь предоставленными ему сущностями и смыслами, определяющими его цели и ориентиры. Нет нужды оспаривать то, что с разрушением этоса разрушается и идентичность человека. Ведь при разрушении этоса происходит и разрушение целостной картины мира, на основании которой человек получал собственную идентичность в ходе социализации. Когда мир становится все менее понятным, теряется и слаженное единство человеческой личности, которая невозможна без соответствующего образа окружающей действительности. Кроме кризиса идентичности в западном этосе теряется также и сама реальность окружающего мира вместе с устойчивостью некогда базовых понятий, таких как семья, мораль, религия и так далее. Вместо действительных феноменов возникают симулякры, делающие саму жизнь нереальной [2]. С утратой идентичности остаются только «тени вещей», теряется изначальный образ и ориентиры.

Следующий аспект, требующий обращения, касается наличествования в этосе как экзистенциальном пространстве того, что выступает фундаментом и причиной целостности последнего, того, что позволяет избежать кризиса идентичности и потери реальности за множеством симулякров. В этосе прошлых эпох значительную роль играла религия. В том числе, в европейской культуре католическое христианство четко определяло мировоззрение, закрывая в нем любые «белые пятна» и не оставляя места для сомнений, поскольку истина и благо проистекали от бога, а все негативное — от дьявола. Теоцентризм в картине мира позволял воспринимать этот мир под углом зрения «онтологического реализма». Для России религией стало православие, после принятия которого началось активное развитие русской государственности. В связи с православием развивалась и русская идея, где государство объединялось с концепцией христианства на основе символического утверждения: «Москва — Третий Рим, а четвёртому не бывать». Так возникла особенность самосознания России на уровне единства религии и государства, что повлияло на политику страны и на её внутреннюю жизнь. Однако, в наши дни российский этос формируется заново, преодолевая значительное влияние глобализма.

Дух Европы О. Шпенглер определял как фаустовский, где торжествует знание-сила, подчиняющая природу в интересах человека, помогающая переустроить общество на принципах гуманизма [12]. По сути, фаустовский дух Европы представляет собой реализовавший себя дух проекта модерна, который поставил вместо бога познающий разум человека, затем окончательно вытеснил бога из мировоззрения, заменив его наукой, встал на сторону протестантского духа капитализма, о котором писал М. Вебер [4] и привел мир в эпоху постмодернизма. В результате чего, западный этос вслед за потерей религиозных онтологических основ в мировоззрении, претерпел существенные трансформации, что, в свою очередь, привело к потере смыслов, высоких ценностей и человеческой идентичности. Действительно, без надежного онтологического основания не может быть никакого смысла, никаких истин, не может быть даже ощущения реальности окружающего мира. Остается только абсурд существования при упрямом отрицании бога, который самим своим бытием не допускал абсурда.

Парадокс положения заключается в том, что бог не может быть отменен, как утверждал И. Кант [6], логически, а значит, он был отменен упрямым усилием воли человека,

жаждущего занять место творца. В соответствие с волевым императивом, обозначенным Ф. Ницше формулой «Бог умер», западная культура изымала божественный онтос из мировоззрения, где место творящей субстанции занимала материя, познаваемая атеистической наукой. После этого западная культура стала чисто хронологической, изменяющейся по воле времени и лишенной влияния со стороны вечного. Собственно, в этом и состоит суть культуры и мировоззрения постмодерна с нарастающими кризисными явлениями. Лишившись поддержки со стороны духа, по воле отверженного в ходе трагического исторического эксперимента, человек оказывается в пустынной бездне, равнодушной к нему и превышающей его своей исходной мощью, и сам начинает уподобляться этой бездне. В этом случае кроме физического выживания и страха не остается ничего другого, а иногда и страх тонет в пустом равнодушии и наступает депрессия, ведущая к неизбежному саморазрушению. В основе современного постмодернистского мировоззрения, по сути, лежит философия небытия «как первооснова существующего гарантирует непрекращающееся появление новых форм бытия и исчезновение старых. Это соответствует современной тенденции общества потребления, когда новые формы появляются только для того, чтобы сменить старые, без прироста качества в материальном и духовном смыслах» [5, с. 146]. Эти новые формы, или ценности, не получившие онтологического основания, не способны выступать в качестве ориентира.

Вероятно, правильно будет сказать, что Китай, Россия и некоторые другие страны, опирающиеся на «традиционные ценности», на самом деле все еще обладают цельным и относительно прочным этосом, внутри которого имеется свое онтологическое основание. В частности, традиционно мировоззрение Китая восходит к учению Конфуция о «Тянь Ся» — «Поднебесной», то есть, о стране, гармонически вписанной в Космос. В самом названии, которое переводится «Вниз от неба», заранее заданы основные параметры космоса: вверху Небо, в середине — люди, внизу — земля. Власть распределяется сверху вниз. Отсюда главным над людьми и землей считается император, как сын Неба, который только ему и подотчетен. Л.А. Максименко в статье «Китайский традиционализм в философской оптике» пишет следующее: «Ключевая ценность. В Древнем Китае — это «Небо» («тянъ» 天 /tiān/), в Древней Греции — «Космос». Обе ценности рождены особым доверием к миру природы и её упорядочивающему единству» [8, с. 21]. Кроме того, Небо в китайской культуре понятие многозначное, поэтому оно выражает идею божества, сущности человека, понятие власти и многое другое. «Идея «небесного мандата» легла в основу развитой в конфуцианстве концепции государственной власти. Китай самоидентифицировался как Поднебесная, культ Неба стал общегосударственным, император воспринимался как «сын Неба» и верховный жрец» [8, с. 21]. Отсутствие в китайской культуре понятия Бога-творца не отрицает веры в Небо как высшее начало. Эта вера также представляет собой идеальное отношение сознания человека к превосходящей его высшей силе, как и знакомая нам вера в бога.

Таким образом, китайский Космос обладает иерархической структурой, где есть не просто верх, середина и низ, а «высшее», «срединное» и «низшее». В Поднебесной правит верх, который выражает власть как над природой, так и над обществом, что служит выражением идеи единства макрокосма и микрокосма. Социум в Китае полностью легитимирован через гармоническое единение большого и малого в мире, где государство построено по принципу семьи, а семья выражает собой государство, где глава семейства подобен императору и потому по структуре и функциям семьи можно судить о структуре и функциях государства, и наоборот.

Помимо неба и взаимосвязи природы и общества, в китайской философии имеется и понятие дао, как онтологической первопричины всего сущего. Еще не было неба и земли, но уже было дао. Это многозначное понятие трактуется как «путь», или «причина всего», которая непостижима для познания человека. Люди следуют воле Неба, а Небо следует дао. Так что космическая иерархия, задающая порядки всем вещам и процессам, сама имеет под собой онтологическое основание, хотя оно кажется скорее метафизическим, чем религиозным.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности описания основ древнекитайской филосо-

фии, можно с уверенностью сказать, что китайское традиционное мировоззрение оказывается очень устойчивым, с точки зрения собственной онтологической составляющей, которая представляет фундамент национального этоса. При этом конфуцианство не утратило актуальности и способности конкурировать в условиях современного мира. Реально Китай получил свой небывалый экономический рост при смене идеологической линии с маоистской на линию реформ, возвращающих страну к принципам учения Конфуция. Дополнив «более новый» марксизм прежней «старой» системой философских и социальных принципов и ориентиров, Китаю удалось превратиться в мощную мировую державу.

Таким образом, дело состоит не просто в «традиционности», а еще и в том, что китайский этос обладает онтологической опорой внутри себя, что делает его не только структурно уравновешенным, но и реальным, где нет сомнений относительно истинности мира и форм действительно существующих норм и ценностей. Семья такова, какова она принята в традиции, потому что являет собой модель государства, власть проистекает от верховной элиты и правителя, потому что для власти нужен «мандат неба», а правитель есть, по сути, император, сын того же неба. Таким образом, все ценности и установки имеют под собой достаточное основание в виде онтоса, так что картина мира основана на, своего рода, «онтологическом реализме», который надежно защищает китайское общество от постмодернистской деградации этоса и коллективной идентичности. Организованное китайское «мы» успешно противостоит хаотическому метанию атомизированных «я» и это заставляет признавать систему культурных ценностей «новой Поднебесной» как вариант успешного существования в эпоху тотального постмодернистского кризиса идентичности, смыслов и ценностей.

Обращаясь к поиску онтологического основания внутри российского пространства экзистенции, вместе с развитием российского государства развивалась и русская идея. Последняя началась еще с речи митрополита Илариона и продолжилась определением русского царства как Третьего Рима, хранителя истинной православной веры. Двуглавый орел, позаимствованный у Византии, означал «симфонию властей», или гармонию между духовной властью церкви и светской властью царя. При этом государь считался фигурой сакральной, божьим помазанником, с властью, данной богом. Таким образом, православие и самодержавие, по сути, неотделимы друг от друга, поскольку являются частями двуединого символа власти. Царь ведет политику в согласии с требованиями православной церкви и на благо страны, а церковь, в свою очередь, поддерживает царя своим духовным авторитетом и служением. Согласно уваровской формуле, православие — самодержавие — народность, третий элемент следует понимать как единство российского народа перед лицом царя и церкви, вне зависимости от социального положения. Иными словами, перед царем и богом все едины. Народность сопоставима с соборностью, которая понимается как единство всех православных в лоне церкви, а народность — единство российского народа перед лицом как высшей духовной, так и высшей светской власти в лице царя. По поводу народности следует упомянуть о существовании в истории страны так называемых земских соборов, где принимались важные решения в единении царя, церкви и представителей народа. И хотя данная форма единогласия и не претендовала на торжество народовластия, она соединяла власть монарха и церкви с присутствием народа как свидетеля и соучастника.

Если присмотреться внимательней к подобной структуре, то становится понятно, что и в этом случае государство понимается по аналогии с большим семейством, где есть безусловный глава, а также — орган «духовной легитимации» в лице церкви. Ни одно из этих звеньев нельзя исключить, поскольку царь и народ это — как отец и его дети, но подобное возможно лишь в присутствии бога, делающего такое положение вещей не просто возможным, но истинным. Бог не может позволить царю отклониться от исполнения своего властного служения народу и тому свидетелями выступают церковь и сам народ.

Начиная с реформ Петра Великого, в России произошли значительные перемены, по сравнению с эпохой Московского царства, и в стране зародилась и стала быстро развиваться новая правящая элита, отдаленная от народа и ориентированная на европейскую

культуру. Новая власть принесла с собой и новые реалии, в которых не только народ оказывался пострадавшей и отторгнутой стороной, но и церковь была ослаблена в своих правах, загнанная в прокрустово ложе Священного синода. Российский этос стал развиваться в условиях идеологических противоречий между западниками и славянофилами, а также — в нарастающих ветрах постепенно приближающейся революции.

Поэтому кажется естественным, что на практике принципы официальной народности не сработали и в ходе революционных событий февраля 1917 года от царя отвернулись почти все его ближайшие соратники и значительная часть российского народа. С другой стороны, после радикального отрицания самодержавия и церкви вместе с верой в бога, большевики создали аналог царской самодержавной власти в виде сталинского режима, где диктатор стал не только самовластным субъектом, но и носителем в некотором смысле «духовной харизмы», так что значительная часть населения страны начала поклоняться ему как «истинному царю-самодержцу». Как писал в своей известной работе Н.А. Бердяев [1], народ страны, пойдя за большевиками, в целом принял их «коммунистическое подобие царской империи», но отверг буржуазную демократию и капиталистическое устройство экономики.

В последствие, годы «перестройки», а затем — попытка Б.Н. Ельцина создать в России либерально-демократический режим власти, привели к кризису национального суверенитета и дестабилизации. Тем не менее, на российской почве ростки западной идеологии не прижились, поскольку российская история — это история самобытного развития с чередой войн, большая часть из которых пришлась на конфликты со странами Европы. При этом Европа нередко проявляла и коллективную агрессию по отношению к России, включая поход шведов и немцев на Новгород, наполеоновская и гитлеровская армии как объединенные силы значительной части континентальной Европы. Таким образом, в ходе истории в России сложился собственный этос, в котором была своя трактовка религиозной веры, добра, зла, свободы, а также власти. Западная терминология (демократия, либерализм, парламент) не отражала культурно-исторические особенности самобытного осознания народа опыта соотношения с властью, опыта реального существования в лоне православия, а также — опыта многочисленных войн с иноземцами, периодов покоя и потрясений, то есть, опыта народного существования, запечатленного в пространстве российского этоса.

Парадокс заключается в том, что уникальный терминологический аппарат, философско-политологический язык, при помощи которого можно было бы адекватно выражать понятия основ национальной идеологии и культуры, не сложился, при этом западный словарь не применим и не отражает особенностей российской действительности в историко-культурном контексте. Западничество воцарилось вопреки славянофильской тенденции, однако оно так и не стало чем-то своим, а уподобилось границе, отделившей нынешнюю историю страны от ее прошлого. Возникает насущная необходимость к выработке своих понятий с обязательной установкой на онтологическое основание, придающее мировоззрению реальность. И религия в этом смысле не исчерпала своих возможностей. Человек сталкивается в своей жизни не только с временным, но также и с вечным. Кризис идентичности, как и кризис ценностей могут быть поняты в контексте кризиса духовности.

Разумеется, полный возврат к идеям дореволюционной России вряд ли возможен, каждой эпохе необходим свой релевантный онтологический символ веры, который, воплощая в себе вечность, не будет противоречить духу времени, но дополнит его до состояния гармонического единства реальности. И потому создание новой историософии России без включения размышлений о роли символов вечности, о влиянии религии на исторические события и коллективную идентичность народа было бы серьезной ошибкой в процессе адекватной идентификации России и Русского мира. Опора на фундамент и твердую почву культурной самобытности позволяет перейти в дальнейшем к осознанию обновленной формулы связи творящего онтоса с властью, власти — с народом, а заодно определиться с пониманием свободы, закона, долга и многого другого, составляющего важнейшую структуру жизнедеятельности страны.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. — М.: ЮРАЙТ, 2025. — 178 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. — М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 269 с.
3. Борзова А.В. «Идентификация» личности: постгуманистические перспективы // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. — 2012. — №1(10). — С. 93-101.
4. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. — 4-е изд. / сост. Ю.Н. Давыдов. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 656 с.
5. Волкова М.Н. Оптимистические и пессимистические тенденции в философии небытия //Вестник экономики, права и социологии. — 2016. — №3. — С. 143-147.
6. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. — М.: АСТ, 2017. — 560 с.
7. Лисенкова А.А. Информационная культура как фактор трансформации идентификационной парадигмы // Культурная жизнь Юга России. — 2017. — №2(65). — С. 53-58.
8. Максименко Л.А. Китайский традиционализм в философской оптике // Гуманитарные исследования. — 2020. — №2(27). — С. 21-25.
9. Печников Г.А. и др. Судебный процесс над Сократом как борьба софистики и диалектики // Г.А. Печников, С.Д. Назаров, П.П. Смольяков // Logos et Praxis. — 2021. — Т. 20, №3. — С. 177-182.
10. Разова Е.Л. Разрушение этоса как причина кризиса личностной, социальной и культурной идентичности // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. — 2017. — Т. 9, №3. — С. 86-93.
11. Тульчинский Г.Л. Личность как проект и бренд // Наука телевидение. — 2011. — №8. — С. 250–265.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. — М.: Мысль, 1998. — 663 с.
13. Юрьева А.Ю. Восточная и западная цивилизация в поиске и формировании идентичности // Теория и практика инновационных технологий в АПК: сб. ст. Национальной научно-практической конференции. — Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2024. — С. 175- 179.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS FOR THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC EDUCATION

Ravochkin Nikita Nikolaevich, *DR of Philosophical sciences, Associate Professor, Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov; Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo*

Kovaleva Galina Petrovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov, Kemerovo*

The purpose of this study is to examine the dialectic of the system-activity approach in Russian education as a methodological foundation. The article elucidates the key characteristics of the system-activity approach in education. Concepts of the object of study are analyzed in an interdisciplinary research context. The primary focus is on the methodological application of this approach. It is noted that, already in the final decades of the Soviet period, public education was standardized by a single curriculum for all educational institutions of the corresponding level. It is concluded that, for the further effective use of the system-activity approach methodology, it is necessary to draw on the best traditions of the Soviet school.

Keywords: *education; system; methodology; society; activity.*

EDN: DRUUOX ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.14***

Цитировать: *Равочкин Н.Н., Ковалева Г.П. Философские основания развития отечественного образования // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 102-106. EDN: DRUUOX. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.14*

УДК 316
5.7.7

© Равочкин Н.Н., Ковалева Г.П., 2026

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Цель исследования — рассмотрение диалектики системно-деятельностного подхода в российском образовании как методологической основы. В статье проясняются ключевые характеристики системно-деятельностного подхода в образовании. Проанализированы представления о объекта исследования в междисциплинарном поиске. Основной акцент сделан на методологическом применении заявленного подхода. Констатируется, что уже в последние десятилетия советского периода народное образование было стандартизировано единой для всех учебных заведений соответствующего уровня программой. Делается вывод о том, что, для дальнейшего эффективного использования методологии системно-деятельностного подхода необходимо опираться на лучшие традиции советской школы.

Ключевые слова: *образование; система; методология; общество; деятельность.*

РАВОЧКИН Никита Николаевич, *доктор философских наук, доцент, Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкова; Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово*

КОВАЛЕВА Галина Петровна, *кандидат философских наук, доцент, Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкова, Кемерово*

Введение

Векторность развития современной России определяется ориентиром на возрождение традиционных духовно-нравственных ценностей, которые фундаментализируют культурные уклады всей современной российской цивилизации в целом, включая сферу науки, образования, политики, экономики. В этом эволюционном процессе сфере российского образования отводится одно из важнейших значений, так как именно благодаря образованию подрастающее поколение и молодежь получают не только фундаментальные знания о мире в целом, но и нравственное, гражданско-патриотическое и трудовое воспитание, определенный социальный опыт и целеполагание приносить пользу обществу [3]. Стандартизация образования как упорядочение образовательной практики с помощью установления норм и требований к ее элементам является необходимым условием его продуктивного функционирования. В контексте образования стандарт является нормой, образцом, моделью, которая

учитывает возможности системы образования по обеспечению единства образовательного пространства страны, преемственность в образовательных программах, контроль за качеством успеваемости, др.

Оценивая советскую систему образования 50-х годов, Ц.Р.С. Мэндэрс отмечал, что она занимала лидирующее положение в мире. С его точки зрения, подготовка молодежи в СССР по инженерно-техническим специальностям была лучше, чем в развитых странах мира. Главное внимание в советской высшей школе уделялось подготовке специалистов, владеющих своим делом в совершенстве, знающих законы развития общества и понимающих внутреннюю и внешнюю политику коммунистической партии, с широким научным и культурным кругозором. Таким образом, процесс стандартизации среднего и высшего образования в советской России начался уже 20–30-е годы, а во второй половине XX века в СССР народное образование было стандартизировано единой для всех школ и вузов соответствующего уровня программой, учебниками по дисциплинам, определенным перечнем экзаменов. После распада СССР, прежней образовательной системе, которую называли в постсоветские годы «традиционной», стали противопоставлять «новую» — модернизированную. В сентябре 2024 г. актуализирован ФГОС начального, основного общего и среднего общего образования. Методологической основой ФГОС является системно-деятельностный подход. При рассмотрении основных характеристик системно-деятельностного подхода в нем можно выделить аспекты: историко-философский, психолого-педагогический и методологический.

Цель исследования, состоящая в рассмотрении диалектики системно-деятельностного подхода в российском образовании как методологической основы, способствующей повышению качества образования, предполагает решение трех задач: 1) проанализировать развитие представлений о системно-деятельностном подходе в ракурсе историко-философских и психолого-педагогических знаний; 2) выявить основные принципы системно-деятельностного подхода и особенности его методологического применения в российском образовании; 3) уточнить понимание системно-деятельностного подхода в современных контекстульных реалиях. Для достижения поставленной целей и решения задач авторы обратились к следующим методам: анализ и обобщение литературных и интернет-источников по заявленной проблематике, системный подход, а также интегративный метод.

Теоретической базой исследования послужили работы следующих авторов: Л. Берталанфи, В.В. Давыдов, А.Н. Джуринский, Д.А. Каверин, А.М. Кориков, А.Г. Крицкий, А.Н. Леонтьев, С.Н. Павлов, В.В. Рубцов, Е.Н. Маслак, Г.П. Щедровицкий, П.Г. Щедровицкий.

Развитие представлений о системно-деятельностном подходе в ракурсе историко-философских и психолого-педагогических знаний

В основе системно-деятельностного подхода лежат представления о системе и деятельности. Оба эти термина являются философскими категориями, которые используют и другие науки, в том числе психолого-педагогические. Хотя в современной науке существует несколько десятков определений, обобщенно под системой понимают целостность, состоящую из множества взаимосвязанных друг с другом элементов, которые находятся в определенных отношениях между собой и в силу этого образуют единство [5]. Во второй половине XX века категория «система» становится одной из ключевых философско-методологических, психолого-педагогических и специальных категорий в различных науках. В 60-70-е годы происходит оформление системной методологии в СССР и странах западноевропейского мира, в том числе в США и Канаде.

Разработкой теоретических и прикладных направлений ОТС — общей теории систем — занимаются исследовательские группы, научные центры и лаборатории. Понятие «система» прочно вошло не только в технические науки и естествознание, но и в такие дисциплины как педагогика, психология, социология, в которых оно трактуется так, как уже было дано ранее, но разработка этого концепта осуществляется с учетом характеристик живых систем и психики человека. Системный подход получил признание научного сообщества и в сочетании с понятий-

ем «деятельность» стал методологической основой российского образования. Это свидетельствует об интеграционных междисциплинарных процессах, которые происходят в ранее обособленных друг от друга отраслях науки [1].

Понятие *деятельности* разрабатывалось еще в советской педагогической и психологической науке. В работах теоретиков развивающего обучения сформулировано понятие учебной деятельности, как психологической формы, на основе которой формируются механизмы саморазвития. В результате учебно-психологической деятельности осваивается система научных знаний и развивается творческое мышление [2]. Создателем наиболее развернутой общепсихологической теории деятельности считают А.Н. Леонтьева, с точки зрения которого понятие деятельности носит предметный характер [6]. По его мнению, предметная деятельность является процессом, внутренние противоречия и трансформация которого порождают психику в качестве необходимого момента ее развития [7, с. 100].

Идея интеграции системы и деятельности была развита Г.П. Щедровицким — создателем системомыследеятельностной методологии (СМД-методологии), в которой деятельность рассматривается как первичная реальность процесса мышления [8]. П.Г. Щедровицким на основе представлений о коллективной мыследеятельности были разработаны основы системомыследеятельностной педагогики. Целью СМД-педагогики является самоформирование и реализация мыследятельностных и обеспечивающих их психических функций, возникающих в процессе обучения в ситуации «понимания — непонимания» и рефлексивной коммуникации по поводу последней [9].

Таким образом, еще в советской науке и философии, педагогике и психологии были разработаны категории и концепты «система» и «деятельность», их основные принципы и другие характеристики, а также заложены основы системно-деятельностного мышления. Эта работа была продолжена в постсоветское время, в частности при разработке понятий «образовательная деятельность», «системно-деятельностный подход в образовании».

Основные принципы системно-деятельностного подхода и особенности его методологического применения в российском образовании

Методологической основой современного ФГОС является системно-деятельностный подход (СД-подход) в основе которого лежат представления о переориентации процесса обучения с получения готовых знаний от учителя на их поиск и освоение самими обучающимися в процессе самостоятельной и исследовательской работы. Продекларированы три основные принципа системно-деятельностного подхода: 1) *принцип деятельности,* согласно которому учащиеся становятся активными участниками образовательного процесса, нацеленного на результат; 2) *принцип системности,* согласно которому полученные знания дают учащемуся системное представление о мире; 3) *принцип минимакса,* согласно которому ученику предлагается освоение программ на максимальном для него уровне при гарантировании усвоения необходимого минимума знаний, прописанных в ФГОС.

Таким образом с позиций СД-подхода не учитель дает готовые знания учащимся, как это было в советской школе, а организует учебный процесс так, чтобы на первом месте была активная, самостоятельная и познавательная деятельность школьника на уроке и во внеурочное время. Более того, в некоторых авторских трактовках учитель и ученик при таком подходе становятся чуть ли не равными субъектами учебного процесса. То есть абсолютизируется роль ученика в процессе обучения и его способность самостоятельно добывать знания, а роль учителя сводиться только к организации деятельности обучающегося на уроке, т.е. своего рода тьютора, который исследует интересы ребенка и создает условия для его развития. В педагогической практике последних трех десятилетий обнаруживается противоречие: несмотря на разработку системно-деятельностного подхода в образовании еще во времена СССР и декларирования его в ФГОС в качестве образовательно-методологической основы, качество обучения в постсоветское время стало снижаться, особенно после отмены экзаменов в школе и введения ЕГЭ и ОГЭ.

Система образования в СССР во второй половине XX века признавалась одной из лучших в мире, так как в школе формировались необходимые знания, умения и навыки (ЗУН), которые служили основой для получения дальнейшего образования и профессии. Образовательная система была единой на всем пространстве СССР, основной формой организации учебного процесса в школе был урок. В условиях научно-технической революции изменялись цели обучения, совершенствовались его содержание, методы и средства, которые расширяли объем понятия «урок» и изменяли его понимание в ракурсе современной тому времени дидактики. В советской школе разрабатывались активные формы и методы обучения, акцентировалось внимание на развитие мышления и подготовку профессионального образования молодежи.

Понимание системно-деятельностного подхода в современных контекстульных реалиях

После распада СССР, советская система обучения стала подвергаться большой критике, но основные ее достижения продолжали применяться. В постсоветское время в систему образования добавились IT-технологии, формы и методы их применения в процессе обучения и разработаны ФГОС. Развитие IT-технологий давало надежду отдельным реформаторам осуществить переход к цифровому обучению, в котором учителю в традиционном его понимании не было места, так как абсолютизировались возможности самостоятельного овладения обучающимися необходимыми знаниями. Ковид-пандемия 2020-2021 годов, перевод процесса обучения на дистанционный режим в этот период, развеяли эти иллюзии. Согласно требованиям обновленных ФГОС с 1 сентября 2024 года во всех школах России вновь вводятся печатные учебники по основным предметам, возвращается требование домашнего задания, принимаются меры по укреплению дисциплины обучающихся на уроке и в школе, вводятся новые учебные предметы, акцентируется внимание на гражданско-патриотическом воспитании, укреплении традиционных российских национально-культурных ценностей [4].

Безусловно, требуется время для полноценного перехода к реализации требований, содержащихся в обновленных за последние годы ФГОС. Возможно необходимо научно обоснованно, продуманно и взвешенно изменить организацию процесса познания в сторону формирования у обучающихся системно-деятельностного мышления, интегрируя лучшие традиции советской и российской педагогики, разработать принципиально новые средства обучения и учебные пособия, в которых материал будет системно изложен и структурирован. Неотъемлемой частью этого процесса является воспитание подрастающего поколения и молодежи на основах традиционных культурных российских ценностей, привития любви к трудовой деятельности, развитие духовно-нравственных качеств личности, в том числе и чувства эмпатии, как неравнодушия к людям и судьбе страны.

Заключение

Таким образом, рассмотрев основные этапы развития российского образования в XX и XXI веках, можно сделать вывод о том, что каждому периоду развития нашей страны (СССР → постсоветская Россия) в плане социально-экономической и культурной жизни был характерен определенный уровень развития теории обучения, в которой в соответствии с целю образования формировались требования к образовательному процессу. Педагогика этих периодов обогащалась разными типами и видами обучения, в каждом из которых присутствовали элементы предшествующего типа, разрабатывалась новая методология и методы обучения. Эти элементы могли различаться по содержанию программ, формам и методам учебно-воспитательного процесса, организацией и сроками обучения, идеологическими и ценностными основаниями, но вместе с тем в целом в образовательном процессе сохранялись лучшие достижения и педагогические традиции, преемственность и передача опыта.

Достижениями советской школы были разработки методов и форм развивающего обучения, активизации мышления, проблемный подход в обучении, формирование единого образовательного пространства в масштабах всей страны, появление авторских образовательных инноваций и авторских школ, вве-

дение системно-деятельностного подхода как основы процесса обучения. В учебных заведениях (от школы до вуза) обучающиеся получали фундаментальные знания о мире в целом, навыки системного мышления, трудовое и нравственно-патриотическое воспитание.

Распад СССР и последовавший за этим социально-политический коллапс 90-х годов, с одной стороны, разрушал основы советского образования, с другой стороны, вызвал к жизни новые формы обучения, например, на основе IT-технологий. Положительным моментом стало введение ФГОС и системного-деятельностного подхода как всеобщей методологического основы всей системы образования в России. Дальнейшее развитие системно-деятельностного подхода в образовании требует подведение под него диалектического фундамента, который присутствовал в советской системе образования и незаслуженно забыт в постсоветское время, дальнейшую разработку принципов системно-деятельностного мышления, выявление концептуальной структуры, методов системного синтеза теоретических и методологических педагогических форм на основе преемственности различных образовательных систем и творческого опыта. Согласно требованиям обновленных ФГОС в образовании и воспитании необходимо учитывать системно-деятельностные связи, формировать представление о системно-деятельностном характере педагогической деятельности, влияющем на целостность процесса образования и воспитания, использовать этот подход при моделировании конкретных образовательно-воспитательных систем в учреждениях образования.

Литература:

1. Берталанфи Л. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. — М.: Прогресс, 1989.
2. Давыдов В.В., Рубцов В.В., Крицкий А.Г. Психологические основы организации учебной деятельности, опосредованной использованием компьютерных систем // Психологическая наука и образование. — 1996. — №2. — С. 68-72.
3. Джуринский А.Н. Высшее образование: история и современные тенденции развития. — М.: Прометей, 2003.
4. Каверин Д.А. Правовые основы образовательной деятельности: понятие, виды и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — №3. — С. 20-34.
5. Кориков А.М., Павлов С.Н. Теория систем и системный анализ. — М.: ИНФРА-М, 2022.
6. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 томах. — Т. 1. — М.: Педагогика, 1983.
7. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 томах. — Т. 2. — М.: Педагогика, 1983.
8. Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник, 1981. — М.: Наука, 1981. — С. 193-227.
9. Щедровицкий П.Г. Очерк основных идей системомыследеятельностной педагогики // Очерки по философии образования. — М., 1993.

HUMANITARIAN EXPERTISE AS A COMMUNICATIVE TECHNOLOGY FOR COORDINATING MEANINGS IN MODERN SOCIETY

Saprykina Ekaterina Vladimirovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Ethnology*

Onoprienko Alesya Vasilievna, *PhD of Political sciences, Associate Professor, Department of Media Communications of the Higher School of Creative Industries*

North-Caucasus Federal University, Stavropol

The relevance of this topic stems from the fact that humanities expertise is becoming a means of "survival" in situations of uncertainty, transforming it into a tool for social design, where the quality of a decision directly depends on the quality of communication. The purpose of the study is to uncover the communicative potential of humanities expertise as a tool for bridging the semantic gaps between innovation participants, ensuring social sustainability and constructive dialogue in technological and managerial decision-making. The aim of the study involves solving the following problems: 1) identify and analyze the essential characteristics of humanities expertise as a communication technology; 2) demonstrate that humanities expertise is effective when it creates a common communicative environment for discussion; 3) present humanities expertise as an important tool for preserving pluralism of opinions and ensuring open dialogue in a modern multicultural society. The theoretical framework for studying the communicative nature of humanitarian expertise draws on a number of philosophical approaches and concepts exploring interaction, understanding, meaning-making, and value exchange. Drawing on Jürgen Habermas's theory of communicative action, the humanitarian expertise process is conceptualized as a discursive practice aimed at achieving social consensus through honest and rational discussion of a complex problem. The use of hermeneutic, axiological, and socio-epistemological approaches emphasizes the triune nature of humanitarian expertise, which combines value-based, scientific-theoretical, and communicative components. Scientific novelty, the identified features underpin a substantiated communicative model of humanitarian expertise, which is viewed as a dynamic technology for harmonizing value-based and semantic attitudes. As a result, it is concluded that humanitarian expertise, as a communicative technology, is an important guarantee of preserving human potential. It transforms a technological challenge into a conscious choice based on social consent and ethical responsibility.

Keywords: *humanitarian expertise; communication technology; social innovation; social risks; meaning; values; science; interdisciplinarity.*

EDN: DVHHRT ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.15***

Цитировать: *Сапрыкина Е.В., Оноприенко А.В. Гуманитарная экспертиза как коммуникативная технология согласования смыслов в современном обществе // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 107-111. EDN: DVHHRT. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.15*

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОГЛАСОВАНИЯ СМЫСЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 304.4
5.7.7

© Сапрыкина Е.В., Оноприенко А.В., 2026

Актуальность темы обусловлена тем, что гуманитарная экспертиза становится способом «выживания» в ситуации неопределенности, она превращается в инструмент социального проектирования, когда качество решения напрямую зависит от качества коммуникации. Цель исследования — раскрыть коммуникативный потенциал гуманитарной экспертизы как инструмента преодоления смысловых разрывов между участниками инновационной деятельности, обеспечивающего социальную устойчивость и конструктивный диалог в принятии технологических и управленческих решений. Цель исследования предполагает решение следующих задач: 1) выявить и проанализировать существенные характеристики гуманитарной экспертизы как коммуникативной технологии; 2) показать, что гуманитарная экспертиза эффективна тогда, когда создает общую коммуникативную среду для дискуссий; 3) представить гуманитарную экспертизу как важный инструмент для сохранения плюрализма мнений и обеспечения открытого диалога в условиях современного поликультурного общества. Теоретическая база исследования коммуникативной природы гуманитарной экспертизы

САПРЫКИНА Екатерина Владимировна, *кандидат философских наук, доцент*

SPIN-код: 7681-3999

ОНОПРИЕНКО Алеся Васильевна, *кандидат политических наук, доцент Департамента медиакоммуникаций Высшей школы креативных индустрий*

SPIN-код: 3543-1242

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

опирается на ряд философских подходов и концепций, исследующих взаимодействие, вопросы понимания, смыслообразования и ценностного обмена. Опора на теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса позволяет представить процедуру гуманитарной экспертизы как дискурсивную практику, направленную на достижения социального согласия в условиях честного и рационального обсуждения сложной проблемы. Использование герменевтического, аксиологического, социально-эпистемологического подходов акцентирует внимание на триединой сущности гуманитарной экспертизы, совмещающей ценностный, научно-теоретический и коммуникативный компоненты. В качестве научной новизны, на основе выявленных особенностей обоснована коммуникативная модель гуманитарной экспертизы, которая рассматривается как динамичная технология согласования ценностно-смысловых установок. В результате делается вывод о том, что гуманитарная экспертиза как коммуникативная технология является важным гарантом сохранения человеческого потенциала. Она превращает технологический вызов в осознанный выбор, основанный на общественном согласии и этической ответственности.

Ключевые слова: *гуманитарная экспертиза; коммуникативная технология; социальные инновации; социальные риски; смысл; ценности; наука; междисциплинарность.*

Введение

Изучение коммуникативной природы гуманитарной экспертизы в настоящее время вызвано не столько академическим интересом, сколько потребностями общества в поисках ответов на вызовы современности. Беспрецедентное развитие информационных технологий и цифровизация всех сфер общественной жизни трансформируют многие социальные процессы, делая их более гибкими и автоматизированными, но в то же время создавая и новые социальные риски. В современных условиях роль гуманитарной экспертизы, которая направлена на оценку влияния социальных инноваций, технологий и решений, связанных с человеком, весьма возрастает. Будучи диалогом, она вовлекает в процесс обсуждения над сложными и неоднозначными проблемами все заинтересованные стороны, направляет взаимодействие к достижению общественного согласия, обеспечивает приоритет гуманности в принятии решений, повышает социальную ответственность и защищает права человеке.

Рассмотрение с точки зрения коммуникативного ракурса гуманитарной экспертизы обусловлено следующими причинами:

во-первых, в процессе реализации гуманитарной экспертизы появляется возможность создания коммуникативного пространства, в котором различные социальные группы (наука, государство, бизнес и общественность) могут высказаться и быть услышанными. Тем более, что современные технологии не поддаются однозначному оцениванию, а требуют согласования с учетом ценностных оснований;

во-вторых, развитие нейросетей и цифровых технологий порождает проблемы, которые не могут быть решены сугубо технически. С помощью гуманитарной экспертизы осуществляется гуманизация технологического процесса, а именно, перевод автоматизированного языка алгоритмов на язык человеческих ценностей и смыслов;

в-третьих, в эпоху обилия информации и распространения фейков гуманитарная экспертиза, благодаря поддержанию прозрачности и открытости процесса коммуникации, сохраняет доверие к науке со стороны общественности;

в-четвертых, рефлексия гуманитарной экспертизы над собственными коммуникативными основаниями помогает в какой-то степени освободить ее от предвзятости и ограничить возможности манипулирования с ее помощью общественным мнением.

Обсуждение и дисскуссии

В академической среде широко распространено мнение, что приоритет в формировании и философском обосновании понятия гуманитарная экспертиза остается за норвежским мыслителем Г. Скирбекком [3]. Он ввел данный термин для обоснования роли социально-гуманитарных наук в оценке модернизационных процессов. По его мнению, при оценке влияния технологических проектов на жизнь человека и общества недостаточно только одного технического знания, важно учитывать культурные ценности, образ жизни и историческую память. Скирбекк придал экспертной практике глубокое философское и герменевтическое значение.

В отечественной мысли концепция гуманитарной экспертизы получила независимое развитие в работах Б.Г. Юдина, И.И. Ашмарина [1], которые определили ее как инструмент защиты человека и общества в условиях нарастающего техногенеза. Для Юдина гуманитарная экспертиза, прежде всего, является специфической социальной технологией, которая соизмеряет социальные инновации с человеческими ценностями. Он исходит из аксиологических оснований, вводя понятие человеческого потенциала, деформация которого недопустима ни при каких социальных или технологических экспериментах. Одной из главных идей Юдина является необходимость превентивности, потому что технологическое развитие осуществляется с большей скоростью, чем общество успевает вырабатывать нормы его урегулирования. Экспертиза, выполняя роль фильтра, еще на стадии проектирования способна отсекать опасные сценарии развития, что особенно важно в биоэтике и медицине, когда последствия могут быть необратимыми.

Г.Л. Тульчинский [5] рассматривает гуманитарную экспертизу сквозь призму ценностно-нормативного анализа и управленческой этики. Он переводит рассмотрение гуманитарной экспертизы из академической плоскости в область прагматики. По его мнению, задачей экспертизы является не установление этических границ допустимого применения технологий, а обнаружение жизнеспособности проектов в конкретной социокультурной среде. Согласно Тульчинскому, гуманитарная экспертиза предстает как работа со смыслами, которые проект привносит в жизненный мир человека. Она направлена на выяснение того, какой смысл имеет данное новшество для различных групп и как оно влияет на их ценностные ориентации. Таким образом, ученый фокусирует свое внимание на эффективности экспертной практики сквозь призму ценностей.

В рамках данного исследования важным является указание на триединую сущность гуманитарной экспертизы и выделение таких ее методологических компонентов, как «отнесение к науке», «отнесение к ценности» и «отнесение к практике» [2]. Обобщая все имеющиеся исследовательские подходы, можно сделать вывод, что гуманитарная экспертиза представляет собой междисциплинарную аналитическую процедуру, обладающую триединым характером (теоретическим, аксиологическим и коммуникативным) и направленную на превентивное выявление социокультурных рисков инноваций. Отнесение к науке обеспечивает доказательность экспертизы, отнесение к ценности — ее аксиологическую глубину и смысловую наполненность, а отнесение к практике переводит теоретические выводы через коммуникативный контекст в область конкретного воплощения.

Б. Юдин [6] указывал на широту и неопределенность области применения гуманитарной экспертизы, которая заключается в том, что она одновременно выступает и как форма деятельности и как социальный институт. Будучи деятельностью, она приобретает форму коммуникации, диалога, взаимодействия. Понимаемая как социальный институт гуманитарная экспертиза в этом случае нацелена на конечный результат, выработку окончательного решения. Целью ее является не столько процесс коммуникации, сколько достижение поставленной цели и получение конкретных рекомендаций.

Для понимания сущности гуманитарной экспертизы целесообразно рассмотреть ее коммуникативную природу, заключающуюся в том, что она выступает не как жестко регламентируемая техническая процедура, а как многосторонний диалог и взаимодействие между учеными, государством, бизнесом и общественностью. Причем ее деятельность связана с оценкой гуманитарных последствий применения современных инноваций сквозь

призму ценностей, интересов человека и общества. Коммуникация в этом случае является инструментом согласования смыслов и их понимания.

Коммуникативная природа гуманитарной экспертизы позволяет рассматривать ее как социальную практику, реализуемую через открытый диалог и социальное взаимодействие. В таком случае она является деятельностью, представляющей непрекращающийся процесс осмысления систем ценностей, осознания мотивов действия участников диалога, собственных и оппонентов. К эксперту зачастую предъявляются серьезные требования, а именно, наличия глубокого профессионализма и исключительных моральных качеств. Однако обнаружение у претендента всех этих качеств представляется весьма затруднительным. По мнению Б. Юдина [6], для участника гуманитарной экспертизы важным является не столько наличие столь исключительных качеств, сколько способность адекватно выражать интересы, надежды и опасения тех, кто испытает на себе последствия исследуемых явлений. С этой целью к гуманитарной экспертизе привлекают не только профильных ученых, но и независимых экспертов-непрофессионалов, представляющих интересы лиц, на которых будет направлено исследование.

Реализация коммуникативной природы гуманитарной экспертизы осуществляется в двух плоскостях. Во-первых, на уровне обсуждения проблемы между представителями научного сообщества и широким кругом заинтересованной общественности, в этом случае требуется соотнесение научного видения обсуждаемой ситуации с ее аксиологическим и практическим характером. Во-вторых, на личностном уровне, ведь специалисту необходимо комбинировать научные, моральные и коммуникативные навыки с целью решения сложных теоретических и ценностных проблем.

Как коммуникативная технология гуманитарная экспертиза обладает рядом существенных признаков: принципиальная незавершенность и открытость, междисциплинарность и комплексность, проблемность и множественность интерпретаций в оценке последствий технологического развития.

Междисциплинарность гуманитарной экспертизы является ее фундаментальной характеристикой и обусловлена предметной областью, сконцентрированной вокруг человека и социума. Для обсуждения сложных и дискуссионных проблем привлекаются ученые из разных областей науки, что позволяет комплексно оценить влияние новых технологий или проектов на человека. Кроме того, в процессе экспертизы научное знание выходит за пределы дисциплины и соединяется с жизненным миром ценностей, человеческим опытом.

Комплексность гуманитарной экспертизы проявляется в ее многоуровневом характере, который позволяет анализировать объект одновременно в нескольких измерениях — от индивидуальных смыслов до глобальных систем. В отличие от научного прогноза или этического суждения гуманитарная экспертиза связана не только с поиском ошибок, от нее ожидают обнаружения латентных последствий и возможностей для человека в целом.

Принципиальная незавершенность и открытость гуманитарной экспертизы является ее фундаментальным онтологическим свойством, вытекающем из природы человека и культуры. Процессуальный характер экспертизы предполагает непрекращающийся диалог, в ходе которого происходит постоянное углубление и уточнение содержания гуманитарного анализа. В силу своей специфики и предметного характера гуманитарная экспертиза не может быть одноразовой акцией, оцениваемые ее явления могут порождать последствия, имеющие кумулятивный эффект и неочевидные возможности и риски для человека в долгосрочной перспективе. Ее основной задачей является обозначение пределов социальных инноваций и преобразовательной деятельности, за которые опасно переступать. Гуманитарная экспертиза — это в каждом случае уникальная процедура.

Заключения гуманитарной экспертизы остаются всегда открытыми для уточнения, критики и возражений со стороны общественности или других экспертных групп. Ее выводы носят вероятностный и рекомендательный характер, оставляя пространство для непредсказуемости человеческого фактора. Следовательно, принципиальная незавершенность и открытость гуманитарной экспер-

тизы превращает ее в инструмент развития, который стимулирует постоянную рефлексию и диалог о ценностях.

Проблемность и множественность интерпретаций в оценке последствий, вызванных противоречиями социального и технологического развития, позволяют представить гуманитарную экспертизу как важный инструмент для сохранения плюрализма мнений и обеспечения открытого диалога в условиях современного поликультурного общества. В процессе ее реализации с необходимостью учитываются различные ценностные позиции, обеспечивается их открытое обсуждение и содействие общественному согласию. что очень важно в контексте социальных преобразований. «Важнейшим шагом на пути к некоторому общему решению в отношении сложнейших проблем, порождаемых научно-техническим и социальным прогрессом. является не сглаживание и игнорирование, а обнаружение различий и предоставление им возможности адекватно выразить свое содержание. Без выявления различий интересов и ценностей нельзя строить процедуры их согласования путем обсуждений» [4, с. 125].

Необходимость выработки согласованного решения при сохранении и поддержании множественных позиций весьма парадоксальная, но специфическая черта гуманитарной экспертизы, которая меняет саму идею принятия решения. Идея множественности делает принципиально невозможным достижение окончательного решения, углубляя и сохраняя саму проблемность. Направленность экспертизы на предвосхищение будущих последствий делает знание о них вероятностным, а не окончательным. А ценностная нагруженность и диалогичность гуманитарной экспертизы обусловливает выработку альтернативных вариантов решения с учетом сложных и противоречивых социальных аспектов, поэтому итогом оценки является не жесткий вердикт, а диалог и поиск альтернатив.

Заключение

В условиях технологического развития современного общества гуманитарная экспертиза трансформируется из инструмента оценки и контроля в активную коммуникативную технологию. Ее коммуникативная природа позволяет согласовывать необходимость технических инноваций с жизненными ценностями и смыслами человека, сонастроить ожидания различных социальных акторов, что минимизирует риск отчуждения и способствует снятию напряженности. Рассмотрение ее как превентивного механизма, направленного на опережающее выявление потенциальных рисков, позволяет не только блокировать опасные проекты на стадии замысла, но и предлагать способы их ценностной коррекции, делая инновации социально приемлемыми. Реализация гуманитарной экспертизы через отнесение к науке, ценности и практике обеспечивает ее жизнеспособность, делая ее одновременно объективной, этичной и полезной. Это позволяет трансформировать абстрактные гуманистические идеалы в конкретные практические рекомендации, что способствует устойчивому развитию современного общества.

Литература:

1. Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Основы гуманитарной экспертизы / И.И. Ашмарин, Б.Г. Юдин // Человек. — 1997. — №3. — С. 76-86.

2. Белокрылова В. Феномен гуманитарной экспертизы в современных условиях: аксиологический, научный и коммуникативный аспекты / В. Белокрылова // Studia Rossica Gedanensia. — 2019. — №6. — С. 185-194.

3. Скирбекк Г. Есть ли у экспертизы этические основы? / Г. Скирбекк // Человек. — 1991. — №1. — С. 86-93.

4. Тищенко П.Д. Угроза множественности и идея гуманитарной экспертизы//Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып.2. — М.: ИФРАН, 2008. — С. 102-129.

5. Тульчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология / Г.Л. Тульчинский // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2008. — № 4 (16). — С. 38-52.

6. Юдин Б.Г. Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы / Б.Г. Юдин // Век глобализации. — 2008. — №2. — С. 146-154.

INTERDISCIPLINARY ANALYSIS OF SOCIAL INNOVATION: POSSIBILITIES OF PHILOSOPHICAL SYNTHESIS

Sergodeeva Elena Alexandrovna, *DSc of Philosophical sciences, Professor*

Turdimurodov Golib Azamatovich, *Postgraduate student*

North-Caucasus Federal University, Stavropol

The purpose of the study is to develop a philosophical framework for analyzing social innovation that integrates the results of various disciplinary approaches. The research methodology is based on an interdisciplinary approach, implemented through a comparison of social scientific concepts of innovation and their philosophical synthesis. As a scientific novelty, the substantive evolution of social innovation research within the classical philosophical tradition is clarified. The features of economic, sociological, cultural, and technological disciplinary approaches to the analysis of social innovation are identified. The importance of dialectical, sociosynergetic, subject-activity, axiological, and system-structural approaches for the philosophical study of social innovation is substantiated. As a result, the conclusion is formulated that philosophical conceptual synthesis creates the basis for a holistic understanding of social innovation as a sociocultural process associated with constructing the future and responsible management of social change.

Keywords: *social innovation; modern society; interdisciplinarity; philosophy; axiological approach; subject-activity approach; system-structural approach; dialectics; socio-synegretics.*

EDN: FSEHFL ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.16***

Цитировать: *Сергодеева Е.А., Турдимуродов Г.А. Междисциплинарный анализ социальных инноваций: возможности философского синтеза // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 112-116. EDN: FSEHFL. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.16*

УДК 141.3
5.7.7

© Сергодеева Е.А., Турдимуродов Г.А., 2026

СЕРГОДЕЕВА Елена Александровна, *доктор философских наук, профессор*

SPIN-код: 1600-9198

ТУРДИМУРОДОВ Голиб Азаматович, *аспирант*

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Междисциплинарный анализ социальных инноваций: возможности философского синтеза

Цель исследования заключается в разработке философской рамки анализа социальных инноваций, интегрирующей результаты различных дисциплинарных подходов. Методология исследования основана на междисциплинарном подходе, реализуемом через сопоставление социально-научных концепций инноваций и их философский синтез. В качестве научной новизны, уточнена содержательная эволюция исследования социальных инноваций в классической философской традиции. Выявлены особенности экономического, социологического, культурологического и технологического дисциплинарных подходов к анализу социальных инноваций. Обоснована важность диалектического, социосинергетического, субъектно-деятельностного, аксиологического и системно-структурного подходов для философского исследования социальных инноваций. В результате сформулирован вывод о том, что философский концептуальный синтез создает основания для целостного понимания социальных инноваций в единстве их процессуальных, ценностных и технологических характеристик как социокультурного процесса, связанного с конструированием будущего и ответственным управлением социальными изменениями.

Ключевые слова: *социальные инновации; современное общество; междисциплинарность; философия; аксиологический подход; субъектно-деятельностный подход; системно-структурный подход; диалектика; социосинегретика.*

Введение

Проблемы инноваций в последние десятилетия все чаще становятся предметом рассмотрения в научных и философских исследованиях. Это связано, во-первых, с их разнообразием — можно говорить о технических, экономических, образовательных, и прочих инновациях, а во-вторых, с многопла-

новостью их функционала — инновации не только позволяют решить насущные проблемы и способствуют динамичному развитию общества, но одновременно могут формировать новые риски и провоцировать проявления социальной напряженности.

Само современное общество можно охарактеризовать как инновационное, поскольку распространение нововведений и их принятие становится значимым индикатором стабильности социума, его конкурентноспособности на «глобальной арене» и способности самостоятельно определять направления своей внутренней и внешней политики. Практически все категоризации современного общества, так или иначе, связаны с инновационностью. Характеристики его как «информационного», «постиндустриального», или «общества знаний» свидетельствуют об определяющем значении инфокоммуникационных и наукоемких технологий в его развитии. Определение его как модернового в противовес традиционному, говорит о важности не только производственно-технических и экономических, но и социокультурных инноваций. Акценты на рискогенности современного общества, «текучести» социальной реальности также во многом связаны с инновационностью, потому что именно масштаб и скорость распространения нововведений делают социум все более сложным и одновременно менее безопасным и предсказуемым.

Важным аспектом актуализации исследования социальных инноваций является отсутствие устойчивых ракурсов их междисциплинарного концептуального анализа. В настоящее время существует некий разрыв между многообразием внутридисциплинарных (преимущественно экономических) исследований социальной инноватики и их теоретико-методологическим осмыслением и обобщением, тогда как именно философский концептуальный синтез дает возможность нахождения адекватных стратегий изучения сущности и функций социальных инноваций в современном обществе.

Актуальность данного исследования, таким образом, обусловлена важностью формулировки философской концепции социальных инноваций, совмещающей междисциплинарный опыт социальной инноватики с выявлением ее социокультурных и ценностно-смысловых оснований.

Цель исследования предполагает решение следующих задач: 1) рассмотреть становление проблематики инноваций в истории философской мысли; 2) охарактеризовать дисциплинарные подходы к изучению социальных инноваций; 3) обосновать необходимость философского синтеза исследований социальных инноваций и определить его концептуальные характеристики.

Теоретической базой исследования послужили труды зарубежных и отечественных ученых, разработавших теории социальных инноваций в разных предметных областях научного знания. Выявление философских аспектов осмысления социальных инноваций связано с осмыслением концептуальных моделей, предлагающих принципы анализа инновационных процессов современного общества и их последствий. Методологической основой работы послужил междисциплинарный подход, который позволил охарактеризовать философскую парадигму анализа социальных инноваций с опорой на исследования в экономике, культурологи и социологии.

Становление проблематики инноваций в истории философской мысли

Понятие инновации (от англ. *innovation* — «обновление») входит в научный оборот в конце XIX — начале XX вв. До этого более употребляемым являлся термин «новация» (от лат. novatio — «обновление, изменение»). Их семантическое разграничение связано с тем, что новация обозначает какое-либо новшество, которое заменяет/отвергает прежнее, устаревшее, тогда как инновация характеризует процесс внедрения нового, который может быть постепенным или радикальным, но в любом случает приводит к значимым изменениям в конкретных сферах жизнедеятельности человека. Именно в начале прошлого века процессы инноваций стали получать распространение, что и повлекло за собой терминологические изменения.

Однако в философском дискурсе задолго до этого проблематика возможности инноваций затрагивалась в рамках других вопросов, близких к исследованию условий и механизмов возникновения и внедрения нового.

Можно выделить следующие аспекты философских размышлений, косвенно связанные с проблемами социальных инноваций.

Во-первых, вопросы и свободы воли и возможности изменения человеком окружающего мира. Эти сюжеты возникают еще в Античности, когда в трудах Платона и Аристотеля появляются рассуждения о свободе воли, ее границах и основополагающих принципах. При этом Платон связывает свободу воли с идеей Блага, которая согласовывает личные устремления с общественной справедливостью, а Аристотель включает ее в контекст рассмотрения нравственного выбора и теории идеального государства [1]. Также для древнегреческих мыслителей характерны размышления о роли знания в решении новых, нетрадиционных задач.

Во-вторых, тесно связанная с вопросом свободы воли проблематика возможностей человеческого разума и креативности, актуализированная в средневековой философии. Согласно теории «двух истин» (Фома Аквинский), божественная первопричина не упраздняет необходимость, но также не устраняет свободу. Несмотря на слабость и несовершенства человеческого разума, он способен быть помощником на пути постижения истин веры. В большей степени идеи самостоятельности человека развились в эпоху Реформации, когда в протестантизме появляются представления о том, что нравственной задачей верующего человека является улучшение собственной и общественной жизни.

В-третьих, активно распространяющаяся в Новое время идеология общественного переустройства. Для иллюстрации ее обоснования в философии интерес представляет концепция государства Т. Гоббса. Его утверждения о естественном, договорном характере государства, по мнению Г. Н. Кузьменко, по сути «… легитимирует социальные реформы и даже революции» [6; 15]. Этот тезис связан с обоснованием невмешательства Бога в дела людей, который, по сути, санкционирует их право на социальные нововведения. Последние самостоятельно, путем проб и ошибок улучшают свою общественную жизнь и государственное устройство путем принятия законов и их совершенствование.

Дисциплинарные подходы к изучению социальных инноваций

К концу XIX — началу XX столетий инициатива в анализе инноваций переходит к конкретным дисциплинарным исследованиям, что обусловлено не только распространением инноваций и расширением их сферы, но и становлением инновационной культуры индустриального общества. Начинают формироваться сразу несколько дисциплинарных парадигм инноваций: культурологическая, экономическая, социологическая, технологическая, педагогическая и пр.

Становление культурологической традиции в анализе инноваций связано с усилением процессов культурного взаимодействия, когда экспансия западных культурных образцов обостряет вопросы культурной диффузии, процессов приспособления к нововведениям и роли заимствований в динамике общества. Методология культурного диффузионизма, развитая в этой парадигме, по сей день демонстрирует свой потенциал в изучении социальной модернизации, аккультурации, миграции, а также в кросскультурных исследованиях [2].

Экономическая парадигма анализа инноваций берет начало в трудах Й. Шумпетера, который ввел само понятие в научный оборот, дал ему определение, описал инновационный процесс во взаимосвязи с циклическим развитием экономики. Для современных исследований инноваций в этой парадигме принципиален отход от их узко-экономического понимания. Инновации, в том числе экономические, возникают в ответ не только на производственные, но и на демографические, управленческие, экологические и другие проблемы. Важно и то, как отмечают А. Николс и А. Мердок, что сами экономические нововведения являются на самом деле социетальными, учитывающими социокультурные особенности общества и направленными на удовлетворение важных общественных потребностей [10].

В социологической парадигме исследование инноваций происходило одновременно на микро- и макроуровнях. На микроуровне стратегии анализа были связаны с изучением инновационной деятельности групп и отдельных социальных акторов. Р. Мертон, к примеру, рассматривал инновации как вид социальной девиации, связанной с приспо-

соблением к изменяющимся социальным условиям; Э. Роджерс выявлял категории потребителей инноваций, одновременно раскрывая стадии и механизмы распространения нововведений. В целом, в рамках микросоциологического анализа вопросы социальных инноваций увязывались с проблематикой молодежи, инклюзии, социального и культурного капитала [3]. На макроуровне изучение инноваций «встроено» в дискурс теорий социокультурной динамики и социальной модернизации современного общества [8].

Стоит также выделить так называемую технологическую парадигму исследования социальных инноваций, которую можно обозначить в качестве междисциплинарной. Ее представители инициирует комплексный анализ социальных инноваций, охватывающий как процесс появления, внедрения и диффузии инноваций, так и характеристики субъектов этой деятельности и возможности управления в инновационной среде. П. Друкер в этой связи говорит об инновациях как основополагающем принципе и базисной ценности современного «общества знаний» [9]. А.И. Пригожин подчеркивает необходимость формирования в этой ситуации самостоятельной научной дисциплины — социальной инноватики, объединяющей усилия специалистов социально-гуманитарных и технических наук и имеющей прикладную направленность, нацеленную на решение насущных проблем технологического развития [7].

Концептуальные характеристики философского синтеза исследований социальных инноваций

Как мы видим, развитие самих дисциплинарных исследований социальных инноваций подводит к необходимости их междисциплинарного синтеза, который возможен на основе философской рефлексии с ее категориальным аппаратом и методологическим потенциалом. Преимущества философской интеграции заключаются в следующем:

— дает возможность произвести критически-рефлексивное осмысление выдвинутых теорий социальных инноваций;

— обладает определенной концептуальной гибкостью, необходимой в условиях социальной неопределенности и стремительных общественных трансформаций;

— позволяет осмыслить явные и неявные культурные смыслы, лежащие в основе инноваций, их распространения, принятия и влияния на социальную динамику [5].

Важное значение имеет также определенный методологический плюрализм, свойственный философскому знанию, который позволяет не выбирать концепции по принципу или/или, а совмещать их на основе взаимодополнительности. В данном контексте для исследования социальных инноваций нам представляются продуктивными несколько подходов.

— Диалектический, связывающий инновацию и традицию, старое и новое в единый континуум социокультурной динамики.

— Социосинергетический, трактующий социальные инновации в качестве механизма нелинейного развития и самоорганизации, где переход социальной системы в новое качественное состояние происходит через точки бифуркации.

— Субъектно-деятельностный, позволяющий рассмотреть инновации двусторонне, как нововведения в самой деятельности и как субъектные изменения, влекущие за собой новые виды и способы активности.

— Аксиологический, выявляющий укорененность инноваций в культурных ценностях и сопрягающий последствия нововведений с духовным развитием человека и его этикой.

— Системно-структурный подход, целенаправляющий научный поиск на анализ социальных инноваций как целостного феномена во всем многообразии его видов, критериев и функций, интегрирующий знания о них как о процессе и результате.

Этот перечень философских концепций может быть расширен и должен оставаться принципиально открытым, поскольку общественные и интеллектуальные вызовы современности востребуют адекватного теоретического ответа. Е.Н. Князева обращает внимание на то, что вопрос об инновациях практически совпадает с актуальными вопросами о конструировании социальной реальности и управлении будущим [4; 16]. Именно философский концептуальный синтез в исследовании социальных инноваций позволяет уточнить их сущность, выявить культурные и технологические пределы, оценить возможные риски и перспективы.

Заключение

Истоки осмысления инноваций восходят к классической философской традиции, в которой затрагивались вопросы свободы воли, творческого потенциала человека, возможностей преобразования социальной реальности и соотношения старого и нового. Идеи античных мыслителей, концепции средневековой и новоевропейской философии заложили основания для понимания инноваций как формы человеческой активности, направленной на сознательное изменение общественных условий.

В последние столетия сформировались основные дисциплинарные подходы к изучению социальных инноваций, каждый из которых фиксирует значимые стороны инновационных процессов, однако остается фрагментарным и ограниченным рамками собственной предметной области. Это подтверждает необходимость выхода за пределы узкодисциплинарных интерпретаций и обращения к интегративному философскому уровню анализа, ключевыми характеристиками которого являются концептуальная гибкость, ориентация на выявление ценностно-смысловых оснований инноваций, а также опора на диалектический, социосинергетический, субъектно-деятельностный, аксиологический и системно-структурный подходы. В совокупности это создает основания для целостного понимания социальных инноваций как социокультурного процесса, связанного с конструированием будущего и ответственным управлением социальными изменениями

Литература:

1. Акимов Р.А. Философские подходы к изучению феномена инноваций // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: сб. ст. Международной научно-практической конференции. — Том 1. — Екатеринбург: УрФУ, 2015. — С. 59-62.

2. Глухова Т.И. Диффузионизм как модель интерпретации феноменов культурного взаимодействия // Вестник университета Российской академии образования. — 2014. — №5. — С. 110-113.

3. Гончаров Г.А. Взгляд на термин «социальные инновации» через призму концепции социального капитала // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2014.– №2. — С. 130-133.

4. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: Человек конструирующий себя и свое будущее. — М.: Либроком, 2014. — 264 с.

5. Краузе А.А. Философский анализ феномена «инновация» // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. — 2020. — №2. — С. 4-10.

6. Кузьменко Г.Н. Мировоззренческие основания социальных инноваций // Социальная политика и социология. — 2011. — №5(71). — С. 13-18.

7. Пригожин А.И. Естественное-искусственное в инновационных процессах // Общественные науки и современность. — 2013. — №3. — С. 116-130.

8. Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. — 2010. — №10. — С. 3-16.

9. Drucker P. F. Innovation and entrepreneurship. — New York: Harper & Row, Publishers, 1985 — 278 p.

10. Nicholls A., Murdock A. Social innovation: Blurring boundaries to reconfigure markets. — London: Palgrave Macmillan, 2012. — 302 p.

IDEOLOGY AFTER DISCOURSE: INFRASTRUCTURAL POWER AND THE TRANSFORMATION OF SUBJECTIVITY UNDER DIGITAL CAPITALISM

Trunov Anatoly Anatolyevich, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod*

This article offers a philosophical-anthropological analysis of the transformation of ideology under the conditions of digital capitalism. The relevance of the study lies in the fact that, within contemporary social reality, ideology increasingly loses its predominantly discursive and narrative forms and comes to function as an infrastructural mechanism of social power embedded in the architecture of digital platforms, algorithmic systems, and user interfaces. As a result, not only the modes of ideological influence are transformed, but also the very conditions under which human subjectivity is constituted, which calls for a reconsideration of established theoretical models for analysing the ideological. The aim of the article is to propose a philosophical-anthropological reconceptualisation of ideology through an analysis of its transformation from a discursive form into an infrastructural form of social power that organises the conditions of possibility of human perception, choice, and action. To achieve this aim, the article pursues several objectives: it develops a critique of discursive and normative interpretations of ideology; analyses digital platforms and algorithmic systems as forms of infrastructural domination; and identifies the anthropological consequences of algorithmic rationality for the structures of human experience, existential choice, and responsibility. Methodologically, the study is grounded in philosophical-anthropological analysis combined with the perspective of infrastructural critique of the functioning of digital platforms. The theoretical framework draws on critical theory, political philosophy, and the philosophy of technology, as well as on concepts of algorithmic selection, regimes of visibility, and interface design as mechanisms structuring the field of possible social action. The article demonstrates that, under digital capitalism, ideology operates predominantly at a pre-conceptual level of human experience, pre-structuring the conditions of perception, choice, and action. It is argued that the object of ideological influence is no longer limited to social practice but extends to the very structure of human subjectivity itself, which allows us to speak of the emergence of a new, infrastructural form of ideological domination and, simultaneously, of its anthropological limit.

Keywords: *ideology; digital capitalism; infrastructural power; algorithmic rationality; pre-conceptual level; subjectivity; interface; digital platforms; alienation; philosophical anthropology.*

EDN: FUDRKD ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.17***

Цитировать: *Трунов А.А. Идеология после дискурса: инфраструктурная власть и трансформация субъектности в условиях цифрового капитализма // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 117-124. EDN: FUDRKD. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.17*

УДК 141.42
5.7.8

ИДЕОЛОГИЯ ПОСЛЕ ДИСКУРСА: ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ВЛАСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛИЗМА

© Трунов А.А., 2026

Статья посвящена философско-антропологическому анализу трансформации идеологии в условиях цифрового капитализма. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной социальной реальности идеология утрачивает преимущественно дискурсивные и нарративные формы и все в большей степени функционирует как инфраструктурный механизм социальной власти, встроенный в архитектуру цифровых платформ, алгоритмические системы и пользовательские интерфейсы. В результате изменяются не только способы идеологического воздействия, но и сами условия конституирования человеческой субъектности, что требует пересмотра устоявшихся теоретических моделей анализа идеологического. Целью исследования является философско-антропологическая реконцептуализация идеологии посредством анализа ее трансформации из дискурсивной в инфраструктурную форму социальной власти, организующую условия возможности человеческого восприятия, выбора и действия. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: осуществляется критика дискурсивных и нормативных интерпретаций идеологии; анализируются цифровые платформы и алгоритмические системы как формы инфраструктурного господства; выявляются антропологические последствия алго-

ритмической рациональности для структур человеческого опыта, экзистенциального выбора и ответственности. Методологической основой исследования выступает философско-антропологический анализ в сочетании с оптикой инфраструктурной критики функционирования цифровых платформ. Теоретическая рамка работы формируется за счет обращения к критической теории, политической философии и философии техники, а также к концепциям алгоритмической селекции, режимов видимости и дизайна интерфейсов как механизмов организации поля возможного социального действия. В результате показано, что в условиях цифрового капитализма идеология функционирует преимущественно на допонятийном уровне человеческого опыта, предварительно структурируя условия восприятия, выбора и действия. Показано, что объектом идеологического воздействия становится не только социальная практика, но и сама структура человеческой субъектности, что позволяет говорить о формировании новой, инфраструктурной формы идеологического господства и одновременно об антропологическом пределе его существования.

Ключевые слова: *идеология; цифровой капитализм; инфраструктурная власть; алгоритмическая рациональность; допонятийный уровень; субъектность; интерфейс; цифровые платформы; отчуждение; философская антропология.*

ТРУНОВ Анатолий Анатольевич, *кандидат философских наук, доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород*
SPIN-код: 4599-7164
ORCID: 0000-0001-5669-8514

Введение

Актуальность обращения к проблеме идеологии обусловлена тем, что в условиях цифрового капитализма трансформируется не только содержание классических и неклассических идеологических систем, но и сам способ их функционирования. История модерна в значительной мере может быть охарактеризована как процесс поиска секулярных опор человеческого существования после крушения трансцендентных оснований традиционного общества. По словам Х. Блюменберга, «то, что по большей части произошло в процессе, который интерпретируется как секуляризация... следует описывать не как транспозицию подлинно теологических содержаний в секуляризированное состояние, отчужденное от их источника, а скорее, как реоккупацию позиций ответов, ставших вакантными, тогда как соответствующие им вопросы не могли быть устранены» [18, с. 65]. Подчеркнем, что эта «реоккупация» не есть простая замена одного символического порядка другим. Она свидетельствует о глубинном сдвиге в антропологическом статусе человека. «Это означает экзистенциальную программу, согласно которой человек полагает свое существование в исторической ситуации и указывает самому себе, как он намерен взаимодействовать с окружающей его реальностью и каким образом использовать открытые перед ним возможности» [18, с. 138].

По сути, великие идеологии модерна (консерватизм, либерализм, марксизм) выполняли функцию своеобразной «секулярной эсхатологии», задавая горизонты образования смыслов, модели интерпретации прошлого, настоящего или будущего, а также разнообразные формы коллективной мобилизации и социальной идентичности. Они не только объясняли индивидам окружающий мир, но и предлагали конкурирующие проекты желаемого общества, апеллируя к разуму, воле и моральной ответственности субъектов, способных самостоятельно творить историю.

Однако по прошествии первой четверти XXI в. мы сталкиваемся с качественно иной конфигурацией господства и социальной власти. Идеология больше не нуждается в артикуляции в виде социальных или политических доктрин, революционных манифестов или тщательно разработанных философских систем. Она практически утрачивает свою нарративную форму и перемещается в область цифровой инфраструктуры. Речь идет не столько о трансформации содержания идеологии, сколько о смене самого принципа ее воздействия на индивидов и социальные

группы. Идеология функционирует не через убеждение, критику или построение привлекательной картины желаемого общества, а через организацию цифровых экосистем, заранее задающих, что могут или не могут делать индивиды в цифровом пространстве.

Критическая теория рассматривала идеологическое преимущественно как дискурсивную форму: будь то «перевернутое сознание», маскирующее «мысли господствующего класса» [9, с. 25, 45]; «функция сокрытия действительности», под влиянием которой «отношения между лицами приобретают характер вещности» [7, с. 195, 171]; «полная гегемония социальной группы, выражающей данную культуру» [2, с. 69]; «попытка доминировать над полем дискурсивности», которая предполагает перманентную борьбу за интерпретацию пустых означающих в публичном пространстве [22, с. 112-113]; интерпелляция («окликание») субъектов государственными идеологическими аппаратами (согласно *Л.* Альтюссеру, «всякая идеология обращается к конкретным индивидам или „интерпеллирует" их как конкретных субъектов») [17, с. 190].

Постструктуралистский поворот, предпринятый М. Фуко [14] и Ж. Делёзом [3, с. 215-233], смещает фокус научного анализа на механизмы реализации капиллярной власти и общество дисциплинарного контроля. Тот же Ж. Делёз в 1990 г. пророчески заметил, что «мы приближаемся к обществу контроля, которое функционирует уже не через изоляцию, но через постоянный контроль и мгновенную коммуникацию… По отношению к будущим формам контроля в открытой среде самые жесткие формы изоляции, возможно, покажутся нам принадлежащими восхитительному и доброжелательному прошлому» [3, с. 222-223].

Современные исследователи анализируют надзорный капитализм [4]; платформенные бизнес-модели [11]; существующие формы цифрового труда, производящего прибавочную стоимость для корпораций через эксплуатацию коммуникативных практик [21]; формирование новой геополитической реальности, в которой суверенитет распределен между глобальными платформами, а не сосредоточен в национальных государствах [19]; «черные ящики» алгоритмов, которые управляют репутацией, поисковой выдачей и финансами, незаметным для непосвященных образом распределяя власть и ресурсы [23]. В российском контексте трансформация социальности в цифровую эпоху с критических позиций наиболее последовательно анализируется *Д.*В. Ивановым [5], однако разработанные им концепции виртуализации и поствиртуализации, при всей их аналитической продуктивности, в гораздо меньшей степени затрагивают проблему идеологии как инфраструктурной формы социальной власти.

Вследствие этого необходимо отметить, что рассмотренные нами подходы либо остаются в пределах существующей дискурсивной парадигмы, предполагающей наличие институализированного публичного пространства [15], в котором осуществляется артикуляции смыслов и агонистических проектов [22], либо фокусируются преимущественно на политико-экономических или технических аспектах цифровизации [10; 11; 21], не эксплицируя идеологию как инфраструктурную форму господства и социальной власти.

Ситуация осложняется еще и тем, что «философы, социальные теоретики и психологи подходили к идеологии с уникальных точек зрения, и каждая дисциплина внесла ценные идеи. Однако до сих пор не существует всеобъемлющего, единого объяснения идеологии, которое интегрировало бы эти вклады» [20, с. 40]. Характерно, что наименее полно в современной науке разработан, собственно, философско-антропологический подход. Несмотря на богатство междисциплинарных инсайтов, философско-антропологическое «измерение» идеологии, по сути, по-прежнему остается на периферии теоретических исследований. Между тем именно такой подход, как нам представляется, способен связать воедино когнитивные механизмы усвоения идеологии, ее онтологические предпосылки, а также ее значимую роль в формировании человеческой субъектности.

Исходя из всего изложенного, целью данной статьи является философско-антропологическая реконцептуализация идеологии в условиях цифрового капитализма посредством анализа ее трансформации из дискурсивной в инфраструктурную форму социальной власти, организующую условия возможности человеческой субъектности. Методологической основой нашего исследования выступает фи-

лософско-антропологический анализ, ориентированный на выявление тех условий, в которых в реальности цифрового капитализма трансформируется и заново конституируется человеческая субъектность. В отличие от подходов, трактующих идеологию преимущественно как совокупность идей, дискурсивных практик или символических репрезентаций [8; 20], в данной работе используется оптика инфраструктурной критики, позволяющая рассматривать цифровые платформы, алгоритмические системы и интерфейсы как специфические формы социальной власти.

Теоретическая стратегия исследования строится на сочетании познавательных возможностей критической теории, политической философии и философии техники. Принципиальным для нас является отказ от нормативных оценок цифровизации в терминах «прогресса» или «угрозы» и смещение аналитического фокуса на реконструкцию антропологических последствий инфраструктурной рациональности, в рамках которой переопределяются структуры желания, воли и экзистенциальной ответственности современного человека. Тем самым выявляется качественно новая форма производства идеологического, при которой объектом контроля и оптимизации становится не только социальная практика, но и сама структура человеческой субъектности.

Цифровые платформы и алгоритмические системы как инфраструктура идеологической власти

Ранее автор определял идеологию как «систему регулятивных и проектных идей об устройстве должной модели общества» [12, с. 63]. Это определение было продуктивно в рамках анализа идеологических систем классического модерна, где власть апеллировала к разуму, воле и моральной ответственности субъектов. Подобная исследовательская оптика, по сути, унаследованная еще от эпохи Просвещения, предполагала, что власть действует через убеждение, аргументацию и символическое представление нормативного.

Однако в условиях цифрового капитализма прежнее определение идеологии утрачивает свою аналитическую силу. Идеология более не формулирует «должное», не предлагает значимых для большинства людей проектов желаемого общества и не требует массового согласия. Она перестает быть практикой убеждения и становится производным от функционирования инфраструктуры цифровых платформ. Именно этот парадигмальный сдвиг побуждает нас к философско-антропологической реконцептуализации самого понятия идеологии. Проблема заключается в том, что в условиях цифровизации идеология функционирует не как некая система идей, требующих принятия, опровержения или развернутой философской критики, а как способ организации самой социальной реальности. Она смещается из сферы дискурса в сферу инфраструктуры, то есть из области публичной интерпретации пустых означающих в область проектирования повседневных практик.

В этих условиях идеология предстает не как система регулятивных или проектных идей, артикулируемых в публичном дискурсе, а как инфраструктурная форма социальной власти. Посредством нее на допонятийном уровне организуются условия возможности человеческого восприятия, выбора и действия — независимо от наличия у субъекта осознанных убеждений или критической рефлексии. Речь идет, таким образом, не об «исчезновении идеологии», а о смене способа ее онтологического присутствия в социальной реальности. Идеология формирует специфическую среду человеко-интерфейсного взаимодействия, в рамках которой одни формы поведения становятся естественными и самоочевидными, а другие — маргинальными или нежелательными.

Мы исходим из предположения о том, что цифровые платформы и алгоритмические системы следует рассматривать не как нейтральные «технические инструменты», а как инфраструктуру идеологической власти. Они задают архитектуру возможного, предвосхищая действия субъекта еще до того, как возникает акт рефлексии. Идеология здесь работает «до сознания» или «мимо сознания», не требуя согласия, лояльности или веры, как это наблюдалось ранее. Тем самым под вопрос ставится сама модель идеологической интерпелляции, предполагавшая наличие субъекта, уже способного к ответу на обращенный к нему призыв («идеология всегда-уже ин-

терпеллировала индивидов как субъектов», Л. Альтюссер [17, с. 192]). В цифровой среде субъект все чаще формируется в условиях, где подобный «ответ» как бы известен заранее, а возможность «отказа» практически сведена к нулю. Безусловно, пользователь может считать себя сколько угодно аполитичным и скептически относиться к любым циркулирующим в публичном пространстве нарративам, однако при этом быть полностью интегрированным в идеологически нагруженную инфраструктуру повседневности.

При всей кажущейся противоположности алармистских [24] и аффирмативных интерпретаций цифровизации [15] их сторонники сходятся в одном принципиальном моменте. Технологии мыслятся ими как внешняя по отношению к субъекту сила, не затрагивающая условий конституирования человеческого опыта. Философско-антропологический анализ позволяет сформулировать эту проблему иначе. Речь идет не о том, являются ли цифровые технологии «хорошими» или «плохими» и уж тем более не о том, как ими следует или не следует «правильно пользоваться». На наш взгляд, основная проблема заключается в том, какого типа субъектность они производят, какие формы человеческого опыта нормализуют, а какие — вытесняют.

Тем самым мы предлагаем рассматривать идеологию не как «рудимент эпохи модерна», а как весьма эффективный (хотя и радикально обновленный) механизм господства и социальной власти. Дело в том, что идеология больше не говорит с субъектом языком «идей». Она говорит с ним языком интерфейсов. И если уж философия претендует на то, чтобы сохранить свой эвристический потенциал, то ей необходимо обратиться к анализу тех инфраструктурных форм социальной власти, в которых сегодня, по сути, заново конституируется человеческое.

Форма «невидимого господства»

Как уже отмечалось, классический модерн управлял сознанием через дискурс, предполагавший наличие рефлексирующего субъекта, способного к согласию или несогласию, принятию или отвержению предлагаемых смыслов [12]. Однако даже в условиях жесткой идеологической гегемонии сохранялась возможность дистанцирования, критики или хотя бы ситуативного отношения к официальным идеологическим нарративам. Платформенный капитализм не объясняет, каким должно быть желаемое общество, а конструирует интерфейсы, которые, как представляется, заранее определяют, что является возможным, допустимым и эффективным в каждом конкретном случае. Интерфейс становится основным медиатором между субъектом и социальной реальностью.

По сути, пользователь «свободен» лишь в пределах тех опций, которые предусмотрены разработчиками цифровых платформ. Вследствие этого выбор оказывается функцией алгоритмов, а свобода редуцируется к навигации внутри заранее заданного цифрового маршрута. Свобода в классическом философско-антропологическом смысле (например, как рискованный и необратимый акт экзистенциального самоопределения), теперь подменяется процедурой «оптимального выбора» из заранее сконструированного набора альтернатив. Принятие пользовательского соглашения, формально выступающее как акт «добровольного согласия», на деле означает включение субъекта в существующую систему алгоритмического управления, где все его действия непрерывно фиксируются, классифицируются и используются для дальнейшей оптимизации извлечения поведенческих данных. «Поведенческий излишек должен быть обширным и разнообразным, — отмечает в этой связи Ш. Зубофф, — но самый верный способ предсказать поведение — вмешаться и сформировать его у истока» [4, с. 265].

Обращение к понятию суверенитета в интерпретации К. Шмитта позволяет зафиксировать предел применимости существующих моделей политической философии к анализу власти в условиях цифрового капитализма. Согласно К. Шмитту, суверен — это «тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [16, с. 8]. В контексте этого подхода суверенитет мыслится как персонализированная способность к акту осознанного и волевого решения, посредством которого приостанавливается действие существующих правовых норм и тем самым заново очерчиваются границы политического порядка.

На наш взгляд, эта логика оказывается недостаточной для понимания механизмов инфраструктурной власти. Дело в том, что в

реальности цифрового капитализма отсутствует субъект, который, собственно, принимает подобное решение. Алгоритмические системы не вводят чрезвычайное положение и не отменяют существующие правовые нормы, но встраивают исключение в режим повседневного функционирования, осуществляя непрерывную и децентрализованную микрорегуляцию возможного. В результате границы допустимого или недопустимого, ординарного или чрезвычайного определяются отнюдь не фактом суверенного решения, которого нет, а заранее спроектированными возможностями цифровой инфраструктуры, тем самым фиксируя предел применимости политико-философской модели суверенитета, разработанной К. Шмиттом.

Ситуация усугубляется еще и тем, что условный «цифровой суверен» в принципе не нуждается в легитимации через дискурс. В результате возникает особая форма «невидимого господства», в которой социальная власть утрачивает привычное институциональное измерение и буквально «растворяется» в инфраструктуре цифровых платформ. Пользователь сталкивается не столько с описанными Л. Альтюссером классическими государственными идеологическими аппаратами [17, с. 232-271], сколько с условно «нейтральной» технической средой. Если в классической марксистской традиции отчуждение связывалось прежде всего с утратой контроля над продуктами собственного труда, то в условиях цифрового капитализма отчуждению подвергается сама субъектность. Человек становится источником постоянно обновляемых пользовательских данных, необходимых для обучения и совершенствования алгоритмов. Его переживания, тревоги, интимные привязанности и желания превращаются в «сырье» для последующего анализа.

По сути, алгоритмы стремятся «предугадать» потребности пользователей гораздо раньше, чем они будут осознаны ими, предлагая возможные способы их удовлетворения. В результате субъекты утрачивают опыт внутреннего напряжения, связанного с самостоятельным принятием решения, и все больше полагаются на внешнюю навигацию. Тем самым исчезает сама ситуация экзистенциального выбора как события, в котором человек сталкивается с неопределенностью, ответственностью и возможностью ошибки. По сути, алгоритмическая среда стремится устранить не только реальные или потенциальные риски, но и саму необходимость их переживания человеком.

Таким образом, интерфейс представляет собой не просто «технический инструмент», но и «цифровой идеологический аппарат», который производит определенный тип человека: предсказуемого, адаптивного, минимально конфликтного. Безусловно, это нельзя назвать «тоталитаризмом», например, эксплицируя на современные реалии концепцию Х. Арендт [1]. Однако цифровой капитализм оказывается гораздо более эффективным в регулировании повседневной жизни и поведения людей, чем наиболее зловещие тоталитарные режимы XX в.

В условиях смыслового распада классических идеологий модерна возникает феномен постидеологии [13]. Но идеологическое поле никуда не исчезает. Целостные нарративы интерпретации реальности уступают место фрагментированным смысловым единицам, ориентированным на максимальную эмоциональную вовлеченность пользователей. Массовое распространение получают так называемые «эгоистичные мемы» — виральные микроструктуры, апеллирующие не к рациональному осмыслению, а к мгновенным эмоциональным реакциям индивидов. «Слова-паразиты и мысли-паразиты проникают в головы носителей и бесконечно воспроизводят одну и ту же карту социальной реальности» [6, с. 127-128]. Идеологическая борьба в цифровой среде все чаще принимает форму конкуренции «эгоистичных мемов», за кулисами которой скрывается реальное распределение социальной власти.

В условиях цифрового капитализма человек все чаще мыслится как некий «набор параметров» и сгруппированных на их основе пользовательских данных. На наш взгляд, чтобы противостоять этой упрощающей и тоталитарующей логике «антропологической цифровизации», необходимо вновь утвердить представление о человеке как о принципиально незавершенном проекте. При этом выход за пределы инфраструктурного господства не может быть чисто техническим. Он требует радикального разрыва с тотальной опосредованностью интерфейсов, того са-

мого «бунта аутентичности», о котором пишет Д.В. Иванов: «Наглядные примеры этого можно найти в крупных городах, где сначала обычные сквоттеры и активисты альтернативных движений, а затем коммерциализирующие их новые практики бизнесмены создают публичные пространства, функция которых — быть точками доступа к реальности в мире, перенасыщенном виртуальностью» [5, с. 27]. Безусловно, здесь речь не идет о наивном отказе от технологий в пользу архаики по типу «цифрового луддизма», но о формировании анклавов дополненной реальности, в которых человеческие взаимодействия не редуцируются лишь к просмотрам, подпискам и «лайкам».

Заключение

Таким образом, по результатам данного исследования можно сформулировать следующие *выводы*.

1. В условиях цифрового капитализма идеология не исчезает и не редуцируется к набору фрагментированных дискурсов, но предстает как инфраструктурная форма социальной власти, функционирующая преимущественно на допонятийном уровне человеческого опыта. В этой конфигурации идеология утрачивает необходимость в публичной артикуляции и обращении к субъекту как носителю убеждений, организуя вместо этого условия возможности человеческого восприятия, выбора и действия, что свидетельствует о смене способа ее онтологического присутствия в социальной реальности.

2. Основными носителями данной трансформации становятся цифровые платформы, алгоритмические системы и интерфейсы, которые выступают не просто механизмами опосредования взаимодействий, но элементами инфраструктурной власти. В результате власть реализуется не через запрет, приказ или убеждение, а через дизайн, режимы видимости и алгоритмическую селекцию, не нуждающиеся в дискурсивной легитимации и функционирующие как имманентная среда повседневности.

3. С философско-антропологической точки зрения выявленная нами трансформация идеологии означает переход к новой стадии отчуждения, в рамках которой объектом контроля и оптимизации становится не только социальная практика, но и сама структура человеческой субъектности. Предвосхищение желания, параметризация выбора и минимизация экзистенциального риска приводят к эрозии волевого акта как события, предполагающего неопределенность, ответственность и возможность ошибки, вследствие чего свобода все в большей степени редуцируется к управляемой навигации внутри заранее сконструированного цифрового пространства предлагаемых альтернатив.

4. Вместе с тем проведенный анализ не дает оснований говорить о полном устранении человеческой субъектности. Напротив, принципиальная незавершенность человека, его способность ставить под вопрос навязываемую инфраструктурную рациональность и выходить за пределы алгоритмически заданных сценариев образуют антропологический предел инфраструктурного господства цифрового капитализма. Осмысление этого предела, а также форм возможного сопротивления редукции человеческого опыта к управляемым паттернам поведения, составляет одну из ключевых задач современной философской антропологии.

Литература:

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И.В. Борисовой и др. — М.: ЦентрКом, 1996. — 672 с.
2. Грамши А. Тюремные тетради: в 3 ч. / пер. с итал. М.Н. Грецкого и др. — М.: Политиздат, 1991. — Ч. 1. — 560 с.
3. Делёз Ж. Переговоры 1972–1990 / пер. с фр. В.О. Быстрова. — СПб.: Наука, 2004. — 234 с.
4. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А.Ф. Васильева; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. — 781 с.
5. Иванов Д.В. Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2023. — №3. — С. 7–35. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.1.
6. Корнев В.В. Эгоистичный мем идеологии. — М.: Канон-Плюс, 2020. — 264 с.
7. Лукач Д. История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты) / пер. с нем. С.П. Поцелуева. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. — 608 с.
8. Малинова О.Ю. Политическая идеология как предмет политико-психологических исследований: аналитический обзор // Политическая наука. — 2025. — № 4. — С. 40–64. DOI: 10.31249/poln/2025.04.02.

9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / пер. с нем. И.И. Прейса и А.А. Уйбо. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1955. — Т. 3. — XIV, 616 с.

10. Смирнов А.В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2021. — №1(161). — С. 129–153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790.

11. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. М. Добряковой. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 128 с.

12. Трунов А.А. Как идеи модерна становятся идеологией? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2017. — №3(252). — С. 62–70. EDN YJMNEH.

13. Трунов А.А., Лесных В.О. Постидеология и цифровая реальность: алгоритмы, эгоистичные мемы и генезис новых социальных практик // KANT: Social science & Humanities. — 2025. — №3(23). — С. 2–8. EDN: TPUXYA. DOI: 10.24923/2305-8757.2025-23.1.

14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. — М.: Ad Marginem, 1999. — 498 с.

15. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В. В. Иванова. — М.: Весь Мир, 2016. — 344 с.

16. Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. — СПб.: Наука, 2016. — 568 с.

17. Althusser L. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. — London; New York: Verso, 2014. — xxxiv, 288 p.

18. Blumenberg H. The Legitimacy of the Modern Age / Translated by Robert M. Wallace. — Cambridge, Massachusetts, and London, England: The MIT Press, 1983. — xli + 678 pp.

19. Bratton B. H. The Stack: On Software and Sovereignty / ed. by Matthew Fuller, Lev Manovich, Noah Wardrip-Fruin. — Cambridge, MA; London: MIT Press, 2015. — 461 p.

20. Buchanan A., Levinson E. Theories of Ideology: Origins, Development, and Prospects // Social Philosophy and Policy. — 2024. — Vol. 41, № 1. — P. 13–43. DOI: 10.1017/S026505252400030X.

21. Fuchs Chr. Digital Capitalism: Media, Communication and Society. — New York; London: SAGE Publications Ltd, 2022. — 342 p.

22. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. — 2nd ed. — London; New York: Verso, 2001. — 198 p.

23. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. — Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2015. — 307 p.

24. Sereni C.A. Digital Nomos and the new world order: towards a theological critique of Silicon Valley // Tapuya: Latin American Science, Technology and Society. — 2021. — Vol. 4, № 1. — P. 1–14. DOI: 10.1080/25729861.2021.1843870.

THE SINGULARITY OF HUMAN EXISTENCE AND THE CHALLENGES OF THE DIGITAL AGE

Uryadova Valentina Viktorovna, *PhD of Philosophy, Associate Professor*

Chernaya Irina Petrovna, *DSc of Economics, Professor*

Pacific State Medical University, Vladivostok

This study examines the phenomenon of the singularity of human existence in the context of digital transformation, viewed as a multi-level process of restructuring the ontological, socioeconomic, and ethical foundations of human existence. The relevance of this work stems from the accelerating integration of artificial intelligence into cognitive, professional, and institutional practices, which requires the development of new interdisciplinary frameworks for understanding the transformation of subjectivity. The aim of the study is to conduct a comprehensive analysis of changes in human subjectivity under the influence of algorithmic systems within the post-singularity paradigm. Accordingly, the following objectives have been formulated: a philosophical understanding of singularity as a qualitative break in the structure of subjectivity; a socioeconomic assessment of the impact of AI on the labor market and digital inequality; and an ethical and normative analysis of the risks of loss of autonomy and responsibility. The methodological basis of the study includes the post-singularity paradigm (F. Heylighen, E. Knar) and a synergetic approach. The scientific novelty lies in the interpretation of digital singularity as a transitional state of a sociotechnical system, characterized by the emergence of hybrid forms of subjectivity and the incorporation of human experience into the algorithmic reproduction of economic and power relations. Key findings: digitalization facilitates the redistribution of agency between humans and machines, transforms the labor market into a dynamic system adapting to an algorithmic environment, and triggers a crisis in classical models of autonomy, responsibility, and privacy.

Keywords: *singularity of human existence; digital transformation; artificial intelligence; human subjectivity; post-singular paradigm; hybrid intelligence; algorithmic paternalism; digital inequality; ethical risks of digitalization*

EDN: GCWFMK ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.18***

Цитировать: *Урядова В.В., Черная И.П. Сингулярность человеческого бытия и вызовы цифровой эпохи // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 125-133. EDN: GCWFMK. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.18*

Сингулярность человеческого бытия и вызовы цифровой эпохи

УДК 116:004.89

5.7.7

© Урядова В.В., Черная И.П., 2026

Исследование посвящено феномену сингулярности человеческого бытия в контексте цифровой трансформации, рассматриваемой как многоуровневый процесс перестройки онтологических, социально-экономических и этических оснований человеческого существования. Актуальность работы обусловлена ускоряющейся интеграцией искусственного интеллекта в когнитивные, профессиональные и институциональные практики, что требует разработки новых междисциплинарных рамок осмысления трансформации субъектности. Цель исследования — провести комплексный анализ изменений человеческой субъектности под воздействием алгоритмических систем в рамках постсингулярной парадигмы. В соответствии с этим сформулированы следующие задачи: философское осмысление сингулярности как качественного разрыва в структуре субъектности; социально-экономическая оценка влияния ИИ на рынок труда и цифровое неравенство; этико-нормативный анализ рисков утраты автономии и ответственности. Методологическая основа исследования включает постсингулярную парадигму (Ф. Хейлиген, Э. Кнар) и синергетический подход. Научная новизна заключается в трактовке цифровой сингулярности как переходного состояния социотехнической системы, характеризующегося формированием гибридных форм субъектности и включением человеческого опыта в алгоритмическое воспроизводство экономических и властных отношений. Основные результаты: цифровизация способствует перераспределению агентности между человеком и машиной, трансформирует рынок труда в динамическую систему адаптации к алгоритмической среде и вызывает кризис классических моделей автономии, ответственности и приватности.

УРЯДОВА Валентина Викторовна, *кандидат философских наук, доцент*

SPIN-код: 3295-9147

ORCID: 0000-0001-6943-4892

ЧЕРНАЯ Ирина Петровна, *доктор экономических наук, профессор*

SPIN-код: 3299-9551

ORCID: 0000-0001-5589-3924

Researcher ID: V-5265-2017

Тихоокеанский государственный медицинский университет, Владивосток

Ключевые слова: *сингулярность человеческого бытия; цифровая трансформация; искусственный интеллект; человеческая субъектность; постсингулярная парадигма; гибридный интеллект; алгоритмический патернализм; цифровое неравенство; этические риски цифровизации.*

Введение

Современный этап стремительно развивающейся цифровой эпохи характеризуется качественно новой конфигурацией взаимодействия человека и технологий. Экспоненциальный рост вычислительных мощностей, совершенствование алгоритмов машинного обучения и широкое внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) обусловливают глубокие преобразования социальных институтов, экономики и самой природы человеческого бытия. На этом фоне понятие «технологической сингулярности», популяризованное футурологами, в том числе Р. Курцвейлом [3, с.11], подразумевает возможный момент, когда машины превзойдут человеческий интеллект и станут самостоятельными агентами. В условиях цифровой трансформации такая точка зрения перестаёт быть исключительно теоретической гипотезой и превращается в аналитическую рамку для осмысления происходящих изменений.

Международные аналитические и нормативные документы фиксируют, что экспансивное распространение алгоритмических систем уже трансформирует базовые измерения человеческой сущности — автономию, агентность и самоидентификацию. В аналитическом отчёте Исследовательской группы AI100 — независимого международного экспертного совета, сформированного Стэнфордским университетом в рамках «Столетнего исследования искусственного интеллекта» для анализа долгосрочных социально-технологических последствий развития под названием «Набирая силу, сгущая тучи» 2021/2022 г. (AI100 One Hundred Year Study on AI (Study Panel Report «Gathering Strength, Gathering Storms», 2021/2022 [1]) отмечается, что ИИ вышел из лабораторий в повседневную жизнь, это увеличивает срочность изучения долгосрочных социальных и экзистенциальных последствий — включая изменения ролей, компетенций и самоопределения людей в смешанных человеко-машинных системах. Иначе говоря, технологическая сингулярность (как гипотеза о радикальном качественном сдвиге) уже частично реализуется в виде постепенной, но глубокой трансформации человеческой природы. В российском контексте влияние ИИ на социально-экономические процессы подтверждается, в том числе аналитическим отчетом «Будущее искусственного интеллекта», подготовленного АНО «Цифровая экономика» при поддержке Минэкономразвития России, в сотрудничестве с исследовательскими центрами в сфере искусственного интеллекта и с аналитическим партнером — компанией IBS. В нем, в частности, утверждается, что ИИ-технологии не просто оптимизируют процессы принятия решений, но и перераспределяют агентность между человеком и машиной. Алгоритмические платформы формируют новые формы социального неравенства, основанные на доступе к данным и способности влиять на автоматизированные системы, а также трансформируют профессиональную идентичность, усиливая зависимость самооценки от цифровых метрик [2]. Таким образом, ИИ становится не внешним инструментом, а участником конструирования социальной реальности и человеческого самосознания.

Приведённые примеры показывают, что развитие цифровых технологий характеризуется не равномерной, а ускоряющейся динамикой, в результате которой алгоритмические системы приобретают всё более значимое влияние на индивидуальные и общественные процессы., что усиливает актуальность обсуждения феномена технологической сингуляр-

[1] Gathering Strength, Gathering Storms: The One Hundred Year Study on Artificial Intelligence (AI100) 2021 Study Panel Report / M. L. Littman et al. — arXiv, 2022 https://doi.org/10.48550/arXiv.2210.15767

[2] Будущее искусственного интеллекта. — 2025. URL: https://files.data-economy.ru/Docs/AI_Future_2025.pdf

ности в условиях переживаемой обществом цифровой революции.

Особое внимание в научном дискурсе уделяется социально-экономическим эффектам цифровой трансформации. Международные и российские исследования в данной области фиксируют как позитивные последствия внедрения ИИ — рост производительности, появление новых профессиональных траекторий, — так и риски, связанные с сокращением рабочих мест, необходимостью масштабного переобучения и структурными диспропорциями на рынке труда [8;15].

Важное направление обсуждений связано с институциональными эффектами цифровизации. В работах многих исследователей подчёркивается, что рынок технологий ИИ в разных странах демонстрирует устойчивый рост при активной государственной поддержке, однако требует нормативной адаптации, совершенствования механизмов регулирования и развития кадрового потенциала [5;12]. Исследования в области экономики, социологии и управления сходятся в оценке ИИ как фактора, меняющего структуру решений, управленческие практики и модели взаимодействия между человеком и цифровыми системами.

В философском измерении проблема эволюции сингулярности под влиянием цифровой революции приобретает дополнительную глубину. Сингулярность рассматривается как трансформация человеческой субъектности, перераспределение агентивности между человеком и искусственными системами, изменение границ автономии и ответственности [25]. Цифровая среда формирует новые формы «распределённого разума», цифровой телесности и алгоритмически опосредованного опыта, что требует переосмысления онтологического статуса человека в технологически насыщенном мире. Российские междисциплинарные дискуссии всё чаще затрагивают вопросы цифрового неравенства, технологической зависимости, этики алгоритмов и социальной ответственности разработчиков и пользователей ИИ [4; 6].

Учитывая возрастающую сложность этих процессов, целью настоящей статьи является проведение междисциплинарного анализа феномена «сингулярности человеческого бытия» в контексте вызовов цифровой эпохи. Исследование предполагает решение трех ключевых задач:

— философское осмысление технологической сингулярности как трансформации человеческой субъективности под воздействием алгоритмических систем;

— социально-экономическую оценку влияния ИИ на рынок труда и институциональную динамику, рассматривая эти изменения как основу новых форм человеческого опыта;

— этико-нормативный анализ вызовов, связанных с автономией, ответственностью и изменением границ человеческой природы.

Методологической основой исследования является формирующаяся в современной науке постсингулярная парадигма, предложенная Ф. Хейлигеном [18]; дополненная Э. Кнаром [20] и др., и позволяющая трактовать цифровую революцию как нелинейную трансформацию социотехнических систем, в которой формируются новые формы коллективного интеллекта и меняется человеческая идентичность. В ее рамках синергетический подход является основой для моделирования цифровой трансформации как динамической системы «человек — технология» с учетом гуманистических и этико-нормативных ограничений.

Таким образом, стремительное развитие ИИ оказывает комплексное воздействие на социальные институты и формы человеческой субъектности, изменяя границы автономии, ответственности и взаимодействия человека с цифровыми системами. Выявленные тенденции указывают на глубокий характер этих трансформаций и необходимость их целостного рассмотрения. Это обосновывает структуру дальнейшего исследования, направленного на философское осмысление природы сингулярности, оценку социально-экономических последствий цифровизации и анализ этико-нормативных вызовов, определяющих новое пространство человеческого бытия

Философские основания сингулярности человеческого бытия

Полученные результаты анализа позволяют выявить несколько ключевых направлений трансформации человеческого бытия под воздействием цифровых технологий, которые в литературе описываются через концепт сингулярности.

Прежде всего, установлено, что в философском значении сингулярность представляет собой качественный разрыв, момент радикальной трансформации существования, при котором традиционные категории мышления и субъективности становятся недостаточными для описания опыта. Обобщение подходов В. Виджа, Р. Курцвейла и современных философов техники показало, что сингулярность функционирует как аналитический инструмент для описания изменений, выходящих за пределы привычных когнитивных схем. Обсуждение этих данных позволяет заключить, что цифровая эпоха создаёт условия для актуализации подобных разрывов в структуре человеческого опыта.

Проведенный анализ подтверждает, что технологическая сингулярность может рассматриваться как частный случай философской: радикальные изменения человеческого бытия инициируются не метафизическими, а технологическими процессами. Результаты свидетельствуют, что именно технологические факторы — рост вычислительной мощности, усложнение алгоритмов, повышение автономности искусственного интеллекта — инициируют качественные изменения в социальной, культурной и когнитивной сферах. Эти процессы усиливают тенденцию к перераспределению агентности между человеком и ИИ, что делает технологическую сингулярность операциональным механизмом философского феномена.

Сделанные в ходе изучения проблемы выводы подтверждают, что цифровые технологии становятся активными элементами структуры субъекта. Исследования *Л*. Флориди [16] и *Д*. Ганкела [17] демонстрируют, что алгоритмы и цифровые платформы включаются в процессы внимания, памяти, восприятия и рефлексии. При этом изменения проявляются на уровне как индивидуального опыта, так и социальных практик: алгоритмическое посредничество влияет на формирование идентичности и модифицирует привычные когнитивные механизмы. Эти результаты согласуются с выводами культурологических работ, подчеркивающих смещение границ между человеком и цифровыми артефактами, например, о том, что человеческое мышление всё больше интегрируется с техническими системами, создавая гибридные когнитивные структуры и размывая традиционные границы индивидуальности; цифровые технологии подчиняют поведение и решения человека алгоритмическим логикам, снижая его автономию и уникальность [21]. Сингулярность человеческого бытия трансформируется, становясь распределённой между человеком и цифровыми системами.

Важным результатом проведенного исследования стало выявление тенденции к формированию гибридной субъектности. Анализ эмпирических и теоретических данных показывает, что взаимодействие человека и ИИ всё чаще носит ко-конститутивный характер: человек и алгоритмические системы совместно формируют когнитивные процессы и результаты действий, размывая границы автономности субъекта и технических инструментов. Как показывает изучение проблем расширенного и распределённого разума [14; 21]; цифровые инструменты включаются в когнитивный контур субъекта, выполняя функции внешней памяти, навигации и интерпретации информации. Обсуждение этих результатов позволяет утверждать, что границы человеческой субъектности становятся динамичными и распределёнными, что соответствует концепции гибридного интеллекта в современной философии техники [13]. Массовая автоматизация снижает значимость традиционного труда как источника идентичности и смысла, освобождая человека для творчества, обучения и самореализации, но одновременно создавая риск усиления неравенства и зависимости от технологических систем. Эти выводы имеют прямое значение для развития постсингулярной парадигмы современной науки. В новом мире труд теряет статус основы идентичности, а человек всё больше включён в техно-социальный контур. Такие изменения, носят двойственный характер: они могут привести как к расширению человеческой автономии, так и к новым формам зависимости от алгоритмических систем.

Как показывают результаты анализа феноменологических исследований, алгоритмы начинают участвовать в конституировании самого опыта мира [2; 24]. Они структурируют информационные потоки, определяют, что становится доступным восприятию, и влияют на процессы смыслообразования. В обсуждении выявлено, что это приводит к появлению

новых режимов присутствия и самоощущения, при которых цифровые профили и алгоритмически сформированные репрезентации становятся частью субъективного опыта.

Полученные результаты свидетельствуют о радикальной трансформации сингулярности человеческого бытия в условиях смысловой эпохи, где цифровые технологии выступают катализатором перехода от автономного субъекта к гибридным формам субъектности, интегрирующим алгоритмические структуры в процессы восприятия, рефлексии и идентификации. Этот сдвиг обретает противоречивую природу: потенциал когнитивного расширения и освобождения от традиционных форм труда контрастирует с угрозами эрозии автономии и перераспределения агентности в пользу техно-систем. Очевидно, что логическим продолжением анализа становится рассмотрение социально-экономических вызовов цифровой эпохи, поскольку изменения субъектности на микроуроне неизбежно масштабируются на институциональные и социальные структуры макроуровня, порождая, в том числе, трансформацию рынков труда и ресурсов.

Социально-экономические вызовы цифровой эпохи

Анализ международных и российских эмпирических исследований показывает, что цифровизация и внедрение систем искусственного интеллекта формируют качественно новый социально-экономический уклад, в рамках которого трансформируются рынок труда, институциональная структура экономики и механизмы государственного управления. Согласно данным OECD Employment Outlook 2023, около 27% рабочих мест в странах ОЭСР находятся в зоне высокого риска автоматизации вследствие алгоритмизации рутинных когнитивных задач [3]. В то же время отчёт Международной организации труда, подготовленный совместно с польским исследовательским институтом NASK, уточняет, что ключевым эффектом генеративного ИИ является не прямое исчезновение профессий, а перераспределение функций и изменение структуры занятости: до 25% рабочих мест в мире подвержены значительной трансформации [4].

Российские исследования подтверждают сопоставимость этих процессов с глобальными тенденциями. Аналитические материалы НИУ ВШЭ фиксируют, что лишь около 11% взрослого населения России обладают цифровыми навыками, достаточными для устойчивой интеграции в цифровую экономику [5]. Это позволяет говорить о формировании когнитивного неравенства как специфической формы социальной стратификации, при которой доступ к занятости, доходу и социальной мобильности определяется не только уровнем образования, но и способностью взаимодействовать с алгоритмическими системами. Рост дистанционной и платформенной занятости сопровождается социальной сегментацией: такие формы труда концентрируются преимущественно среди городского населения с высшим образованием, усиливая структурные различия на рынке труда [6].

Результаты отраслевых исследований Л.И. Смирных, опубликованные в журнале «Вопросы экономики», демонстрируют неоднородность влияния ИИ на предприятия различных секторов: в высокотехнологичных отраслях автоматизация приводит к сокращению численности работников, тогда как в среднем бизнесе чаще наблюдается перераспределение задач и рост спроса на новые компетенции [8]. В контексте постсингулярной парадигмы данные результаты указывают на то, что рынок труда перестаёт быть пространством стабильных профессиональных идентичностей и всё в большей степени становится динамической системой адаптации человека к алгоритмической среде.

[3] OECD Employment Outlook 2023: Artificial Intelligence and the Labour Market. — Paris: OECD Publishing, 2023. — 267 c. DOI: 10.1787/08785bba-en

[4] International Labour Organization; NASK. Generative AI and jobs: A refined global index of occupational exposure: ILO Working Paper 140. — Geneva: International Labour Organization, 2025. DOI: 10.54394/HETP0387.

[5] Попов Е.В. Цифровые навыки россиян. — М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1038822258.html

[6] Капелюшников Р.И., Зинченко Д.И. Премия за дистант на российском рынке труда: препринт; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 54 с.

Параллельно формируется новая экономическая ситуация, связанная с развитием цифрового капитализма и экономики платформ. Российские и зарубежные исследования показывают, что платформы концентрируют контроль над данными, цифровыми инфраструктурами и алгоритмами распределения, превращаясь в институциональных акторов с высокой степенью экономической и социальной власти [1]. В отличие от индустриального капитализма, где основными факторами создания стоимости выступали труд и материальный капитал, цифровая экономика характеризуется тем, что данные становятся ключевым активом и фактором создания стоимости, а внимание пользователей рассматривается как экономический ресурс, критически важный для бизнес-моделей цифровых платформ. Такие данные используются для создания ценности, инноваций и конкурентного преимущества, что отличает цифровой капитализм от традиционных форм капиталистической экономики [7]. Экономика внимания трансформирует повседневную активность в объект капитализации, размывая границы между трудом, потреблением и коммуникацией [24].

В логике постсингулярной парадигмы это означает включение человеческого опыта в технологические факторы воспроизводства экономики, когда субъект экономической деятельности оказывается частично распределённым между собственными действиями и алгоритмическими процессами. При этом платформы следует рассматривать не просто как бизнес-модели, а как новые институты, формирующие правила конкуренции, занятости и социального взаимодействия [9].

Цифровизация государственного управления дополняет эту картину, усиливая институциональные эффекты цифровой трансформации. Согласно докладу Всемирного банка GovTech maturity index, 2022 update: Trends in public sector digital transformation (Индекс зрелости государственных технологий, обновление 2022 года: Тенденции цифровой трансформации государственного сектора) [8], внедрение цифровых технологий и аналитики больших данных повышает эффективность и проактивность государственных услуг. Российская практика цифрового государства («Госуслуги», цифровой профиль, ЕГИССО) подтверждает данные выводы, демонстрируя снижение транзакционных издержек и рост доступности социальных сервисов [9].

Вместе с тем исследования показывают, что цифровое неравенство в России сохраняется и проявляется не только в доступе к интернету, но и в недостаточных цифровых навыках, что затрудняет использование цифровых государственных сервисов для значительной части населения, особенно среди уязвимых групп, что приводит к их институциональному исключению из цифровой среды обслуживания граждан. Однако использование ИИ в социальной сфере сопровождается рисками алгоритмической непрозрачности, смещения ответственности и снижения доверия к государственным институтам. Дополнительным фактором становится рост практик цифрового мониторинга и контроля, что подтверждается как международными, так и российскими исследованиями в области правового регулирования цифровой идентичности [10].

Интерпретация полученных результатов в контексте постсингулярной парадигмы позволяет рассматривать социально-экономические изменения цифровой эпохи как проявление глубинной трансформации оснований социальной организации. Технологические системы перестают быть внешним инструментом и становятся структурообразующим элементом общества, задающим рамки рациональности, критерии эффективности и формы социальной координации. В этих условиях неравенство всё в большей степени

[7] OECD. The Value of Data in Digital-Based Business Models: Measurement and Economic Policy Implications — Paris : OECD Publishing, 2022.

[8] GovTech maturity index, 2022 update: Trends in public sector digital transformation. — Washington, DC: World Bank, 2022. — 110 с.

[9] Мнение эксперта: цифровизация государственного сектора в России. URL: https://vlad.ranepa.ru/news/mnenie-eksperta-tsifrovizatsiya-gosudarstvennogo-sektora-v-rossii/

[10] Мониторинг международных трендов правового регулирования для развития законодательства в сфере цифровой экономики в России, № 10 (22), октябрь 2025 г. — М.: Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, 2025.

определяется доступом к данным, алгоритмам и возможностям участия в цифровых процессах принятия решений.

В целом проведённый анализ показывает, что социально-экономические эффекты цифровизации неизбежно выводят исследование в плоскость нормативных и ценностных вопросов. Именно поэтому дальнейшее рассмотрение проблемы логично требует перехода к анализу этических оснований цифровой сингулярности и границ допустимого технологического вмешательства в человеческое бытие.

Этика и ценностные дилеммы цифровой сингулярности

Цифровая сингулярность проявляется не только как технологический или социально-экономический феномен, но и как источник глубинных этических трансформаций, затрагивающих представления о человеческой ответственности, автономии субъекта и устойчивости нормативных регуляторов общественной жизни. Полученные в ходе исследования результаты позволяют утверждать, что ускоренное внедрение искусственного интеллекта и алгоритмических систем приводит к формированию принципиально новой конфигурации моральных отношений, в которой традиционные этические модели оказываются недостаточными.

Международные исследования в области этики ИИ фиксируют смещение фокуса от индивидуального морального агента к распределённым социотехническим системам, где принятие решений осуществляется в результате взаимодействия человека, алгоритмов, данных и институциональных контекстов. В рамках постсингулярной парадигмы это означает утрату классического представления о линейной причинности и персональной ответственности. Эмпирические данные показывают, что в системах машинного обучения ответственность за последствия решений оказывается фрагментированной и размывается между разработчиками, пользователями и самими алгоритмическими структурами [16]. Синергетический подход позволяет интерпретировать данную ситуацию как эффект самоорганизации сложных систем, в которых результат не может быть однозначно сведен к целям, решениям или намерениям отдельных участников процесса.

Особую значимость в этических дискуссиях приобретает проблема автономии человека, т. к. алгоритмические рекомендательные системы и предиктивные модели всё чаще участвуют в формировании предпочтений, решений и поведенческих стратегий индивидов [26]. Это приводит к возникновению феномена «алгоритмического патернализма», при котором выбор формально сохраняется за субъектом, но фактически структурируется цифровой средой. Российские исследователи подчёркивают, что подобная трансформация подрывает классическое понимание свободы воли и требует переосмысления нормативных оснований моральной ответственности в условиях цифрового опосредования [7].

Полученные результаты также свидетельствуют о нарастании ценностных конфликтов, связанных с непрозрачностью алгоритмов и проблемой справедливости. Международная практика показывает случаи воспроизводства социальных предубеждений и дискриминационных практик в алгоритмических системах, обучаемых на больших массивах данных [19]. В синергетической перспективе эти эффекты рассматриваются как проявление нелинейной динамики, при которой незначительные искажения, присутствующие на уровне исходных данных, многократно усиливаются в процессе функционирования системы. Очевидно, что этические дилеммы приобретают системный характер и не могут быть устранена исключительно техническими средствами.

Отдельного внимания заслуживает проблема цифрового контроля и трансформации приватности. Эмпирические исследования показывают, что в условиях цифровой сингулярности приватность перестаёт быть индивидуальным благом и становится коллективной уязвимостью. Использование больших данных и ИИ в государственном и корпоративном управлении формирует режим «прозрачности по умолчанию», в котором наблюдение становится нормой социальной организации. Российские исследователи отмечают, что в этих условиях происходит смещение этических границ допустимого вмешательства в частную жизнь, что усиливает риски деперсонализации и утраты субъектной автономии [11].

В контексте постсингулярной парадигмы выявленные этические дилеммы могут быть интерпретированы как проявление переходного состояния сложной системы, находящейся в точке неустойчивого равновесия. Синергетический подход позволяет рассматривать цифровую сингулярность не как конечное состояние, а как фазу радикальной перестройки нормативных структур, в ходе которой возможны как сценарии усиления технократического контроля, так и формирование новых этических режимов, ориентированных на сохранение человеческого измерения технологий. Полученные результаты подтверждают необходимость разработки многоуровневых этических моделей, сочетающих философский анализ, институциональное регулирование и технологическое проектирование, что открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований проблем сингулярности человеческого бытия.

Заключение

Проведённое исследование комплексного анализа проблемы сингулярности человеческого бытия в условиях цифровой эпохи с использованием философского, социально-экономического и этического подходов позволяет сделать вывод о том, что цифровая сингулярность не сводится к технофутуристическому сценарию радикального превосходства искусственного интеллекта, а представляет собой многомерный процесс трансформации онтологических, институциональных и ценностных оснований человеческого существования.

Философский анализ выявил, что цифровизация приводит к пересмотру базовых категорий субъекта, идентичности и реальности, формируя условия для возникновения распределённой субъектности и алгоритмически опосредованного опыта. Социально-экономические данные показали, что данные изменения материализуются в трансформации рынка труда, усилении цифрового и когнитивного неравенства, а также в становлении цифрового капитализма, основанного на концентрации данных и алгоритмическом управлении. Этический анализ, в свою очередь, продемонстрировал, что эти процессы сопровождаются кризисом традиционных нормативных моделей, выражающимся в размывании ответственности, угрозе автономии и росте рисков цифрового контроля.

В рамках постсингулярной парадигмы цифровая сингулярность, будучи разновидностью технологической сингулярности, воспринимается не как момент разрыва, а как переходное состояние сложной социотехнической системы, в котором будущее развитие остаётся неопределённым. Синергетический подход позволяет трактовать текущую ситуацию как пространство множества возможных сценариев, включающее как пути усиления технократического влияния, так и варианты формирования новых этических и институциональных моделей, направленных на сохранение человеческого измерения технологий.

Полученные результаты подтверждают необходимость междисциплинарного подхода к исследованию цифровой сингулярности, объединяющего философский анализ, эмпирические социально-экономические исследования и нормативно-этическую рефлексию. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой моделей ответственного проектирования алгоритмических систем, уточнением понятий автономии и ответственности в условиях распределённой агентивности, а также с анализом институциональных механизмов, способных обеспечить устойчивое и гуманистически ориентированное развитие цифрового общества.

Литература:

1. Гелисханов И.З. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития / И.З. Гелисханов, Т.Н. Юдина, А.В. Бабкин // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2018. — Т. 11, №6. — С. 22–36.

2. Дунаев В.Ю. Цифровое моделирование интерсубъективности в социальном конструировании и феноменологических анализах мира повседневности / В.Ю., Дунаев, В.Д. Курганская, А. Сагикызы // Вопросы философии. — 2024. — №9. — Р. 136–146.

3. Курцвейл Р. Революция разума: на подступах к сингулярности: как технологии изменят общество и сознание. — М.: Эксмо, Бомбора, 2025. — 558 с.

4. Лукичёв П.М. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда в парадигме неравенства / П.М. Лукичёв // Российский журнал экономики труда. — 2025. — Т. 12, №3. — С. 55–72.

5. Михальченкова Н.А. Искусственный интеллект в контексте публичного управления/ Н. А. Михальченкова // Власть. — 2021. — Т. 29, №5. — С. 122–127.

6. Орехов А.М. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы / А.М. Орехов, Н.А. Чубаров // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Философия. — 2024. — Т. 28, №1. — С. 260–272.

7. Поляков С.В. Феномен цифрового патернализма как фактор трансформации государственной молодежной политики / С.В. Поляков // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2025. — №3. — С. 149–160.

8. Смирных Л.И. Искусственный интеллект на предприятиях России: каковы эффекты для занятости? / Л.И. Смирных // Вопросы экономики. — 2025. — №9. — С. 88-102.

9. Степнов И.М. Цифровые платформы как новый экономический агент в открытой модели экономики / И.М. Степнов, Ю.А. Ковальчук // Друкеровский вестник. — 2019. — №2(28). — С. 5-13.

10. Труфанова Е.О. Человек в цифровом мире: «распределённый» и целостный / Е.О. Труфанова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2021. — №3. — С. 370–375.

11. Тульчинский Г.Л. Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях / Г.Л. Тульчинский // Человек. — 2023. — Т. 34, №3. — С. 74–93.

12. Batool A. AI governance: a systematic literature review / A. Batool, D. Zowghi, M. Bano // AI and Ethics. — 2025. — Vol. 5. — P. 3265–3279.

13. Danaher J. Automation and Utopia: Human Flourishing in a World Without Work. — Cambridge (MA): Harvard University Press, 2019. — 336 p.

14. Clark A. The extended mind / A. Clark, D.Chalmers // Analysis. -1998. -Vol. 58, no. 1. — P. 7–19.

15. Felten E., How Will Language Modelers like ChatGPT Affect Occupations and Industries? / E. Felten, M. Raj, R. Seamans // arXiv preprint. — 2023. — arXiv:2303.01157.

16. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — 248 p.

17. Gunkel D. J. The Machine Question: Critical Perspectives on AI, Robots, and Ethics. — Cambridge (MA): MIT Press, 2012. — 270 p.

18. Heylighen F. Accelerating Socio Technological Evolution: from ephemeralization and stigmergy to the global brain / F. Heylighen; ed. by George Modelski, Tessaleno Devezas, and William Thompson. — London: Routledge, 2007. https://doi.org/10.48550/arXiv.cs/0703004

19. Jobin A. The global landscape of AI ethics guidelines / A. Jobin, M. Ienca, E.Vayena // Nature Machine Intelligence. — 2019. — Vol. 1, No. 9. — P. 389–399.

20. Knar E. Postsingular Science / E.Knar // arXiv. — 2025. — https://doi.org/10.48550/arXiv.2501.04111

21. Sadin É. La vie algorithmique: Critique de la raison numérique. — Paris: L'Échappée, 2016. — 220 p.

22. Smart P. Extended Cognition and the Internet: A Review of Current Issues and Controversies / P.Smart // Philosophy & Technology. — 2017. — Vol. 30, no. 3. — P. 357–390.

23. Taddio L. From perception to the Digital World: phenomenological observations / L. Taddio // Foundations of Science. — 2023. — Vol. 28, №4. — P. 1021–1034.

24. Thayne M. Friends like mine: The production of socialised subjectivity in the attention economy / M. Thayne // Culture Machine. — Vol. 13, 2012. — P. 1-23.

25. Zhang Z. Singularity and the limits of the human subject: a Kantian perspective on the future of artificial intelligence/ Z. Zhang, J. Giordano // Prajñā Vihāra: Journal of Philosophy & Religion. — 2025. — Vol. 26, №2. — P. 99–121.

26. Zuboff S. Big other: Surveillance capitalism and the prospects of an information civilization / S. Zuboff // Journal of Information Technology. — 2015. — Vol. 30, No. 1. — P. 75–89.

REGULATION AS A SOCIOCULTURAL CONCEPT AND ITS DUALISTIC POTENTIAL

Fedorova Zhanna Viktorovna, *PhD of Philological sciences, Associate Professor*

Aytuganova Jhanna Ilevna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Republic of Tatarstan

The regulation, as part of public restrictive instruments, represents a social filter, implying an indicative nature. The development of regulatory practices is linked both to traditional political and legal control of sociocultural relations and to the digital regulation of online discourse. Traditional forms of sociocultural processes are regulated by factors of ideological power, while online discourse is regulated by the subjects/owners of telecommunications infrastructure. The purpose of the study is to conceptually analyze regulation as a mechanism that ensures a perception of reality conditioned by adherence to predetermined parameters, eliminating the diversity of sociocultural practices and streamlining them while preserving their axiological content. The scientific novelty lies in analysis of the ambivalent nature of regulatory institutions. The result of the research is the substantiation of the position that the specificity of regulation lies in its dualistic potential: it can be considered as a marker of limitation and as a mechanism that organizes the socio-cultural space.

Keywords: *regulation; restriction; control; sociocultural practice; digital culture; network discourse.*

EDN: GJEQMV ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.19***

Цитировать: *Федорова Ж.В., Айтуганова Ж.И. Регулирование как социокультурный концепт и его дуалистичный потенциал // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 134-139. EDN: GJEQMV. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.19*

УДК 304.44

5.7.8

© Федорова Ж.В., Айтуганова Ж.И., 2026

РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ И ЕГО ДУАЛИСТИЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

ФЕДОРОВА Жанна Викторовна, *кандидат филологических наук, доцент*

АЙТУГАНОВА Жанна Илевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Республика Татарстан

Регулирование как часть общественных ограничительных инструментов представляет собой социальный фильтр, предполагающий индикативный характер. Становление регулирующих практик связано как с традиционным политико-правовым контролем социокультурных отношений, так и с цифровым регулированием сетевого дискурса. Традиционные формы социокультурного процесса регулируются акторами идеологической власти, сетевой дискурс — субъектами/владельцами телекоммуникационной инфраструктуры. Цель исследования — концептуальный анализ регулирования как механизма, обеспечивающего восприятие окружающего мира, обусловленное следованию заданным параметрам, что исключает многообразие социальных практик, упорядочивает их, но обеспечивает сохранение аксиологического содержания. Научная новизна работы заключается в анализе амбивалентного характера регулирующих институтов. Результатом исследования является обоснование специфики регулирования, которая заключается в дуалистичном потенциале: оно может рассматриваться как маркер ограничения и как механизм, упорядочивающий социокультурное пространство.

Ключевые слова: *регулирование; ограничение; контроль; социокультурная практика; цифровая культура; сетевой дискурс.*

Введение

Онтологический облик любой эпохи в немалой степени обуславливается развитием социокультурных процессов. Они предопределяют способы взаимодействия индивидов в контексте создания и распространения ценностей материального и нематериального порядка. Институциональное и смысловое регулирование социокультурной динамики связано с модификацией культуры в пространственно-временном континууме и обусловлено объективными потребностями общественной системы, в первую очередь — необходимостью самосохранения.

Актуальным для современной гуманитарной науки становится анализ различных подходов к выявлению роли регулирования социокультурных сред. В данном контексте

одна из задач научного дискурса — изучение регулирования как концепта в культурологической интерпретации, связанной с базовыми понятиями социального и человеческого бытия: «культура», «норма», «ценности», «культурные образцы», «культурная деятельность», «социокультурная система».

Регулирование как парадигма социокультурной динамики имеет амбивалентный характер. Оно приобретает негативную семантику, когда включается в пространство социокультурных интеракций с целью ограничения коммуникативного потенциала. Однако, будучи инструментом социальной архитектуры, регулирование способствует консервации (обеспечению сохранности) системообразующих культурных кодов и приобретает позитивный смысл.

Теоретико-методологическое обоснование регулирования

В семиотическом плане регулирование выступает одной из функций государственного устройства, связанной с подавлением свободы как всеобщей универсалии, допускающей многообразие социальных практик и их проявлений вне субъективных интерференций. В. Прозоров связывает регулирование с системой «властных способов ограничения и утаивания <…> сведений» [13; 15]. В этом контексте, становясь маркером социокультурных коммуникаций, регулирование приобретает отрицательную импликацию ограничения, контроля и запрета.

Регулирование может интерпретироваться как воздействие на объект, в результате чего достигается состояние равновесия и следование заданным критериям, что не связано с критическим воздействием на социокультурные системы и, наоборот, предполагает их стабилизацию. Ограничение, как правило, воспринимается в качестве балласта для креативного потенциала социокультурной системы.

Контроль представляет собой инициируемый внешними акторами мониторинг общественной среды для ее рационального функционирования. Последнее связано с персонализированной экспертизой социальных практик. Цель контроля — выявление флуктуаций от установленных правил и норм.

Запрет является методом организации деятельности системы, состоящий в устранении действий, неблагоприятных с точки зрения ведомств, наделенных властью.

Перечисленные лексемы — ограничение, контроль, запрет — являются контекстуальным рядом и имеют одинаковую смысловую нагрузку. Их обобщенная семантика связана с требованиями, критериями, параметрами, выступающими в качестве регулятивов, определяющих регламент функционирования любой общественной системы. Регулирование больше связано с упорядочиванием, исключающим лакунизацию социальных практик.

Процесс регулирования свойственен социокультурной сфере в целом: СМИ, кинематографу, художественной литературе, искусству, образованию, досуговой деятельности.

В культурологическом плане регулирование — один из механизмов функционирования отношений, связанных с культурной динамикой. Оно опирается на свойства человеческой психики и служит, по определению З. Фрейда, «привратником» для нецензурного, стремящегося занять место в культуре. З. Фрейд рассматривает любое регулирование как избирательный барьер между системой бессознательного, с одной стороны, и сознательного — с другой. В противостоянии сознательное / бессознательное регулирование коррелирует с осознанным, культурным как «<…> модификация, перегруппировка материала» [11, с. 86-87].

Исследователи определяют регулирование как разновидность «контроля <…> с целью недопущения или ограничения распространения идей и сведений, признаваемых <…> нежелательными» [10, с. 81] или как «систему контроля над производством, распределением, хранением и потреблением социальной информации» [7, с. 11]. В. Прозоров отмечает, что в узком смысле регулирование — это «фильтрационный механизм», в широком — «любая <…> форма лимитирования» [13, с. 16]. Определение регулирования как социального фильтра выражает, на наш взгляд, его индикативный характер, подчеркивая правомерность разграничения понятийного аппарата базовой дефиниции исследования.

Ключевым объектом регулирования являются сведения, «передаваемые устным, письменным или любым другим (с помощью условных сигналов, технических средств и т.п.) способом» [2, с. 320]. Они носят массо-

вый, публичный характер, что обуславливает необходимость отбора коммуникативного материала для генезиса благоприятной социокультурной реальности. Являясь надприродной, искусственно созданной частью бытия, культура определяет образ жизни и способ мышления индивида. Исследователи отмечают ее потенциал в моделировании реальности [3, с. 82].

Регулирование представляет собой универсальный инструмент, сформировавшийся до создания специализированных ограничивающих институций. Традиционно регулирование трактуется как факт/фактор «несвободы», противопоставляется независимой от внешних акторов циркуляции общезначимых социальных и культурных парадигм. Однако отсутствие регулирующих конструктов искажает аксиологическое содержание социальных практик, сосредоточенных в определенном историческом времени и пространстве, и изменяет характер культурных процессов.

Социальные аспекты регулирования

Одной из первых попыток анализа общественных регулирующих механизмов является трактат «Ареопагитика» (1644), написанный английским поэтом и государственным деятелем Д. Мильтоном после выхода постановления парламента Англии о введении предварительной цензуры. Ключевой идеологемой произведения является тезис о явленности свободы, состоящей в готовности государства слышать и слушать своих граждан, когда и «<…> достигнут высший предел гражданской свободы» [8, с. 21]. Для мыслителя книжность — живая: убийство книги равно убийству человека, поэтому словесность должна быть свободной, как и создавший ее человек [8, с. 23, 24].

Мильтон пишет о цензурных ограничениях как инструменте подавления истины. Цензура ¬– это бесполезное явление, оскорбляющее человека и его достоинство. Она становится «<...> унижением и поношением всей нации», которое «препятствует истинному знанию» [8, с. 45, 52].

Однако, понимая силу печатного слова, Мильтон соглашается с ролью закона в случаях преступной деятельности или злоупотреблений: «зловредные» и «клеветнические сочинения» должны быть подавлены «огнем и мечом». Регулятором отношений и организатором государственного принуждения в сфере книгопечатания он признает правовые нормы [8, с. 63-64].

Амбивалентность свободы печати — ее ценностно-проблемный характер — конституирует фундаментальный характер закона в системе регулирующих институтов. Так, основоположник уголовного права Готлиб фон Юсти, в целом признавая принцип свободы печати, отстаивал необходимость существования ограничений. По его мнению, если «допустить совершенно неограниченную свободу прессы и ввоз книг, то это может иметь очень вредное влияние, испортить религию и нравы», при этом запрещать словесность нежелательно. Г. фон Юсти выступал, прежде всего, за ограничение идей и сочинений против религии, нравственности; важно не то, кто говорит, а что и как — это и подлежит регулированию [15].

Правовое осмысление регулирования было в центре внимания немецкого юриста Гюнтера фон Берга. В контексте теории естественного права он утверждал, что возможность мыслить и сообщать свои мысли окружающим есть прирожденное право человека. Право мыслить — неотчуждаемо и независимо, но свободно сообщать свои мысли допустимо лишь «в целом». Берг пропагандировал идею о том, что безграничная свобода может выродиться во вседозволенность. По его мнению, нужно запрещать сочинения, направленные против государства, чести и доброго имени граждан, религии, религиозных обществ и нравственности, однако это не должно препятствовать свободе истины. Регулирование должно быть умеренным, что «<…> всегда полезно» [14].

В работах Лоренца фон Штейна — юриста, создавшего науку о государственном управлении — нашла развитие идея правового государства в контексте регулирования социальных отношений. Информация, по его мнению, является силой и фактором общественного движения. Пресса, воплощающая знания и сведения в материальном выражении, несет социальную ответственность, играя роль «социального глашатая». Одновременно неоспорима и социальная опасность свободной циркуляции социальной информации. По мнению фон Штейна, условия для раз-

вития прессы и гарантии против беззакония должны быть созданы грамотным управлением, например — объективной и непредвзятой цензурой [16].

Регулирование как механизм, координирующий социокультурные практики, характеризуется неоднозначностью. Так, русский философ-славянофил А.С. Хомяков пишет, что разрушение культуры и нравственности «должно быть предотвращено <…> цензурою просвещенною, снисходительною и близкою к полной свободе. Пусть унимает она страсти и вражду, пусть смотрит за тем, чтобы писатели выражали мнение свое, говорили от разума и обращались к чужому разуму»; маркер регулирования — нивелирование «злого и недостойного чувства в читателе» [12, с. 113]. Ограниченная свобода — основная тема рефлексии писателя, обусловленная пониманием ценности свободы и ее обратного — проблемного — характера.

И. Кирия, один из авторов работы «История и теория медиа», с позиции анализа механизмов контроля рассуждает об истории медиа — важнейшей культурно-креативной индустрии современности. Сфера культурных благ выполняет общественную функцию, чья специфика состоит в организации механизмов взаимодействия общества и реализации общественных интересов. В связи с этим медиа как часть культуры всегда «были предметом <…> регулирования в первую очередь из-за предполагаемого символического воздействия, которое они могут оказывать на общество» [5, с. 90]. Исследователь отмечает вневременной характер регулирования культуры и медиа как ее части. В том или ином объеме оно присуще не только тоталитарным режимам, но и странам, придерживающимся либерально-демократических установок, что связано с пониманием роли культуры как общего блага.

Таким образом, любой нормативный механизм, к которому относится культура, является объектом регуляции и регламентации. Регулирование социокультурных потоков сужает право выбора, однако у данного процесса есть и противоположный эффект, так как фильтрация «служит одним из важнейших механизмов предохранения общества от энтропии» [6; 87]. При аннигиляции установленных правил культура теряет созидательное значение, обращается в деструкцию.

Маркеры регулирования в цифровой среде

М. Кастельс, один из ведущих исследователей информационных отношений, в ряде работ исследует методы политики регулирования сетевого дискурса как элемента digital-коммуникации. Он подчеркивает наличие тех или иных регулирующих практик во всех типах государств, что связано с определяющей ролью коммуникативных взаимодействий и ресурсов в социальной и культурной жизни общества.

По мнению автора, *digital-revolution* и преобразование информационно-коммуникативных технологий являются фундаментом социокультурных трансформаций, однако ее результат в первую очередь зависит от государственного регулирования информационной сферы. Отмечается эволюция политики регулирования от легкой коррекции до форм жесткого контроля [4, с. 151] — например, над сетями со стороны операторов беспроводной связи, что препятствует инновациям и ограничивает технологический и пользовательский рост.

Кастельс выделяет области и формы регулирования [4, с. 152]. К областям он относит вещание, печатную прессу, Интернет и телекоммуникационные сети, которые склонны к конвергентности — единству нарратива и зрительного впечатления, что является парадигмой цифровых форм коммуникации в целом [9, с. 186]. К формам Кастельс относит регулирование содержания, регулирование собственности и регулирование услуг, которые в совокупности формируют современную мультимодальную цифровую систему (сетевой дискурс), предопределяя коммуникативный облик эпохи и особенности осуществляющихся в ее контексте социокультурных практик.

История, культура и архитектура Интернета в силу автономности создают сложности в его регулировании, поэтому большая часть сетевого дискурса остается независимым социальным пространством для цифровой культуры. Однако концепции, актуализирующие идеи регулирования Сети или ее сегмента, появляются регулярно.

Так, в 2017 был подписан Указ Президента Российской Федерации №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», где подчеркнуто, что формирование современной модели понимания мира обусловлено переходом с научного, образовательного и культурного контента на развлекательно-справочный, обусловивший становление клипового мышления. Оно связано с поверхностным восприятием информации, что облегчает воздействие на людей, способствуя формированию навязанных моделей поведения (п.16). Результатом становится изменение традиционной парадигмы взаимодействия человека с миром, обществом и самим собой, что «порождает появление новых форм отчуждения, обусловленных возникновением цифровых форматов коммуникации» — индивидуализацию, консьюмеризм, цифровой эскапизм, цифровую бездомность [1, с. 184, 185]. Для нивелирования избыточности гибридных форм бытия государство имеет право «адаптировать регулирование сферы информации и информационных технологий к новым обстоятельствам» (п.17).

В соответствии с документом регулированию подлежит деятельность социальных сетей, новостных агрегаторов, онлайн телевидения, мессенджеров и других порталов, чья деятельность может быть отнесена к СМИ (п.26, р). Вводится система обязательных приоритетов, на которые должны ориентироваться акторы сетевого дискурса — это традиционные российские духовно-нравственные ценности и их всемерное продвижение (п.3, г; п.26, г).

Объектами регулирования в сетевом дискурсе становятся несколько смысловых потоков. Во-первых, это политический контент (информация и сайты, посвященные деятельности оппозиционных движений; сообщения, содержащие критику действующей власти; информация об этнических / религиозных меньшинствах, деятельность которых не одобряется или запрещена). Во-вторых, это информация, нарушающая социальные нормы (социальные сети; блоги; сайты о запрещённых веществах; сайты, посвященные сексуальному просвещению и планированию семьи; онлайн-казино). В-третьих, — контент, подвергаемый блокировкам по соображениям безопасности (сайты экстремистских, сепаратистских и террористических движений; сайты финансовых пирамид). Также блокируются сервисы, нарушающие экономические интересы (сайты, нарушающие интеллектуальную собственность; файлообменники и торрент-трекеры).

В начале XXI века, как отмечает М. Кастельс, регулирование в основном сместилось в сферу сетевой инфраструктуры и управления ресурсами. Основные методы — давление на интернет-провайдеров и владельцев сайтов с требованием убрать нежелательную информацию, блокирование IP-адреса, фильтрация результатов поиска, полное блокирование сети. Традиционные формы социокультурного влияния (телевидение, радио, печатная пресса) регулируются субъектами политико-идеологической власти, сетевой дискурс — телекоммуникационной [4, с. 162, 164], обеспечивающей наличие / отсутствие интернет-трафик.

Заключение

Эволюция регулирования как социокультурного концепта определяется соотнесенностью с трансформацией общества и его культурных сред. Специфика процессов регулирования обусловлена становлением регулирующих практик от политического и идеологического контроля социокультурных отношений и процессов до цифрового регулирования сетевого дискурса.

В контексте теоретических подходов и парадигм концептуального анализа регулирование представлено как противоречивое, многофункциональное явление. В контексте социокультурных практик оно характеризуется неоднозначной институциализацией, онтологической двойственностью: как механизм ограничения и как маркер развития культуры, осуществляющий охранительную функцию. Регулирование обосновано, если представляет собой конструкт, обеспечивающий аннуляцию паракультурных явлений различного характера: лингвистического (сленг, жаргон, инвективная лексика), политико-правового (подавление в любой форме), эстетического (пошлость, вульгарность).

Регулирование выступает как элемент управления социокультурной сферой и представляет собой синтез факторов, влияющих на

трансформацию общества. В зависимости от этапа развития общества, государства и задач, стоящих перед ними, регулирование принимает различные формы, что не меняет его сущности как фильтрационного механизма, поэтому анализ регулирования необходимо осуществлять во взаимосвязи с социально-политическим, социально-экономическим и социокультурным контекстом.

Литература:

1. Бабаян Г.А. Специфика отчуждения человека в цифровом обществе: теоретико-методологические основания научного исследования // KANT. — 2025. — №4(57). — 181-187.

2. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 336 с.

3. Жижина М.В. Психологическое исследование медиакультуры: проблемы и перспективы // Известия Саратовского университета. — 2008. — Т. 8. — Вып. 2. — С. 81-85.

4. Кастельс М. Власть коммуникации. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2017. — 591 с.

5. Кирия И.В., Новикова А.А. История и теория медиа. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2017. — 423 с.

6. Левченко И.Е. Цензура как социокультурный феномен // Социс. — 1996. — №11. — С. 87-90.

7. Левченко И.Е. Цензура как общественное явление: автореф. дис. ... к. соц. н. — Екатеринбург, 1996. — 15 с.

8. Мильтон Д. Ареопагитика // История печати: Антология. — Т. I. — М.: Аспект Пресс, 2002. — С. 20-65.

9. Федорова Ж.В. Конвергентность как парадигма digital-коммуникации // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: сб. ст. Всероссийской научно-практической конференции. — М.: РУДН, 2023. — С.183-186.

10. Федотов М.А. Гласность и цензура: возможности сосуществования // Советское государство и право. — 1989. — №7. — С.80-89.

11. Фрейд З. Введение в психоанализ. — М.: Наука, 1995. — 770 с.

12. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 8 томах. — Т. VIII. — М., 1900. — 543 с.

13. Цензура как социокультурный феномен. — Саратов: Новый ветер, 2007. — 370 с.

14. Berg Günther Heinrich von. Handbuch des Teutschen Polizeirechts. — Hannover, 1802. — S. 337–370.

15. Justi Johann Heinrich Gottlob von. Die Grundfeste der Macht und Gluckseligkeit der Staaten etc. — Königsberg, 1760-1761. — S. 56-98.

16. Stein Lorenz von. Die innere Vervaltungslehre. — Stuttgart, 1868. — S. 45–150.

THE ROLE OF THE FAMILY IN THE UTOPIAN SOCIETY OF H.G. WELLS'S "PEOPLE AS GODS"

Chernov Andrey Vladimirovich, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

Novikova Svetlana Valerievna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg

The study involves an analysis of the role of the institution of family in a utopian society through the interpretation of the socio-philosophical work of Herbert Wells "Men Like Gods" (1923). With his work, Wells actually creates a new utopian canon, which, on the one hand, continues the traditions of the old school of the utopian genre (Plato, T. Mohr, T. Campanella), and on the other hand, completely new elements and storylines appear. H. G. Wells does not exclude the classical institution of the family from the communist future, but seriously redefines its functions and tasks. The union of a man and a woman is not a family in the strict sense of the word, since the real family, according to Wells, is the communist society itself.

Keywords: *H.G. Wells; family; utopia; communism; social project.*

EDN: GRNVNC ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.20***

Цитировать: *Чернов А.В., Новикова С.В. Роль института семьи в утопическом обществе Герберта Уэллса «Люди как боги» // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 140-144. EDN: GRNVNC. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.20*

УДК 101

5.7.7

© Чернов А.В., Новикова С.В., 2026

ЧЕРНОВ Андрей Владимирович, *кандидат философских наук, доцент*

НОВИКОВА Светлана Валерьевна, *кандидат философских наук, доцент*

Уральский государственный юридической университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург

Роль института семьи в утопическом обществе Герберта Уэллса «Люди как боги»

Исследование предполагает анализ роли института семьи в утопическом обществе через интерпретацию социально-философского произведения Герберта Уэллса «Люди как боги» (1923). Своим произведением Уэллс фактически создаёт новый утопический канон, в котором, с одной стороны, продолжаются традиции старой школы утопического жанра (Платон, Т. Мор, Т. Кампанелла), а с другой стороны, появляются совершенно новые элементы и сюжетные линии. Герберт Уэллс не вычёркивает классический институт семьи из коммунистического будущего, но серьёзно пересматривает его функции и задачи. Союз мужчины и женщины не является семьёй в строгом смысле этого слова, поскольку настоящей семьёй, по Уэллсу, является само коммунистическое общество.

Ключевые слова: *Герберт Уэллс; семья; утопия; коммунизм; фантастика.*

Произведения утопического жанра социально-философской литературы, казалось бы, давно исследованы многочисленными авторами, поэтому найти и описать в них что-то новое сегодня практически невозможно. Однако, следует признать это мнение ложным, поскольку основным предметом большинства подобных исследований служило политическое, социальное и экономическое устройство утопических обществ. Описание же института семьи чаще всего было поверхностным и не носило целенаправленного характера. В связи с этим, хотелось бы обратить внимание на такую интересную и мало освещённую тему, как институт семьи и брака в утопиях и предложить его в роли объекта нашего исследования. Непосредственным же предметом нашего исследования выступит социально-философское произведение Герберта Уэллса «Люди как боги». Выбор предмета исследования обусловлен тем, что, во-первых, в указанном произведении идёт речь об идеальном, то есть коммунистическом обществе, а во-вторых, указанное произведение оказало существенное идейное влияние на все последующие утопии первой половины XX века. Понимая, что любой серьёзный социальный проект требует в первую очередь коренного пересмотра роли института семьи [1], Герберт Уэллс делится с нами своим видением будущего.

В начале XX века на Западе, после почти пятивекового перерыва, вновь возрастает интерес к утопическому жанру, что было

связано с популярностью идей социализма. Классические утопические произведения старой школы («Государство» Платона, «Утопия» Томаса Мора, «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы) к этому времени уже утратили былую актуальность и, по большому счёту, были забыты широкой общественностью. В итоге, им на смену приходят модернистские произведения, соответствующие духу времени, где с новой силой актуализируется «левая» повестка. Фундаментальное отличие утопий «старой» и «новой» школ, по нашему глубокому убеждению, состоит в научной обоснованности социализма. Можно сказать, что если классические утопии представляли собой своеобразные поучения на тему «как построить идеальное общество», то неклассические утопии новой школы (и генетически тесно с ними связанные антиутопии) представляли собой скорее программные документы и носили ярко выраженный агитационный характер.

Ещё одно отличие классических и неклассических утопий заключалось в новой форме изложения материала: классические утопии, как мы помним, ещё со времён Платона использовали форму диалога и строились по принципу «вопрос-ответ» [9], утопии же новой школы были написаны уже в стиле современной художественной литературы и сочетали в себе как множество сюжетных линий, так и действующих лиц. Стоит заметить, что утопические произведения новой школы первой половины XX века сохраняли свою социально-философскую направленность, что, собственно, и позволяет нам отнести их к утопиям. Романтическая и приключенческая составляющие в этих произведениях служили лишь сюжетным дополнением к основной части. Во второй же половине XX века социально-философское наполнение снимается с повестки и выхолащивается, что приводит к фактическому упразднению жанра утопии. Теперь на место утопическому жанру приходит жанр фантастики или даже приключенческой фантастики, зачастую ещё и с откровенно романтическими сюжетными линиями. В связи с этим, произведения второй половины XX века выходят за тематические рамки утопии, поэтому не включены в рамки данного исследования.

Итак, родоначальником утопического жанра новой школы становится великий английский писатель Герберт Уэллс (1866-1946 гг.). Многие знают Уэллса как выдающегося фантаста, автора таких бессмертных произведений, как «Война миров», «Машина времени» и «Человек-невидимка», однако мало кто обращает внимание на его единственное произведение в жанре утопии «Люди как боги» (1923 г.). Оно же, по совместительству, и единственное произведение, которое ни разу не было экранизировано и в целом было предано остракизму. Почему? Да потому что Герберт Уэллс — это в первую очередь убеждённый социалист, и литературное творчество служило для него лишь средством распространения социалистических идей. Более того, Уэллс был одним из немногих интеллектуалов Запада, который с восхищением оценивал опыт социалистического строительства в Советской России и, более того, дал исключительно положительную оценку В.И. Ленину и И.В. Сталину после личных встреч с ними. Всё это, как мы прекрасно понимаем, автоматически делало Уэллса персоной non grata не только в высших кругах английского общества, но и всего европейского буржуазного общества в целом.

Стоит заметить, что Герберт Уэллс прекрасно осознавал причины такого к себе отношения и понимал, что общественность ждёт от него новых зрелищных произведений, а издатели — кассовых сборов, но никак ни тезисов о социальной справедливости. И это его раздражало. Так, например, после ошеломительного успеха «Войны миров», произведения чисто антивоенного, призванного «людей задуматься о самих себе и показать человечеству его истинное лицо» [1], Уэллс почти на десять лет оставляет все попытки достучаться до общественности и отказывается писать на подобные темы. Социально-философская суть «Войны миров» была проигнорирована общественным сознанием, а заключалась она в том, что марсиане поступают с землянами так же, как белые европейцы в своё время поступали с американскими индейцами, неграми,

[1] «Я же предупреждал вас, чёртовы дураки»: как Герберт Уэллс предсказал обе мировые войны, но его никто не слушал // Коммерсантъ Weekend. — 2023. — №2.

австралийскими аборигенами, тасманийцами и пр. Как писал об этом сам автор, «разве мы сами уж такие поборники милосердия, что имеем право возмущаться марсианами, действовавшими в том же духе?» [5]. Повестка произведения была исключительно гуманной и состояла в том, чтобы заставить европейцев одуматься и навсегда отказаться от политики геноцида и колониальной экспансии. Точно такая же судьба постигла и другое его произведение с мощным социально-философским подтекстом — «Машину времени» (1895 г.), основная суть которого состояла в том, что если капиталистическая эксплуатация человека человеком не прекратится, то в далёком будущем это приведёт к разделению человечества на два разных биологических вида [7]. Один из них — элои — эволюционно произойдёт от капиталистической элиты и будет жить на поверхности, вечно пребывая в праздном наслаждении жизнью, а второй вид людей — морлоки — произойдёт от рабочих, навечно загнанных элитой на принудительные работы в подземелья. Однако и здесь широкая общественность увидела лишь хорошую фантастику (Уэллс фактически создал новую сюжетную линию — путешествия во времени), но не обратила никакого внимания на остросоциальную повестку.

Итак, утопия Герберта Уэллса «Люди как боги» являлась, если можно так выразиться, его собственным социалистическим проектом. На страницах этого произведения автор неоднократно демонстрирует нам не только хорошее знание физики и других точных наук, но и глубокое погружение в социальную философию. При этом Уэллс транслирует свои мысли не столько через героев произведения, сколько говорит от себя лично. Этот художественный приём свидетельствует о том, что главного героя в его утопии нет, точнее, главным героем является тот «мир, в который угодили земляне». Для этого Уэллс впервые применяет сюжет про так называемых «попаданцев», то есть группу лиц, случайно попавших в абсолютно несвойственную им среду, и, по сути, создаёт тем самым новое направление в мировой литературе. Однако отличие от всех предшествовавших классических утопий состоит в том, что утопическое общество помещается теперь автором не на какой-то изолированный остров или полис [2-4], а намного дальше — в параллельную вселенную, в другое физическое измерение.

Утопия, согласно Уэллсу, опережает Землю в своём развитии на 3000 лет и представляет собой настоящее коммунистическое общество без разделения на антагонистические классы, эксплуатации и частной собственности. Хоть автор и описывает научно-технические достижения утопийцев, включая подчинение ими сил природы, но само произведение вовсе не про это. Ключевым элементом его произведения является сам человек — идеальный человек будущего, человек коммунистической формации. Как пишет по этому поводу Герберт Уэллс, «они превзошли нас в благородстве человеческой природы, но разница в физическом облике была пустяком по сравнению с разницей в мышлении… Утопийцы казались настоящими богами, напоминавшими божеств Древней Греции и Рима… Они воистину стали существами иного вида» [6]. Примечательно, что Уэллс, в отличие от классиков марксизма, причиной таких качественных трансформаций видит не только изменения в социальном укладе Утопии, в переходе к новым общественным отношениям, но и в евгенике, то есть целенаправленной человеческой селекции. Стоит заметить, что Уэллс был страстным поклонником этого сомнительного направления (впрочем, как и многие интеллектуалы его времени) [8], и придавал ему в своей утопии большое значение. Так, в разных частях своего произведения Уэллс часто пишет: «Утопийцы рассказали о появлении евгеники и о новых, точных способах выбора родителей, растущей безошибочности генетики… В последние десять или около того веков в Утопии практиковалось целенаправленное отсеивание всех уродливых, злонамеренных, ограниченных, глупых и желчных индивидуумов… Ленивые и неполноценные не должны давать потомства… В Утопии сейчас редко встречаются тупицы, а слабоумных нет вообще… Лентяи, люди, склонные к апатии или со слабым воображением почти полностью вымерли…» [6].

Естественно, если речь зашла о евгенике, то это неразрывно связано с институтом семьи и брака, чему Уэллс уделяет самое пристальное внимание. Понимая, что семья в утопическом обществе будет так же сильно отличаться от привычной английской семьи начала XX века,

как и само утопическое общество от нашего, Уэллс идёт на интересный литературный приём. Так, в уста одного из отрицательных персонажей — отца Камертонга — он фактически вкладывает всю знакомую ему критику социализма. Этот персонаж (а, по сути, всё старое английское общество) задаётся вопросом, существует ли в Утопии священный союз между мужчиной и женщиной, признаются ли в Утопии брачные узы? На что получает лаконичный ответ, что в Утопии нет никаких уз, и что каждый свободен в выборе партнёра, что утопийский брак — это явление добровольное, следовательно, он необязательно должен длиться всю жизнь. Отец Камертонг восклицает: «Значит, я был прав! Вы действительно отменили семью», на что получает опять же лаконичный ответ: «Нет, мы не отменили семью, мы её возвеличили, и теперь весь мир — одна семья» [6].

Описывая утопическое общество, Уэллс мягко проводит мысль о том, что институт семьи в условиях коммунизма сильно видоизменяется по сравнению с классовым обществом. Роль биологических родителей сводится к минимуму, и они выступают скорее наставниками для подрастающего поколения, в крайнем случае воспитателями в первые годы жизни. По мере взросления ребёнок всё больше отдаляется от родителей и главную роль в его обучении и воспитании начинают играть учителя и школа в целом. Уэллс пишет: «Каждого ребёнка в Утопии с полным учётом его наклонностей направляют в ту область знаний, к которой у него проявляется интерес и способности… Ребёнок затем сам решает, чем ему заниматься и что ему по душе… Ненавязчивые методы воспитания поощряют его природную тягу к играм и познанию нового… Доброта и вежливость с детства входят в привычку, потому что детей повсюду окружают добрые, вежливые люди…» [6]. Главная задача воспитания — борьба с эгоизмом и невежеством, а основной тренд всей системы образования, согласно Уэллсу, — это направление разрушительных психологических аффектов в конструктивное русло. Не подавление склонностей и инстинктов, а их целенаправленная канализация в правильном направлении — в направлении служения обществу — вот стержень всей системы коммунистического воспитания и образования.

Придавая ведущую общественную роль воспитанию и образованию, Уэллс устами одного из героев-утопийцев лаконично замечает: «Наша система образования и есть правительство». Таким способом, Уэллс напоминает, что в коммунистическом обществе отсутствуют властные институты, а это значит, что решения в той или иной области принимаются наиболее опытными и знающими людьми. Следовательно, чтобы иметь право принимать решения, человек должен сначала стать профессионалом своего дела, то есть получить качественное образование, а затем постоянно совершенствовать свои знания и умения.

Таким образом, процесс образования в Утопии длится всю жизнь и определяет место и роль человека в обществе. Понимая революционность подобных взглядов в современном Уэллсу мире, он, устами антигероев своего произведения, транслирует знакомый ему негатив и скепсис, особенно по отношению к самоуправлению, осуществляющемуся при полном отсутствии государственных институтов. Как видно из этого отрывка, социальный идеал Уэллса вовсе не тоталитарен, как у Платона [10] и огромного числа других мыслителей, и в наглядной форме показывает нам, каким и должен быть коммунизм: свободным, счастливым и просвещённым. В отличие от К. Маркса, к которому он относился, кстати, весьма критично, Уэллс использует для описания коммунистического общества отнюдь не лексику политэкономии, а намного более простые и понятные всем термины. Можно даже сказать, что никто так не популяризовал идеи коммунизма в художественной литературе, как это сделал Уэллс.

Тем не менее, старое буржуазное общество не сдаётся и продолжает упорствовать, что снова озвучивается Уэллсом через наиболее отрицательного персонажа — упомянутого выше отца Камертонга: «Так вы смеете регулировать рост населения? Контролировать?! Это же племенная ферма по разведению людей! Отказ от новых душ! Да это же дьявольщина!». Уэллс этим хочет показать, что пережитки капиталистического уклада жизни очень сильны в современном ему массовом сознании, и что борьба с ними будет трудной

и кропотливой. Высказанная здесь Уэллсом идея о научном регулировании общей численности населения планеты не вызывает удивления в наши дни, однако по меркам начала XX века она казалась кощунственной. Тем не менее, Уэллс отстаивает её на страницах своего произведения: «Основная масса населения первым делом ударилась в размножение… Человек влачил при этом жалкое, порабощённое существование от колыбели до могилы… В какой-то момент население Утопии перевалило через отметку «два миллиарда»… Сейчас же оно примерно 250 миллионов. Это максимальное количество людей, которые могут обитать на поверхности Утопии в условиях полной развитости. Однако теперь, благодаря появлению новых ресурсов, численность населения снова регулируется нами в сторону роста» [6].

Интересно, что несмотря на откровенно прогрессивные идеи, Уэллс в то же самое время невольно демонстрирует нам и пережитки старой эпохи колониализма, от которых он, по всей видимости, так и не смог избавиться. Речь идёт об одном эпизоде его произведения, которое мы смело можем назвать расистским: «В Утопии, как и на Земле, существовали люди со смуглым и коричневым цветом кожи. Представители различных рас свободно общались друг с другом, но редко когда производили на свет смешанное потомство, предпочитая сохранять чистоту и силу своей расы… Между людьми разных рас нередко вспыхивала любовная страсть, но дети от такой любви рождались нечасто» [6]. Тем самым Герберт Уэллс подчёркивает мысль о нежелательности межрасовых браков в идеальном обществе будущего. Как видно из этого эпизода, расистские предрассудки прочно укоренились в английском обществе, в том числе и в среде социалистов начала XX столетия.

Заключение

Герберт Уэллс фактически создаёт новое понимание института семьи в коммунистическом обществе. Так, с одной стороны, он идёт вразрез с утопиями старой школы, в частности с Платоном и Т. Кампанеллой, в которых институт семьи и брака попросту отсутствует, но, с другой стороны, он не поддерживает и консервативную семью Т. Мора. Семья, по Уэллсу, это добровольный союз людей, основанный на взаимном уважении и интересе, что предопределяет и его зачастую временный, непостоянный характер. Задача семьи состоит при этом не столько в деторождении (которое строго регламентируется обществом в зависимости от его экономических возможностей), сколько во взаимной любви и совместном творчестве. Роль родителей в воспитании и образовании детей сводится к минимуму, а указанные функции делегируются преимущественно школе, то есть опять же самому обществу. Таким образом, семья как свободный союз мужчины и женщины в социально-философском произведении Герберта Уэллса «Люди как боги» не является элементарной ячейкой общества: само коммунистическое общество является одной большой семьёй.

Литература:

1. Галецкий В. Встретит ли институт семьи XXII век? // Дружба народов. — 2005. — №6.
2. Кампанелла Т. Город Солнца. — СПб.: Азбука СПб, 2017.
3. Мор Т. Утопия / Томас Мор, пер. с лат. Ю.М. Кагана, комм. Ю.М. Кагана и И.Н. Осиновского, вс. ст. И.Н. Осиновского. — М.: Наука, 1978. — 416 с.
4. Платон. Государство. — М.: АСТ, 2021. — 445, [2] с. — Кн. I.
5. Уэллс Г. Война миров / Уэллс Герберт Джордж, пер. М.А. Зенкевича. — М.: АСТ, 2014. — 288 с.
6. Уэллс Г. Люди как боги / Герберт Джордж Уэллс. — М: АСТ, 2024. — 320 с.
7. Уэллс Г. Машина времени / Герберт Джордж Уэллс. — М.: ЭСКМО, 2018. — 448 с.
8. Хлебников Г.В. Семья и брак в аспекте евгенического проекта: реальность и утопии (аналитический обзор) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2007. — №1. — С. 76-118.
9. Чернов А.В., Новикова С.В. Роль института семьи и традиционных семейных ценностей в классических утопиях // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 305-310.
10. Чернов А.В., Новикова С.В., Лебедева Г.В. Справедливость как аксиологическая основа «идеального государства» Платона: путь к тоталитаризму // KANT. — 2024. — №3(52). — С. 262-267

THANATOLOGICAL MOTIVES IN THE TEACHINGS OF THE ANCIENT CYNICS: SOCIOPHILOSOPHICAL ANALYSIS

Shapovalov Igor Sergeevich, *Postgraduate student, lecturer, Department of History of Philosophy and Culture, Voronezh State University, Voronezh,*

The study presents an analysis of the ancient Greek philosophy of Cynicism, which sought to understand the finitude of human existence, search for a kind of therapeutic strategy, a way to overcome the fear of death, reduce the anxiety level of being in the world, and create a stable symbolic anchor that would keep a person in culture and society. Special attention is paid to how the Cynics conceptualized death, and the path of development of their ideas is traced. Having begun as a doctrine praising the fullness of life and calling for a return to natural simplicity, Kinism in its special development came to the idea of the desirability of ending existence. This is confirmed by the quotations and teachings of the ancient Cynics, who often expressed a desire for death and even committed suicide. The article also shows the influence of the cynical image of death on the modern world through the hippie value system, which proves the relevance of this teaching in our days.

Keywords: *kinism; ascesis; apaideusia; autarkey; myth — logos — silence.*

EDN: JANWBC ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.21***

Цитировать: *Шаповалов И.С. Танатологические мотивы в учениях древних киников: социально-философский анализ // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 145-152. EDN: JANWBC. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.21*

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В УЧЕНИЯХ ДРЕВНИХ КИНИКОВ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 101.1:316
5.7.7

© Шаповалов И.С., 2026

В исследовании представлен анализ древнегреческой философии кинизма, направленной на осмысление конечности человеческого бытия, поиск своего рода терапевтической стратегии, способа преодоления страха смерти для снижения коэффициента тревожности от пребывания в мире и создания устойчивого символического якоря, который бы удерживал человека в культуре и социуме. Особое внимание уделяется тому, как киники осмысляли смерть, и прослеживается путь развития их идей. Начав как учение, воспевающее полноту жизни и призывающее к возвращению к природной простоте, кинизм в своем особом развитии пришел к идее желательности прекращения бытия. Это подтверждается цитатами и учениями древних киников, которые нередко выражали стремление к смерти и даже совершали самоубийства. Также в статье показано влияние кинического образа смерти на современный мир через систему ценностей хиппи, что доказывает актуальность этого учения и в наши дни.

Ключевые слова: *кинизм; аскесис; апайдеусиа; аутаркейа; миф — логос — тишина.*

ШАПОВАЛОВ Игорь Сергеевич, *преподаватель, кафедра Истории философии и культуры, аспирант, Воронежский государственный университет, Воронеж*

Переживания относительно смерти всегда были ядром философии и культуры людей всех времен и народов. С осознания своей смертности и конечности всего бытия и начинается собственно история человеческого самосознания. В этой связи великий французский философ Жорж Батай писал: «В сущности, смерть открывает Человеку его природное, животное бытие, но это открывание не может иметь места. Ибо едва умирает животное бытие, поддерживающее человеческое бытие, так сразу прекращает быть и последнее. Чтобы — в конце концов — человек открыл себя самому себе, ему следовало бы умереть, но ему следовало бы это сделать при жизни — созерцая собственное умирание… Вот почему следовало бы, чтобы любой ценой человек жил в тот миг, когда поистине умирает, или чтобы он жил с ощущением истинной смерти…» [1, с. 257].

Со времен Древней Греции философия пыталась выработать способ преодоления

страха смерти для снижения коэффициента тревожности от пребывания в мире и создания устойчивого символического якоря, который бы удерживал человека в культуре и социуме. Философия древних киников, укорененная в сократической традиции, является одним из наиболее значимых духовных достижений античной цивилизации. Она ознаменовала собой одну из самых первых попыток в рамках европейской философской мысли разработать особую терапевтическую стратегию, направленную на осмысление конечности человеческого бытия. В данной статье предпринимается попытка воссоздать аутентичные идеи древних киников. Однако исследование не ограничится исключительно историко-философским описанием, а стремится привнести авторское неортодоксальное прочтение их учений, раскрывая потенциальные логические выводы, вытекающие из их наставлений. Цель состоит в том, чтобы показать, что философия кинизма представляет собой абсолютизацию одного из главных принципов сократической философии, а именно жизненного процесса и является вырождением его мудрости. Также, в рамках данной работы ставится задача разработать танатологический аспект, изучив понимание смерти в трудах древних киников.

Сама проблема понимания философии сократических школ (в том числе анализ трудов древних киников) была глубоко разработана в отечественной исследовательской литературе И.М. Наховым и А.Ф. Лосевым. Идеи последователей Сократа рассматриваются двояко. С одной стороны, Нахов видит в них позитивный импульс — духовную революцию, призванную выразить протест социально угнетенных против правящих слоев. С другой стороны, Лосев дает отрицательную характеристику: он утверждает, что идеи киренаиков ведут к смерти, а киников — к бегству от действительности во внутренний мир, что является проявлением упадка мировоззрения древнегреческой полисной системы. Мишель Фуко в зарубежной традиции заново и глубоко раскрывает эту тему. Он в своих работах раскрывает особые танатологические реалии кинизма, показывая нам, что киник — это не тот, кто стремится к жизни, а скорее тот, кто уходит из нее и призывает других покинуть ее. Поэтому наши ссылки на них, и других ведущих специалистов в области античной философии будут более чем оправданы.

В основе рассуждения в данной работе лежит вечный вопрос о смысле человеческого существования, который по-прежнему остается неразрешимым. Именно попытки ответить на него, приводят к появлению науки, философии и религии. Со временем они менялись и становились сложнее, чтобы соответствовать тому, как люди видят мир в разные эпохи. В определении Арнольда Тойнби, каждая эпоха ставит перед человечеством важную задачу — выжить физически и духовно. Заданная альтернатива запускает в действие маятник, колеблющийся между саморазрушением и самосозиданием, гибелью и спасением, вырождением и развитием.

Одним из первых, кто попытался осознать смысл человеческой жизни и ответить на вызовы своего времени, был философ Сократ из дема Алопеки — один из величайших мудрецов античного мира. Его философская система в упрощённом виде может быть представлена в виде бесконечной лестницы, которая поднимается от глубин земли к небесам, символизируя путь к Богу. При этом под Богом подразумевается не антропоморфный личностный Бог, привычный в христианском понимании, а философский принцип, как первоисточник всего существующего (архэ), из которого вытекает всё мироздание — Истина, которую люди искали с древних времён. С момента своего рождения, человек начинает восходить по этой великой лестнице, которая символизирует разум, направляясь к Богу — от одной ступени к другой, от одной идеи к другой. Однако на протяжении всего пути на разных этапах человеку открывается не сам Абсолют, а лишь его очередное проявление или отражение. Причина, как ее видел один из философов эпохи Возрождения Пико делла Мирандола, состоит в том, что в человеке заложены семена всех вещей, и он связан как с высшим божественным миром, так и с низшим аффективным, животным началом. Все существующее в античной онтологии — это единство природы и духа, человека и мира. Как отмечает польский антиковед Ф. Зелинский: «Основой — быть может, самой глубокой основой — религиозного чувства древнего эллина было сознание таин-

ственной жизни окружающей его природы. И не только жизни, но и одухотворенности; и не только одухотворенности, но и божественности» [3, с. 60].

Обращаясь к философии Сократа, вся полнота человеческой жизни и ее смысл заключены в познании, которое, в свою очередь, сводится к непрерывному самопознанию, опирающемуся на рациональные принципы. Парадоксально, но при этом Сократ указывает на существование области, неподвластной разуму — сферы Истины, божественной сущности. Это делает путь к Богу, основанный на разуме, бесконечным, превращая его в вечный поиск собственной сути и глубинных тайн бытия, которые всегда держатся инкогнито и не дают раскрыть себя полностью. Такой поиск неизбежно несет в себе трагизм и безысходность. Таким образом, мы видим ограниченность самого разума. Для постижения истины требуется выйти за его рамки, иррационально постигая Абсолют, который, если и проявляет себя в нашем мире, то лишь в форме парадоксов и абсурда.

В итоге, философия Сократа сводится к непрерывному самопознанию, которое демонстрирует безграничные возможности разума, одновременно указывая на его пределы и необходимость обращения к иррациональному, где Абсолют постигается напрямую. Реконструкция сократической мысли в данном случае призвана подчеркнуть историческую значимость выдающейся попытки низшего (человеческого) познать высшее (Абсолют). Сократ, добровольно принявший смерть в 399 году до н.э., считал, что истинный философ стремится к ней и не должен ее бояться. Его последователи, которых он сам называл собеседниками, разошлись по всему миру, основав собственные школы.

Обзор философии кинизма хотелось бы начать с анонимных изречений древних киников, которые представлены в Антологии кинизма Нахова:

> *«Я покажу тебе, Парн, что людей покинула Совесть, и они, как Гарпии с крючковатыми пальцами, готовы из каждого камня выдавить прибыль. Каждый ищет, где бы пограбить, и бросается стремглав в воду и плывет к своей добыче, готовый утопить на своем пути друга, брата, жену, лишь бы спасти свою трижды жалкую шкуру. Для этих людей нет ничего святого — они не задумаются превратить море в сушу, а сушу — в море. Все они всегда и везде поучают — Наживайся, приятель, и летом, и зимой, везде ищи только выгоду, никого и ничего не стыдись. Пусть все бранят тебя. Тебе то что?! Тяни свою руку туда, где можно что-нибудь хапнуть, где ж надо дать, лучше б руки отсохли. Многие скажут: «Поздравь себя, если ты чем-нибудь богат. Тогда кругом тебя друзья. Богатого тебя и боги полюбят. Если же ты беден, то и мать родительница возненавидит тебя. Нищий, не будешь нужен и родственникам». Потому-то, друг мой, я проклинаю нынешнюю жизнь и всех людей, живущих такой жизнью, ненавижу и еще больше буду ненавидеть. Процветает неверие, а вера покинула землю. Бесстыдство стало сильнее Зевса. Святость клятв умерла, и боги терпят все это. Низость буйствует повсюду среди людей, которые соленой слюной плюют на благородство»* [5, с. 205-206].

Тексты обнаруживают удивительно точные описания человеческой природы, которые сохраняют актуальность и в примерке на сегодняшний день, раскрывая суть современного общества потребления. Критические замечания киников указывают на то, что люди того времени, как и этого, ошибочно ставят физическое благополучие выше духовного. Чтобы исправить это, киники призывали к глубокой переоценке ценностей, настаивая на том, что приоритет должен быть отдан разуму и духу, а не телесным желаниям. Они подчеркивали, что разум — это вечная божественная искра в каждом из нас, в отличие от слабого и преходящего тела, и поэтому забота о разуме как о божественном начале должна быть первостепенной. Они также призывают отказаться от телесного, умерщвляя его, поскольку материальные блага и все, что связано с телом, ничтожно, пусто и преходяще, будучи частью бесконечного цикла жизни и смерти.

Философия кинизма, по мнению известного философа А. Чанышева, базируется на трех основных основоположениях: «Кинизм как образ мыслей и действий киников как бы стоял на трех слонах. Их имена: Аскесис, апайдеусиа и аутаркейа» [7, с. 294]. Каждое из

этих положений-слонов служит основой для понимания стратегии в отношении преодоления страха смерти.

Аскесис, древнегреческий термин, описывает образ жизни и практику. В кинизме это духовное упражнение, цель которого — свести к минимуму физиологические потребности. Киники сознательно ограничивали себя в еде, воде и жилище, приучая себя довольствоваться самым необходимым. По сути, это было умерщвление плоти: они жили на грани выживания, привыкая к лишениям, ходили босиком в одном плаще, презирали материальные блага и жили в нищете, питаясь подаянием или тем, что давала природа. Их образ бытия напоминал животный, в полном единении с природными стихиями. Описывая аскетический образ жизни многих киников, современный философ В. Бровкин, отмечает следующее: «Это учение требовало вести нищенствующий образ жизни и мужественно переносить все страдания и невзгоды. Идти по пути древнего киника означало добровольно принять судьбу изгоя» [2, с. 200].

Апайдеусия — это состояние, в котором человек лишен знаний и образования. Киники же занимали позицию, противоположную образованию, культуре и науке, утверждая, что эти сферы мешают человеку достичь истинной внутренней гармонии, слившись с природой. В своем неприятии самого знания они, по сути, отказывались от собственной философии как от упорядоченной теоретической системы, определяя ее как нечто иное — как образ жизни, помогающий слиться с природой и обрести свободу.

Автаркия — это вершина кинической философии, состояние абсолютной и безграничной свободы, когда мудрец становится самодостаточным островом, не зависящим от бушующего моря материального мира. Это полное владычество над всем, что находится в пределах его досягаемости. Ради этой всеобъемлющей свободы от оков физической реальности, киник отрекается от всего: от корней своего дома, от уз семьи, от границ государства (тем самым становясь истинным космополитом). Он сбрасывает оковы общепринятой морали и нравственности, отвергает соблазны цивилизации и объявляет себя бунтарем против культуры и ее навязанных ценностей. И именно во имя своей внутренней свободы, киник и не боится пойти против культурных запретов и социальных ограничений (из-за чего и зарабатывает себе маргинальный статус в любом обществе). Как по этому поводу пишет великий антиковед А. Лосев, «все естественные потребности человека и любые их удовлетворения дозволены, законны, приличны; все, что есть в человеке животного, с какой-нибудь точки зрения низкого, низменного, некрасивого, неприличного, все это — дозволено, законно, прилично, красиво» [4, с. 67].

Киник — это не тот, кто просто крушит все культурные устои, как нигилист, не предлагая ничего взамен. Напротив, киник, отвергая все телесное, провозглашает путь к свободе. Его кредо: чем больше ты отпускаешь от себя физическое, тем больше духовного в тебе расцветает. Чем меньше ты цепляешься за материальные блага и привязанности, тем более свободным становишься. По сути, умерщвляя в себе человека через особое умерщвление тела, киник стремится к божественному преображению.

В концепции автаркии, подразумевающей абсолютную независимость и разрыв всех своих связей с внешним миром, можно усмотреть мотив ухода из жизни как обретение свободы духа. Идея освобождения через смерть является сквозной для всей античной философии. Первый древнегреческий философ Фалес, например, утверждал полное отсутствие принципиальных различий между жизнью и смертью. Сократ в диалоге «Федон» воспринимал смерть как освобождение, как путь к истине, которую, по его мнению, можно постичь лишь после смерти. Его предсмертная просьба принести петуха Асклепию в честь выздоровления, то есть избавления от тела, также служит иллюстрацией. Этот философский путь можно представить как последовательность в виде диалектической формулы: от мифа к логосу (разуму), и от логоса к тишине и смерти. Миф–Логос–Тишина (в небытии и смерти) — неортодоксальная трактовка античной философии, которая может быть прочитана в философии Сократа–Платона–Аристотеля. Так, по словам антиковеда А. Цуркана, именно категория небытия является ключевой

и исходной для понимания многих древнегреческих философских систем, в которых небытие и смерть являются центральным ядром онтологии. «Опыт неортодоксального прочтения античной философии говорит о том, что главное достижение последней — это вывод, что «нечто» (бытие = идея = форма = мышление) есть лишь проявление ничто, один из бесконечного количества его модусов» [8, с. 178–179]. Именно смерть как переход в это великое ничто и служила объектом философской рефлексии многих мыслителей античного мира, что мы можем увидеть и в учениях древних киников.

Кинизм, основанный на трех перечисленных выше ключевых принципах, фактически призывал к самоотречению, отвергал цивилизацию и идеализировал первобытный образ жизни, что выражалось в почитании первобытного человека и Геракла и в неприятии Прометея. Этот призыв к отказу от всего человеческого, к преодолению себя через отречение от материальных благ и телесных потребностей, является, по сути, криком о смерти всего человечества. Киники видели в отказе от материального мира путь к свободе, а смерть или самоубийство — высшее проявление независимости. Мишель Фуко рассматривал кинизм как маргинальное явление античной мысли, возникшее в результате кризиса полисной системы, который привел к потере ориентиров и стремлению к смерти. Он анализировал примеры киников, таких как Деметрий и Перегрин, чтобы проиллюстрировать это стремление к смерти как центральный мотив их философии. В описании Фуко,

> *«Ничто не символизирует лучше противоположность этих двух персонажей — Перегрина, который скитается по средиземноморскому миру и отирается при всевозможных народных и религиозных движениях; и Деметрия, прекрасно вписавшегося в римскую аристократию, чем их отношение к смерти и к самоубийству. Неизвестно, как умер Деметрий, но мы знаем, поскольку об этом рассказывает Тацит, что Деметрий был советчиком при самоубийстве Трасеа Пета. Когда Трасеа Пету пришлось по приказу императора покончить с собой, Деметрий был единственным человеком, допущенным к нему. Трасеа Пет заперся с ним, и они, совершенно на сократовский манер, беседовали о бессмертии души. Типичное греко-римское самоубийство, вполне в традициях античной культуры, весьма философское и в то же время, полностью соответствующее практике, принятой в те времена в Риме и среди римской аристократии. А в противоположность этому перед нами самоубийство Перегрина. Ведь Перегрин убил себя, но сделал это совершенно иначе. Он сжег себя заживо в Олимпии, при этом, если верить Лукиану, который, напомним еще раз, предлагает весьма критический портрет, собрав вокруг себя людей и сделав из своей смерти что-то вроде всенародного праздника»* [6, с. 205].

Основываясь на представленном описании, киники предстают перед нами в двух ипостасях: либо как люди, добровольно ушедшие из жизни, либо как те, кто подталкивал к этому других. Разумеется, нельзя обобщать и утверждать, что все киники были сторонниками самоубийства. В истории философии можно найти представителей кинизма, не призывавших к смерти. Однако, в кинической традиции прослеживается явная тенденция к этому призыву, подтвержденная не только теоретическими рассуждениями, но и реальными поступками киников, зафиксированными в исторических источниках. Эта тенденция не является выдумкой, а отражает реальность, запечатленную в древних текстах.

А.Ф. Лосев в своем фундаментальном труде «История античной эстетики» наиболее полно раскрывает феномен стремления к смерти, анализируя логическую структуру древнего кинизма через четыре фазы его развития: «Киники базировались на примате чувственной действительности, что в развитой форме приводило к четырем основным логическим шагам философско-эстетической системы» [4, с. 102]. И эти важные четыре пункта, через которые и будет раскрыта танатологическая модель философии кинизма, это абсолютизация жизненного процесса, общая схематизация разума, девальвация жизненного процесса и автаркия.

Первое — абсолютизация жизненного процесса, примат чувственности и матери-

альности над разумом и духовным миром. Суть кинизма заключалась в превознесении жизненных процессов и чувственных, материальных аспектов над разумом и духовным началом. Эта абсолютизация жизни достигала у киников крайних форм, высвобождая их животную и чувственную природу. Они полностью подчинялись своим инстинктам и желаниям, не зная никаких запретов, и проповедовали существование, подобное животному, растворяясь в потоке жизни. Такое поведение, однако, было лишь первой ступенью кинической мысли, по которой часто судят обо всем течении. Изначально киник стремился к естественности и обожествлению жизни, но в процессе этой чрезмерной восторженности приходил к выводу о бессмысленности бытия, что становилось очевидным на более поздних этапах их философии.

Второе — схематизация и формализация разума, сознание как абстрактный принцип. Признавая жизненный процесс единственной реальностью, кинизм приводил к растворению в нем, что, в свою очередь, опустошало разум, лишая его содержательности. Разум, лишенный жизненной основы, утрачивал способность к формированию живых идей, низводя их до уровня абстрактных, изолированных единичностей. Это влекло за собой отрицание самобытной логики и редукцию понятий к простым обозначениям единичных объектов. Познание истинной сущности становилось невозможным, оставалась лишь возможность описания феноменального проявления. Отсутствие противоречий в мышлении постулировалось через однозначное соответствие между объектом и его наименованием. Абсолютизация жизни, лишившая мышление содержания, закономерно приводила к утверждению абсолютной единичности, сингуляризму и номинализму, представляя разум как tabula rasa.

Третье — обесценивание, девальвация жизненного процесса, в следствие первых двух процессов. Киники, абсолютизируя жизнь, опустошают свой разум и его идеи. Эти опустошенные идеи, применяемые киниками, начинают отрицать и разрушать сам первобытный, животный порыв, к которому они и стремились. В результате, весь жизненный процесс объявляется бессмысленным и отвергается. Поскольку всё в жизни преходяще и подвержено разложению, жизнь воспринимается как нестабильная и ненадежная. Киники, обращая свой безжизненный разум к миру, обнаруживают в жизненном потоке лишь одну порчу, безобразие и уродство, объявляя такое существование бессмысленным и крайне примитивным.

Четвертое — автаркия, абсолютная внутренняя свобода — высшая цель и конечный пункт всей философии кинизма. Автаркия, в понимании великого киника, — это духовное восхождение к полной свободе, где разум становится независимым от самой ткани жизни. Это самодостаточность мудреца, его отказ от всего сущего. Киник, отвергая жизненный поток во всех его формах, погружается в эйфорию своей свободы, которая для него означает неограниченное господство над чувственным и материальным. На этом пути он становится подобен пустыне, лишенной всяких привязанностей и желаний, которые могли бы его удержать. Для него жизнь и смерть сливаются в единое целое, и он встречает свою смерть — будь то добровольный уход или угасание — как финальный акт освобождения от оков чувственности и диктата социальности. Этот нравственный идеал очень напоминает концепт «Великого Отказа» Герберта Маркузе, которым явно руководствовались различные представители американской контркультуры.

Философские идеи кинизма в отношении смерти не исчезли из европейской культуры. Их влияние можно наблюдать в американской контркультуре, а именно в движении хиппи. Для понимания общих сходств кинизма и хиппи, стоит раскрыть аксиологию этого движения. Движение хиппи в США выходило за рамки простого стиля или молодежной моды, являясь полноценной альтернативной системой ценностей, которая бросала вызов господствующей культуре. Эти ценности возникли как ответ на социальные противоречия Америки 1960-х и отражали желание молодежи построить новую основу для жизни, как в обществе, так и на личном уровне.

Главной целью всего движения хиппи является достижение абсолютной духовной свободы (к этому же стремились и киники). В то время как американская традиция понимала свободу как гарантированные права и эконо-

мические возможности, хиппи придерживались более экзистенциального взгляда. Для них свобода была прежде всего внутренней, личной: свободой самовыражения, самореализации и выбора собственного жизненного пути. В бестселлере «Зеленеющая Америка», посвященном ценностям американской контркультуры 1960-х, Чарльз Рейх отмечает, что «для хиппи свобода означала прежде всего освобождение от репрессивных норм и стандартов общества потребления, от диктата корпоративной культуры и конформистской морали среднего класса» [10, с. 124].

Хиппи видели свободу в нескольких ключевых проявлениях. Физическая свобода означала возможность свободно перемещаться, что они часто реализовывали через автостоп, спонтанные путешествия и кочевой образ жизни. Сексуальная свобода подразумевала отказ от жестких социальных норм и табу в отношениях, продвигая идею «свободной любви». Ментальная свобода была связана с желанием выйти за пределы обыденного сознания, используя для этого медитативные практики и психоделические средства (расширение сознания с помощью ЛСД). Социальная свобода же находила свое воплощение в создании общин (коммун), где царили добровольность, отсутствие власти и взаимная поддержка. Дэниел Фарбер заявляет, что «для хиппи свобода была не абстрактным понятием, а повседневной практикой — они стремились жить так, как если бы свобода уже была реальностью, создавая в рамках существующего общества островки альтернативного мира» [9, с. 167]. Из культивирования свободы у хиппи вытекают и все остальные ценности, которые они поддерживают: антивоенные настроения и пацифизм, экологическая сознательность и отказ от потребительства, неприятие этики консьюмеризма.

При соотнесении идей древних киников и движения хиппи обнаруживает ряд сходств. Во-первых, это отказ от материальных и социальных ограничений. Киники стремились освободить свой дух от культурных табу древнегреческой цивилизации, а хиппи пытались обрести освобождение от токсичной этики культа потребления и гедонизма. Во-вторых, кинизм и хиппи роднит стремление к естественной простоте, что проявляется в сведении всех своих биологических нужд до абсолютного минимума. В-третьих, кинизм и идеология хиппи искали путь к обретению свой подлинности и пытались воспитать в себе идею абсолютной свободы через возвращение к природе и слияние с космическим универсумом. Наконец, ключевое, что необходимо подчеркнуть в рамках темы исследования, кинизм и хиппи объединяет общая танатологическая модель восприятия: понимание смерти как естественного процесса, который способен даровать человеку абсолютную свободу и подарить окончательный покой, освободив от всех страданий и социальных оков.

Заключение

Исторический опыт свидетельствует о том, что кинизм и движение хиппи возникали как реакция на кризисные этапы общественного развития, такие как закат полисной системы или формирование общества потребления и контркультуры. Вследствие этого, их жизненная философия, ставящая во главу угла естественность и природное бытие в противовес деструктивному социальному устройству, неизбежно приводила к сакрализации смерти. Смерть воспринималась как конечный приют и высшее проявление свободы. Изучая логику развития кинической идеи, мы обнаруживаем, что ее последовательное воплощение постулирует смерть и самоубийство как результат полного отрицания чувственно воспринимаемого мира и возвращения к естественному состоянию. Параллели между кинизмом и хиппи позволяют утверждать, что философия киников не утратила своей актуальности с падением античности, а, напротив, интегрируется в современную культуру и возрождается в периоды кризисов, неся идеи абсолютной свободы, отрицания общественных устоев и прославления смерти как высшей формы освобождения от социальных и биологических оков.

Литература:

1. Батай Ж. Гегель, смерть и жертвоприношение / Ж. Батай // Танатография эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994. — С. 245 — 268.

2. Бровкин В.В. Киники и эпоха эллинизма // Сибирский философский журнал. — 2018. — Т. 16, №3. — С. 192 — 203.

3. Зеленский Ф.Ф. История античных религий. — Том I–III. — СПб.: Алетейя, 2014. — 864 с.
4. Лосев А.Ф. История античной эстетики. — Том 2. Софисты. Сократ. Платон. – М.: Ладомир, 1994. – 714 с.
5. Нахов И.М. Антология кинизма. — М.: Наука, 1984. — 394 с.
6. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. — М.: Наука, 2014. — 358 с.
7. Чанышев А.Н. Философия древнего мира. — М.: Высшая школа, 2003. — 704 с.
8. Цуркан А.А. Пролегомены к неортодоксальному изложению античной философии // Вестник Воронежского Государственного университета. Серия: Философия. — 2012 — С. 172–179.
9. Farber D. The 60's: From Memory to History / D. Farber. — University of North Carolina Press, 1994. — 342 p.
10. Reich Ch. The greening of America / Ch. Reich. — Random House, 1970. — 399 p.

«YOUTH POLITICAL CULTURE»: FROM A CONCEPTUAL TERM TO A CATEGORICAL CONCEPT (HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT)

Shevchuk Nikita Vladimirovich, *Postgraduate student, Assistant, Department of Social Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Republic of Bashkortostan*

The problem of the formation of youth political culture, taking into account the peculiarities of the socio-cultural and national development of modern society, is a topic of research in various fields of Russian humanitarian thought: philosophy, sociology, political science, and others. This issue is also relevant for the international scientific and expert community. Attempts to understand the essential characteristics of the relationship between individuals and society can be traced back to ancient philosophical schools, and thinkers from the Middle Ages, the Renaissance, the Modern Era, and the Enlightenment have studied the issues of youth, the state, and their influence on each other. The article examines the formation of the category "youth political culture" as a scientific concept through a historical and philosophical analysis. The article structures the views of Socrates, Plato, Aristotle, Dulati, Rousseau, Campanella, and Hobbes on youth, social relations, politics, patriotism, social consensus, the role of public and state bodies in shaping the personalities of the younger generation, and state civil society. The article emphasizes that Herder was the first to use the term "political culture," and that Almond was the first to define it. The process of institutionalizing the category of "political culture" began with the works of Almond and Verba. Mannheim studied the political culture of young people. Montesquieu and Hegel considered nationality to be the basis of political culture, contributing to the content of political culture. Tenbruck believed that it was necessary to study the transformation that occurs with young people and society. The scientific value of the article lies in the consideration of the genesis and evolution of "youth political culture" from a conceptual term to a categorical concept. The purpose of the article is to establish the relationship between the philosophical positions of thinkers from antiquity to the 1950s and 1960s and the modern interpretation of youth political culture. The article provides examples of the consistency between philosophical ideas from different historical periods and the views of statesmen and political leaders on the issue of youth culture, including political culture, as a recognition of the objectivity of youth political culture.

Keywords: *political culture of young people; institutionalization of the category; social relations; political form of the state; historical consciousness; patriotic feelings; civil state society; nationality and political culture; young people and society; reforming society.*

EDN: JHMAIQ **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.22**

Цитировать: *Шевчук Н.В. «Политическая культура молодёжи»: от понятийного термина к категориальной концепции (исторический и философский аспект) // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 153-158. EDN: JHMAIQ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.22*

«Политическая культура молодёжи»: от понятийного термина к категориальной концепции (исторический и философский аспект)

УДК 323.2

5.7.7

© Шевчук Н.В., 2026

Проблематика формирования политической культуры молодёжи с учетом особенностей социокультурного и национального развития современного общества является темой исследований самых разных направлений отечественной гуманитарной мысли: философов, социологов, политологов и др. Проблема актуальна и для зарубежного научного и экспертного сообщества. Попытки понять сущностные характеристики взаимоотношения человека и общества уходят корнями еще в античные философские течения, мыслители Средневековья, эпохи Возрождения, Нового времени, эпохи Просвещения изучали вопросы молодёжи, государства и их влияния друг на друга. В статье рассматривается становление категории «политическая культура молодёжи», как научной, при историко-философском анализе. В статье структурируются в одну линию взгляды Сократа, Платона, Аристотеля, Дулати, Руссо, Кампанеллы, Гоббса на молодёжь, общественные отношения, политику, патриотизм, согласие в обществе, роли общественных и государственных органов в формировании личностей подрастающего поколения, на государственное гражданское общество. В статье делается акцент на то, что Гердер впервые ввёл в употребление словосочетание «политическая культу-

ШЕВЧУК Никита Владимирович,
аспирант, ассистент кафедры социальной работы, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Республика Башкортостан
SPIN-код: 9662-8100
ORCID: 0009-0007-1963-1805

ра», а определил его первый раз Алмонд. С работ Алмонда и Вербы начался процесс институционализации категории «политическая культура». Мангейм изучал политическую культуру молодёжи. Монтескьё, Гегель основой политической культуры рассматривали национальность, внося свой вклад в содержание политической культуры. Тенбрук считал, что следует изучать трансформацию, которая происходит с молодёжью и обществом. Научная новизна статьи заключается в рассмотрении генезиса и эволюции «политической культуры молодёжи» от понятийного термина к категориальной концепции. Целью статьи является установление взаимосвязи философских позиций мыслителей разных эпох — от античности до 50-60 годов XX века с современной трактовкой политической культуры молодёжи. В статье приводятся примеры согласованности философских исторически далёких рассуждений со взглядами государственных и политических деятелей на вопрос воспитания культуры молодёжи, в том числе политической, как осознание объективности политической культуры молодёжи.

Ключевые слова: *политическая культура молодёжи; институционализация категории; социальные отношения; политическая форма государства; историческое сознание; патриотические чувства; гражданское государственное общество; национальность и политическая культура; молодёжь и общество; реформирование общества.*

Формирование политической культуры молодёжи занимает не последнее место в умах учёных, работающих в области политической философии, так как политическая культура молодёжи влияет на социальные отношения в обществе, на сохранение его государственности, на реформирование общества. Происходит и обратное влияние политической формы государства, деятельности руководства страны, работы общественных и государственных институтов на формирование гражданской позиции членов молодёжной части общества, воспитание патриотизма представителей молодёжи, приобретение политических установок, влияющих на политическую идеологию и политические действия молодой личности. Идея написания статьи возникла в связи с желанием установления взаимосвязи трактовок современных философов, занимающихся политической культурой молодёжи, с идеями, изложенными нашими далёкими и не очень предшественниками. При чётко воспроизведённом временном историческом анализе наблюдается возникновение термина «политическая культура», его развитие, институционализация и становление философской категории, прочно вошедшей в социальные и политические науки. Эта линия позволяет найти пересечение с имеющимся сегодня философским пониманием политической культуры молодёжи и позицией нынешних государственных деятелей и президента России.

Исторический анализ начинаем с античных времён. Сохранились высказывания философа V века до н.э. Сократа. «Нынешняя молодёжь привыкла к роскоши, она отличается дурными манерами, презирает авторитеты, не уважает старших, дети спорят со взрослыми, жадно глотают пищу, изводят учителей». [9, с. 21] Это высказывание актуально и для некоторых представителей современной молодёжи. Однако устойчивое политическое развитие общества возможно в условиях общественных договорённостей, социального согласия, через результаты совместной социальной деятельности. Сократ критиковал афинскую демократию того времени; суть его высказываний сводится к тому, что правильная политика и справедливый вердикт определяются не мнением большинства, а подлинными знаниями и профессиональной компетентностью. Такая точка зрения античного мыслителя может быть девизом для формирования позитивной политической зрелости современной молодёжи. Следует согласиться с сутью высказывания Сократа, что образованность даёт возможность и яв-

ляется базовой потребностью для молодёжи, желающей участвовать в политической жизни государства.

Древнегреческий философ Платон (V-IV века до н.э.) изложил свою политическую философию в трудах «Государство», «Законы». Платон не разделял понятия общества и государства, возводя государство в важнейшую форму существования общества. Он считал государство реализацией естественной потребности человека в общении и совместной деятельности. Позиция Платона сводилась к тому, что государство должно регулировать все сферы жизни граждан, а для них естественным гражданским долгом должно быть участие в управлении государством. Задачу политического знания Платон видел в нахождении идеального устройства государства. Наивысшую форму государства он называл «полис» (город — государство) и считал, что полис является воплощением разума, справедливости и права и призван служить общему благу, защите и счастью свободных граждан. «Каждый гражданин несёт в себе черты и нравы того города — государства, в котором он живёт». «Степень развития личности гражданина и полиса взаимосвязаны». [7, с. 79-420] Таким образом, в основных положениях политического учения Платона находим подтверждение нашим убеждениям, что цивилизованные социальные отношения в обществе взаимосвязаны с политической культурой, в современном понимании, его сообществ, социальных групп и индивидов.

Древнегреческий философ Аристотель (384–322 гг. до н. э.) не отделял государство от природы, а человека от государства. «Государство принадлежит к тому, что существует по природе и что человек по природе своей есть существо политическое». «Очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чём, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством». [2, с. 9-10] Таким образом, в цитируемой работе «Политика» (335–322 гг. до н. э.) впервые в истории Аристотель выделил изучение общественных отношений в самостоятельную науку. Аристотель отличает идеальную платоновскую форму государственного устройства от реально возможной, являющейся более общей для всех государств. Изучение видов полисов Аристотелем заложило основы европейской политологии. Идеи Аристотеля о разных формах государственного устройства, связи между политической формой государства и социальной стабильностью, о гражданских обязанностях продолжали развивать представители западноевропейской философии.

Наследие античности важно для первоначального осмысления воззрений о политической культуре общества в качестве первого обобщения в философском смысле, способствующего осознанию объективности политической культуры молодёжи как важнейшей характеристики общества, выявлению механизмов её формирования и влияния на действия каждого индивида.

Мыслители Средневековья не оставили без внимания интересующий нас вопрос. В своей исторической хронике «Тарихи-и-Рашиди», написанной на персидском языке, государственный и политический деятель Мухаммед Хайдар Дулати (1499–1551 гг., Средняя Азия) описывает основы формирования гражданской культуры, которые опираются на нравственную константу. Выдающийся учёный считал, что вершиной воспитания является формирование гражданской личности с историческим сознанием, исполненной патриотических чувств. Убеждения мыслителя Средневековья о воспитании в юношах гражданских, воинских и патриотических традиций совпадают со взглядами передовых людей нашей страны на подготовку молодёжи к активной государственной и общественной деятельности. Приведём цитату из речи Президента России В.В. Путина на съезде «Движение первых» (26 марта 2025 г.): «Россия — страна, устремлённая в будущее на основе фундамента, заложенного предками».

Мыслители эпохи Возрождения высказывали новые идеи и создавали новые труды. Идеи гуманизма эпохи Возрождения были направлены на признание человека в качестве высшей ценности, которое не исключало ра-

венства всех людей; общество представлялось как естественно возникшее единство людей, необходимая среда существования человека. Яркий представитель эпохи Возрождения франко-швейцарский философ Жан Жак Руссо (1712–1778 гг.) рассуждал в своих трудах о взаимоотношении человека и общества и впервые детально разработал идею о том, что согласие в обществе является гарантией стабильности его демократичности. [8, с. 65] Идеалом гуманистов эпохи Возрождения была свободная, всесторонне развитая и нравственно совершенная личность, живущая в гармонии с природой. Томмазо Кампанелла (1568-1639 гг.), итальянский философ и социально-политический мыслитель, один из первых представителей утопического социализма, в трактате «Город солнца» проповедовал воспитание уважения к труду, выбор сферы трудовой деятельности в соответствии со склонностями и способностями, а также усиление роли общественных, государственных органов в воспитании подрастающего поколения. В этой связи можно привести пример из нашего обозримого настоящего. В Новой России 17 февраля 2004 года, в связи с проведением в Москве Всероссийского форума студенческих отрядов, посвящённого 45-летию их существования, произошло наиважнейшее событие, возрождение движения студенческих отрядов. Молодежной общероссийской общественной организации «Российские Студенческие Отряды» теперь уже более двадцати лет.

За эпохой Возрождения пришёл период западной мысли Нового времени, в котором философы начали отвергать метафизические объяснения окружающего мира и утверждали, что следует полагаться только на эмпирические доказательства и рациональное мышление. Одним из представителей политической философии в Новое время был Томас Гоббс (1588–1679) — английский философ, который разрабатывал идеи естественного (догосударственного) и государственного, или гражданского, состояния общества. [4, с. 183]

Французский философ Шарль Луи де Монтескьё (1689–1755), живший в эпоху Просвещения, предложил рассматривать национальный характер за основу политической культуры. По заключению Ш. Монтескьё, жара и плодородная почва Востока приводят к изнеженности и лености его жителей, их подчинению власти, а природа Запада стимулирует своенравие, рождает свободолюбие европейцев и зовёт к борьбе за существование. Таким образом, Ш. Монтескьё в сочинении «О духе законов» (1748 г.) [6, с. 271] выдвинул идею, что климат и географическое положение оказывают влияние на характер народов и формы правления, то есть политические действия людей не могут не зависеть от их национальности, привязанной в большинстве к определённой географической местности.

Немецкий философ — просветитель Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803 гг.), представитель позднего Просвещения, исследовал многие вопросы социальной философии: проблемы истории общества, морали, эстетики, разрабатывал теорию культуры и национального характера тоже, изучал проблемы взаимодействия культуры и политики. И. Гердер впервые употребил словосочетание «политическая культура». В его работе «Идеи к философии истории человечества» (1784 г.) есть упоминание о «зрелости политической культуры» и «носителях политической культуры», при этом мыслитель не дал научного определения этой философской категории. [3, с. 333, 339, 368] Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) — немецкий философ, создатель системы абсолютного идеализма, поддерживал идею национального стержня политической культуры.

Впервые определить понятие «политическая культура» как «совокупность ориентаций на целый ряд социальных объектов и процессов» [1, с. 28] предложил американский политолог Габриэл Абрахам Алмонд (1911–2002 гг.) в 1956 году. Другой американский политолог Сидней Верба (1932–2019 гг.), собственно говоря, придерживался такой же интерпретации политической культуры и считал, что «политическая культура — это то, что задаёт форму проявления связи между событиями в политике и поведением индивидов как реакцией на эти события. Дело в том, что, хотя политическое поведение индивидов и групп…является ответом на действия официальных лиц из правительства, войны, избирательные кампании и т.п., оно ещё в большей степени определяется тем (символическим) значением, которое придаётся ка-

ждому из этих событий людьми, их наблюдающими. Можно сказать, что это не более чем проявление того, как люди воспринимают политику и как они интерпретируют то, что видят». [11, с. 473] Таким образом, Г. Алмонд и С. Верба отвергали теорию национального характера политической культуры, ограничивая её индивидуальным сознанием. Вместе с тем, именно с их работ начался процесс институционализации категории «политическая культура», которая с середины 60-х годов XX века вошла в систему категорий социальных и политических наук.

В рамках данной статьи понятие политической культуры интересует нас больше в словосочетании «политическая культура молодёжи». В связи с этим, самым серьёзным образом на направление и содержание социально-философского подхода к проблеме, исследуемой в статье, повлияли сочинения немецко–британского философа и социолога Карла Мангейма (1893–1947 гг.) «Проблема поколений» (1928 г.) и «Диагноз нашего времени» (1943 г.), в которых К. Мангейм анализировал взаимодействие молодежи и общества. К. Мангейм подверг критике субъективизм в рассмотрении вопросов политической культуры молодёжи, который выражался в том, что политическая система отражается в знаниях, оценках, установках, политической ориентации её членов и выбора собственной роли и действий в системе. В своих исследованиях К. Мангейм разработал социально-философскую и социологическую концепцию молодежи в либерально-демократическом обществе («аутсайдерство», «атомический индивидуализм»). По мнению К. Мангейма, смена поколений происходит не только согласно исторической ритмике, каждое молодое поколение накапливает свой жизненный опыт, так как любое поколение является частью ограниченного исторического периода времени. Молодёжь выполняет, по мнению К. Мангейма, оживляющую функцию в социальной жизни, при этом, будучи не полностью вовлечённой в неё. Для того, чтобы молодёжь вносила существенную роль в реформирование общества, должен идти стимул от более старшей по возрасту части общества, в том числе в разрезе образования, которое не должно быть вневременным явлением, образование должно быть связано с анализом исторической ситуации и конкретными социальными условиями, в которых придётся действовать молодёжи.

К. Мангейм придавал особое значение формированию политической культуры молодёжи, национальной молодежной политике, организации молодежного движения, реформе образования. «Молодёжь ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она — потенция, готовая к любому начинанию». [5, с. 445-446] Именно поэтому прогрессивные социальные и политические деятели нашего времени понимают важность формирования политической культуры молодёжи современной России. От того, что общество заложит в умы современных детей, подростков, юношества, зависит будущее государства, ведь именно они станут его членами и будут развивать экономику, продвигать науку, принимать законы и укреплять международную позицию России. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин на декабрьском 2024 года заседании Госсовета отметил, что «молодёжь через 10-20 лет будет принимать активное участие в развитии страны, поэтому молодёжная политика крайне важна для России».

Процесс институционализации категории «политическая культура», запущенный Г. Алмондом, положил серьёзное начало социально-философскому подходу к политической культуре молодежи в конце 50-х — начале 60-х годов XX века. Немецкий социолог Фридрих Генрих Тенбрук (1919–1994 гг.), в одной из самых значимых в послевоенной немецкой философии работе по теории современной молодёжи «Молодежь и общество» (1962 г.), задачи социологии видел в изучении, обеспечении и регулировке транспортировки молодёжи в общество и культуру и изучении того, как справляется молодёжь и общество с трансформацией в результате этой транспортировки. Ф. Тенбрук пришёл к выводу, что молодёжь живёт в рамках особой субкультуры. «Молодость в сущности является промежуточной стадией, переходом, подготовкой к исполнению ролей взрослых, введением в культуру». [10, с. 121] Позиция, соответствующая современному пониманию формирования политической культуры молодёжи в нашей стране, согласовывается с рассуждениями и выводами Тенбрука и заключается в

постановке задач для семьи, среднего и профессионального образования, молодежных политических и общественных организаций и, в конечном итоге, государства с целью обеспечения качества вышеуказанной трансформации.

Заключение

Проведённый исторический анализ суждений, высказываемых мыслителями разных эпох, был нацелен на выявление синхронности взглядам современных философов на политическую культуру молодёжи. Эта выявленная всевременная схожесть отношений к воспитанию культуры молодёжи и встраивание молодёжи в политическую жизнь государства позволяет найти аналогию с молодёжной государственной политикой для выполнения поставленных перед ней задач.

Анализ базисных первоначал «политической культуры молодёжи», которые выступают предпосылкой к обоснованию изучения политической культуры молодёжи в философском аспекте, помогает понять сущность политической культуры молодёжи современной России, создать в дальнейших исследованиях её структуру, исследовать функциональность и факторы, влияющие на её содержание. Такой теоретико-методологический подход позволяет понять противоречия в формировании политической культуры современной российской молодёжи, выявить факторы позитивного её формирования и влиять на её трансформацию в нужном для гражданского общества направлении.

Литература:

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е.Г. Генделя. — М.: Мысль, 2014. — 500 с.

2. Аристотель. Политика (Власть: искусство править миром) / пер. с греч. С.А. Жебелева, Т.А. Миллер. — М.: АСТ, 2018. — 297 с.

3. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. — М.: Наука, 1977. — 702 с.

4. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. — М.: Азбука, 2022. — 704 с.

5. Мангейм К. Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — 700 с.

6. Монтескьё Ш.Л. О духе законов / пер. с фр. А. Горнфельда. — СПб.: Азбука, 2023. — 832 с.

7. Платон. Государство // Собрание сочинений: в 4 т. / пер. с др.-греч. А. Н. Егунова; под. общ. редакцией А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; вст. статья и ст. в прим. А.Ф. Лосева; прим. А.А. Тахо-Годи). — 2-е изд., перераб. и доп. — Т. 3. — М.: Мысль, 1994.– С. 79-420.

8. Руссо Ж. Об общественном договоре или принципы политического права / Ж. Руссо. — М.: ЮРАЙТ, 2025. — 146 с.

9. Смирнова М.В. Сократ. Жизнеописание, мировоззрение, цитаты: за 60 минут. — СПб.: Невский проспект, Вектор, 2007. — 185 с.

10. Tenbruck F. Jugend und Gesellschaft. — Freiburg, 1965. — 135 p.

11. Verba S. Conclusions: Comparative Political Culture / Pue L., Verba S. Political Culture and Political Development. — Princeton, 1965. — 516 p.

SOCIO-PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE INTERACTION OF MODERN LEGAL NORMS AND TRADITIONAL PRACTICES IN REGIONAL COMMUNITIES

Yurkova Ella Vladimirovna, *Postgraduate Student, North Caucasus State University, Stavropol*

This study analyzes the socio-philosophical foundations of the interaction between modern legal norms and traditional practices in regional communities, using the North Caucasus as an example. The relevance of this topic stems from the current strengthening of normative pluralism, the crisis of universalistic legal models, and the growing politicization of law in societies characterized by strong continuity of normative traditions. In this context, adat and sharia continue to play a significant role in regulating social relations, shaping collective identity, and legitimizing public order, necessitating their analysis beyond a strictly institutional or positivistic interpretation. The study aims to identify the socio-philosophical conditions under which traditional legal practices can interact with modern state law without losing their regulatory and identifying functions, while simultaneously promoting social stability and justice as perceived by local communities. The purpose of this study is to analyze law as a sociocultural phenomenon, reconstruct the genesis of legal pluralism in the North Caucasus, and interpret contemporary forms of coexistence, complementarity, and tension between normative systems. The study utilizes a socio-philosophical approach to law, integrating ideas from the philosophy of law, legal anthropology, and theories of legal pluralism, as well as a historical and comparative analysis of traditional and modern normative forms. Particular attention is paid to the axiological and symbolic frameworks structuring the legitimacy of law. The results demonstrate that adat and sharia represent specific forms of normative rationality, the targeted integration of which into the modern legal landscape strengthens the social legitimacy of law and regional political stability. The study demonstrates that legal pluralism does not appear as a threat to the unity of the legal order, but as an important resource for building a culturally rooted and socially sustainable normative space.

Keywords: *legal pluralism; social philosophy of law; adat; Sharia; legal traditions; modern legal norms; North Caucasus; social legitimacy of law; regional regulatory framework.*

EDN: JLBUCJ **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.23**

Цитировать: *Юркова Э.В. Социально-философские основания взаимодействия современных правовых норм и традиционных практик в региональных сообществах // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 159-166. EDN: JLBUCJ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.23*

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ И ТРАДИЦИОННЫХ ПРАКТИК В РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ

УДК 316.334
5.7.7

© Юркова Э.В. , 2026

Данное исследование посвящено анализу социально-философских основ взаимодействия современных правовых норм и традиционных практик в региональных сообществах на примере Северного Кавказа. Актуальность темы обусловлена современным усилением процессов нормативного плюрализма, кризисом универсалистских правовых моделей и растущей политизацией права в обществах, характеризующихся сильной преемственностью нормативных традиций. В этом контексте адат и шариат продолжают играть значительную роль в регулировании социальных отношений, формировании коллективной идентичности и легитимизации общественного порядка, что требует их анализа за пределами строго институциональной или позитивистской интерпретации. Исследование направлено на выявление социально-философских условий, при которых традиционные правовые практики могут взаимодействовать с современным государственным правом, не теряя своей регулирующей и идентификационной функции, одновременно способствуя социальной стабильности и справедливости, воспринимаемой местными сообществами. Цель исследования — проанализировать право как социокультурный феномен, реконструировать генезис правового плюрализма на Северном Кавказе и интерпретировать современные формы сосуществования, взаимодополняемости и напряженности между нормативными системами. В исследовании используется социально-философский подход к праву, интегрирующий

идеи из философии права, правовой антропологии и теорий правового плюрализма, а также историко-сравнительный анализ традиционных и современных нормативных форм. Особое внимание уделяется аксиологическим и символическим рамкам, структурирующим легитимность права. Результаты показывают, что адат и шариат представляют собой специфические формы нормативной рациональности, целенаправленная интеграция которых в современный правовой ландшафт укрепляет социальную легитимность права и региональную политическую стабильность. Исследование демонстрирует, что правовой плюрализм предстает не как угроза единству правового порядка, а как важный ресурс для построения культурно укорененного и социально устойчивого нормативного пространства.

Ключевые слова: *правовой плюрализм; социальная философия права; адат; шариат; правовые традиции; современные правовые нормы; Северный Кавказ; социальная легитимность права; региональное нормативное регулирование.*

ЮРКОВА Элла Владимировна,
аспирант, Северо-Кавказский государственный университет, Ставрополь
SPIN-код: 9297-3207
ORCID: 0009-0000-2906-8138
ResearcherID: PDW-0634-2025

Введение

Право является одной из фундаментальных культурных сфер общества, без которой невозможно представить ни этнокультурную, ни политико-правовую идентичность личности. Как специфическая форма социального регулирования, оно кристаллизует исторически определённые ценности, нормы и представления, обеспечивая непрерывность сообществ и сопровождая их трансформации. В этом контексте анализ права вне его историко-культурной основы — особенно когда речь идёт об обществах с сильной нормативной традицией — неизбежно приводит к обедненному пониманию его природы и функций. Изучение взаимодействия современных правовых норм и традиционных практик (адат и шариат) в региональных сообществах Северного Кавказа имеет особое теоретическое и практическое значение как для социальной философии, так и для философии права.

Проблема сосуществования и переплетения нескольких нормативных систем в одном и том же социальном пространстве — обозначенном с конца XIX века понятием правового плюрализма — изначально была сформулирована в работе М.М. Ковалевского, который уже подчеркивал невозможность свести «кавказское право» к простому до-модернистскому существованию или препятствию для модернизации права [7]. Этот подход был расширен в XX веке исследованиями в области правовой антропологии и социологии права, которые подчеркнули устойчивость традиционных нормативных форм в контекстах государственной интеграции и правовой централизации. Однако эти исследования чаще всего сосредоточены на эмпирическом описании обычных или религиозных норм, оставляя их социально-философские и аксиологические основы в тени.

В современное время интерес к этому вопросу возрос из-за процессов глобализации, кризиса универсалистских правовых моделей и растущей политизации права. Работа Г.В. Мальцева, Д.Ю. Шапсугова [10], а также недавние исследования, опубликованные в журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science, подчёркивают тенденцию к стиранию этических, религиозных и культурных определений современного права в пользу абстрактной и функциональной нормативности. В то же время недавние исследования в области социальной философии показывают, что традиционные правовые практики продолжают играть структурирующую роль в регулировании социальных отношений, особенно в региональных и периферийных обществах, где они способствуют социальной стабильности и легитимизации власти [14].

Исследование направлено на выявление социально-философских основ взаимодействия современного государственного права и традиционных правовых практик в региональных сообществах на примере Северного

Кавказа. Центральный исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: в какой степени и при каких условиях традиционные нормативные практики могут быть интегрированы в современную правовую систему без потери своей идентичности и регуляторной функции, и как это взаимодействие влияет на социальную стабильность и справедливость, воспринимаемую местными сообществами.

Для достижения этой цели исследование использует междисциплинарную методологию, объединяющую социофилософский анализ, историко-сравнительный подход и методы философии права. Концептуальный анализ дополняется критическим прочтением исторических источников и современных работ, что позволяет проследить эволюцию научного дискурса о правовом плюрализме — от первых формулировок до современных дебатов.

По структуре первая часть исследования посвящена теоретическому анализу права как социокультурного явления и генезису правового плюрализма; вторая часть рассматривает исторические и философские особенности адата и шариата в контексте Северного Кавказа; третья часть предлагает социально-философскую интерпретацию современных форм взаимодействия между современными нормами и традиционными практиками; в заключение подводится итог полученных результатов и изложены перспективы будущих исследований.

Таким образом, исследование призвано показать, что обращение к традиционным правовым практикам не является ни архаизмом, ни вызовом современному правовому порядку, а напротив, представляет собой важный ресурс для построения плюралистического, культурно укоренённого и социально легитимного нормативного пространства в современных региональных сообществах.

Результаты и обсуждение

Обычное право является фундаментальным явлением традиционной культуры, главным образом обеспечивающим устную передачу социально-нормативной информации и регуляторного опыта, накопленного сообществом. Этот опыт, закреплённый в предыдущем опыте и закреплённый традицией, оказывается исторически адекватным к природной среде, образу жизни и системе ментальных представлений этносоциальных групп. В традиционных обществах Северного Кавказа обычное право является универсально обязательным и предписывающим; он остаётся неотделимой от моральных и этических императивов, заложенных в обычаи, традициях и ритуалах.

Единство правового и нравственного институционализируется через специфические морально-этнические кодексы — такие как *адыгаге* (адигюити), *апсуара* (абхазизм), *нохчалла* (чечня) — которые служат матрицами идентичности и самовоспроизводящимися механизмами этнообщества. Эти нормативные системы не ограничиваются регулированием индивидуального поведения; они структурируют общественный порядок в целом, гарантируя символическую и нормативную преемственность группы [14].

С этой точки зрения обычное право выполняет несколько основных социокультурных функций: — интегративное, организуя семейные и внутриэтнические отношения; — умиротворяющее, регулирующее взаимодействие с другими сообществами и этническими группами; — коммуникационное через передачу однородного набора запретов, ценностей и предписаний в социальных взаимодействиях; — идентификационное, служа основой для осознания принадлежности к определённому социокультурному сообществу.

Эти функции объясняют, почему обычное право с самых ранних периодов до наших дней остаётся значимым фактором социальной, культурной и политической стабильности Северного Кавказа.

Адат (от арабского *ʿāda* — обычай, употребление) — это набор обычных норм, разработанных и передаваемых из поколения в поколение, составляющих корпус популярных правовых практик, охватывающих наследственную, семейную, социальную и символическую сферы. Это право на саморегулирование, сформированное веками коллективного опыта и основанное на том, что воспринимается как мудрость народа. Некоторые из его стандартов до сих пор сохраняют функциональную актуальность в местных сообществах.

Эффективность адата по сравнению с государственным законодательством, которое

часто нестабильно и часто изменяется, во многом объясняется особенностями традиционной северокавказской культуры, типологически близкой к тому, что культурная антропология называет «культурой стыда». В такой культуре индивид ориентирован на максимальную лояльность своей группе, что монополизирует оценку его поступков, чести и достоинства. Эта аксиологическая конфигурация определяет традиционные формы регулирования и процедурных механизмов, связанных с кровными враждами, гостеприимством, *куначеством* и другими практиками социального умиротворения.

Исторический опыт также показывает, что свобода, регулируемая исключительно адатами, могла превратиться в неконтролируемую волю или даже нормативную анархию, явление, наблюдавшееся до конца XX века. Согласно данным учёных, в начале XIX века каждый союз *тейпов (тукхумов)* имел свой собственный корпус адатов; гражданские дела обычно рассматривались по шариату, а уголовные — по адату. Адаты вайнахских народов были записаны на русском языке и опубликованы в 1882 году, представляя собой юридический и этнографический источник первого порядка [11, с. 112–118].

Эволюция северокавказского обычного права происходила в контексте множественных культурных и религиозных взаимодействий. Влияние христианства — особенно среди осетинов и казачьих общин — а затем растущее влияние ислама способствовало постепенной трансформации традиционных юридических представлений. Этот процесс привёл к появлению синкретических форм нормативности, где пересекаются обычные, религиозные и государственные элементы.

Под влиянием шариата и коллективного осознания необходимости ограничить разрушительную спираль кровной вражды адаты постепенно интегрировали принцип личной ответственности. Сфера мести, ранее распространявшаяся на всю родословную, была ограничена близкими родственниками преступника и жертвы. Обычные нормы также выработали сложные юридические различия: между добровольным и непреднамеренным убийством, покушением, подстрекательством, а также различными классификациями преступления.

Обычное право народов Северного Кавказа одновременно выступает как архаичный институт и как устойчивый, развивающийся и структурный механизм правового развития этносоциальных групп региона. Её традиционный характер не подразумевает неподвижность или несовместимость с современными формами нормативности. Наоборот, анализ исторических преобразований позволяет установить, что без отношений, основанных на обычном праве, стабильное, непрерывное и законное социальное развитие северокавказских обществ невозможно.

Историческое развитие традиционных правовых институтов Северного Кавказа отличается его уникальным характером. В XVII и XVIII веках была сформирована северокавказская горная цивилизация, отмеченная полиэтничностью, религиозным синкретизмом (сочетанием языческих, христианских и исламских элементов), специфическими психологическими чертами, изложенными в этических кодексах, и преобладанием негосударственных — но не догосударственных — форм социальной самоорганизации [6, с. 41–47]. Именно в этот период были сформированы первые органы государственной власти, и был установлен юридический дуализм, основанный на формуляции адата и шариата [15, с. 63–69].

С конца XVIII века началась то, что научная литература называет «эрой шариата», связанной, в частности, с имаматом Шамиль. Эта модель была особенно распространена в горном Дагестане, где функционировали местные суды (*байт аль-карья, байт ру'аса'*) и судьи (ру'аса, укала'), компетентные как в обычном, так и в мусульманском праве. Таким образом, региональная социально-нормативная культура развивалась в контексте сложной взаимной адаптации обеих систем.

Этот этап отличался прогрессивной тенденцией к превосходству шариата над адатом: несколько горных *джаматов* заменили обычные гражданские нормы исламскими предписаниями, ввели судебную иерархию и право на апелляцию решений деревенских судов. В то же время некоторые карательные нормы шариата были адаптированы к местным реалиям горного Дагестана и Чечни [8, с. 118–125]. Эти трансформации свидетельствуют о высокой способности к нормативной

корректировке в условиях конкретных социальных требований.

Реформа 1860–1868 годов, проведённая в рамках административной интеграции Северного Кавказа в состав Российской Империи, ввела частичную кодификацию и ограниченную модернизацию обычного права. Основные принципы были изложены в «Специальной инструкции по управлению горцами», составленной под руководством А.И. Барятинского. Некоторые архаичные нормы адат, несовместимые с имперским правом, были запрещены [4, с. 201–207]. Тем не менее, в XIX веке мусульмане в дореволюционной Кабардии продолжали часто использовать адат, в том числе в вопросах семьи, наследования и гражданского права, что обычно объясняется относительной задержкой исламизации региона [5, с. 89–94].

Вопрос сохранения нормативной значимости адата и шариата в современной жизни народов Северного Кавказа остаётся центральным. В 1990-х годах политический поворот в сторону поддержки «полезных адатов» способствовал возрождению адато-шариатских традиций, сопровождавшей процессы региональной реконструкции идентичности.

Негативная динамика, наблюдаемая сегодня — распространение символов исламского фундаментализма, таких как «Исламское государство», «джихад», «ваххабизм», — может быть интерпретирована как следствие стирания популярных правовых представлений государственными институтами и отсутствия знаний о мусульманской правовой традиции, исторически укоренённой в регионе. В условиях крайнего насилия некоторые юридические обычаи исчезли, а другие претерпели глубокие преобразования. Анализ имеющихся данных приводит к выводу, что учет местных правовых традиций может либо способствовать эскалации, либо, наоборот, способствовать «замораживанию» конфликтов, в зависимости от модальностей их интеграции в официальное нормативное пространство.

Возрождение исламской религиозности и традиционализма было усилено за последнее десятилетие. Например, бывший президент Республики Ингушетия Р.С. Аушев говорил о необходимости учитывать местные особенности федерального законодательства, включая крайние практики, такие как кровные враждебности. На западе и в центральной части Северного Кавказа наблюдается возрождение ограниченных форм полигамии, ранних браков и оплаты брачных сборов. Хотя эти практики не признаются российским законодательством, слабость правоохранительных органов иногда приводит к их фактической терпимости, поскольку они воспринимаются как органичные элементы региональной жизни.

Что касается шариата, его влияние на социальную, культурную, религиозную и экономическую жизнь региона неоднозначно. Его фундаментальные источники — Коран и Сунна — предписывают отказ от «обычаев предков» в пользу исламских норм. Однако текстуальный анализ показывает, что из 6 219 стихов около 500 посвящены правилам поведения, а менее 80 можно назвать строго законными, главным образом в вопросах брака и семьи. Сунна дополняет эти предписания, предоставляя нормы, касающиеся брачного, наследственного, испытательного и судебного права, выступая как совокупность нормативных практик, которые обогащают, а не заменяют местные традиции.

В контексте Северного Кавказа шариат выделяет пять категорий действий, которым приписывается эквивалентное нормативное и моральное значение: обязательные, рекомендуемые, разрешенные, осуждаемые без санкции и строго запрещенные, караемые наказанием. Эта типология иллюстрирует концепцию нормативности, в которой верховенство закона не сводится к внешнему предписанию, а является частью глобального аксиологического горизонта, структурирующего поведение верующего.

Важной особенностью мусульманского права является его конфессиональный принцип: его нормы применяются исключительно к мусульманам и регулируют отношения между ними, независимо от их территориального положения. С этой точки зрения шариат отдаёт предпочтение религиозной принадлежности в ущерб территориальному критерию, что позволяет сегодня рассматривать его как особую форму транснациональной правовой системы.

Новые подходы к изучению традиционного права в северокавказских обществах подчеркивают социальную и политическую пользу юридического плюрализма, который

имеет свои объективные законы функционирования, развития и адаптации к социальной реальности. Как отметил А.Н. Смирнов, Северный Кавказ проходит через сложную фазу внутреннего самоопределения, отмеченную усилением этнорелигиозных процессов и большим разнообразием социокультурных, политико-правовых и идеологических традиций [16, с. 40]. В этом контексте интеграция традиционных норм на местном уровне способствует разработке и реализации социально-экономических программ, отвечающих интересам широких слоёв населения, поддержанию лояльности республик к федеральному центру и сохранению социального порядка и безопасности.

Существует множество примеров того, как в условиях повсеместной коррупции и дисфункциональных государственных институтов институционализация традиционных правовых ценностей в местном самоуправлении привела к глубокой трансформации экономической и повседневной жизни деревень и районов. Местные администрации, сформированные на демократической основе, сегодня организуют и регулируют общественную жизнь на основе проверенных историко-культурных и социально-правовых норм.

Общественная собственность (*джамаат*), коллективный труд, взаимопомощь, индивидуальная ответственность и справедливое распределение результатов общей деятельности органически интегрированы в систему традиционных социально-экономических отношений региона. Благодаря этой общественной организации, северокавказские общества смогли противостоять процессам спекулятивной приватизации и фрагментации сельскохозяйственных земель, которые под влиянием адато-шариатских норм приобрели статус неделимых общинных земель (*харим*). Во многих населённых пунктах права на управление этими землями теперь осуществляются самими джамаатами, а фермы тесно связаны со структурами местного самоуправления, организуя социальную, политическую, культурную и религиозную жизнь общин [3, с. 18].

Распространение дебатов вокруг восстановления шариатских судов, полигамии, советов старейшин или учреждения *маслиата* свидетельствует о объективном и устойчивом характере социокультурных норм, характерных для региона. Как отмечает В.Т. Азизова, социокультурный подход постепенно становится центральной методологической парадигмой, позволяющей расширять понимание права, его происхождения, эволюции и перспектив [1, с. 12]. Однако, несмотря на возможности, предоставляемые федеральным законодательством, конкретные организационные формы местного самоуправления остаются в значительной степени стандартизированными и механически воспроизводят нормы федерального права, не отражая социокультурную специфику территорий.

Отсутствие автономных местных правовых оснований, адаптированных к интересам и ценностям народа, ограничивает эффективность самоуправления. Как отметили А.М. Муртазалиев и М.А. Мирзаев, ряд основных законов, предусмотренных основным законодательством, до сих пор не приняты, особенно в области муниципального управления земельными ресурсами и делегирования государственных полномочий [13, с. 15]. Эта ситуация сохраняет зависимость муниципалитетов от государственной власти.

В этом контексте традиционная правовая культура Северного Кавказа — основанная на взаимодействии адат, *узденства, маслята,* шариатских норм и российского позитивного права — становится неотъемлемой эволюционной составляющей регионального социально-политического развития. Как отмечает А.А. Ливеровский, гармоничная интеграция различных правовых культур в российской правовой системе возможна при условии уважения местных нормативных субкультур и их социокультурных основ [9, с. 7]. Современные процессы реорганизации шариатских судов в ряде республик Северного Кавказа подтверждают социальный спрос на эти институты, которые даже без официального признания способствуют снижению конфликтов и укреплению социальной стабильности.

На основе проведённого анализа можно сделать вывод, что нынешняя реформа российской политико-правовой системы глубоко изменила роль местного самоуправления в северокавказских обществах. Процессы институционализации традиционного права являются определяющим фактором легитимизации власти, консолидации правового плюрализма и поддержания стабильного

общественного порядка, основанного на соответствии правовых норм и доминирующих моральных ценностей общества.

Заключение

Социофилософский анализ, проведённый в данном исследовании, позволяет выявить набор концептуально согласованных результатов, подчёркивающих решающую роль правового плюрализма в структурировании социальных и политических отношений внутри региональных сообществ Северного Кавказа. Изучение права за пределами его строго институционального измерения, как исторически укоренившегося социокультурного явления, позволило более тонкое понимание механизмов взаимодействия между современными правовыми нормами и традиционными практиками, такими как адат и шариат. Похоже, что последние — это не архаичные остатки и не конкурирующие системы государственного права, а специфические формы нормативной рациональности, интегрированные в образ жизни, ценности и коллективные представления местных обществ.

Полученные результаты показывают, что эффективность регулирования и социальная легитимность права в обществах Северного Кавказа во многом зависят от степени соответствия формальных правовых предписаний и исторически сформулированных моральных, этических и культурных норм. Адат, как саморегулирующаяся нормативная система, и шариат, как конфессиональный закон с сильным аксиологическим зарядом, образуют сложное нормативное поле, отмеченное процессами комплементарности, частичной конкуренции и взаимной адаптации. Их историческое и современное взаимодействие породило формы правового синкретизма, позволяя поддерживать социальный баланс, предотвращать эскалацию конфликтов и обеспечивать нормативную преемственность в контекстах политической и институциональной трансформации.

Особое внимание к функционированию местного самоуправления позволило установить, что процессы институционализации традиционных норм являются ключевым фактором эффективной демократизации и стабилизации региональных социально-политических систем. Обоснованная интеграция традиционных правовых практик в механизмы местного управления укрепляет доверие людей к государственным институтам, способствует гражданскому участию и способствует легитимизации власти. В этом отношении юридический плюрализм предстает не как угроза единству правового пространства государства, а как ресурс для адаптации права к конкретным социокультурным реалиям, не ставя под сомнение конституционные основы.

Таким образом, исследование делает вывод, что устойчивое развитие региональных сообществ в многонациональном и поликонфессиональном государстве зависит от способности правовой системы интегрировать нормативное разнообразие как составляющий элемент своей жизнеспособности. Полученные результаты служат теоретической основой для разработки более регионально чувствительных правовых и институциональных политик, а также для будущих сравнительных исследований моделей правового плюрализма в других культурных контекстах. В этом смысле принятая социально-философская перспектива не ограничивается описательной интерпретацией права, а открывает нормативный и практический горизонт для размышлений о современных формах сосуществования между юридической современностью и культурной традицией.

Литература

1. Азизова В.Т. Социокультурный аспект исследования Северного Кавказа как правового пространства / В.Т. Азизова // Юридический вестник ДГУ. — 2013. — №2. — С. 9–15.
2. Блие М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России / М.М. Блие // История СССР. — 1991. — №6. — С. 67.
3. Бобровников В.О. Колхозы и ислам в современном Дагестане / В.О. Бобровников // История и современность. — 1996. — №3. — С. 78–92.
4. Данилевский Н.Я. Кавказ и его горские жители в нынешнем положении / Н.Я. Данилевский. — М.: Университетская типография, 1846. — 187 с.
5. Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев / Х.М. Думанов. — Нальчик: Эльбрус, 1976. — 139 с.
6. Ковалевский М.М. Дагестанская народная правда / М.М. Ковалевский // Этнографический обзор. — 1890. — №1. — С. 1–38.
7. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон / М.М. Ковалевский. — М.: Типография А.И. Мамонтова, 1886. — 312 с.

8. Кодекс Шамиля. — Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1992. — 50 с.

9. Ливеровский А.А. Перспективы претворения шариата и адата в современной России / А.А. Ливеровский // Юридический вестник ДГУ. — 2012. — № 2. — С. 5–11.

10. Мальцев Г.В., Шапсугов Д.Ю. Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики / Г.В. Мальцев, Д.Ю. Шапсугов. — Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1999. — 256 с.

11. Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право и суд в Российской социалистической системе права / З.Х. Мисроков // Научная мысль Кавказа. — 2001. — №2. — С. 45–52.

12. Мисроков З.Х. Страницы истории. Феномен адатского и мусульманского права народов Северного Кавказа в процессах трансформации российской государственности (XIX — начало XXI вв.) / З.Х. Мисроков. — М.: Наука, 2002. — С. 110–115.

13. Муртазалиев А.М., Мирзаев М.А. Вопросы теории и практики реформирования института местного самоуправления в Российской Федерации / А.М. Муртазалиев, М.А. Мирзаев // Юридический вестник ДГУ. — 2012. — №3. — С. 12–18.

14. Поздняков Э.А. Философия государства и права / Э.А. Поздняков. — М.: Юрист, 1995. — 304 с.

15. Садагдар М.И. Основы мусульманского права / М.И. Садагдар. — М.: Наука, 1968. — С. 49–53.

16. Смирнов А.Н. Эпические контуры северокавказской геополитики / А.Н. Смирнов // Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — №5. — С. 35–45.

The internet of things in the digital development of healthcare and preventive medicine

Aleksakhina Svetlana Aleksandrovna, *Senior Lecturer, Department of Digital Economics*

Borodina Natalia Aleksandrovna, *Senior Lecturer, Department of Computer Science and Information and Communication Technologies*

Gorshkova Anastasia Anatolyevna, *Senior Lecturer, Department of Information Management named after Professor V.V. Dick*

Moscow University "Synergy" Moscow

In today's environment, traditional healthcare systems face increasing pressure on medical institutions, limited financial and infrastructural resources, a shortage of qualified personnel, and the high cost of medical care. These circumstances are stimulating the implementation of a preventive medicine concept based on digital technologies and continuous monitoring of patient biometrics. Internet of Things (IoT) technologies are a key component in implementing this concept, and therefore the aim of this study is to evaluate the application of the Internet of Things in Russian and international medical practice. The research methods used included bibliographic analysis and benchmarking of implemented Internet of Medical Things (IoMT) solutions, aimed at comparatively analyzing their functionality, architecture, scale of application, and achieved results. The study results concluded that the IoMT market is demonstrating steady growth both globally and in Russia. However, despite the expanding application of medical IoT technologies, there remains a lack of sufficient comparable, reliable, and standardized publicly available data on the scale of implementation, clinical effectiveness, and outcomes of IoMT. This lack of empirical information significantly limits the ability to systematically share knowledge between developers, research centers, and medical organizations, reducing the reproducibility and portability of technological solutions. Key constraints to the widespread adoption of IoMT also include regulatory barriers, insufficient infrastructure for processing large volumes of data, security issues regarding personal and medical data of patients, and the pilot nature of most IoMT initiatives, implemented in individual medical organizations or regions, without large-scale industrial implementation.

Keywords: *digitalization; Internet of Things; healthcare; IoMT; smart hospitals.*

EDN: JVBPFW ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.24***

Цитировать: *Алексахина С.А., Бородина Н.А., Горшкова А.А. Интернет-вещей в цифровом развитии отрасли здравоохранения и превентивной медицины // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 167-174. EDN: JVBPFW. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.24*

УДК 338.46
5.2.3

Интернет-вещей в цифровом развитии отрасли здравоохранения и превентивной медицины

© Алексахина С.А., Бородина Н.А., Горшкова А.А., 2026

АЛЕКСАХИНА Светлана Александровна,
старший преподаватель
SPIN: 5923-7516
ORCID: 0009-0006-8432-8178

БОРОДИНА Наталья Александровна,
старший преподаватель
ORCID: 0009-0004-7693-3349

ГОРШКОВА Анастасия Анатольевна,
старший преподаватель
ORCID: 0009-0007-4030-0103

Московский университет "Синергия", Москва

В современных условиях традиционная система здравоохранения сталкивается с усиливающейся нагрузкой на медицинские учреждения, ограниченными финансовыми и инфраструктурными возможностями, нехваткой квалифицированного персонала и высокой стоимостью оказания медицинской помощи. Эти обстоятельства стимулируют внедрение концепции превентивной медицины, которая опирается на использование цифровых технологий и непрерывный мониторинг биометрических показателей пациентов. Важнейшей составляющей реализации этой концепции являются технологии Интернета вещей (IoT), в связи с чем целью исследования является оценка направлений использования интернета вещей в российской и зарубежной медицинской практике. В качестве методов исследования выступили библиографический анализ, а также бенчмаркинг внедрённых решений Интернета медицинских вещей (IoMT), направленный на сравнительный анализ их функциональности, архитектуры, масштабов применения и достигнутых результатов. Результаты исследования позволили сделать вывод, что рынок IoMT демонстрирует устойчивый рост как на глобальном уровне, так и в России. Однако, несмотря на расширение сферы применения медицинских технологий Интернета вещей, в открытом доступе по-прежнему отсутствует достаточный объём сопоставимых, достоверных и стандартизированных данных о масштабах внедре-

ния, клинической эффективности и результатах использования IoMT. Указанный дефицит эмпирической информации существенно ограничивает возможности системного обмена знаниями между разработчиками, исследовательскими центрами и медицинскими организациями, снижая воспроизводимость и переносимость технологических решений. В качестве основных ограничений широкого внедрения IoMT также можно выделить нормативно-правовые барьеры, недостаточную инфраструктуру для обработки больших объёмов данных, вопросы безопасности персональных и медицинских данных пациентов, а также пилотный характер большинства IoMT-инициатив, реализуемых в отдельных медицинских организациях или регионах, без масштабного промышленного внедрения.

Ключевые слова: *цифровизация; интернет вещей; здравоохранение; IoMT; «умные» больницы.*

Введение

На современном этапе традиционная модель организации системы здравоохранения сталкивается с комплексом системных проблем обусловленных нарастающей нагрузкой со стороны пациентов, ограниченностью инфраструктурных и финансовых ресурсов, дефицитом квалифицированного персонала и высокой стоимостью лечения. В совокупности эти факторы способствуют развитию современных инструментов, ориентированных на повышение эффективности оказания медицинских услуг. Одним из таких инструментов выступает концепция превентивной медицины, реализуемая в рамках Национального проекта «Новые технологии сбережения здоровья». Концепция превентивной медицины предполагает применение современных цифровых технологий, позволяющих обеспечить сбор и анализ биометрической информации в реальном времени. В развивающейся модели превентивной медицины акцент смещается с реактивного лечения на систематическое мониторирование состояния здоровья и выявление индивидуальных траекторий риска.

Реализация данного подхода становится возможной в рамках модели цифровой медицины, основанной на использовании технологий Интернета медицинских вещей, телемедицинских платформ и аналитики больших данных [11, с. 9]. В рамках данной модели цифровое здравоохранение обеспечивает возможность системного внедрения профилактических мероприятий за счёт раннего выявления факторов риска и прогнозирования вероятности развития заболеваний, что создаёт основу для перехода к концепции превентивной медицины, в которой цифровые технологии выступают ключевым инструментом ранней диагностики и мониторинга состояния здоровья. Ключевым элементом функциональной инфраструктуры превентивной медицины становятся технологии Интернета вещей (IoT), обеспечивающие постоянный поток биометрической информации. Их использование позволяет формировать персонализированные профилактические стратегии, нацеленные на предупреждение развития заболеваний до проявления клинических симптомов. Использование IoT способствует ранней диагностике заболеваний, точной персонализации терапии и снижению нагрузки на медицинские учреждения за счёт дистанционного мониторинга и автоматизированного анализа данных.

Анализ научной литературы [2; 3; 4] демонстрирует значительный рост интереса к внедрению технологий Интернета вещей (IoT) в сферу здравоохранения. В работах [1; 5] раскрываются технологические возможности применения IoT в здравоохранении, организационные и правовые барьеры, возникающие при интеграции в клиническую практику. Так, Е.И. Аксеновой [2; 3] на основе исследования вопросов оценки зрелости и динамики внедрения IoT-технологий в практику здравоохранения сделан вывод о том, что широкое внедрение IoT стало возможным благодаря снижению стоимости доступа в интернет, увеличению вычислительных мощностей и распространению облачных платформ. Особое внимание Е.И. Аксеновой [2; 3] уде-

ляется нормативно-правовым ограничениям и организационным факторам, от которых зависит внедрение и масштабируемость интернета вещей. К.Л. Поторочиной [5] раскрываются вопросы безопасности использования IoT, систематизируются ключевые угрозы, включая уязвимости протоколов передачи данных, недостаточную защищённость каналов связи, риски несанкционированного доступа, а также проблемы идентификации и аутентификации устройств. Автор отмечает, что специфика медицинских данных требует применения комплексных мер защиты, включая криптографические механизмы, стандартизированные протоколы обмена данными, многоуровневую архитектуру безопасности и строгие требования к сертификации систем.

В зарубежной научной литературе [7; 9] также особый акцент ставится на безопасности данных, проблеме стандартизации и масштабирования мединских интернет вещей. Так, Х. Верма [13] отмечает, что несмотря на способность IoT обеспечивать потоковую передачу данных в реальном времени, существующая инфраструктура не рассчитана на обработку больших объёмов информации и её корректное отображение в клинических процессах, что приводит к дублированию данных, необходимости ручной обработки и увеличению нагрузки на медицинский персонал, ограничивая в конечном итоге клиническую ценность IoT-решений. С. Ли [10] указывает на сложности интеграции и обмена данными между сенсорными устройствами, аналитическими платформами и системами хранения информации, что может приводить к искажению данных, ошибкам в их интерпретации и, как следствие, снижению надёжности решений на основе IoT. В то же время, авторы [7; 9; 12] подтверждают наличие высокого потенциала IoT в развитии мониторинговых и превентивных моделей медицинской помощи, снижения нагрузки на профильные организации за счёт перехода к удалённому контролю физиологических параметров и раннему выявлению неблагоприятных изменений состояния пациента.

Соответственно, можно заключить, что IoT в системе здравоохранения является одним из наиболее значимых технологических решений, способных в долгосрочной перспективе изменить организацию медицинской помощи и повысить её эффективность. В связи с чем целью исследования является системный анализ внедрённых IoMT-решений, позволяющий определить масштаб и зрелость их внедрения, а также дальнейшие направления их разработки и внедрения. В качестве задач определены: бенчмаркинг внедрённых IoMT-решений, их функциональности, масштабов и зрелости внедрения, а также определение основных проблем и перспективные направлений развития IoMT в здравоохранении.

Методика исследования

Методика исследования включает сбор, систематизацию и анализ данных о внедрённых IoMT-решениях с оценкой их функциональности, архитектуры, масштабов применения и результатов использования. На первом этапе проводился библиографический анализ открытых источников и официальных документов для выявления существующих практик и проектов в области разработки и внедрения IoMT-решений. На втором этапе выполнялся бенчмаркинг IoMT-решений, реализуемых в медицинской сфере Сравнительный анализ позволил оценить уровень зрелости IoMT-решений, степень интеграции с платформами хранения и аналитики данных, а также охват пациентов и достигнутые результаты.

Результаты исследования и их обсуждение

Под интернетом вещей в здравоохранении (IoMT) понимается распределённая сеть взаимосвязанных аппаратных и программных медицинских устройств, интегрированных с облачными платформами, обеспечивающими сбор, хранение и аналитическую обработку данных о состоянии пациентов. В этом аспекте медицинские приборы, сенсоры, диагностические и визуализационные системы могут рассматриваться как интеллектуальные устройства, формирующие основу IoT-инфраструктуры в здравоохранении [8]. Концепция интернета вещей сформировалась на рубеже XX и XXI веков, с появлением технологических возможностей для сетевого подключения устройств и обеспечения их взаимодействия с целью обмена данными в режиме реального времени. В последующий период были разработаны комплексные технологические решения, предназначенные для сбора, анализа и передачи информации, а

также платформы, предоставляющие функциональные возможности для эффективной обработки этих данных. Как следствие, за два десятилетия Интернет вещей распространился практически на все сферы человеческой деятельности, оказывая значительное влияние на процессы социального, экономического и технологического характера. В глобальном технологическом и экономическом тренде Интернета вещей принято выделять несколько ступеней:

— платформу— общие информационные, технические, экономические, управленческие и иные технологии, важные для любой предметной области, реализуемой в рамках Интернета вещей;

— сегменты— технологии, характерные для конкретной, целевым образом определенной, предметной области, реализуемой в рамках Интернета вещей;

— инфраструктуру— технологии, не относящиеся непосредственно к Интернету вещей, но позволяющие активно использовать его в целом или по сегментам.

Сетевая природа Интернета вещей предлагает технологические решения персональных задач, посредством которых реализуемые технологии IoT, связывают вещи и объекты, ориентируясь на частные потребности физического лица, а также технология решения групповых задач, где реализуемые технологии IoT, связывают вещи и объекты, ориентируясь на деловые или социальные потребности группы лиц, предлагая качественное решение общих и совместимых задач,

В целом распространение технологии IoT стало возможным благодаря таким технологическим трендам, как: снижение стоимости вычислительных мощностей (процессоров, памяти и систем хранения данных) и передачи данных, развитие облачных технологий и больших данных, обеспечивающих функционирование систем хранения и анализа данных, рост числа подключенных устройств. При этом, несмотря на широкое распространение технологий IoT в системе здравоохранения, на текущем этапе в оценках объёма рынка IoMT сохраняется несколько разнящихся прогнозных сценариев. Так, по данным компании Statista [1], объем мирового рынка Интернета вещей (IoT) в 2020 году со ставил 389 млрд долларов США и, согласно прогнозу, к 2030 году увеличится до одного триллиона долларов США. В соответствии с прогнозом компании Markets- and Markets [2], глобальный рынок Интернета вещей (IoT) в секторе здравоохранения возрастёт с 72,5 млрд долларов США в 2020 году до 188,2 млрд долларов США к 2025 году при среднегодовом темпе роста (CAGR) 21% в течение прогнозируемого периода. Глобальный рынок IoT в здравоохранении оценивается в 243,40 млрд долларов США в 2025 году и, по прогнозам, будет увеличиваться с темпом роста 15,3%, превысив 1 трлн долларов США к 2035 году. Географическая структура рынка представлена такими странами, как: Индия, Германия, США, доля которых представлена на рисунке 1

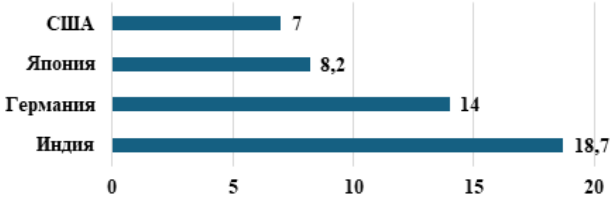

Рисунок 1 — **Географическая структура рынка IoMT, %**

Источник: составлено авторами на основе [3]

По направлениям использования выделяют следующие виды медицинских IoT-устройств:

— профилактические системы, предназначенные для использования всеми категориями населения без исключения, основная функция которых заключается в поддержании и укреплении здорового образа жизни посредством регулярного мониторинга и превентивных мероприятий;

— диагностические системы, эксплуатация которых осуществляется медицинским персоналом, и которые направлены на своевременное выявление патологических состояний, а также на постановку точного медицинского диагноза;

[1] Statista. Healthcare IoT revenue worldwide. URL: https://www.statista.com/forecasts/1491089/healthcare-iot-revenue-worldwide/

[2] MarketsandMarkets. Healthcare data analytics market. URL: https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/healthcare-data-analytics-market-905.html

[3] Future Market Insights. IoT in healthcare market. URL: https://www.futuremarketinsights.com/ru/reports/iot-in-healthcare-market

— лечебные системы, применяемые как специалистами здравоохранения, так и пациентами, функциональная цель которых состоит в устранении выявленных патологий и восстановлении нормальных физиологических процессов;

— реабилитационные системы, ориентированные на пациентов, осуществляющих восстановление здоровья после перенесённых заболеваний, с целью восстановления функциональных возможностей организма и повышения качества жизни.

Обзор профильных исследований свидетельствует о том, что рынок Интернета медицинских вещей в России находится на стадии активного роста. Так, согласно данным Statista Market Insights, в 2025 году объем рынка цифрового здравоохранения России составит 3 млрд долларов США и достигнет 4,07 млрд долларов США к 2029 году, при среднегодовом темпе роста 7,94%. По данным Data Bridge Market Research [4], рынок IoMT в России в 2024 году оценивался примерно в 1,17 млрд долларов США., по прогнозам к 2032 году объём рынка достигнет 6,14 млрд долларов США, что соответствует высокому среднегодовому темпу роста в 31,7%. Направления использования IoMT показаны на рисунке 2.

Рисунок 2 — **Число организаций, использующих IoMT, 2023 год, шт.**

Источник: составлено авторами на основе Статистики Росстата.

Как видно на рисунке 2 объем использования интернет вещей в российской практике здравоохранения ограничен, в связи с чем важно определить стратегические направления разработки и использования технологий медицинских интернет вещей. Анализ существующих практик, основанный на системном сравнительном анализе (бенчмаркинге) реализованных решений IoMT, проведен в два основных этапа. На первом этапе осуществлен сбор данных из открытых научных источников, в том числе, корпоративных отчётов Philips, Mayo Clinic, Markets and Markets, официальных документов Минздрава Российской Федерации [5], а также аналитических обзоров Data Bridge Market Research и TAdviser. На втором этапе проведена классификация внедрённых решений по функциональным направлениям. Результаты проведённого бенчмаркинга представлены в таблице 1.

Одним из наиболее значимых направлений применения интернета вещей в здравоохранении является программа удалённого мониторинга пациентов с хронической сердечной недостаточностью, реализуемая в Канаде в рамках региональных инициатив Health PEI. Данная программа предусматривает оснащение пациентов набором IoT-устройств, включающих беспроводные тонометры, весы, пульсоксиметры и шлюзы передачи данных, обеспечивающих непрерывную регистрацию физиологических параметров в домашних условиях. Систематический анализ данных, проводимый медицинскими работниками, позволяет осуществлять раннее обнаружение признаков декомпенсации, что способствует снижению числа госпитализаций и улучшению контроля за состоянием пациентов. Программа находится в стадии внедрения и охватывает от нескольких сотен до нескольких тысяч пациентов в зависимости от региона страны.

В Великобритании одним из ключевых направлений внедрения интернета вещей стала национальная программа «виртуальных коек» (Virtual Wards), реализуемая Национальной службой здравоохранения. Программа опирается на IoT-инфраструктуру удалённого мониторинга и направлена на перенос части

[4] Databridge Market Research. Russia Internet of Medical Things Market. URL: https://www.databridgemarketresearch.com/nucleus/russia-internet-of-medical-things-market

[5] В России стартовал пилотный проект по дистанционному мониторингу состояния здоровья пациентов с использованием высокотехнологичных устройств и сервисов // Официальный сайт Минздрав России.

клинического наблюдения в домашние условия при сохранении медицинского мониторинга. Пациенты получают наборы устройств для мониторинга жизненных показателей, данные которых поступают в специализированные координационные центры.

Таблица 1 — **Результаты проведённого бенчмаркинга IoMT**

Название	Страна	Статус	Описание устройства
программа удалённого мониторинга пациентов с хронической сердечной недостаточностью	Канада	внедрена (программа, масштабируется)	наборы для домашнего мониторинга: весы, тонометр, пульс/SpO_2-датчики, шлюз/мобильное приложение; мониторинг медсестрой [6]
национальная программа виртуальных коек	Великобритания	внедрена в рамках национальной программы (после COVID)	пациенты дома под наблюдением мультидисциплинарной команды [7]
умная больница	Китай	внедрена	IoT-платформа для инфраструктуры [8]
централизованные телемедицинские центры для дистанционного мониторинга реанимационных/интенсивных пациентов	США	внедрены	удалённые командные центры, подключение мониторов [9]
удалённый послеоперационный мониторинг	США	внедрен	платформы для сбора показателей мобильные приложения [10]
развёртываемая удалённая диагностика	Израиль	внедрена	комплект для удалённого осмотра [11]
Центр Инноваций и Интернета вещей в здравоохранении (Сколково)	Россия	внедрен как центр для акселерации	инфраструктурный проект для реализации пилотных проектов [12]
Проект «Персональные медицинские помощники»	Россия	пилотный проект	диагностические приборы с возможностью дистанционной передачи данных на платформу Ростех

В Китае реализуется концепция «умной больницы», одним из первых реализованных примеров которой является проект управления инженерными, клиническими и логистическими процессами, включающая датчики мониторинга оборудования, интеллектуальные энергетические системы и цифровые платформы для анализа потоков пациентов.

Одним из примеров применения IoT-технологий являются централизованные телемедицинские центры дистанционного наблюдения за пациентами отделений интенсивной терапии в медицинских учреждениях США. Эти центры обеспечивают круглосуточный анализ потоковых физиологических данных в режиме реального времени. Одновременно, в американских клиниках развивается направление удалённого послеоперационного мониторинга, примером которого являются программы Mount Sinai Health System. В рамках данных проектов пациенты после хирургических вмешательств получают сенсоры,

[6] Remote Patient Monitoring (RPM) Program // сайт Princeedwardisland

[7] Supporting care with remote monitoring— https://transform.england.nhs.uk/covid-19-response/technology-nhs/supporting-the-innovation-collaboratives-to-expand-their-remote-monitoring-plans/?utm_source

[8] Huashan Hospital North Customer Story // сайт Schneider Electric.

[9] Philips. The Financial Case for Tele-ICU // сайт Philips.

[10] Applications of Healthcare IoT Devices in Remote Patient Monitoring // сайт GAO Tek.

[11] Tyto care // сайт TytoCare.

[12] В Центре Инноваций и Интернета вещей в Здравоохранении в «Сколково» открылись пять новых терапевтических зон // сайт Сколково.— 2020.— 23 декабря.

передающие данные о пульсе, физической активности, дыхании и температуре.

В Израиле одним из наиболее известных решений в области IoT-поддерживаемой диагностики является система TytoCare, представляющая собой портативный комплекс для дистанционных медицинских осмотров. Устройство позволяет проводить удалённую аускультацию, осмотр горла, ушей и кожи, а также измерение основных физиологических параметров.

В России развитие IoT-технологий в медицине происходит преимущественно в формате пилотных проектов. Созданный в Сколково Центр инноваций и интернета вещей в здравоохранении выполняет роль площадки для апробации решений отечественных разработчиков и интеграции IoT-технологий в клиническую практику. Важным направлением государственной политики является проект «Персональные медицинские помощники», реализуемый Минздравом Российской Федерации. Данный проект предполагает оснащение пациентов с хроническими заболеваниями (артериальная гипертензия, сахарный диабет, сердечная недостаточность) комплектами устройств для удалённого контроля показателей, включая глюкометры, тонометры, пульсоксиметры и трекеры физической активности. Сбор и анализ данных осуществляется на основе единой цифровой платформы, интегрированной с региональными медицинскими информационными системами.

В целом, результаты изучения научных источников продемонстрировали, что несмотря на стремительный рост глобального рынка Интернета медицинских вещей (IoMT) наблюдается относительно ограниченное количество детализированных описаний реализованных моделей интернета вещей в медицине, их архитектур, масштабов внедрения и измеряемых результатов, что обусловлено рядом системных факторов, имеющих правовую, коммерческую и методологическую природу.

Во-первых, собираемые данные о состоянии здоровья пациентов и результатах их лечения относятся к категории закрытой информации и подпадают под строгие регуляторные нормы, ограничивающие медицинские организации и поставщиков IoMT в возможности публикации детализированных данных, включая число подключённых пациентов, показатели эффективности или динамику медицинских параметров.

Во-вторых, значительная часть разработок носит пилотный характер и реализуется в отдельных регионах или медицинских учреждениях, что также снижает возможность генерализации результатов и публикации их в рецензируемых источниках.

В-третьих, клиническая апробация систем IoMT требуют длительных исследований, включая стандартизированное измерение клинических и экономических показателей, в связи с чем значительная часть прикладных проектов пока не проходят этот этап, что ограничивает количество доступных публикаций с доказательной информацией.

Недостаток публичных, достоверных и сопоставимых данных препятствует проведению системного бенчмаркинга, затрудняет оценку эффективности технологий, их экономической целесообразности и масштабируемости, что в свою очередь, ограничивает возможности формирования оптимальных моделей цифровой медицины, замедляет интеграцию инновационных решений в клиническую практику и снижает информированность регуляторов, инвесторов и руководства медицинских организаций при принятии стратегических решений. В таких условиях особое значение приобретает участие государственных органов, поскольку именно они способны формировать институциональные и нормативные предпосылки для эффективного внедрения технологий Интернета вещей (IoT) в здравоохранение. Создание соответствующей нормативно-правовой базы, предоставление финансовых стимулов и обеспечение инфраструктурной поддержки на современном этапе можно рассматривать как детерминантные механизмы, способствующие интеграции IoT-технологий в клиническую практику.

Заключение

В результате проведенного исследования на основе библиографического анализа и бенчмаркинга определены тенденции внедрения медицинских IoT-решений в России и за рубежом с учётом их функциональной классификации, позволяющие определить,

что российский сектор находится преимущественно на пилотной стадии развития, при этом в ряде зарубежных стран, таких как Китай, США, Израиль реализованы масштабируемые модели удалённого мониторинга, умных больниц и централизованных телемедицинских центров. Выявлено, что российская практика использования интернета вещей в системе здравоохранения характеризуется фрагментарностью и недостаточной зрелостью, однако, в стране формируются институциональные предпосылки для развития рынка IoMT, в том числе в рамках пилотных проектов Сколково. На современном этапе, значение IoMT, как технологического инструмента формирования превентивной медицины, обеспечивающего переход от реактивного лечения к ранней диагностике и постоянному мониторингу состояния пациента, требует развития единых стандартов оценки клинической и экономической эффективности IoMT, создания национальных реестров решений, поддержка открытых инноваций и формирование экосистемы технологического трансфера технологий.

Литература:

1. Абдулсада А.Н.Ф.Х. Анализ медицинского интернета вещей (IoMT) // Universum: технические науки.— 2023.— №11-1 (116).— С. 18–28.
2. Аксенова Е.И., Горбатов С.Ю. Интернет вещей в здравоохранении // Московская медицина.— 2022.— №1(47).— С. 58–66.— EDN NEZEZV.
3. Аксенова Е.И., Горбатов С.Ю. Применение технологий Интернета вещей в здравоохранении // Здоровье мегаполиса.— 2021.— Т. 2, №4.— С. 101–113.
4. Потапова А.А. Технологии интернета вещей в здравоохранении и медицине // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество.— 2019.— №4.— С. 37–47.
5. Поторочина К.Л., Никитина Е.Ю. Безопасность применения IoT в сфере здравоохранения // Вестник Пермского университета. Серия: Математика. Механика. Информатика.— 2022.— №4(59).— С. 68–81.
6. Русова В.С. Цифровое здравоохранение: разработка и применение в России // Креативная экономика.— 2019.— Т. 13, №1.— С. 75–82.
7. Huang C., Wang J., Wang S., Zhang Y. Internet of medical things: A systematic review // Neurocomputing.— 2023.— Vol. 557.— 126719.
8. Islam S. R., Kwak D., Kabir M. H., Hossain M., Kwak K. S. The internet of things for health care: a comprehensive survey // IEEE Access.— 2015.— Vol. 3.— P. 678–708.
9. Khatib Al I., Shamayleh A., Ndiaye M. Healthcare and the internet of medical things: Applications, trends, key challenges, and proposed resolutions // Informatics.— 2024.— Vol. 11, №3.— p. 47.
10. Li C., Wang J., Wang S., Zhang Y. A review of IoT applications in healthcare // Neurocomputing.— 2024.— Vol. 565.— 127017.
11. Ruotsalainen P., Blobel B. A System Model and Requirements for Transformation to Human-Centric Digital Health // Journal of Medical Internet Research.— 2025.— Vol. 27.— e68661.
12. Sharma A., Kaur S., Singh M. A comprehensive review on blockchain and Internet of Things in healthcare // Transactions on Emerging Telecommunications Technologies.— 2021.— Vol. 32, № 10.— e4333.
13. Verma H., Chauhan N., Awasthi L.K. A Comprehensive review of 'Internet of Healthcare Things': Networking aspects, technologies, services, applications, challenges, and security concerns // Computer Science Review.— 2023.— Vol. 50.— 100591.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE SCO AND ITS POSITION IN THE WORLD ECONOMY IN LIGHT OF RIC DECISIONS (RUSSIA, INDIA, CHINA) AT THE SEPTEMBER 2025 SUMMIT

Antonova Irina Andreevna, *PhD of Economics, Senior Lecturer, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow*

The study examines the transformation of the role of the Shanghai Cooperation Organisation in the world economy in the context of the decisions adopted by the Russia-India-China format at the summit held in September 2025. The relevance of the research is determined by the growing geoeconomic importance of the Eurasian space, the intensification of integration-related frictions between China and India, and the need to understand how the Shanghai Cooperation Organisation adjusts to the evolving regional architecture. The timeliness of the study is reinforced by the expansion of the organisation, the acceleration of trade flows, and the increasing complexity of strategic interaction among its member states. The purpose of the research is to identify the factors that shape the economic potential of the Shanghai Cooperation Organisation and to assess the influence of the 2025 decisions of the Russia-India-China format on the dynamics of regional integration. To achieve this objective, the study examines Chinese, Russian and Indian analytical perspectives; compares the structure of trade and energy relations among the three countries; and identifies key geopolitical and institutional constraints affecting the development of the organisation. The methodological framework draws on the concepts of regional interdependence, multi-level global governance and the idea of infrastructural development within large Eurasian integration projects. The analysis employs principles of normative power, institutional flexibility and the strategic autonomy of states. The findings reveal divergences in the strategic priorities of China and Russia, clarify the structure of trade and energy flows within the Russia-India-China triangle, and identify the main sources of tension limiting deeper cooperation. The novelty of the study lies in its comprehensive interpretation of the 2025 decisions as a driver of the economic strengthening of the Shanghai Cooperation Organisation and in specifying the mediating role of Russia in reducing regional contradictions. The results show that the future development of the organisation depends on the ability of its member states to build coordinated mechanisms of economic governance and mitigate structural and geopolitical constraints.

Keywords: *Shanghai Cooperation Organisation; multilateral integration; RIC format; Eurasian economic connectivity; regional security; trade and economic flows; strategic autonomy; energy cooperation; digital infrastructure; geoeconomic constraints.*

EDN: JWHWLV ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.25***

Цитировать: *Антонова И.А. Перспективы развития ШОС и ее место в мировой экономике на фоне решений стран РИК (Россия, Индия, Китай) на саммите в сентябре 2025 г. // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 175-183. EDN: JWHWLV. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.25*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ШОС И ЕЕ МЕСТО В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ НА ФОНЕ РЕШЕНИЙ СТРАН РИК (РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ) НА САММИТЕ В СЕНТЯБРЕ 2025 Г.

УДК 339.9:327(5)
5.2.5

© Антонова И.А., 2026

Исследование посвящено анализу трансформации роли Шанхайской организации сотрудничества в мировой экономике в контексте решений, принятых странами формата «Россия — Индия — Китай» на саммите в сентябре 2025 года. Актуальность работы определяется ростом геоэкономической значимости евразийского пространства, усилением интеграционных противоречий между Китаем и Индией и необходимостью выявления механизмов адаптации Шанхайской организации сотрудничества к изменениям в региональной архитектуре. Своевременность обращения к проблеме подтверждается расширением организационного формата, ускорением торговых потоков и усложнением структуры стратегического взаимодействия государств-участников. Цель исследования заключается в выявлении факторов, формирующих экономический потенциал Шанхайской организации сотрудничества, и в оценке влияния решений формата «Россия — Индия — Китай» 2025 года на динамику региональной интеграции. Решение поставленной цели обеспечено анализом китайских, российских и индийских исследовательских подходов; сопоставлением торговых и энергетических связей трёх

государств; выявлением ключевых геополитических и институциональных ограничений, влияющих на развитие организации. Методологическая база исследования опирается на концепции региональной взаимозависимости, теорию многоуровневого глобального управления и идеи инфраструктурного развития в рамках крупных евразийских интеграционных проектов. Полученные результаты включают уточнение стратегических расхождений между Китаем и Россией, структурирование торгово-энергетических потоков внутри трёхстороннего формата и идентификацию факторов напряжённости, ограничивающих углубление сотрудничества. Научная новизна проявляется в комплексной интерпретации решений 2025 года как драйвера экономической актуализации Шанхайской организации сотрудничества и в уточнении роли России как посредника, способного снижать региональные противоречия. Итоговые выводы подтверждают, что дальнейшее развитие организации определяется способностью государств-участников обеспечивать согласованность экономической координации и минимизировать воздействие структурных и геополитических ограничений.

Ключевые слова: *Шанхайская организация сотрудничества; многосторонняя интеграция; формат РИК; евразийская экономическая связанность; региональная безопасность; торгово-экономические потоки; стратегическая автономия; энергетическое сотрудничество; цифровая инфраструктура; геоэкономические ограничения.*

АНТОНОВА Ирина Андреевна, *кандидат экономических наук, старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва*

Введение

Саммит формата «Россия — Индия — Китай» в сентябре 2025 года придал новый импульс институциональной эволюции Шанхайской организации сотрудничества, что подтверждается широким массивом исследований. В работах, посвящённых анализу «шанхайского духа» и функциональной трансформации объединения [17; 18], фиксируется усиление её кооперативной субъектности, а изучение международно-правовой концепции сообщества единой судьбы [26; 28] и интерпретаций роли организации в американском и российском аналитическом дискурсе [3; 13; 23] демонстрирует рост её значимости в мировой политико-экономической конфигурации. Актуальность исследования определяется усложнением региональной архитектуры, расширением формата организации, усилением геоэкономических процессов в Евразии и углублением противоречий между Китаем и Индией, что делает необходимым комплексный анализ направлений развития.

Экономические публикации подчёркивают усиление интеграционной динамики под влиянием решений формата «Россия — Индия — Китай». Исследования региональной кооперации [11; 15], либерализации торговли и цифровизации трансграничных процессов [21; 30], сопряжения механизмов организации с инициативой «Пояс и путь» [7] и расширения рынков [1] выявляют формирование условий для роста товарооборота и инвестиционной взаимосвязанности. Перспективы создания зоны свободной торговли [19] трактуются как инструмент укрепления архитектуры экономической безопасности. Энергетические исследования, включающие анализ нефтегазового потенциала стран формата [31] и материальности энергоресурсов [24], указывают на возможность формирования устойчивых цепочек стоимости. Гуманитарно-социальные направления — спортивные проекты [29], молодёжные инициативы [10], традиционная медицина [27], программы снижения бедности [25] — обеспечивают социальную легитимацию интеграционных процессов.

В то же время сохраняется проблема расхождения национальных подходов к развитию организации. Индийский аналитический дискурс подчёркивает осторожность

[1] Global News (16-31 May 2023) / Financial and Economic Data. 2023. P. 88.

Дели и рассматривает организацию как пространство стратегического маневрирования. В работах К. Сиддикки [16] фиксируется напряжённая трёхсторонняя конфигурация Россия — Индия — Китай; А. Рао акцентирует символическую дипломатическую природу саммита 2025 года [2]; И. Халл связывает ограничения участия Индии с внутренними политическими факторами [8]. Китайские исследователи, напротив, трактуют трёхсторонний формат как опорный элемент будущей архитектуры глобального управления, что формирует принципиально иную оценочную позицию.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили академические публикации китайских, российских и индийских авторов по вопросам институционального развития Шанхайской организации сотрудничества, динамики формата «Россия — Индия — Китай» и трансформации евразийской геоэкономической архитектуры, включая работы С.В. Уянаева, Н.А. Абуевой, Ш. Чэнь, Р.В. Овсянниковой, К. Сиддикки, И. Халла, А. Рао, Э. Панкаджа и Р. Редди, представленные в научных журналах и аналитических центрах. Эмпирическую основу сформировали данные о двустороннем товарообороте России, Индии и Китая за 2020-2024 годы, опубликованные в российских и зарубежных источниках. Теоретико-методологическая рамка опиралась на концепции региональной взаимозависимости, многоуровневого глобального управления, нормативной власти и инфраструктурного развития. Аналитическая часть исследования включала структурно-функциональный и сравнительный подходы, позволяющие сопоставить национальные исследовательские позиции, выявить факторы интеграционной динамики, оценить геополитические, экономические и технологические ограничения, а также интерпретировать совокупные эффекты решений саммита 2025 года для развития Шанхайской организации сотрудничества и трёхстороннего формата.

Обсуждение результатов

Одним из наиболее показательных элементов постсаммитной динамики 2025 года является расхождение в подходах трёх государств к интерпретации роли организации в системе региональной интеграции. Э. Панкадж и Р. Редди, анализируя внешнеполитическую линию Дели, вводят концепцию «тактического китайского калькулятора», характеризуя поведение Индии как череду маневров между форматом «Россия — Индия — Китай», объединением БРИКС+, государствами Центральной Азии и Соединёнными Штатами Америки [3]. Индийские исследователи подчёркивают, что многовекторность внешней политики Дели выстраивается на сочетании ограниченного вовлечения в многосторонние механизмы и стремления сдерживать укрепление позиций Пекина в Евразии.

Российские аналитические работы, появившиеся после решений саммита 2025 года, демонстрируют более прагматичную и сбалансированную трактовку региональных процессов. В исследованиях подчёркивается, что структура организации служит инструментом многовекторной внешней политики, позволяющим одновременно поддерживать баланс между Китаем и Индией и продвигать национальные евразийские интересы Москвы. В отличие от китайской исследовательской линии, ориентированной на идеационную модель «общего будущего» и долгосрочное институциональное сближение, российские авторы рассматривают организацию прежде всего как площадку гибкой координации, а не как инструмент глубокой политической унификации.

Особое значение при анализе национальных стратегий приобретает вопрос о расширении формата организации. В исследовании С.В. Уянаева фиксируется усиление международной субъектности объединения и одновременно подчёркивается усложнение стратегического маневрирования России на фоне нарастающей асимметрии внутри треугольника «Россия — Индия — Китай» [20]. Автор

[2] Rao A. India-China Relations Take Center Stage at SCO Summit 2025 / A. Rao // China Briefing. 2025. 2 September. URL: https://www.china-briefing.com/china-outbound-news/india-china-relations-take-center-stage-at-sco-summit-2025

[3] Reading India's China-Calculus Post-SCO: Tactical Diplomacy and Strategic Contestation / E. Pankaj, R. Reddy // ORCA — Organisation for Research on China and Asia. 2025. 4 September. URL: https://orcasia.org/article/1364/reading-indias-china-calculus-post-sco

показывает, что отход от китайской трактовки линейного укрепления коллективной мощи позволяет выявить конкурирующие модели регионализма и делает необходимой гибкую корректировку российской стратегии. Аналогичные выводы содержатся в докладе Российского совета по международным делам «Российско-китайский диалог», где фиксируется структурное усиление Китая и возрастающая зависимость российской политики от опоры на Пекин, при одновременном указании на риски асимметричности двусторонних отношений [4].

Расширение круга участников и усиление конкуренции в евразийском пространстве усиливают роль третьих государств, прежде всего Казахстана. Статья Н.А. Абуевой, Ш. Чэнь и Р.В. Овсянниковой подчёркивает значение Казахстана как ключевого внешнего актора [1], а также демонстрирует заинтересованность Москвы в сохранении многовекторности Центральной Азии и сдерживании чрезмерного влияния Китая. Этот контекст позволяет объяснить повышенное внимание российской аналитики к торговым и инфраструктурным потокам, связывающим организацию с внешними рынками.

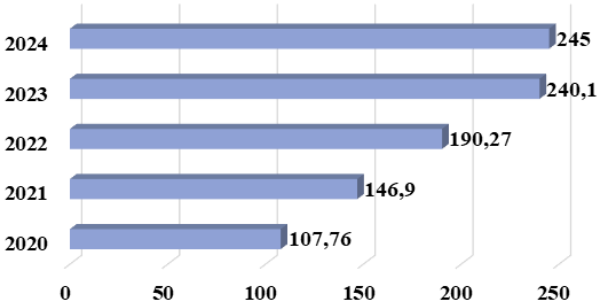

Рисунок 1 — **Товарооборот Россия-Китай, 2020-2024 гг., млрд долл.** [4]

Экономическая динамика подтверждает данные наблюдения. На рисунке 1 отражён устойчивый рост российско-китайского товарооборота в 2020-2023 гг., переходящий от умеренной динамики к ускоренному расширению на фоне восстановления глобальной экономики и перенаправления российских экспортных потоков на азиатские рынки. Устойчивый характер роста подчёркивает значимость торгово-экономического измерения сотрудничества и усиливает аргументацию исследователей, рассматривающих трёхсторонний формат как один из ключевых узлов евразийской экономической конфигурации.

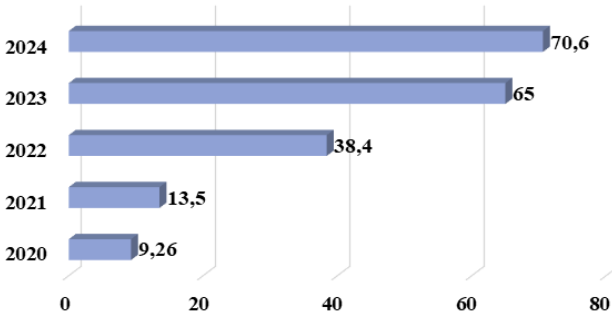

Рисунок 2 — **Товарооборот Россия-Индия, 2020-2024 гг., млрд долл.** [5]

На рисунке 2 отражена иная траектория развития: после умеренных значений 2020-2021 годов российско-индийский товарооборот переходит к ускоренному росту, наиболее выраженному с 2022 года. Увеличение объёмов объясняется расширением поставок энергоресурсов, сырья и удобрений, что усиливает значение индийского рынка в структуре российских экспортных потоков. В 2023-2024 годах достигаются исторические максимумы, подтверждающие формирование устойчивой сырьевой и энергетической взаимосвязанности двух экономик. В сравнении с российско-китайским направлением

[4] China-Russia Trade Turnover Grew by 1.9% in 2024 // TASS. URL: https://tass.ru/ekonomika/22861813
Russia-China Trade During the Pandemic // Izvestia. URL: https://iz.ru/1134334/van-zhui/god-rezultatov
Russia-China Trade Turnover Sets a New Record // Finam. URL: https://www.finam.ru/publications/item/tovarooborot-mezhdu-rossiey-i-kitaem-ustanovil-novyy-rekord-20250128-1250/

[5] Development of National Currency Settlements Between Russia and India // RBC. URL: https://www.rbc.ru/industries/news/667ec0c89a79475e47456f23
China Has Overtaken the USA and Become India's Main Trading Partner / O. Nikitina // Vzglyad. URL: https://vz.ru/news/2024/5/13/1267812.html
Russia-India Trade Turnover Reaches Historical Maximum // Sberbank India. URL: https://sberbank.co.in/ru/media/news/kak-razvivaetsya-it-landshaft-finansovih-uchrezhdenii
Russia-India: Challenges and Solutions for Economic Cooperation. — International Business Council «Greater Asia». 2024. 35 p. URL: https://bigasia.ru/wp-content/uploads/2024/07/russia_india.pdf
Explained: India-China Bilateral Trade in 2021 // The Indian Express. URL: https://indianexpress.com/article/explained/india-china-trade-explained-7740518

данная динамика отличается повышенной волатильностью и чувствительностью к внешним факторам, что указывает на зависимость двусторонних потоков от изменений глобальной конъюнктуры и ценовых циклов.

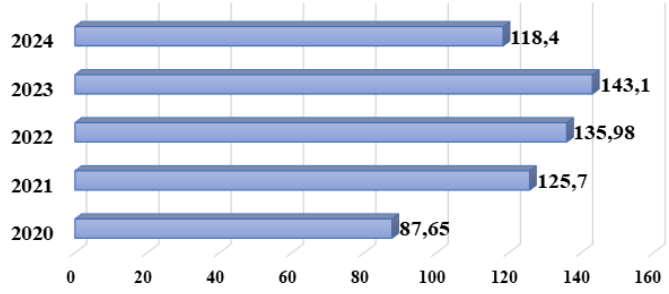

Рисунок 3 — **Товарооборот Китай-Индия, 2020-2024 гг., млрд долл.** [2; 5]

В 2020-2022 годах наблюдается стабильный рост двусторонних потоков, достигающий пикового значения в 2023 году. Одновременно проявляется выраженный структурный дисбаланс: импорт Индии из Китая существенно превышает объём индийского экспорта, что формирует устойчивый дефицит и усиливает стратегическую зависимость Нью-Дели от китайской промышленной продукции. В 2024 году темпы прироста торговых объёмов замедляются, а динамика приобретает более неоднородный характер под воздействием внутренних и внешних факторов — от колебаний глобального спроса и валютной волатильности до частичного пересмотра индийской политики контроля за импортом высокотехнологичной продукции (рис. 3).

В 2020-2021 годах фиксируется ускоренный рост совокупного товарооборота, обусловленный восстановлением деловой активности после глобального кризиса и перераспределением транспортно-логистических маршрутов в пользу евразийского направления (табл. 1).

Таблица 1 — **Совокупная торговля РИК, 2020-2024 гг., млрд долл.**

Год	Объем	Абсолютный прирост	Темп прироста, %
2020	204,675	-	-
2021	286,1	81,425	39,8
2022	364,38	78,28	27,36
2023	448,21	83,83	23,01
2024	433,81	-14,4	-3,21

Источник: составлено автором

Ускорение потоков на раннем этапе отражает адаптацию трёхстороннего формата к меняющимся условиям мировой торговли и усиление роли региональных каналов в обеспечении устойчивости поставок. В 2022-2023 годах увеличение совокупных объёмов продолжается, достигая пиковых значений, что подтверждает становление России, Индии и Китая в качестве ключевого узла евразийской торговой архитектуры и укрепление трёхсторонней взаимозависимости.

Территориальные противоречия в Ладакхе и Аруначал-Прадеш сохраняют напряжённый контур стратегического недоверия. Индия воспринимает инфраструктурные проекты Китая в Тибете, Синьцзяне и гималайских районах как потенциальный риск безопасности, тогда как Китай рассматривает укрепление индийских позиций в Андаманском архипелаге и сотрудничество Дели с США, Японией и Австралией в формате QUAD как элемент внешнего сдерживания. Сформировавшиеся линии напряжённости ограничивают потенциал инициатив формата «Россия — Индия — Китай» в сферах безопасности, энергетики и развития транспортных коридоров, что отражено в таблице 2.

Таблица 2 — **Ключевые структурные противоречия между Индией и Китаем**

Категория противоречия	Содержание
Территориальные споры	Линия фактического контроля, Ладакх, Аруначал-Прадеш
Стратегические альянсы	Участие Индии в QUAD и Индо-Тихоокеанской стратегии
Экономическая асимметрия	Устойчивый дефицит Индии; зависимость от китайского импорта
Конкуренция в регионе	Южная Азия, Индийский океан, Шри-Ланка, Непал
Технологические барьеры	Ограничения на китайские приложения и телеком-оборудование

Источник: составлено автором

Экономическая асимметрия усиливает общий уровень напряжённости и дополняет военно-политические и инфраструктурные линии разломов. Китайско-индийская торговля демонстрирует устойчивый и значительный дисбаланс, при котором импорт Индии из

Китая систематически превышает экспортные поставки в несколько раз. Осторожность индийской стороны усиливается в высокотехнологичных секторах, где зависимость от китайских компонентов, электроники и телекоммуникационного оборудования превращается в потенциальный источник уязвимости промышленной политики.

Китай, напротив, воспринимает разворот Индии к координации с государствами Юго-Восточной Азии и активизацию проектов в акватории Индийского океана как фактор, способный изменить баланс влияния в регионе. Пекин рассматривает меры Дели по диверсификации торговли и ограничению доступа китайских компаний к национальному рынку сквозь призму более широкой стратегической конкуренции, что усиливает общий уровень взаимной восприимчивости к рискам. Указанные процессы отражены в структуре потенциальных рисков, представленных в таблице 3, где продемонстрировано, как экономические, транспортные, финансовые и технологические ограничения могут осложнять реализацию трёхсторонней повестки.

Таблица 3 — **Потенциальные риски для реализации планов РИК**

Направление	**Риск**	**Последствия**
Энергетика	Несогласие по маршрутам поставок	Задержка инфраструктурных проектов
Транспорт	Политизация коридоров через ЦА	Ограниченность транзитных решений
Финансовая интеграция	Отсутствие единых механизмов регулирования	Замедление расчётов в нацвалютах
Безопасность	Недоверие по вопросам ПВО/ПКО	Ограниченная координация
Цифровая экономика	Разные стандарты и требования	Низкая совместимость платформ

Источник: составлено автором

Комплекс торговых и технологических противоречий оказывает прямое воздействие на перспективы укрепления формата «Россия — Индия — Китай». В условиях, когда Китай стремится расширить влияние через транспортные и инфраструктурные инициативы, а Индия предпочитает стратегическую диверсификацию, возрастает роль России как посредника, способного поддерживать баланс интересов двух государств. Российское участие в энергетических поставках, инфраструктурных проектах и цифровой стандартизации позволяет не только укреплять собственные позиции, но и предотвращать углубление противоречий между Пекином и Нью-Дели, что делает Москву ключевым интеграционным актором региона.

Несмотря на сохраняющиеся противоречия, Россия обладает потенциалом для смягчения региональной напряжённости. Историческая роль Москвы как посредника, наличие устойчивых стратегических связей с Китаем и Индией, а также длительный опыт участия в многосторонних форматах создают условия для продвижения решений, учитывающих интересы обоих партнёров. Российская сторона способна содействовать согласованию транспортных проектов, выполнять функции энергетического посредника, поддерживать выработку общих цифровых стандартов и участвовать в формировании институциональных механизмов в рамках Шанхайской организации сотрудничества и объединения БРИКС, что отражено в таблице 4.

Таблица 4 — **Возможные формы участия России в снижении индийско-китайской напряжённости**

Инструмент	**Содержание**	**Потенциальный эффект**
Политическое посредничество	Трёхсторонние консультации РИК	Повышение доверия
Энергетическое сотрудничество	Поставки в Индию через китайскую логистику	Снижение конкуренции
Транспортная координация	Совместное развитие МТК и коридоров ШОС	Интеграция маршрутов
Цифровые стандарты	Формирование общих требований в ШОС	Совместимость систем
Гуманитарные проекты	Научно-образовательные и культурные инициативы	Смягчение стратегической напряжённости

Источник: составлено автором

В этой связи дальнейшее развитие организации зависит от способности государств-участников адаптировать интеграционную повестку к многоуровневым вызовам, сочетая сохранение политического баланса с переходом к функциональному сотрудничеству. Перспективы углубления экономического взаимодействия требуют формирования согласованных правил в области финансовой координации, обеспечения устойчивости стратегических поставок, развития межрегиональной транспортной инфраструктуры и установления единых цифровых требований, позволяющих снизить фрагментацию технологического пространства. Реализация данных направлений способна трансформировать ограничения в точки роста и повысить роль организации в формировании новой геоэкономической конфигурации Евразии, что подтверждается параметрами рисков и возможных ответов, отражённых в таблице 5.

Таблица 5 — **Риски и ограничения развития ШОС в мировой экономике**

Категория риска	Конкретные ограничения	Проявления	Последствия для ШОС	Направления решения
Институциональные	Отсутствие наднациональных органов; необходимость консенсуса	Замедленное согласование проектов; фрагментарность программ	Низкая скорость реализации инициатив; слабая координация	Расширение мандатов рабочих групп; создание отраслевых координационных центров; повышение роли Секретариата
Экономические	Гетерогенность экономик; различия в тарифных и валютных режимах	Дивергенция стратегий развития; неравномерность участия в проектах	Ограниченная совместимость экономической политики	Формирование единых отраслевых дорожных карт; унификация технических регламентов; расширение зоны преференциальной торговли
Геополитические	Индия–Китай: территориальные споры, конкуренция в регионе	Недостаток доверия; блокирование отдельных инициатив	Задержка ключевых проектов; ограничение интеграционных форматов	Многосторонняя дипломатия РИК; российское посредничество; развитие трёхсторонних инфраструктурных проектов
Финансовые	Недостаточная интеграция платёжных систем	Низкая доля расчётов в нацвалютах; зависимость от долларовой инфраструктуры	Высокие транзакционные издержки; уязвимость к санкциям	Синхронизация национальных платёжных систем; развитие цифровых валют; создание расчётных центров ШОС
Технологические	Цифровой разрыв; несовместимость стандартов	Фрагментарность цифровой торговли; различия в ИТ-регулировании	Ограниченная интеграция цифровых платформ и логистики	Введение единых цифровых стандартов; совместные технологические хабы; согласование норм защиты данных
Внешние	Санкционное давление; мировая волатильность	Нарушение цепочек поставок; рост стоимости логистики	Увеличение уязвимости экспортных отраслей	Диверсификация маршрутов; развитие мультимодальных коридоров; создание резервных производственно-логистических цепочек

Источник: составлено автором.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что роль Шанхайской организации сотрудничества в мировой экономике усиливается вследствие решений формата «Россия — Индия — Китай», способствующих укреплению торгово-энергетической взаимосвязанности, развитию цифровых и инфраструктурных проектов и формированию элементов стратегической автономии евразийского региона. Сравнение национальных исследовательских подходов выявило различия в приоритетах государств-участников и подтвердило значимость институциональной

гибкости для поддержания баланса интересов. Зафиксированные геополитические, экономические и технологические ограничения определяют пределы углубления интеграции и подчёркивают необходимость перехода от декларативных решений к рабочим механизмам координации, включая согласование транспортных маршрутов, повышение совместимости цифровых стандартов и укрепление энергетической безопасности. Полученные результаты подтверждают, что дальнейшая динамика организации зависит от способности государств выстраивать согласованные формы взаимодействия, минимизировать системные риски и обеспечивать устойчивость интеграционного контура в условиях глобальной турбулентности.

Литература:

1. Abueva N.A. Study of Kazakhstan's Role and Strategic Contribution within the SCO / N.A. Abueva, Sh. Chen, R.V. Ovsyannikova // Qainar Journal of Social Science. 2025. Vol. 4, No. 1. Pp. 77-93. DOI: 10.58732/2958-7212-2025-1-77-93.

2. Akushenkova T.S. The China-India Border Conflict and Its Impact on Modern Bilateral Relations / T.S. Akushenkova // Young Scientist. 2024. No. 11 (510). Pp. 315-319.

3. Amrebayev A. Changes in the Role of the Shanghai Cooperation Organization Amid Contemporary International Dynamics: A View from Kazakhstan / A. Amrebayev // Russian Studies. 2021. No. 4 (230). Pp. 95-119.

4. Babaev K.V. Russia-China Dialogue: Model 2024: Report No. 94 / K.V. Babaev, Jianming Li, Yu.Yu. Melnikova et al.; ed. by S.M. Gavrilova et al. Moscow: RIAC, 2024. 98 p.

5. Bochkov D. How China-India Economic Cooperation Shapes Conflict Potential in Bilateral Relations / D. Bochkov // International Affairs. 2023. No. 7. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2847

6. Bu Y. Internal Credit Cooperation Governance of Cooperatives under the Theory of Social Capital / Y. Bu, Y. Li // Heilongjiang Finance. 2025. No. 554 (3). Pp. 68-76.

7. Chen X. The Main Challenges and Path Optimization of the SCO's Alignment with the BRI: From the Perspective of International Symbiosis Theory / X. Chen, Y. Liu // Global South. 2025. No. 4. Pp. 99-125.

8. Hall I. India 2024: Challenges and Contention in Foreign Policy / I. Hall // Asia Maior. 2024. Vol. XXXV.

9. He Y. Normative Connotations and Practical Origins of the Global Development Initiative / Y. He, J. Zhu // Fudan Journal of International Relations Review. 2023. No. 33. Pp. 323-343.

10. Jin B. Three Youth Stories from SCO Countries in China: «Here, Our Lives Have Embraced New Opportunities» / B. Jin, R. Li, Z. Dong, A. Li // People's Daily. 2025. Sept. 12. P. 3.

11. Liu H. Starting a New Journey of Regional Economic Cooperation within the Shanghai Cooperation Organization / H. Liu // Eurasian Economy. 2025. No. 1. Pp. 1-22.

12. Peng X. Institutional Resilience and Sustainable Development of the Shanghai Cooperation Organization [J/OL] / X. Peng // Global Review. Online First. DOI: 10.13851/j.cnki.gjzw.202505007.

13. Ruan J. Exploration and Initial Analysis of Russia's Concept and Practice of a Multipolar World Order / J. Ruan, S. He // Northeast Asia Forum. 2025. No. 2. Pp. 113-126. DOI: 10.13654/j.cnki.naf.2025.02.007.

14. Shchedrov I.Yu. Evolution of India's Perception of the SCO in Its Foreign Policy / I.Yu. Shchedrov // Asia and Africa Today. 2024. No. 10. Pp. 16-24. DOI: 10.31857/S0321507524100023.

15. Shi Y. New Progress in SCO Regional Economic Cooperation: From the Qingdao Summit to the Bishkek Summit / Y. Shi // Journal of Dongbei University of Finance and Economics. — 2019. — No. 6 (General Serial No. 126). — Pp. 19-24. — DOI: 10.19653/j.cnki.dbcjdxxb.2019.06.003.

16. Siddiqui K. China, India, Russia, and the SCO: Multipolarity and Global Power Politics / K. Siddiqui // The World Financial Review. — 2025. — 18 September. [Electronic resource].

17. Sun Z. «Shanghai Spirit» and the New Departure of the SCO / Z. Sun, X. Wang, H. Deng, J. Zhang, G. She, Y. Liu // Russian Studies. — 2025. — No. 4 (254). — Pp. 3-41.

18. Sun Z. China's Vision on Global Governance and the Functional Role of the Shanghai Cooperation Organization / Z. Sun // Modern International Relations. — 2025. — No. 7. — Pp. 5-26.

19. Tuo C. Research on the Prospects of the Shanghai Cooperation Organization Free Trade Area: Master's Thesis / C. Tuo. — Urumqi: Xinjiang Normal University, 2023. 108 p.

20. Uyanaev S.V. The SCO: Format Expansion, Russia's Approaches and Interaction with China / S.V. Uyanaev // Vlast. 2025. Vol. 33, No. 3. Pp. 38-46. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-3-38-46.

21. Wang C. High-Quality Development of the SCO: Accelerated Trade and Investment Facilitation / C. Wang, Y. Zhang // Modern International Relations. 2025. P. 96.

22. Wang C. SCO Countries' Joint Construction of the «Ice Silk Road»: Opportunities, Challenges and Pathways / C. Wang // Eurasian Economy. 2025. No. 2. Pp. 29-43.

23. Wang Ch. The Latest Understanding and Reasons of the United States on the Shanghai Cooperation Organization / Ch. Wang // Russian Studies. 2018. Vol. 8, No. 6 (48). Pp. 22-38.

24. Wang X. Energy Materiality, Industrial Chain Structure and the Political Effects of Economic Relations / X. Wang, J. Fu // International Forum. 2025. Vol. 27, No. 3. Pp. 79-99. DOI: 10.13549/j.cnki.cn11-3959/d.2025.03.005.

25. Yang J. Development-Led Poverty Reduction Cooperation within the SCO Framework / J. Yang, H. Zhang // Russian, East European & Central Asian Studies. 2024. No. 2. Pp 1-20. DOI: 10.20018/j.cnki.reecas.2024.02.001.

26. Yin M. Interpretation of International Law for Building a Closer SCO Community with a Shared Future / M. Yin // Law Science. 2022. Vol. 491, No. 10. Pp. 177-192.

27. Yu Z. Current Situation and Opportunities of China's Trade in Traditional Medicine with the Shanghai Cooperation Organization [J/OL] / Z. Yu, C. Zhang, G. Yang, Y. Liu, S. Du // China Journal of Chinese Materia Medica. Published online: 13.05.2025. DOI: 10.19540/j.cnki.cjcmm.20250419.101.

28. Zeng X. The Role and Development of the Shanghai Cooperation Organization from the Perspective of a Neighborhood Community with a Shared Future / X. Zeng, R. Ma // Modern International Relations. 2025. No. 7. Pp. 27-48.

29. Zhang J. The Value, Dilemmas and Promotion Strategies of SCO Sports Event Exchanges from the Perspective of a Community with a Shared Future for Mankind / J. Zhang, Z. Wang, X. Xing, D. Qin // Proceedings of the Sports Social Science Sub-Forum. 2024. Pp. 272-274.

30. Zhang Q. Research on the High-Quality Development of Trade between China and SCO Member States in the Context of SCO Expansion / Q. Zhang, H. Wei, B. Zhao, S. Cui // Journal of Port Non-Traditional Security Studies. 2024. Vol. 1, No. 2. Pp. 70-76.

31. Zhang Y. Discussion on the Current Situation of Oil and Gas Resources in SCO Member States and Related Cooperation Potential / Y. Zhang, P. Lyu, J. Tang, Y. Li, J. Zhou, J. Wei, J. Hong, Z. He // China Mining Magazine. 2025. Vol. 34, No. 2. Pp. 512-524. DOI: 10.12075/j.issn.1004-4051.20242235.

32. Zhao H. The Connotation and Prospects of Sustainable Development in the Shanghai Cooperation Organization / H. Zhao // Modern International Relations. 2025. No. 7. Pp. 49-69.

THE PROBLEM OF INTRODUCING HYBRID ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS INTO THE ACTIVITIES OF A MANUFACTURING ENTERPRISE

Antonov-Druzhinin Pavel Vitalyevich, *Postgraduate Student, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don*

This article explores the methodological, organizational, and technological aspects of implementing hybrid artificial intelligence (AI) systems in manufacturing enterprises. The topic is relevant given the accelerating digital transformation of the manufacturing sector and the growing complexity of business processes, which require the integration of machine learning, expert knowledge, and ontological models to improve the accuracy of management decisions and optimize production operations. The purpose of the study is to conceptualize the theoretical foundations and practical principles for implementing hybrid AI systems. This goal is achieved by analyzing existing scientific approaches to hybrid AI architectures, comparing them with traditional machine learning models, assessing the organizational and economic conditions for their implementation, and developing a methodology for measuring performance, including integrating TCO analysis and operational performance indicators. The novelty of the work lies in its substantiation of the specifics of using hybrid AI systems specifically in the manufacturing environment: a proprietary model of the interaction between cognitive and algorithmic AI components is proposed, as well as a structured methodology for assessing the impact of their implementation, taking into account production risks, operational efficiency, and the long-term effects of the digital transformation of production processes. The key findings presented in this article include a well-reasoned justification for a hybrid AI system implementation model based on the Total Cost of Ownership (TCO) methodology (a method that allows for assessing the cost structure associated with the use of all components of an automated control system (ACS) during their lifecycle), proposals for developing methodological and legal frameworks for manufacturing enterprises that facilitate the implementation of hybrid AI systems, and practical recommendations relevant for enterprise management and developers of intelligent manufacturing solutions.

Keywords: *hybrid AI systems; TCO methodology; operational management; integrative approach; manufacturing enterprise; intelligent support for management decisions; operational efficiency; business processes.*

EDN: JXLQNB ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.26***

Цитировать: *Антонов-Дружинин П.В. Методологические, организационные и технологические аспекты внедрения гибридных систем искусственного интеллекта в деятельность производственного предприятия // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 184-189. EDN: JXLQNB. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.26*

УДК 004.8:330.33

5.2.6

© Антонов-Дружинин П.В., 2026

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ГИБРИДНЫХ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Статья посвящена исследованию методологических, организационных и технологических аспектов внедрения гибридных систем искусственного интеллекта (ИИ) в деятельность производственных предприятий. Актуальность темы обусловлена ускоряющейся цифровой трансформацией производственной сферы и возрастающей сложностью бизнес-процессов, требующих интеграции машинного обучения, экспертных знаний и онтологических моделей для повышения точности управленческих решений и оптимизации производственных операций. Цель исследования состоит в концептуализации теоретических оснований и практических принципов внедрения гибридных ИИ-систем. Для достижения заявленной цели решаются задачи анализа существующих научных подходов к гибридным архитектурам ИИ, сравнения их с традиционными моделями машинного обучения, оценки организационно-экономических условий их внедрения и построения методики измерения эффективности, включая интеграцию ТСО-анализа и показателей операционной деятельности предприятия. Новизна работы выражается в обосновании специфики применения гибридных ИИ-систем именно в производственной среде: предлагается авторская модель взаимодействия когнитивных и алгоритмических компонентов ИИ, а также структурированная методика оценки эффекта их внедрения, учиты-

вающая производственные риски, операционную эффективность и долгосрочные эффекты цифровой трансформации производственных процессов. Основные результаты, отраженные в статье, включают аргументированое обоснование модели внедрения гибридных ИИ-систем на основе методики TCO (Total cost of ownership (TCO) — методика, с помощью которой возможна оценка структуры затрат, связанных с использованием всех составляющих элементов автоматизированной системы управления (АСУ) в период их жизненного цикла), предложения по развитию методического и правового арсенала производственных предприятий, способствующих внедрению гибридных ИИ-систем, а также практические рекомендации, значимые для менеджмента предприятий и разработчиков интеллектуальных решений производственного профиля.

Ключевые слова: *гибридные ИИ-системы; методика TCO; оперативное управление; интегративный подход; производственное предприятие; интеллектуальная поддержка управленческих решений; операционная эффективность; бизнес-процессы.*

АНТОНОВ-ДРУЖИНИН Павел Витальевич,
аспирант, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону
SPIN-код 3871-2862

Цифровые технологии меняют ландшафт экономики и производственные процессы, обеспечивая автоматизацию (ИИ, Интернет вещей), обработку данных, алгоритм принятия решений, оптимизируя цепочку поставок и т.д. При этом интеграция гибридных систем ИИ в произвосдтвенные системы сталкивается с рядом трудностей и обнаруживает уязвимые места технологической инфраструктуры, что обуславливает необходимость исследования методологических, организационных и технологических аспектов внедрения.

Как отмечают исследователи, «важной особенностью гибридного ИИ является также интеграция различных архитектур развертывания — облачных и периферийных вычислений, что обеспечивает оптимальную обработку данных в распределенных средах. Данный подход особенно ценен в бизнес-приложениях, где требуется гармоничное сочетание автоматизации процессов, глубокого анализа данных и эффективного взаимодействия с человеком, обеспечивая высокую адаптивность и масштабируемость решений в меняющихся условиях» [2].

Под гибридными системами ИИ понимаются интегрированные программно-аппаратные комплексы, которые сочетают в себе различные методы и технологии ИИ — машинное обучение, экспертные системы, онтологические модели, эвристические алгоритмы, методы логического вывода и вероятностного анализа [1; 3]. Основная идея гибридизации состоит в том, чтобы компенсировать ограничения каждого отдельного подхода за счёт их взаимного дополнения.

Машинное обучение демонстрирует высокую способность к выявлению скрытых закономерностей и автоматическому обновлению моделей на основе данных, однако часто страдает от недостатка интерпретируемости и объяснимости результатов. В противоположность этому, экспертные системы и онтологические модели основаны на формализованных знаниях и логических правилах, что обеспечивает прозрачность и управляемость решений, но ограничивает их гибкость при работе с большими и динамичными массивами данных. Объединение этих подходов в рамках единой архитектуры позволяет получить интеллектуальные системы, которые способны не только обучаться, но и объяснять собственные выводы, сохраняя при этом устойчивость к неопределённости и ошибкам данных.

Результаты исследования и их обсуждение. Преимущества гибридных систем ИИ проявляются в нескольких ключевых аспектах:

1. Интерпретируемость — возможность объяснить и обосновать принятые решения, что особенно важно в ответственных областях (финансы, аналитика, менеджмент и т.д.).

2. Гибкость и адаптивность — способность обновлять модели и правила при изменении внешней среды или поступлении новых данных.

3. Устойчивость к «шуму» и неопределённости — комбинирование вероятностных

и логических подходов позволяет снижать ошибки и повышать надёжность прогнозов.

4. Интеграция человеческого опыта — использование экспертных правил обеспечивает сохранение профессиональных знаний в цифровой форме и их дальнейшее развитие.

5. Оптимизация вычислительных ресурсов — разделение задач между модулями позволяет достигать баланса между скоростью, точностью и интерпретируемостью.

Благодаря этим свойствам, гибридные ИИ-системы становятся базой для создания интеллектуальных инструментов управления, прогнозирования и поддержки принятия решений.

Для менеджмента операционной деятельности особое значение имеет способность гибридных систем обеспечивать интеллектуальную поддержку управленческих решений — от анализа данных до формирования рекомендаций, согласованных с корпоративными целями и регламентами. При этом гибридный характер системы позволяет не только автоматизировать отдельные операции, но и формировать обоснованные, объяснимые решения, учитывающие как количественные, так и качественные факторы.

Гибридные системы ИИ представляют собой новое поколение интеллектуальных инструментов, в которых объединяются машинное обучение, экспертные правила и онтологические модели. Их сущность заключается в синергии эмпирических и логических методов, обеспечивающей переход от простого анализа данных к интеллектуальному управлению знаниями и процессами.

Развитие гибридных систем ИИ, объединяющих статистические (машинное обучение) и символические (экспертные правила, онтологии) подходы, открывает новые возможности для автоматизации и оптимизации управленческих решений. Вместе с тем возникновение таких систем ставит под сомнение применимость и адекватность традиционных экономических методик оценки ИТ-проектов и цифровых инвестиций. Классические инструменты (простая калькуляция затрат-выгод или расчет ROI, NPV и т.д.) хорошо подходят для оценки материальных и прямых эффектов, но оказываются ограниченными в учёте нематериальных выгод, длительных эффектов обучения моделей, скрытых и перманентных затрат на данные и сопровождение, а также в верификации результатов гибридных архитектур. Эти ограничения приобретают особую значимость по мере роста доли нематериальных активов в экономике и усложнения вычислительных техник. На эмпирическом уровне организации сталкиваются с трудностями при переводе качественных улучшений в денежные величины, а также с неожиданно высокими постоянными затратами на эксплуатацию и обновление гибридных ИИ-систем. Концептуальное и методологическое осмысление этих проблем необходимо для корректного принятия управленческих решений о внедрении гибридных ИИ-решений.

Традиционные методы экономической оценки ориентированы на измеримые денежные потоки: снижение себестоимости, рост выручки, экономию времени. Внедрение гибридных систем приносит целый спектр нематериальных эффектов: повышение качества решений и их объясняемости, рост доверия со стороны клиентов и регуляторов, аккумулирование интеллектуального капитала, улучшение гибкости бизнес-процессов и ускорение обучения персонала. Эти эффекты важны для долгосрочной конкурентоспособности, но их трудно корректно «моделировать» в денежном выражении. Во многих случаях компании отмечают, что «ИИ приносит результаты, которые важно, но сложно монетизировать» [4], взаимосвязь между улучшением качества решений и ростом прибыли зачастую опосредована и многопараметрична.

На данном этапе существует две взаимосвязанных проблемы. Первая — выявление причинно-следственных связей: как количественно связать, например, повышение интерпретируемости предсказаний с уменьшением производственных потерь от ошибок и брака, увеличением постоянства клиентской базы или снижением риска штрафов. Вторая — сокращение временного лага: нематериальные эффекты часто реализуются постепенно (через улучшение репутации, накопление знаний), что усложняет дисконтирование и корректное включение в расчёт NPV. Стандартные подходы могут либо недооценивать такие выгоды, либо придавать им избыточный вес при субъективной оценке.

Методологически это требует развития комбинированных оценочных методик, т.е.

совокупности количественных показателей (снижение дефектов, время реакции на изменения, процент автоматического принятия решений) с качественными прокси-показателями (индекс лояльности потребителя, индекс доверия, показатели интеллектуального капитала), а также применения методик чувствительности и сценарного анализа для отражения неопределённости и временных лагов. При этом важно опираться на эмпирические модели, связывающие прокси-показатели (числовые данные, которые выражают отдельные аспекты работы компании) с экономическим эффектом, и фиксировать (документировать) допущения в оценке.

Гибридные ИИ-системы требуют высококачественных, семантически сопоставимых данных, часто из разнородных источников. Стоимость приобретения, очистки, нормализации, аннотации и привязки данных может составлять значительную долю проекта и длиться долго. Именно подготовка данных часто оказывается более трудозатратной и дорогой, чем тестирование модели. Кроме того, для интеграции онтологических слоёв (это точная спецификация некоторой предметной области) требуется дополнительная семантическая верификация и выработка согласованных словарей, что добавляет экспертизных затрат. Традиционные TCO-модели иногда недооценивают регулярные и непредвиденные расходы, рассматривая их как одноразовые капитальные затраты.

Процесс тренировки современных моделей машинного обучения, особенно при больших объёмах данных или при использовании генеративных/глубоких архитектур, несёт прямые вычислительные издержки (GPU/TPU-время (время работы графического или тензорного процессоров), электроэнергия, аренда облачных ресурсов. Такие издержки становятся значимыми при необходимости частого переобучения из-за дрейфа данных (сдвига в распределении входных признаков между обучающими данными и сервером баз данных) или обновления онтологий (описания объектов их свойств и связей между ними для какой-то предметной области). Помимо этого, обучение гибридной модели часто предполагает итеративную «совместную» настройку, которая включает: обучение статистического блока, проверка логическими правилами, корректировка онтологий, а это процесс, требующий последовательных циклов инжиниринга и экспертного времени. Традиционные модели расчёта затрат часто не учитывают цикличность и аддитивность таких операций, что ведёт к заниженной оценке операционных расходов. Работы по оценке TCO для ИИ подчёркивают, что эксплуатационные расходы (энергия, помещение, сопровождение) могут доминировать в долгосрочной перспективе.

При распределённых гибридных архитектурах ИИ и централизованном обучении значимую роль начинают играть сетевые затраты и затраты, связанные с хранением данных. Сюда можно отнести: перемещение крупных структурированных массивов данных (датасетов), их последующую репликацию для резервирования, хранение данных для аудита и регуляторных требований. Эти элементы редко адекватно представлены в классических «ИИ-бюджетах», однако при масштабировании систем способны формировать существенную постоянную статью расходов. Кроме того, юридические и комплаенс-издержки, связанные с локализацией данных и их анонимностью, также увеличивают суммарную стоимость владения.

Анализируя внедрение гибридных ИИ-систем, можно выделить затраты на сопровождение, мониторинг и управление дрейфом, представляющие собой повседневный риск для моделей машинного обучения. Применение к ним традиционных методик, которые учитывают только первоначальную стоимость проекта, не покрывают постоянных расходов на мониторинг и управление дрейфом, приводит к тому, что реальные экономические показатели оказываются хуже рассчитанных.

Гибридные системы усложняют процесс валидации, т.е. соответствия программного обеспечения ожиданиям и требованиям клиента, поскольку решение одновременно формируется статистическим прогнозом и набором правил/онтологических ограничений. Это требует специализированных процедур тестирования для каждого из компонентов и для их взаимодействия, что предполагает дополнительные накладные расходы, особенно в регуляторно-чувствительных областях (управление, финансы), где необходим аудит и воспроизводимость решений.

Также онтология и экспертные правила требуют постоянного управления, что включает актуализацию терминологии, интеграцию новых доменных понятий и разрешение конфликтов между источниками информации. Это предполагает участие предметных экспертов и инструментов для управления знаниями. Традиционные оценки не всегда выделяют эту статью расходов как регулярную, что искажает оценку долгосрочных затрат.

Гибридные системы оказывают смешанный эффект на субъект воздействия. Так, статистическая подсистема повышает прогнозируемость, экспертная — уменьшает риск грубых ошибок, онтологическая, в свою очередь, обеспечивает согласованность и семантическую интероперабельность (способность к взаимодействию). При попытке разложить экономический эффект на отдельные составляющие исследователь сталкивается с проблемой мультиколлинеарности и эффектов взаимодействия. Отдельно измерить вклад каждого компонента порой невозможно, так как выгоды реализуются через их взаимодействие. Это усложняет применение классических оценочных методов и требует использования экспериментальных и квази-экспериментальных методик (A/B-тестирование [1], DID-анализ [2], контрфактуральный анализ [3]) для оценки вклада технологии.

Оценка эффекта внедрения предполагает корректную «базовую линию», иными словами, осуществление процессов без вмешательства, корректировок со стороны. Для гибридных систем ИИ характерно быстрое изменение нормы работы, которое заключается в том, что персонал адаптируется, процедуры перерабатываются и образуется эффект «привыкания». Это усложняет измерение чистого вклада технологии: часть улучшений может быть обусловлена организационными изменениями, стимулированными внедрением, а не только технологией. Методологически необходимо строить контрольные группы или использовать статистические методы, устраняющие погрешности, связанные с сопутствующими изменениями.

Признание нематериальных результатов деятельности гибридных ИИ систем пересекается с вопросами бухгалтерского учета и капитализации цифровых активов. Появляются дискуссии о том, как отражать стоимость данных, аннотированных баз данных, обученных моделей и накопленного интеллектуального капитала в финансовой отчётности. Традиционные стандарты по учету нематериальных активов требуют выражения идентифицируемой, контролируемой и приносящей экономическую выгоду ценности. Генерированные нейросетью базы данных, модели, совокупность знаний и процессы MLOps (операции машинного обучения, набор практик, автоматизирующих и упрощающих рабочие процессы и развертывание машинного обучения) испытывают трудности при прохождении соответствия этим критериям, что затрудняет процесс их денежной оценки и влияет на инвестиционные решения компаний. Вследствие этого предприятия вынуждены отражать значительные вложения в НИОКР и операционные расходы, не получая их адекватной капитальной оценки, что влияет на расчёт финансовых, операционных и других показателей деятельности компаний и производственных предприятий.

Для преодоления перечисленных проблем требуется развитие методического и правового арсенала. В качестве базовых предложений можно выделить:

1. Интеграция количественных и качественных индикаторов. Формирование комбинированных KPI-пакетов, включающих объективные меры — снижение дефектов, время обработки, процент точных прогнозов, и прокси-показатели нематериального эффекта — индексы удовлетворённости, частота использования рекомендаций, скорость принятия решений.

---

[1] A/B-тест — метод маркетингового исследования, позволяющий на основе статистики оценить влияние изменения на метрики продукта.

[2] DID-анализ — метод разности разностей (Difference-in-Differences, DID или Diff-in-Diff), представляет собой квазиэкспериментальный подход, используемый для оценки эффекта вмешательства или изменения политики путём сравнения изменений результатов с течением времени между группой, подвергшейся воздействию (экспериментальной), и группой, не подвергшейся воздействию (контрольной).

[3] В контрфактуальном анализе результаты вмешательства сравниваются с результатами, которые были бы достигнуты, если бы вмешательство не было реализовано.

2. Учёт жизненного цикла системы. Применение методики TCO, адаптированной под конкретные алгоритмы машинного обучения. Явное выделение капитальных затрат на разработку/обучение и регулярных операционных расходов на мониторинг, переобучение, обновление онтологий, лицензирования, электропитание и т.п., документация всех статей затрат и их привязка к жизненному циклу проекта.

3. Применение экспериментальных подходов. Использование A/B-тестов, подход выпадения (hold-out — это псевдо-эксперимент, раскатанный на небольшом траффике, на который не действуют никакие эксперименты, кроме него самого. При таком подходе не подразумевается делать какие-либо изменения), квази-экспериментов и регрессионных методов для идентификации вклада технологии с контролем сопутствующих изменений.

4. Сценарное и вероятностное моделирование. Оценка диапазонов исходов и чувствительности к ключевым параметрам (скорость дрейфа, частота переобучения, стоимость хранения данных). Это позволит менеджерам принимать решения в условиях неопределённости.

5. Инвестиции в MLOps и управление знаниями. Признание мониторинга и сопровождения как постоянной статьи затрат и планирование соответствующих ресурсов и процессов. Разработка механизмов управления онтологиями и применением экспертных правил с учётом затрат на их обновление.

Заключение

Гибридные системы ИИ играют всё более значимую роль в цифровой экономике и управлении операционными процессами предприятий. Их использование позволяет сочетать аналитическую мощность машинного обучения с управляемостью и предсказуемостью экспертных решений. В экономической практике такие системы применяются для оптимизации производственных процессов, управления запасами, прогнозирования спроса, анализа рисков и стратегического планирования.

Традиционные экономические методики оказываются недостаточными для полного и корректного анализа внедрения гибридных ИИ-систем. Главные трудности связаны с измерением капитализации нематериальных эффектов, верной учётной оценкой затрат на исходные данные и обучение моделей, а также с правильным отнесением постоянных расходов на сопровождение и мониторинг процесса внедрения ИИ-систем. Для принятия обоснованных решений необходимы адаптированные методики, объединяющие количественные и качественные показатели, учитывающие жизненный цикл системы ИИ и включающие экспериментальные методы идентификации эффекта. Только такая многоуровневая методология обеспечит реалистичную оценку экономической эффективности внедрения гибридных ИИ-инициатив и позволит предприятиям корректно планировать инвестиции и техническое сопровождение этих процессов.

Литература:

1. Душкин Р.В., Андронов М.Г. Гибридная схема построения искусственных интеллектуальных систем // Кибернетика и программирование. — 2019. — №4. — С. 51-58. DOI: 10.25136/2644-5522.2019.4.29809

2. Золотов И. Оптимизация бизнес-процессов с помощью гибридных моделей искусственного интеллекта // Universum: технические науки: электрон. научн. журн. — 2025. — №5(134).

3. Espina-Romero L, Gutiérrez Hurtado H, Ríos Parra D, Vilchez Pirela RA, Talavera-Aguirre R, Ochoa-Díaz A. Challenges and Opportunities in the Implementation of AI in Manufacturing // A Bibliometric Analysis. Sci. — 2024. — №6(4). — 60 p. https://doi.org/10.3390/sci6040060

4. Horton R., Michalski J., Winters S., Gunn D., Holland J. AI Investment and the Pendulum Effect: The Crisis of Software Quality & Infrastructure // International Journal of Research and Applied Innovations. — 2025. — №8(6). — Pp. 12974-12977. https://doi.org/10.15662/IJRAI.2025.0806018

CYBERRISKS AS A FACTOR OF STRATEGIC SUSTAINABILITY OF THE MAJOR COMPANIES IN THE RAW MATERIALS SECTOR IN RUSSIA AND ASIA

Arakelyan Eric Artushevich, *Postgraduate student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow*

This article examines the relationship between cyber risks and the strategic resilience of major commodity corporations in the context of digital transformation. The main focus is on analyzing the transformation of digital threats from operational incidents into factors directly impacting the long-term competitiveness of a business. The timeliness of this study stems from the existing gap between the rapid digitalization of critical infrastructure and the often fragmented, reactive approaches to managing the associated risks, which is particularly relevant for the commodity sector. The purpose of this study is to develop a conceptual model of the relationship between cyber risks and strategic resilience and to formulate practical recommendations for integrating the management of these risks into strategic planning. To achieve this, the following tasks are sequentially addressed: systematization and classification of industry cyber risks; comparative analysis of management practices in corporations in Russia and key Asian countries; development of a diagram of threat impact channels on resilience elements; and proposal of an algorithm for the transition to a strategically integrated management system. The methodological basis is an integrative approach that synthesizes the concepts of operational resilience, risk management, and the lifecycle of critical assets. Case studies are used to practically test this integration using real-world precedents, while comparative analysis allows us to identify the evolution and challenges of regulatory frameworks. The research's scientific novelty lies in its synthesis of aspects of strategic management, risk management, and corporate cybersecurity as applied to the commodities sector, as well as in its comprehensive comparative analysis from a regional perspective between Russia and Asia, which allows us to identify the impact of different national regulatory and corporate governance models. Results. The study developed a classification of cyber risks by level of strategic impact, identifying contextual differences and common challenges in the approaches of Russia and Asian countries. It was established that operational isolation of cybersecurity remains a key problem in all regions.

Keywords: *cyber risks; strategic sustainability; raw materials sector; digital transformation; corporate governance; cybersecurity; risk management.*

EDN: KAHQUH **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.27**

Цитировать: *Аракелян Э.А. Киберриски как фактор стратегической устойчивости крупнейших корпораций сырьевого сектора России и Азии // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 190-198. EDN: KAHQUH. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.27*

УДК 004.056:33.45
5.2.4 / 5.2.3

© Аракелян Э.А., 2026

КИБЕРРИСКИ КАК ФАКТОР СТРАТЕГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КРУПНЕЙШИХ КОРПОРАЦИЙ СЫРЬЕВОГО СЕКТОРА РОССИИ И АЗИИ

Статья посвящена исследованию взаимосвязи киберрисков и стратегической устойчивости крупнейших сырьевых корпораций в условиях цифровой трансформации Основное содержание составляет анализ трансформации цифровых угроз из операционных инцидентов в факторы, напрямую влияющих на долгосрочную конкурентоспособность бизнеса. Своевременность обращения к проблеме обусловлена существующим разрывом между стремительной цифровизацией критической инфраструктуры и часто фрагментарными, реактивными подходами к управлению, связанными с ней рисками, что особенно актуально для сырьевого сектора. Целью исследования является разработка концептуальной модели взаимосвязи киберрисков и стратегической устойчивости и формирование практических рекомендаций по интеграции управления этими рисками в стратегическое планирование. Для ее достижения последовательно решаются задачи: систематизация и классификация отраслевых киберрисков; сравнительный анализ управленческих практик в корпорациях России и ключевых стран Азии; разработка схемы каналов воздействия угроз на элементы устойчивости; предложение алгоритма перехода к стратегически интегрированной системе управления. Методологической основой выступает интегративный подход, синтезирующий концепции операционной устойчивости, управления рисками и жизненным циклом критических активов. Метод кейсов использу-

ется для практической проверки интеграции на примере реальных прецедентов, а сравнительный анализ позволяет выявить эволюцию и проблемы в нормативных базах. Научная новизна исследования заключается в синтезе аспектов стратегического менеджмента, риск-менеджмента и корпоративной кибербезопасности применительно к сырьевому сектору, а также в проведении комплексного сравнительного анализа в региональной перспективе Россия-Азия, что позволяет выявить влияние различных национальных моделей регулирования и корпоративного управления. Результаты. В ходе исследования разработана классификация киберрисков по уровню стратегического воздействия, выявлены контекстные различия и общие вызовы в подходах России и азиатских стран. Установлено, что ключевой проблемой во всех регионах остается операционная изоляция кибербезопасности.

Ключевые слова: *киберриски; стратегическая устойчивость; сырьевой сектор; цифровая трансформация; корпоративное управление; кибербезопасность; риск-менеджмент.*

АРАКЕЛЯН Эрик Артушевич, *аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва*

ORCID: 0009-0006-2407-6351

Введение

Киберриски в современном понимании являются совокупностью реализации угроз, источником которых являются цифровые технологии и их негативные последствия для организации. В контексте сырьевых корпораций, переживающих интенсивную цифровую трансформацию, эти риски эволюционируют из операционных IT-инцидентов в факторы стратегического уровня, непосредственно угрожающие физическим активам и непрерывности бизнеса [7, с. 18]. В свою очередь стратегическая устойчивость корпорации определяется, как ее комплексная способность противостоять, адаптироваться и трансформироваться под воздействием шоков для сохранения долгосрочной конкурентоспособности [3, с. 28]. Таким образом, можно сделать вывод, что данная концепция основана на интеграции операционной, финансовой и репутационной устойчивости, что требует от бизнеса проактивного управления всеми видами угроз, включая цифровые.

Взаимосвязь между этими двумя категориями является фундаментальной и взаимообусловленной, так как цифровизация производственных цепочек в сырьевом секторе создает прямые каналы воздействия кибератак на ключевые компоненты стабильности. Кроме того, необходимо отметить, что атака на систему управления может парализовать операционную непрерывность, а масштабная утечка данных подорвет доверие стейкхолдеров и финансовую стабильность [9, с. 34; 11, с. 5]. Вследствие этого в современном мире киберустойчивость — это вопрос стратегической устойчивости, а не просто техническая проблема.

Научное осмысление взаимосвязи киберугроз и устойчивости бизнеса прошло несколько этапов. На первом этапе (конец 1990-х — 2000-е гг.) в научной литературе преобладал технико-технологический подход. Исследования были сосредоточены на уязвимостях протоколов и программного обеспечения, методах криптографии и защите периметра сетей. Следует отметить, что проблема рассматривалась преимущественно как задача для IT-специалистов, а объектом защиты выступали данные и информационные системы [8, с. 974]. Второй этап (2010-е гг.) ознаменовался переходом к управленческому и правовому подходу. После ряда громких инцидентов, которым можно отнести атаку Stuxnet в 2010 году, фокус сместился на управление рисками, стандарты и национальное регулирование безопасности критической информационной инфраструктуры. В этот период появляются фундаментальные работы, интегрирующие киберриски в систему корпоративного риск-менеджмента (EMR) [10, с. 5]. Современный, третий этап (с середины 2010-х гг по настоящее время) характеризуется утверждением парадигмы киберустойчивости. Фокус внимания исследователей оказывается не столько предотвращение всех инцидентов, сколько способность организации продолжать выполнение ключевых функ-

ций во время и после атаки. Активно развиваться концепция интеграции устойчивости к кибератакам в общую стратегию устойчивого развития и непрерывности бизнеса [11, с. 3; 13, с. 134]. Однако, как отмечают современные авторы, большинство исследований носят либо общетеоретический характер, либо сфокусированы на опыте западных компаний и регуляторных практик [4, с. 33; 13, с. 102].

Эволюция научного осмысления данной проблемы показывает переход от технических решений к управленческой парадигме киберустойчивости. На основании изложенного можно резюмировать, что современный подход фокусируется не на абсолютной защищенности, а на способности организации минимизировать ущерб и восстанавливать работоспособность в условиях неизбежных инцидентов, интегрируя эту логику в стратегическое планирование. Однако, представляется очевидным, что на практике существует значительный разрыв между высокими темпами цифровизации активов и зрелостью систем управления возникающими киберрисками, которые часто носят реактивный и фрагментарный характер. Особую актуальность эта проблема приобретает в сравнительном контексте, поэтому подходы сырьевых корпораций России и ключевых стран Азии, несмотря на схожую отраслевую значимость, формируются под влиянием различных национальных модулей регулирования и корпоративного управления. Следовательно, для преодоления указанных отличий требуется разработка целостной концептуальной модели, которая свяжет специфические киберриски сырьевого сектора с элементами стратегической устойчивости и алгоритма для интеграции управления этими рисками в корпоративную стратегию.

Именно в этом контексте выявляется проблемное поле и научный пробел, определяющие актуальность данного исследования. Существует явный разрыв между стремительной цифровизацией производственных активов сырьевого сектора и зачастую фрагментарным, реактивным характером управления связанными с этим киберрисками. Особую значимость проблема приобретает в сопоставлении опыта России и стран Азии. В этих регионах сырьевые корпорации играют системообразующую роль, однако подходы к регулированию, корпоративной культуре безопасности и технологическому развитию демонстрируют существующие различия [2, с. 90; 5, с. 345]. Комплексные сравнительные исследования, фокусирующиеся на отраслевой специфике сырьевого сектора в контексте различных национальных моделей, остаются единичными. Этот пробел определяет новизну исследования, которая заключается в синтезе аспектов стратегического менеджмента, риск-менеджмента и корпоративной кибербезопасности применительно к сырьевому сектору в сравнительной региональной перспективе Россия-Азия [4, с. 35; 13, с. 88].

Основой исследования является разработка концептуальной модели взаимосвязи киберрисков и стратегической устойчивости, а также формирование на ее основе практических рекомендаций по интеграции управления рисками в стратегическое планирование крупнейших сырьевых корпораций России и Азии. Методологическую основу исследования составляют принципы системного подхода, позволяющие рассматривать корпорацию как сложную адаптивную систему в условиях цифровых угроз [3, с. 30; 11, с. 10]. В ходе исследования применялись такие методы сравнительного анализа открытых корпоративных отчетов, контент-анализ нормативных документов и отраслевых стандартов, а также структурно-функциональное моделирование для визуализации взаимосвязей между компонентами системы.

Результаты исследования и их обсуждение

Изучение научной литературы по данной теме позволяет сделать вывод, что сырьевой сектор характеризуется наличием распределенной и зачастую удаленной критической инфраструктурой (месторождения, трубопроводы, нефтеперерабатывающие заводы, танкеры), высокой степенью автоматизации и использования унаследованных систем управления [4, с. 34; 13, с. 64]. Это формирует уникальный профиль уязвимостей. На основе анализа инцидентов и экспертных оценок [4, с. 35; 10, с. 96; 13, с. 5] можно предложить следующую классификацию рисков по их стратегическому воздействию (табл. 1).

Представленная в таблице классификация показывает, что киберриски перестают быть

исключительно технологической проблемой, трансформируясь в факторы, влияющие на выполнение миссии компании, ее рыночную позицию и отношения с государством. Тем самым, наиболее критическими являются риски прямого физического воздействия на производственные активы, так как они способны одномоментно лишить компанию ее операционной основы, вызвав поток финансовых, экологических и репутационных последствий.

Таблица 1 — **Классификация киберрисков сырьевых корпораций по уровню стратегического воздействия [1, с. 48]**

Категория риска	Основные угрозы	Потенциальное стратегическое воздействие
Критическое воздействие на активы и непрерывность	• атаки на АСУ ТП, приводящие к остановке производства или аварии; • саботаж оборудования через IIoT.	• длительный простой; • физическое разрушение активов; • экологический ущерб; • человеческие жертвы; • подрыв операционной основы бизнеса.
Финансовые и коммерческие потери	• кибермошенничество (поддельные платежи); • кража коммерческой тайны (геоданные, технологии разведки); • программы-вымогатели (шифрование данных с требованием выкупа).	• прямые финансовые убытки; • утрата конкурентных преимуществ; • дополнительные затраты на восстановление; • снижение инвестиционной привлекательности.
Нарушение цепочек поставок и логистики	• взлом систем логистики и планирования; • компрометация данных по запросам и отгрузкам; • атаки на партнеров-поставщиков.	• срыв контрактов, штрафы; • репутационные потери среди контрагентов; • нарушение экспортных обязательств
Репутационный и регуляторый ущерб	• крупные утечки персональных данных сотрудников и клиентов; • публикация внутренней переписки; • обвинения в слабой киберзащите.	• падение инвесторов и потребителей; • судебные иски; • ужесточение надзора со стороны регуляторов; • санкции.
Геополитические и макрособытийные риски	• целевые атаки; • инициированные государствами или политическими группами; • кибершпионаж в стратегических интересах.	• угроза национальной безопасности страны; • попадание под действие международных санкций; • политическая зависимость.

Стоит отметить, что данные таблицы наглядно показывают трансформацию цифровых угроз в факторы геополитического порядка, где корпорация может стать как объектом государственного шпионажа, так и инструментом или мишенью в межгосударственном противостоянии. Следовательно, игнорирование любого из выделенных категориальных блоков в системе управления рисками создает уязвимость, способную подорвать стратегическую устойчивость бизнеса в долгосрочной перспективе.

На основании выше представленной классификации рисков, был проведен сравнительный анализ подходов к управлению ими в сырьевом секторе России и Азии. Данное исследование позволило выявить как универсальные тенденции, так и контекстные различия, определяемые спецификой национального регулирования и корпоративного управления [2, с. 98; 5, с. 45; 6, с. 152]. Ключевые выводы этого сравнения систематизированы в таблице 2.

Таким образом, сравнительный анализ подтверждает, что поход к киберрискам в сырьевом секторе в значительной степени определяется национальным контекстом. Однако, независимо от региона, ключевой стратегической задачей становится преодоление операционной изоляции функции информационной безопасности, ее интеграция в общее управление рисками и бизнес-процессы, а также выработка эффективных моделей управления рисками третьих сторон.

Таблица 2 — **Сравнительный анализ управления киберрисками в сырьевом секторе России и Азии**

Критерий сравнений	Россия	Китай	Юго-Восточная Азия (на примере Индонезии, Малайзии)
Ключевой драйвер и подходов	Государственное регулирование и импортозамещение. Реакция на усиление национального законодательства, следование предписаниям регуляторов [2, с. 90]	Государственная стратегия и национальная безопасность. Интеграция в национальные инициативы («Цифровой Китай»), централизованный контроль [5, с. 345]	Соответствие международным требованиям. Адаптация к стандартам глобальных инвесторов и партеров, перенимание лучших мировых практик [6, с. 103]
Уровень интеграции в стратегию	Ограниченный, операционно-ориентированный. Часто изолировано в ИТ-департаментах, слабая связь с корпоративным риском-менеджментом и советом директоров [1, с. 50; 4, с. 36]	Высокий, централизованный. Рассматривается как элемент государственной политики и корпоративной стратегии на высшем уровне [5, с. 350]	Растущий, фрагментированный. Определяется необходимостью привлечения инвестиций, но может страдать из-за сложной структуры бизнеса [6, с. 108]
Технологический фокус	Внедрение отечественных решений и стандартов в ответ на требования импортозамещения. Создание SOC [2, с. 95]	Активное развитие и внедрение национальных технологий и стандартов безопасности [5, с. 355]	Внедрение международных фреймворков возможна зависимость от решений глобальных вендоров [6, с. 110]
Основные вызовы	Реактивное финансирование, слабая интеграция киберрисктов в общую стратегию и ERM, технологические сложности импортозамещения [1, с. 49; 4, с. 33]	Бюрократизация и сложность интеграции с международными партнерами, гибкость в условиях быстрой цифровизации [5, с. 358]	Дефицит квалифицированных кадров, фрагментация ИТ-ландшафта из-за роста через слияния и поглощения [6, с. 112]

Данная модель наглядно показывает, что ИТ-риски являются кросс-функциональной угрозой, оказывающей влияние не просто на кибератривы, а также и на фундаментальные основы бизнеса [9, с. 45; 14, с. 9]. Итак, например, успешная атака на автоматизированную систему правления технологическими процессами нефтеперерабатывающего завода (операционный канал) ведет к остановке производства, что вызывает прямые финансовые потери от недополученной выручки и затрат на восстановление (финансовый канал). Одновременно это может привести к экологическому инциденту, широко освещаемому в СМИ (репутационный канал), и последующим проверкам и штрафам со стороны регуляторов (правовой канал). Следовательно, совокупное воздействие ставит под вопрос саму стратегическую устойчивость предприятия [10, с. 90; 13, с. 75]. Следует отметить, что изучение взаимосвязи киберрисков с ключевыми факторами устойчивости является лишь первым шагом. Второй, императивный шаг основывается на построении эффективной системы защиты, способной противодействовать этим угрозам на всех уровнях.

Несмотря на эти контекстные различия, ключевой стратегической задачей для всех регионов является преодоление операционной изоляции функции кибербезопасности. Ее глубокая интеграция в общую систему управления рисками и бизнес-процессы становится критически важной. Это обусловлено тем, что IT-риски трансформировались из чисто технических угроз в факторы, напрямую валяющие на стратегическую устойчивость компании [1, с. 60; 3, с. 25; 11, с. 18]. Они воздействуют на операционную непрерывность, финансовую стабильность, репутацию и правовое положение корпорации. Тем самым, для системного отображения этой взаимосвязи была разработана схема, которая визуализирует, как различные категории информационных рисков воздействуют на фундаментальные факторы

стратегической устойчивости сырьевой корпорации (рис. 1).

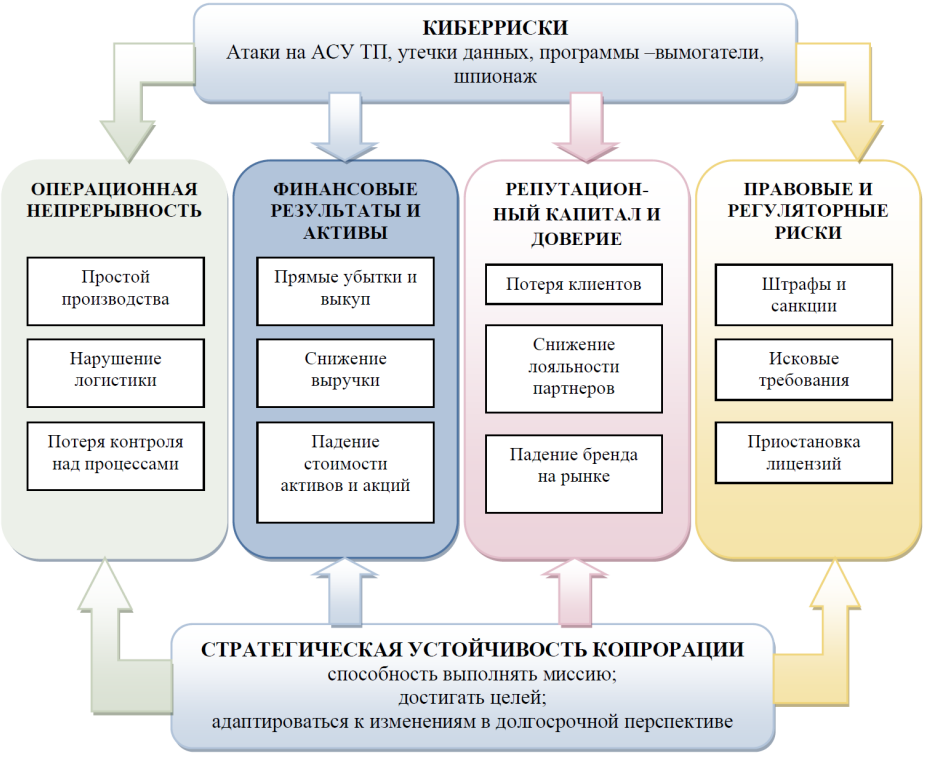

Рисунок 1 — **Схема взаимосвязи киберрисков и факторов стратегической устойчивости сырьевой корпорации**

Получается, что такая система должна обеспечивать органичную интеграцию управления IT-рисками в общую архитектуру корпоративного управления рисками, стратегическое планирование и операционные бизнес-процессы [1, с. 59; 9, с. 987]. Ее внедрение обусловливает необходимость формализации распределения зон ответственности, синхронизации управленческих процессов и формирования унифицированной понятийной базы для взаимодействия между техническими экспертами, риск-менеджерами, операционным персоналом и топ-менеджментом. Таким образом, в целях структурирования указанной системы была разработана интегрированная модель, которая визуализирует трансформацию стратегических установок в конкретные управленческие практики посредством объединения трех ключевых элементов, таких как стратегическое целепологание, операционный цикл управления и сквозные фундаментальные принципы (рис. 2).

Представленная на рисунке 2 схема иллюстрирует, что эффективная защита — это не статичное состояние, а динамичный цикл, в котором организационные меры, технологические решения и постоянное совершенствование человеческого капитала сливаются в единый комплекс, способный адаптироваться к растущим и меняющимся угрозам.

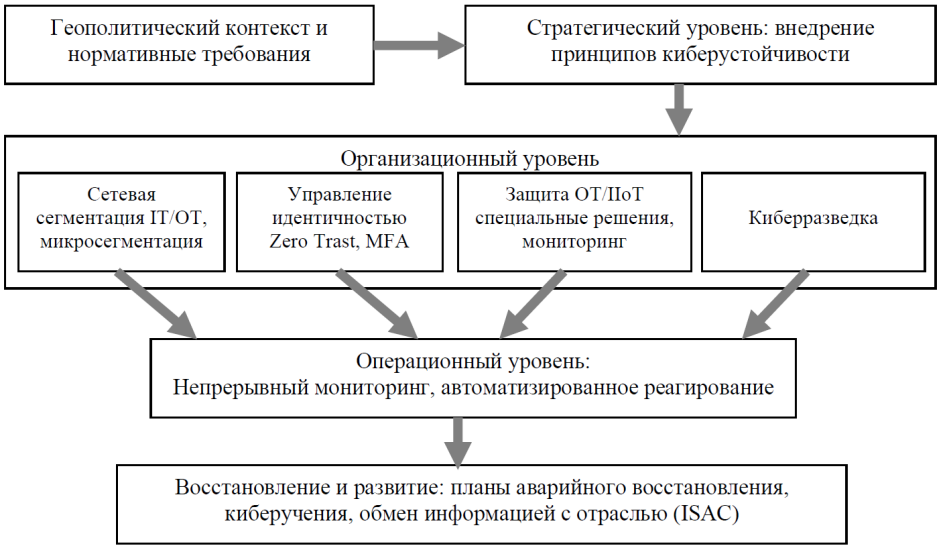

Рисунок 2 — **Интегрированная модель управления киберрисками для сырьевой корпорации**

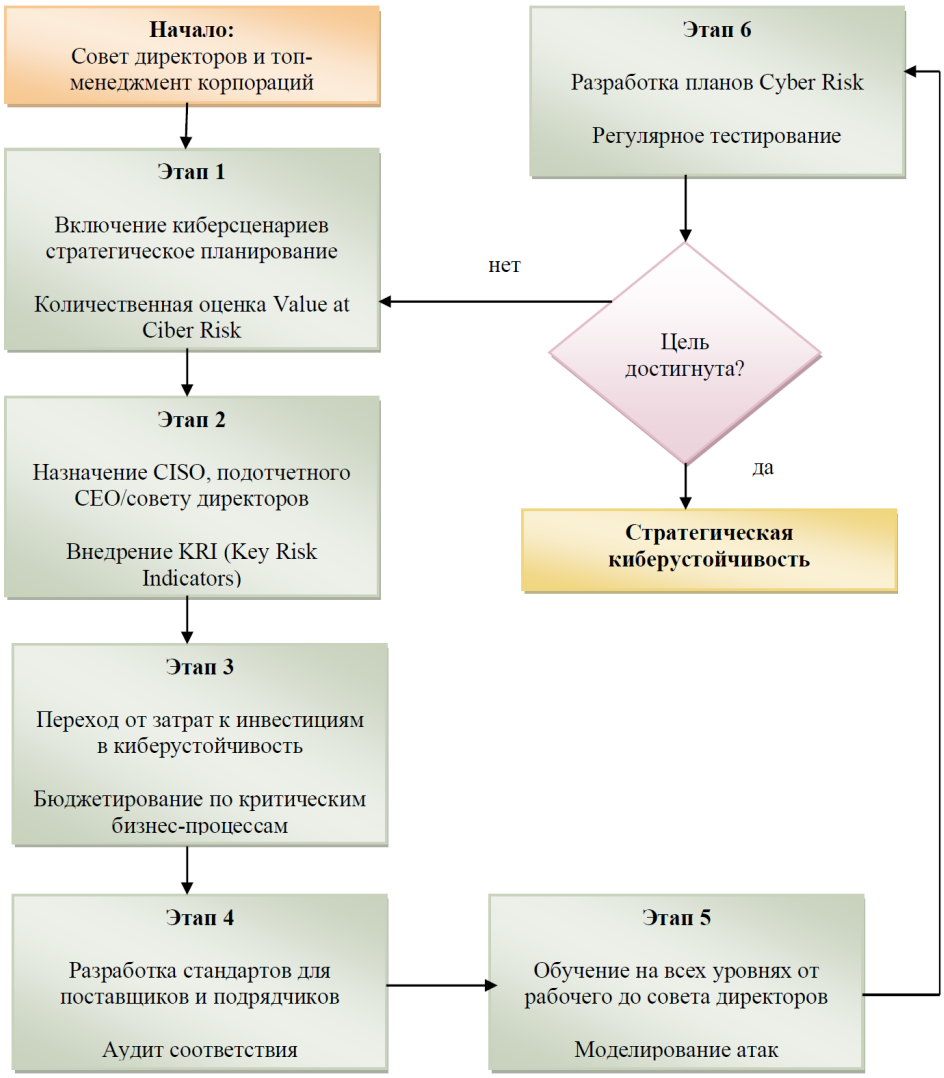

Рисунок 3 — **Алгоритм интеграции управления киберрисками в стратегическое планирование сырьевой корпорации**

Следовательно, представленная модель задает системные рамки и логику, в которых должно функционировать управление киберрисками. Однако для ее практической реализации в контексте стратегического планирования необходим четкий, поэтапный план действий, переводящий концептуальные принципы в конкретные управленческие решения и процедуры. Следует отметить, что данный план, целесообразно выразить в виде алгоритма, который служит практическим инструментом для преодоления выявленного в исследовании разрыва между технической и стратегической составляющими [1, с. 48; 4, с. 36]. В связи с этим, для наглядности и удобства использования предлагаемая последовательность структурирована таким образом, что каждый практический шаг связан с его стратегической целью, ключевыми участниками и ожидаемыми результатами (рис. 3).

В целом, предложенный алгоритм представляет собой развернутую архитектуру стратегической киберустойчивости. Его основная идея заключается в преодолении изоляции технических решений от корпоративного управления [9, с. 78]. Когда вопросы киберрисков включаются в повестку совета директоров, то безопасность перестает быть затратным центом ИТ-департамента. Следовательно, она становится неотъемлемой частью стратегических дискуссий об устойчивости бизнеса, инвестициях в ключевые процессы и защите репутации [3, с. 28; 9, с. 74]. Стоит отметить, что суть алгоритма выражается о взаимосвязи цифровых угроз с материальными бизнес-ценностями. При этом бюджеты начинают формироваться не на абстрактные «защитные меры», а на обеспечение непрерывности конкретных операций. Этот же принцип распространяется вовне, на цепочку поставок, где уязвимость партнера признается личной уязвимостью корпорации, а технологическая часть остается хрупкой без человеческого фактора [6, с. 355; 9, с. 990].

Завершающий и связывающий элемент методики — это ориентация на восстановление, в рамках которой фокус смещается с тотального предотвращения на минимизацию последствий и скорость адаптации. Разработанные и регулярно тестируемые планы кибервосстановления становятся практическим выражением стратегической устойчивости, позволяя бизнесу не просто

выжить после инцидента, но и сохранить доверие стейкхолдеров [11, с. 20]. Заложенная в модель обратная связь превращает ее не в статичную инструкцию, а в самообучающийся контур, способный эволюционировать вместе с ростом угроз и изменением бизнес-среды. Таким образом, реализация данного подхода формирует у корпорации не пассивный «иммунитет», а активную способность к постоянной трансформации и сохранению своей стратегической ценности в условиях цифровой неопределенности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в условиях глубокой цифровой трансформации киберриски перестали быть узкотеоретической задачей, превратившись в один из определяющих факторов стратегической устойчивости крупнейших сырьевых корпораций России и Азии. Уникальный профиль уязвимостей этого сектора, связанный с распределенной критической инфраструктурой и высокоавтоматизированными производственными активами, делает его особой мишенью для атак, способных причинить не только финансовый, но и физический, экологический и репутационный ущерб.

Сравнительный анализ подходов России и стран Азии выявил, что, несмотря на различия в национальных драйверах ключевая проблема остается общей [2, с. 91; 5, с. 29; 6, с. 357]. Она заключается в сохраняющемся разрыве между стремительной цифровизацией операционных процессов и изолированным характером управления киберугрозами. Разработанные в рамках исследования концептуальная модель и практический алгоритм действий направлены на преодоление этого разрыва. Они демонстрируют различные категории информационных рисков через систему взаимосвязанных каналов, воздействующих на все составляющие устойчивости корпорации. Иными словами включение вопросов отказоустойчивости в стратегическое планирование предполагает синхронизацию с системой управления рисками предприятия, расширение ответственности за безопасность на бизнес-подразделения и партнеров по цепочке поставок, а также постоянное развитие культуры осведомленности и готовности к инцидентам [1, с. 60; 9, с. 992; 11, с. 30]. Таким образом, долгосрочная устойчивость сырьевых корпораций в современном мире будет напрямую зависеть от их способности воспринимать киберугрозы как стратегический вызов, а успех будет принадлежать тем компаниям, которые сумеют трансформировать свою модель управления, сделав киберустойчивость органичным свойством своей бизнес-модели.

Литература:

1. Агафонова М.С. Киберриски в стратегическом управлении промышленными предприятиями: от охраны периметра к обеспечению устойчивости / М.С. Агафонова, А.А. Петров // Российский журнал менеджмента. — 2022. — Т. 20, №2. — С. 45-64.
2. Губанова А.А. Государственное регулирование и корпоративные практики кибербезопасности в критической информационной инфраструктуре России / А.А. Губанова, В.И. Смирнов // Экономика региона. — 2023. — Т. 19, №1. — С. 87-102.
3. Иванов П.К. Стратегическая устойчивость корпорации в цифровую эпоху: концептуальные основы и факторы влияния / П.К. Иванов // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — 2021. — №4. — С. 23-45
4. Караваев Н.Л. Управление киберрисками в условиях цифровой трансформации ТЭК: российский и международный опыт / Н.Л. Караваев, Р.А. Федоров // Нефть, газ и бизнес. — 2020. — №8. — С. 32-38.
5. Chen L. Cybersecurity as a National Priority: The Integrated Model of Critical Infrastructure Protection in China's Energy Sector / L. Chen, H. Zhang // Journal of Asian Security and International Affairs. — 2022. — Vol. 9, №3. — P. 342–361.
6. Dewi M. Navigating Cybersecurity Compliance: A Study of Risk Management Frameworks in ASEAN's Resource-Based Industries / M. Dewi, R. Singh // International Journal of Critical Infrastructure Protection. — 2023. — Vol. 40. — P. 100–115.
7. Geers K. Strategic Cyber Security / K. Geers // The Routledge Handbook of International Cybersecurity / ed. by E. Tikk, M. Kerttunen. — Abingdon: Routledge, 2019. — P. 15–28.
8. Jang-Jaccard J. A survey of emerging threats in cybersecurity / J. Jang-Jaccard, S. Nepal // Journal of Computer and System Sciences. — 2014. — Vol. 80, No. 5. — P. 973–993.
9. Kaplan J. Beyond Cybersecurity: Protecting Your Digital Business / J. Kaplan, S. Sharma. — Hoboken: Wiley, 2021. — 256 p.
10. Lee R. M. Analysis of the Cyber Attack on the Ukrainian Power Grid / R. M. Lee, M. J. Assante, T. Conway. — SANS ICS & E-ISAC, 2016. — 34 p.
11. Linkov I. Fundamental Concepts of Cyber Resilience: Introduction and Overview / I. Linkov, A. Kott // Cyber Resilience of Systems and Networks /

ed. by I. Linkov, A. Kott. — Cham: Springer, 2019. — P. 1–25.
12. Maurer T. Cyber Mercenaries: The State, Hackers, and Power / T. Maurer. — Cambridge: Cambridge University Press, 2018. — 285 p.
13. Pan Z. Digital Transformation and Operational Resilience in Asia's Oil and Gas Industry: The Medying Role of Cybersecurity Maturity / Z. Pan, Y. Zhang // Energy Policy. — 2021. — Vol. 159. — Art. 112625. — 14 p.
14. Zio E. The future of risk assessment / E. Zio // Reliability Engineering & System Safety. — 2018. — Vol. 177. — P. 176–190.

MANAGERIAL PERFORMANCE AND EFFICIENCY OF REGIONAL ASSOCIATIONS (ZEMLYACHESTVA) IN THE SYSTEM OF ECONOMIC INTEREST TRANSMISSION OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Balaban Vyacheslav Vyacheslavovich, *Postgraduate student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow*

In the context of increasing complexity of public governance mechanisms and the expanding involvement of non-state actors, the importance of analytical tools for assessing their contribution to the socio-economic development of territories is steadily growing. A specific place in this system is occupied by zemlyachestva (regional community associations), which represent a form of network-based civic self-organization and perform the function of transmitting regional economic interests beyond the borders of the constituent entities of the Russian Federation. Despite the growing practical significance of zemlyachestva, their activities remain insufficiently conceptualized from the perspective of managerial analysis of effectiveness and performance. The purpose of this study is to develop a managerial analytical framework for assessing the performance and efficiency of zemlyachestva as non-state actors involved in the transmission of regional economic interests within the public governance system. To achieve this goal, the article addresses the following objectives: conceptual differentiation between the categories of performance and efficiency as applied to the activities of zemlyachestva; justification of their specificity as a distinct type of network intermediary in regional development; and the development of a system of criteria and indicators for evaluating managerial outcomes. The methodological foundation of the study is based on the concepts of institutional economics and transaction cost theory, network governance and social capital theory, as well as tools derived from project and strategic management. The study applies an adapted version of the Logical Framework Approach (LogFrame) and SMART planning principles to the analysis of zemlyachestva as hybrid actors of public governance. As a result of the study, a multi-level analytical framework is proposed that enables the assessment of both the integrated performance and overall efficiency of zemlyachestva, taking into account their institutional, functional, personnel-related, and economic effects. The findings may be applied in regional governance practices and in the development of programs aimed at strengthening cooperation between public authorities and civil society institutions

Keywords: *regional economic interests; public governance; management efficiency; hybrid actors; social capital; project management.*

EDN: KKHUCC ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.28***

Цитировать: *Балабан В.В. Управленческая результативность и эффективность землячеств в системе трансляции экономических интересов регионов Российской Федерации // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 199-208. EDN: KKHUCC. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.28*

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗЕМЛЯЧЕСТВ В СИСТЕМЕ ТРАНСЛЯЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 005.342:332.1
5.2.6

© Балабан В.В., 2026

В условиях усложнения механизмов публичного управления и расширения участия негосударственных акторов возрастает значимость аналитических инструментов оценки их вклада в социально-экономическое развитие территорий. Особое место в данной системе занимают землячества, выступающие формой сетевой самоорганизации граждан и выполняющие функции трансляции региональных экономических интересов за пределами субъектов Российской Федерации. Несмотря на рост практического значения землячеств, их деятельность до настоящего времени недостаточно осмыслена с позиций управленческого анализа результативности и эффективности. Целью исследования является разработка управленческой аналитической рамки оценки результативности и эффективности деятельности землячеств как негосударственных акторов трансляции экономических интересов регионов в системе публичного управления. Для достижения поставленной цели в статье решаются задачи концептуального разграничения категорий результативности и эффективности применительно к деятельности землячеств, обоснования их специфики как особого типа сетевых посредников регионального развития, а также формирования системы критериев и индикато-

ров оценки управленческих эффектов. Методологической основой исследования послужили концепции институциональной экономики и теории транзакционных издержек, теория сетевого управления и социального капитала, а также инструментарий проектного и стратегического менеджмента. В работе используется адаптация логико-структурной модели (LogFrame) и принципов SMART-планирования к анализу деятельности землячеств как гибридных акторов публичного управления. В результате исследования предложена многоуровневая аналитическая рамка, позволяющая оценивать интегральную результативность и общую эффективность деятельности землячеств с учётом их институциональных, функциональных, кадровых и экономических эффектов. Полученные выводы могут быть использованы в практике регионального управления и при разработке программ взаимодействия органов власти с институтами гражданского общества.

Ключевые слова: *региональные экономические интересы; публичное управление; эффективность управления; гибридные акторы; социальный капитал; проектное управление.*

БАЛАБАН Вячеслав Вячеславович, *аспирант, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва*

Введение

В условиях усложнения социально-экономического развития территорий и усиления межрегиональной конкуренции в Российской Федерации возрастает значение механизмов трансляции и согласования экономических интересов субъектов Федерации. Традиционные административные каналы регионального представительства, основанные на вертикальных управленческих связях и формальных институтах публичной власти, всё чаще оказываются недостаточно гибкими для учёта локальной специфики, неформальных ресурсов и сетевых форм кооперации. В этой связи в научном и практическом дискурсе усиливается интерес к негосударственным акторам, способным дополнять систему публичного управления и выполнять функции посредников между региональными сообществами, бизнесом и органами власти. Актуализация подобных форм посредничества обусловлена трансформацией самого государственного управления, которое, по справедливому замечанию С.Г. Камолова, всё чаще функционирует в логике распределённых управленческих контуров, требующих вовлечения негосударственных акторов и новых компетенций координации и проектирования [3].

Особую роль в данной системе начинают играть некоммерческие организации (НКО), обладающие высокой степенью адаптивности, горизонтальной связанности и доверия со стороны целевых групп. В отличие от формальных структур власти, НКО способны аккумулировать разнонаправленные интересы, трансформировать их в проектные инициативы и интегрировать в контуры региональной политики [5]. При этом внутри сектора НКО выделяется особая группа территориально ориентированных объединений — землячества, формирующиеся на основе региональной идентичности и устойчивых социальных связей выходцев из одного субъекта Федерации.

Землячества исторически рассматривались преимущественно как культурные, диаспоральные или социально-поддерживающие объединения. Однако в современной практике их функциональный профиль существенно расширяется. Землячества всё чаще вовлекаются в процессы продвижения инвестиционных инициатив, формирования позитивного имиджа регионов, поддержки предпринимательских сообществ, а также в реализацию программ социально-экономического развития. Фактически они начинают выполнять функции трансляции экономических интересов регионов за пределами формальных административных границ, действуя как сетевые посредники и институциональные «узлы» межрегионального взаимодействия.

В отличие от отраслевых ассоциаций, бизнес-объединений и профессиональных сообществ, ориентированных преимущественно на защиту корпоративных или професси-

ональных интересов, землячества институционально основаны на территориальной идентичности и устойчивых горизонтальных связях, сформированных на базе общего происхождения. Именно эта особенность обеспечивает высокий уровень доверия, солидарности и неформальной координации, что делает землячества специфически эффективными акторами трансляции именно региональных экономических интересов, а не узкогрупповых или секторальных запросов.

В то же время интеграция землячеств в систему публичной власти Российской Федерации носит фрагментарный и неравномерный характер. Отсутствие специального нормативного статуса, вариативность управленческих практик на региональном уровне, а также сочетание формальных и неформальных механизмов взаимодействия затрудняют оценку их реальной результативности и управленческого потенциала. Это создаёт научную проблему, связанную с необходимостью теоретического осмысления места землячеств в архитектуре публичного управления и выработки аналитических инструментов для оценки их вклада в реализацию региональных экономических интересов.

Актуальность настоящего исследования обусловлена сразу несколькими факторами. Во-первых, усилением роли регионов как самостоятельных субъектов социально-экономического развития в условиях федеративного устройства. Во-вторых, ростом значимости негосударственных и гибридных акторов в системе публичной власти. В-третьих, практической потребностью органов регионального управления в расширении каналов коммуникации с территориальными сообществами и внешними стейкхолдерами, включая бизнес-диаспоры и миграционные сети. В этом контексте землячества могут рассматриваться не только как форма гражданской самоорганизации, но и как управленческий ресурс региональной политики.

Целью настоящего исследования является разработка управленческой аналитической рамки оценки результативности и эффективности деятельности землячеств как неформальных акторов в системе публичного управления и территориального развития. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: обоснование места землячеств в системе гибридного публичного управления; выявление ключевых векторов их интеграции в управленческие процессы; систематизация механизмов и инструментов участия землячеств в реализации региональных интересов; разработка многоуровневых показателей оценки их результативности и эффективности.

Методологическую основу исследования составляют положения институциональной теории, экономической социологии и теории сетей, а также методы структурно-функционального анализа, сравнительного анализа и обобщения практик взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества. Эмпирическая база включает нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Федерации, стратегические документы, материалы органов государственной власти и экспертные публикации.

Научная новизна статьи заключается в обосновании землячеств как гибридных акторов публичной власти, сочетающих признаки институтов гражданского общества и неформальных элементов управленческой системы, а также в структурировании векторов их интеграции в механизмы реализации региональных экономических интересов.

Результаты исследования и их обсуждение

В условиях федеративного устройства государств категория региональных экономических интересов занимает ключевое место в системе публичного управления. Экономические интересы субъектов Федерации формируются на пересечении задач социально-экономического развития территории, приоритетов государственной политики и ожиданий локальных стейкхолдеров — бизнеса, населения, профессиональных и территориальных сообществ. В отличие от абстрактных макроэкономических целей, региональные экономические интересы носят прикладной и целеориентированный характер, поскольку непосредственно связаны с повышением конкурентоспособности территорий, устойчивостью региональных экономик и качеством жизни населения.

В научной литературе региональные экономические интересы рассматриваются как совокупность устойчивых потребностей и приоритетов субъекта Федерации, направ-

ленных на обеспечение экономического роста, расширение инвестиционного потенциала, развитие человеческого капитала и эффективное использование ресурсной базы [6]. При этом данные интересы не сводятся исключительно к бюджетно-финансовым показателям, а включают институциональные, инфраструктурные и социальные параметры развития территории [7].

Важной особенностью региональных экономических интересов является их неоднородность и потенциальная конфликтность. Интересы органов власти, бизнеса, населения и внешних партнёров не всегда совпадают, что требует наличия механизмов согласования и трансляции интересов в рамках публичного управления. В этой связи ключевое значение приобретает институциональная среда, способная обеспечивать баланс между различными группами интересов и превращать их в согласованные управленческие решения.

С точки зрения управленческого анализа, региональные экономические интересы целесообразно рассматривать как многоуровневую систему [9], включающую стратегический, программно-проектный и операционный уровни. На стратегическом уровне они фиксируются в документах долгосрочного развития (стратегиях социально-экономического развития, инвестиционных стратегиях, мастер-планах территорий). На программно-проектном уровне интересы конкретизируются в форме государственных программ, приоритетных проектов и инвестиционных инициатив. На операционном уровне они реализуются через конкретные управленческие решения, соглашения, механизмы поддержки и формы взаимодействия с экономическими агентами.

Современные модели публичного управления характеризуются отходом от жёстко иерархических схем принятия решений и усилением роли сетевых и партнёрских форм взаимодействия. В этих условиях негосударственные акторы — некоммерческие организации, профессиональные объединения, бизнес-ассоциации и общественные сообщества — всё чаще вовлекаются в процессы формирования и реализации региональной политики. Их участие позволяет расширить информационную базу управленческих решений, повысить уровень легитимности политики и мобилизовать дополнительные ресурсы развития.

С экономико-управленческой точки зрения, негосударственные акторы выполняют функции посредников между публичной властью и экономическими субъектами, обеспечивая трансляцию интересов, экспертную поддержку и сопровождение проектов. Они способны действовать как институциональные «фильтры», отбирая и структурируя инициативы, исходящие от бизнеса и территориальных сообществ, и адаптируя их к формальным требованиям системы управления [2].

Особую роль в этом контексте играют территориально ориентированные формы самоорганизации, основанные на устойчивых социальных связях и идентичности. В отличие от универсальных НКО, такие структуры обладают более выраженной привязкой к конкретному региону и могут выступать носителями его экономических интересов за пределами территории. Это создаёт предпосылки для формирования каналов «внешнего представительства» региона в экономических, инвестиционных и экспертных сетях.

Землячества представляют собой особый тип некоммерческих организаций, формирующихся на основе территориальной принадлежности и объединяющих выходцев из одного региона, проживающих за его пределами. Их специфика заключается в сочетании элементов социальной солидарности, культурной идентичности и экономического взаимодействия. Именно это сочетание позволяет рассматривать землячества не только как социально-культурные объединения, но и как потенциальных акторов региональной экономической политики.

Землячества как управленческие акторы обладают совокупностью устойчивых преимуществ, определяющих их потенциал в системе публичного управления. Во-первых, они аккумулируют специфический социальный капитал, основанный на доверии и территориальной идентичности. Во-вторых, их сетевая природа обеспечивает гибкость и адаптивность взаимодействия с органами власти и бизнес-структурами. В-третьих, землячества способны снижать транзакционные издержки управленческих процессов за счёт неформальных коммуникационных каналов

и высокой степени легитимности в глазах региональных сообществ.

В практическом измерении участие землячеств в реализации региональных экономических интересов проявляется в продвижении инвестиционных проектов, поддержке предпринимательских инициатив, содействии трудовой и образовательной мобильности, формировании позитивного имиджа региона и привлечении внешних ресурсов. При этом степень институционализации данного участия существенно варьируется — от неформальных консультаций и экспертной поддержки до участия в консультативных органах и реализации совместных проектов с органами власти [6].

Иными словами, землячества могут быть интерпретированы как специфический управленческий ресурс, дополняющий традиционные механизмы реализации региональных экономических интересов. Их потенциал во многом определяется степенью интеграции в систему публичного управления, что требует дальнейшего анализа форм, инструментов и векторов такого взаимодействия.

Еще одним важным аспектом трансформации систем публичного управления является развитие многоуровневых моделей *governance*, где возрастает роль негосударственных акторов, вовлечённых в процессы стратегического и операционного управления развитием территорий. В рамках данной логики землячества могут быть рассмотрены не только как формы культурной или социальной самоорганизации, но и как гибридные управленческие субъекты, сочетающие элементы некоммерческой организации, сетевой структуры и института представительства региональных интересов. С позиций теории менеджмента подобные структуры целесообразно анализировать через призму институционального и сетевого подходов, позволяющих учитывать неформальные механизмы координации, распределение ролей и ресурсов, а также специфику взаимодействия с органами публичной власти и бизнес-сообществом [8; 14].

Процессы цифровизации публичного управления не только расширяют инструментарий государства, но и трансформируют сами принципы взаимодействия между публичной властью и негосударственными акторами. Как отмечает С.Г. Камолов, цифровое публичное управление формирует новые контуры координации, одновременно порождая риски фрагментации ответственности, асимметрии информации и институциональной нестабильности [10].

С точки зрения институциональной теории управления, землячества функционируют в условиях ограниченной формализации, опираясь преимущественно на нормы доверия, взаимных обязательств и коллективной идентичности. Как подчёркивает Д. Норт, именно неформальные институты во многих случаях определяют фактическую эффективность экономических и управленческих процессов, дополняя или компенсируя формальные правила [14]. Для землячеств это означает возможность включения в управленческие контуры территориального развития без прямого закрепления управленческих полномочий, но через участие в консультативных органах, проектных командах, общественных советах и экспертных площадках при органах власти различного уровня.

В рамках концепции сетевого управления (*network governance*) землячества могут рассматриваться как узлы горизонтальных политико-административных сетей, связывающих органы публичной власти, бизнес-структуры, образовательные учреждения и гражданские сообщества. В логике подхода Р. Родса, описывающего современное управление как форму «*governance without government*», ключевыми характеристиками таких сетей выступают отсутствие жёсткой иерархии, взаимная ресурсная зависимость акторов и необходимость координации на основе переговорных механизмов, доверия и устойчивых неформальных правил взаимодействия. Именно эти параметры позволяют рассматривать землячества не как вспомогательные общественные объединения, а как сетевых посредников, встроенных в процессы выработки и реализации публичных решений в условиях фрагментированной и многоуровневой системы управления [18].

С управленческой точки зрения, это позволяет землячествам выполнять функции посредников между региональными элитами и внешними стейкхолдерами, каналов трансляции информации и интересов, а также платформ для формирования совместных проек-

тов развития. Данный формат соответствует логике New Public Governance, в рамках которой акцент смещается с административного контроля на координацию и совместное производство публичных благ [15].

С позиции прикладного менеджмента деятельность землячеств может быть разложена на ряд управленческих функций, сопоставимых с функциями проектного и программного управления. Во-первых, инициация проектов (образовательные, инвестиционные, культурные инициативы). Во-вторых, мобилизация ресурсов (финансовых, человеческих, символических). В-третьих, координация участников (региональные органы власти, бизнес, НКО), а также контроль и оценка результатов (через количественные и качественные показатели). Подобная функциональная нагрузка позволяет рассматривать землячества как проектно-ориентированные структуры, интегрированные в систему управления развитием территорий, но действующие преимущественно на основе сетевых и неформальных механизмов [11].

Ключевым управленческим ресурсом землячеств выступает социальный капитал, формируемый за счёт устойчивых горизонтальных связей, доверия и общности происхождения. Р. Патнэм подчёркивает, что именно плотные социальные сети и нормы взаимности повышают эффективность коллективных действий и снижают транзакционные издержки управления [16]. В управленческом контексте это позволяет землячествам быстрее координировать действия участников, обеспечивать высокую степень согласованности решений, снижать издержки коммуникации по сравнению с формализованными структурами. Тем самым землячества приобретают потенциал эффективных неформальных менеджеров развития, дополняющих традиционные институты публичного управления.

Вместе с тем управленческий потенциал землячеств не является безусловным. Ограничения их деятельности связаны с высокой зависимостью от личных связей и лидерства, недостаточной формализацией управленческих процедур, рисками конфликта интересов между региональными, федеральными и локальными приоритетами. С точки зрения менеджмента, это требует разработки механизмов институциональной встраиваемости землячеств в системы стратегического и проектного управления территориями, включая соглашения о партнёрстве, участие в программно-целевых форматах и внедрение инструментов оценки результативности.

Концептуализация землячеств как гибридных управленческих акторов, функционирующих на стыке институционального, сетевого и проектного управления, позволит изменить их формальные полномочия, на способность мобилизовать ресурсы, координировать интересы и снижать транзакционные издержки управления территориальным развитием.

В условиях ориентации публичного управления на достижение измеримых результатов особую значимость приобретает вопрос оценки эффективности участия негосударственных акторов в процессах территориального развития. Землячества, выступая гибридными управленческими субъектами, нуждаются в аналитическом осмыслении не только с точки зрения институциональной роли, но и с позиции управленческой результативности и эффективности.

В рамках управленческого анализа принципиальным является разграничение понятий результативности и эффективности. Под результативностью понимается степень достижения целевых ориентиров деятельности землячеств, выражающаяся в фактической трансляции и институциональном учёте экономических интересов региона. Эффективность, в свою очередь, характеризует соотношение достигнутых управленческих и экономических эффектов с объёмом задействованных организационных, финансовых и репутационных ресурсов [1]. Применительно к деятельности землячеств данное различие позволяет избежать упрощённой оценки, основанной исключительно на количественных показателях активности.

Под интегральной результативностью участия землячеств в системе управления территориальным развитием целесообразно понимать совокупный эффект от их деятельности, выражающийся в степени достижения стратегических, программных и проектных целей региона. В отличие от локальных результатов отдельных мероприятий, интегральная результативность отражает системный вклад землячеств в реализацию региональных приоритетов. К таким эффектам могут от-

носиться повышение уровня вовлечённости стейкхолдеров в региональные проекты, формирование устойчивых каналов обратной связи между регионом и диаспоральными сообществами, усиление имиджевых и коммуникационных позиций субъекта РФ, содействие привлечению инвестиций, кадров и интеллектуального капитала.

С управленческой точки зрения, интегральная результативность носит многофакторный и долгосрочный характер, что требует использования комплексных методик оценки, а не разрозненных индикаторов. Общая эффективность деятельности землячеств определяется как соотношение достигнутых управленческих и социально-экономических эффектов с объёмом задействованных ресурсов — финансовых, организационных, человеческих и репутационных. В отличие от результативности, эффективность позволяет оценить рациональность организационных решений и управленческих механизмов.

Для анализа эффективности целесообразно учитывать структуру финансирования проектов (гранты, субсидии, внебюджетные источники), степень использования нематериальных ресурсов (социальный капитал, экспертный потенциал), управленческие издержки координации и администрирования, а также устойчивость достигнутых эффектов во времени. Подобный подход соответствует логике *value-based management*, в рамках которой оценивается не только факт достижения цели, но и создаваемая управленческая ценность [17].

В прикладном менеджменте для оценки участия землячеств в территориальном развитии могут быть использованы инструменты, заимствованные из проектного и программно-целевого управления. Одним из наиболее универсальных является логико-структурный подход (*LogFrame*), позволяющий связать цели, задачи, результаты и показатели эффективности в единую управленческую модель. Здесь деятельность землячества может быть представлена через стратегические цели (вклад в развитие региона), ожидаемые результаты (проекты, программы, партнёрства), показатели достижения (количественные и качественные), а также допущения и риски реализации.

Ключевой тезис предлагаемой аналитической рамки заключается в необходимости методологической адаптации данных инструментов к гибридной природе землячеств. Их сущностное отличие от классического проекта заключается в том, что основным «продуктом» деятельности выступает не материальный результат, а изменение институциональной среды — формирование новых связей, повышение уровня доверия, легитимация интересов региона во внешних сетях. Соответственно, адаптация логико-структурного подхода предполагает смещение фокуса с измерения «выходов» (*outputs*) на оценку «институциональных и сетевых эффектов» (*outcomes*). В такой интерпретации стратегические цели связываются с трансляцией конкретных экономических интересов, а показатели результативности формулируются как изменения в конфигурации и качестве взаимодействий между ключевыми стейкхолдерами (органы власти, бизнес, диаспоральное сообщество).

Эта адаптация формирует операциональное ядро разрабатываемой многоуровневой аналитической рамки. Она позволяет перевести уникальные ресурсы землячеств — социальный капитал, сетевой доступ, территориальную идентичность — в систему взаимосвязанных и верифицируемых управленческих категорий (цели, результаты, индикаторы), пригодных для оценки как интегральной результативности, так и общей эффективности их деятельности.

Дополнительно могут применяться KPI, адаптированные под специфику негосударственных акторов: количество реализованных проектов, объём привлечённых ресурсов, уровень партнёрского взаимодействия, степень институциональной включённости в управленческие контуры региона [11].

Следует отметить, что чрезмерная ориентация на количественные показатели может искажать реальную управленческую роль землячеств. Многие эффекты их деятельности носят косвенный и нематериальный характер, включая рост доверия, формирование устойчивых коммуникаций и снижение транзакционных издержек взаимодействия между стейкхолдерами. В этой связи особое значение приобретают качественные методы оценки: экспертные опросы, анализ кейсов,

институциональный анализ включённости землячеств в процессы принятия решений. Такой подход соответствует современным тенденциям развития публичного менеджмента, ориентированного на комплексную оценку общественной ценности [13].

Можно сделать вывод, что оценка участия землячеств в системе управления территориальным развитием должна базироваться на разграничении интегральной результативности и общей эффективности, а также на использовании комбинированных инструментов проектного и программного управления. Это позволяет рассматривать землячества не как вспомогательные общественные структуры, а как управленчески значимых акторов, создающих добавленную ценность в системе территориального развития.

Институционализация землячеств в системе публичного управления требует перехода от ситуативного взаимодействия к устойчивым управленческим моделям, обеспечивающим воспроизводимость результатов и снижение транзакционных издержек. С позиции менеджмента, такие модели могут рассматриваться как формы организационного встраивания негосударственных акторов в контуры принятия решений и реализации программ территориального развития.

Анализ практик взаимодействия землячеств и органов власти позволяет выделить несколько базовых управленческих моделей, различающихся по степени формализации, уровню ответственности и характеру управленческого участия. Так, экспертно-консультативная модель взаимодействия землячеств и органов публичной власти предполагает включение представителей землячеств в процессы выработки управленческих решений без передачи им формализованных полномочий. Данная модель ориентирована на аналитическую, консультационную и коммуникативную функции, характеризуется низким уровнем институционализации ответственности, минимальными финансовыми издержками со стороны государства и высокой зависимостью от персонального состава участников.

Ключевые управленческие характеристики данной модели определяются низким уровнем формализации ответственности, ориентацией на консультационные и аналитические функции, минимальными финансовыми издержками со стороны государства, а также высокой зависимостью от персонального состава участников. В логике управленческого подхода Г. Минцберга, рассматривающего менеджмент как контекстуальную и практико-ориентированную деятельность, основанную на неформальных взаимодействиях, доверии и личной вовлечённости акторов, подобные организационные конфигурации демонстрируют наибольшую результативность на ранних стадиях институционализации и в условиях высокой неопределённости среды. Вместе с тем, как подчёркивает Минцберг, доминирование персонализированных управленческих практик и слабая формализация ограничивают потенциал масштабирования и воспроизводимости таких моделей в более сложных и иерархически организованных системах управления [12].

Проектно-партнёрская модель основывается на совместной реализации программ и проектов, в которых землячества выступают как операторы или соисполнители. При этом риском модели является фрагментация деятельности землячеств и ориентация на краткосрочные проекты в ущерб стратегическим эффектам [11].

Институционально-партнёрская модель предполагает нормативное и организационное закрепление роли землячеств как постоянных партнёров органов власти. Это может выражаться в соглашениях о сотрудничестве, включении в стратегические документы, создании координационных советов и рабочих групп. С управленческой точки зрения, данная модель обеспечивает устойчивость взаимодействия, снижение транзакционных издержек, интеграцию землячеств в долгосрочные управленческие циклы, а также возможность стратегического планирования. Именно эта модель наиболее полно отражает логику гибридного публичного управления, сочетающего государственные и негосударственные ресурсы [15].

Сетевая модель характеризуется доминированием неформальных горизонтальных связей и минимальной иерархичностью. Землячества в данном случае выступают узлами сетевого взаимодействия между бизнесом, экспертным сообществом и органами власти. Преимущества данной модели заключаются в высокой адаптивности и оперативности

принятия решений, а также эффективной мобилизации нематериальных ресурсов. Ограничением является зависимость от социального капитала участников и слабая институциональная защищённость, что делает модель уязвимой в условиях смены политических и управленческих приоритетов [16].

С учётом проведённого анализа целесообразно сформулировать следующие управленческие рекомендации. Во-первых, комбинирование моделей в зависимости от стадии развития землячества и целей региональной политики. Во-вторых, формализация ключевых контуров взаимодействия без чрезмерной бюрократизации. В-третьих, встраивание землячеств в проектные и программные циклы территориального развития. В-четверых, разработка системы показателей интегральной результативности, отражающей стратегический вклад землячеств. В-пятых, поддержка сетевых и коммуникационных функций как источника управленческой гибкости. Кроме того, необходимо учитывать, что в условиях цифровизации публичного управления посреднические структуры, такие как землячества, получают возможность интеграции в расширенные управленческие сети, функционирующие за пределами традиционной иерархии органов власти, что соответствует логике *digital public governance* [10].

Таким образом, управленческая интеграция землячеств в систему территориального управления возможна через использование различных моделей взаимодействия, каждая из которых обладает собственной логикой эффективности и применимости. Наиболее перспективным представляется переход от ситуативных форм участия к институционально и проектно закреплённым моделям, обеспечивающим устойчивость и воспроизводимость управленческих эффектов.

Заключение

Проведённый анализ позволяет рассматривать землячества не только как культурно-социальные объединения, но и как особую форму негосударственных управленческих акторов, интегрирующихся в систему публичной власти Российской Федерации через совокупность институциональных, проектных и сетевых механизмов. В условиях усложнения территориального управления и роста значения горизонтальных форм координации землячества приобретают потенциал посредников между органами власти, региональными сообществами и экономическими агентами.

С позиции теории и практики менеджмента землячества выступают как гибридные организационные структуры, сочетающие признаки некоммерческих организаций, сетевых сообществ и элементов публичного управления. Как отмечает С.Г. Камолов, современные управленцы вынуждены действовать в условиях высокой неопределённости, множественности акторов и размывания традиционных границ публичного управления, что требует пересмотра как управленческих моделей, так и механизмов подготовки кадров [3]. Их управленческая специфика проявляется в способности аккумулировать социальный капитал, снижать транзакционные издержки координации и обеспечивать трансляцию региональных интересов вне формальных административных каналов. Это особенно значимо в условиях централизации управленческих решений и ослабления традиционных механизмов территориального представительства.

Выделенные векторы интеграции землячеств — институциональный, функциональный, кадровый, культурно-коммуникационный и экономический — позволяют структурировать их участие в публичной власти и перейти от описательной логики к аналитико-управленческой модели. Совокупность этих векторов формирует многоуровневую архитектуру взаимодействия, в рамках которой землячества могут выполнять как вспомогательные, так и системообразующие функции в региональном развитии.

Наибольший потенциал демонстрируют модели взаимодействия, основанные на сочетании проектно-партнёрского и институционально-партнёрского подходов. Именно они обеспечивают баланс между гибкостью, характерной для сетевых форм координации, и устойчивостью, необходимой для реализации долгосрочных стратегий территориального развития. При этом эффективность интеграции землячеств напрямую зависит от степени нормативной определённости, наличия механизмов оценки результативности и готовности органов власти воспринимать их как полноценных партнёров, а не исключительно как культурные или представительские структуры.

Полученные выводы позволяют утверждать, что включение землячеств в систему публичного управления может рассматриваться как управленческий ресурс повышения адаптивности региональных социально-экономических систем. Этот вывод согласуется с современными исследованиями в области трансформации государственного управления, указывающими на необходимость развития гибридных управленческих моделей и новых компетенций управленцев в условиях технологических и институциональных сдвигов [3]. В практическом плане это предполагает разработку типовых моделей взаимодействия, внедрение инструментов проектного управления и формирование системы показателей интегральной результативности, отражающих вклад землячеств в достижение стратегических целей территориального развития.

Литература:

1. Друкер П, Макьярелло Ф., Джозеф А. Менеджмент / Питер Друкер и Джозеф А. Макьяррелло; [пер. с англ. пер. с англ. А.Н. Свирид]. — М.: Вильямс, 2010. — 699 с.

2. Иванов Д.В. Исследование современных моделей взаимодействия между органами власти и бизнес–структурами в России / Д.В. Иванов, А.С. Соколицын // Дискурс. — 2018. — №5. — С. 43–49.

3. Камолов С.Г. Поиск новой модели подготовки государственных управленцев в условиях шестого технологического уклада // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2025. — Т. 251, №1. — С. 99-118. — DOI 10.38197/2072-2060-2025-251-1-99-118. — EDN VZUAPJ.

4. Каплан Р.С. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Роберт С. Каплан, Дейвид П. Нортон; пер. с англ. М. Павловой. — М.: Олимп-Бизнес, 2008. — 294 с.: ил., табл.

5. Клишина Ю.Е., Еремина А.А. Особенности организации финансов некоммерческих организаций // Экономика и социум. — 2016. — №11-1(30). — С. 696-698.

6. Лексин В., Мильнер Б., Швецов А. Экономические отношения и управления в условиях федерализма // Вопросы экономики. — 1994. — №9. — С. 17–29.

7. Потапов М.Г. Регион — субъект федерации: проблемы понимания и соотношения // Сибирское юридическое обозрение. — 2016. — №3(32). — С. 17-22.

8. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / науч. ред. и вс. ст. В.С. Катькало; пер. с англ. Ю.Е. Благова, В.С. Катькало, Д.С. Славнова, Ю.В. Федотова, Н.Н. Цытович. — СПб: Лениздат; CEV Press, 1996. — 702 с., ил.

9. Чернова В.В. Реализация региональных экономических интересов: специфика и вопросы гармонизации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2009. — №7. — С. 51-55.

10. Kamolov S.G. Digital public governance: Trends and risks // Journal of Constitutional History. — 2017. — Vol. 33, No. 1. — P. 185-194.

11. Kerzner H. Project Management: A Systems Approach to Planning, Scheduling, and Controlling. 12th ed. Hoboken: Wiley, 2017. — 840 p.

12. Mintzberg H. Managing. — Oakland CA: Berrett-Koehler Publishers, 2009. — 306 p.

13. Moore M.H. Creating Public Value: Strategic Management in Government // International Public Management Journal. — 1999. — №2(1). — Pp.158–167. DOI:10.1016/S1096-7494(00)87438-3

14. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 152 p.

15. Osborne S.P. (ed.). The New Public Governance? Emerging Perspectives on the Theory and Practice of Public Governance. — London: Routledge, 2010. — 448 p.

16. Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. — New York: Simon & Schuster, 2000. — 541 p.

17. Rappaport A. Creating Shareholder Value: A Guide for Managers and Investors. — 2nd ed. — New York: Free Press, 2006. — 224 p.

18. Rhodes R.A. Understanding Governance: Policy Networks, Governance, Reflexivity and Accountability. — Buckingham: Open University Press, 1997. DOI: 10.1177/0170840607076586

QUALITY OF SERVICES IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS: MANAGEMENT MECHANISM AND IMPLEMENTATION ALGORITHM

Volchenko Anna Aleksandrovna, *Undergraduate student*

Voronina Evgeniya Vasilievna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Sergeeva Irina Vladimirovna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Surgut State University, Surgut

This study addresses the issue of service quality management in educational institutions, taking into account the need for a comprehensive approach to improve operational efficiency. As a strategic priority, education quality requires the development of an integrated management mechanism and an implementation algorithm to improve management practices. Therefore, the goal and objectives of the study are aimed at developing and implementing a mechanism that encompasses strategic, tactical, and operational management levels. The primary focus is on creating a hierarchical structure that ensures the consistent performance of functions by management entities to achieve a single goal. Research methods include the use of organizational, administrative, socio-psychological, and pedagogical approaches to optimize processes and improve the quality of educational services. The article reflects the role of modern technologies for quality assessment and monitoring. As a result, three main stages of the implementation algorithm are presented — from preparatory to final — ensuring a logical sequence of actions and the sustainable development of the quality management system.

Keywords: *quality of educational services; quality management of educational services; quality management mechanism; implementation algorithm; monitoring the quality of educational services; quality management methods; multi-level quality management; educational organizations.*

EDN: KNKIAO ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.29***

Цитировать: *Волченко А.А., Воронина Е.В., Сергеева И.В. Качество услуг в образовательных организациях: механизм управления и алгоритм его внедрения // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 209-215. EDN: KNKIAO. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.29*

КАЧЕСТВО УСЛУГ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ И АЛГОРИТМ ЕГО ВНЕДРЕНИЯ

УДК 338.24

5.2.6

© Волченко А.А., Воронина Е.В., Сергеева И.В., 2026

Исследование актуализирует проблему управления качеством услуг в образовательных организациях с учётом необходимости применения комплексного подхода для повышения эффективности работы. Будучи стратегическим приоритетом, качество образования требует разработки интегрированного механизма управления и алгоритма его внедрения с целью совершенствования практики управления. Исходя из этого, цель и задачи исследования направлены на разработку и внедрение механизма, который включает стратегический, тактический и оперативный уровни управления. Основное внимание уделено созданию иерархической структуры, обеспечивающей последовательное выполнение функций субъектами управления для достижения единой цели. Методы исследования включают использование организационных, административных, социально-психологических и педагогических подходов, способствующих оптимизации процессов и улучшению качества образовательных услуг. В статье отражена роль современных технологий оценки и мониторинга качества. В результате, представлены три основных этапа алгоритма внедрения — от подготовительного до заключительного, которые обеспечивают логическую последовательность действий и устойчивое развитие системы управления качеством.

Ключевые слова: *качество образовательных услуг; управление качеством образовательных услуг; механизм управления качеством; алгоритм внедрения; мониторинг качества образовательных услуг; методы управления качеством; многоуровневое управление качеством; образовательные организации.*

ВОЛЧЕНКО Анна Александровна, *магистрант*

SPIN-код: 7869-4835

ВОРОНИНА Евгения Васильевна, *кандидат экономических наук, доцент*

SPIN-код: 7630-7664

ORCID: 0000-0002-7296-3303

СЕРГЕЕВА Ирина Владимировна, *кандидат экономических наук, доцент*

SPIN-код: 1155-2476

Сургутский государственный университет, Сургут

Введение

В современных условиях глобализации и роста конкуренции качество образовательных услуг стало ведущим фактором устойчивого развития образовательных организаций. В связи с этим, необходима разработка и внедрение интегрированного механизма управления качеством образовательных услуг, отвечающего современным требованиям качества. Проблемная область заключается в недостаточности комплексного подхода к этой задаче, что делает качество услуг в образовательных организациях нестабильным.

Вопросы управления качеством образовательных услуг в качестве стратегического приоритета развития образования в XXI веке широко обсуждаются в научной литературе (см., напр., [4; 3; 5]. К числу наиболее актуальных вопросов относятся непрерывный мониторинг качества услуг [3], разработка организационно-экономического механизма управления образовательными услугами [2], внедрение современных технологий оценки качества образования [1]. Тем не менее, на практике до сих пор отсутствует комплексный подход, объединяющий механизм управления качеством образовательных услуг и алгоритм его эффективного внедрения на разных уровнях. В данной статье предлагается интегрированный механизм управления качеством образовательных услуг, а также алгоритм его внедрения, которые позволят повысить эффективность и устойчивость образовательных организаций.

Логика исследования выстроена следующим образом: рассмотрены существующие подходы к управлению качеством, разработан механизм управления, определен и реализован алгоритм его внедрения. Таким образом, представленное исследование направлено на систематизацию и улучшение управленческих процессов, обеспечивая новые уровни качества в образовательной сфере.

Результаты исследования и их обсуждение

Управление качеством услуг образовательных организаций представляет собой комплекс сложных многокомпонентных и взаимосвязанных, взаимодействующих между собой элементов [6]. К принципам управления качеством услуг образовательных организаций относятся: организационная упорядоченность механизма управления, системное распределение ответственности между субъектами при выполнении различных процессов и задействовании необходимых ресурсов для достижения высокого уровня. Наиболее актуальным для формирования системы управления качеством в образовательных организациях является механизм, направленный на достижение цели его (качества) повышения.

Разрабатываемый механизм должен обладать системными свойствами. В его состав входят управляющий и управляемый блоки, обеспечивающие последовательное выполнение всеми субъектами (во всех блоках механизма) функций для достижения единой общепринятой цели, выделяет уровни управления. Основные элементы механизма управления включают:

— субъекты управления качеством услуг представлены на разных уровнях — федеральном (органы государственного управления), региональном (органы регионального управления образованием, региональные центры оценки качества образования, организации дополнительного профессионального образования и др.), муниципальном (население в целом);

— объекты управленческого механизма, то есть то, на что нацелены функции (действия) субъектов управления, в разработанном механизме характеризуются своим относительным многообразием и сложностью взаимосвязей. Например, субъект управления — руководитель, — оказывает влияние на объект — нормативную документацию, утверждая ее. А субъекты управления — заместители руководителя, — проводят экспертизу документации, которую руководитель утверждает.

С точки зрения воздействия на объект управления, каждый из субъектов выполняет ряд функций — направленных действий.

Функция прогнозирования начинает цикл управления качеством услуг образовательных организаций. Эта функция касается прогнозирования условий внешней и внутренней среды образовательной организации, влияния условий на факторы, обеспечивающие качество услуг.

Целеполагание основывается на прогнозах потребностей населения в услугах, осуществляясь на стратегическом уровне [6].

Функция учета показателей качества услуг должна осуществляться своевременно, чтобы получить необходимые результаты для анализа и решения возникающих управленческих задач.

Функции контроля и регулирования замыкают цикл управления качеством услуг и наиболее важны, так как их выполнение обеспечивает непрерывность эффективного действия предлагаемого механизма управления качеством услуг образовательных организаций управления качеством услуг образовательных организаций и, следовательно, обеспечение такого качества. Эти функции осуществляются на разных уровнях деятельности субъектов управления. Их цель — своевременно обнаружить отклонение фактических показателей функционирования механизма управления качеством услуг образовательных организаций от стратегических целей и оперативно предпринять действия по достижению стратегических целей. Например, это может быть промежуточный контроль знаний и навыков обучающихся. Если его результаты не удовлетворяют стратегическую цель, необходимо определить причины и внести соответствующие корректировки.

В управленческом механизме выделяются стратегический, тактический и оперативный уровни управления, согласно которым определяются функции субъектов управления (табл.).

Таблица — **Уровни и субъекты управления качеством услуг образовательных организаций**

№	Уровни управления	Субъекты управления	Функции субъектов	
1	Стратегический	Руководитель (заведующий)	— выработка стратегии управления; — создание условий для ее реализации (выбор демократичного стиля руководства и прочее); — утверждение ключевых управленческих целей и решений, координация коллектива для их выполнения и контроль	— разработка и экспертиза документации по управлению качеством услуг
2	Тактический	Заместители руководителя, бухгалтер, методист ДОУ	— определение и решение задач для достижения ключевых управленческих целей; — мониторинг качества услуг; — разработка и экспертиза документации по управлению качеством услуг	
3	Оперативный	Педагоги (а также родители и дети в плане учета их требований)	— планирование событий и действий по повышению качества услуг, их реализация; — взаимное регулирование деятельности и мотивация; самоуправление	

В предлагаемом механизме определены методы управления качеством услуг образовательных организаций: организационные, административные, социально-психологические, педагогические, экономические [6].

Организационные методы проявляются в определении организационной структуры качества услуг, в наделении субъектов управления полномочиями, в определении регламента взаимодействия между подразделениями организации. Они помогают оптимизировать все процессы, осуществляемые в организации для достижения стабильно высокого уровня качества ее услуг.

Экономические методы позволяют оптимизировать материально-финансовые расходы образовательной организации, обеспечить рациональное использование ресурсов организации, а также создают мотивацию всех субъектов на оказание качественных услуг.

Директивные воздействия основаны на административных методах. Это могут быть, как устные, так и письменные приказы, инструкции, указания и т. п. Ключевые нормы регламентируются письменными нормативными актами, которые утверждает руководитель организации [6].

Социально-психологические методы направлены на создание организационной (корпоративной) культуры, важной для формирования устойчивого ценностного отношения к оказанию качественных услуг, благоприят-

ного социально-психологического климата в коллективе для всех субъектов образовательно-воспитательного процесса.

Педагогические методы призваны повысить качество образовательного процесса в организации. Такими методами могут быть сопровождение молодых педагогов, мероприятия по повышению квалификации (мастер-классы среди педагогов и т. п.).

Обеспечение механизма управления качеством услуг образовательных организаций имеет организационную основу:

— *Материальное-техническое обеспечение* включает весь спектр материально-технического оборудования и научно-информационной базы, необходимых субъектам для качественного выполнения обязанностей. Предполагается организация всех процессов так, чтобы каждый элемент управления качеством услуг составлял единую управленческую систему, на каждом этапе своего функционирования был контролируемым (мог быть своевременно оценен с точки зрения качества и подлежал оперативным коррекционным воздействиям).

— *Технологическое обеспечение* механизма предусматривает применение разных технологий (управленческих, экономических, психолого-педагогических), обеспечивающих высокое качество услуг.

— *Информационное обеспечение* предполагает внедрение системного мониторинга качества услуг и создания информационной базы данных для формирования стратегии развития организации.

— *Финансовое обеспечение* должно позволить рационально использовать бюджет организации в целях обеспечения оказания качественных услуг. То есть, ресурсы должны расходоваться в первую очередь на оказание качественных услуг.

— *Кадровое обеспечение* предполагает формирование целостного высококвалифицированного коллектива, готового к профессиональному саморазвитию и личностному самосовершенствованию (осуществить это возможно, например, путем формирования корпоративной культуры, сопровождения молодых педагогов и стимулирования всех работников к профессиональному саморазвитию и личностному росту).

— *Нормативное обеспечение* направлено на согласование внутренней документации с принципами управления качеством услуг. Субъекты управленческого механизма должны наделяться полномочиями и действовать в их пределах, что не исключает творческий и инициативный характер деятельности, улучшающий качество услуг образовательных организаций.

На основе изложенного, механизм управления качеством в образовательных организациях может быть представлен в следующем виде (рис. 1).

Рисунок 1 — **Механизм управления качеством услуг образовательных организаций**

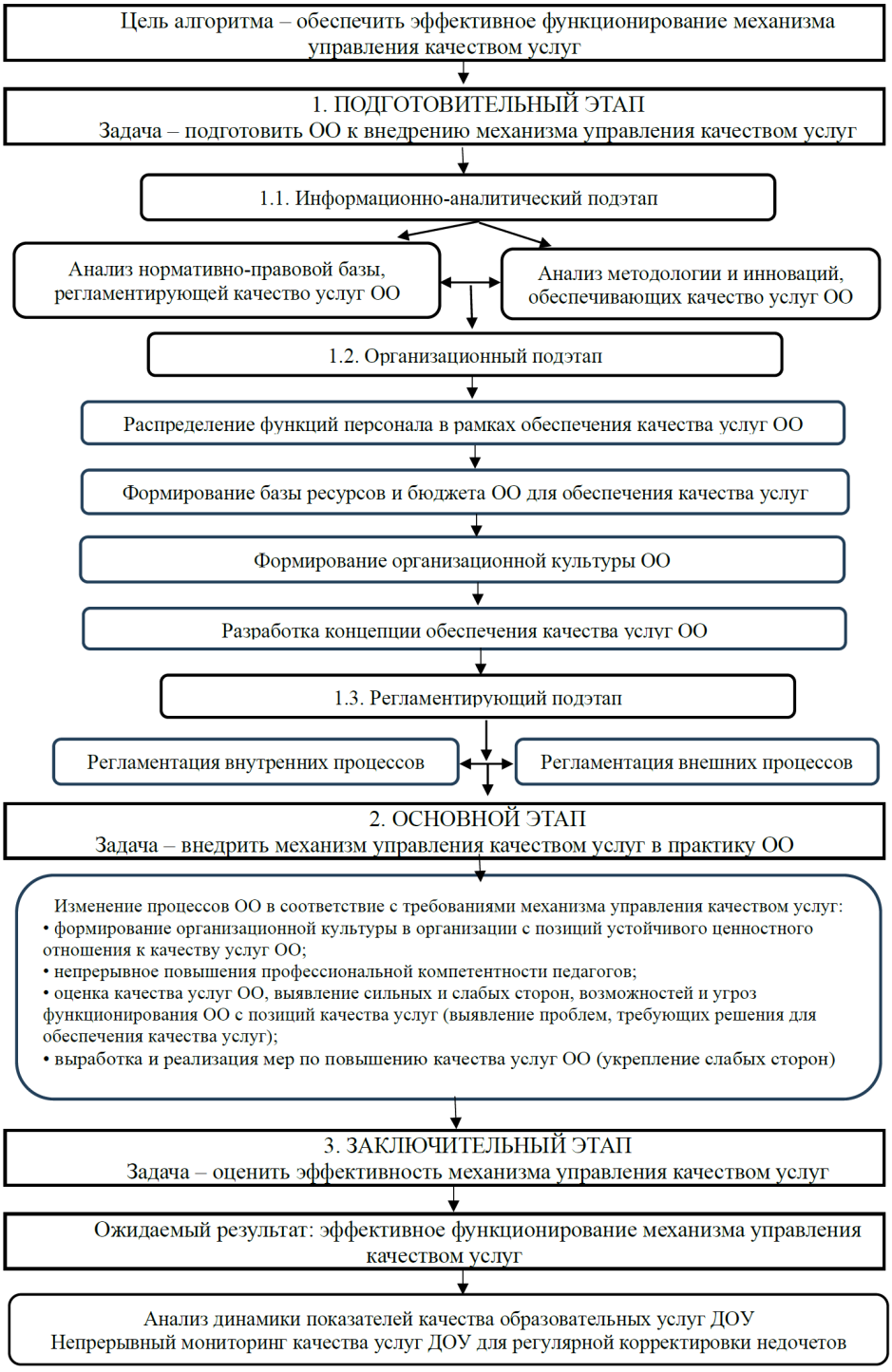

Рисунок 2 — **Алгоритм внедрения механизма управления качеством услуг образовательных организаций**

Таким образом, основу функциональной структуры деятельности субъектов управления в разработанном механизме составляют иерархические функции. Разработанный механизм имеет целью обеспечить высокое качество управления образовательными услугами, упорядочивая процесс предоставления услуг образовательных организаций, закрепляя его на определенном уровне, в соответствии со стратегическими целями.

Для внедрения механизма управления качеством услуг образовательных организаций необходимо разработать соответствующий алгоритм как совокупность действий, осуществляемых по установленным правилам и позволяющих решить поставленную задачу (достичь цели).

Разработанный алгоритм представлен тремя последовательными этапами, каждый из которых описывает действия установленного порядка, обеспечивающие логически последовательное внедрение разработанного механизма управления. Такие действия определены для каждого этапа внедрения разработанного механизма (рис. 2).

Первый этап — подготовительный. На этом этапе, согласно его задаче, все подразделения организации подготовлены к непосредственному запуску (внедрению) механизма управления.

Аналитические действия первого этапа:

а) проанализирована фактически имеющаяся нормативно-правовая документация, регламентирующая все аспекты деятельности, в том числе осуществлен анализ нормативной документации, регламентирующей управление качеством услуг;

б) осуществлен анализ фактической методологической базы, регламентирующей порядок изучения (оценки), мониторинга и совершенствования управления качеством;

в) проведен анализ актуальных инноваций в системе образования данного уровня, а также в сфере экономики и менеджмента (их сопоставление с фактически используемыми инновациями, определение целесообразности их использования в исследуемой организации);

Организационные действия первого этапа:

а) разработка концепции управления качеством услуг, включающей ее структурное содержание и порядок реализации;

б) разработка локальных актов, позволяющих расширить область полномочий и обязанностей работников в аспекте управления качеством услуг;

в) формирование бюджета в соответствии с потребностями;

г) формирование банка ресурсов, необходимых для управления качеством;

д) разработка программы по формированию организационно-корпоративной культуры, направленной на повышение качества услуг;

Проектирующие действия первого этапа:

а) проектирование локальной системы управления качеством услуг:

— разработка локальной документации (нормативы, методы, показатели оценки и мониторинга, системы внутренней отчетности качества услуг);

— разработка программ непрерывного развития (повышения квалификации работников, совершенствование технологий, среды);

— создание банка инновационных технологий развития и совершенствования услуг в целом;

б) проектирование внешней системы управления качеством услуг:

— разработка программ взаимодействия с родителями (консультации и т.п.), а также с другими организациями;

— разработка методов мониторинговой оценки актуальных потребностей (запросов) основных потребителей услуг (государства, общества, родителей и детей), их удовлетворенности качеством фактически оказанных услуг;

— разработка нормативных регламентов взаимодействия с поставщиками продукции, необходимой для обеспечения и совершенствования качества услуг, а также разработка методов оценки качества непосредственно приобретаемой продукции.

На первом — подготовительном этапе проводилась аналитическая и организационная работа, а по ее результатам осуществлялась проектировочная деятельность.

Выполнение действий первого этапа позволит руководителю подготовить к внедрению разработанного механизма.

Второй этап — основной. Его задача: внедрение разработанного механизма управления качеством услуг образовательных организаций управления качеством услуг образовательных организаций в практику. Для решения этой задачи нужно выполнить следующие действия:

1. Приведение организационной структуры в соответствие требованиям разработанного управленческого механизма, в том числе обеспечение непрерывности мониторинга качества услуг в целях их оперативного своевременного совершенствования.

2. Формирование корпоративной культуры, в том числе формирование у работников устойчивой мотивации на фактическое обеспечение и непрерывное совершенствование качества услуг (в том числе, за счет профессионального самосовершенствования).

3. Совершенствование и обеспечение возможности непрерывного развития профессионализма работников.

4. Анализ и оценка процессов качества работы по всем направлениям (управленческого, педагогического и других процессов).

5. Определение сильных и слабых сторон работы в аспекте качества услуг.

6. Выработка и реализация мер по укреплению слабых сторон функционирования.

7. Анализ и оценка результатов реализации вышеуказанных мер.

Третий этап — заключительный. Задача третьего этапа: оценка эффективности разработанного и внедренного в практику механизма управления. Для решения этой задачи нужно выполнить следующие действия:

1. Анализ и оценка успешности всех действий, предусмотренных алгоритмом, и определение эффективности механизма управ-

ления качеством услуг образовательных организаций управления качеством в целом.

2. Уточнение сильных и слабых сторон механизма управления качеством услуг образовательных организаций управления качеством, его потенциальных возможностей развития и совершенствования как системы.

3. Разработка и реализация стратегии укрепления слабых сторон механизма управления качеством услуг образовательных организаций управления качеством, развития его потенциала.

4. Анализ результативности механизма управления качеством услуг образовательных организаций управления качеством по всем выделенным параметрам с выделением его сильных и слабых сторон.

После выполнения последнего действия, процедура должна с регулярной периодичностью повторяться в указанной последовательности, что обеспечит непрерывность мониторинга оценки качества непосредственно услуг и, в частности, оценки качества управления.

Заключительный вывод

Рассмотренный алгоритм призван обеспечить эффективность функционирования разработанного механизма управления качеством услуг образовательных организаций управления качеством.

Литература:

1. Азарян А.Г. Качество образования и технология его оценивания как инструмент воздействия на развитие системы образования / А.Г. Азарян, Н.Ю. Москвитина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — №5-2(92). — С. 22-26.

2. Антошина К.А. Организационно-экономический механизм обеспечения модернизации политики регулирования и поддержки сферы образовательных услуг / К.А. Антошина, С.С. Содух // Индустриальная экономика. — 2022. — №4-4. — С. 349-354.

3. Борзов Е.В. Управление качеством образования на основе мониторинговых исследований // Е.В. Борзов, И.И. Корягина, О.И. Вотякова, Н.В. Курылева // Образование и наука. — 2016. — №6(135). — С. 42-61.

4. Клавсуц И.Л. Управление качеством — стратегический приоритет развития образования XXI века / И.Л. Клавсуц, Ю.С. Захир // Идеи и идеалы. — 2013. — Т. 2, №1(15). — С. 105-114.

5. Муминов Н.Г. Социально-экономические, финансовые и маркетинговые аспекты управления качеством в системе образования / Н.Г. Муминов, А.А. Тағай // Экономика и финансы (Узбекистан). — 2023. — №8. — С. 17-29.

6. Чуваткин П.П. Формирование организационно-экономического механизма управления качеством услуг дошкольного образования // П.П. Чуваткин, А.Е. Материкина // Современная научная мысль. — 2015. — №3. — С. 115-124.

THE MECHANISM FOR CONDUCTING INTERNAL AUDITS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS USING DIGITAL TECHNOLOGIES

Vorobyov Nikolay Nikolaevich, *DSc of Economics, Professor*

Puchkova Elena Mikhailovna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Fomin Ivan Vasilievich, *Postgraduate student*

Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, Nevinnomyssk

This study examines the internal auditing challenges of higher education institutions, particularly in relation to the accounting and control of non-financial assets. Transformations in the accounting sector, driven by the digital economy and the growing volume of information requiring processing, make developing an internal audit mechanism a priority. The education system, which drives economic growth, human capital, and cultural potential, and serves as a powerful stimulus for innovation, requires special attention. Therefore, improving management efficiency and streamlining economic mechanisms in education, as well as auditing as a key component of the management system, require special attention. Given the growing potential of digital technologies, it has been established that auditing is also expanding significantly, as the processing of large amounts of accounting data is automated. Currently, new challenges are emerging for university internal audit. In addition to financial control, which is undoubtedly the primary process audit, there is a pressing need to audit premises, classrooms, and equipment, which, while not functional, are correlatively involved in the university's financial process.

Keywords: *mechanism; rationality; audit efficiency; assets; digital technologies; institution; higher education.*

EDN: KRKNFM **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.30**

Цитировать: *Воробьев Н.Н., Пучкова Е.М., Фомин И.В. Механизм проведения внутреннего аудита в учреждениях высшего образования в условиях применения цифровых технологий // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 216-220. EDN: KRKNFM. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.30*

УДК 338.24

5.2.3

© Воробьев Н.Н., Пучкова Е.М., Фомин И.В., 2026

МЕХАНИЗМ ПРОВЕДЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ВОРОБЬЕВ Николай Николаевич, *доктор экономических наук, профессор*

ПУЧКОВА Елена Михайловна, *кандидат экономических наук, доцент*

ФОМИН Иван Васильевич, *аспирант*

Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, Невинномысск

Исследование посвящено проблемам внутреннего аудита учреждений высшего образования в части учета и контроля использования нефинансового имущества. Преобразования учетной сферы, обусловленные условиями цифровой экономики, нарастающим объемом информации, требующей обработки, ставит задачу разработки механизма проведения внутреннего аудита в приоритетную позицию. Система образования, которая выполняет роль драйвера экономического роста, человеческого капитала и культурного потенциала, а также служит мощным стимулом инноваций, требует особого внимания. И в этой связи повышение эффективности управления и совершенствования экономических механизмов в сфере образования, и аудита как ключевого компонента системы управления, требуют особого внимания. Учитывая нарастающий потенциал использования цифровых технологий, установлено, что и аудит в большей степени расширяется, так как обработка большого массива данных в учете автоматизирована. На сегодняшний момент ставятся новые задачи для внутреннего аудита вуза, кроме финансового контроля, который, несомненно, является основным процессным аудитом, назрела необходимость аудита помещений, аудиторного фонда и оборудования, которое в процессе использования не функционально, но корреляционно участвует в финансовом процессе вуза.

Ключевые слова: *механизм; рациональность; эффективность аудит; имущество; цифровые технологии; учреждение; высшее образование.*

Введение

Детальный обзор исследований возникающих проблем в системе внутреннего аудита любого хозяйствующего субъекта дает возможность заключить, что все больше работ касаются отраслевых особенностей. Аудит ассоциируется в основном с функцией контроля учета в финансовой деятельности предприятий. В частности, Д.В. Корнеев связывает определение внутреннего аудита с инструментом решения вопросов стратегического характера [5]; С.М. Бычкова раскрывает внутренний аудит как систему внутреннего контроля, который организован руководством предприятия [2]; О.В. Рожнова и Е.В. Егорова [4; 8] предлагают единую концепцию учета, аудита и анализа в условиях цифровой экономики, с учетом возможностей цифровых технологий и обработки больших данных. Кроме того, исследования касаются проблемы аудита финансовых результатов деятельности хозяйствующих субъектов. Так, к примеру, Н.Т. Лобынцев в своей статье раскрывает проблему стратегии и приводит адаптированный вариант внутреннего аудита по финансовым результатам деятельности конкретного предприятия. Из этого можно заключить, что финансовый результат касается не только предприятий, извлекающих прибыль, но и любой экономический субъект. В том числе, это касается результатов деятельности учреждений высшего образования. [6] Проблематика в области процесса аудита учреждений высшего образования находит отражение у И.В. Липатовой и Д.В. Антиповой [7], у К.А. Аржановой и В.С. Старостина — относительно построения инструментария информационного аудита вуза [1], а также в статье Н.Г. Гаджиева и Л.З. Ахмедова [3].

Данное исследование посвящено проблеме комплексного контроля с последующей оценкой состояния дел в учете учреждений высшего образования. Цель исследования состоит в построении механизма комплексного проведения внутреннего аудита учреждения высшего образования, позволяющего более достоверно представить положение дел для эффективного использования ресурсных возможностей.

Концентрация внимания со стороны государства на проблемы внутреннего аудита учреждений высшего образования подтверждается принятием ряда законодательных и нормативных актов РФ, основой которых является Федеральный закон «Об аудиторской деятельности». Например, в Приказе Минобрнауки России от 16.11.2020 №1424 [10], регламентируется порядок проведения финансового аудита в учреждениях высшего образования. В Приказе Минфина России от 01.09.2021 №120н утвержден стандарт внутреннего финансового аудита на федеральном уровне, в целях подтверждения достоверности бюджетной отчетности и соответствия порядка ведения бюджетного учета единой методологии бюджетного учета. В 2020 году, согласно Приказу Минобрнауки России №1230, было утверждено «Положения о Контрольно-ревизионном департаменте Министерства науки и высшего образования Российской Федерации» и т.д. В «Методических рекомендациях по применению аудита эффективности» (утв. Коллегией Счетной палаты РФ, протокол от 28.09.2021 №63К (1506)) (вместе с "Рекомендуемым порядком действий в процессе организации и в ходе проведения контрольного (экспертно-аналитического) мероприятия с применением аудита эффективности") (ред. от 11.10.2023) регламентирован уровень и объекты аудиторских проверок, критерии оценок и т.д. Другие законодательно-нормативные акты в большей мере регламентируют процессы внутреннего аудита для хозяйствующих субъектов.

Совершенствование системы финансового аудита учреждений бюджетной сферы, в том числе учреждений высшего образования в Российской Федерации продолжается. Конечно же, все законодательные и нормативные акты способствуют продвижению передовых технологий, так как накопление больших данных при ведении учета, а также изменения и дополнения в законодательно-нормативную базу ускоряют процессы деятельности, расширяют сферу аудита. Сегодняшнее время уже диктует новые правила не только в сроках обработки данных, учета и контроля, но и во времени предоставления отчетности, при этом повышается уровень достоверности. Автоматизация процессов, особенно обработка данных с использованием компьютерных программ уже не является новым, так как они давно адаптированы, но, что касается их конфигураций, обновлений и добавлений, то

можно сказать о постоянном совершенствовании модулей учета и анализа, отчетов и прогнозирования.

Результаты исследования и их обсуждение

Аудит представляет собой не только систему контроля и учета, но инструмент целостного механизма сбора и обработки данных, анализа и прогнозирования, позволяющего разработать мероприятия по улучшению деятельности хозяйствующего субъекта, на основе разработки рациональных управленческих решений. Соответственно, главная задача, требующая решения в условиях цифровизации процессов, связана с достижением «гармонии» учета, аудита и анализа, как единой концепции, объединяющей все области учета единой целью [8]. Препятствие, по мнению Е.В. Егоровой, заключается в неправильном позиционировании внутренних аудиторов в организации, которое приводит к снижению эффективности внутреннего аудита [4].

В связи с этим, первоначальным этапом аудита эффективности должна быть инвентаризация всех ресурсов, то есть в завершении необходим отчет о проверке соответствия наличия фактического с отчетными данными. На следующем этапе можно структурировано подойти к вопросу эффективности использования ресурсов. Несколько причин для такого подхода, но особенность в том, что существуют различные методики расчетов. Например, при определении эффективности использования имущества необходимо определить аудиторный фонд, его емкость, вместимость, сравнить с нормами загрузки и определить в итоге:

— соблюдение норм и обеспечение использования аудиторного фонда;

— использование оборудования в аудиториях (технологическая оснащенность, интенсивность сопровождение процесса и т.д.);

— затраты на содержание помещения и оборудование.

Таким образом, целостность аудита учреждения высшего образования заключается в последовательности выполнения процедур, отображенных в виде укрупненных блоков на рисунке, каждый из которых содержит целую логистику задач. Ниже представлен структурный разбор блоков.

Как и любой процесс деятельности, во внутреннем аудите должны быть поставлена цель с последующим ее достижением. В аудите активов учреждения доминанту составляет имущество, которое в основном задействовано в образовательном процессе, поэтому учет аудиторных площадей и оборудования, стоимостного сопровождения по их содержанию выступает первоочередной задачей. В данном случае аудитор не должен ограничиваться контролем наличия имущества, но и производить расчет эффективности использования. Такая оценка эффективности должна быть комплексной, поэтому предлагаем изначально произвести расчет рациональности использования площадей. Построение и расчет коэффициента эффективности использования аудитории в вузе служит основным показателем в отражении интенсивности использования не только самого помещения, но и технологического оборудования, размещенного в аудитории, используемого в учебном процессе.

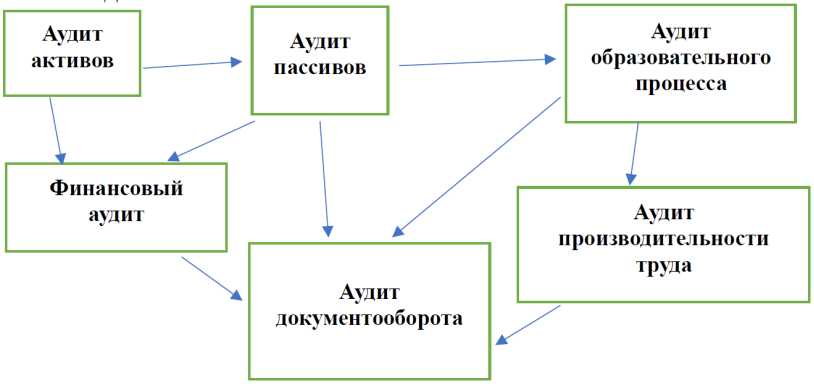

Рисунок — **Алгоритм последовательности проведения аудита учреждения высшего образования**

Он учитывает коэффициент загрузки (среднее заполнение аудиторий студентами во время занятий) и коэффициент занятости оборудования и технических средств сопровождения учебного процесса (востребованность аудиторий в учебном процессе).

В процессе аудита изначально рассчитываются такие коэффициенты для каждой аудитории, а затем в целом для корпуса и

вуза. Затраты на содержание имущественного фонда аудиторий, корпусов и т.д. Уже используемые методики для расчетов: коэффициент использования аудитории в вузе на основе еженедельного расписания учебных групп; коэффициент загрузки для каждой аудитории определяется как отношение усредненного количества студентов, занимающихся в этой аудитории, к числу мест в аудитории в указанное в расписании время; коэффициент занятости для каждой аудитории рассчитывается как отношение еженедельного времени, отведенного для занятий в аудитории по расписанию, к эффективной занятости (эффективному времени использования аудиторий). Коэффициент использования для каждой аудитории определяется произведением коэффициентов загрузки и занятости. Коэффициент использования помещений аудиторного фонда корпуса рассчитывается как средневзвешенное значение коэффициентов использования аудиторий, где в качестве веса выступает вместимость аудитории.

На наш взгляд, такие процедуры в большей степени прокладывают параллель между понятием эффективности и рациональности использования имущества. Так как в вузе корпуса и аудиторные помещения относятся к группе нефинансового имущества, экономическую выгоду здесь нет необходимости рассчитывать. При существующем количестве студентов, гибкой планировке и оптимально составленном расписании максимально возможный коэффициент использования аудиторного фонда вуза равен отношению общей потребности в аудиториях к эффективной вместимости аудиторного фонда.

Заключение

В настоящее время аудит все больше приближается к аналитике, сфера цифровых технологий позволяет провести финансовый аудит в кратчайшие сроки. Многочисленные компьютерные программы бухгалтерского учета позволяют автоматизировать проведение внутреннего финансового аудита, на основе использования их структурных модулей. К примеру, несмотря на наличие встроенных инструментов в программе 1С-бухгалтерия модуль поставленной цели исследования, анализ данных в 1С применяется далеко не всегда. Чаще всего причина не в ограничениях самой платформы, а в отсутствии системного понимания механизма и практики его применения. При этом цель внутреннего аудита должна быть сформулирована контрольной процедурой и определена на основе анализа внутренней нормативной документации по процессу учета.

Рекомендации по созданию и оптимизации действующей системы внутреннего контроля в вузе должны быть обоснованы не только с позиции стоимостного анализа, то есть получения финансовой выгоды.

Таблица — **Характеристика видов аудита учреждений высшего образования**

Виды	Краткая характеристика
Аудит соответствия требованиям	Оценивается и анализируется, на основе проверки соответствия нормативным документам
Аудит, последовательности шагов — от входа до выхода	Аудит материально-технического оснащения, в соответствии с образовательной средой
Структурно-процессный аудит	Аудит отдельных процессов или подразделениям
Финансовый аудит	Проверка корректности в учете финансового ресурса
Аудит документооборота	Вся отчетность

На следующим этапе проведения внутреннего аудита осуществляется обобщение результатов аудита, которое оформляется в виде аудиторского отчета. В оценке эффективности функционирования системы менеджмента качества, аудиторы предоставляют информацию для анализа со стороны руководства, что способствует на основе выявления возможностей разработать управленческие решения для улучшения системы в целом. Например, для повышения коэффициента использования аудитории в вузе может использоваться унификация аудиторного фонда, путем разделения аудитории на две или три группы и т.д.

В условиях цифровизации процессов отображение относительных показателей эффективности использования имущества и др., можно предложить, как вариант, использова-

ния платформы 1С-бухгалтерия или же «Ваш финансовый аналитик», в том или ином случае требуется разработка последовательности построения расчетных показателей и механизм их учета, приняв за базу сравнения усредненный показатель по вузу или же нормативным данным. Такой подход в цифровке учета и аудита является не отдаленной реальностью, а процессом, который уже происходит. В настоящее время осуществляются в большей мере качественные показатели, особенно, что касается рационального и эффективного использования так называемого нефинансового сектора. Тем более, что цифровые технологии будут способствовать придерживаться основных принципов аудита: единообразие, документированность, предупредительность, регулярность и независимость.

Литература:

1. Аржанова К.А., Старостин В.С. Основные инструменты проведения информационного аудита вуза // Вестник университета. — 2022. — 31(11). — С. 42-47. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-11-42-47

2. Бычкова С.М., Михайлова Ж.В. Становление и развитие петербургской (ленинградской) школы аудита // Учет. Анализ. Аудит. — 2023. — Т. 10, №2. — С. 73-83.

3. Гаджиев Н.Г., Ахмедов Л.З., Гаджиев Л.Н. Внутренний аудит в высших учебных заведениях: теория и практика его осуществления // Экономический анализ: теория и практика. — 2008. — №11. — С. 2-12.

4. Егорова Е.В. Анализ современных проблем внутреннего аудита в организациях // Аудиторские ведомости. — 2022. — №1. — С. 30-32. https://doi.org/10.24412/1727-8058-2022-1-30-32

5. Корнеев Д.В. Трансформация сущности внутреннего аудита в процессе совершенствования корпоративного управления / Д.В. Корнеев // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2015. — №4(54). — С. 91-95. EDN UGSWAD.

6. Лабынцев Н.Т., Шестаков А.В. Аудит формирования финансовых результатов деятельности коммерческой организации // Актуальные направления развития учета, анализа, аудита и статистики в отечественной и зарубежной практике: сб. ст. Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 25 ноября 2022 года / под общ. ред. Е.Н. Макаренко. — Ростов-на-Дону: АзовПринт, 2022. — С. 106-111. EDN LVPFMK.

7. Липатова И.В., Антипова Д.В. Аудит эффективности использования государственного (муниципального) имущества // Учет. Анализ. Аудит. — 2024. — №11(2). — С. 36-48.

8. Рожнова О.В. Гармонизация учета, аудита и анализа в условиях цифровой экономики // Учет. Анализ. Аудит. — 2018. — №5(3). — С. 16-23. https://doi.org/10.26794/2408-9303-2018-5-3-16-23

DIGITAL ECOSYSTEMS AS A KEY ELEMENT OF INNOVATIVE SUSTAINABLE INDUSTRIAL DEVELOPMENT IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Zlotnikov Ivan Romanovich, *specialist, Vernadsky Russian State University of National Economy, Moscow*

The study is devoted to analyzing the role of digital ecosystems in ensuring the innovative resilience of industrial development in the regions of the Russian Federation. The relevance of the work is determined by geopolitical instability, the need to achieve technological sovereignty, and the growing demand of industrial enterprises for effective integration of digital, institutional, and production components. The research focuses on identifying mechanisms for the formation of digital innovation ecosystems that contribute to reducing transaction costs, accelerating technology transfer and innovation commercialization, increasing labor productivity, and enhancing the scalability of solutions. The study proposes an original model of innovative resilience that integrates digital platforms, infrastructural elements, government support mechanisms, and human resource potential. Particular attention is given to the optimization of ecosystem financing, taking into account regional specificities, budget constraints, and target performance indicators. Based on an analysis of Russian practices, the key factors contributing to sustainable development are identified, including production automation and robotization, innovation infrastructure development, and the creation of a favorable institutional environment. The presented results possess practical significance for the design of regional strategies for the digital transformation of industry and may serve as a foundation for managerial decision-making at federal and regional levels.

Keywords: *digital ecosystems; innovative sustainability; industrial development; regional development; digital transformation; technological sovereignty; technology transfer; import substitution; robotics; innovative infrastructure.*

EDN: LLLUKQ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.31***

Цитировать: *Злотников И.Р. Цифровые экосистемы как ключевой элемент инновационной устойчивости развития промышленности регионов Российской Федерации // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 221-233. EDN: LLLUKQ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.31*

УДК 330.341

5.2.3

ЦИФРОВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ИННОВАЦИОННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Злотников И.Р., 2026

Исследование посвящено анализу роли цифровых экосистем в обеспечении инновационной устойчивости развития промышленности регионов Российской Федерации. Актуальность работы определяется геополитической нестабильностью, необходимостью достижения технологического суверенитета и усиливающейся потребностью промышленных предприятий в эффективной интеграции цифровых, институциональных и производственных компонентов. Исследование фокусируется на определении механизмов формирования цифровых инновационных экосистем, которые способствуют сокращению транзакционных издержек, ускорению трансфера технологий и коммерциализации инноваций, повышению производительности труда и масштабируемости решений. В работе предложена авторская модель инновационной устойчивости, интегрирующая цифровые платформы, инфраструктурные элементы, механизмы государственной поддержки и кадровый потенциал. Особое внимание уделяется оптимизации финансирования экосистем с учетом региональных особенностей, бюджетных ограничений и целевых показателей эффективности. На основе анализа российской практики выявлены ключевые факторы, способствующие устойчивому развитию, включая автоматизацию и роботизацию производства, развитие инновационной инфраструктуры и формирование благоприятной институциональной среды. Представленные результаты обладают практической значимостью для разработки региональных стратегий цифровой трансформации промышленности и могут служить основой для принятия управленческих решений на федеральном и региональном уровнях управления.

ЗЛОТНИКОВ Иван Романович, *специалист, Российский государственный университет народного хозяйства имени В.И. Вернадского, Москва*
SPIN-код 3587-6600
ORCID ID 0009-0001-5380-7006
ResearcherID OUH-2326-2025

Ключевые слова: *цифровые экосистемы; инновационная устойчивость; развитие промышленности; региональное развитие; цифровая трансформация; технологический суверенитет; трансфер технологий; импортозамещение; робототехника; инновационная инфраструктура.*

Введение

Проблема исследования и ее актуальность. В условиях современной геополитической нестабильности и вызовов, связанных с санкционным давлением, перед Российской Федерацией стоит задача обеспечения технологической независимости и создания устойчивых механизмов инновационного развития промышленности [10, с. 23-41]. Традиционные подходы к управлению инновационной деятельностью, ориентированные на линейную модель научных исследований, оказываются недостаточными для решения комплексных производственных проблем в условиях цифровой трансформации экономики [3, с. 45-51].

Цифровые экосистемы представляют собой качественно новую форму организации инновационной деятельности, обеспечивающую системную интеграцию промышленных предприятий, научно-исследовательских организаций, образовательных учреждений, финансовых институтов и структур государственной поддержки [6, с. 412-428]. Такая интеграция позволяет преодолеть традиционные разрывы между наукой и производством, ускорить процессы трансфера технологий, сократить временные и финансовые издержки инновационного цикла [13, с. 89-104].

В условиях геополитической нестабильности особую актуальность приобретает интеграция инновационных процессов промышленных предприятий в единую цифровую архитектуру, поскольку она формирует институциональные и технологические условия для ускоренной генерации, трансфера и коммерциализации знаний [14, с. 78-95].

Цифровые экосистемы способствуют сокращению транзакционных и временных издержек инновационного цикла, обеспечивают масштабируемость технологических решений и повышают устойчивость взаимодействия участников в контексте цифровой трансформации социально-экономических систем [7, с. 156-171].

Проблемность ситуации усугубляется существованием значительной дифференциации между российскими регионами по уровню развития цифровых инфраструктур, наличию кадровых ресурсов, концентрации инновационного потенциала и доступу к финансированию [4, с. 134-156]. Некоторые регионы демонстрируют опережающие темпы цифровой трансформации, тогда как другие испытывают серьёзные затруднения с внедрением базовых цифровых технологий [8, с. 67-89]. Эта дифференциация требует разработки дифференцированных подходов к формированию региональных цифровых экосистем, учитывающих локальные особенности, имеющийся потенциал и специфические задачи развития.

Историография вопроса и уровень научной разработки. История изучения экосистемного подхода в экономике берет своё начало с работ, связанных с теорией инновационных систем. Концепция национальных инновационных систем, предложенная К. Фриманом и Б.-А. Лундвалём в конце XX века, положила основу для понимания инновационных процессов как системного явления, в котором ключевую роль играют взаимосвязи между различными институтами. Эта концепция была развита и адаптирована к региональному уровню, что привело к появлению теории региональных инновационных систем [3, с. 48-50].

В российской научной литературе экосистемный подход к анализу инновационного развития начал активно применяться с 2010-х годов [5, с. 23-34]. Работы исследователей из ВШЭ, ИНП РАН, Сколтеха и других ведущих научных организаций внесли значительный вклад в развитие методологии анализа инновационных экосистем [6, с. 415-420]. Однако до недавнего времени в большинстве исследований акцент делался на общетеоретические аспекты, тогда как практические вопросы формирования цифровых экосистем, ориен-

тированных на конкретные задачи промышленного развития, оставались недостаточно проработанными.

С 2020 года, после объявления национального проекта Российской Федерации «Цифровая экономика» и принятия ряда стратегических документов по развитию цифровизации, возрос интерес к изучению цифровых экосистем как инструмента интеграции различных секторов экономики.

Исследования показали, что успешные цифровые экосистемы формируются не произвольно, а требуют целенаправленного проектирования с учётом множества факторов: институциональной базы, инфраструктурной готовности, кадрового потенциала и механизмов государственной поддержки [11, с. 156-171].

Значительное число исследований посвящено изучению роботизации и автоматизации промышленности как составных элементов цифровой трансформации [15, с. 45-62]. Работы в этой области показывают, что роботизация не является самоцелью, а представляет собой инструмент повышения производительности в контексте более широких процессов организационного и технологического развития [9, с. 78-95]. Однако комплексное исследование того, как робототехнические решения интегрируются в цифровые экосистемы на региональном уровне, требует дополнительного внимания.

Вопросы финансирования инновационной деятельности на региональном уровне активно изучались в работах, посвященных государственной инновационной политике и региональному развитию [1, с. 1467-1482]. Исследования показывают, что распределение государственных инвестиций в инновации часто не соответствует действительному инновационному потенциалу регионов и их способности к эффективному использованию средств [13, с. 95-102]. Это определяет необходимость разработки методик оптимизации финансирования, учитывающих региональные особенности и дифференцированные возможности территорий.

Цель исследования состоит в анализе механизмов формирования цифровых экосистем промышленного сектора регионов Российской Федерации и выявлении факторов, обеспечивающих инновационную устойчивость их развития. Основные задачи исследования: 1) провести критический анализ теоретико-методологических подходов к определению цифровых экосистем и их роли в инновационном развитии промышленности; 2) разработать авторскую модель формирования цифровых инновационных экосистем, систематизирующую взаимосвязи между промышленными предприятиями, научными организациями, бизнес-структурами и институтами государственной поддержки; 3) выявить ключевые компоненты и механизмы функционирования цифровых экосистем, обеспечивающие воспроизводство и масштабирование инновационного потенциала; 4) разработать методику оптимизации финансирования цифровых экосистем промышленного сектора с учётом ограниченности бюджетных ресурсов, региональных особенностей и целевых показателей эффективности; 5) провести анализ практических примеров развития цифровых экосистем в наиболее продвинутых российских регионах и выявить лучшие практики, применимые в других территориях; 6) обосновать направления совершенствования государственной политики поддержки формирования региональных цифровых экосистем в промышленности.

Теоретические основы цифровых экосистем

Определение и сущность цифровых экосистем в промышленности. Цифровая экосистема в контексте промышленного развития может быть определена как интегрированная система взаимодействия хозяйствующих субъектов, научных организаций, образовательных учреждений, финансовых институтов и государственных структур, объединённых единой цифровой платформой и общей целью обеспечения инновационного развития промышленного сектора [6, с. 412-415]. В отличие от простого набора отдельных организаций, экосистема предполагает системную взаимозависимость, циркуляцию информационных и финансовых потоков, а также согласованность стратегических целей всех участников [5, с. 25-28].

Ключевые признаки цифровой экосистемы включают: наличие единой цифровой платформы, служащей технологической ос-

новой взаимодействия; наличие экономических стимулов для участников к вовлечению в экосистему; наличие механизмов координации между участниками; ориентированность на создание добавленной стоимости через инновационные процессы; наличие механизмов трансфера технологий и знаний; интеграция различных типов ресурсов (интеллектуальных, финансовых, материально-технических) [14, с. 82-87].

Отличие цифровых экосистем от традиционных форм организации инновационной деятельности (кластеров, технопарков, инновационных комплексов) состоит в степени интеграции и глубине использования цифровых технологий как средства координации и обмена информацией [1, с. 1470-1475]. В то время как традиционные формы ориентированы преимущественно на физическое размещение организаций в одном пространстве, цифровые экосистемы способны функционировать в распределённом виде, преодолевая географические ограничения и позволяя участникам из различных регионов эффективно взаимодействовать [8, с. 73-78].

Структурно-функциональные компоненты цифровых экосистем. Цифровая экосистема промышленного развития включает следующие основные структурные компоненты:

— Ядро экосистемы представлено цифровой платформой, выполняющей функции интеграции информационных потоков, координации взаимодействия участников и предоставления базовых сервисов для их деятельности [14, с. 85-89]. Примером такой платформы в российском контексте является Государственная информационная система промышленности (ГИСП), разработанная Министерством промышленности и торговли Российской Федерации [2, с. 112-118].

— Производственный слой включает промышленные предприятия различных масштабов, от крупных корпораций до малых и средних предприятий, занимающихся производством продукции и оказанием услуг [7, с. 78-82]. В цифровой экосистеме эти организации связаны как отношениями кооперации и субконтрактации, так и отношениями конкуренции, что создает динамичную среду для развития инноваций [4, с. 145-151].

— Инновационно-научный слой представлен научно-исследовательскими организациями, университетами, центрами компетенций и другими структурами, занимающимися генерацией знаний, проведением научных исследований и опытно-конструкторских работ [3, с. 52-56]. Роль этого слоя заключается не только в создании новых знаний, но и в подготовке кадров, способных к инновационной деятельности [12, с. 38-42].

— Инфраструктурный слой включает технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, центры компетенций по робототехнике и другие организации, предоставляющие материальную и методологическую поддержку инновационным проектам [13, с. 89-93]. Этот слой выполняет функцию моста между генерацией идей и их коммерциализацией [5, с. 28-31].

— Финансовый слой состоит из различных источников финансирования инновационной деятельности, включая собственные средства предприятий, бюджетные субсидии, субсидии и кредиты государственных фондов развития промышленности, частные инвестиции венчурных фондов и прямые инвестиции стратегических инвесторов [1, с. 1475-1479].

— Институциональный слой представлен органами государственного управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, саморегулируемыми организациями, ассоциациями предпринимателей и другими организациями, формирующими нормативно-правовую базу функционирования экосистемы и реализующими политику государственной поддержки [11, с. 160-165].

— Кадровый слой включает систему подготовки кадров, переподготовки и повышения квалификации, обеспечивающую экосистему специалистами с необходимыми компетенциями в области цифровых технологий, инженерного мастерства и управления инновационными проектами [12, с. 34-38].

Механизмы функционирования и воспроизводства потенциала. Цифровая экосистема функционирует как саморегулирующаяся система, в которой различные участники, преследуя свои экономические интересы, синхронизируют свою деятельность через механизмы рыночного взаимодействия и государственного регулирования [6, с. 420-424]. Основные механизмы включают:

— Механизм трансфера технологий — процесс передачи научных и технических разра-

боток от научных организаций и высокотехнологичных компаний к производственным предприятиям для их коммерциализации и внедрения в массовое производство [13, с. 93-98]. Эффективность этого механизма зависит от развитости инфраструктуры поддержки и наличия специалистов, способных обеспечить адаптацию технологий к условиям конкретных производств [5, с. 29-32].

— Механизм финансирования и оптимизации распределения ресурсов обеспечивает эффективное использование ограниченных государственных и частных инвестиций для достижения максимальной инновационной отдачи [1, с. 1478-1481]. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов особую значимость приобретает разработка методик оптимизации финансирования с учётом не только потенциала отдельных проектов, но и регионального контекста, включая инфраструктурные разрывы и кадровый дефицит [4, с. 152-159].

— Механизм информационного обмена и координации реализуется через цифровую платформу, позволяя участникам оперативно получать информацию о возможных партнёрах, доступных ресурсах, государственных программах поддержки и достигнутых результатах [14, с. 88-92]. Это снижает транзакционные издержки поиска контрагентов и координации совместных проектов [6, с. 422-425].

— Механизм стимулирования инновационной активности включает как прямые меры государственной поддержки (субсидии, гранты, льготные кредиты), так и косвенные (налоговые льготы, льготы по аренде производственных площадей, упрощённый порядок получения разрешительной документации) [2, с. 145-152]. Эффективность стимулирования зависит от того, в какой мере эти меры ориентированы на решение реальных проблем промышленных предприятий [7, с. 84-89].

Модель формирования цифровых инновационных экосистем промышленного сектора

Авторская модель инновационной устойчивости. В работе предлагается авторская модель формирования цифровых инновационных экосистем промышленного сектора регионов Российской Федерации, построенная на интеграции цифровых, институциональных и производственных компонентов в единый архитектурно-функциональный контур инновационной экосистемы.

Данная модель основана на системном подходе к организации инновационной деятельности и предусматривает следующие ключевые аспекты [3, с. 53-58]:

Инфраструктура и инновационный потенциал: региональная инновационная инфраструктура, включающая технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, исследовательские центры и центры компетенций, а также наличие в регионе научного и образовательного потенциала, определяющего способность территории к генерации и восприятию инноваций [5, с. 25-29].

Уровень автоматизации и роботизации предприятий региона: степень внедрения современных производственных технологий, включая промышленную робототехнику, системы автоматизированного управления производством, интернет вещей (IoT) и другие элементы Четвёртой промышленной революции [15, с. 48-54].

Экономическая устойчивость региона: показатели, характеризующие финансовую стабильность региональной экономики, включая динамику валового регионального продукта, уровень занятости, инвестиционную активность и финансовую обеспеченность государственных программ развития [4, с. 160-168].

Модель систематизирует взаимосвязи между промышленными предприятиями, наукой, бизнесом и институтами поддержки, интегрирует их в единую цифровую архитектуру, классифицирует структурно-функциональные формы взаимодействия и выявляет механизмы, обеспечивающие воспроизводство и масштабирование инновационного потенциала промышленного сектора Российской Федерации [6, с. 415-420].

Внешние факторы и государственная поддержка. Функционирование цифровой экосистемы существенно зависит от внешних факторов и мер государственной поддержки [11, с. 162-168]:

Государственная поддержка предусматривает предоставление налоговых льгот, грантов, субсидий и льготного финансирования для инновационных проектов [2, с. 168-175]. Система поддержки включает программы

Фонда развития промышленности, Фонда содействия инновациям, региональные фонды развития промышленности и другие структуры, ориентированные на стимулирование инновационной активности [1, с. 1476-1479].

Национальные и федеральные проекты направлены на достижение стратегических целей государства в области цифровизации, технологического суверенитета и импортозамещения [10, с. 67-89]. Примеры включают национальный проект Российской Федерации «Цифровая экономика», программу развития робототехники и автоматизации производства, программы поддержки высокотехнологичных производств в приоритетных отраслях [9, с. 89-105].

Региональные особенности включают степень развития региональной экономики, наличие инфраструктурных объектов, кадровый потенциал, географическое расположение и доступ к ресурсам [8, с. 89-95]. Эти факторы определяют специфику формирования региональных цифровых экосистем и требуют дифференцированного подхода к их развитию [4, с. 172-181].

Ресурсы и механизмы реализации. Реализация модели предусматривает мобилизацию различных типов ресурсов:

Финансовые ресурсы включают бюджетные средства, средства частных инвесторов, собственные средства предприятий и кредитные ресурсы, направляемые на финансирование инновационных проектов, развитие инфраструктуры и подготовку кадров [1, с. 1479-1481].

Человеческие ресурсы представлены специалистами различных профилей — инженерами, программистами, управленцами проектов, научными исследователями, специалистами по цифровым технологиям [12, с. 38-45]. Формирование необходимого кадрового потенциала требует развития системы подготовки и переподготовки специалистов в соответствии с потребностями цифровой экономики.

Технологические ресурсы включают цифровые платформы, системы управления производством, программное обеспечение, промышленные роботы, датчики и другое оборудование, необходимое для реализации цифровой трансформации [15, с. 52-57].

Информационные ресурсы предусматривают доступ к знаниям, научным результатам, лучшим практикам, статистическим данным и другой информации, необходимой для принятия обоснованных решений в сфере инновационного развития [14, с. 89-92].

Механизмы реализации включают создание цифровой платформы, развитие нормативно-правовой базы, реализацию программ государственной поддержки, организацию взаимодействия между участниками экосистемы и мониторинг результатов реализации [6, с. 424-427].

Оптимизация финансирования цифровых экосистем промышленного сектора

Проблема оптимального распределения ресурсов. В рамках разработанной модели особое внимание уделяется формуле оптимального финансирования цифровой экосистемы промышленного сектора Российской Федерации с учётом ограниченности бюджета и целевых показателей эффективности [4, с. 185-194]. Ключевые задачи оптимизации включают:

— Максимизация инновационной отдачи — достижение максимального прироста показателей производительности труда, количества полученных патентов, количества внедренных высокотехнологичных позиций на предприятиях в расчёте на единицу инвестированных средств [3, с. 58-62].

— Минимизация бюджетных затрат — обеспечение эффективного использования ограниченных государственных ресурсов и снижение рисков неэффективного распределения средств [1, с. 1479-1481].

— Учёт региональных особенностей — принятие во внимание инфраструктурных разрывов, кадрового дефицита, различий в уровне экономического развития и других факторов, влияющих на способность регионов к эффективному использованию инвестиций [8, с. 102-109].

Методология оптимизации финансирования. Оптимальное распределение средств вычисляется через максимизацию взвешенной отдачи с учётом бюджетных ограничений [6, с. 420-424]. Формула в общем виде представляется следующим образом:

Целевая функция:

$$\max\left(\sum_{r=1}^{n} a_r * \frac{F_r * \in_i}{B_r}\right)$$

При ограничениях:

$$\sum_{k=2}^{5} F_r \le F_{total}, \in_r \ge \in_{min}, F_r \ge 0$$

где F_r — объём финансирования для региона r;

$\in_r$ — эффективность использования средств, рассчитываемая как отношение прироста инновационных показателей к затратам, например

$$\frac{\Delta ВРП_{high-tech}}{F_r}$$

B_r — бюджетные ограничения региона (дефицит кадров/инфраструктуры, требующий компенсации);

α_r — весовой коэффициент приоритетности региона (например, 1,5 для депрессивных регионов, 1,0 для развитых);

F_{total} — общий бюджет программы.

Детализация компонентов «эффективность» и «бюджетные ограничения» проводится на основе анализа статистических данных по каждому субъекту Российской Федерации [2, с. 185-192]. Для оптимального распределения применяется метод множителей Лагранжа для поиска баланса между максимизацией отдачи и учётом региональных приоритетов.

$$\in_r = \frac{\Delta \text{Инновационная активность}}{\Delta F_r} = \frac{\Delta(\text{Патенты} + \text{Стартапы} + \text{Производительность})r}{F_r}$$

$$B_r = \frac{\text{Дефицит кадров}_r + \text{Инфраструктурный разрыв}_r}{\text{Средний уровень развития}_r}$$

$$L(F_r, \lambda = \sum \alpha_r * \frac{F_r * \epsilon_r}{B_r} + \lambda(F_{total} - \sum F_r)$$

Данный подход позволяет учитывать как потенциал регионов к эффективному использованию инвестиций, так и социально-экономическую значимость территорий, требующих компенсирующей поддержки [4, с. 192-197].

Практический пример оптимизации: Московская область и Краснодарский край. Применение предложенной методики демонстрируется на примере двух регионов, значительно различающихся по уровню развития и инновационному потенциалу.

Московская область характеризуется высокой степенью развития экономики, развитой инфраструктурой, концентрацией научно-образовательного потенциала и большой численностью высокотехнологичных предприятий [8, с. 112-119]. При этом регион обладает высокой эффективностью использования инвестиций в инновационную деятельность, что обуславливается наличием необходимых компетенций и инфраструктуры [3, с. 60-63].

Краснодарский край представляет регион со значительным промышленным потенциалом, но испытывающий проблемы с дефицитом высокотехнологичных кадров, недостаточностью инновационной инфраструктуры и определёнными географическими ограничениями [4, с. 198-205]. Однако регион имеет стратегическое значение для развития промышленности на юге России и требует целенаправленной поддержки.

Расчёт параметров для двух регионов при условии, что общий бюджет программы составляет условные 100 единиц.

Таблица — **Расчет оптимального финансирования на примере Московской области и Краснодарского края.**

Параметр	Московская область	Краснодарский край
$\in_r$	0,8	0,5
B_r	1,2	2,0
α_r	1,0	1,5

Применение оптимизационной модели даёт следующие результаты:

Оптимальное распределение при $F_{total} = 100$:

— Московская область: $F = 55$ (обоснование: высокая эффективность, более низкий приоритет как развитого региона)

— Краснодарский край: $F = 45$ (обоснование: низкая эффективность, но высокая социально-экономическая значимость и потребность в компенсирующей поддержке)

Предложенная формула оптимального финансирования цифровой экосистемы промышленного сектора для повышения произ-

водительности труда позволяет обосновать пропорции финансирования, оценить ROI инновационных инвестиций на уровне субъектов Российской Федерации, а также определить приоритеты государственной поддержки с учётом как потенциала территорий, так и общегосударственных стратегических целей [6, с. 426-428].

Ключевые аспекты формирования цифровых экосистем

Инфраструктура и инновационный потенциал. Развитие инновационной инфраструктуры представляет собой одно из критических условий формирования эффективной цифровой экосистемы [5, с. 28-31]. В российских регионах в последние годы произошло значительное расширение инструментов поддержки инновационной деятельности.

Индустриальные парки и технопарки создают материальную базу для размещения производственных мощностей и обеспечивают организации льготными условиями функционирования [13, с. 90-94]. По данным Минпромторга России, по состоянию на 2024 год в регистре содержится информация о 166 индустриальных парках и множестве промышленных технопарков, распределённых по различным субъектам Российской Федерации [2, с. 195-199]. Благодаря развитию этих объектов создано более 4500 гектаров производственных площадей и свыше 34,500 рабочих мест.

Промышленные кластеры объединяют компании, работающие в смежных или взаимодополняющих отраслях, обеспечивая синергию через развитие кооперации и обмена знаниями [1, с. 1472-1475]. На 2024 год в России действует 26 подтвержденных Минпромторгом России промышленных кластеров, в состав которых входят предприятия из 35 субъектов Российской Федерации [2, с. 201-204]. Примеры включают Межрегиональный радиоэлектронный кластер, электротехнический кластер Курской области, промышленный кластер высокотехнологичного оборудования «АБАТ», высокотехнологичные кластеры в других регионах.

Центры трансфера технологий выполняют роль посредников между научными организациями и промышленными предприятиями, осуществляя правовую защиту результатов интеллектуальной деятельности, подготовку стратегий коммерциализации и реализацию лицензионных соглашений [13, с. 98-102]. Сеть таких центров непрерывно расширяется, включая организации в Томске, Новосибирске, Санкт-Петербурге и других крупных научных центрах.

Центры компетенций специализируются на решении конкретных технологических проблем в приоритетных областях [9, с. 95-100]. Особое значение приобретают региональные центры развития промышленной робототехники, создание которых инициировано на уровне федеральной политики. Так, в 2024 году открыт Головной центр развития промышленной робототехники на базе университета «Иннополис» с планами создания аналогичных центров в различных регионах [2, с. 210-214].

Цифровизация промышленных процессов и роботизация. Процессы автоматизации и роботизации промышленного производства представляют собой ключевой компонент цифровой трансформации и важный фактор повышения производительности [15, с. 48-52]:

Современное состояние роботизации в России характеризуется активным развитием [9, с. 89-93]. По данным Минпромторга России на июнь 2025 года в России работают 10 производителей промышленной робототехники и более 100 интеграторов. На предприятиях внедрено свыше 20 тысяч промышленных роботов, а плотность роботизации составляет 29 роботов на 10 тысяч работников [2, с. 215-218]. Для сравнения: целевой показатель, обозначенный в указе Президента Российской Федерации, предусматривает достижение к 2030 году уровня 194 роботов на 10 тысяч работников, что позволит России войти в число 25 ведущих стран мира по этому показателю [9, с. 100-104].

Региональные лидеры в развитии робототехники демонстрируют значительные успехи [8, с. 125-132]. Челябинская область по итогам 2024 года применяла 755 промышленных роботов, что втрое выше показателя предыдущего года, обеспечивая плотность роботизации в 25 роботов на 10 тысяч работников. Свердловская область также активно развивает роботизацию в машиностроении и других отраслях [2, с. 220-223]. Московская область достигла 99% цифровой зрелости бла-

годаря реализации национального проекта «Цифровая экономика».

Применение робототехники в различных отраслях: в металлургии роботы используются для погрузочно-разгрузочных операций, плазменной резки, маркировки изделий и контроля качества; машиностроение применяет роботизацию для сборки, сварки и обработки деталей; пищевая промышленность использует роботов для упаковки, сортировки и логистических операций [15, с. 54-58].

Окупаемость роботизационных комплексов составляет от одного до трёх лет, что делает инвестиции в робототехнику экономически оправданными для большинства предприятий [9, с. 102-105].

Государственная и региональная поддержка инноваций. Система государственной поддержки развития цифровых экосистем включает множество механизмов и программ [11, с. 165-170]:

Программы финансирования инновационной деятельности включают субсидии для модернизации оборудования, гранты на проведение НИОКР, льготные кредиты и займы для инновационных проектов [1, с. 1477-1480]. Фонд развития промышленности предоставляет займы на проекты импортозамещения и производства конкурентоспособной продукции под 3% и 5% годовых. Размеры займов составляют от 100 до 1000 млн рублей на срок до 5 лет [2, с. 228-231].

Программы Фонда содействия инновациям предусматривают гранты для компаний, занимающихся инновационной деятельностью, включая программы «Старт», «Развитие», «Масштабирование» и другие, с объёмами поддержки от 15 до 30 млн рублей в зависимости от этапа развития проекта [2, с. 232-235].

Региональные программы поддержки включают создание региональных фондов развития промышленности, программы поддержки малых и средних предприятий, льготное лизирование оборудования [8, с. 138-143]. В 2023 году наиболее качественную поддержку МСП оказали центры в Смоленской, Московской, Самарской областях, Рязанской и Ярославской областях, Республике Башкортостан, Свердловской и Омской областях, Республике Татарстан.

Программы по робототехнике и автоматизации предусматривают специальные меры поддержки для организаций, занимающихся производством промышленных роботов и их интеграцией в производственные процессы [9, с. 105-109]. Челябинская область, например, разработала специальные механизмы компенсации затрат на НИОКР, предусматривающие возмещение до 100 млн рублей для компаний, занимающихся инновационной робототехнической разработкой.

Кадровый потенциал и подготовка специалистов. Кадровый фактор является критическим ограничением в развитии цифровых экосистем [12, с. 38-42]. Все регионы констатируют сильную потребность в квалифицированных кадрах в сфере цифровой трансформации.

Масштабы потребности в кадрах: по оценкам Минстроя России, только в строительной отрасли в обучении нуждаются около 20,000 человек [12, с. 40]. По данным Агентства по технологическому развитию, государству необходимо более 300,000 специалистов, хорошо разбирающихся в цифровых технологиях [2, с. 238-240].

Система подготовки кадров включает традиционные университеты, специализированные центры подготовки, такие как Университет Минстроя России НИИСФ РААСН, Иннополис, а также коммерческие структуры и программы переподготовки, реализуемые компаниями [12, с. 42-45]. Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики» направлен на системную подготовку специалистов для различных отраслей [2, с. 241-243].

Практико-ориентированный подход к обучению, где знания, полученные в университете, применяются в реальных задачах индустрии, показывает высокую эффективность и повышает востребованность выпускников на рынке труда [12, с. 44-46].

Лучшие практики развития цифровых экосистем в российских регионах

Московская область: путь к цифровому лидерству. Московская область демонстрирует одну из наиболее успешных моделей формирования цифровой экосистемы [8, с. 145-152]. Государственная программа «Цифровое Подмосковье» на 2023-2030 годы направлена на комплексное развитие цифровой инфра-

структуры и внедрение информационных технологий во все сферы жизни региона.

Ключевые достижения:

— достижение 99% показателя цифровой зрелости [8, с. 147];

— предоставление более 350 онлайн-услуг для населения;

— модернизация ИТ-инфраструктуры и развитие облачных технологий;

— внедрение цифровых решений в здравоохранение, образование, транспорт, ЖКХ, экологию [2, с. 245-248].

Инновационные проекты:

— региональная навигационно-информационная система;

— сервис контроля безопасности на железной дороге;

— система автоматического обслуживания клиентов с использованием технологии синтеза и распознавания речи;

— проекты по мониторингу состояния окружающей среды [8, с. 150-152].

Республика Татарстан: лидер по цифровой трансформации. Республика Татарстан занимает первое место в рейтингах по уровню цифровой трансформации [8, с. 155-162]. Программа «Цифровой Татарстан», утверждённая в 2021 году и реализуемая с 2022 года, предусматривает активное применение цифровых решений в государственном управлении, повышение качества жизни граждан и развитие инновационной инфраструктуры.

Достижения Татарстана:

— переход 100% государственных услуг в электронный формат [8, с. 157];

— увеличение электронных сервисов с 8 (в 2019 году) до 319 (на 2024 год);

— более 75% татарстанцев используют электронные услуги через портал;

— жители сэкономили 38 млн часов и более 9 млрд рублей благодаря электронизации [2, с. 252-254].

Инновационные направления:

— ежегодный международный форум Kazan Digital Week (более 600 спикеров, 18,000 участников из 64 стран в 2024 году) [8, с. 160];

— проведение «Игр будущего» как турнира на стыке спорта, науки и технологий;

— создание 3D-цифрового двойника Казани;

— оцифровка 53,3% объектов городской инфраструктуры;

— планы по развитию 5G-сети к 2027 году с полным покрытием территории [2, с. 255-258].

Челябинская область: эксперимент в роботизации и цифровизации. Челябинская область развивает инновационную модель робототехники и автоматизации, создав уникальную экосистему, объединяющую производителей, интеграторов, вузы и органы власти [8, с. 165-172].

Ключевые характеристики модели:

— создание Центра промышленной роботизации (ЦПР) и Регионального центра компетенций по производительности труда [9, с. 108-112];

— три производителя промышленных роботов, включая крупнейший «Завод роботов» с годовой производительностью до 1,000 единиц;

— более десяти интеграторов, занимающихся внедрением робототехнических комплексов;

— применение 755 промышленных роботов по итогам 2024 года (втрое выше, чем в 2023 году) [8, с. 168];

— плотность роботизации 25 роботов на 10,000 работников;

— технология техносферы роботизации объединяет всех участников отрасли на принципах взаимовыгодного сотрудничества, позволяя эффективно обмениваться информацией и лучшими практиками [9, с. 112-115].

Вызовы и проблемы развития цифровых экосистем

Кадровый дефицит и проблемы подготовки. Несмотря на реализацию программ подготовки кадров, на рынке сохраняется острый дефицит специалистов, способных работать с современными цифровыми технологиями и участвовать в инновационных проектах [12, с. 38-42]. Особенно ощущается нехватка инженеров, специалистов по цифровым технологиям, управленцев проектов и исследователей.

Проблемы, с которыми сталкивается система подготовки кадров, включают [12, с. 43-46]:

— несоответствие содержания образовательных программ требованиям реального сектора экономики;

— дефицит практико-ориентированного обучения;

— недостаточное количество образовательных организаций, предоставляющих качественную подготовку;

— кадровый голод в системе образования (нехватка опытных преподавателей-практиков).

Региональная дифференциация и неравномерность развития. Существует значительная дифференциация между российскими регионами по уровню развития цифровых экосистем [4, с. 210-218]. Ведущие регионы (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Татарстан, некоторые крупные промышленные центры) демонстрируют опережающие темпы развития, тогда как периферийные и депрессивные регионы испытывают серьёзные затруднения [8, с. 175-182].

Факторы, обусловливающие эту дифференциацию [4, с. 215-218]:

— концентрация инновационного потенциала в крупных научных центрах;

— неравномерное распределение инвестиций в развитие инфраструктуры;

— различия в финансовой обеспеченности региональных бюджетов;

— отток высокотехнологичных кадров из периферийных регионов.

Технологическое отставание и импортозависимость. Несмотря на активную работу в области цифровизации, Россия сохраняет определённую технологическую зависимость в ряде критических областей [10, с. 45-67]. Проблемы включают:

— зависимость от импортного оборудования и компонентов: многие российские предприятия вынуждены использовать иностранные комплектующие и оборудование, что ограничивает технологический суверенитет [10, с. 50-55];

— отставание в разработке передовых технологий: в некоторых областях российские разработки уступают мировым аналогам по производительности и функциональности [10, с. 58-62];

— сложность обратного инжиниринга: процесс воспроизведения зарубежных технологий требует значительных временных и финансовых ресурсов [10, с. 63-67].

Проблемы координации и интеграции экосистемы. Эффективное функционирование цифровой экосистемы предполагает согласованное взаимодействие множества участников с различными интересами [6, с. 425-427]. Возникающие проблемы включают:

— недостаточность координирующих механизмов между участниками экосистемы [14, с. 90-92];

— информационные асимметрии, затрудняющие поиск партнёров и контрагентов;

— различие во временных горизонтах планирования между научными организациями, бизнесом и государством [11, с. 168-170];

— проблемы защиты интеллектуальной собственности и справедливого распределения результатов инновационной деятельности [13, с. 100-102].

Направления совершенствования политики развития цифровых экосистем

Совершенствование нормативно-правовой базы. Необходимо развитие правовой и регуляторной базы, обеспечивающей благоприятные условия для развития цифровых экосистем [11, с. 165-168]:

— принятие федеральных норм и стандартов для функционирования цифровых платформ, обеспечивающих совместимость систем;

— защита прав участников экосистемы и механизмы разрешения конфликтов;

— упрощённые процедуры для регистрации и лицензирования цифровых сервисов;

— нормативные акты, устанавливающие требования к информационной безопасности и защите данных.

Расширение инвестирования в инновационную инфраструктуру. Требуется увеличение объёмов государственного финансирования развития инновационной инфраструктуры, особенно в регионах с недостаточным развитием [1, с. 1479-1481]:

— создание новых центров компетенций в депрессивных регионах [5, с. 30-32];

— развитие трансфера технологий и коммерциализации инноваций [13, с. 98-102];

— создание современных производственных площадей и лабораторий;

— поддержка создания и развития цифровых платформ [14, с. 88-92].

Развитие человеческого капитала и подготовка кадров. Необходимо системное развитие подготовки специалистов, способных работать в условиях цифровой экономики [12, с. 42-46]:

— адаптация системы высшего и среднего профессионального образования к потребностям цифровой экономики;

— развитие программ переподготовки и повышения квалификации для работающих специалистов;

— привлечение молодых талантов в инновационные отрасли через стипендиальные программы и программы трудоустройства;

— поддержка сотрудничества между образовательными организациями и работодателями.

Совершенствование механизмов поддержки экосистем. Требуется развитие системы государственной и частной поддержки [2, с. 260-265]:

— расширение и упрощение доступа к льготному финансированию для инновационных проектов;

— развитие механизмов государственно-частного партнерства [1, с. 1479-1481];

— создание гибких схем финансирования, адаптированных к различным этапам развития проектов;

— развитие венчурного инвестирования и других источников альтернативного финансирования.

Заключение

Цифровые экосистемы представляют собой ключевой элемент инновационной устойчивости развития промышленности регионов Российской Федерации [3, с. 62-65]. Эффективное формирование и функционирование таких экосистем требует интеграции цифровых, институциональных и производственных компонентов в единый архитектурно-функциональный контур, обеспечивающий взаимодействие промышленных предприятий, научных организаций, образовательных учреждений, финансовых институтов и государственных структур [6, с. 426-428].

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

— Цифровые экосистемы обеспечивают значительный прирост инновационной активности [8, с. 180-185]. Регионы, добившиеся высокого уровня развития цифровых экосистем (Московская область, Татарстан, Челябинская область), демонстрируют опережающие темпы роста производительности, внедрения новых технологий и создания высокотехнологичных рабочих мест.

— Успешное развитие экосистем требует системного подхода [5, с. 31-33]. Необходимо одновременное развитие всех компонентов: инфраструктуры, кадрового потенциала, механизмов финансирования и нормативно-правовой базы [6, с. 427]. Отставание в развитии любого из компонентов создаёт узкие места, ограничивающие эффективность всей системы.

— Государственная поддержка является критическим фактором успеха [11, с. 168-170]. Роль государства заключается не только в финансировании инновационных проектов, но и в создании благоприятной институциональной среды, развитии нормативно-правовой базы и координации действий различных участников экосистемы [2, с. 265-268].

— Робототехника и автоматизация производства становятся стандартным элементом промышленной политики [9, с. 115-118]. К 2030 году Россия планирует достичь уровня роботизации, обеспечивающего вхождение страны в число 25 ведущих мировых экономик по этому показателю, что потребует систематического развития производства и внедрения роботехнических решений.

— Кадровый фактор остаётся критическим ограничением [12, с. 44-46]. Необходимо расширение системы подготовки специалистов, совершенствование образовательных программ и развитие практико-ориентированного обучения для обеспечения экосистем необходимыми компетенциями.

— Региональная дифференциация требует дифференцированного подхода [4, с. 218-220]. Развитие цифровых экосистем должно учитывать специфические характеристики каждого региона, включая уровень экономического развития, имеющийся инновационный потенциал и инфраструктурные возможности.

Представленная в исследовании модель формирования цифровых инновационных экосистем, интегрирующая цифровые, институциональные и производственные компоненты, обладает практической значимостью для разработки региональных стратегий цифровой трансформации промышленности [6, с. 428]. Предложенная методика оптимизации финансирования позволяет обосновать пропорции распределения государственных инвестиций с учётом как потенциала отдельных регионов, так и общегосударственных стратегических целей [4, с. 220-223].

Дальнейшее развитие цифровых экосистем промышленности Российской Федерации требует комплексной реализации направлений, включающих совершенствование нормативно-правовой базы, расширение инвестирования в инновационную инфраструктуру, развитие человеческого капитала и совершенствование механизмов государственной поддержки [2, с. 268-272]. Только при комплексном решении этих задач Россия сможет обеспечить достижение технологического суверенитета, повысить конкурентоспособность отечественной промышленности и создать условия для устойчивого экономического роста [10, с. 145-150].

Литература:

1. Борисоглебская Л.Н. Инновационная экосистема как инструмент стимулирования импортозамещения / Л.Н. Борисоглебская // Региональная экономика: теория и практика. — 2022. — №8. — С. 1467-1482.
2. Годовой отчет о развитии цифровой экономики в России 2024 / Минцифры России. — М., 2024. — 245 с.
3. Гохберг Л.М. Инновационная экономика в контексте экономической безопасности / Л.М. Гохберг // Вопросы экономики. — 2023. — №5. — С. 45-67.
4. Динамика регионального инновационного развития в условиях санкций и геополитической нестабильности / под ред. В.В. Степановой. — М.: МАКС Пресс, 2023. — 287 с.
5. Кудряков Р.И. Инновационная экосистема как фактор устойчивого развития региона / Р.И. Кудряков // Экономика и предпринимательство. — 2024. — №4. — С. 23-34.
6. Методология оценки и развития цифровых экосистем регионов Российской Федерации / В.В. Степанова, С.А. Васильев, О.А. Морозова // Экономический анализ: теория и практика. — 2023. — №22. — С. 412-428.
7. Ревякин В.С. Цифровая трансформация обрабатывающих отраслей промышленности РФ: стратегия и инструменты / В.С. Ревякин // Стратегические приоритеты. — 2024. — №1. — С. 78-95.
8. Региональные аспекты цифровой трансформации промышленности: опыт 2023-2024 годов / под ред. Е.А. Сокова. — СПб.: СПбГУ, 2024. — 198 с.
9. Стратегия развития промышленной робототехники в России до 2030 года: сборник аналитических материалов / Центр развития промышленной робототехники при Иннополисе. — М., 2024. — 134 с.
10. Технологический суверенитет: от импортозамещения к опережению / под ред. Л.М. Гохберга. — М.: НИУ ВШЭ, 2024. — 156 с.
11. Хмелев Д.В. Институциональная среда и институты цифрового развития экономики / Д.В. Хмелев // Вестник ВГАУ. — 2023. — №4. — С. 156-171.
12. Царегородцев А.В. Современные вызовы системе подготовки кадров в области цифровизации / А.В. Царегородцев // Информационное общество. — 2025. — №2. — С. 34-48.
13. Центры трансфера технологий в развитии регионального инновационного потенциала / А.В. Ишеев, Т.П. Гурьянова, М.А. Волошинов // Инновационная экономика. — 2023. — №11. — С. 89-104.
14. Цифровая трансформация промышленности: вызовы и решения / под ред. О.Ю. Кожукаловой. — М.: МГПУ, 2024. — 203 с.
15. Шимохин А.В. Взаимосвязь между автоматизацией производства и развитием человеческого капитала / А.В. Шимохин, С.М. Хаирова, Б.Г. Хаиров // Труд и социальные отношения. — 2025. — №1. — С. 45-62.

ANALYSIS OF EXISTING METHODS OF ASSESSMENT OF ECONOMIC EFFICIENCY OF ENERGY SERVICE PROJECTS IN SPATIAL ECONOMY

Zubareva Lyubov Vitalievna, *DSc of Economics, Professor*

Puchkova Nadezhda Viktorovna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Cherkashina Alexandra Mikhailovna, *Postgraduate student*

Surgut State University, Surgut

The purpose of the study is to analyze existing methods for assessing the economic efficiency of energy service projects (ESPs) and to identify the advantages and disadvantages of each method. According to the proposed hypothesis, existing methods for assessing the economic efficiency of energy service projects require refinement and modification depending on the specific project characteristics and the territorial economic sector in which it is applied. The research methods used include a synthesis of processed information and a comparative analytical method. Furthermore, the article examines current trends in energy conservation and the impact of energy service contracts on sustainable spatial development. The scientific novelty of this work lies in the substantiation and presentation of a comprehensive method for assessing the effectiveness of energy service projects that combines traditional financial indicators with social, environmental, and risk aspects. This approach allows for the project to be considered within the context of spatial economics, taking into account the specifics of territorial development. Based on the results of testing the research hypothesis, problematic areas and gaps in existing methods are identified, and a comprehensive approach for their application is proposed.

Keywords: *methods of efficiency assessment; energy service project; economic efficiency; complex method; energy efficiency of territories; innovative technologies.*

EDN: MGAYUW ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.32***

Цитировать: *Зубарева Л.В., Пучкова Н.В., Черкашина А.М. Анализ существующих методов оценки экономической эффективности энергосервисных проектов в пространственной экономике // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 234-240. EDN: MGAYUW. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.32*

УДК 338.32
5.2.3

Анализ существующих методов оценки экономической эффективности энергосервисных проектов в пространственной экономике

© Зубарева Л.В., Пучкова Н.В., Черкашина А.М., 2026

Целью исследования является анализ существующих методов оценки экономической эффективности энергосервисных проектов (ЭСП), а также выявление преимуществ и недостатков каждого метода. Согласно предложенной гипотезе, существующие методы оценки экономической эффективности энергосервисных проектов требуют доработки и изменения в зависимости от особенностей проекта и сектора территориальной экономики, в которой он применяется. В качестве методов исследования использованы метод синтеза обработанной информации и сравнительно-аналитический метод. Помимо этого, в статье рассматриваются современные тренды в области энергосбережения и влияния энергосервисных контрактов на устойчивое пространственное развитие. Научная новизна работы состоит в обосновании и представлении комплексного метода оценки эффективности энергосервисных проектов, который объединяет традиционные финансовые показатели с социальными, экологическими и рисковыми аспектами. Такой подход позволяет рассматривать проект в контексте пространственной экономики, учитывая специфику территориального развития. По результатам проверки гипотезы исследования, выявлены проблемные моменты и пробелы существующих методик и предложен комплексный вариант их применения.

Ключевые слова: *методы оценки эффективности; энергосервисный проект; экономическая эффективность; комплексный метод; энергоэффективность территорий; инновационные технологии.*

ЗУБАРЕВА Любовь Витальевна, *доктор экономических наук, профессор*

ORCID: 0000-0001-9548-0657

ПУЧКОВА Надежда Викторовна, *кандидат экономических наук, доцент*

ORCID: 0000-0003-1889-1676

ЧЕРКАШИНА Александра Михайловна, *аспирант*

ORCID: 0009-0006-7293-5237

Сургутский государственный университет, Сургут

Введение

Современные экономические, геополитические и экологические условия требуют от бизнеса серьезно задуматься о повышении энергоэффективности предприятий, территорий и снижении затрат на энергетические ресурсы. Одним из важных и перспективных способов внедрения инноваций является энергосервисный контракт (ЭСК) [8]. Он стал возможностью реализации инновационной деятельности в области интеграции энергосберегающих технологий не только на уровне предприятий, но и целых городов во многих странах, и неотъемлемой частью современной практики в области внедрения проектов по повышению энергоэффективности. С развитием технологий и ростом потребности в экономии энергоресурсов [3], энергосервисные компании (ЭСКО) предлагают различные услуги, включая разработку и проектирование, модернизацию, эксплуатацию, сопровождение и финансовую поддержку энергосберегающих проектов. Такие проекты являются вспомогательным инструментом для внедрения и цифровых технологий, которые становятся основой развивающейся быстрыми темпами сферы цифровой экономики, полностью меняющей привычные хозяйственные связи и существующие пространственные бизнес-модели [4]. Это обуславливает теоретическую актуальность исследования, так как оценка экономической эффективности энергосервисных проектов (ЭСП) имеет ключевое значение для принятия обоснованных решений по их реализации.

Несмотря на большое количество исследований, в которых рассматриваются методы оценки эффективности ЭСП, на сегодняшний день, особенно в условиях современной экономической и геополитической ситуации, когда предприятия функционируют, скорее, не в среде устойчивого развития, а жестких ресурсных ограничений, которые необходимы для выживания [10], поиск решения поставленной проблемы остается недостаточно проработанным — не существует определенного метода для всесторонней оценки эффективности энергосервисных проектов в пространственной экономике, и вопрос создания универсального метода остается открытым.

Исследование проведено на основе сбора и обобщения информации (метод синтеза), сравнительного анализа материалов (сравнительно-аналитический метод).

Авторское направление анализа в научной отечественной литературе связано с расширением знаний по выбранной авторами теме статьи, что позволяет всесторонне исследовать и структурировать особенности каждого метода оценки эффективности ЭСК и установить связь с ранее проведенными научными работами, которые имеют специализированный характер и рассматривают определенные проблемы оценки эффективности энергосервисных проектов в пространственном распределении энергетических ресурсов.

Теория и методы

Механизм внедрения энергосбережения в нашей стране был запущен с момента вступления в силу Федерального закона от 23 ноября 2009 года №261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Основной целью закона являлось стимулирование более бережного отношения к потреблению электрической и тепловой энергии через практику энергосервисных контрактов.

В условиях непрекращающихся кризисов и невозможности стабильного роста предприятиям промышленного сектора необходимо искать новые способы повышения операционной эффективности и расширения потоков выручки, которые могут использоваться наряду с цифровой трансформацией бизнеса и другими аспектами технологической модернизации производственных мощностей [14-15].

Экономия энергии, затрат — процедурный и тактический результат ЭСК, а его эмерджентный и системный результат — может стать отношением эквивалентности, классификационным отношением [3]. Тактических реализаций энергосервисных проектов может быть много, все должны экономить энергозатраты, снижать риски, повышать эффективность и качество энергообеспечения территорий.

Реализация проектов по энергосбережению территорий в условиях растущего потребления энергетических ресурсов и тарифов на них является актуальной задачей, согласно мнению исследователей В.П. Камышанского, А.А. Диденко, Е.Ю. Руденко [6].

В современных исследованиях проблем макроэкономического развития территорий и страны в целом достаточно часто обращают внимание на то, что на протяжении длительного периода наблюдается смещение ресурсов и добавленной стоимости, а также общего экономического результата из промышленного сектора в сектор услуг, что ведет к глубоким структурным изменениям в пространственном устройстве экономики [1].

Ключевым аспектом недавних исследований является интеграция услуг и информационно-коммуникационных технологий. Так, M. Opazo-Basáez рассматривает вопрос привлекательности внедрения цифровых услуг для производителей и приходит к выводу, что эффективность умного производства варьируется и в значительной степени зависит от географических условий и соглашений с клиентами. Компании, действующие на локальном и региональном уровне, сталкиваются с большими трудностями в достижении сервисной эффективности при использовании цифровых технологий [13].

Энергосервисные контракты в полной мере можно отнести к интегрированным услугам, в которых, помимо реализации продукта, осуществляется последующее комплексное сопровождение и мониторинг данного продукта, что приводит и к увеличению жизненного цикла продукта, и к созданию дополнительной «связи» между покупателем и продавцом.

Сравнительный анализ практики применения энергосервисных контрактов в России и ЕС, проведенный в работе О.А. Полянской и соавторов [9], позволил выделить ключевые аспекты реализации ЭСК в России и ЕС. Это исследование стало основой для количественного анализа, проведенного И.М. Шором [12], который выявил результаты применения различных форм ЭСК в российской энергетике.

И.М. Шор использовал логические методы для раскрытия потенциала ЭСК, а также метод экспертной оценки, который способствовал разработке инструментов для развития государственного частного партнерства в энергетическом секторе.

Системный анализ потенциала развития и использования ЭСД [4] был проведен в работе Л.В. Глуховой и соавторов. Рассмотрены различные формы этих договоров, комплекс ключевых энергосберегающих процедур предприятия с учетом возможностей мониторинга, планирования, тестирования и аудита, предложена модель энергосервисной компании.

Механизм для оценки эффективности мероприятий по энергосбережению в промышленном секторе предложен исследователями Р.С. Головым, В.Г. Смирновой, В.Ю. Теплышевой. Они проанализировали эволюцию российской политики в области энергосбережения и систематизировали законы, а также программные документы, которые служат основой для реализации данной политики. Они также выделили основные типы энергоэффективных технологий, включая решения в сфере альтернативной энергетики [5].

Формирование основных принципов рациональной политики предприятия в части энергосбережения предполагает наличие совокупности качественных, своевременных и сравнимых показателей, с учетом специфики региона [11]. Несмотря на развитие существующих методик, актуальной остается проблема оптимизации инструментов оценки и корректности их применения в условиях разнообразия проектов и сложных экономических реалий.

Результаты исследования

Энергосервисные проекты, направленные на создание механизма управления энергопотреблением и повышения энергоэффективности [7], являются одним из актуальных и перспективных инструментов, требующих всестороннего изучения, анализа и оценки. Рассмотрим основные методы оценки эффективности ЭСП, составляющие методологическую базу исследования.

Метод прямого расчета экономии энергии, базирующийся на непосредственном измерении и прогнозировании снижения потребления энергоресурсов в ходе реализации энергосервисных мероприятий, — эти методики анализируют базовые данные о текущем потреблении и прогнозировании с учетом внедрения энергосберегающих технологий, описывают данные о потреблении энергоресурсов до и после реализации проекта, показывают величину экономии, которая должна быть четко определена в контракте и измере-

на с использованием приборов учета, а также включают данные о всех расходах и доходах, связанных с реализацией ЭСК. Этот подход прост в применении, но не учитывает многие косвенные факторы и изменения внешних условий (например, повышение цен на энергоресурсы).

Метод анализа денежного потока (DCF) — применяется для более комплексных проектов. С помощью этого метода оценивается инвестиционная привлекательность проектов с учетом всех денежных поступлений и затрат, связанных с проектом, включая капитальные затраты, операционные расходы, проценты по займам, потенциальную экономию и прочее. Данный метод широко применяется для оценки сроков окупаемости и внутренней нормы доходности, что особенно важно для крупных и долгосрочных проектов, каким в основном являются ЭСП.

Метод мультипликаторов — используется для оценки косвенных факторов, таких как социальные и экологические эффекты. Позволяет оценить дополнительные эффекты и сопутствующую выгоду от реализации проекта, такую как создание новых рабочих мест, рост налоговых поступлений в бюджет, повышение качества жизни населения в регионе и улучшение экосистемы (к примеру, путем снижения количества выбросов парниковых газов).

Методы оценки рисков — позволяют учитывать экономическую нестабильность, возможны изменения в рыночных условиях и ошибки в проведенных расчетах, что дает возможность выработать более гибкие и адаптируемые к актуальной ситуации решения.

Поскольку энергосервисные проекты в основном очень чувствительны к изменениям на рынке, к колебаниям цен на ресурсы [2] и политической нестабильности, важно учитывать неопределенности. Для оценки ЭСП часто используются методы анализа чувствительности и сценарного моделирования, которые позволяют оценить возможные отклонения от прогнозируемых результатов и внести необходимые коррективы в дальнейшие этапы проекта.

Каждый метод имеет свои преимущества и недостатки, и их использование зависит от специфики реализуемого проекта, территорий и доступности данных. Для точной достоверной оценки экономической эффективности энергосервисных проектов рекомендуется использовать предлагаемый авторами комбинированный метод, который объединяет элементы различных методов оценки. Так, сочетание метода прямого расчета экономии энергии с методами DCF и оценки рисков позволит учесть, как непосредственные финансовые эффекты, так и риски, а использование мультипликаторов дополнит картину социальными и экологическими аспектами территорий.

Для демонстрации практического использования рассмотренных методов целесообразно обратиться к условному энергосервисному проекту по модернизации системы электроснабжения муниципального учреждения на территории ХМАО-Югры. Стоимость проекта составляет 20 млн руб., предполагаемый срок реализации — 5 лет.

Применение метода прямого расчета экономии энергии показало снижение энергопотребления на 25%, что соответствует ежегодной экономии порядка 3 млн руб. Достоинством метода является простота и наглядность, однако его ограничение связано с отсутствием учета долгосрочных факторов, включая изменения тарифной политики.

Использование метода анализа денежных потоков (DCF) позволило определить чистую приведенную стоимость проекта (NPV) в размере 4,2 млн руб. и внутреннюю норму доходности (IRR) на уровне 17% при ставке дисконтирования 12%. Данный подход дает возможность выявить инвестиционную привлекательность проекта, но вместе с тем отличается высокой чувствительностью к исходным данным.

Применение метода мультипликаторов выявило дополнительные эффекты: создание 15 новых рабочих мест, рост налоговых поступлений в местные, региональные и федеральные бюджеты и снижение выбросов CO_2 на 120 тонн в год, что способствует улучшению экологии региона. Его преимущество заключается в комплексном учете социально-экологических факторов, однако затруднения возникают при переводе этих эффектов в количественные показатели.

Использование методов оценки рисков (анализ чувствительности, сценарное моделирование) показало, что при ежегодном росте

тарифов на энергоресурсы более чем на 10% срок окупаемости проекта сокращается на 1,5 года. Применение данного подхода демонстрирует его гибкость, но требует значительных аналитических усилий.

Таким образом, даже в рамках условного примера становится очевидным, что отдельные методы дают лишь частичную картину, что подтверждает необходимость комплексного подхода.

Сравнительный анализ показал, что ни один из существующих методов не позволяет получить исчерпывающую оценку эффективности энергосервисных проектов. Метод прямого расчета ограничен краткосрочной фиксацией эффекта, метод DCF концентрируется на финансовых параметрах, метод мультипликаторов недостаточно строг в части количественного выражения социальных и экологических эффектов, а методы анализа рисков полезны для адаптации к внешней среде, но не дают целостной картины. В этой связи целесообразно использование комплексного подхода, позволяющего объединить преимущества перечисленных методик и компенсировать их слабые стороны. Такой подход обеспечивает более взвешенное и объективное представление о результатах реализации энергосервисных проектов.

Обсуждение и выводы

Совершенствование существующих методов оценки эффективности энергосервисных проектов и применение новых, предлагаемых, будет способствовать более достоверному и быстрому расчету экономической целесообразности таких проектов с учетом пространственного (территориального) распределения экономики регионов.

Предлагаемый комплексный метод основан на интеграции различных подходов в рамках единой логики анализа. На первом этапе используется метод прямого расчета для определения фактической экономии энергоресурсов. Второй этап предполагает применение метода анализа денежных потоков (DCF), позволяющего оценить инвестиционную привлекательность и устойчивость проекта. На третьем этапе целесообразно использование метода мультипликаторов для учета социальных и экологических эффектов.

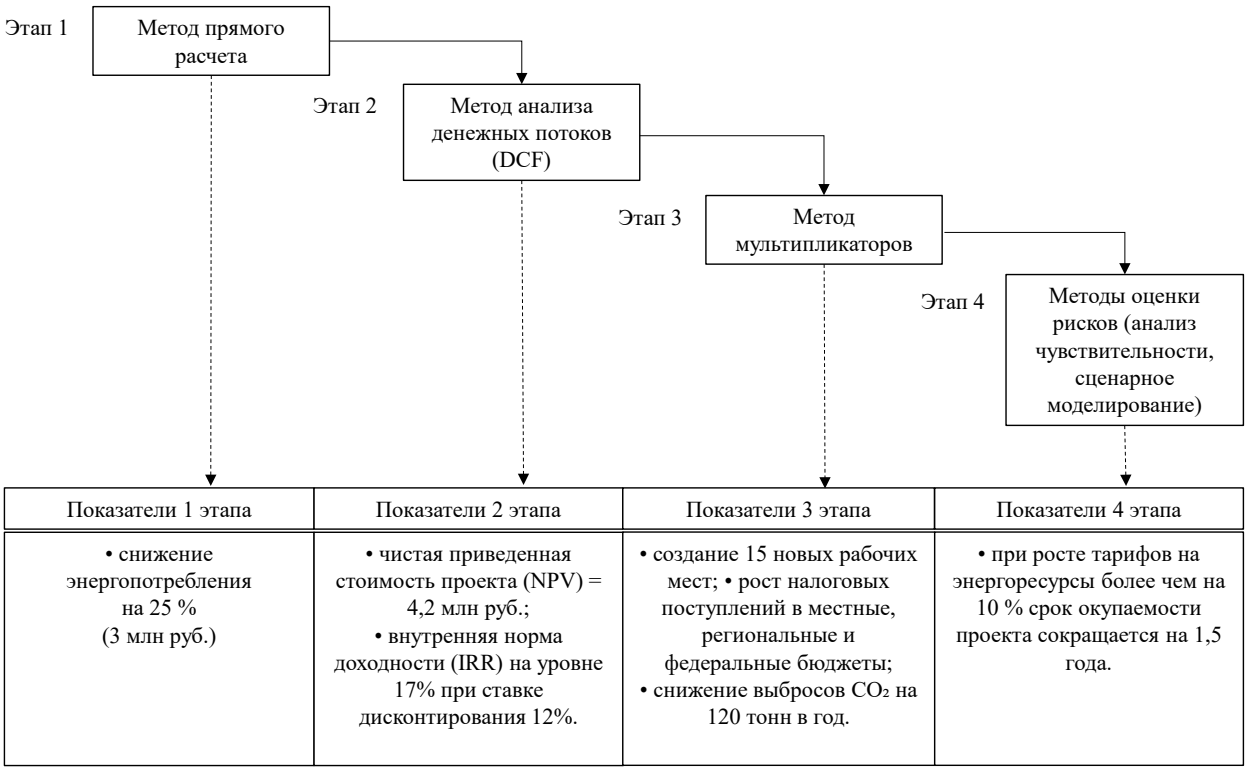

Рисунок — **Комплексный метод оценки эффективности энергосервисного проекта**

Примечание: составлено авторами.

Заключительный этап включает анализ рисков (сценарное моделирование, анализ чувствительности), обеспечивающий адаптацию полученных результатов к изменяющимся условиям внешней среды.

Особенность данного подхода заключается не только в сочетании методов, но и в их системной последовательности, позволяющей сформировать многомерное представление об эффективности энергосервисного проекта. Это позволяет оценивать не только экономические выгоды, но и их сопряженные социальные и экологические эффекты в условиях пространственного развития.

Рассмотрим на рисунке пример применения комплексного метода по описанному выше условному энергосервисному проекту по модернизации системы электроснабжения муниципального учреждения на территории ХМАО-Югры.

В ближайшем будущем ожидается усиление влияния внешних факторов, таких как изменение законодательства в сфере экологии, поддержка зеленых технологий и изменение тарифной политики на энергоресурсы. Это потребует от специалистов по оценке экономической эффективности способности оперативно адаптировать существующие методики и внедрять новые комбинированные или гибридные подходы, включающие как экономические, так и социально-экологические показатели, которые позволят всесторонне оценивать и прогнозировать долгосрочные цели проекта.

Немаловажным фактором является и современное активное развитие инновационных технологий. С использованием больших данных и искусственного интеллекта для анализа потребления энергии и прогнозирования изменений, оценки эффективности станут более точными и динамичными, что ускорит принятие решений. Внедрение инновационных методов анализа рисков позволит более точно учитывать изменения рыночных условий, изменение тарифов и государственные субсидии на энергосберегающие технологии.

Заключение

В ходе исследования был произведен анализ основных методов оценки экономической эффективности энергосервисных проектов в условиях пространственного распределения и развития экономики. Результаты показали, что каждый из методов имеет свои преимущества и недостатки, так называемые сильные и слабые стороны. Применение предлагаемого авторами комплексного подхода, использующего несколько методик, позволит значительно повысить точность и полноту оценки эффективности энергосервисного проекта. Рассмотренные методы показывают, что экономическая эффективность энергосервисных проектов может варьироваться в зависимости от различных условий и определенных параметров проекта и территорий. Процесс оценки должен учитывать не только экономическую оценку в части экономии энергоресурсов, но и социальные и экологические выгоды. Прогнозы на будущее указывают на усиление роли энергосервисных проектов в устойчивом развитии и рост популярности комбинированных методик оценки.

Сравнительный анализ целей и задач, поставленных в начале исследования, и полученных результатов показывает, что предложенный комплексный метод может быть успешно использован в различных типах энергосервисных проектов, в зависимости от их масштабов, сложности и территорий реализации.

Прогнозы развития внедрения энергосервисных проектов, а также большой роли в адекватной оценке их эффективности в процессе каждого этапа реализации, указывают на повышение роли интегрированных подходов, которые будут учитывать не только экономические показатели, но и социальные, и экологические эффекты в территориях. Это позволит энергосервисным компаниям и заказчикам совместно разрабатывать более эффективные проекты, соответствующие современным требованиям устойчивого пространственного развития экономики и реализации политики повышения энергоэффективности.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения предложенного метода органами власти при разработке региональных программ энергосбережения, а также энергосервисными компаниями и инвесторами при отборе и реализации проектов. Интеграция различных методик в рамках единой системы оценки способствует повышению точности прогно-

зов, снижению неопределённости и формированию более обоснованных управленческих решений.

Дальнейшее исследование и разработка новых, усовершенствование существующих методов оценки экономической эффективности энергосервисных проектов является актуальной задачей для научного сообщества и практиков в области экономики.

Литература:

1. Абдикаримова А.Т., Аймагамбетова Г.Б. Структурная трансформация экономики: практические аспекты / А.Т. Абдикаримова, Г.Б. Аймагамбетова // Вестник университета Туран. — 2021. — Т. 91, №3. — С. 19-27.

2. Байбулатов Р.Я., Зубарева Л.В. Социально-экономические последствия либерализации ценообразования на оптовом рынке электрической энергии и мощности в Северо-Кавказском федеральном округе // Медико-социальный научно-практический журнал. — 2022. — Т. 17, №4. — С. 32-40.

3. Глухова Л.В., Казиев В.М., Казиева Б.В. Системные правила финансового контроля и управления инновационными бизнес-процессами предприятия // Вестник Волжского госуниверситета им В.Н. Татищева. — 2018. — Т. 2, №1. — С.118-126.

4. Глухова Л.В. Цифровая экономика и энергосервисный договор / Л.В. Глухова, Б.В. Казиева, В.М. Казиев, А.А. Шерстобитова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2024. — Т. 2, №1(53). — С. 18-26. DOI 10.51965/2076-7919_2024_2_1_19. EDN CQTUMY.

5. Голов Р.С. Управление энергосбережением на промышленном предприятии, сформирован алгоритм внедрения системы, разработаны нормативно-правовой базис, требования к участникам данной системы, а также прикладные аспекты ее внедрения / Р.С. Голов, В.Г. Смирнов, В.Ю. Теплышев [и др.]. — М.: Дашков и К, 2023. — 458 с.

6. Камышанский В.П. Энергосервисные договоры: социально-правовая сущность и особенности правового регулирования / В.П. Камышанский, А.А. Диденко, Е.Ю. Руденко // Правовая парадигма. — 2017. — Т. 16, №4. — С. 45. DOI:10.15688/lc.jvolsu.2017.4.13.

7. Киршина И.А. Систематизация факторов энергоэффективности промышленного предприятия на современном этапе развития экономики России // Современные технологии управления. — 2020. — №4(93/1). Номер статьи: 93102.

8. Кропачева О.В. Особенности правового регулирования энергосервисных контрактов // Вопросы современной науки и практики. — 2021. — №2(5). — С. 62-66.

9. Полянская О.А., Татаренко В.Н., Беспалова В.В., Соколова В.А., Шейнова И.П. Аналитический обзор применения энергосервисных контрактов в России и Евросоюзе // Проблемы социально-экономического развития Сибири. –2020. — №4. — С. 44-50.

10. Романова О.А., Сиротин Д.В. Стратегический вектор развития металлургии России в условиях новой реальности / О.А. Романова, Д.В. Сиротин // Известия Уральского государственного горного университета. — 2022. — Т. 67, №3. — С. 133-145.

11. Туликов А.В., Туликова О.В. Механизмы повышения энергоэффективности // Энергосбережение. — 2012. — №4. — С. 4-10.

12. Шор И.М. Направления и потенциал использования форм государственно-частного партнерства в области энергосбережения и энергетической эффективности / И.М. Шор // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. — 2024. — №3. — С. 223-231. DOI 10.29025/1994-7720-2024-3-223-231. EDN BDFETQ.

13. Opazo-Basáez M. Is digital transformation equally attractive to all manufacturers? Contextualizing the operational and customer benefits of smart manufacturing / M. Opazo-Basáez, F. Vendrell-Herrero, O.F. Bustinza, Y. Vaillant, J. Marić // International Journal of Physical Distribution & Logistics Management. — 2023. — Vol. 1. — №1. — С. 1-23.

14. Rapaccini M. Navigating disruptive crises through service-led growth: The impact of COVID-19 on Italian manufacturing firms / M. Rapaccini, N. Saccani, C. Kowalkowski, M. Paiola, F. Adrodegari // Industrial Marketing Management. — 2020. — Vol. 88. — С. 225-237.

15. Robles M.A.G. Organizational Transformation during COVID-19 / M.A.G. Robles // IEEE Engineering Management Review. — 2020. — Vol. 48. — №3. — С. 31-36.

MODERN PROCESS OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC, ANALYSIS AND EVALUATION OF THE ECONOMIC POTENTIAL OF THE REGION

Kiselev Vitaly Viktorovich, *Senior Lecturer, Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk, LPR*

The purpose of this study is a comprehensive analysis of the current stage of economic development in the Luhansk People's Republic in the context of its integration into the economic space of the Russian Federation. The relevance of this issue is determined by the need to formulate an effective strategy for the region's socioeconomic growth, improve living standards, and ensure long-term sustainable development. In addition to an analysis of the current economic situation in the Luhansk People's Republic, an assessment of its internal reserves and proposals for adjusting the regional economic policy are presented. The study is based on statistical indicators subjected to a rigorous scientific analysis. The methodological framework for the study consists of theoretical principles of regional economics coupled with strategic planning tools. An analysis of the territory's natural resources, industrial capacity, personnel, and administrative structures revealed a range of both constraints and opportunities for further economic growth. To optimize regional economic policy, key vectors for investment activity were identified. The data obtained during the study open up prospects for the formation of a strategic course for the socioeconomic development of the Luhansk People's Republic. Furthermore, they can serve as an analytical basis for developing management decisions at both the regional and federal levels. Consequently, the development and implementation of a comprehensive economic development program for the LPR is becoming a key task, which must be based on a thorough consideration of regional specifics and have the ultimate goal of strengthening competitive positions.

Keywords: *Lugansk People's Republic; economic development; regional economy; economic potential; regional policy; investments; development strategy.*

EDN: NDMVZD ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.33***

Цитировать: *Киселев В.В. Современный процесс экономического развития Луганской Народной Республики: анализ и оценка экономического потенциала региона // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 241-248. EDN: NDMVZD. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.33*

УДК 330.341
5.2.3

Современный процесс экономического развития Луганской Народной Республики: анализ и оценка экономического потенциала региона

© Киселев В.В., 2026

Цель исследования полагается на комплексный анализ современного этапа экономического развития Луганской Народной Республики в условиях её интеграции в экономическое пространство Российской Федерации. Актуальность проблематики обусловлена необходимостью формирования эффективной стратегии социально-экономического роста региона, повышения уровня жизни населения и обеспечения устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Помимо анализа текущего положения экономики Луганской Народной Республики, представлены оценка её внутренних резервов и предложения по корректировке регионального экономического курса. В основу исследования легли статистические показатели, подвергнутые скрупулезному научному анализу. Методологическую базу исследования составляют теоретические положения региональной экономики вкупе с инструментарием стратегического планирования. Проведённый анализ природных богатств, промышленных мощностей, кадрового состава и управленческих структур территории выявил комплекс как сдерживающих факторов, так и возможностей для дальнейшего хозяйственного роста. С целью оптимизации региональной экономической политики были выделены ключевые векторы для инвестиционной деятельности. Полученные в ходе исследования данные открывают перспективы для формирования стратегического курса социально-экономического развития Луганской Народной Республики. Кроме того, они способны служить аналитической основой для выработки управленческих решений как на региональном, так и на федеральном уровне власти. Следовательно, формирование и внедрение всеобъемлющей программы

КИСЕЛЕВ Виталий Викторович, *старший преподаватель, Луганский государственный университет им. В. Даля, Луганск, ЛНР*

экономического развития ЛНР становится ключевой задачей, которая должна базироваться на глубоком учете региональной специфики и иметь конечной целью укрепление конкурентных позиций.

Ключевые слова: *Луганская Народная Республика; экономическое развитие; региональная экономика; экономический потенциал; региональная политика; инвестиции; стратегия развития.*

В рамках данного исследования предпринята попытка комплексного анализа экономической динамики Луганской Народной Республики в текущих исторических условиях. Эмпирической базой послужили статистические сводки, материалы экспедиционных изысканий и фундаментальный научный синтез. Хронологические рамки (2020-2025 гг.) дают возможность проследить траекторию изменения базовых макроэкономических индикаторов и идентифицировать доминирующие паттерны. Полученные выводы создают методологическую основу для формирования стратегических программ социально-экономического развития ЛНР, а также для оптимизации управленческих практик на региональном и федеральном уровнях.

Луганская Народная Республика вошла в состав Российской Федерации 4 октября 2022 года, что стало отправной точкой для нового этапа её экономического развития [7, с. 166]. Расположение в центральной части Евразийского континента и наличие границы с Воронежской и Ростовской областями России, а также Донецкой Народной Республикой, создают благоприятные условия для развития торгово-экономических связей. Административно-территориальное деление включает 14 городов республиканского значения и 17 районов, что определяет пространственную структуру экономики региона. Численность населения на 01.09.2025 г. составляет 1423056 человек, что формирует трудовой потенциал республики.

Экономический потенциал ЛНР формируется из совокупности природного, производственного, трудового и организационного потенциалов [2, с. 246]. Природный потенциал включает умеренно-континентальный климат и наличие запасов высококачественного угля, коксующихся углей, известняка, песчаника, мела, мергеля, различных глин и месторождений природного газа. Производственный потенциал представлен добывающей промышленностью, производством пищевых продуктов и напитков, текстильным производством, металлургическим производством, строительством и транспортом [11, с. 463].

Среднесписочная численность занятых работников в реальном секторе экономики составляет 220,0-225,0 тыс. человек, что определяет трудовой потенциал региона. Организационный потенциал представлен 12606 юридическими лицами и 35245 индивидуальными предпринимателями.

Экономический потенциал любого государства — это способность его хозяйственного комплекса обеспечивать благоприятные условия для жизнедеятельности социума.

Отраслевая структура хозяйственного комплекса состоит из сферы производства (промышленность, сельское хозяйство, строительство) и сферы услуг (транспорт, связь, торговля, общественное питание) [4, с. 39]. Соотношение между этими сферами определяет специализацию экономики региона. В современных условиях возрастает роль научных исследований в решении региональных и местных проблем, что определяет необходимость научного обеспечения управленческих решений.

Экономическое и социальное развитие региона — это совокупность процессов, обеспечивающих расширенное воспроизводство производительных сил и улучшение качества жизни населения [9, с. 463]. Развитие предполагает изменения в структуре и качестве экономики, поиск факторов роста, использование достижений науки и техники, повышение образовательного уровня и улучшение качества жизни. Политика территориального развития выступает инструментом успешного экономического и социального развития регионов путём укрепления институтов государственного управления и местного самоуправления.

Динамика основных показателей социально-экономического развития ЛНР в период с

2020 по 2024 годы характеризуется существенным разнообразием (табл. 1).

Таблица 1 — **Основные показатели социально-экономического развития Луганской Народной Республики***

№	Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
1	Объем реализованной промышленной продукции (товаров, услуг), млн руб.	77344,0	80093,3	144662,3	210399,7	213188,1
2	Производство основных видов продукции животноводства: мяса, т молока, т яйца, млн шт.	24793,3 4308,9 186,4	23683,1 3705,3 210,8	27267,2 12725,4 225,4	22666,0 3109,0 …	22891,0 2920,0 245,6
3	Капитальные инвестиции, тыс. руб.	4388661	6280252	12698884	17178648	42375433
4	Объем выполненных строительных работ, тыс. руб.	2567198	2448786	3855308	20065270	22000785
5	Грузооборот, тыс. ткм	677416,7	685675,1	908425,4	1530403,7	1160837,0
6	Пассажирооборот, тыс. пас. км	629969,3	773462,4	698752,2	734240,4	616258,0
7	Оборот оптовой торговли, млн руб.	57313,5	66869,0	91452,7	72033,8	71506,3
8	Оборот розничной торговли, млн руб.	65627,7	84897,6	111172,5	71736,3	51810,7

** Здесь и далее использованы статистические данные, полученные автором самостоятельно путем проведения полевых исследований.*

Наблюдается значительный рост объема реализованной продукции, капитальных инвестиций и объема выполненных строительных работ. Показатели пассажирооборота, оборота оптовой и розничной торговли демонстрируют нестабильный рост. В целом, экономическое и социальное развитие ЛНР характеризуется устойчивой тенденцией к росту, во многом благодаря усилиям населения и включению республики в состав Российской Федерации.

Экономический потенциал ЛНР ориентирован на промышленную специализацию [5, с. 17]. Промышленное производство предполагает использование производственных мощностей для создания востребованных товаров и услуг. В структуре производства отдельных видов промышленной продукции наблюдаются значительные изменения (табл. 2).

Значительный рост наблюдается в объемах производства масла подсолнечного и напитков безалкогольных. Наименьшие изменения объемов промышленного производства наблюдаются в добыче каменного угля. Диапазон в темпах роста объемов промышленного производства свидетельствует о существенных изменениях в экономике республики.

Отгрузка товаров собственного производства и оказание услуг собственными силами по основному виду деятельности в 2024 году составило 231188082,0 тыс. руб., что свидетельствует об экономическом подъеме. Структура реализованной промышленной продукции (товаров и услуг) по основным видам деятельности за 2022-2025 годы представлена в таблице 3.

Таблица 2 — **Производство отдельных видов промышленной продукции Луганской Народной Республики**

№	Виды промышленной продукции	2020	2021	2022	2023	2024
1	Уголь каменный, тыс. т	4274,6	4576,7	2738,8	2135,8	1314,1
2	Пески природные, тыс. м куб.	48,2	50,4	74,5	203,9	175,5
3	Мясо, т	19921,0	18907,0	20994,0	19999,1	11207,9
4	Масло подсолнечное, т	6555,0	6865,0	8005,0	13658,9	21870,2
5	Напитки безалкогольные, тыс. дал.	3057,3	3375,3	2814,1	11880,0	12795,1
6	Хлеб и хлебобулочные изделия, т	40764,0	36568,0	37479,0	43277,9	37350,6

Перерабатывающая промышленность и добывающая промышленность выступают несущим каркасом всей промышленности Луганской Народной Республики. Наибольший удельный вес реализованной промышленной продукции приходился на г. Луганск, г. Краснодон и Краснодонский район, г. Ровеньки, г. Свердловск и Свердловский район, г. Антрацит и Антрацитовский район.

Промышленное производство — определяющий фактор экономического и социального развития ЛНР. Государственная политика территориального развития должна основываться на приоритетности интересов территориального социума и учитывать способность территориальных образований к экономическому саморазвитию и эффективному использованию производственного потенциала [10, с. 32].

Таблица 3 — **Объем реализованной продукции (товаров и услуг) по основным видам деятельности в ЛНР, тыс. руб.**

Вид деятельности	2022	2023	2024
Промышленность	144662338,5	143191983,0	152483662,0
Добывающая промышленность	18148161,3	9068326,0	6701001,0
Перерабатывающая промышленность	98453232,2	115952618,0	122680685,0
Производство пищевых продуктов	21327083,0	14279381,0	13342888,0
Текстильное производство	1268972,7	709009,0	1153641,0
Производство химических веществ	657240,7	122311,0	122447,0
Производство фармацевтических продуктов	271931,4	134538,0	128535,0
Металлургическое производство	61224446,5	84806060,0	89642368,0
Машиностроение	6225620,2	2712693,0	3017728,0

Строительство является индикатором поступательного развития региона, влияя как на освоение территории, так и на повышение качества жизни населения [3, с. 7]. Строительство используется как в производственной, так и в непроизводственной сфере. Основной особенностью строительства является реальная идентификация возводимых объектов. Капитальное строительство обеспечивает расширенное воспроизводство производственных мощностей и основных фондов.

Решение проблемы поддержания темпов роста капитальных вложений связано с решениями вопросов их эффективного использования, сокращения сроков строительства и скорейшего введения в эксплуатацию основных фондов и производственных мощностей.

Транспорт является важнейшей отраслью материального производства, обеспечивающей потребности экономики и населения в перевозках. Продукцией транспорта является перемещение грузов и пассажиров. Транспорт формирует условия для нормального процесса расширенного воспроизводства, развития всех видов экономической деятельности и эффективности общественного производства.

Торговля является производной от характера, результатов и динамики развития экономики. Оптовая торговля обеспечивает ускорение перемещения товаров, а розничная торговля — продажу товаров конечным потребителям. Показатели оптовой и розничной торговли являются индикаторами экономического и социального развития региона.

По итогам 2023 года был зафиксирован рекордный прирост в сфере оптового и розничного товарооборота. Эта динамика наглядно свидетельствует о целенаправленной работе государственных и муниципальных структур, ориентированной на обеспечение как субъектов хозяйствования, так и гражданского населения необходимыми товарными группами.

Основой для решения задач социально-экономического развития выступает трудовой потенциал, представленный среднесписочной численностью работников [6, с. 128]. Практически во всех сферах хозяйствования фиксировалось сокращение цепных индексов, характеризующих динамику данного показателя. Несмотря на эту тенденцию, экономика демонстрирует структурные сдвиги: общественное производство диверсифицируется, а наиболее активный рост присущ отраслям третичного и четвертичного секторов.

В основу региональной стратегии развития положена концентрация на тех отраслях, что определяют специализацию хозяйственного комплекса республики. Приоритет отдан

промышленности, оптовой и розничной торговле, а также сферам образования и здравоохранения.

Формирование государственной стратегии пространственного развития региона требует тщательного анализа текущей конъюнктуры в сфере общественного производства. Необходимо прогнозировать потенциальные трансформации в промышленности, строительном комплексе, транспортной логистике и торговой сфере, поскольку именно эти сектора задают траекторию для экономического и социального прогресса территории.

Социально-экономический прогресс служит фундаментом для улучшения уровня жизни и обеспечения устойчивости социума перед лицом глобальных трансформаций. Изучение международной практики выявляет действенные инструменты, которые позволяют достичь сбалансированного единства экономической динамики и принципов социальной справедливости.

В условиях глобальной трансформации именно социально-экономическая политика задаёт вектор и интенсивность развития государств. Её формирование происходит под воздействием целого ряда субъектов: от государственных институтов и международных структур до разнообразных экономических объединений и общественных групп.

Социально-экономическое развитие территории — это ключевая цель функционирования должностных лиц и органов публичного управления [12, с. 52]. Наиболее востребованным инструментом в области обеспечения социально-экономического развития выступают целевые программы.

На разработку стратегий регионального социально-экономического прогресса оказывают влияние государственная политика в региональной сфере, факторы, определяющие экономические взаимодействия, ресурсный и производственный потенциал, аспекты организационного управления.

Процессы государственного регулирования социально-экономического развития регионов сводятся к перераспределению всех видов ресурсов, необходимых для обеспечения бесперебойной воспроизводственной деятельности. Механизмы реализации государственной региональной политики служат инструментом для формирования стратегий социально-экономического развития и включают экономические и финансовые инструменты. Мировой опыт формирования политики социально-экономического развития включает подходы, которые используются в разных странах, например, в Германии, США, Европейском Союзе (ЕС), Австралии и Японии (табл. 4.) [8, с. 237].

Анализ американской практики в сфере социально-экономического развития демонстрирует следующую особенность. На уровне штатов и муниципалитетов действуют специализированные управленческие структуры. Именно эти ведомства несут ответственность за разработку адресных программ, конечная цель которых — повышение уровня и качества жизни на подведомственных территориях. В США стратегия социально-экономического развития выстраивается вокруг локальных сообществ. Ее суть заключается в выявлении насущных запросов жителей и анализе имеющихся ресурсов — экономических, финансовых, природных, человеческих. На этой основе происходит модернизация управленческой системы, в которую интегрируются принципы устойчивого развития. Ключевым элементом становится активное участие граждан в принятии решений, непосредственно затрагивающих их повседневную жизнь.

В рамках анализа социально-экономического прогресса американских регионов особую актуальность приобретает политика стимулирования предпринимательской активности. Национальная стратегия здесь включает разветвленную систему целевых инициатив, направленных, в числе прочего, на накопление интеллектуального капитала в образовательной сфере и формирование высокоэффективных экономических кластеров. В качестве положительных аспектов реализации социально-экономического развития в США можно выделить ориентацию на нужды населения территории и активное включение населения в решение задач социально-экономического развития.

Страны с федеративным устройством власти регионов более активно привлекаются к реализации региональных задач с помощью софинансирования различных расходов и проведения мероприятий, направленных на социально-экономическое развитие регио-

нов, а также совместного с федеральными органами власти принятия решений в отношении выбора поддерживаемых территорий и используемых для этого инструментов.

Таблица 4 — **Мировой опыт формирования политики социально-экономического развития**

Страна	Формирование политики социально-экономического развития
Германия	В послевоенные годы экономика страны была практически полностью разрушена. Под руководством канцлера Германии Конрада Аденауэра и его министра экономики Людвига Эрхарда была разработана и реализована программа консервативной модернизации. Немецкая модель сочетала рыночный динамизм с высоким уровнем социальной защищённости, основывалась на развитии частной собственности, антимонопольном регулировании.
США	В конце 70-х годов США столкнулись с серьёзными проблемами, связанными с кризисом государства всеобщего благосостояния. Ответственность за вывод страны из кризиса взяла на себя Республиканская партия во главе с Рональдом Рейганом, провозгласившим курс на консервативное реформирование всей системы.
Франция	Либеральные идеи и политика Четвёртой республики привели Францию второй половины XX века в состояние глубокого кризиса, что выразилось, в частности, в постоянном росте инфляции, недостатке инвестиций, увеличении государственного долга, износу основных фондов. В рамках своего проекта консервативной модернизации страны де Голль последовательно осуществил изменения: стабилизацию и последующую интенсификацию экономического развития, привлечение иностранных капиталов в страну наряду с осуществлением индустриализации, демонтаж «колониальных остатков», которые сохраняли во Франции элементы имперского уклада
Япония	После окончания Второй мировой войны экономика Японии лежала в руинах. С 1946-го до начала 50-х годов императорским правительством страны было принято решение о проведении консервативной модернизации. Поддерживалась смешанная модель экономики при заметном участии государства, стимулирование экономического роста, основанного на экспорте, поддержка приватизации, либерализации экономики и внешней торговли, свободы движения капиталов. В результате эпохи консервативных реформ Япония не только смогла преодолеть послевоенную разруху, но и провести модернизацию хозяйства страны, её экономического и социального уклада

В развитых странах особое внимание уделяется развитию и внедрению в процесс СЭР территорий передовых технологий; делается акцент на формирование экономических кластеров, рост научных парков и агентств по разработке и передаче передовых технологий, подготовку высококвалифицированных кадров [1, с. 37].

В основе любой политики, касающейся социально-экономического развития территорий, лежит стремление к прогрессу и нивелированию различий в социально-экономическом развитии. Независимо от того, реализуется ли эта политика на уровне страны или отдельного региона, ее цель — обеспечение сбалансированного экономического роста и улучшение благосостояния населения повсеместно.

Политика, ориентированная на социально-экономическое развитие, преследует цель стимулировать позитивные изменения и сократить разрыв между более и менее развитыми областями. Она направлена на создание равных возможностей для всех граждан и устойчивое развитие всего государства или региона в целом.

Анализ европейских моделей социально-экономического развития демонстрирует их принципиальную зависимость от территориального устройства. В унитарных государствах центральная власть концентрирует в своих руках все рычаги управления этим процессом. Иная картина наблюдается в федеративных системах: здесь полномочия по развитию регионов распределяются между уровнями власти, а сам инструментарий их реализации — финансовый и организационный — отличается значительным разнообразием.

В современной европейской экономической политике на первый план выходит формирование действенных механизмов кооперации между реальным сектором экономики и академической средой. Подобная интеграция способствует возникновению специализированных структур, задача которых — коммерциализация научных разработок и технологических решений,

создаваемых вузами и НИИ в соответствии с потребностями промышленности.

Налоговая политика выступает стержневым элементом в построении системы государственного регулирования, определяющей социально-экономический прогресс как страны в целом, так и её отдельных территорий.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов и предложить следующие меры:

1. Экономический потенциал Луганской Народной Республики, остающийся на сегодняшний день недоиспользованным, представляет собой существенный резерв для роста.

2. Приоритетные векторы экономического развития ЛНР включают следующие направления:

— техническое переоснащение промышленного сектора;

— активизацию предпринимательской деятельности в сегментах малого и среднего бизнеса;

— укрепление и расширение агропромышленного комплекса;

— приток капиталовложений в инфраструктурное строительство.

3. Стратегия территориального развития призвана сформировать оптимальную среду для экономической динамики и роста благосостояния граждан.

4. Назрела острая потребность в модернизации законодательной базы, регламентирующей хозяйственные процессы на территории региона.

5. Не менее важной задачей выступает интенсификация партнерства с субъектами Российской Федерации для развития взаимовыгодных торгово-экономических отношений.

6. Крайне важно наращивать трудовой капитал и формировать среду, способствующую привлечению и закреплению в регионе высококвалифицированных кадров.

7. Внедрение предложенных мер создаст предпосылки для устойчивого экономического роста Луганской Народной Республики и приведет к повышению благосостояния её граждан.

Экономическое развитие Луганской Народной Республики представляет собой сложный и многогранный процесс. Его успешная реализация немыслима без комплексного подхода и скоординированных действий всех вовлечённых сторон. Полученные в ходе исследования выводы формируют теоретический фундамент для конструирования региональной стратегии социально-экономического развития. В конечном счёте, именно на этой основе могут приниматься управленческие решения, призванные обеспечить долгосрочный экономический рост и последовательное улучшение уровня жизни граждан.

Литература:

1. Аюбов Э.Н. Зарубежный и отечественный опыт оценки уровня социально-экономического развития территорий / Э.Н. Аюбов // Технологии гражданской безопасности. — 2022. — №1(71). — С. 36-40.

2. Борблик К.Э. Социально-экономическая характеристика новых регионов Российской Федерации / К.Э. Борблик // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2024. — №1. — С. 244-258.

3. Гречишкина К.А. Проблемы развития промышленности в регионе. Стратегические пути их решения / К.А. Гречишкина, Е.В. Клецова // Экономический вестник Донбасского государственного технического университета. — 2023. — №16. — С. 5-10.

4. Дурдымырадов А. Отраслевая структура мировой экономики / А. Дурдымырадов // Символ науки. — 2023. — №4-1. — С. 38-40.

5. Евдокимов Д.С. Стратегический анализ социально-экономического состояния Луганской Народной Республики / Д.С. Евдокимов, Д.В. Черненко // Проблемы рыночной экономики. — 2025. — №1. — С. 14-29.

6. Краснокутская Н.С. Трудовой потенциал населения Луганской Народной Республики / Н.С. Краснокутская // Географические и экономические исследования в контексте устойчивого развития государства и региона: сб. ст. Международной научно-практической конференции, Донецк, 31 октября — 1 2019 года / под общ. ред. Е.Г. Кошелевой. — Донецк: Донецкий национальный университет, 2019. — С. 127-129.

7. Лапшина Д.А. Проблема правовых статусов новых территорий Российской Федерации / Д.А. Лапшина, Е.Н. Баширина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — №11-3. — С. 166-170.

8. Марков А.В. Зарубежный опыт социально-экономического развития территорий / А.В. Марков, Н.А. Зотова // Бухгалтерский учет, анализ, налогообложение и аудит: методология познания, перспективы развития и цифровая образовательная среда: сб. ст. II Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 18–19 июня 2020 года. — Чебоксары: Чувашский государственный

университет имени И.Н. Ульянова, 2020. — С. 234-239.

9. Окорокова О.А. Теоретические и нормативные аспекты социально-экономического развития регионов Российской Федерации / О.А. Окорокова, О.В. Федонина, П.А. Козадаев // Вестник Академии знаний. — 2025. — №2(67). — С. 461-466.

10. Пяткова Н.П. Динамика показателей градообразующей и градообслуживающей сфер города Алчевска / Н.П. Пяткова // Экономический вестник Донбасского государственного технического университета. — 2021. — №7. — С. 25-37.

11. Пяткова Н.П. Оценка использования экономического потенциала Луганской Народной Республики / Н.П. Пяткова // Теория и практика экономики и предпринимательства: сб. ст. XVII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Симферополь-Гурзуф, 23–25 апреля 2020 года / Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. — Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2020. — С. 68-71.

12. Салита С.В. Сравнительный анализ современных особенностей социально-экономического развития ЛНР и ДНР / С.В. Салита, О.А. Голубцова // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. — 2021. — №1(43). — С. 50-55.

THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF BUSINESS ENTITIES

Kotenev Alexander Dmitrievich, *DSc of Economics, Associate Professor*

Khatagova Svetlana Viktorovna, *PhD of Pedagogical sciences*

Sazhneva Sofia Vladimirovna, *lecturer*

Krasnodar university of the ministry of internal affairs of the Russian Federation (branch), Stavropol

Based on an analysis of theoretical principles and existing methodological approaches, this paper examines the essence of economic security for business entities and updates its fundamental principles. The study developed a unique perspective on enterprise economic security, presented in both broad and narrow senses, allowing for the identification of its individual elements for detailed analysis and decision-making in the face of uncertainty and potential risk. Criteria for assessing the economic security of business entities, as well as indicators used to determine their threshold values, were identified. The authors outlined a methodological framework for assessing enterprise economic security indicators, taking into account the need to comply with a number of requirements. A detailed analysis of these indicators allowed them to be grouped, ultimately simplifying the calculation procedure and interpretation of the resulting values. Emphasis is placed on the need to utilize a combination of both direct and informational analytical tools to facilitate the safe operation of enterprises.

Keywords: *economic security; business entity; measures of influence; state regulation; stability of activity; control of activity; financial stability.*

EDN: NTLXUY ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.34***

Цитировать: *Котенев А.Д., Хатагова С.В., Сажнева С.В. Теоретико-методические аспекты обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 249-253. EDN: NTLXUY. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.34*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

УДК 332.1

5.2.3

© Котенев А.Д., Хатагова С.В., Сажнева С.В., 2026

На основе анализа теоретических положений и существующих методических подходов рассмотрена сущность экономической безопасности хозяйствующих субъектов, актуализированы характеризующие ее базовые принципы. В ходе исследования разработана авторская позиция относительно экономической безопасности предприятия, представленная в широком и узком смыслах, что позволяет выделить ее отдельные элементы, с целью их детального анализа и принятия необходимых решений в условиях неопределенности и возможного риска. Выявлены критерии оценки экономической безопасности хозяйствующих субъектов, а также показатели, на основе которых раскрываются их пороговые значения. Авторами отмечена методическая основа показателей оценки экономической безопасности предприятий, с учетом необходимости соблюдения ряда требований. В результате, детальный анализ указанных показателей позволил объединить их в группы, что в конечном итоге способствует упрощению процедуры их расчетов и трактовки полученных значений. Акцентировано внимание на необходимость применения набора инструментов как прямого воздействия, так и информационно-аналитического характера, способствующего безопасному функционированию предприятий.

Ключевые слова: *экономическая безопасность; хозяйствующий субъект; меры воздействия; государственное регулирование; стабильность деятельности; контроль деятельности; финансовая стабильность.*

КОТЕНЕВ Александр Дмитриевич, *доктор экономических наук, доцент*

SPIN-код: 5797-6383

ORCID:0000-0001-5269-0515

Researcher ID: 612476

ХАТАГОВА Светлана Викторовна, *кандидат педагогических наук*

SPIN-код: 5443-2110

Researcher ID: 627857

САЖНЕВА Софья Владимировна, *преподаватель*

SPIN-код: 4149-5122

Researcher ID: 1110052

Краснодарский университет МВД РФ (филиал), Ставрополь

Деятельность хозяйствующих субъектов, как правило, сопряжена с риском, обусловленным воздействием как факторов внутреннего, так и внешнего характера. Процесс хозяйствования подразумевает потребление ресурсов с целью производства необходимых товаров и удовлетворения потребностей потребителей. В этих условиях обеспечение сбалансированности принимаемых решений, на фоне непредсказуемости конъюнктуры рынка, требует от руководства принятия нестандартных шагов, направленных на минимизацию рисков. Экономическая безопасность предприятия характеризует степень защиты от возможных рисков и возникающих угроз, сохраняя стабильность деятельности. Применяемые подходы, а также выработанные практикой хозяйствования на их основе принципы, способствуют стабильной работе. Вместе с тем, современные условия хозяйствования требуют пересмотра существующих принципов, а также подходов к обеспечению экономической безопасности предприятия, вызванные негативным влиянием возникающих обстоятельств. Таким образом, заявленная тематика исследования является актуальной, требующей детального изучения и формирования позиции, способствующей противостоять возникающим вызовам. Цель исследования состоит в анализе существующих теоретико-методических подходов определения сущности экономической безопасности хозяйствующего субъекта, актуализации базовых принципов ее характеризующих, а также выработке авторского подхода, с учетом влияния факторов внутреннего и внешнего характера.

Анализ экономической безопасности деятельности хозяйствующих субъектов осуществлен на основе таких методов, как сравнение, сопоставление, графический, умозаключение, с использованием открытых данных по заявленной тематике.

Раскрывая сущность понятия экономической безопасности хозяйствующих субъектов, К.Е. Гришин и А.И. Хайдаров отмечают его применение только в рамках экономической теории и отсутствия указанной дефиниции в законодательных актах РФ. На основании анализа теоретических подходов была сформулирована авторская трактовка — институт экономической национальной безопасности государства, направленный на реализацию функции защиты интересов государства, охрану прав и свобод, а также законных интересов участников хозяйственной деятельности. [6]

Характеризуя экономическую безопасность предприятия, В.В. Гагулькин акцентирует внимание на следующих характеристиках: во-первых, финансовая стабильность деятельности предприятия; во-вторых, интеграция инновационных подходов в производственные процессы; в-третьих, развитие маркетинговой политики; в-четвертых, обеспечение самостоятельности, как в организационном, так и финансовом аспектах; в-пятых, обеспечение стабильности кадрового состояния. [3]

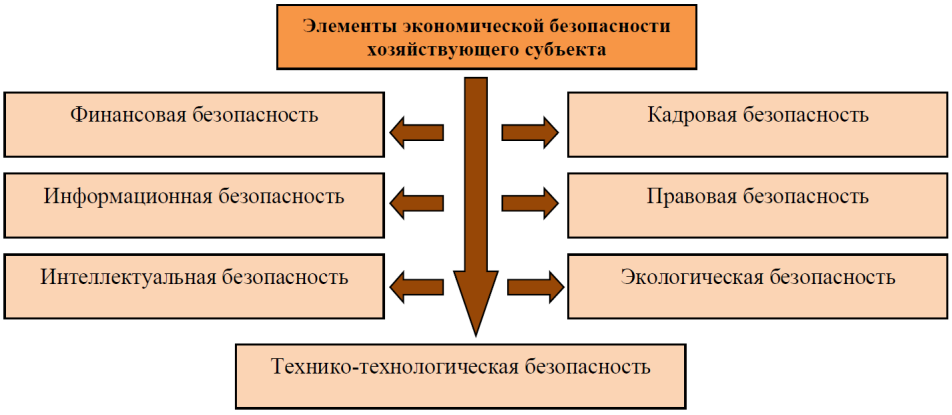
Экономическая безопасность предприятия, по мнению Л.К. Иванова, представляет собой совокупность конкурентных преимуществ, в рамках которых кадровый, технологический, финансовый и материальный потенциалы соответствуют организационной структуре, а также стратегическим целям деятельности предприятия. Иванова отмечает наличие функциональных составляющих рассматриваемой дефиниции, в зависимости от характера существующих угроз. Так, выделяются: в зависимости от возможности прогнозирования — угрозы предсказуемого и непредсказуемого характера; от сферы возникновения — внутренние и внешние. В отличие от внутренних угроз, имеющих непосредственное отношение к производственному процессу, внешние опасности возникают в рамках изменения климатических условий хозяйствования, нарастания демографических и криминологических проблем. [8]

Понятие экономической безопасности предприятия подразумевает определенную совокупность компонентов, органично связанных между собой и способствующих стабильному функционированию хозяйствующего субъекта (рис.). [14]

Сущность экономической безопасности предприятия проявляется в ее компонентах, к которым, по мнению М.М. Хирачигаджиевой, относят: во-первых, борьба с угрозами, предполагающая не только осуществление текущей защиты от внешних и внутренних угроз, но и нивелирование возможных негативных проявлений; во-вторых, достижение запланированных целей, в рамках стабильности

деятельности предприятия; в третьих, максимально эффективное использование как имеющихся, так и привлекаемых ресурсов. [16]

Рисунок — **Совокупность элементов экономической безопасности хозяйствующего субъекта***

** Рисунок составлен авторами, на основе данных работы [14].*

Функционирование предприятия в современных условиях рыночной экономики сопряжено с наличием факторов, негативным образом оказывающих воздействие на эффективность его деятельности. К таковым О.В. Голикова, а также ряд других авторов относят сложную геополитическую обстановку, усиление введенных санкционных режимов, высокую стоимость сырьевых ресурсов, нестабильную кредитно-денежную обстановку в государстве, сложную конкурентную борьбу, коррупционные обстоятельства. Вместе с тем, проблема поиска решений, направленных на пресечение возникающих угроз деятельности предприятия, предопределяет необходимость формирования эффективно работающей системы обеспечения экономической безопасности и выступает основополагающим фактором развития не только предприятия, но и залогом безопасности всего государства. [5]

Сложившаяся геополитическая ситуация требует более широкого диапазона обеспечения безопасности деятельности предприятия. Так, И.В. Логвинова, Н.А. Горьковенко высказывают мнение о необходимости соблюдения социально-экономической безопасности, включающей ряд аспектов: экономический, социальный, психологический, продовольственный, общественный, политический, общественный. Представленные элементы, вступая во взаимодействие друг с другом, выполняют роль самостоятельной системы, эффективность деятельности которой базируется на следующих принципах:

1) комплексность, предполагающая учет совокупности факторов влияния на уровень безопасности;

2) системность, обусловленная учетом всех форм социально-экономической сферы, затрагивающая внешние и внутренние факторы;

3) вариативность, учитывающая возможности наличия сценарных вариантов разрешения конфликтов и устранения угроз;

4) определение приемлемого риска, с учетом допустимости и доступности применяемых мер воздействия.

Социально-экономическая безопасность деятельности хозяйствующего субъекта предполагает выстраивание трехуровневой системы: во-первых, стратегический уровень, направленный на ликвидацию возникающих противоречий и выработку соответствующих решений; во-вторых, тактический уровень, направленный на решение задач специализированного характера и нивелирование конкретных угроз; в третьих, оперативный уровень, предполагающий устранение последствий возникающих угроз, а также выработку комплекса мер по их дальнейшему недопущении. [11]

Сущность экономической безопасности хозяйствующего субъекта следует рассматривать на основе ее базовых принципов. К.В. Хандадашева в качестве таковых выделяет: комплексность и системность; экономичность и непрерывность; своевременность и компетентность; законность и взаимодействие; гласность и конфиденциальность; адекватность усилий; эффективность защиты. [15]

Раскрывая сущность экономической безопасности хозяйствующего субъекта, М.П. Власов характеризует его с позиции охраны собственности. При этом отмечает, что безопасность содержимого кошелька не зависит от безопасности самого кошелька и степени его

наполнения. Детализируя рассматриваемую дефиницию, автор указывает на надежность получения доходов собственником, сохранность самой собственности, эффективность распоряжения ею. Анализируя существующие точки зрения на экономическую безопасность предприятия, Власов придерживается следующих позиций: во-первых, в необходимости сохранности собственника, в том числе и от самого собственника; во-вторых, в необходимости устранения фактора неопределенности в ведении финансово-хозяйственной деятельности, что будет способствовать максимизации налоговых поступлений. [2]

Характеристика экономической безопасности предприятия невозможна без выделения ряда факторов, в качестве которых О.И. Кирюхина и А.А. Резунов отмечают планирование, определение мер по реагированию на возникающие угрозы; контроль и совершенствование существующей системы, мониторинг внешней и внутренней среды. Кроме того, указанные авторы, раскрывая дефиницию экономической безопасности предприятия, используют такие понятия, как риск, угроза, эффективность, вызовы. Современные экономические и политические реалии свидетельствуют о наличии значительных угроз деятельности российских предприятий, как внутри страны, так и за ее пределами: сильная конкурентная борьба, увеличение налоговой нагрузки, инфляция, падение курса национальной валюты, финансовые кризисы и т.д. [10] Вместе с тем, авторы согласны с утверждением, когда угроза для одного хозяйствующего субъекта может представлять возможности для другого.

Таким образом, анализ теоретических подходов сущности экономической безопасности предприятия позволил сформулировать авторскую позицию, которая в широком смысле представляет собой систему, обеспечивающую возможность предотвращения и, как следствие, нейтрализации различных угроз, защищающую экономические интересы предприятия и не допускающую потерь, превышающих критический предел. В узком, более конкретном смысле экономическая безопасность предприятия является одной из важнейших характеристик хозяйствующего субъекта, которая указывает на уровень использования всех ресурсов предприятия с точки зрения предотвращения или защиты его от существующих опасностей, угроз или других непредвиденных обстоятельств. Такое понимание экономической безопасности позволяет нам показать, что компания, находясь в ситуации неопределенности, непредсказуемости и изменений внутренних и внешних экономических условий, вынуждена принимать рискованные решения. В то же время она должна стремиться предотвращать, или защищать от существующих или прогнозируемых опасностей и угроз.

Заключение

Анализ теоретико-методических основ экономической безопасности хозяйствующих субъектов, проведенный на основе научной литературы по исследуемой проблематике, а также открытых данных информационной сети Интернет позволил сформулировать ряд выводов: во-первых, рассматриваемую дефиницию необходимо трактовать как в широком смысле, подразумевая систему, действие которой направлено на предотвращение возникающих рисков и угроз, так и в узком, с позиции необходимости использования имеющихся ресурсов предприятия, с целью защиты в условиях нестабильности; во-вторых, понимание экономической безопасности хозяйствующих субъектов демонстрирует усилия, направленные на принятие рискованных решений, с учетом прогноза возможных угроз и поиска эффективных мер хозяйствования в контексте непредсказуемости конъюнктурных изменений; в третьих, обеспечение безопасного функционирования деятельности предприятия невозможно без научно обоснованного подхода в выборе мер и инструментов как информационно-аналитического, так и прямого воздействия; в четвертых, инструментарий обеспечения требуемого уровня экономической безопасности должен соответствовать ряду принципов, важнейшим из которых является мотивация работников в эффективном применении имеющегося комплекса защитных мер.

Литература:

1. Акбашева А.А. Формирование механизма обеспечения экономической безопасности сельскохозяйственного предприятия / А.А. Акбашева, И.Ш. Дзахмишева, Ю.В. Масалова // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. — 2020. — Т.82, №4(86). — С.297-306.

2. Власов М.П. Задачи оценки экономической безопасности предприятия / М.П. Власов // Образование и право. — 2020. — №11. — С. 107-116. doi:10.24411/2076-1503-2020-00701.

3. Гагулькин В.В. К вопросу об обеспечении экономической безопасности строительного предприятия / В.В. Гагулькин // Современные технологии управления. — 2024. — №3(107). — С. 6.

4. Гашо И.А. Теоретические аспекты управления экономической безопасностью предприятия / И.А. Гашо, О.В. Иовлевой, Е.В. Токарь // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2022. — №3(94). — С. 85-95.

5. Голикова О.В. Экономическая безопасность предприятия, функционирующего в условиях агрессивной среды / О.В. Голикова, А.А. Кубиц, С.А, Хмелев // Вестник Волжского университета им В.Н. Татищева. — 2022. — Т. 2, №3(50). — С. 51-58.

6. Гришин К.Е. О некоторых аспектах исследования понятия «экономическая безопасность» / К.Е. Гришин, А.И. Хайдаров // Universum: экономика и юриспруденция. — 2024. — №2(112). — С. 5-8.

7. Докукина А.А. Экономическая безопасность предприятий в условиях цифровой трансформации / А.А. Докукина, В.В. Пименов / Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова — 2022. — Т. 19, №3(123). — С. 16-30.

8. Иванова Л.К. Экономическая безопасность предприятия / Л.К. Иванова // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. — 2013. — Т. 17, №7. — С. 30-33.

9. Канаки В.В. Экономическая безопасность хозяйствующего субъекта как императив его развития / В.В. Канаки, Е.Е. Оксенюк // Вестник Академии знаний. — 2024. — №5(64). — С. 204-207.

10. Кирюхина О.И. Реальные и потенциальные угрозы экономической безопасности предприятия // Актуальные вопросы экономики и агробизнеса: сб. ст. XIII Международной научно-практической конференции (Брянск, 17-18 марта 2022 года). — С. 589-593.

11. Логвинова И.В., Горьковенко Н.А. Социально-экономическая безопасность как основа национальной безопасности страны и региона / И.В. Логвинова, Н.А. Горьковенко // Журнал прикладных исследований. — 2023. — №9. — С.63-68.

12. Михайлова А.Е. Использование инструментария SWOT-анализа для обеспечения экономической безопасности предприятия / А.Е. Михайлова, О.М. Мушкарова, Е.М. Петрова // Петербургский экономический журнал. — 2021. — №1. — С. 86-94. doi:10.24411/2307-5368-2021-00010.

13. Проблемы и основные направления повышения эффективности функционирования АПК региона в условиях глобализации и импортозамещения / О.А. Столярова и др. — Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. — 270 с.

14. Сигунова Т.А. Составляющие уровня экономической безопасности хозяйствующего субъекта: понятие и пути их совершенствования / Т.А. Сигунова // Прогрессивная экономика. — 2023. — №7. — С. 90-119. doi:10.54861/27131211_2023_7_90.

15. Хандадашева К.В. Обеспечение экономической безопасности предприятия / К.В. Хандадашева // Кронос: экономические науки. — 2022. — №1(32). — С. 18-20.

16. Хирачигаджиева М.М. Понятие и сущеность экономической безопасности организации / М.М. Хирачигаджиева // Актуальные вопросы современной экономики. — 2024. — №5. — С. 109-113.

17. Щапов А.Н. Система показателей экономической безопасности предприятия и их пороговые значения / А.Н. Щапов // Вестник Московского финансово-юридического университета. — 2022. — №1. — С. 134-143.

ANALYSIS AND DEVELOPMENT OF METHODS FOR ASSESSING THE DIGITAL MATURITY OF CORPORATIONS

Krasnoshchekov Dmitrii Semenovich, *Postgraduate student, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg*

The study is devoted to the analysis of modern methods for assessing the level of digital maturity of corporations. The purpose of the study was to analyze the relevance of assessing the digital maturity of corporations, modern approaches to assessing this category, as well as ways of their mutual integration and further development. The study analyzed modern domestic and international approaches to assessing the digital maturity of corporations, highlighted their main distinctive features and principles of formation. As part of the direct analysis of digital maturity assessment methods, models of international consulting companies such as Gartner, Forrester, Deloitte and McKinsey were identified. As a result of the analysis, the author has formed and proposed a modernized model for assessing digital maturity based on the approaches studied. The proposed model focuses on analyzing aspects such as digital architecture, data modeling, data storage, digital security, the degree of data integration, the level of documentation, the availability of established methods and best practices for managing and implementing data in business processes, as well as building processes for assessing data quality levels. As a result, the formed research and its results can be useful and effective both for the scientific economic environment for further development and research of the categories of digital economy and digitalization of the financial market, and for modern corporations, which potentially have the opportunity to implement the formed developments in their activities to directly assess the level of digital maturity. In addition, this study can become a potential starting point for the formation of end-to-end cross-industry models for assessing digital maturity, which can be based on open and publicly available statistical data.

Keywords: *digital maturity; digital transformation; digitalization; digital economy; digital technologies; digital financial technologies; digital financial market; digital ecosystem.*

EDN: NVJLEU ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.35***

Цитировать: *Краснощеков Д.С. Анализ и развитие методик оценки цифровой зрелости корпораций // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 254-259. EDN: NVJLEU. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.35*

УДК 336.76
5.2.4

© Краснощеков Д.С., 2026

Анализ и развитие методик оценки цифровой зрелости корпораций

Исследование посвящено анализу современных методик оценки уровня цифровой зрелости корпораций. Цель исследования состоит в анализе востребованности оценки цифровой зрелости корпораций, современных подходов к оценке данной категории, а также способов их взаимной интеграции и дальнейшего развития. В рамках исследования были проанализированы современные отечественные и международные подходы, выделены их основные отличительные особенности и принципы формирования. В рамках анализа были выделены модели международных консалтинговых компаний, таких как Gartner, Forrester, Deloitte и McKinsey. В результате была сформирована и предложена модернизированная модель оценки цифровой зрелости, базирующаяся на исследованных подходах. Предложенная модель фокусируется на анализе таких аспектов, как цифровая архитектура, моделирование данных, хранение данных, цифровая безопасность, степень интегрированности данных, уровень документирования, наличие сформированных методик и лучших практик по управлению и внедрению данных в бизнес-процессы, а также выстраивания процессов оценки уровни качества данных. Как итог, сформированное исследование и его результаты могут быть полезны и эффективны как для научной экономической среды для дальнейшего развития и исследования категорий цифровой экономики и цифровизации финансового рынка, так и для современных корпораций, которые потенциально имеют возможность внедрить сформированные наработки в свою деятельность для непосредственной оценки уровня цифровой зрелости. Помимо этого, данное исследование может стать потенциальной отправной точкой для форми-

КРАСНОЩЕКОВ Дмитрий Семенович, *аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург*

SPIN-код: 3893-1580

рования сквозных межотраслевых моделей оценки цифровой зрелости, которые могут базироваться на открытых и общедоступных статистических данных.

Ключевые слова: *цифровая зрелость; цифровая трансформация; цифровизация; цифровая экономика; цифровые технологии; цифровые финансовые технологии; цифровой финансовый рынок; цифровая экосистема.*

Введение

В рамках современной трансформации финансового рынка отдельным направлением развития выступают такие аспекты, как автоматизация и цифровизация бизнес-процессов корпораций. Развитие подобного направления происходило эволюционно, начиная от внедрения локальных инструментов, автоматизирующих конкретные задачи, таких как системы контроля складского учета в корпорациях, и заканчивая современным этапом развития, в рамках которых в бизнес-процессы организаций постепенно внедряются не только базовые цифровые технологии, но и такие продвинутые инструменты автоматизации и повышения эффективности деятельности, как технологии машинного обучения, а также различные модели искусственного интеллекта, в том числе и генеративные, которые способны не только анализировать, но и формулировать гипотезы и предложения на основе проанализированного материала.

Особенно подчеркивает важность и востребованность развития цифровизации современной экономики национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках которой внедрение цифровых технологий в экономике фиксируется как ключевая цель поддержки и развития программы [1]. Вместе с этим, подобное цифровое развитие является процессом, не проходящим равномерно в каждом из субъектов финансового рынка, в связи с чем вопрос анализа и оценки цифровой зрелости компаний в рамках современного финансового рынка и современной экономики становится крайне востребованным. Подтверждает подобный тезис в том числе и разработка моделей оценки цифровой зрелости международных консалтинговых фирм, среди которых можно выделить Gartner, Forrester, Deloitte и McKinsey, а также отечественные исследования, касающиеся данной проблематики. Среди них можно выделить следующие:

— публикация Ю.В. Вылгиной и А.С. Шишовой «Обзор подходов к оценке уровня цифровой зрелости организации» [2, с. 69-72], помимо определения и выстраивания иерархической структуры основных дефиниций, связанных с процессов цифровизации, уделяет внимание анализу и сравнению существующих мировых подходов к оценке цифровой зрелости. Сравниваются как отечественные, так и международные методики, а также выделяются основные их функциональные различия, формируется собственная авторская классификация данных методик;

— исследование И.Н. Краковской «Об оценке цифровой зрелости, готовности рисков цифровой трансформации» [4, с. 303-304], включает не только анализ существующих моделей и практик оценки цифровой зрелости, но также уделяет внимание проблемным местам и дальнейшим направлениям для развития подобных моделей, потенциальным рискам цифровой трансформации и цифровым стратегиях в рамках российского рынка;

— статья А.А. Афанасьева «Оценка цифровой зрелости промышленного производства в контексте его цифровой трансформации» [1, с. 3609-3612], отмечает, что существующие методики оценки требуют не только модификации непосредственных инструментариев и методологий оценки, но и адаптации подобных методик к законодательным изменениям;

— работа Д.О. Сороки, В.С. Горкальцева и Т.В. Карловой «Оценка уровня цифровой зрелости предприятия как один из важных факторов в цифровой трансформации» [6, с. 84-86], посвящена формированию критериев оценки цифровой зрелости и формированию авторской модели определения и формиро-

[1] Правительство Российской Федерации. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. распоряж. Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

вания индекса оценки цифровой зрелости с учетом современных аспектов развития и реалий цифровой трансформации;

— публикация А.Д. Соболева «Инструментарий оценки цифровой зрелости организации» [5, с. 81-83], посвящена формированию инструментария оценки цифровой зрелости компании на основе ключевых финансовых и инновационных метрик ее деятельности, а также оценки бизнес-процессов и целостной экосистемы компании;

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках исследования были проанализированы существующие подходы к оценке цифровой зрелости, среди которых в качестве основных были выделены нижеперечисленные.

Прежде всего, выделяется модель консалтинговых компаний в сфере информационных технологий Gartner и Forrester, которая предлагает оценивать цифровую зрелость в разрезе ключевых пяти ключевых метрик, среди которых: уровень стратегии компании, уровень цифрового лидерства, уровень цифровой культуры, уровень цифровизации процессов и технологичности компаний. Каждую из данных метрик предлагается характеризовать путем экспертных оценок от 1 до 5 [2]. В результате подобной оценки, согласно модели, в дальнейшем предлагается осуществлять группировку компаний по пяти основным уровням. Каждый из уровней имеет свои отличительные особенности и аспекты для перехода на последующие уровни. Уровнями являются:

— *Initial* — первоначальный уровень цифровизации и соответствующий низкий уровень цифровой зрелости, в результате которого процессы цифровизации находятся на низком уровне и являются локальными, поскольку относятся к отдельным бизнес-процессам компании;

— *Developing* — развивающийся уровень цифровизации, связанный с формированием и развитием пилотных проектов автоматизации и цифровизации в компании в рамках сформированных отделов, сегментов и иных групп компаний;

— *Defined* — уровень, когда в компании имеются успешные внедренные проекты оценки уровня цифровой зрелости и происходит масштабирование и имплементация подобного опыта в рамках компании;

— *Managed* — уровень выстраивания цифровой бизнес-модели и цифровой стратегии в корпорации. На данном этапе компания достигает высокого уровня цифровой зрелости, цифровые технологии становятся полноценным драйвером выручки компании;

— *Optimizing* — уровень, когда в компании полноценно выстроена цифровая стратегия, компания является одним из лидеров цифровизации в своей отрасли и ей требуется лишь операционная оптимизация цифровой бизнес-модели и цифровых аспектов развития.

Кроме того, в рамках совместной работы вышеупомянутых консалтинговых компаний Gartner и Forrester также была разработана модификация данной модели, ориентированная непосредственно на оценку цифровой зрелости бизнес-процессов компании, что становится особенно актуальным для анализа в рамках оценки внедрения и эффективности подобных характеристик в рамках финансового рынка [7]. В рамках данной модели компании ранжируются в зависимости от следующих характеристик:

— уровень осведомленности компании о наличии технологии, инструментов и методик, которые могут быть внедрены в ее бизнес-процессы. Компании подразделяются на пять уровней, начиная от тех, кто не осведомлен о наличии подобных технологий, и заканчивая компаниями, в рамках которых сформулирована цифровая стратегия развития, основанная на высокой культуре работы с данными;

— выделяется шесть уровней цифровой бизнес-отчетности компаний, начиная от хаотичной локальной неорганизованной отчетности, позволяющей оценивать лишь отдельные специфические бизнес-процессы компании, и заканчивая полноценными комплексными отчетами, на основе данных из которых компания может производить полноценную аналитику, принимать операционные и управленческие решения, а также формировать статистически-обоснованные

[2] GARTNER. Master Data Management (MDM)] // Gartner. URL: https://www.gartner.com/en/data-analytics/topics/master-data-management

гипотезы о необходимости определенных действий или изменений в бизнес-процессах компании;

— в зависимости от уровня аналитики также выделяется пять уровней, начиная от компаний, в рамках которой проводится разрозненная аналитика отдельными специалистами и заканчивая цифровыми корпорациями, в рамках которых существуют полноценные цифровые отделы, позволяющие осуществлять подобную аналитику. Помимо этого, в рамках компаний-цифровых лидеров, доступ как к данным для работы, так и к непосредственным цифровым инструментом потенциально могут иметь абсолютное большинство сотрудников организаций;

Помимо этого, в рамках данной модели существуют и иные модификации, показывающие актуальность исследования подобного направления. Однако, если в целом анализировать результаты, изложенные в рамках модели, то в качестве ключевых характеристик следует отметить, что подобная модель базируется на основе экспертных оценок ключевых цифровых сфер функционирования компании. Также, помимо этого, подобная оценка имеет в свой основе возможность детализации и оценки цифровой зрелости в рамках отдельных направлений.

Если же говорить об иных моделях, то предлагается выделить модель Deloitte, которая в рамках определения основных направлений оценки цифровой зрелости выбирает стратегию компании, ее организационную структуру, уровень внедрения цифровых данных в ее бизнес-процессы, существующую культуру и практики работы с данными, а также опыт взаимодействия с покупателями и потребителями. В рамках данной модели предлагается не только оценивать компанию, но и выявлять ее слабые места и потенциальные направления для повышения цифровой зрелости [3, с. 713]. В отличие от ранее обсужденных моделей, подобная модель концентрируется не только на модернизации цифровых аспектов деятельности компании, но и о потенциальной трансформации компании в целом, в том числе и направлений, которые потенциально могут быть цифровыми и генерировать дополнительную выручку и прибыль с помощью цифровых инструментов. В рамках же модели оценки цифровой зрелости *McKinsey* особенное внимание уделяется оценке качества цифровой культуры и цифрового лидерства в компании. В рамках подобной модели, в отличии от цели в виде устранения цифровых «пробелов» бизнес-процессов компании в рамках модели *Deloitte*, предлагается акцентировать свое внимание на непосредственном создании стоимости благодаря цифровым продуктам, что является фундаментом для оценки цифровой зрелости компании [8]. В рамках данной модели каждое из направлений, среди которых цифровая стратегия, цифровая культура, операционная и организационная структура, а также технологический фундамент компании, имеет свой вес и ряд показателей внутри. Подобные показатели могут включать оценку существующих цифровых подходов в рамках операционной деятельности, подходы, методики и структуру управления и реализации проектов в рамках цифровых команд, цифровые инициативы компании, а также скорость разработки и реализации цифровых изменений.

Проанализированные модели и исследования отечественных авторов показывают, что оптимальная модель оценки цифровой зрелости должна базироваться на широком ряде признаков и иметь в своей основе оценку цифровых групп деятельности компании. Помимо этого, в рамках анализа было выявлено, что в рамках непосредственных методик оценки доминирует метод экспертных оценок. На основе этого предлагается сформировать модель оценки цифровой зрелости, базирующейся на экспертных оценках от 1 до 10 и позволяющей оценить полноценную степень цифровизации бизнес-процессов компании. В отличии от ранее упомянутых комплексных моделей, предложенная модель будет в наибольшей мере акцентироваться на оценке финтехгрупп деятельности компании, что особенно актуально в текущих реалиях цифровизации отечественного финансового рынка. Предложенная модель будет базироваться на оценке принципов, правил и методик, по которым разрабатываются, внедряются, поддерживаются и развиваются цифровые решения в компаниях. Среди данных принципов предлагается оценивать:

— архитектуру сформированных и используемых цифровых решений в компании;

— степень и уровень оптимальности моделирования и проектирования подобных решений в соответствии с лучшими отраслевыми и международными практиками;

— аспекты хранения и операционного управления данными, в том числе историзм и глубина доступности данных, а также оптимальность выбранных сроков и способов хранения данных как в вопросах скорости доступа к ним в зависимости от пользовательских сценариев взаимодействия, так и в рамках оценки финансовых затрат на хранение данных непосредственно;

— оценка цифровой безопасности также базируется на основе используемых цифровых инструментов и политики разработки и внедрения цифровых продуктов в организации непосредственно

— внимание также предлагается уделять аспектам совместимости и совместной интеграции данных в рамках единой цифровой экосистемы компании;

— оценка документации и описания существующих и планируемых цифровых решений в бизнес-процессах компании;

— наличие закрепленных и утвержденных внутри компании единых справочников, которые являются сквозными для всех отделов;

— оценка наличия и качества отчетных форм как конечного этапа цифровых решений и инструментов для принятия управленческих и операционных решений;

— эффективность структуры существующих проектов и простота первичного знакомства с портфелем цифровых технологий компании;

— оценка непосредственной экономической эффективности от использования цифровых технологий.

В рамках же методики итоговой оценки предлагается опрашивать не менее четырех экспертов и снижать веса оценки экспертов с наиболее низкой и наиболее высокой оценкой до 0.2, в то время как для средних оценок — повышать до 0.3. Как итог, подобная модификация позволит снизить влияние на итоговую оценку аномально высоких или аномально низких результатов. Подобные группы и предложенная методика оценки цифровой зрелости, как уже было упомянуто ранее, позволят компании глобально оценить степень ее цифровой зрелости, а дальнейшее погружение в группы с оценкой ниже ожидаемого позволит выявить дополнительные метрики и оценить степень их влияния на итоговые групповые значения.

Заключение

В рамках исследования был проанализирован ряд публикаций, посвященных проблематике оценки цифровой зрелости корпораций в современных условиях. Проблематика и соответствующая цель исследования были сформированы на основе изучения периодической литературы отечественных исследователей, которые выделили необходимость модификации существующих методик оценки цифровой зрелости. Подобное было подтверждено и в рамках исследования наиболее популярных и востребованных мировых моделей оценки цифровой зрелости. На основе этого были сформулированы основные особенности ранее упомянутых моделей, проведен их сравнительный анализ. Как итог, в рамках исследования автором было предложено сформировать специализированную оценку цифровой зрелости бизнес-процессов организации, которая базируется на оценке ключевых финтехаспектов деятельности компании.

Литература:

1. Афанасьев А.А. Оценка цифровой зрелости промышленного производства в контексте его цифровой трансформации / А.А. Афанасьев // Экономика, предпринимательство и право. — 2024. — Т. 14, №7. — С. 3595-3612.

2. Выгина Ю.В. Обзор подходов к оценке уровня цифровой зрелости организации / Ю.В. Выгина, А.С. Шишова // Информация и инновации. — 2022. — Т. 17, №2. — С. 64-75.

3. Капустин К.К., Ильина Л.А. Совершенствование методик оценки цифровой зрелости на основе анализа конкурентных преимуществ организаций // ЕГИ. — 2025. — №2(58). — С. 710-716.

4. Краковская И.Н. Об оценке цифровой зрелости, готовности и рисков цифровой трансформации предприятий / И.Н. Краковская // Эффективное управление экономикой: проблемы и перспективы: сб. тр. VIII Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 13–14 апреля 2023 года. — Симферополь, 2023. — С. 302-305. — EDN UQRJNV.

5. Соболев А.Д. Инструментарий оценки цифровой зрелости организации / А.Д. Соболев // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2025. — Т. 35, №1. — С. 80-85.

6. Сорока Д.О., Горкальцев В.С., Карлова Т.В. Оценка уровня цифровой зрелости предприятия как один из важных факторов в цифровой трансформации // Автоматизация и моделирование в проектировании и управлении. — 2023. — №3. — С. 80-88.

7. Flechsig C., Hamann-Lohmer J., VOß, R., Lasch R. Business process maturity model for digital transformation: an action design research study on the integration of information technology // International Journal of Innovation Management. — 2022. — Vol. 26(03). https://doi.org/10.1142/S1363919622400126

8. North K., Aramburu N., Oswaldo L. Promoting digitally enabled growth in SMEs: a framework proposal — Part I // Proceedings IFKAD Conference, Delft, July 4-6, 2018. — Pp. 197-214.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FORECASTING THE MARKET AND TECHNOLOGICAL RISKS OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

Likhouzov Kirill Igorevich, *Postgraduate student, Russian New University, Moscow*

The study analyzes the theoretical and practical foundations of applying artificial intelligence technologies to forecast market and technological risks of industrial enterprises. The relevance of the topic arises from the increasing volatility of external environments and the limited ability of traditional econometric models to capture nonlinear relationships and dynamic shifts in industrial systems. The research aims to substantiate the conceptual framework for employing intelligent algorithms in risk forecasting and to evaluate their potential integration into corporate production management systems. The analysis identifies the main sources of uncertainty and vulnerability in Russia's industrial development from 2019 to 2024 and systematizes methodological approaches combining Bayesian, neural network, and econometric modeling. Comparative assessment of classical and intelligent models is carried out according to accuracy, stability, and interpretability criteria. The methodological basis relies on the principles of institutional economics, risk-oriented management, and the explainable artificial intelligence paradigm ensuring transparency and reproducibility of predictions. The scientific novelty lies in the conceptual integration of econometric and intelligent methods into a unified model of data-driven decision support. The results confirm the potential of artificial intelligence to enhance forecasting accuracy, adaptability, and technological resilience in industrial management. The study emphasizes the need to develop a national data governance infrastructure and trustworthy artificial intelligence mechanisms as key elements of sustainable industrial policy. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the proposed approaches in the development of enterprise digital modernization strategies and the formation of sectoral programs for technological advancement.

Keywords: *artificial intelligence; risk forecasting; industrial enterprise; technological resilience; digital transformation; machine learning; Bayesian modeling; data governance; model interpretability; predictive analytics.*

EDN: NYPUDL ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.36***

Цитировать: *Лихоузов К.И. Использование искусственного интеллекта в прогнозировании рыночных и технологических рисков промышленного предприятия // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 260-268. EDN: NYPUDL. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.36*

УДК 338.45
5.2.3

© Лихоузов К.И., 2026

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОГНОЗИРОВАНИИ РЫНОЧНЫХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Исследование посвящено теоретическому и прикладному анализу применения технологий искусственного интеллекта для прогнозирования рыночных и технологических рисков промышленного предприятия. Актуальность темы обусловлена ростом волатильности внешней среды и ограниченными возможностями традиционных эконометрических моделей учета нелинейных взаимосвязей и динамичных изменений промышленной конъюнктуры. Цель работы заключается в обосновании концептуальных основ использования интеллектуальных алгоритмов при прогнозировании рисков и оценке потенциала их интеграции в корпоративные системы управления производством. В ходе исследования определены основные источники неопределённости и факторы уязвимости промышленного развития России в 2019-2024 годах, систематизированы методологические подходы, основанные на байесовском, нейросетевом и эконометрическом моделировании, а также проведено сравнительное описание классических и интеллектуальных моделей по критериям точности, устойчивости и интерпретируемости. Методологическая база работы опирается на принципы институциональной экономики, риск-ориентированного управления и концепцию объяснимого искусственного интеллекта, обеспечивающих прозрачность и воспроизводимость прогнозных решений. Научная новизна заключается в формировании концептуальной модели интеграции эконометрических и интеллектуальных методов в единую систему поддержки управленческих решений на основе данных. Результаты

исследования подтверждают потенциал искусственного интеллекта для повышения точности прогнозов, адаптивности и технологической устойчивости промышленного управления. Сделан вывод о необходимости развития национальной инфраструктуры управления данными и механизмов доверенного искусственного интеллекта как основы устойчивой промышленной политики России. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предложенных подходов при разработке стратегий цифровой модернизации предприятий и формировании отраслевых программ технологического развития.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; прогнозирование рисков; промышленное предприятие; технологическая устойчивость; цифровая трансформация; машинное обучение; байесовское моделирование; управление данными; объяснимость алгоритмов; предиктивная аналитика.*

ЛИХОУЗОВ Кирилл Игоревич, *аспирант, Российский новый университет, Москва*

Введение

Современная динамика промышленного производства характеризуется ростом неопределённости внешней среды, усложнением глобальных цепей поставок и нарастанием технологических рисков. Колебания цен на ресурсы, изменения валютных курсов и ограничения на поставку оборудования усиливают нестабильность. Поэтому требуется переход от ретроспективных методов анализа к адаптивным и предиктивным инструментам управления. Использование искусственного интеллекта (ИИ) превращается в ключевой механизм повышения устойчивости и конкурентоспособности промышленности, а не в формальный элемент цифровизации.

Необходимость исследования обусловлена ограничениями традиционных эконометрических моделей при структурных изменениях и высокой волатильности. Модели ARIMA, VAR и GARCH сохраняют точность лишь для стационарных рядов, тогда как алгоритмы машинного и глубокого обучения выявляют нелинейные зависимости и демонстрируют лучшую адаптивность. В то же время они требуют процедур интерпретации и согласования с экономическими данными. Отсюда вытекает исследовательский вопрос: каким образом сочетание интеллектуальных и эконометрических методов способно повысить точность и прозрачность прогнозирования рыночных и технологических рисков в промышленности.

Теоретическая база опирается на исследования Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития и Банка международных расчётов, подчёркивающие роль ИИ в повышении производительности и устойчивости экономических систем. В отечественной научной традиции проблематика рассматривается через призму стратегического управления и промышленной цифровизации. Системная концепция предприятия как кибер-физической системы раскрыта в трудах Г.Б. Клейнера, влияние технологий умного производства на промышленную эффективность исследовано С.В. Илькевичем и Л.С. Зеленцовой, а связь ИИ с технологическим суверенитетом — в работах А.О. Аверьянова.

Новизна формируемого подхода заключается в объединении международных и национальных методологических рамок, а также в предложении концептуальной модели прогнозирования рисков, базирующейся на интеграции байесовского, нейросетевого и объяснимого анализа. Применяются сравнительно-аналитический, институциональный и системный методы, а также элементы байесовского моделирования и интерпретации ИИ (SHAP, LIME). В конечном счёте исследование направлено на создание методической основы, обеспечивающей технологическую устойчивость и стратегическую адаптацию промышленности России в контексте интеллектуальной экономики.

Результаты и их обсуждение

Применение искусственного интеллекта в прогнозировании рыночных и технологических рисков отражает переход управлен-

ческой парадигмы от ретроспективного анализа к адаптивным моделям предвидения. В исследованиях Банка международных расчётов подчёркивается, что методы машинного обучения выявляют нелинейные зависимости между рыночными переменными и факторами нестабильности, позволяя на ранних этапах фиксировать стрессовые состояния финансовых и производственных систем [12; 13]. В отличие от традиционных эконометрических моделей, алгоритмы машинного и глубокого обучения обрабатывают большие объёмы данных без предварительно заданных функциональных форм, что повышает точность краткосрочного прогнозирования.

Работы Международного валютного фонда доказывают эффективность ИИ-инструментов при моделировании макроэкономических и структурных показателей в условиях высокой волатильности. В проекте Artificial Intelligence and Productivity in Europe установлено, что применение интеллектуальных методов при анализе производственных и ценовых трендов снижает ошибки прогнозов инфляции на 20-25 % по сравнению с классическими ARIMA-моделями [23]. Исследования Б. Баккера и соавторов акцентируют значимость ИИ при управлении технологическими шоками: нейронные сети демонстрируют способность предсказывать динамику совокупной факторной производительности, особенно в капиталоёмких отраслях [16].

Организация экономического сотрудничества и развития трактует ИИ как основу риск-ориентированного регулирования. В аналитических обзорах подчёркивается роль механизмов объяснимости моделей и контроля дрейфа данных, обеспечивающих прозрачность прогнозных решений [11; 14]. Методологический фокус направлен на интеграцию ИИ с международным стандартом риск-менеджмента ISO 31000, что формирует единое поле для сочетания алгоритмических прогнозов и корпоративного контроля. В докладах Всемирного банка применение ИИ связывается с укреплением устойчивости глобальных производственных сетей. В отчёте Global Trends in AI Governance: Evolving Practices and Challenges отмечается, что внедрение прогнозных алгоритмов в корпоративные ERP- и MES-платформы способствует переходу от реактивного риск-менеджмента к системам предиктивного мониторинга, основанным на обработке данных в реальном времени [19].

Российская научная школа развивает международные концепции искусственного интеллекта в рамках промышленной цифровизации. Исследования С.В. Илькевича [3] и Л.С. Зеленцовой [2] демонстрируют, что цифровая трансформация требует интеграции ИИ в стратегические контуры управления, где гибридные архитектуры ERP-MES-SCADA формируют основу предиктивного планирования. В докладе Банка России Применение искусственного интеллекта на финансовом рынке ИИ рассматривается как инструмент прогнозирования кредитных, рыночных и операционных рисков и предлагаются национальные рамки AI Governance [9]. Работы Г.Б. Клейнера [5] и А.О. Аверьянова [1] обосновывают необходимость системного подхода, сочетающего машинное обучение и институциональный анализ. Г.Б. Клейнер определяет предприятие как кибер-физическую систему, где риск включён в стратегический цикл, а А.О. Аверьянов связывает применение ИИ с механизмами стратегирования и технологического суверенитета. В публикации Т.В. Кокуйцевой [6] предложены модели цифрового планирования на принципах AI-driven strategy, направленные на повышение предсказуемости инновационных решений и управление технологическими рисками.

Сопоставление зарубежных и российских подходов показывает, что прогнозирование рыночных и технологических рисков на основе ИИ строится на трёхуровневой модели. Первый уровень включает управление качеством данных (Data Governance, нормализация и верификация потоков); второй — алгоритмическую обработку (ML, DL, BN, ANFIS, BVAR); третий — управленческую интерпретацию (XAI, ERM, EWS, KRI). Взаимодействие этих элементов формирует замкнутый цикл «данные — модель — решение — обратная связь» и создаёт основу интеллектуального стратегирования в условиях неопределённости.

Промышленный сектор России в 2019-2024 гг. функционировал в среде макроэкономической и институциональной турбулентности, что выражается в колебаниях ключевых индикаторов риска. Период сочетал фазы стагнации и роста, обусловленные внешнеэкономическими ограничениями, валютной

волатильностью и изменением внутреннего спроса. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, индекс промышленного производства в 2024 г. увеличился на 4,6% по сравнению с 2023 г., превысив прирост предыдущего года (+4,3%) [1]. Несмотря на положительную динамику, среднегодовые темпы роста промышленности в 2019-2024 гг. оставались ниже докризисных значений, а волатильность выпуска сохранялась высокой, что указывает на наличие системных рисков, связанных с медленным обновлением производственных мощностей и ростом издержек.

Институциональные риски проявляются в снижении индексов делового доверия и ослаблении адаптационных ожиданий промышленного сектора. Аналитические материалы Банка России фиксируют в 2019 г. ухудшение оценок спроса и сокращение числа предприятий, планирующих расширение производства [17]. Индекс делового доверия в обрабатывающей промышленности оставался на пониженных уровнях в 2020-2023 гг., восстановившись в 2024 г. до 0,6 пункта [2]. В совокупности с ростом цен на энергоносители и ограничениями импорта оборудования этот тренд отражает структурное ослабление предпринимательской активности и снижение инвестиционной мотивации. Неопределённость институциональной среды сохраняет ключевое значение при оценке устойчивости промышленности, формируя ожидания бизнеса относительно доходности капитала и стабильности контрактных связей.

Ресурсные и технологические риски усилились в 2022-2024 гг. вследствие разрывов цепей поставок и усиления санкционного давления. По данным рейтингового агентства ACRA, рост промышленного выпуска сопровождался снижением эффективности импортозамещения и увеличением себестоимости продукции [3]. Центральный банк России зафиксировал предельную загрузку мощностей при дефиците квалифицированных кадров, что ограничивает возможности расширения производства [4]. Возникает риск перегрева отдельных отраслей и снижения рентабельности в условиях ограниченного предложения труда и капитала. Для устойчивого роста требуется структурная модернизация производственного комплекса и развитие инновационной инфраструктуры.

Технологические риски промышленного предприятия включают износ основных фондов, снижение инновационной активности и недостаточную цифровую зрелость. Анализ динамики этих параметров за 2019-2024 гг. позволяет определить ключевые закономерности адаптации промышленности к рыночным и технологическим изменениям. Патентная активность за рассматриваемый период демонстрирует выраженную тенденцию к сокращению: по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности количество заявок на патенты резидентов России снизилось с 35,5 тыс. в 2019 г. до 19,6 тыс. в 2021 г., что означает спад инновационного потока почти на 45% [4]. Отчёты Роспатента подтверждают уменьшение числа международных заявок по процедуре PCT и доли коммерциализируемых изобретений [5]. Снижение патентной активности указывает на ослабление инновационной базы обрабатывающей промышленности и рост технологического риска, обусловленного ограничением доступа к новым разработкам. Для количественной оценки последствий целесообразно применять показатель эластичности инновационной активности по отношению к объёму НИОКР, позволяющий определить чувствительность технологического потенциала к изменению затрат на исследования и разработки.

Степень физического и морального износа основных фондов формирует ключевой элемент технологического риска. Средний износ производственных фондов промышленности в 2023 г. составил 48,1%, а доля полностью

[1] О динамике промышленного производства: итоги 2024 года // Министерство экономического развития Российской Федерации.

[2] Trading Economics. Russia — Business Confidence. URL: https://tradingeconomics.com/russia/business-confidence

[3] Структурные изменения в экономике России в 2022-2024 годах // Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА). URL: https://www.acra-ratings.ru/research/2812/

[4] WIPO IP Statistics Data Center // WIPO. URL: https://www3.wipo.int/ipstats/key-search/indicator

[5] Россия вошла в десятку стран-лидеров по патентным заявкам // Российская газета. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/news/rg-07122020

изношенных активов достигла 17% [10]. Межотраслевая дифференциация остаётся высокой: в металлургии и химическом комплексе доля изношенных мощностей превышает 50%, тогда как в фармацевтической и пищевой промышленности не превышает 30%. Изношенность оборудования ограничивает инвестиционные возможности предприятий и повышает вероятность технологических сбоев, особенно при ограниченном импорте машин и комплектующих.

Оценка цифровой зрелости промышленных предприятий является важным направлением анализа технологических рисков. В 2024 г. уровень цифровой зрелости составил 26,6%, а доля компаний, внедривших решения промышленного интернета вещей и предиктивной аналитики, не превысила 20% [6]. Исследование TAdviser фиксирует медленное развитие цифровых компетенций и низкую степень интеграции ИИ-систем в производственные процессы [7]. Ограниченная цифровизация снижает потенциал применения предиктивных моделей обслуживания оборудования, прогнозирования спроса и оптимизации цепей поставок, что повышает вероятность технологических сбоев и операционных потерь.

Совокупный анализ индикаторов подтверждает, что в 2019-2024 гг. технологические риски российской промышленности усиливались вследствие одновременного снижения инновационной активности, износа производственных фондов и замедления цифровой трансформации. Для снижения уязвимости предприятий необходима комплексная стратегия управления технологическим развитием, предусматривающая стимулирование НИОКР, ускорение обновления оборудования и расширение масштабов цифровизации в ключевых отраслях. Моделирование технологических рисков должно опираться на интеграцию макроэкономических и технологических параметров, обеспечивая более точное прогнозирование и устойчивость промышленного роста.

Использование искусственного интеллекта в прогнозировании рыночных и технологических рисков становится основным направлением эволюции эконометрического анализа. В условиях волатильности макроэкономических параметров и неопределённости спроса требуются комбинированные модели, сочетающие классические временные ряды и алгоритмы машинного обучения, способные выявлять нелинейные зависимости и адаптировать прогнозы к динамичной среде. Векторная авторегрессионная модель (VAR) и её байесовская модификация (BVAR) применяются для анализа взаимосвязей цен, валютных курсов и рыночного спроса, используя априорные распределения параметров. Такой подход компенсирует ограниченность выборок и сохраняет устойчивость оценок при высокой размерности системы [21]. VAR-модели описывают эффекты взаимодействия рыночных факторов, а импульсные функции отклика (Impulse Response Functions, IRF) позволяют количественно интерпретировать реакцию выпуска предприятия на экзогенные шоки, вызванные изменением мировых цен на сырьё или колебаниями валютных курсов. Исследования Европейского центрального банка подтверждают, что применение BVAR-моделей повышает качество кратко- и среднесрочных прогнозов по сравнению со стандартными VAR-подходами [15].

Байесовские VAR-модели применяются для оценки совокупного влияния макроэкономических и отраслевых факторов на динамику прибыли и себестоимости промышленных предприятий. Преимущество подхода заключается во введении априорных ограничений, обеспечивающих устойчивость прогнозов при коротких временных рядах. Практический пример — использование BVAR-моделей для анализа чувствительности российских компаний к колебаниям курса рубля и мировых цен на металлы в 2019-2024 гг. на основе данных Всемирного банка [8]. Промышленное предприятие способно построить систему урав-

[6] Стабильные инвестиции и перспективные направления цифровизации промышленности / ЦифраСтрой. URL: https://cifrastroy.ru/news/stabilnye-investitsii-i-perspektivnye-napravlenija-tsifrovizatsii-promyshlennost

[7] Digitalization of the Russian industry. URL: https://tadviser.com/index.php/Article:Digitalization_of_the_Russian_industry

[8] Official exchange rate (LCU per US$, period average) — Russian Federation // World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.FCRF?locations=RU

нений, включающую динамику спроса, валютных курсов и цен на энергоносители, что позволяет оценивать риск снижения объёмов выпуска при внешних шоках. Байесовское моделирование формирует количественную базу стресс-тестирования и оценки рыночных рисков на горизонте 12-36 месяцев.

Методы машинного обучения используются для прогнозирования не только рыночных, но и технологических рисков, связанных с модернизацией производственных мощностей, износом оборудования и изменением структуры издержек. Модели ансамблевого типа (Random Forest, Gradient Boosting) и рекуррентные нейронные сети (LSTM) демонстрируют преимущество по точности прогнозов по сравнению с классическими ARIMA- и GARCH-моделями, особенно при выявлении нелинейных взаимосвязей между макроэкономическими и внутренними параметрами предприятия [29]. Промышленные компании могут применять ML-модели для оценки вероятности простоев, снижения спроса или роста себестоимости на горизонте 1-3 года с учётом внешних и внутренних факторов. Комбинация VAR/BVAR и ML-подходов позволяет точнее описывать распределение вероятностей наступления критических событий и формировать адаптивные сценарии риск-менеджмента в зависимости от рыночной конъюнктуры.

Интеграция эконометрических и интеллектуальных методов в промышленное прогнозирование способствует переходу от статичных моделей к самообучающимся системам поддержки решений. Такой синтез обеспечивает учёт структурных сдвигов в экономике и поведенческих реакций контрагентов. VAR/BVAR-модели формируют количественные оценки межфакторных взаимосвязей, тогда как ML-модели обеспечивают вероятностное описание событий. В совокупности создаётся комплексная архитектура прогнозирования рыночных и технологических рисков, повышающая устойчивость предприятий к внешним шокам и формирующая цифровой контур риск-ориентированного управления.

Современные исследования подтверждают различия между классическими эконометрическими и искусственно-интеллектуальными подходами по точности, устойчивости и интерпретируемости. Авторегрессионные и стохастические модели (ARIMA, VAR/BVAR) обеспечивают прозрачность и статистическую объяснимость результатов, сохраняя надёжность при стационарных рядах и линейных связях [26; 27]. Однако высокая волатильность и структурные сдвиги приводят к росту ошибок и снижению устойчивости при увеличении горизонта прогноза.

Модели искусственного интеллекта (нейронные сети, ансамблевые деревья, градиентный бустинг, LSTM) обеспечивают более высокую точность на нестационарных данных и способны выявлять сложные нелинейные закономерности. По результатам Н. Мид и К. Драйвера, использование рекуррентных сетей для макроэкономических прогнозов снижает среднюю абсолютную ошибку на 20-35 % по сравнению с ARIMA [22]. При этом ИИ-модели обладают большей устойчивостью к шуму, но ограниченной интерпретируемостью из-за эффекта «чёрного ящика». Для повышения прозрачности применяются XAI-метрики — SHAP, LIME и Grad-CAM, обеспечивающие визуализацию вклада признаков и возможность аудита прогнозных решений [24]. Сравнительная характеристика моделей прогнозирования представлена в таблице. Интеграция XAI-подходов с ИИ-моделями сочетает точность и объяснимость прогнозов, что делает такие решения наиболее перспективными для риск-ориентированного управления в промышленности.

Результаты анализа подтверждают, что применение искусственного интеллекта при прогнозировании рыночных и технологических рисков промышленности снижает неопределённость и повышает адаптивность управленческих решений. Использование методов машинного обучения обеспечивает моделирование нелинейных зависимостей и учёт структурных сдвигов, недостижимых для классических эконометрических моделей. Современные эмпирические исследования демонстрируют, что гибридные архитектуры, объединяющие ML и VAR/BVAR, повышают точность кратко- и среднесрочных прогнозов на 20-40 % по сравнению с традиционными инструментами [20]. В промышленной аналитике аналогичный эффект наблюдается при применении ансамблей деревьев решений и нейронных сетей, обеспечивающих устойчивость прогноза в условиях высокой волатильности и отсутствия стационарности [28].

Таблица — **Сравнительная характеристика моделей прогнозирования**

Показатель	Классические модели (ARIMA, VAR/BVAR)	ИИ-модели (RF, GBM, LSTM)
Точность прогноза	Средняя, снижается при длинных горизонтах	Высокая, особенно при нелинейных данных
Устойчивость к шуму	Низкая, чувствительны к выбросам	Высокая, адаптируются к нестабильным данным
Интерпретируемость	Полная (коэффициенты, статистика)	Ограниченная, требует XAI-метрик
Гибкость при структурных сдвигах	Низкая, требуется перекалибровка	Высокая, возможна автообучаемость
Применимость в промышленности	Подходит для долгосрочного анализа и тестов гипотез	Эффективна для кратко- и среднесрочных прогнозов, цифровых двойников

Источник: составлено автором.

Использование ИИ снижает неопределённость благодаря вероятностной природе оценок и способности адаптироваться к изменяющимся данным. Алгоритмы ансамблевого типа (Random Forest, Gradient Boosting) демонстрируют устойчивость к выбросам и позволяют формировать распределения вероятностей, применяемые в сценариях риск-ориентированного планирования. В производственных системах подобные подходы сокращают время реакции на внешние шоки и укрепляют устойчивость операционного управления. Международные исследования подтверждают эффективность этих решений: внедрение ИИ для прогнозирования спроса на машиностроительную продукцию в Республике Корея позволило снизить среднюю абсолютную ошибку на 35% [18]. В российской практике аналогичные результаты получены при моделировании промышленного выпуска с использованием байесовских нейронных сетей [7; 8].

Дальнейшие направления развития связаны с созданием инфраструктуры MLOps, обеспечивающей автоматизацию полного жизненного цикла моделей — от обучения до мониторинга [25]. Внедрение технологий объяснимого ИИ (XAI) повышает прозрачность прогнозных решений и обеспечивает их сертифицируемость. Применение цифровых двойников промышленности позволяет интегрировать прогнозные результаты в реальные производственные процессы [28]. Формирование единой системы управления данными (Data Governance) становится ключевым элементом промышленной политики России до 2035 г. Совокупный анализ показывает, что использование искусственного интеллекта формирует новую парадигму технологической устойчивости, при которой неопределённость компенсируется адаптивностью и объяснимостью решений, а качество прогнозирования определяется зрелостью инфраструктуры MLOps, XAI и данными как стратегическим ресурсом.

Заключение

Результаты исследования подтверждают гипотезу о высокой эффективности применения искусственного интеллекта в прогнозировании рыночных и технологических рисков промышленного сектора. Использование нейронных сетей, байесовских и ансамблевых алгоритмов обеспечивает заметное снижение неопределённости прогнозов и повышение адаптивности управленческих решений по сравнению с традиционными эконометрическими подходами. В 2020-2024 гг. наиболее значимыми источниками риска выступали волатильность сырьевых и валютных рынков, рост износа производственных фондов, дефицит кадров с цифровыми компетенциями и замедление внедрения НИОКР. Потенциал внедрения ИИ-моделей в корпоративные ERP- и MES-платформы оценивается как высокий, особенно в сферах производственного планирования, мониторинга оборудования и прогнозирования спроса. Применение модулей предиктивной аналитики повышает эффективность использования мощностей и снижает вероятность операционных сбоев.

Практические меры направлены на развитие корпоративных центров обработки данных, внедрение MLOps-процессов для обслуживания моделей и использование XAI-метрик при внутренней валидации алгоритмов. Для органов промышленной политики приоритетным направлением становится формирование стандартов управления дан-

ными (Data Governance) и создание национальной платформы промышленных данных. В перспективе 2025-2030 гг. необходимо развивать исследования по интеграции цифровых двойников предприятий, созданию самообучающихся систем прогнозирования и переходу к доверенным контурам искусственного интеллекта в промышленной аналитике.

Литература:

1. Аверьянов А.О. Управление развитием искусственного интеллекта в России через призму теории и методологии стратегирования / А.О. Аверьянов // Управленческое консультирование. — 2024. — №6. — С. 240-254. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-6-240-254.

2. Зеленцова Л.С. Развитие интеллектуализации промышленности России: стратегический подход / Л.С. Зеленцова, В.Ф. Уколов, А.И. Тихонов // Управление. — 2023. — Т. 11, №4. — С. 17-24. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-17-24.

3. Илькевич С.В. Стратегия цифровой трансформации промышленных предприятий: эффекты внедрения технологий умного производства / С.В. Илькевич // Стратегические решения и риск-менеджмент. — 2022. — Т. 13, №3. — С. 210-225. DOI: 10.17747/2618-947X-2022-3-210-225.

4. Карлова Н. Производственные возможности промышленности: результаты опроса предприятий / Н. Карлова, Е. Пузанова. — М.: Банк России, 2024. — 17 с.

5. Клейнер Г.Б. Системная парадигма как теоретическая основа стратегического управления экономикой в современных условиях / Г.Б. Клейнер // Управленческие науки (Management Sciences). — 2023. — Т. 13, №1. — С. 6-19. DOI: 10.26794/2304-022X-2023-13-1-6-19.

6. Кокуйцева Т.В. Подходы к формированию методологии управления цифровой трансформацией компаний наукоёмких отраслей промышленности / Т.В. Кокуйцева // Вопросы инновационной экономики. — 2022. — Т. 12, №3. — С. 1443-1462. DOI: 10.18334/vinec.12.3.116266.

7. Макаров И.Н. Планирование инновационного развития региональных систем на основе цифровизации государственного стратегического управления / И.Н. Макаров, Е.В. Дробот, Т.В. Башлыков и др. // Вопросы инновационной экономики. — 2024. — Т. 14, №1. — С. 139-156. DOI: 10.18334/vinec.14.1.120684.

8. Пономарева Е.А. Цифровизация экономики как движущая сила экономического роста: только ли инфраструктура имеет значение? / Е.А. Пономарева // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2021. — №3(51). — С. 51-68.

9. Применение искусственного интеллекта на финансовом рынке: доклад для общественных консультаций. — М.: Банк России, 2023. — 52 с.

10. Фурсова Т.В. Износ основных фондов на предприятиях России как проблема реализации программы импортозамещения / Т.В. Фурсова, К.В. Фатеев // Вестник Московского финансово-юридического университета. — 2024. — №1. — С. 209-216. DOI: 10.52210/2224669X_2024_1_209.

11. Advancing Accountability in AI: Governing and Managing Risks Throughout the Lifecycle for Trustworthy AI // OECD Digital Economy Papers. –2023. — №349. — 72 p.

12. Aldasoro I. Intelligent financial system: how AI is transforming finance / I. Aldasoro, L. Gambacorta, A. Korinek, V. Shreeti, M. Stein // BIS Working Papers. — 2024. — №1194. — 42 p.

13. Aquilina M. Harnessing artificial intelligence for monitoring financial markets / M. Aquilina, D. Araujo, G. Gelos, T. Park, F. Pérez-Cruz // BIS Working Papers. — 2025. — №1291. — 39 p.

14. Assessing Potential Future Artificial Intelligence Risks, Benefits and Policy Imperatives // OECD Artificial Intelligence Papers. — 2024. — №27. — 69 p.

15. Auer R. The effect of low-wage import competition on U.S. inflationary pressure / R. Auer, A.M. Fischer // Journal of Monetary Economics. — 2010. — Vol. 57, Issue 4. — Pp. 491-503. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2010.02.007.

16. Bakker B.B. What Can Artificial Intelligence Do for Stagnant Productivity in Latin America and the Caribbean? / B.B. Bakker, S. Chen, D. Vasilyev, O. Bespalova, M. Chin, D. Kolpakova, A. Singhal, Y. Yang // IMF Working Papers. — 2024. — №219. DOI: 10.5089/9798400290770.001.

17. Economy. Information and analytical commentary / Central Bank of the Russian Federation. — 2019. — №12(48).

18. Feng Q. Multi-level predictive maintenance of smart manufacturing systems driven by digital twin: A matheuristics approach / Q. Feng, Y. Zhang, B. Sun, X. Guo, D. Fan, Y. Ren, Y. Song, Z. Wang // Journal of Manufacturing Systems. — 2023. — Vol. 68. — Pp. 443-454. DOI: 10.1016/j.jmsy.2023.05.004.

19. Global Trends in AI Governance: Evolving Country Approaches. — Washington, D.C.: International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2024. — 108 p.

20. Kristjanpoller W. A hybrid econometrics and machine learning based modeling of realized volatility of natural gas / W. Kristjanpoller // Financial Innovation. — 2024. — Vol. 10. — P. 45. DOI: 10.1186/s40854-023-00577-0.

21. Livingstone J. The Object of Labor: Art, Cloth, and Cultural Production / J. Livingstone, J. Ploof. — Cambridge, MA: The MIT Press, 2007. — Vol. 1. — 422 p.

22. Meade N. Differing behaviours of forecasters of UK GDP growth / N. Meade, C. Driver // International Journal of Forecasting. — 2023. — Vol. 39, Issue 2. — Pp. 772-790. DOI: 10.1016/j.ijforecast.2022.02.005.

23. Misch F. Artificial Intelligence and Productivity in Europe / F. Misch, B. Park, C. Pizzinelli, G. Sher //

IMF Working Paper WP/25/67. — Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2024. — 38 p.

24. Molnar C. Interpretable Machine Learning / Christoph Molnar. — Morrisville, NC: Lulu.com, 2020. — 320 p.

25. Moosavi S. Explainable AI in Manufacturing and Industrial Cyber-Physical Systems: A Survey / S. Moosavi, M. Farajzadeh-Zanjani, R. Razavi-Far, V. Palade, M. Saif // Electronics. — 2024. — Vol. 13, №17. — P. 3497. DOI: 10.3390/electronics13173497.

26. Puthanveettil Madathil A. A review of explainable artificial intelligence in smart manufacturing / A. Puthanveettil Madathil, X. Luo, Q. Liu, C. Walker, R. Madarkar, Y. Qin // International Journal of Production Research. — 2025. — Pp. 1-44. DOI: 10.1080/00207543.2025.2513574.

27. Rupali K. Forecasting Financial Market Using Machine Learning Techniques / K. Rupali, T. Kaur, G. Kaur // Proceedings of the International Conference on Innovative Computing & Communication (ICICC 2024). — 2024. DOI: 10.2139/ssrn.4855170.

28. Stępień D. Hybrid Models for Financial Forecasting: Combining Econometric, Machine Learning, and Deep Learning Models / D. Stępień, R. Ślepaczuk // arXiv preprint. — 2025. arXiv:2505.19617 [q-fin.TR]. — 30 p. DOI: 10.48550/arXiv.2505.19617.

29. Wei L. Local-global lightweight ViT model for mini/micro-LED-chip defect recognition / L. Wei, J. Cai, K. Wen, C. Zhang // Engineering Applications of Artificial Intelligence. — 2023. — Vol. 123, Part A. Article 106247. DOI: 10.1016/j.engappai.2023.106247.

WAYS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE FISHERIES COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION

Orujev Teymur Kamandovich, *Postgraduate student, Institute of branch Economics and management, Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad*

The purpose of the study is to identify paths for innovative development of the Russian fisheries complex based on an assessment of the potential and effectiveness of the implementation of the industry development strategy. Innovative development of the Russian fisheries industry is currently in an active phase. Over the past two decades, the scientific community has focused on the fact that the implementation of technological innovations in all sectors of the fish-processing complex must take into account the views of all stakeholders: enterprises engaged in the catching of aquatic biological resources, their processing and sale; researchers; investors. The article discusses two approaches to the innovative development of the fisheries complex: a conservative one, in which innovations are considered as a tool for improvement, and a progressive one, which expands the effectiveness of innovation implementation. With the growth of innovative activity of enterprises in the fisheries complex, the intensity of expenditure on innovation is below the desired level. The results of the study may provide new insights into current government policy in terms of strategic development of the fisheries industry: stimulating the dissemination of innovative technologies and preventing a decline in the industry's innovative potential.

Keywords: *fisheries complex; aquaculture; industry economics; innovation; innovative development; enterprise development, state economic policy.*

EDN: OFSGHM ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.37***

Цитировать: *Оруджев Т.К. Пути инновационного развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 269-276. EDN: OFSGHM. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.37*

ПУТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 338.246.8
5.2.3

© Оруджев Т.К., 2026

Цель исследования — определить пути инновационного развития рыбохозяйственного комплекса России на основе оценки потенциала и результативности реализации стратегии развития отрасли. Инновационное развитие рыбохозяйственного комплекса РФ находится в активной стадии. В течение двух последних десятилетий внимание научного сообщества фокусируется на том факте, что внедрение технологических инноваций во всех отраслях рыбохозяйственного комплекса должно учитывать точку зрения всех заинтересованных сторон: предприятий, занимающихся выловом водных биологических ресурсов, их переработкой и продажей; исследователей; инвесторов. В статье рассматриваются два подхода к инновационному развитию рыбохозяйственного комплекса: консервативный, при котором инновации рассматриваются как инструмент улучшения, а также прогрессивный, который расширяет эффективность внедрения инноваций. При росте инновационной активности предприятий рыбохозяйственного комплекса интенсивность затрат на инновации находится ниже желаемого уровня. Результаты исследования могут дать новое понимание действующей политики государства с точки зрения стратегического развития рыбохозяйственной отрасли: стимулировать распространение инновационных технологий и не допустить снижения инновационного потенциала отрасли.

Ключевые слова: *рыбохозяйственный комплекс; аквакультура; отраслевая экономика; инновации; инновационное развитие; развитие предприятия, государственная экономическая политика.*

ОРУДЖЕВ Теймур Камандович, *аспирант, Институт отраслевой экономики и управления, Калининградский государственный технический университет, Калининград*

ORCID: 0009-0004-3484-7987

Введение

Рыбохозяйственный комплекс Российской Федерации представляет собой сложную мультиотраслевую систему, имеющую значительное влияние на развитие смежных отраслей экономики. Помимо основных составляющих, таких как промышленное ры-

боловство, аквакультура, переработка водных биологических ресурсов (далее ВБР), в рыбохозяйственный комплекс включены смежные отрасли: судостроения и судоремонта, транспортной и складской логистики, сферы услуг.

Рыбохозяйственный комплекс Российской Федерации за последние пять лет показывает положительные тенденции в своем развитии и серьезный рост ключевых показателей. Российская Федерация входит в ТОП-пять мировых лидеров по добыче водных биологических ресурсов, уступая Китаю, Индонезии, Индии и Перу.

Стремительное развитие всех направлений рыбохозяйственного комплекса, включая сектор аквакультуры и рыболовства, играет решающую роль в обеспечении продовольственной безопасности и экономического развития страны.

Результаты и их обсуждение

Формирование высокого спроса на инновации и применение передовых технологических решений определяет рыбохозяйственный комплекс будущего.

Модернизация рыбной отрасли — одна из приоритетных задач государства в рамках Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года [1].

Несмотря на положительную динамику показателей, наблюдается волатильный характер развития всех отраслей рыбохозяйственного комплекса. Основные показатели рыбохозяйственного комплекса РФ в динамике с 2020 по 2024 гг. демонстрирует таблица 1.

На протяжении последних пяти лет рыбохозяйственный комплекс РФ показывает стабильные результаты деятельности, объем вылова водных биологических ресурсов находится в пределах пяти млн тонн. Пиковое значение достигнуто в 2023 г. (5369 тыс. тонн), снижение в 2024 г. по сравнению с 2023 г. на 8,5% эксперты связывают с сокращением объемов вылова тихоокеанских лососей [2].

Таблица 1 — **Основные показатели развития рыбохозяйственного комплекса РФ в период с 2020 по 2024 гг.**

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	Темп роста, %, 2024 г./2020г.
Объем вылова, тыс. тонн	4974,8	5053,4	4920,3	5369,0	4913,4	98,8
Количество занятых (рыболовство и рыбоводство), тыс. чел.	138,0	143,3	145,8	148,5	150,0	108,7
Выручка (рыболовство и рыбоводство), млрд руб.	391	512	552	653	664	169,8
Прибыль (рыболовство и рыбоводство), млрд руб.	207	323	182	222	173	83,6
Рентабельность рыболовства и рыбоводства, %	53	63	33	34	26	49
Производительность труда в отрасли, тонн/чел.	36,1	35,3	33,8	36,2	32,8	90,9

Источник: составлена автором по данным Росстата, Росрыболовства.

В рыбохозяйственном комплексе создаются новые рабочие места на современных судах, заводах, предприятиях аквакультуры, логистических комплексах и других строящихся объектах, что отражает рост количества занятых в отрасли на 8,7% за последние пять лет.

На фоне роста выручки почти на 70% наблюдается снижение прибыли предприятий рыболовства, рыбоводства и рыбопереработки, вызванное значительным ростом издержек [3]. Данный факт повлиял на показатель рентабельности, отрицательное изменение

[1] Распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 №2567-р (ред. от 07.02.2025) «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года».

[2] Итоги деятельности федерального агентства по рыболовству в 2024 году и задачи на 2025 год. URL: https://fish.gov.ru/wp-content/uploads/2025/04/sbornik_25.03.25.pdf

[3] Федеральное агентство по рыболовству. URL: https://fish.gov.ru/otraslevaya-deyatelnost/ekonomika-otrasli/statistika-i-analitika/

которого связано с внешней конъюнктурой рынка (рис. 1).

Рисунок 1 — **Динамика маржинальности рыболовства, рыбоводства и рыбной переработки**

Источник: составлен автором по данным Росстата, Росрыболовства.

Изменение конъюнктуры внешних рынков, санкционные ограничения со стороны недружественных стран напрямую повлияли на снижение рентабельности рыболовства. Рентабельность переработки рыбы также находится на низком уровне по сравнению с другими подотраслями пищевой промышленности (рис. 2).

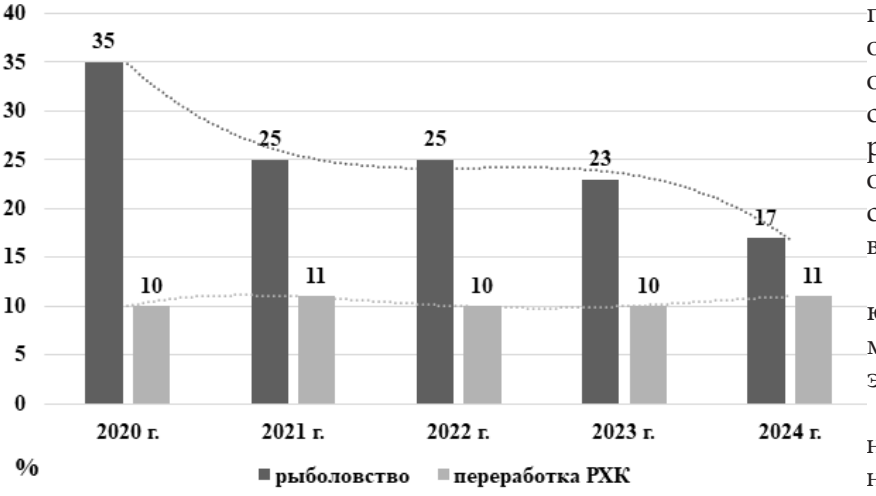

Рисунок 2 — **Динамика рентабельности продаж рыболовства и рыбопереработки за 2020-2024 гг.**

Источник: составлен автором по данным Росстата, Росрыболовства.

Низкий уровень рентабельности глубокой переработки усложняет реализацию инвестиционных проектов и замедляет рост объемов переработки. Согласно прогнозам экспертов, в 2025 году ожидается рост маржинальности, а, следовательно, и приток инвестиционного капитала. В свою очередь, инвестиционная активность напрямую влияет на инновационную активность.

Продукция рыбохозяйственного комплекса РФ экспортируется в 49 стран, лидерами являются Китай, Южная Корея и Япония. Экспорт является ключевым фактором роста рыбохозяйственного комплекса РФ, за счет него формируется около 60% выручки. При этом экспортная выручка сформирована в основном из продаж мороженой рыбы (43%), крабов (35%), доля продукции высокой степени переработки в экспортной выручке составляет только 8%.

Представим динамику экспорта и импорта на рисунке 3. С 2022 года наблюдается спад экспорта рыбной продукции, вызванный как внешними, так и внутренними условиями: экспортные ограничения, пошлины ЕС, снижение объемов вылова ценных видов рыбы. По итогам 2024 года, Россия заняла седьмое место в мире по объему экспорта рыбной продукции.

Динамика экспорта и импорта рыбной продукции в России показывает обратную зависимость между объемами экспорта и импорта: снижение объемов экспорта коррелирует с ростом импорта, что отражает влияние геополитических факторов на внешнеторговые потоки отрасли.

В части экспорта наблюдаются серьезные риски, которые могут повлиять на достижение экспортных показателей:

— рост возможной фискальной нагрузки и некоторые ограничения в господдержке;

— повышение вывозных таможенных пошлин на рыбу и морепродукты;

— рост стоимости и сроков поставки критически важного импортного оборудования;

— риски судебных претензий за невыполнение инвестиционных обязательств;

— санкционное давление на традиционные каналы сбыта.

Снижение объемов экспорта при сохранении объемов вылова позволяет расширять поставки рыбной продукции на внутренний

рынок, при этом снижаются глобальные рыночные и политические риски.

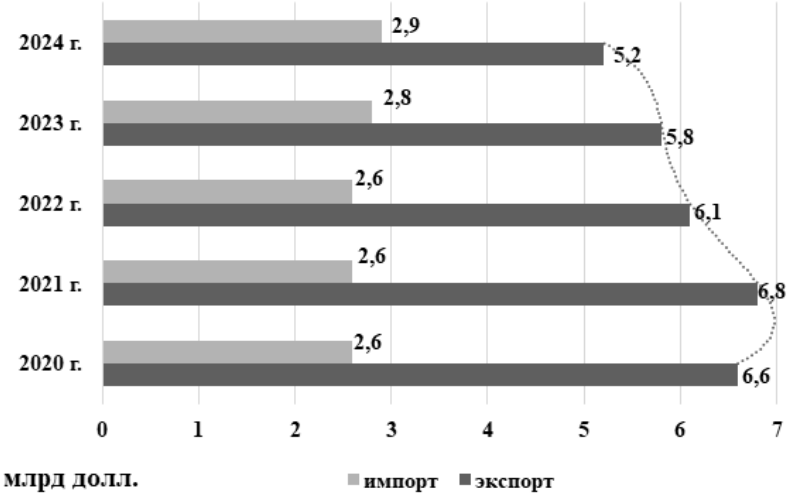

Рисунок 3 — **Динамика экспорта и импорта рыбной продукции РФ**

Источник: составлен автором по данным Росстата, Росрыболовства, ФТС РФ.

Государственная поддержка рыбохозяйственного комплекса РФ направлена на увеличение в объеме экспорта доли переработанной продукции с высокой добавленной стоимостью. Динамику экспорта продукции глубокой переработки демонстрирует рисунок 4.

Начиная с 2022 года, наблюдается падение экспортной выручки почти в два раза по такой позиции, как филе рыбное. Однако, Россия по-прежнему сохраняет лидирующие позиции, по результатам 2024 г. она входит в тройку лидеров по мировому экспорту рыбного филе (161 тыс. тонн), уступая Вьетнаму (648 тыс. тонн) и Китаю (508 тыс. тонн). Увеличение доли продукции высокой степени переработки — стратегический курс на повышение добавленной стоимости.

К 2030 году в рамках поставленной Президентом РФ задачи по наращиванию экспорта конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью планируется увеличение экспорта продукции АПК, в том числе и рыбного экспорта в 1,5 раза по сравнению с 2021 годом [4]. Для реализации этой цели при участии представительств Минсельхоза и Росрыболовства за рубежом проводится целенаправленная работа по продвижению продукции на внешних рынках, упор делается на прирост не столько объемов поставок, сколько экспортной выручки — в приоритете продукция с высокой добавленной стоимостью.

Постепенный уход от сырьевой направленности становится возможным благодаря модернизации отрасли, реализации программы инвестиционных квот, реализуемой в два этапа [5].

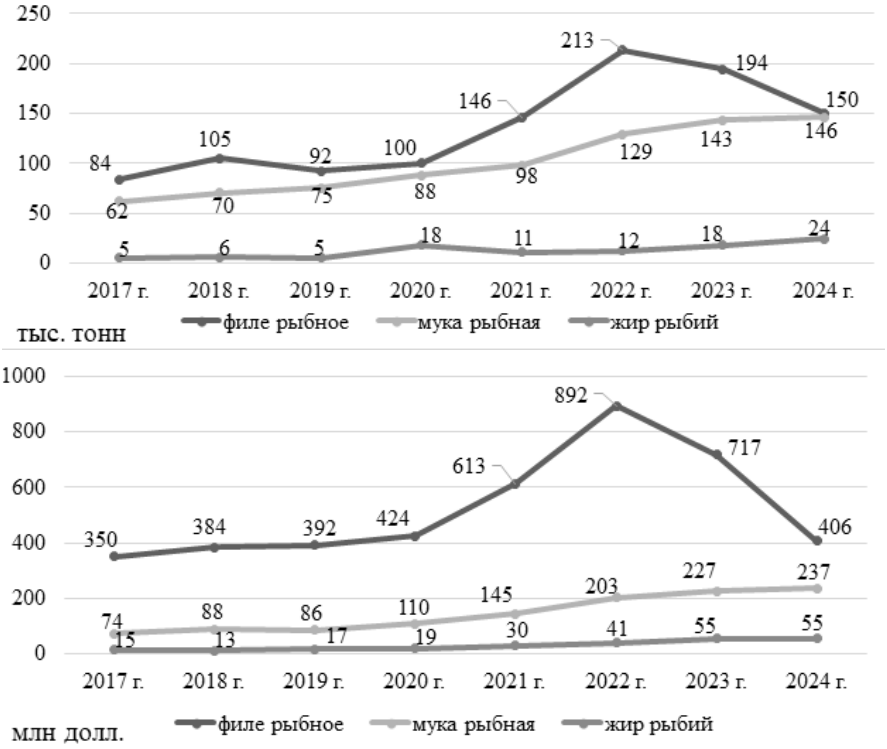

Рисунок 4 — **Динамика экспорта продукции глубокой переработки в натуральном и денежном выражении**

Источник: составлен автором по данным Росстата, Росрыболовства.

[4] Распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 № 2567-р (ред. от 07.02.2025) «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов РФ на период до 2030 года».

[5] Федеральный закон от 20.12.2004г. №166-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов».

С помощью программы инвестиционных квот планируется обновление мощностей рыбопромыслового флота и переработки. Рост объемов выручки отрасли рыболовства и рыбоводства повлекли за собой увеличение инвестиционной активности в отрасли. За последние пять лет можно наблюдать активную фазу роста финансовых вложений в рыбохозяйственный комплекс РФ (рис. 5).

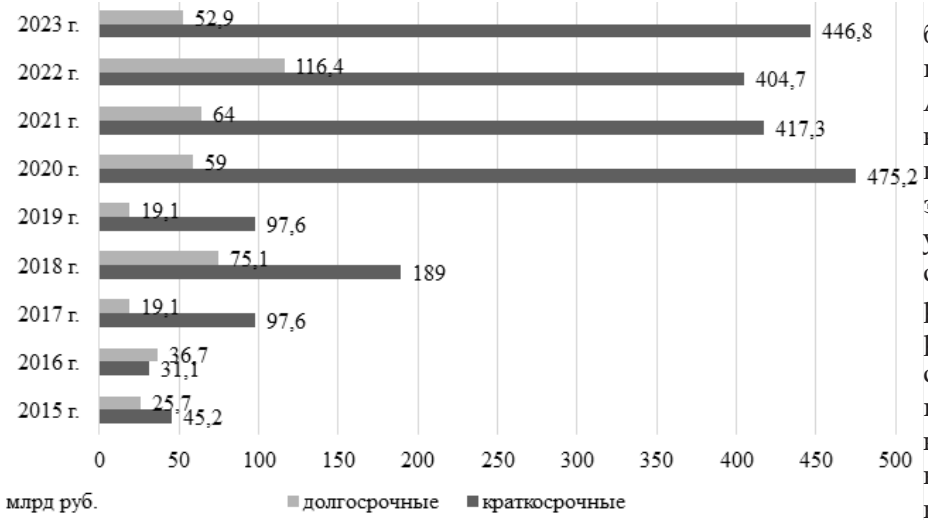

Рисунок 5 — **Динамика финансовых вложений (рыболовство и рыбоводство)**

Источник: составлен автором по данным Росстата

За последние десять лет мы можем наблюдать рост объема краткосрочных вложений почти в десять раз, а долгосрочных — в два раза.

С 2020 года наблюдается пятикратный рост краткосрочных инвестиций и трехкратный рост долгосрочных в исследуемые отрасли. Рост выручки стимулирует реинвестирование, способствуя переходу к устойчивому развитию рыбохозяйственного комплекса РФ.

Среднегодовой темп роста краткосрочных инвестиций за рассмотренный период составил 38,2%, активная фаза инвестиционного цикла приходится на период с 2020 по 2023 гг.

Долгосрочные инвестиции характеризуются менее заметной динамикой, среднегодовой темп роста за рассмотренный период составил 11,8%.

Инвестиционная активность в рыбохозяйственном комплексе сформировала спрос на инновации и широкое внедрение передовых технологий по всем направлениям: добыча, аквакультура, переработка и многих других.

От инновационного развития рыбохозяйственного комплекса РФ напрямую зависит рост уровня продовольственной безопасности страны, снижение зависимости от зарубежных технологий, укрепление технологического суверенитета [6].

Рассмотрим основные инновационные направления развития рыбохозяйственного комплекса.

Во-первых, большая работа проводится в области интенсивной аквакультуры. Аквакультура стала важнейшим фактором продовольственной безопасности, экономического роста и устойчивого развития. В настоящее время набирает обороты использование системы рециркуляционного водоснабжения (РАС) — модель производства с практически нулевым воздействием на внешнюю среду и использование установок замкнутого водоснабжения (УЗВ).

Во-вторых, в эпоху цифровой трансформации особое внимание уделяется цифровизации и автоматизации. Цифровые решения внедрены в ключевые процессы деятельности Росрыболовства, что, в свою очередь, позволило на 90% автоматизировать работу территориальных управлений, переведено в цифровой формат взаимодействие рыбаков и регуляторов, в несколько раз сокращены сроки оказания государственных услуг. Сформировано единое информационное пространство, рыбохозяйственный комплекс России выходит на новый уровень цифровизации, как в оперативных процессах на промысловом флоте, так и в предоставлении государственных услуг, связанных с управлением водными биоресурсами и их охраной.

Процессы цифровой трансформации, направленные на модернизацию и повышение эффективности деятельности всех акторов рыбохозяйственного комплекса, открывают

[6] Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. №20.

реальные перспективы для инновационной реорганизации управленческих процессов и интеграции современных информационных технологий в производственные процессы [1].

В-третьих, заслуживает внимания генетика и селекция, так как за последние годы очевиден потенциал отрасли аквакультуры, однако наблюдается острый дефицит в рыбопосадочном материале, отечественных кормах для аквакультуры и ветеринарных вакцинах. Российские ученые активно работают в данном направлении, государство финансирует исследовательскую работу этой сферы исследований.

В-четвертых, инновационная активность в рыбохозяйственном комплексе направлена на устойчивое управление ресурсами [2]. Развитие рыбохозяйственного комплекса России представляет собой процесс перехода к инновационному экосистемному типу развития; экологическая сертификация (MSC, ASC) становятся все более важной для доступа предприятий рыбохозяйственного комплекса на рынки [5].

В-пятых, кластеризация рыбохозяйственного комплекса имеет значительный инновационный потенциал, способствует привлечению инвестиций и повышению конкурентоспособности на глобальном рынке, приводит к диверсификации экономики [3]. Создание отраслевых кластеров, включающих в себя участие государства, координацию усилий представителей бизнеса и науки, является перспективным инструментом устойчивого развития рыбохозяйственного комплекса [6].

Направления открывают перспективы для модернизации отрасли, привлечения инвестиций и обеспечения устойчивого роста, делая Россию конкурентоспособной на глобальном рынке.

Согласно статистическим данным, уровень инновационной активности предприятий РФ вырос за последние три года на 1,5% и составил на конец 2024 года 12,5%, рост затронул и предприятия рыбохозяйственного комплекса. Однако, по-прежнему, интенсивность затрат на инновации предприятий рыбохозяйственного комплекса находится ниже желаемого уровня, она составила 2,5%, в высокотехнологичных обрабатывающих производствах — 7% [7].

Ужесточение антироссийских санкций со стороны недружественных стран в 2022 г. усилило инновационную активность предприятий, причем финансирование инноваций происходит в основном за счет внутренних источников [4].

Внедрение новых технологических инноваций в сфере рыболовства и аквакультуры должно учитывать точку зрения всех заинтересованных сторон, работающих с выловленными или выращенными ресурсами.

Проведем сравнение развития рыбохозяйственного комплекса РФ со странами — лидерами по добыче водных биологических ресурсов (Китай, Индонезия, Индия, Перу). В качестве сравнительных показателей были выбраны:

— структура производства;
— технологический уровень;
— инвестиции в НИОКР;
— инфраструктура;
— экологическая устойчивость.

Сравнительный анализ инновационной активности ТОП-пяти стран по добыче ВБР демонстрирует таблица 2.

Анализ текущего состояния выявил парадокс: несмотря на рост инвестиций, стимулированный господдержкой, сохраняются глубокие структурные проблемы технологического отставания и кадрового дефицита.

На основе анализа инновационной активности ТОП-пяти стран по добыче ВБР нами выделено два подхода к инновационному развитию: консервативный, при котором инновации рассматриваются как инструмент улучшения, а также прогрессивный, который расширяет эффективность инноваций.

В рамках первого подхода инновации рассматриваются лишь как инструмент, потенциал которого лежит исключительно в бизнес-перспективе.

В рамках второго подхода эффективность инноваций признается на уровне государства. В этом смысле инновации воспринимаются не просто как инструмент, а, в более широком смысле, как системная перспектива, способная принести пользу, с точки зрения конкурентоспособности, а также всей цепочки создания стоимости. Таким образом, речь идет о разработке инновационной стратегии развития рыбохозяйственного комплекса РФ.

[7] Сведения об инновационной деятельности организации // Росстат. — 2024.

Таблица 2 — **Сравнительный анализ инновационной активности ТОП-пяти стран по добыче ВБР**

Страна / Показатель	Российская Федерация	Китай	Индонезия	Индия	Перу
Структура производства	Преобладание вылова, наблюдаются тенденции роста аквакультуры	Преобладание аквакультуры, мировой лидер по объему	Преобладание вылова	Преобладание аквакультуры	Преобладание вылова
Технологический уровень	Средний уровень внедрения передовых технологий в аквакультуре и переработке	Высокий уровень внедрения передовых технологий в аквакультуре и переработке, лидер в инновациях	Средний уровень внедрения передовых технологий в аквакультуре и переработке	Средний уровень внедрения передовых технологий в аквакультуре и переработке	Высокий уровень внедрения передовых технологий в переработке
Инвестиции в НИОКР	Инвестиции в НИОКР растут, но показатели ниже, чем у стран-лидеров	Инвестиции в НИОКР кратно превышают показатели других стран	Умеренные инвестиции в НИОКР	Умеренные инвестиции в НИОКР	Умеренные инвестиции в НИОКР
Инфраструктура	Развивается	Высокий уровень развития	Развивается	Развивается	Развитая
Экологическая устойчивость	Средний уровень	Низкий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Средний уровень

Источник: составлена автором на основе [7-9].

Эти два подхода раскрывают различную концептуализацию инноваций. Консервативный подход воспринимает их главным образом как «бизнес-инновации» или, другими словами, имеющие коммерческий характер, поскольку они ориентированы на удовлетворение потребностей рынка и дают относительное преимущество тем, кто их внедряет. Это подтверждается их утилитарным взглядом на инновации как на средство получения коммерческой прибыли.

Прогрессивный подход предполагает более широкий взгляд на инновации, стремясь, с одной стороны, обеспечить положительные внешние эффекты в цепочке создания стоимости, а с другой — снизить негативное воздействие на окружающую среду.

Разработка и внедрение инноваций и новых технологий для развития рыбохозяйственного комплекса РФ — это императив современного развития комплекса, который привнесет качественные улучшения всех процессов: добычи, переработки, производства и воспроизводства, реализации готовой продукции.

Заключение

Сегодня необходим сдвиг от фрагментарных мер поддержки к инновационной стратегии развития рыбохозяйственного комплекса РФ, которая предполагает рост частных инвестиций в инновационные технологии, модернизацию системы образования, укрепление научно-производственной базы, а также формирование действенных инструментов сотрудничества между всеми субъектами отрасли. При этом использование всех видов инноваций (технологические, производственные, маркетинговые, экономические, логистические и управленческие) обеспечит качественное улучшение процессов, протекающих на предприятиях рыбохозяйственного комплекса.

Внедрение инновационной стратегии развития рыбохозяйственного комплекса РФ позволит не только нарастить объемы производства и экспорта рыбной продукции, но и повысить ее конкурентоспособность на глобальном рынке, способствуя экономическому росту и обеспечению продовольственной безопасности страны. Переход к инновационной модели развития рыбохозяйственного комплекса станет ключевым фактором для

достижения устойчивого и эффективного функционирования отрасли в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Вопиловский С.С. Процессы цифровой трансформации в рыбохозяйственном комплексе России // Рыбное хозяйство. — 2025. — №2. — С. 43-50.

2. Колмаков А.Н. Стратегический потенциал рыбного рынка в контексте инновационного развития рыбохозяйственного комплекса России / А.Н. Колмаков // АПК: экономика, управление. — 2024. — №10. — С. 128-131.

3. Мнацаканян А.Г. Инвестиции и перспективы развития российского рыбного хозяйства / А.Г. Мнацаканян, А.Г. Харин // АПК: Экономика, управление. — 2022. — №2. — С. 64–73.

4. Огий О.Г. Динамика инноваций и инвестиций в развитие российского рыбохозяйственного комплекса / О.Г. Огий, К.В. Изедеров // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — №10(148). DOI: 10.60797/IRJ.2024.148.40

5. Рыбохозяйственный комплекс: экономика и развитие / под ред. К.В. Колончина, О.И. Бетина. — М.: ВНИРО, 2022. — 368 с.

6. Толикова Е.Э., Шария М.В. Приоритеты инновационного развития рыбохозяйственного комплекса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2025. — №9-2. — С. 269-274.

7. Simone G. Profits, innovation, investment. exploring the virtuous circle / G. Simone, R. Evangelista, M. Pianta // Italian Economic Journal. — 2025. — №11(3). — P. 855-880. DOI: 10.1007/s40797-024-00281-7

8. Vecchio Y. Technological innovation in fisheries and aquaculture: What are the “discourses” of the Italian policy network? / M. Masi, T. Giudice, M. De Rosa, F. Adinolfi // Marine Policy. — 2024. — №159. — DOI: 10.1016/j.marpol.2023.105947.

9. Wang J. Digital economy and economic resilience of marine fisheries in coastal cities: Based on the resource-based theory / P. Ji, S. Wang // Journal of Sea Research. — 2025. — №206. — DOI: 10.1016/j.seares.2025.102605.

THE PRESSURE OF SANCTIONS ON THE RUSSIAN ECONOMY AND ITS REGIONS. A VIEW FROM 2026 *

Pesotskiy Andrey Alekseevich, *PhD of Economics, Associate Professor, senior researcher of Laboratory of complex research on the spatial development of regions, Institute for Regional Economic Studies RAS, St Petersburg*

The article analyzes the impact of sanctions on the economy of Russia and its regions in the period 2022–2025. It is shown that despite high resilience to sanctions in first three years, the pace of economic growth slowed by 2025. The author examines the regional differentiation of the consequences: resource-dependent export-oriented regions suffered more, while a number of territories, including those with a developed military-industrial complex, demonstrated growth. Special attention is paid to the factors of the slowdown and future development scenarios in the context of the growing multipolarity of the world economy and the technological race. The conclusion is drawn that, in the long term, overcoming anti-Russian sanctions entails achieving success in scientific and technological development.

Keywords: *regional economy; sanctions; scientific and technological development; resilience; defense modernization.*

EDN: OOXEWP ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.38***

Цитировать: *Песоцкий А.А. Натиск санкций на экономику России и ее регионов. Взгляд из 2026 года // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 277-282. EDN: OOXEWP. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.38*

НАТИСК САНКЦИЙ НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ. ВЗГЛЯД ИЗ 2026 ГОДА

УДК 338.1
5.2.3

© Песоцкий А.А., 2026

В статье анализируется воздействие санкций на экономику России и ее регионов в период 2022–2025 гг. Показано, что несмотря на высокую устойчивость к санкциям в первые три года, к 2025 году темпы экономического роста замедлились. Автор исследует региональную дифференциацию последствий: сырьевые регионы, зависимые от экспорта, пострадали сильнее, тогда как ряд территорий, включая субъекты Российской Федерации с развитым ВПК, продемонстрировали рост. Особое внимание уделяется факторам замедления и сценариям будущего развития в контексте усиления многополярности мировой экономики и технологической гонки. Делается вывод о том, что в долгосрочной перспективе преодоление антироссийских санкций представляет собой достижение успехов в научно-технологическом развитии.

Ключевые слова: *региональная экономика; санкции; научно-технологическое развитие; устойчивость; оборонная модернизация.*

ПЕСОЦКИЙ Андрей Алексеевич, *кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов, Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург*

Санкционное противостояние продемонстрировало высокую устойчивость российской экономики в первые годы острой конфронтации с Западом, возникшей в 2022 году. Вопреки многим негативным оценкам экспертов, в 2022 г. экономика Российской Федерации не рухнула, показав высокую устойчивость и адаптивность [5].

На данный момент расчет санкционного воздействия представляется методологически сложным, поскольку трудно отделить влияние непосредственно санкций от иных процессов, влияющих на социально-экономическую систему России. Если в 2022 году резкое падение показателей (санкционный шок) можно было диагностировать достаточно рельефно, то в

** The publication was prepared in accordance with the state assignment of the Institute of Natural Resources and Ecology of the Russian Academy of Sciences on the research topic "Development of theoretical and methodological principles for the scientific and technological development of the economy based on innovative dynamics and the formation of mechanisms for its implementation in the regions" (state registration number of research work 124011600045-8, FMGS-2024-0001).*

*** Публикация подготовлена в соответствии с государственным заданием ИПРЭ РАН по теме НИР «Разработка теоретико-методологических положений научно-технологического развития экономики на основе инновационной динамики и формирование механизмов ее реализации в регионах» (№ государственного учета НИР 124011600045-8, FMGS-2024-0001).*

2025 г. или в 2026 г. санкционный урон размыт влиянием иных «факторов» (например, изменением ценовой конъектуры в мире). Однако, представляется, что антироссийские санкции, введенные в 2022 г. после начала СВО, являются поворотным, радикальным событием для нашей страны, меняющим условия ее существования — запустившим «поворот на Восток», форсированное импортозамещение в ряде видов экономической деятельности, актуализировавшим потребность в «новой индустриализации». Исходя из этого всю динамику показателей социально-экономического развития Российской Федерации и ее регионов уместно рассматривать как результат поворота, состоявшегося в 2022 г.

Анализ эффективности сопротивления санкциям можно осуществлять различными способами. Среди самых простых из них — оценка роста валового внутреннего продута. Российские органы статистики корректируют данные по росту ВВП за последние годы, проводя перерасчет. Согласно данным «Росстата», актуальным на момент публикации, в 2024 г. произошел рост российского ВВП на 4,3% [4]. Всемирный банк также фиксировал значительный рост российского валового внутреннего продукта за эти годы — 4,1% за 2023 г. и 4,3% за 2024 г., при том, что рост мирового ВВП составил 2,9% [1]. Характерно, что указанные данные «Росстата» и Всемирного банка, отражающие ситуацию за 2024 г., совпадают. Аналогичные тенденции фиксируются в отечественных научных публикациях [1], в частности, в статье В.А. Плотникова, А.В. Плотникова [6].

В 2025 г. рост ВВП составил 0,7% (согласно данным, на декабрь 2025 г.), что контрастирует с тенденцией прошлых лет. Более того, в отличие от ситуации в 2022 году, на протяжении 2025 года российские эксперты давали завышенные, а не заниженные прогнозы. Например, исходя из аналитического материала Банка России, составленного путем опроса экспертов в феврале 2025 г., по итогам 2025 г. рост ВВП должен был составить 1,6%, в 2026 г. — 1,7%, в 2027 — 2%. Еще раньше (в конце декабря 2024 г.) российский вице-премьер Александр Новак заявлял, что правительство ожидает рост в 2025 году на 2,0-2,5% [2].

На рисунках 1 и 2 отражена существующая динамика и прогноз валового внутреннего продукта, выполненные Банком России в феврале 2025 г. и декабре 2025 г. Заметно, что прогноз, составленный на основе мнения экспертов, в течение 2025 г. становился более негативным.

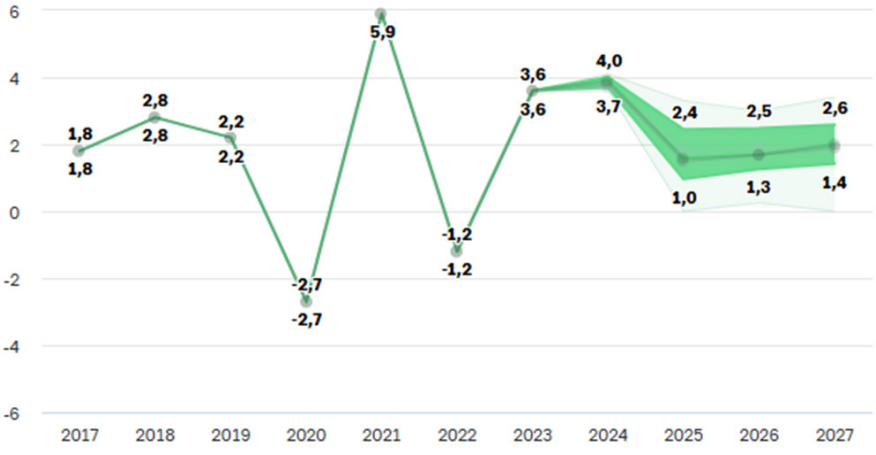

Рисунок 1 — **Динамика и прогноз ВВП России (по материалам Банка России, февраль 2025 г.)**
[Макроэкономический опрос Банка России. Результаты опроса: февраль 2026 года]

Среди причин, вызвавших сильное торможение экономического роста в 2025 году, следует отметить исчерпание толчка, вызванного переходом к «оборонной модернизации» — происходило вливание средств в предприятия военно-промышленного комплекса и других сфер, имеющих отношение к национальной безопасности без создания при этом устойчивого роста в других сегментах. Также замедлению экономического роста способствовало снижение мировых цен на энергоносители, высокая ставка ЦБ, снижающая деловую активность внутри страны, а также рост НДС, оказывающий на бизнес-сообщество схожий деморализующий эффект.

[1] World Bank Group: Data URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=RU

[2] Новак спрогнозировал рост ВВП России в 2025 году на уровне 2-2,5% URL: https://www.interfax.ru/business/1000541

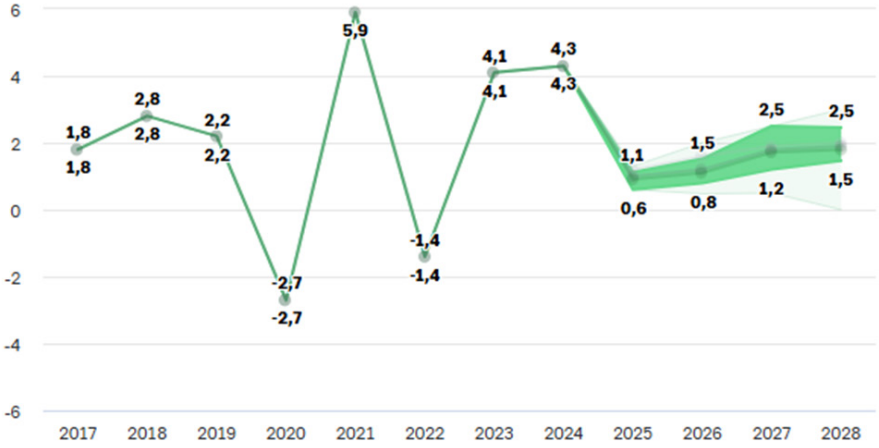

Рисунок 2 — **Динамика и прогноз ВВП России (по материалам Банка России, декабрь 2025 г.)**
[Макроэкономический опрос Банка России. Результаты опроса: февраль 2026 года]

В региональном разрезе санкции оказали неоднородное воздействие на социально-экономические системы субъектов Российской Федерации, которое оказывается в оптике российских ученых [1; 7].

В целом, как отмечают авторы обзора «Динамика бюджетных и социально-экономических показателей регионов», выполненном агентством «Эксперт РА» по итогам девяти месяцев 2025 года, доходы бюджетов субъектов Российской Федерации показали рост на 7% относительно аналогичного периода 2024 года. Это было достигнуто путем увеличения налоговых и неналоговых доходов (+8,4%) и межбюджетных трансфертов (+4,4%). Таким образом, можно сделать вывод, что в региональном разрезе экономика России в 2025 году была более успешна, чем в общегосударственном, поскольку темп роста доходов регионов многократно превысил темп роста ВВП.

С.П. Земцов и А.А. Волошинская пишут, что «лидерами в устойчивости к шокам оказались менее развитые регионы в результате низкой интеграции в мировую экономику («преимущество отсталости»). В граничащих с нейтральными странами северокавказских республиках этот эффект мог сочетаться с возможностями параллельного импорта. Также из-за санкционных ограничений пострадали регионы с развитым автомобилестроением, интегрированным в глобальные цепочки: Калужская, Ленинградская и Калининградская области» [2].

В обзоре «Динамика бюджетных и социально-экономических показателей регионов» отмечается, что дефицитное исполнение бюджетов наблюдается в 56 субъектах Российской Федерации. Наибольший дефицит в абсолютном выражении по итогам девяти месяцев 2025 г. был зафиксирован в Кемеровской области (-43,9 млрд руб.), Иркутской области (-41,1 млрд руб.), а также в Ямало-Ненецком автономном округе (-38 млрд руб.) [5]. Напротив, регионами с наибольшим профицитом оказались Москва (269,4 млрд руб.), Санкт-Петербург (47,9 млрд руб.) и Татарстан (43,9 млрд руб.) [3].

Наиболее рельефный рост в 2025 году, согласно обзору, продемонстрировали поступления регионов по налогу на добычу полезных ископаемых (рост на 51,5%), что может быть объяснено взлетом цен на золото.

Н.В. Зубаревич в 2025 г. провела значимое исследование влияния санкций на российские регионы в трехлетнем периоде (2022-2024 гг.) [3]. Она отмечает, что добывающая промышленность, в целом, пострадала от санкционного противостояния больше, чем обрабатывающая. Это объясняется тем, что санкции, с точки зрения целеполагания, в большей мере направляются против экспорта российских природных ресурсов, к тому же, функционально, ресурсную логистику ограничить проще, чем экспорт готовой продукции.

Соответственно, среди субъектов РФ, пострадавших в большей степени, следует выделить регионы, наполняемость бюджетов которых тесно связана с экспортом природных ресурсов — нефти и газа (Сахалинская область, Тюменская область, Ненецкий АО), угля (Кемеровская область, Республика Хакасия), железной руды (Курская область).

Угольные предприятия Хакасии по итогам десяти месяцев 2025 года получили сово-

[3] Данные приведены согласно расчетам агентства «Эксперт РА». Динамика бюджетных и социально-экономических показателей регионов за девять месяцев 2025 года URL: https://raexpert.ru/researches/regions/economic_regions_9m2025/

купные убытки в размере 10 млрд руб. [4], что привело к невыплатам зарплат и увольнению в 2026 году главы Минфина Хакасии. При этом отмечался трехлетний экономический рост в сырьевых регионах, имеющих рынки сбыта в Китае — в Бурятии (на 36%), Якутии и Хабаровском крае (на 27%), Иркутской области (на 14%) [3].

Обрабатывающая промышленность, в отличие от добывающей, росла с 2022 года значительно сильнее (на 18% нарастающим итогом за 3 года [3]), однако этот рост имеет неоднородную структуру. В девяти регионах обрабатывающая промышленность в 2024 г. не смогла восстановиться до уровня 2021 г. В частности, отмечается рельефный спад в Калининградской области, вызванный, во-первых, высокой ролью автомобилестроительной промышленности в данном региона, которая, в целом, испытывает большие сложности в России, а во-вторых, инфраструктурными сложностями Калининградской области, которая находится в окружении недружественных государств.

Н.В. Зубаревич отмечает, что лидерами роста обрабатывающей промышленности за три года стали субъекты Российской Федерации с высокой долей предприятий ВПК — Курганская область и Республика Удмуртия (на 75–76%), Республика Чувашия и Брянская область (на 52–59%), Тульская, Рязанская, Кировская области (на 30–35%) [3].

Существует также рейтинг социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, выполненный Центром развития региональной политики, где наряду с оценкой экономической деятельности, анализируется эффективность управления регионами [5]. Под управленческой эффективностью составителями рейтинга понимается отсутствие противоречий среди региональной элиты, наличие коррупционных скандалов. К иным (неуправленческим) факторам социально-экономического развития российских регионов отнесена реализация экономической политики, в целом, а также риски и прогнозы. Исходя из этих критериев производится градация регионов. Лидерами данного рейтинга социально-экономического развития стали Москва, Нижегородская область, Санкт-Петербург, Башкирия, Красноярский край, Московская и Тюменская области.

Представляется интересным набор рисков, которые будут оказывать ключевое влияние на систему управления в регионах:

— близость к зоне проведения СВО и опасность атак ВСУ (Белгородская область, Крым, Севастополь, Курская, Ростовская и Брянская области);

— угрозы безопасности, связанные с возрастанием террористической активности (Дагестан и, в целом, республики Северного Кавказа, Москва, Санкт-Петербург и крупные мегаполисы)

— межнациональные проблемы, а также проблемы, связанные с миграционной повесткой (Москва и Московская область, Дагестан, Ингушетия):

— внутриэлитные противоречия и конфликты, негативно сказывающиеся на процессе управления регионом (Ингушетия, Иркутская область, Бурятия);

— коммуникативные ошибки представителей власти и связанная с этим потеря доверия и понижение управляемости (Карелия, Вологодская область).

Представленная выше классификация рисков относится к условному «политическому» подходу к оценке социально-экономических рисков развития региона. Делается акцентуация не на анализе экономических процессов, как экзогенного, так и эндогенного характера, а на анализе медийных кейсов. Такой подход противоречит условному «экономическому» подходу, который в большинстве случаев основывается на анализе статистической информации или же опросе широкого спектра экспертов с последующим агрегированием данных, как это делает, например, Банк России.

«Политический» подход выглядит скорее субъективным, оторванным от реальности. Так, маловероятно, что угрозы безопасности

[4] Совокупные убытки угольной отрасли Хакасии за 10 месяцев составили 10 млрд рублей URL: https://sibirnews.ru/news/2025-11-23-sovokupnye-ubytki-ugolnoy-otrasli-khakasii-za-10-mesyatsev-sostavili-10-mlrd-rubley/

[5] Доклад Социально-экономическое положение российских регионов (первое полугодие 2025 года). Центр развития региональной политики. URL: https://nacexpert.ru/crrp-vypustil-doklad-socialno-ekonomicheskoe-polozhenie-rossijskix-regionov-itogi-pervogo-polugodiya-2025-goda/

и террористической активности критическим образом скажутся на работе московских и петербургских компаний в 2026 г., которые обеспечивают рост валового регионального продукта, равно как и «коммуникативные ошибки» в отдельных регионах СЗФО, скорее всего, не окажут существенного влияния на бизнес-среду.

Между тем, апологеты «экономического» подхода в большинстве случаев игнорируют близость регионов к зоне проведения Специальной военной операции. Влияние военной угрозы на социально-экономические ожидания жителей прифронтовых субъектов Российской Федерации не фиксируется органами статистики и в большинстве случаев упускается из виду экспертами-«экономистами». В данном аспекте, в условиях отсутствия количественных данных, разбор резонансных кейсов, выполняемый экспертами-«политиками», может быть приемлемым вариантом для оценки рисков.

В России наряду с различными организациями, занимающимися оценкой социально-экономического положения регионов в целом, существуют различные рейтинги, отражающие инновационное (научно-технологическое) развитие субъектов Российской Федерации. В экспертном сообществе, как в академической, так и в деловой его части, сложился консенсус, согласно которому достижения в области НИОКР (R&D) и последующая их коммерциализация являются основной (или одной из основных) детерминант экономического развития. Такой подход закрепляется и в многих нормативно-правовых документов.

Таблица — **Основные альтернативы развития мировой экономики и мировой торговли [9]**

	Ускорение научно-технического развития в развитых странахотносительно развивающихся	**Приближение к «паритету» в научно-технологическом развитии между развитыми и развивающимися странами**
Глобальная интеграция	Для этого сценария характерно наращивание затрат на НИОКР и опережающий рост инвестиций в развитых странах, что в условиях решающего влияния производственных факторов (инвестиции, затраты на НИОКР, наделенность природными ресурсами, наличие производственных мощностей) на конкурентоспособность товаров на мировом рынке приведет к росту зависимости от импорта высокотехнологичной продукции в развивающихся странах	Основной особенностью этого сценария является сохранение трансфера технологий из развитых стран в развивающиеся страны, что приведет к опережающему росту показателей эффективности в развивающихся странах и будет способствовать росту зависимости от импорта в развитых странах
Регионализация	Данный сценарий предполагает относительное ускорение торгового обмена внутри двух региональных блоков: Североатлантического торгово-экономического блока (США, Канада, Мексика, Евросоюз, Австралия) и регионального блока Остальной мир, экономическим центром которого будет экономика Китая. При этом в данных региональных блоках будет нарастать разрыв в показателях эффективности, что потребует более интенсивного развития интеграции и торговли в блоке остального мира для компенсации отставания в эффективности	Особенностью этого сценария является формирование двух или нескольких торгово-экономических центров и приближение к паритету в уровне научно-технологического развития между развитыми и развивающимися странами. Сокращение технологического отставания Китая и других развивающихся стран от стран–технологических лидеров снизит их потребность в импорте ресурсов и комплектующих (Рассматривается в качестве базового сценария)

Авторы «Рейтинга инновационного развития субъектов Российской Федерации», который составляется в Высшей школе экономики с 2012 года, делают вывод в докладе на 2025 г., о том, что разрыв Москвы по уровню инновационного развития от других регионов продолжает расти. Таким образом, концентрация инновационного потенциала в одном ярко выраженном регионе-центре продолжает лишь нарастать в настоящее время. Второе место по инновационности занимает в последнем доклада Республика Татарстан, которая удерживает 2-3 место в различных рейтингах, отражающих научно-технологическое развитие. Усилили свое положение в рейтинге Архангельская область, Кировская область, Республика Марий Эл, Пермский край, Сахалинская и

Вологодская области, Краснодарский край и Тамбовская область.

Взаимосвязь между технологическими прорывами и экономическим ростом используется и для объяснения тенденций глобального миропорядка. Рассматривая роль России в международных экономических процессах, представляется интересным подход, представленный авторами доклада «Россия 2035: к новому качеству национальной экономики» (табл.).

Базовым сценарием, согласно авторам научного доклада, становится регионализация, то есть распад глобального пространства на несколько торгово-экономических центров, что можно характеризовать как переход от однополярного мира к многополярному. При этом кроме США как лидера Североатлантического блока и Китая как лидера блока, который обозначен авторами как «Остальной мир», будут играть важную роль и развивающиеся страны, которые будут снижать отставание с развитыми на уровне создания и внедрения технологий. Россия в этой система координат рассматривается как развивающаяся (в технологическом плане) страна, способная снизить отставания от развитых стран, держащим первенство в мировом научно-техническом прогрессе (НТП).

В докладе в качестве ключевого признака, отражающего роль России в мировой экономике, обозначается научно-технологическое развитие. От того, насколько Российская Федерация будет способна выигрывать в научно-технологической конкуренции, зависит ее способность преодолевать санкции и другие ограничительные меры. В этой логике санкционное противостояние представляет собой, прежде всего, технологическую гонку, в которой способность к НИОКР, и что не менее важно, внедрение результатов научных исследований рассматривается как фундаментальная характеристика, детерминирующая адаптивность экономики и ее развитие.

Литература:

1. Землянский Д.Ю., Чуженькова В.А. Производственная зависимость от импорта в российской экономике: региональная проекция // Известия РАН. Серия географическая. — 2023. — Т. 87, №5. — С. 651–665.

2. Земцов С.П., Волошинская А.А. Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2024. — №3(64). — С. 54–83. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_54-83.

3. Зубаревич Н.В. Влияние санкций на развитие регионов России в 2022– 2024 годах // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2025. — №1(66). — С. 274–281. DOI: 10.31737/22212264_2025_1_274-281.

4. Квартальный прогноз ВВП. Выполнен. ИНП РАН. Выпуск 68 URL: https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-vvp-vypusk-68/

5. Плотников В.А., Плотников А.В. Постсанкционный экономический рост в России: аспекты экономической безопасности // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2024. — №3(78). — С. 173-179.

6. Пыльнева Т.Г. Устойчивое развитие региона в условиях структурной трансформации и санкционной политики (на примере центрального федерального округа) // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2024. — №2(77). — С. 4-11.

7. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 10 / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Артёмов, и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа ¬экономики». — Электрон. текст. дан. (21.7 Мб). — М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025.

8. Россия 2035: к новому качеству национальной экономики. Научный доклад / Под ред. члена-корреспондента РАН А.А. Широва. — М.: Артик Принт, 2024. — 264 с.

9. Песоцкий А.А. Устойчивость экономики региона в условиях санкционного давления. — СПб.: СПбГЭУ, 2025. — 191 с.

POLYCENTRIC STRATEGIES FOR INCREASING THE REGION'S TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

Pyankova Svetlana Grigorievna, *DSc of Economics, Associate Professor*

Blinova Ekaterina Alekseevna, *Postgraduate student*

Ural State University of Economics, Yekaterinburg

Bochkov Pavel Valerievich, *PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg*

This article examines the formation of polycentric models of regional economic development as a tool for achieving technological sovereignty. Using the example of the Sverdlovsk Region, a major industrial center with a high concentration of risk objects, the potential for creating distributed research and production clusters focused on the development of high-tech equipment for civil defense and emergency response (MES) is analyzed. The study focuses on economic mechanisms for meeting the needs of the Russian Ministry of Civil Defense, Emergencies, and Disaster Relief (MES) for modern technologies and equipment. The framework for the study is established by the premise that decentralizing innovation and leveraging the industrial potential of secondary centers in the region allows for the creation of a sustainable import substitution ecosystem. The opposite effect is caused by the monopolization of developments and supplies within a single center (monocentrism), creating vulnerabilities in the security system. As an alternative solution, a polycentric cooperation model is proposed, involving the distribution of functions between research and educational clusters, industrial sites, and innovation areas, synchronized with the needs of the regional MES administration. The paper presents specific tools for such coordination: a competency map, targeted investment programs, and a platform for interaction between customers (MES), developers, and manufacturers. The implementation of this strategy will result in the formation of a sustainable, self-developing regional ecosystem capable of quickly meeting technological needs in the security sector, reducing critical dependence on external supplies, and strengthening the region's sovereignty in this area.

Keywords: *technological sovereignty; polycentric development; Sverdlovsk region; Ministry of Emergency Situations; innovation clusters; regional economy; import substitution.*

EDN: PEUNRV ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.39***

Цитировать: *Пьянкова С.Г., Блинова Е.А., Бочков П.В. Полицентрические стратегии повышения технологического суверенитета региона // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 283-288. EDN: PEUNRV. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.39*

Полицентрические стратегии повышения технологического суверенитета региона

УДК 339.13

5.2.3

© Пьянкова С.Г., Блинова Е.А., Бочков П.В., 2026

В статье рассматриваются вопросы формирования полицентрических моделей развития региональной экономики как инструмента достижения технологического суверенитета. На примере Свердловской области, крупнейшего промышленного центра с высокой концентрацией объектов риска, анализируется потенциал создания распределенных научно-производственных кластеров, ориентированных на разработку высокотехнологичного оборудования для нужд гражданской обороны и ликвидации чрезвычайных ситуаций (МЧС). В фокусе исследования экономические механизмы обеспечения потребностей Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) в современных технологиях и оборудовании. Рамку исследования задает положение, согласно которому децентрализация инновационной активности и использование промышленного потенциала второстепенных центров области позволяют создать устойчивую экосистему импортозамещения. Противоположный эффект вызывает монополизация разработок и поставок в рамках одного центра (моноцентризм), создавая уязвимости для системы безопасности. В качестве альтернативного решения предлагается модель полицентрической кооперации, предполагающая распределение функций между научно-образовательными кластерами, промышленными площадками и инновационными территориями, синхронизированную с потреб-

ПЬЯНКОВА Светлана Григорьевна, *доктор экономических наук, доцент*

ORCID: 0000-0002-7072-9871

БЛИНОВА Екатерина Алексеевна, *аспирант*

ORCID: 0000-0001-9381-3171

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

БОЧКОВ Павел Валерьевич, *кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный противопожарный институт МЧС России, Екатеринбург*

ORCID ID 0000-0002-5810-8503

ностями регионального управления МЧС. В работе представлены конкретные инструменты такой координации: карта компетенций, целевые инвестиционные программы и платформа для взаимодействия заказчиков (МЧС), разработчиков и производителей. Результатом внедрения стратегии выступает формирование устойчивой, саморазвивающейся региональной экосистемы, способной оперативно закрывать технологические потребности в сфере безопасности, снижая критическую зависимость от внешних поставок и укрепляя суверенитет региона в данной сфере.

Ключевые слова: *технологический суверенитет; полицентрическое развитие; Свердловская область; МЧС; инновационные кластеры; региональная экономика; импортозамещение.*

Введение

В условиях санкционного давления и необходимости форсированного импортозамещения, вопрос достижения технологического суверенитета России переходит из теоретической плоскости в стратегический императив. Особую значимость это приобретает для структур, обеспечивающих национальную безопасность, таких как МЧС России. Зависимость от зарубежных технологий в сфере мониторинга ЧС, робототехники и средств пожаротушения создает риски для эффективности спасательных операций.

Свердловская область, являясь старопромышленным регионом с мощным научно-образовательным ядром, обладает уникальными предпосылками для реализации полицентрической стратегии. В отличие от моноцентрических моделей, сосредоточенных исключительно в региональной столице, полицентризм предполагает вовлечение в инновационный процесс таких центров, как Нижний Тагил, Первоуральск, Каменск-Уральский и др.

Полицентрическое развитие региона в контексте экономики знаний предполагает создание нескольких точек роста, связанных между собой не только административно, но и через производственные цепочки создания добавленной стоимости [2, с. 259].

— Технологический суверенитет определяется как способность государства и его регионов обеспечивать наличие критических технологий, необходимых для функционирования базовых институтов [1].

— Полицентрическая стратегия позволяет диверсифицировать риски, снизить нагрузку на инфраструктуру центра и вовлечь специфические компетенции узкоспециализированных промышленных городов.

Для нужд МЧС это означает возможность создания распределенной сети производств: от программного обеспечения в Екатеринбурге до тяжелой спасательной техники в Нижнем Тагиле.

Понятие технологического суверенитета, пришедшее на смену более узкой концепции импортозамещения, подразумевает не просто способность производить критические компоненты внутри страны, но наличие полного, контролируемого цикла создания и применения знаний, технологий и конечных продуктов в стратегических отраслях. На региональном уровне его достижение невозможно в рамках централизованной, «вертикальной» модели, где все решения и ресурсы концентрируются в одном узле. Эффективным ответом является формирование полицентрических стратегий, в которых функционируют несколько взаимодополняющих и взаимодействующих центров компетенций, а инициативы и ресурсы объединяются для решения общей задачи. Ярким примером практической реализации такой модели служит опыт Свердловской области, где в рамках обеспечения комплексной безопасности и развития технологий для управления рисками сложилась уникальная экосистема, ядром координации которой выступает Главное управление МЧС России по Свердловской области.

Карта компетенций: распределение функций между научно-образовательными кластерами, промышленными площадками и инновационными территориями

Свердловская область, являясь мощным индустриальным, научным и образовательным хабом Урала, исторически обладает вы-

сокой концентрацией предприятий оборонно-промышленного комплекса, химической, металлургической и энергетической отраслей, что создает объективно высокий уровень техногенных рисков. В этих условиях регион не может ограничиваться пассивным выполнением федеральных предписаний в сфере безопасности. Местное управление МЧС, осознавая свою институциональную роль как стабилизатора экономики, трансформировалось из надзорного органа в системного интегратора и «заказчика будущего» в сфере технологий безопасности. Его стратегия строится на принципе полицентризма, вовлекая в орбиту совместной работы несколько ключевых центров.

Первый центр — это научно-образовательный полигон, представленный ведущими вузами области, такими как Уральский федеральный университет (УрФУ) и Уральский государственный горный университет, а также научными институтами УрО РАН. Вместо разовых заказов на исследования здесь выстроена постоянная коллаборация. МЧС формулирует актуальные технологические вызовы, с которыми сталкивается на практике: от необходимости новых средств пожаротушения на высотных объектах и в шахтах до разработки систем прогнозирования химических аварий. Университеты и институты, в свою очередь, предлагают фундаментальные и прикладные решения, ведут подготовку кадров с уникальными компетенциями на стыке киберфизических систем, материаловедения и аналитики больших данных для нужд безопасности.

Второй — производственно-инновационный центр — объединяет промышленные предприятия региона, от гигантов типа Уралвагонзавода или НПО автоматики до малых и средних инновационных компаний. На их базе происходит опытно-конструкторская работа и мелкосерийное производство разработанных решений. МЧС выступает здесь не только как испытатель и первый пользователь, но и как «проводник» продукции на федеральный уровень, демонстрируя ее эффективность. Это создает для уральских производителей устойчивый рынок сбыта и стимул для развития новых технологических линеек. Например, разработка беспилотных авиационных комплексов для мониторинга лесопожарной обстановки или робототехнических комплексов для работы с завалами при обрушении стала результатом кооперации инженерных команд предприятий ОПК, IT-компаний и специалистов МЧС, сформулировавших тактико-технические требования.

Третий центр — центр оперативного применения и обратной связи — это само территориальное управление МЧС со своими подразделениями (пожарно-спасательными гарнизонами, отрядами Государственной инспекции по маломерным судам и др.). Он обеспечивает немедленное внедрение прототипов в реальные условия, их обкатку в ходе учений и реальных операций. Данные, полученные в ходе эксплуатации (о надежности, удобстве, недостатках), в непрерывном режиме поступают обратно к разработчикам и ученым, замыкая жизненный цикл технологии и обеспечивая ее быструю итерацию и совершенствование. Такой подход позволяет избежать создания «технологий ради технологий», гарантируя их практическую ориентированность и надежность.

Четвертым, координационно-управленческим центром, выступают органы власти Свердловской области, которые обеспечивают политическую и финансовую поддержку этой экосистемы через региональные программы развития, гранты, создание инновационных кластеров (например, в сфере гражданской безопасности) и льготные условия для участников кооперации. Власть выполняет роль фасилитатора, снижая административные барьеры и создавая инфраструктуру (технопарки, центры коллективного пользования) для совместной работы.

Полицентрическая стратегия Свердловской области, сфокусированная на технологиях безопасности и координатором которой выступило МЧС, демонстрирует эффективную модель повышения регионального технологического суверенитета. Она основана не на административном принуждении, а на синергии компетенций, взаимном интересе и создании общей миссии. В результате формируется самовоспроизводящийся контур: практический запрос от МЧС стимулирует научные исследования и опытно-конструкторские работы, их результаты материализуются в виде новой продукции на местных предприятиях, что укрепляет промышленный потенциал региона, а внедрение этой продукции повышает

уровень защищенности критической инфраструктуры и населения, что, в свою очередь, улучшает инвестиционный климат и создает условия для дальнейшего технологического развития. Этот опыт может быть тиражирован на другие регионы и иные стратегические направления, где требуется мобилизация распределенного потенциала для достижения национальных целей суверенитета.

Статистический анализ потенциала Свердловской области в обеспечении технологического суверенитета

Свердловская область на протяжении последних лет стабильно входит в топ-10 регионов России по уровню инновационной активности (согласно рейтингу НИУ ВШЭ). Для обоснования полицентрической стратегии важно проанализировать динамику показателей, напрямую влияющих на технологический суверенитет в сфере безопасности [5].

Таблица — **Ключевые показатели научно-производственного потенциала Свердловской области (2021–2025 гг.)**

Показатель	2021	2023	2025	Прогноз 2026
Внутренние затраты на научные исследования и разработки (млрд руб.)	28,4	34,2	41,5	45,2
Доля продукции высокотехнологичных отраслей в ВРП (%)	22,1	24,8	27,5	29,0
Количество выданных патентов на изобретения в сфере приборостроения и IT	412	560	720	810
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации (%)	18,5	21,3	24,0	26,5

Анализ данных таблицы 1 подтверждает гипотезу о наличии устойчивой базы для импортозамещения. Рост затрат на НИОКР (более чем в 1,5 раза за 5 лет) свидетельствует о готовности регионального бизнеса и государства инвестировать в долгосрочные проекты, критически важные для МЧС [3,9].

Важнейшим элементом технологического суверенитета является независимость в области программного обеспечения и аналитических инструментов [4]. В Свердловской области интеллектуальным ядром разработки геоинформационных систем (ГИС) выступает Уральский федеральный университет (УрФУ).

Учеными университета разработаны алгоритмы предиктивной аналитики, использующие данные дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) для моделирования зон затопления в бассейнах рек Свердловской области (Тура, Тавда, Чусовая). В отличие от западных программных комплексов (например, ArcGIS), методики УрФУ учитывают специфические гидрологические характеристики уральских рек и ландшафтные особенности региона. Интеграция данных спутникового мониторинга с наземными гидропостами МЧС позволяет с точностью до 90% прогнозировать подтопление населенных пунктов за 3–5 суток до пика паводка [7].

Прогнозирование и мониторинг лесных пожаров. ГИС-технологии, развиваемые в рамках научно-образовательных центров (НОЦ) университета, направлены на создание динамических карт пожарной опасности. Ключевые аспекты разработок включают:

— Математическое моделирование распространения огня: алгоритмы учитывают тип лесной растительности, рельеф местности и актуальные метеоданные, что позволяет штабам МЧС принимать оперативные решения по локализации очагов.

— Автоматизация обнаружения: системы компьютерного зрения, интегрированные в региональную ГИС, в режиме реального времени анализируют снимки со спутников и камер видеонаблюдения, минимизируя «человеческий фактор» в раннем обнаружении возгораний.

Таким образом, переход на отечественные ГИС-решения не только обеспечивает информационную безопасность данных МЧС, но и стимулирует развитие регионального ИТ-сектора, создавая замкнутый цикл «наука — разработка — внедрение» в рамках полицентрической модели развития области [6, с. 11].

Проблема внедрения полицентрической стратегии: результаты и обсуждение

Внедрение полицентрической стратегии позволяет достичь не только технологической независимости, но и значительного экономи-

ческого эффекта за счет снижения ущерба от чрезвычайных ситуаций.

Эффективность ГИС-мониторинга (на базе данных УрФУ): Согласно экспертным оценкам, использование систем предиктивной аналитики, разработанных в Уральском федеральном университете, позволило ГУ МЧС по Свердловской области достичь следующих показателей:

1. Сокращение времени реагирования: Автоматизация обнаружения термоточек через ГИС позволила снизить время передачи информации о лесном пожаре в дежурно-диспетчерские службы в среднем на 12–15 минут.

2. Снижение материального ущерба: Точное моделирование зон паводков в 2024–2025 гг. позволило заблаговременно эвакуировать материальные ценности и укрепить гидротехнические сооружения, что снизило потенциальный ущерб на 18% по сравнению с аналогичными периодами десятилетней давности.

3. Импортозамещение ПО: Переход на отечественные ГИС-платформы позволил региональным подразделениям МЧС сократить расходы на лицензирование зарубежного софта (такого как ArcGIS) на 35–40 млн рублей ежегодно.

Вклад промышленного полицентризма: Размещение заказов на производство спецтехники в Нижнем Тагиле и Каменске-Уральском (вместо централизованных закупок через федеральные центры или импорта) обеспечивает:

— Мультипликативный эффект: Каждый рубль, вложенный в производство пожарной робототехники на Урале, генерирует до 2,4 рубля в смежных отраслях региона (металлургия, химия, электроника).

— Снижение логистических издержек: Территориальная близость производителя к местам эксплуатации техники (особенно для лесопожарных формирований) сокращает затраты на обслуживание и ремонт на 20-25 %.

Статистические данные подтверждают, что Свердловская область успешно переходит от модели «промышленного гиганта прошлого» к модели «технологического донора» для государственных нужд. Полицентрический подход в данном случае выступает не просто как способ распределения производительных сил, а как механизм обеспечения живучести системы гражданской обороны: даже при сбоях в одном узле (центре), другие производственные и научные центры (Нижний Тагил, Первоуральск) способны поддерживать технологический цикл.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что Свердловская область обладает всеми необходимыми компонентами для реализации полицентрической стратегии повышения технологического суверенитета. Сочетание мощной производственной базы (УОМЗ, НПО Автоматики), передовой науки (УрФУ) и четкого государственного заказа со стороны МЧС создает уникальный синергетический эффект.

Полицентризм в данном контексте выступает как гарант экономической и технологической устойчивости: распределение научно-производственных функций между городами области минимизирует риски технологической зависимости и способствует равномерному инновационному развитию территории. Практическая значимость исследования заключается в возможности масштабирования данного опыта на другие промышленно развитые регионы РФ.

Уникальность свердловского опыта заключается в создании замкнутого цикла «запрос — исследование — разработка — производство — апробация — обратная связь». Этот цикл функционирует в режиме реального времени, где данные с места происшествия или учения мгновенно становятся предметом анализа для ученых и инженеров. Такой подход кардинально сокращает временной лаг между возникновением технологической проблемы и появлением ее решения, что является критическим фактором в условиях динамично меняющейся рисковой среды и санкционного давления. Полицентризм, таким образом, выступает не просто как организационный принцип, а как механизм адаптации и ускоренной эволюции региональной технологической базы.

Практическая значимость данной модели выходит далеко за рамки задач гражданской обороны. Она предлагает работающий алгоритм для импортозамещения и развития суверенных технологий в других чувствительных отраслях: здравоохранении, агропро-

мышленном комплексе, критической информационной инфраструктуре. Центральным элементом успеха является наличие сильного «якорного института» — подобного МЧС, который обладает четким пониманием операционных требований, авторитетом, доступом к уникальным условиям испытаний и заинтересованностью в конечном практическом результате. Роль региональных властей в этой модели смещается от прямого управления к созданию институциональных условий и инфраструктурной поддержки для такой кооперации, снижению транзакционных издержек взаимодействия между ее участниками.

Таким образом, стратегия, реализуемая в Свердловской области, представляет собой прототип региональной инновационной системы суверенного типа, где безопасность выступает не только как цель, но и как мощный драйвер технологического развития. Этот опыт свидетельствует о том, что технологический суверенитет начинается не с глобальных программ, а со способности на местах выстроить доверительные, продуктивные связи между государством, наукой и бизнесом вокруг решения конкретных, жизненно важных задач. Дальнейшие исследования в этом направлении должны быть сфокусированы на разработке метрик оценки эффективности таких полицентрических экосистем и на сравнительном анализе аналогичных моделей в других регионах и странах, что позволит формализовать успешные практики и создать основу для их целенаправленного тиражирования в национальном масштабе.

Литература:

1. Анимица Е.Г., Силин Я.П. Средний Урал на пути к новой индустриализации // Экономика региона. — 2013. — №3(35). — С. 71-81.

2. Глазьев С.Ю. Управление развитием экономики: курс лекций / С.Ю. Глазьев. — М: Издательство Московского университета, 2019. — 760 с.: цв. ил., табл.

3. Кузнецова Е.И. Укрепление технологического суверенитета как мегатренд обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. — 2025. — №4. — С. 156-160. doi:10.24412/2414-3995-2025-4-156-160

4. Лаврикова Ю.Г., Акбердина В.В., Суворова А.В. Согласование приоритетов научнотехнологического и пространственного развития индустриальных регионов // Экономика региона. — 2019. — №4. — С. 1022-1035.

5. МЧС России. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2023 году». — М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2024.

6. Татаркин А.И. Саморазвитие территориальных социально-экономических систем как потребность федеративного обустройства России / А. И. Татаркин // Экономика региона. — 2013. — №4(36). — С. 9-26. DOI 10.17059/2013-4-1. EDN RRSMHD.

7. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. — М.: ЭКСМО, 2016. — 138 с.

8. Sverdlovsk Region Statistics. Социально-экономическое положение Свердловской области в январе-декабре 2023 года: статистический сборник. — Екатеринбург, 2024.

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В XXI ВЕКЕ. XV. ДОНЖОН ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА И ДРУГИЕ СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Сейдаметова Зарема Сейдалиевна, *доктор педагогических наук, профессор*

Темненко Валерий Анатольевич, *кандидат физико-математических наук, доцент*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Республика Крым

Цель исследования — дать определение и описание Донжона Глобального Юга как структурной составляющей второго уровня, состоящей из трех структурных элементов Глобального Юга, содержащих страны, расположенные в некоторой полосе вблизи главной диагонали P=D на плоскости масштабированных экономических индексов {D, P}. Описать структурную формулу Глобального Юга, содержащего кроме Донжона следующие структурные элементы: «Демографические Гиганты Глобального Юга» и «основная часть Глобального Юга». Научная новизна заключается в самом выявлении и описании Донжона Глобального Юга, как некоторого статистически однородного и устойчивого подмножества стран Глобального Юга. Представленная структурная формула Глобального Юга в результате создает некоторый стандарт описания динамики Глобального Юга.

Ключевые слова: *Глобальная Экономика; масштабированные экономические индексы; структурные элементы; Глобальный Север; Глобальный Юг.*

EDN: PFOEHN **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.40**

Цитировать: *Seidametova Z.S., Temnenko V.A. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XV. Donjon of the Global South and other structural elements // KANT. — 2026. — №1(58). — C. 289-295. EDN: PFOEHN. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.40*

STRUCTURE AND DYNAMICS OF THE GLOBAL ECONOMY IN THE 21ST CENTURY. XV. DONJON OF THE GLOBAL SOUTH AND OTHER STRUCTURAL ELEMENTS

УДК 339.97

5.2.5

The purpose of the research is to define and describe the Donjon of the Global South as a second-level structural component, consisting of three structural elements of the Global South that include countries located within a certain stripe near the main diagonal P=D on the plane of scaled economic indices {D, P}. The study also seeks to present the structural formula of the Global South, which, in addition to the Donjon, contains the following structural elements: the "Demographic Giants of the Global South" and the "Main Part of the Global South". The scientific novelty lies in the identification and description of the Donjon of the Global South as a statistically homogeneous and stable subset of Global South countries. The proposed structural formula of the Global South thereby, as a result, establishes a standard framework for describing the dynamics of the Global South.

Keywords: *Global Economy; scaled economic indices; structural elements; Global North; Global South.*

© Seidametova Z.S., Temnenko V.A., 2026

SEIDAMETOVA Zarema Seidalievna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

TEMNENKO Valerii Anatolievich, *PhD of Physics and Mathematical sciences, Associate Professor*

Fevzi Yakubov Crimean Engineering-Pedagogical University, Simferopol, RC

Introduction

Papers [1] and [2] present a study of the economic dynamics of the Global North in 2010-2024. These papers establish that the Global North can be considered as one integral, statistically homogeneous component of the Global Economy, despite the fact that it consists of three different structural elements of the Global Economy: the "Giants of the Global North" GN(g), the "Big Economies of the Global North" GN(b), and the "Medium Economies of the Global North" GN(m). The research tool used in papers [1] and [2] was the study of the correlation between GDP and population size of the countries of the Global North.

A similar study of the economic dynamics of the Global South as a whole over the same 15-year time period seems a priori an impossible task. The Global South contains twice as many countries as the Global North and is a statistically "loose", highly heterogeneous set of countries, with a wide range of GDP and population sizes.

Instead of this impossible task, a more accurate one can pose a different, more accurate one: identify a subset of countries in the Global South that would be comparable in number to the Global North and statistically sufficiently homogeneous to demonstrate a certain unity of economic dynamics over fifteen years, allowing this subset of countries to be considered a coherent and stable component of the Global Economy. Such a statistically homogeneous group of countries could be considered those countries of the Global South that are closest to the main diagonal of the index plane {D, P}. This main diagonal (P=D) separates the "high-productive" countries, with P>D, from the "low-productive" countries, for which the opposite inequality holds, P<D. As in papers [1] and [2], we use scaled and normalized indices: the "Product-Index" P, calculated from the known value of GDP, and the "Demographic Index" D, calculated from the known population size POP:

$$P = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{GDP}{\max\{GDP\}}}, \qquad D = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{POP}{\max\{POP\}}}. \quad (1)$$

GDP is expressed in current US dollars; max{GDP} is the GDP of the country with the highest GDP in the Global Economy in that year. max{POP} is the population of the most populous country in the world in that year. max{GDP} and max{POP} are variable scale units that describe the ever-expanding dimensional framework of the Global Economy. On the plane of dimensionless indices {D, P}, the Global Economy is a cloud of approximately two hundred points located in a constant square of dimension 100×100.

Along with the *basic pair* of indices {D, P}, we use the *conjugate pair* of indices {Π, Q}, obtained by mathematically transforming the basic pair:

$$Q = 10^2 \cdot \sqrt{\frac{P \cdot D}{\max\{P \cdot D\}}}, \qquad \Pi = \Pi_c \cdot \frac{P}{D}. \quad (2)$$

Index Q is proportional to the geometric mean of the P and D indices. The Index Π is proportional to the ratio P:D. The index Q is the "Absolute Power Index". The index Π is the "Productivity Index". The multiplier Π_c in formula (2) is a *fundamental parameter* characterizing the Global Economy as a whole:

$$\Pi_c = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{\max\{GDP\}}{\max\{POP\} \cdot \{GDP/PC\}_{e.v.}}}. \quad (3)$$

The index Π can be calculated independently of formula (2) using the known value of GDP per capita (GDP/PC):

$$\Pi = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{GDP/PC}{\{GDP/PC\}_{e.v.}}}. \quad (4)$$

The value $\{GDP/PC\}_{(e.v.)}$ in formulas (3) and (4) represents a certain "etalon value" of GDP/PC. We use Luxembourg's GDP/PC as this productivity "etalon value".

Along with *scaled* productivity Π, in some situations it is convenient to use the linear Productivity Index EPI:

$$EPI = 10^2 \frac{GDP/PC}{\{GDP/PC\}_{e.v.}}. \quad (5)$$

All countries in the Global North (GN) have $\Pi > \Pi_c$ (and P>D). All countries in the Global South have $\Pi < \Pi_c$ (and P<D).

The purpose of this paper is to identify and describe a statistically homogeneous subset of the Global South countries, comparable in number with the Global North and concentrated within the Global South in a narrow stripe near the main diagonal (P=D) on the index plane {D, P}. This purpose involves solving the following tasks: 1) identifying such structural elements of the Global South that can be entirely included in this special subset of the Global South countries; 2) identifying individual countries of the structural element "Big Economies of the Global South" (GS(b)), which are concentrated near the main diagonal P=D on the index plane {D, P} and can be included in this special subset of the Global South countries; 3) development of the principle of "minimal reconstruction" of the previously identified structure of the Global South, with the elimination of the highly heterogeneous element GS(b) and the extraction from it of a statistically homogeneous element the "Demographic Giants of the Global South" (GS(d.g.)); 4) development of a convenient terminology for describing the "minimally reconstructed" structure of the Global South; in particular, as a name for a special subset of the countries of the Global South, elongated in a certain strip near the line P=D, we use the term of the medieval fortification "donjon" of the Global South (GS(dj)). The donjon is the main tower of the fortress. The donjon of the Global South is a statistically homogeneous and stable over time subset of the countries of the Global South. The

theoretical basis for this study was our previous studies of the structure of the Global Economy of the 21st century (see, for example, [3], [4], [5]), as well as the report [6], which first presented the "minimal reconstruction" of the Global South described here. The practical significance of this study lies in deepening the understanding of the structure of the Global Economy and identifying the "donjon" of the Global South as a stable structural unit of a higher level, consisting of three structural elements of the Global South.

Definition of the Donjon of the Global South

Let us call the "Donjon of the Global South" (GS(dj)) the trio of structural elements of the Global South GS(m), GS(s), GS(st) with the addition of several countries from the list below, which belong to the structural element GS(b) and are located in GS(b) closer than other countries to the main diagonal P=D of the plane of indices {D, P}.

We use the notations of the structural elements of the Global Economy, given, for example, in the paper [5]:

— GS(m) is the "Medium Economies of the Global South",

— GS(s) is the "Small Economies of the Global South",

— GS(st) is the "Smallest Economies of the Global South",

— GS(b) is the "Big Economies of the Global South".

This definition can be described using the following formula:

$$\mathrm{GS(dj)} = \underbrace{\mathrm{GS(m)} + \mathrm{GS(s)} + \mathrm{GS(st)}}_{\text{about 50 countries}} + \underbrace{2-4\ \text{countries}}_{\text{from GS(b),table 1}}. \quad (6)$$

Reconstructing the Global South. Introducing the structural element "Demographic Giants of the Global South"

We ultimately consider the Donjon of the Global South as a *second-level structural unit* consisting of countries belonging to three structural elements of the Global South: GS(m), GS(s), and GS(st). By removing the countries in Table 1 from the group GS(b), we transfer them to the structural element GS(m).

The electronic appendix to this paper (t.ly/pHgMq) presents the annual lists of the Global South's donjon from 2010 to 2024. These lists are ordered by the scaled productivity index Π. For each country in these lists, its membership in one of the three structural elements of the donjon is indicated. The countries listed in Table 1 are classified in this electronic appendix as countries belonging to the structural element GS(m).

Table 1. **GS(b) countries classified as belonging to the Donjon of the Global South and their P and D indices (annual list in descending order of P)**

Year	Country	P	D	Number of countries
2010	1. Argentina	40.96	41.79	4
	2. Malaysia	36.08	38.28	
	3. Romania	32.60	35.08	
	4. Kazakhstan	31.49	33.24	
2011	1. Venezuela	37.74	38.35	3
	2. Malaysia	37.18	38.38	
	3. Romania	33.33	34.98	
2012	1. Malaysia	37.29	38.47	2
	2. Romania	32.45	34.89	
2013	1. Malaysia	37.22	38.56	2
	2. Romania	32.58	34.80	
2014	1. Malaysia	37.25	38.65	2
	2. Romania	32.66	34.71	
2015	1. Malaysia	35.87	38.74	3
	2. Kazakhstan	31.72	33.58	
	3. Romania	31.44	34.62	
2016	1. Malaysia	35.63	38.82	3
	2. Romania	31.55	34.52	
	3. Kazakhstan	29.27	33.65	
2017	1. Malaysia	35.78	38.90	3
	2. Romania	32.23	34.42	
	3. Kazakhstan	30.42	33.71	
2018	1. Argentina	39.98	42.20	4
	2. Malaysia	36.36	38.80	
	3. Romania	32.99	34.33	
	4. Kazakhstan	30.57	33.79	
2019	1. Argentina	38.04	42.27	4
	2. Malaysia	36.36	38.98	
	3. Romania	32.92	34.25	
	4. Kazakhstan	30.36	33.86	
2020	1. Argentina	36.79	42.35	3
	2. Malaysia	35.58	39.16	
	3. Kazakhstan	30.02	33.95	
2021	1. Argentina	38.03	42.44	3
	2. Malaysia	35.58	39.27	
	3. Kazakhstan	30.32	34.06	
2022	1. Argentina	39.69	42.50	3
	2. Malaysia	35.57	39.34	
	3. Kazakhstan	30.68	34.36	
2023	1. Argentina	39.07	42.18	3
	2. Malaysia	34.65	39.53	
	3. Kazakhstan	31.20	34.48	
2024	1. Argentina	38.38	42.13	3
	2. Malaysia	34.68	39.57	
	3. Kazakhstan	31.53	34.52	

It should be noted that the structural element "Big Economies of the Global South" GS(b),

easily identified visually in the distribution of countries on the plane {D, P} and on the plane {Π, Q} (see [3], [4], [5]), had previously caused us some concern due to the excessive diversity of its composition. It included not only the countries in Table 1 with fairly high productivity ($\Pi \approx \Pi_c$), migrating between the Global South (GS) and the Middle Way Countries (MW), but also low-productive demographic giants with D>44.0. These demographic giants, possessing a large characteristic ratio of the annual increment of the demographic index D to the index D itself, moving systematically to the right over the years on the plane {D, P}, stretched and deformed the general appearance of the structural element GS(b) on this index plane.

We found it useful to group these countries into a separate structural element, "Demographic Giants of the Global South" (GS(d.g.)), including all countries in the Global South with D≥44.0 in a given year.

Such countries were present in the structural element GS(b), making up half of its composition. Several such countries are present in the structural element SSA. The removal of the Demographic Giants from the structural element GS(b), together with the removal of the countries indicated in Table 1, leads to the virtual disappearance of the structural element GS(b). The few remaining countries in this disappearing structural element that are not demographic giants will be included in the structural element SSA.

Structural formula of the Global South

Given the introduction of the new structural element "Demographic Giants of the Global South" GS(d.g.) and the elimination of the structural element "Big Economies of the Global South" GS(b), the structural formula of the Global South can be written as follows:

(Global South=Donjon of the Global South +
+ Demographic Giants of the Global South +
+ *all other countries of the Global South.)* (7)

The term "all other countries of the Global South" here means the structural element SSA, minus several demographic giants of SSA, which were included in the new structural element "Demographic Giants of the Global South", and also with the addition of several countries from the eliminated element GS(b) — such countries that do not belong to the number of the Demographic SuperGiants and are not listed in Table 1.

The name "SSA" for this structural element is derived from the fact that we first identified it by studying the region of high concentration of African countries south of the Sahara (the "Sub-Sahara African countries") on the {D, P} plane) [7]. However, this structural element includes not only Sub-Saharan Africa countries with a population of over 4.7 million people, but also countries in Asia, Latin America, and Europe. This is a fairly large structural element of the Global South, occupying a central position in the Global South zone on the {D, P} plane, as well as on the {Π, Q} plane between the Donjon of the Global South and the Demographic Giants of the Global South. We considered it appropriate to abandon the random name of this element "SSA" and assigned it the more justified name the "Main Part of the Global South", GS(m.p.). This structural element contains more than fifty countries and, perhaps, has some internal structure that we have not yet been able to identify.

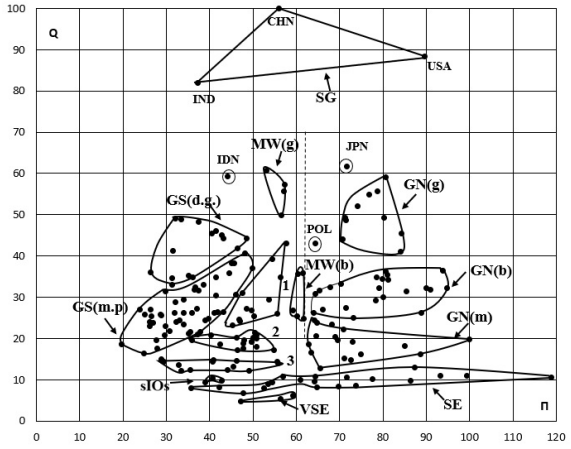

Fig. 1. **Structural elements of the Global Economy on the plane {Π, Q} in 2023**

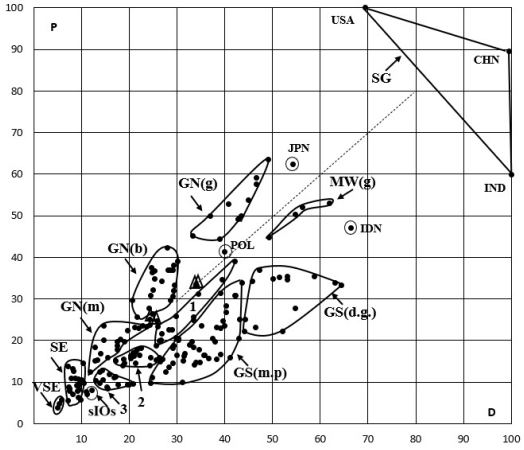

Fig. 2. **Structural elements of the Global Economy on the plane {D, P} in 2023**

The entire ensemble of structural elements of the Global Economy is shown in Fig. 1 (the plane of indices {Π, Q}) and Fig. 2 (the plane of indices {D, P}). These figures are constructed using statistical data for 2023. The data source for constructing Fig. 1 and Fig. 2 is the World Bank database [8]. The following designations of the structural elements of the Global Economy are used in these figures:

— SG — the "SuperGiants". The figures show the ISO-3 codes [9] for the three SuperGiants CHN (China), USA (United States), IND (India);

— *Isolated Objects* in 2023 Global Economy, denoted by a special symbol O (a circle around a dot representing the country). The ISO-3 codes for these three countries are also shown in the figure: JPN (Japan), IDN (Indonesia), POL (Poland).

— The three structural elements of the Global South are designated by numbers 1, 2, 3. The structural element the "Medium Economies of the Global South" GS(m) is designated by number 1. The structural element of the Global South the "Small Economies of the Global South" GS(s) is designated by number 2. The structural element of the Global South the "Smallest Economies of the Global South" GS(st) is designated by number 3. These three structural elements of the Global South form the higher-level structural component described in this paper, which we called the "donjon of the Global South" GS(dj).

Between the *Global North* and the *Global South* is the building block of the MiddleWay Countries (MW), which consists of two structural elements:

— The "Giants of the MiddleWay" (MW(g)). This structural element has consisted of the same four countries for the past twenty years: Brazil, Russia, Mexico, and Turkey.

— The "Big Economies of the MiddleWay" (MW(b)). This structural element is extended as a narrow stripe along the vertical line $\Pi=\Pi_c$ on the plane {Π, Q} and along the main diagonal on the base plane {D, P}. This structural element is variable both in form and in the number of countries. In 2023, for example, it included only five countries. Figure 1 shows the boundary contour of this element MW(b). This contour is not shown in Figure 2 (it is tightly pressed to the diagonal P=D), but each country included in MW(b) is indicated in Figure 2 by a special symbol (Δ).

The designations of all other structural elements in Fig. 1 and Fig. 2 are the same as in papers [3], [4], [5], [6].

The Donjon of the Global South and the Global North as mirror images of each other

Figure 3 shows the countries of the Global North (marked with a special symbol Δ) and the countries of the donjon of the Global South in 2010. The line "-----" is the centerline of the Global North in 2010, i.e., a straight line of linear regression for the countries of the Global North. The equation of this regression line is

$$P = k_{(GN)} \cdot D - P_{p.c.(GN)}, \quad (8)$$

where $k_{(GN)}$=1.3918, $P_{p.c.(GN)}$=1.7321.

The coefficient of determination R^2 for equation (8):

$$R^2_{GN} = 0.9243. \quad (9)$$

Such a high coefficient of determination, close to one, means a high degree of statistical homogeneity of the Global North and a small statistical dispersion of the countries of the Global North in relation to its "axial line" (8).

The dotted line shows the "axial line" of the donjon of the Global South, i.e., the straight line of linear regression for the donjon. The equation for this regression line is

$$P = k_{GS(dj)} \cdot D - P_{p.c.(GS(dj))}, \quad (10)$$

where $k_{GS(dj)}$ =1.0299, $P_{p.c.(GS(dj))}$=5.3033.

The coefficient of determination R^2 for equation (10) differs little from that R^2 for the Global North:

$$R^2_{GS(dj)} = 0.8981. \quad (11)$$

A high value R^2 (11) indicates a high degree of statistical homogeneity of the Donjon of the Global South and a small statistical dispersion of donjon countries on the plane {D, P} relative to the axial line (10).

To some extent, this is a trivial fact: this is how we tried to construct the donjon as a statistically homogeneous subset of the loose and heterogeneous set of countries of the Global South.

What is non-trivial is the fact that such a subset of countries in the Global South actually exists and is statistically stable over time.

Fig. 4 shows the donjon of the Global South GS(dj) and the Global North GN on the plane {Π, Q}. Like Figure 3, it is constructed using statistical data from 2010. Despite all the differences in the shape and density of countries within the GN and GS(dj) contours, it can be assumed that GN and GS(dj) are closely related structural components of the Global Economy. Each of these two objects consists of three structural elements, but both the Global North and GS(dj) can be studied dynamically as integral components of the Global Economy.

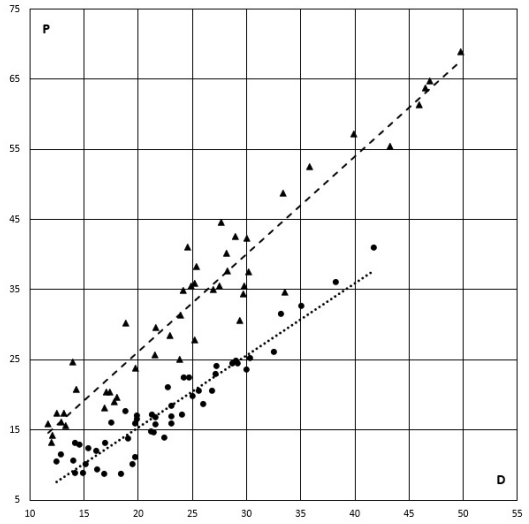

Fig. 3. **Countries of the Global North (Δ) and the donjon countries of the Global South (•) on the plane {D, P} in 2010.**
--- "axial line" of the Global North,
… the "axial line" of the Global South's donjon

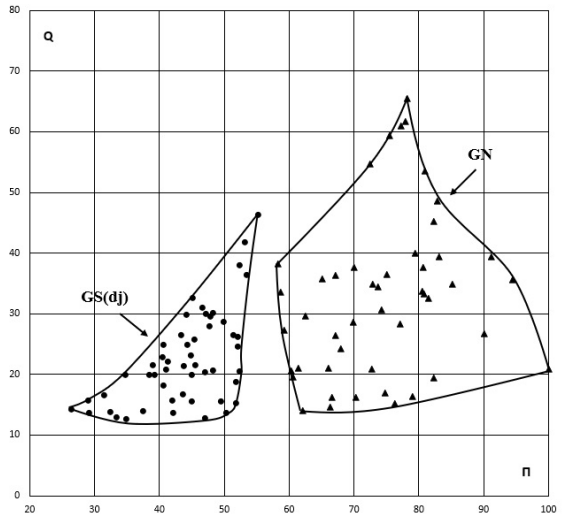

Fig. 4. **Global North (GN) and the donjon of the Global South (GS(dj)) on the plane of indices {Π, Q} in 2010**

The Motivation for a "Minimal Reconstruction" of the Structure of the Global South

The primary motivation for introducing the "Donjon of the Global South" and the subsequent "reconstruction" of the structure of the Global South described in this paper was the original statistical data of the 21st-century Global Economy, which we perceived as a single large dataset. However, the very need to revise the structure of the Global South, which we recently identified and described [5], caused a certain discomfort among the authors. We wanted to understand to what extent this revision could be due to the authors' inattention, and to what extent it could be related to the real complexity of the long dataset of the Global Economy.

We drew internal support for this structural revision from two sources.

The first source is the theory of "fast" and "slow" thinking, currently popular among psychologists and economists. For economists, this theory is described with numerous examples in a book written by 2002 Nobel Prize laureate in economics, Daniel Kahneman [10]. In these theories is used the term originally proposed by the psychologists Keith Stanovich and Richard West, refers to two systems in the mind, System 1 and System 2.

— *System 1* operates automatically and quickly, with little or no efforts and no sense of voluntary control.

— *System 2* allocates attention to the effortful mental activities that demand it including complex computation. The operations of the System 2 are often associated with the subjective experience of agency, choice and concentration ([10], p. 23).

The operation of System 1 sometimes produces illusions — not only optical illusions, but also cognitive illusions ([10], p. 31) Errors in intuitive thinking are often difficult to prevent.

Perhaps our attempts to visualize the structural elements of the Global Economy using annual statistical data create certain visual illusions. The attempt to keep the structural elements from blurring over time involves what Kahneman calls System 2 or Slow Thinking. Judging by the popularity of the book [10], this situation is not uncommon in economic research.

We found a second line of support in a source infinitely distant from the Global Economy. This source is Osip Mandelstam's famous essay "A Conversation about Dante" [11].

Reproaching the previous Dante studies, Mandelstam said: "They reason as if Dante had a completely finished whole before his eyes even before he began working".

We believe, following Mandelstam, that not only in poetry but also in art there are no pre-given ready-made things ([11], p. 702); in any large research project (e.g., in the study of the Global Economy), the outlines of the big goal emerge only gradually, in the process.

We wrote this explanation not so much to justify our actions to the knowledgeable reader. We wrote it to inspire young researchers to take on large-scale projects, with uncertain outcomes at the outset.

Conclusions

This paper describes a structural component of the Global South, consisting of three structural elements of the Global South. This second-level structural component, which we term the "Donjon of the Global South", consists of approximately fifty countries located in the Global South region near the main diagonal P=D in the index plane {D, P}. The Donjon of the Global South can be viewed as a statistically homogeneous and statistically stable part of the Global South, a statistical mirror image of the Global North.

References:

1. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XIII. Correlation of GDP and population for the Global North in 2010-2024 / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2026. — №1(91). — С. 177-194.

2. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XIV. Pareto Diagram of Productivity for the Global North Countries in 2010-2024 / Z.S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2026. — №1(91). — С. 194-199.

3. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. IV. Initial Period (2000-2004) / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 172-181.

4. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. V. Structural elements in 2005-2009 / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. — 2025. — №3(56), — С. 129-139.

5. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. IX. Structural elements in 2010-2024 / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. — 2025. — №4(57),– С. 126-143.

6. Seidametova Z.S. Ensemble of structural components of the Global Economy / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Национальные экономические системы в контексте трансформации глобального экономического пространства. — 2026. Вып. 12. — С. 431-435.

7. Seidametova Z.S. The internal stdructure of the "Global South"/ Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Национальные экономические системы в контексте трансформации глобального экономического пространства. — 2025. — Вып. 11. — С. 490-494.

8. GDP. Population. 2023/The World Bank. Indicators [e-resource]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/

9. ISO 3166 country codes [e-resource]/ISO Online Browsing Platform. — URL: https://www.iso.org/obp/ui/

10. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow/Daniel Kahneman. — London, UK: Penguin, 2024 (first published in 2011). — 610 p.

11. Мандельштам О.Э. Сочинения: [Стихотворения. Проза. Эссе] / Осип Мандельштам. — Екатеринбург: Y-Факториал; М.: АСТ, 2008. — 864 с.; Разговор о Данте, с. 676-740.

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В XXI ВЕКЕ. XVI. ДОНЖОН ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА: ИЗМЕНЕНИЕ СОСТАВА И НЕИЗМЕННЫЕ СТРАНЫ-МАРКЕРЫ В 2010-2024

Сейдаметова Зарема Сейдалиевна, *доктор педагогических наук, профессор*

Темненко Валерий Анатольевич, *кандидат физико-математических наук, доцент*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Республика Крым

Цель исследования — представить визуальное описание Донжона Глобального Юга в 2010–2024 гг., выявить изменения в составе стран и устойчивые страны маркеры. В работе анализируется распределение стран по структурным элементам Донжона (GS(m), GS(s), GS(st)), составляются списки стран, входящих в каждый элемент, и фиксируются изменения их принадлежности во времени. Особое внимание уделено странам маркерам, расположенным на периметре Донжона, которые демонстрируют устойчивость структуры при динамике отдельных индексов. Научная новизна заключается в выявлении сочетания динамичности и стабильности Донжона как статистически однородного и устойчивого подмножества стран Глобального Юга. Проведенное исследование показало, что Донжон сохраняет свою целостность и устойчивость, несмотря на перемещения отдельных стран, что в результате позволяет использовать его как стандартное основание для описания динамики Глобального Юга и его структурных элементов.

Ключевые слова: *глобальная экономика, масштабированные экономические индексы, структурные элементы, Глобальный Север, Глобальный Юг, Донжон Глобального Юга.*

EDN: PLFWLB **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.41**

Цитировать: *Seidametova Z.S., Temnenko V.A. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XVI. The Donjon of the Global South: Changes in Composition and Unchanged Marker Countries in 2010-2024 // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 296-302. EDN: PLFWLB. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.41*

УДК 339.97

5.2.5

STRUCTURE AND DYNAMICS OF THE GLOBAL ECONOMY IN THE 21ST CENTURY. XVI. THE DONJON OF THE GLOBAL SOUTH: CHANGES IN COMPOSITION AND UNCHANGED MARKER COUNTRIES IN 2010-2024

© Seidametova Z.S., Temnenko V.A., 2026

SEIDAMETOVA Zarema Seidalievna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

TEMNENKO Valerii Anatolievich, *PhD of Physics and Mathematical sciences, Associate Professor*

Fevzi Yakubov Crimean Engineering-Pedagogical University, Simferopol, RC

The purpose of the research is to present a visual description of the Global South Donjon from 2010 to 2024, identifying changes in country composition and stable marker countries. The paper analyzes the distribution of countries across the Donjon's structural elements (GS(m), GS(s), GS(st)), compiling lists of countries within each element and recording changes in their membership over time. Particular attention is paid to marker countries located on the Donjon's perimeter, which demonstrate the stability of the structure despite changes in individual indices. The scientific novelty lies in identifying the combination of dynamism and stability within the Donjon as a statistically homogeneous and stable subset of countries in the Global South. The study demonstrated that the Donjon maintains its integrity and stability despite the shifts of individual countries, allowing, as a result, it to be used as a standard framework for describing the dynamics of the Global South and its structural elements.

Keywords: *global economy, scaled economic indices, structural elements, Global North, Global South, Donjon of the Global South.*

Introduction

The previous paper in this journal described the structural formula of the Global South in detail. In particular, this paper first introduced the concept of the *Donjon of the Global South* as a second-level structural component consisting of three structural elements: the "Medium Economies of the Global South" GS(m), the "Small Economies of the Global South" GS(s) and the "Smallest Economies of the Global South" GS(st). We retain the names and abbreviations of the structural elements adopted in the previous paper. We use the same scaled economic indices P, D, Π, Q that were used in the

previous paper. The figures and tables presented here, and the conclusions presented here, are based on the Electronic Appendix (t.ly/pHgMq) to the previous paper. This electronic appendix provides the annual list of Donjon countries from 2010 to 2024.

The purpose of the research is to present a visual description of the Donjon of the Global South in 2010-2024. This purpose involves solving the following tasks: 1) describing the change over the years in the total number of Donjon countries and the distribution of countries by the Donjon structural elements GS(m), GS(s), GS(st); 2) compiling a list of countries belonging to the structural element GS(m) and describing changes in this list over the years; 3) compiling a list of countries belonging to the structural element GS(s) and describing changes in this list over the years; 4) compiling a list of countries belonging to the structural element GS(st) and describing changes in this list over the years; 5) compiling a list of Donjon marker countries of the Global South, located on the perimeter of the Donjon or near it in 2010; 6) plotting the distribution of Donjon countries on the index plane {Π, Q} for 2010-2024, indicating the locations of Donjon marker countries. The theoretical basis for this study is the authors' previous paper. The practical significance of this study lies in its clear demonstration of the certain stability of the Donjon of the Global South and the structural elements comprising it.

Distribution of countries by structural elements of the Donjon of the Global South

Table 1 presents the distribution by number of countries included in the structural elements of the Donjon in 2010-2024. In this table, N_{dj} means the total number of Donjon countries, N_m means the number of countries belonging to the structural element GS(m), N_s means the number of countries belonging to the structural element GS(s), N_st means the number of countries in the structural element GS(st). The total number of Donjon countries is ≈50 (50±1), with some surplus in 2018 and 2019. The smaller number of Donjon countries in 2022-2024 is due primarily to incomplete data in the database [1].

Table 1 shows that the numbers N_st and N_s remain virtually unchanged over the years. The greatest variability is inherent in the number N_m (the highest value N_m is 21, the lowest value N_m is 15).

Table 1. **Distribution of Donjon countries by structural elements of Donjon GS(m), GS(s), GS(st)**

Year	N_{dj}	N_m	N_s	N_{st}
2010	51	19	16	16
2011	51	19	16	16
2012	49	17	16	16
2013	49	17	16	16
2014	49	17	16	16
2015	51	19	16	16
2016	51	18	17	16
2017	51	18	17	16
2018	53	20	17	16
2019	54	21	17	16
2020	51	18	17	16
2021	51	17	18	16
2022	47	16	17	14
2023	46	15	17	14
2024	46	16	16	14

List of countries belonging to the structural element GS(m)

Table 2 provides an alphabetical list of countries belonging to the structural element GS(m) in 2010. If a country belonged to this structural element in a subsequent year (up to 2024), "+" sign is placed in the cell corresponding to that year. If a country did not belong to this structural element in a subsequent year, "–" sign is placed in the cell corresponding to that year.

The structural element GS(m) is less stable over time than the other two structural elements of the Donjon. Of the nineteen countries in Table 2, only 11 are constantly present in GS(m) for all fifteen years. These are Azerbaijan, Belarus, Dominican Rep., Ecuador, El Salvador, Jordan, Malaysia, Paraguay, Serbia, Tunisia, and Turkmenistan. Some countries "wander" between GS(m) and MW(b): Argentina, Bulgaria, Kazakhstan, Costa Rica. Cuba even joined the Global North for two years, increasing its GDP significantly, but then its GDP data disappeared from the database [1]. Lebanon dropped out of the list of GS(m) countries in 2021, moving to the structural element GS(s). In subsequent years, there is no data on Lebanon's GDP in the database [1].

In addition to the countries listed in Table 2, Guatemala was present in the structural element GS(m) from 2015 to 2024. Libya was also present in GS(m) in 2015 and from 2017 to 2024. Some countries appeared in GS(m) for only one year:

Venezuela in 2011, Equatorial Guinea in 2015, in 2019 Bolivia, in 2024 Georgia, which moved from the element GS(s).

Table 2. **Countries belonging to the structural element GS(m) in 2010. The list is sorted alphabetically**

Year n	2010, Country	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
1	Argentina	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+
2	Azerbaijan	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3	Belarus	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4	Bulgaria	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-
5	Costa Rica	+	+	+	+	-	-	-	+	+	-	+	+	-	-
6	Cuba	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
7	Dominican Rep.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
8	Ecuador	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
9	El Salvador	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
10	Jordan	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
11	Kazakhstan	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
12	Lebanon	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
13	Malaysia	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
14	Panama	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15	Paraguay	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
16	Romania	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
17	Serbia	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
18	Tunisia	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
19	Turkmenistan	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

List of countries belonging to the structural element GS(s)

The same 16 countries have been in the structural element GS(s) continuously for fifteen years from 2010 to 2024: Albania, Armenia, Bosnia and Herzegovina, Botswana, Congo (Rep.), Gabon, Georgia, Jamaica, Kosovo, Mauritania, Mauritius, Moldova, Mongolia, Namibia, North Macedonia, West Bank and Gaza. The list is presented in alphabetical order. One country on this list (Georgia) moved to the GS(m) structure in the final year of the period under review (2024). Lebanon appeared on the GS(s) list once, in 2021. (before this there was GS(m)), then information about it disappeared from [1]. Equatorial Guinea appeared on the GS(s) list in 2016 and remained there until 2024. In 2010-2015 Equatorial Guinea had a high Productivity Index Π, exceeding the critical Productivity Index Π_c, which allowed this country to belong to the structural element of the MiddleWay countries MW(b) and even to belong to the Global North GN.

List of countries belonging to the structural element GS(st)

These smallest countries of the Global South form a very stable group of sixteen countries. Here is the list in alphabetical order: Belize, Bhutan, Cabo Verde, Comoros, Djibouti, Eswatini, Fiji, (The) Gambia, Guinea-Bissau, Guyana, Lesotho, Maldives, Montenegro, Solomon Islands, Suriname, Timor-Leste. Fourteen countries from this list (all except Bhutan and Guyana) belong to the structural element GS(st) for all fifteen years of the 2010-2024 period under consideration. The database [1] does not contain information on Bhutan's GDP in 2022, 2023, and 2024. Guyana, a country capable, like other oil-trading countries, of sharply changing GDP and GDP/PC, had in 2022-2024 $\Pi > \Pi_c$, and thus, in these years, it left the Global South zone.

Donjon marker countries

Figures 1-15 show the distribution of Donjon countries on the index plane {Π, Q} for each year from 2010 to 2024.

Table 3. **Donjon marker countries of the Global South**

n	Country	ISO-3	Structural element	Π (2010)	Q (2010)
1	Malaysia	MYS	GS(m)	53.20	41.61
2	Gabon	GAB	GS(s)	52.46	20.42
3	Mauritius	MUS	GS(s)	51.83	18.76
4	Suriname	SUR	GS(st)	51.83	15.25
5	Maldives	MDV	GS(st)	50.41	13.57
6	Belize	BLZ	GS(st)	46.97	12.73
7	Cabo Verde	CPV	GS(st)	42.15	13.60
8	Bhutan	BTN	GS(st)	37.51	13.83
9	Solomon Islands	SLB	GS(st)	34.99	12:50
10	Timor-Leste	TLS	GS(st)	29.24	13.61
11	Guinea-Bissau	GNB	GS(st)	26.44	14.18
12	Gambia, The	GMB	GS(st)	29.11	15.69
13	Lesotho	LSO	GS(st)	31.59	16:52
14	Mauritania	MRT	GS(s)	34.91	19.80
15	El Salvador	SLV	GS(m)	40.61	24.70
16	Tunisia	TUN	GS(m)	42.22	29.78
17	Ecuador	ECU	GS(m)	45.23	32.62

These figures depict a notional boundary — the perimeter of the Donjon. To make the Donjon contour more visual, we selected 17 Donjon marker countries such that in 2010 all of them were on the Donjon boundary, and only one country, Bhutan (BTN), was near the boundary.

These seventeen countries make up approximately one-third of all the Donjon countries. In the figures, each Donjon marker country is designated by its ISO-3 code [2]. Table 3 lists the Donjon marker countries. The list begins with Malaysia (MYS), which had the highest Absolute Power Index Q among these countries in 2010 and the highest Productivity Index Π. Countries after Malaysia in this list are ordered clockwise around the Donjon perimeter in 2010. The table shows the ISO-3 code, the structural element, and the two indices Π and Q in 2010.

Donjon countries on the plane {Π, Q} in 2010–2024

Figure 1 shows the distribution of the Donjon countries on the index plane {Π, Q} in 2010. All marker countries except BTN are located on the Donjon perimeter.

Figure 2 shows the same distribution in 2011. Mauritius (MUS) was inside the perimeter due to Gabon Π growth (Π=52.46 → Π=54.20), which led to a shift to the right of the right border of the Donjon.

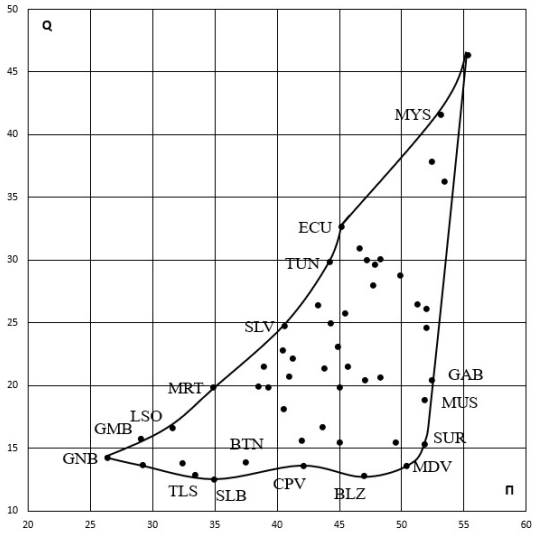

Fig. 1. The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {Π, Q}, 2010

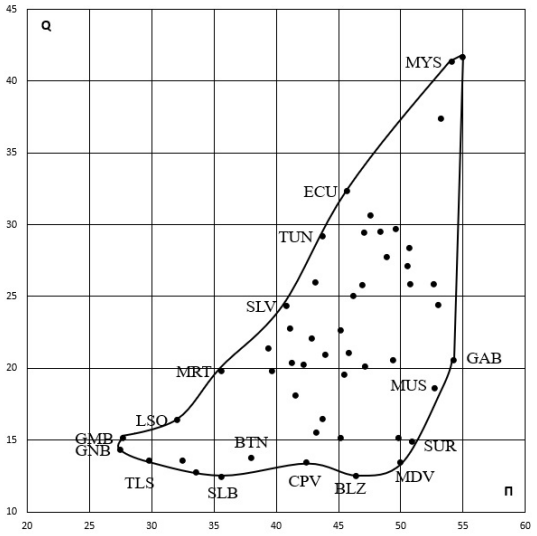

Fig. 2. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {Π, Q}, 2011**

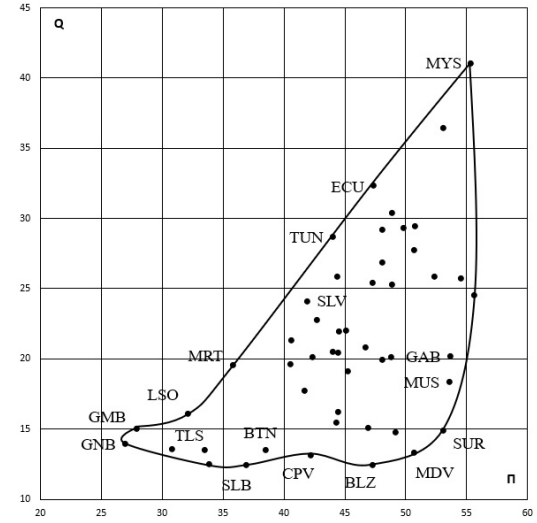

Fig. 3. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {Π, Q}, 2012**

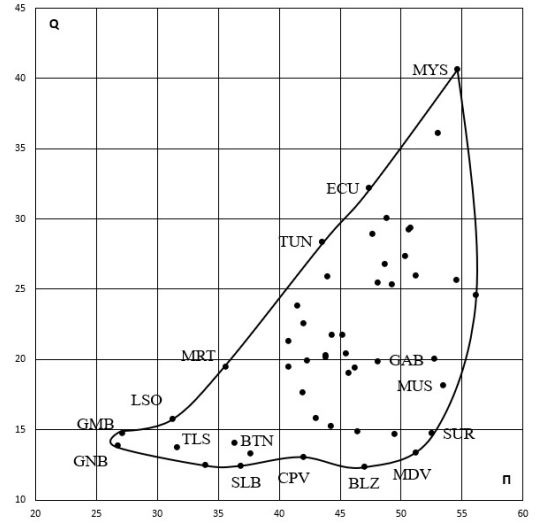

Fig. 4. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {Π, Q}, 2013**

Figure 3 shows the same distribution of Donjon countries in 2012. Gabon and Mauritius were inside the perimeter due to the rightward shift of the Donjon's right boundary. The boundary shifted to the right due to Malaysia's Π growth (Π=54.12 → Π=55.61) and the appearance of Panama on the border with a high value Π (Π=55.61, Q=24.54). Timor-Leste moved from the perimeter into the Donjon due to Π growth (Π=29.78 → Π=30.85). El Salvador also moved inside the Donjon due to Π growth (Π=40.82 → Π=41.90).

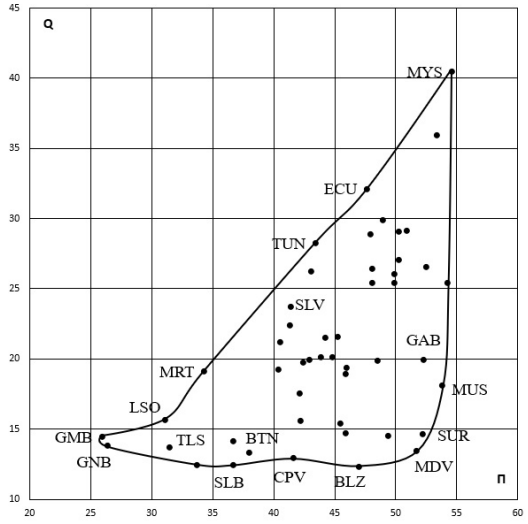

Fig. 5. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {Π, Q}, 2014**

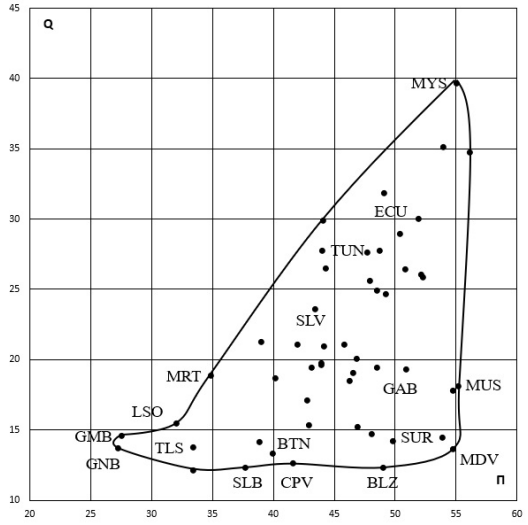

Fig. 6. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {Π, Q}, 2015**

In 2013, the distribution remained almost the same. Only the right boundary of the Donjon perimeter shifted further to the right due to the continued growth of Panama's Productivity Index Π (Figure 4). In 2014, Panama left the Donjon and moved into the structural element MW(b), as its Productivity Index Π exceeded that year's critical value Π_c (Π_c=56.71). Panama thus stopped "pulling" the right-hand boundary of the Donjon to the right, and this boundary shifted to the left. Meanwhile, Mauritius again found itself on the Donjon boundary (Figure 5).

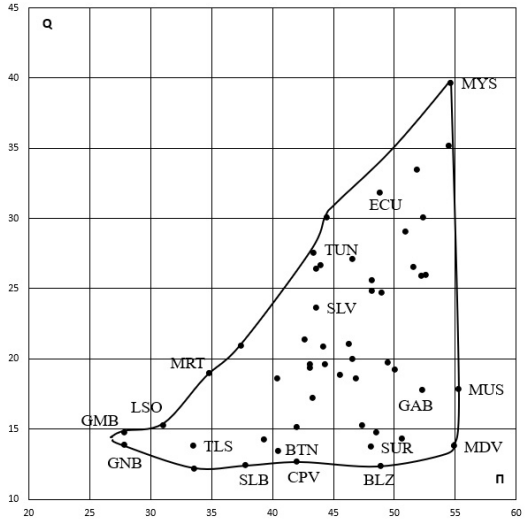

Fig. 7. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {Π, Q}, 2016**

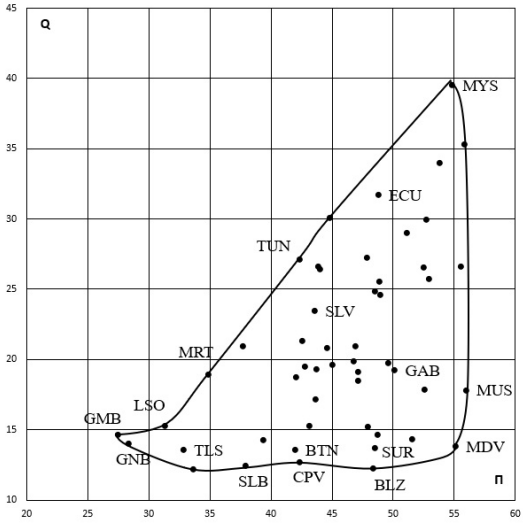

Fig. 8. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {Π, Q}, 2017**

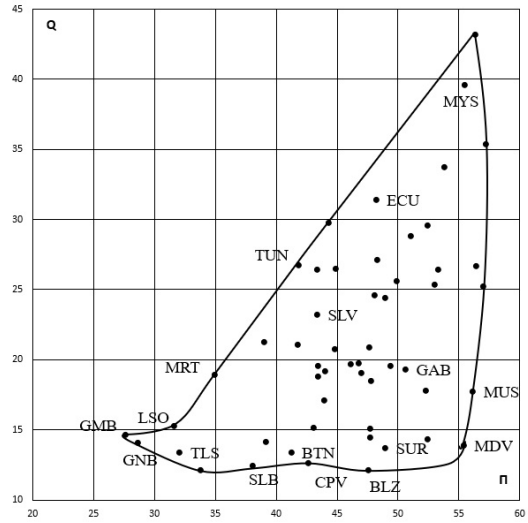

Fig. 9. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {П, Q}, 2018**

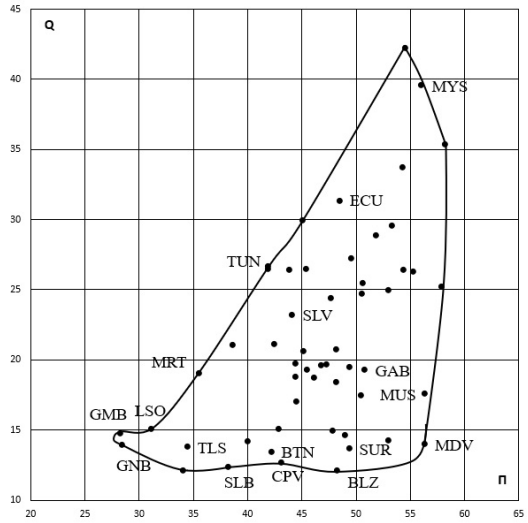

Fig. 10. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {П, Q}, 2019**

In 2015, the Maldives Productivity Index increased sharply (П=51.75 → П=54.76). Thus, Maldives "pulled" the lower edge of the right border of the Donjon to the right and Suriname ended up inside the Donjon despite the growth of its Productivity Index П (П=52.22 → П=53.81). In the same year, Guatemala was added to the list of Donjon countries, moving from the structural element GS(m.p.). Therefore, Tunisia and Ecuador ended up inside the Donjon (Fig. 6). Guatemala pulls the central part of the "diagonal" left border of the Donjon to the left in 2016 as well (Fig. 7).

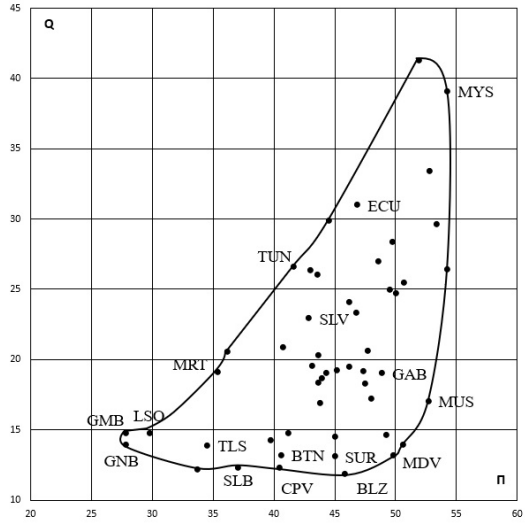

Fig. 11. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {П, Q}, 2020**

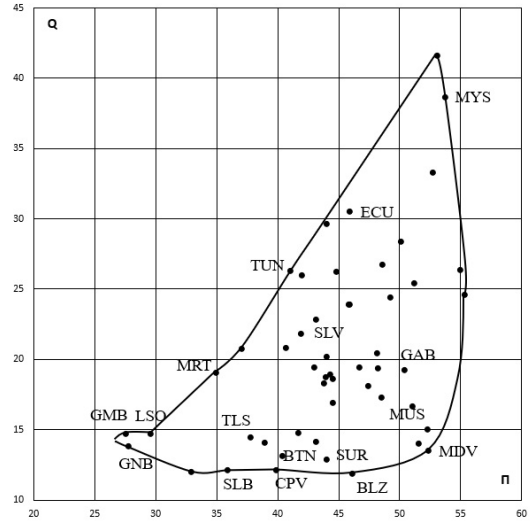

Fig. 12. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {П, Q}, 2021**

In 2017, 2018, and 2019, the overall distribution of marker countries remained unchanged (Figs. 8, 9, and 10). In 2020, Mauritius again found itself on the right edge of the Donjon, significantly "breaking away" to the right from its closest neighbor from 2010, Gabon. Lesotho's Absolute Power Index (Q) and its Productivity Index (П) significantly decreased, changing the shape of the Donjon boundary at the lower left "point" of the boundary (Fig. 11). In 2021 (Fig. 13) Costa Rica, having become a Donjon country, sharply pulled the central part of the Donjon's right border to the right. For this country, П=55.41 and Q=24.57. Next to it, inside the Donjon, is Bulgaria (П=54.98, Q=26.31). This shift in the Donjon's right border pushed Mauritius inside the Donjon.

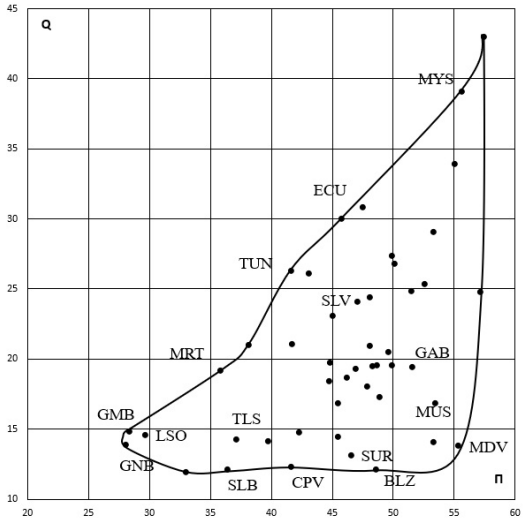

Fig. 13. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {П, Q}, 2022**

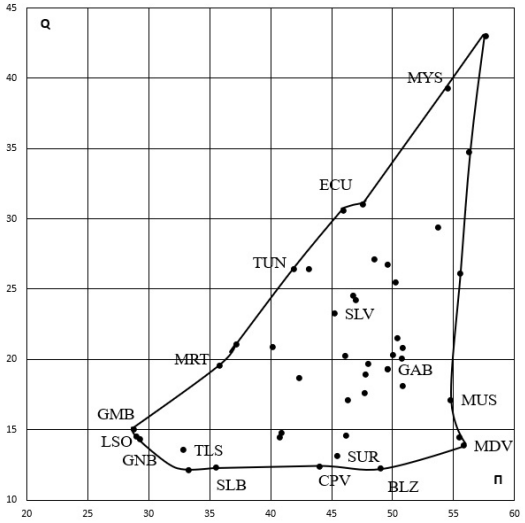

Fig. 14. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {П, Q}, 2023**

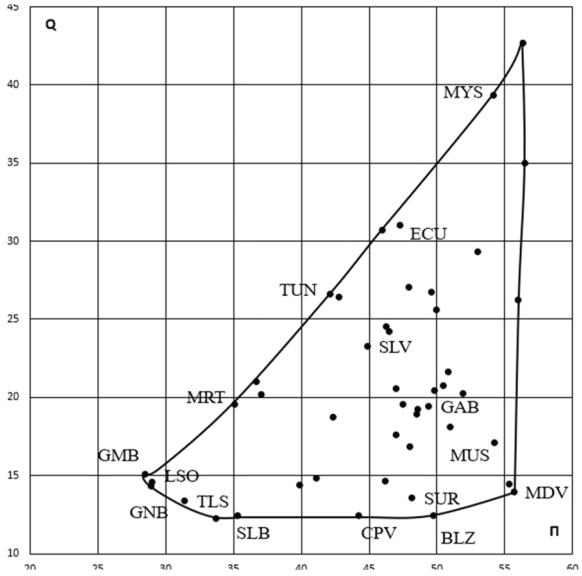

Fig. 15. **The Donjon of the Global South and the Donjon marker countries on the plane {П, Q}, 2024**

The most noticeable change in the distribution of the Donjon countries in 2022 (Fig. 13), 2023 (Fig. 14) and 2024 (Fig. 15) is the continued decline in the indices П and Q for Lesotho, which moves this country first inside the Donjon, then to the lower boundary of the Donjon.

Conclusions

The materials presented in this paper, in our view, convincingly demonstrate the combination of dynamism and stability of the Donjon: the Donjon countries shift relative to one another, but the Donjon, as a structural component of the Global South, remains virtually unchanged. These results, combined with previous studies examining the dynamics of the Global North [3], [4], as well as studies of the dynamics of economic and demographic giants [5], [6], create a fairly complete picture of the state of the Global Economy in 2010-2024.

References:

1. GDP. Population. GDP/PC. 2024 / The World Bank. Indicators [e-resource]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/

2. ISO 3166 country codes [e-resource] / ISO Online Browsing Platform. — URL: https://www.iso.org/obp/ui/

3. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. XIII. Correlation of GDP and population for the Global North in 2010-2024 / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2026. — №1(91). — С. 165-177.

4. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. XIV. Pareto Diagram of Productivity for the Global North Countries in 2010-2024 / Z.S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2026. — №1(91). — С. 177-194.

5. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. XI. Dynamics of economic giants in 2010-2024 / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2025. — №4(90). — С. 177-194.

6. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. XII. Dynamics of the Demographic Giants in 2010-2024 / Z.S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2025. — №4(90). — С. 194-204.

SYSTEMATIC APPROACHES TO IDENTIFYING CHANGE PROCESSES IN ORGANIZATIONAL ECONOMIC MANAGEMENT

Smolkin Valery Petrovich, *PhD of Economics, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk*

Udalov Oleg Fedorovich, *DSc of Economics, National Research Nizhny Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod*

Fadeeva Irina Pavlovna, *Ulyanovsk State University, Ulyanovsk*

This article presents an analysis of systems approaches to identifying change processes in organizational economics. The focus on areas of organizational management requiring transformation is driven by the search for strategies to improve manageability, productivity, competitiveness, and stability of economic development, as well as to reduce risks and systemic failures. The analysis proposes constructing organizational and motivational mechanisms that influence organizational development through the development of a resource management strategy. A classification of resource types supporting industrial enterprise development and quantitative methods for their assessment are presented. The positive role of organizational and motivational mechanisms manifested through corporate culture, change leadership, and the company's adaptive structure is revealed. These mechanisms contribute to the formation of a positive and motivating perception of the future among employees in innovative activities and the provision of economic added value. The results reveal the constructive impact of human potential on organizational competitiveness and the role of intangible assets in ensuring enterprise growth and competitiveness.

Keywords: *systems approach; economic management of the organization; changes in management; process identification; human potential; competitiveness; management efficiency; organizational and economic processes.*

EDN: QEAEHY ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.42***

Цитировать: *Смолькин В.П., Удалов О.Ф., Фадеева И.П. Системные подходы к идентификации процессов изменений в управлении экономикой организации // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 303-308. EDN: QEAEHY. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.42*

УДК 338
5.2.6

СИСТЕМНЫЕ ПОДХОДЫ К ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРОЦЕССОВ ИЗМЕНЕНИЙ В УПРАВЛЕНИИ ЭКОНОМИКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

© Смолькин В.П., Удалов О.Ф., Фадеева И.П., 2026

В статье представлен анализ системных подходов к идентификации процессов изменений в экономике организаций. Обращение к теме исследования областей организационного управления, нуждающихся в трансформации, обусловлено поиском стратегии повышения управляемости, производительности, конкурентоспособности и стабильности экономического развития, а также снижения рисков и системных сбоев. В ходе анализа предложено конструирование организационно-мотивационных механизмов, влияющих на развитие организации через разработку стратегии управления ресурсами; представлена классификация видов ресурсов, обеспечивающих развитие промышленного предприятия и количественные способы их оценки; выявлена позитивная роль организационно-мотивационных механизмов, проявляющихся через корпоративную культуру, лидерство в изменениях и адаптивную структуру компании, и способствующих формированию позитивного и мотивирующего восприятия будущего среди сотрудников организации в инновационной деятельности, в обеспечении экономической добавленной стоимости. В результате выявлены конструктивное воздействие человеческого потенциала на конкурентоспособность организаций и роль нематериальных активов в обеспечении роста и конкурентоспособности предприятия.

Ключевые слова: *системный подход; управление экономикой организации; изменения в управлении; идентификация процессов; человеческий потенциал; конкурентоспособность; эффективность управления; организационно-экономические процессы.*

СМОЛЬКИН Валерий Петрович, *кандидат экономических наук, Ульяновский государственный университет, Ульяновск*

УДАЛОВ Олег Федорович, *доктор экономических наук,*

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

ФАДЕЕВА Ирина Павловна, *Ульяновский государственный университет, Ульяновск*

Торгово-экономические условия требуют от современных предприятий гибкости и адаптации к новым экономическим реалиям. Как активные участники экономической среды, организации испытывают различные социоэкономические трансформации. Эти адаптационные процессы многоаспектны и могут быть классифицированы следующим образом:

1) процессы деградации, отражающие ухудшение экономических показателей в деятельности организаций;

2) инерционные процессы, отражающие постоянные аспекты в экономической жизни организаций, которые сохраняют свою динамику несмотря на колебания в макро- и мезоэкономическом контексте;

3) тенденции нового роста, отличающиеся процветающими перспективами в экономической деятельности предприятий.

Для распознавания разнообразных моделей экономических изменений в компаниях, функционирующих в условиях рынка, используются различные методологические стратегии.

Современная методология системного анализа в управлении организацией признает необходимость глубокого исследования всех ключевых аспектов её экономической деятельности, включая производство, маркетинг и сбыт, финансы, информацию, персонал, человеческие ресурсы. Они представляет собой основные элементы организационной социально-экономической системы (далее СЭС), а значит, выступают объектами организационного управления. Эти элементы обладают системообразующим качеством, и от них зависит эффективность использования всех остальных ресурсов. Метод предусматривает проведение глубокой аналитики экономического состояния предприятия через анализ ключевых элементов его экономической структуры. Данный подход оценивается как особенно подходящий для исследования деятельности предприятия в качестве независимого экономического агента, требующего комплексного анализа эффективности экономических процессов и качества трудовой среды сотрудников. Согласно оценке экспертов, что такой метод наиболее целесообразен для исследования социально-экономических аспектов малых и средних предприятий, где количество ключевых экономических факторов ограничено по сравнению с более масштабными экономическими системами [7].

Анализ деятельности и прогресса организаций, рассматриваемых как независимые экономические и социальные единицы, охватывает три основных аспекта:

1) анализ скорости развития экономики компании;

2) описание модели экономической структуры компании;

3) исследование экономической результативности операционной деятельности компании.

Используя данный системный метод, можно комплексно оценить и проследить динамику социально-экономического прогресса организаций на различных этапах их эволюции, а также определить направление их стратегических изменений.

Разработка организационно-мотивационных механизмов (ОММ) [6], направленных на стимулирование прогресса компании, требует глубокого изучения и создания стратегии ресурсного управления. Комплексность ресурсных структур, значимость материального компонента, необходимость инвестиционных вложений и эффективность использования ресурсного портфеля акцентируют внимание на этом аспекте управления. Уникальность российской экономической среды вносит специфические особенности в ресурсное обеспечение отечественных предприятий, включая дефицит некоторых нематериальных активов, в том числе социального капитала, а также проблемы с устаревшим материально-техническим обеспечением и применением базовых технологий.

Таблица 1 демонстрирует разновидности ресурсов, критически необходимых для прогресса промышленного комплекса.

Оценка внутренней эффективности организации требует анализа использования ресурсов, что является сложной задачей из-за разнообразия и специфичности активов, которые сложно оценить объективно.

Для оценки ресурсов применяются различные методики: традиционная, основанная на бухгалтерской отчетности, и балльная система. В указанной таблице 2 представлены различные методы количественного анализа ресурсов.

Таблица 1 — **Типы активов, способствующие прогрессу промышленной компании [4]**

Типы	Материальные	Нематериальные
1. Корпоративные финансы (внутрикорпоративные аспекты)	– личные и привлеченные финансовые ресурсы	– доступ к инвестициям; – обеспечение денежного потока
2. Производственные (внутрикорпоративные)	– основные средства; – сырье и материалы	– обеспечение доступа к базовым материалам и природным запасам; – технологии производства и прочие, включая ноу-хау.
3. Организационные (внутрикорпоративные аспекты)	– коммуникационные системы и данные хранения информации	– коммуникационные системы и данные хранения информации – интеллектуальное право (лицензии, патенты и пр.); – бизнес-процессы и процедуры; – юридическое оформление субъекта и юридический статус; – местоположение; – организационная культура
4. Человеческие (корпоративные)	– объем и профессионализм сотрудников (согласно требованиям)	– знания (явные и неявные); – навыки для осуществления конкретных задач; – профессиональные компетенции и личностные характеристики; – доступ к услугам труда
5. Социальные (сетевая структура)	– материальная база цифрового пространства сети; – ресурсное оснащение каналов маркетинга и дистрибуции; – бренд и репутация;	– клиентская база; – отношения с поставщиками, преданность поставщиков; – приверженность и уверенность остальных заинтересованных сторон

Квантитативные метрики, хоть и условно ассоциируются с определенными активами, играют ключевую роль в точной оценке и анализе. Применение этих измерителей облегчает не только точный анализ, но и поддержку динамичной, комплексной оценки ресурсов.

Ключевым метриком для оценки эффективности управления ресурсами является показатель общей факторной производительности (ОФП), отражающий соотношение объемов произведенной продукции к объему ресурсов, использованных в процессе производства [16]. Такое соотношение помогает оценить, как изменяется производительность в организации или в отрасли в целом. В исследовании С.Б. Авдашевой анализируется адаптированная версия индекса Торнквиста, который измеряет изменения в эффективности ресурсопользования, акцентируя внимание на двух ключевых ресурсах: труде (отталкиваясь от данных о численности персонала) и капитале (исходя из данных о ценности основных фондов) [1].

Исследователи часто прибегают к методу взвешенных экспертных оценок для анализа значимости различных ресурсов в портфеле компании. В исследовании Р. Гранта [2] анализируется уникальность ресурсов в автомобильной отрасли, используя критерии стратегической важности и относительной силы. Оценке подвергаются ресурсы, включающие финансы, технологии, производственные мощности и дистрибьюторскую сеть. Важно отметить, что индикаторы оценки ресурсов, применяемые Грантом, не всегда напрямую связаны с оценкой уникальных характеристик ресурса, включая такие параметры, как операционные денежные потоки или уровень прогулов. В работе Й. Рууса и его коллег применяется аналогичный взвешенный метод: на основе опроса руководителей составляется «ресурсное дерево», которое помогает анализировать текущую и необходимую ситуацию ресурсов в контексте формирования бизнес-ценности [5].

В сфере экономики существует множество методологий анализа эффекта ресурсных факторов на развитие компаний. Основные методы включают разработку структурированных моделей [15], применение BCG матрицы [3], оценку финансовой рентабельности и применение эконометрических техник. В арсенале также присутствуют интегрированные подходы, такие как измерение добавленной рентабельности по методу экономической добавленной стоимости Бретта Стюарта [19].

Таблица 2 — **Методы количественного анализа ресурсов**

Виды ресурсов	**Показатели**	
	Экономичности	**Эффективности**
1. Финансовые	Коэффициенты ликвидности, финансовой стабильности и рентабельности. Стоимость заемных средств.	Прибыль. Рентабельность продаж
2. Производственные	Показатели: — состояния активов компании (показатели — амортизация, инвестиции в обновление активов; —состояния производственных фасилитетов; — коэффициента оборачиваемости оборотного капитала; — обновления продукции.	Рентабельность капитала. Фондоотдача. Материалоотдача
3. Организационные	Показатели эффективности бизнес-процессов (цена — сроки — уровень исполнения). Уровень управленческих затрат.	Доход на одного руководителя. Экономическая выгода от инновационных предложений сотрудников
4. Человеческие	Фондовооруженность. Метрики оценки эффективности работы сотрудников. Затраты на персонал.	Доход на одного сотрудника. Эффективность использования человеческих ресурсов. Производительность труда
5. Социальные	Метрики лояльности заказчиков включают: — коэффициент лояльности поддержания пользователей, — доходность с каждого клиента, — число обращений с жалобами. Маркетинговые метрики: — валюация бренда, охват в соцсетях. Объем коммерческих трансакционных расходов.	Рентабельность одного клиента. Доход на один уникальный пользовательский визит

Аналитические исследования ресурсных портфелей и их значение в прогрессе промышленных компаний, подчеркивают различия в доступности ресурсов между развитыми и развивающимися странами, а также выявляют важную роль человеческих ресурсов в формировании экономической ценности, инновационной активности и адаптивности российских предприятий. Публикации о разработке стратегий усиления человеческого потенциала организации (ЧПО) [6] указывают на то, что сокращение разрыва в мотивации сотрудников может значительно улучшить конкурентные позиции российских фирм по сравнению с западными аналогами. Основываясь на этих выводах, можно сформулировать следующую гипотезу.

Гипотеза 1: Развитие человеческого потенциала способствует улучшению позиций компании на рынке в контексте российской экономической арены. Для детализации процесса влияния этого аспекта можно выдвинуть дополнительные гипотезы, которые объяснят механизмы повышения конкурентоспособности через управление человеческим потенциалом.

Далее в архитектуре модели управления человеческим потенциалом представлены предпосылки, касающиеся интеграции сочетания корпоративной культуры, управления изменениями на уровне лидерства и адаптивной структуры управления. Это сочетание ориентировано на оптимизацию стимулирования работников в контексте специфики российского рынка. Генеральная гипотеза модели может быть выражена следующим образом.

Гипотеза 2: Внедрение механизмов мотивации и организации ОММ, проявляющихся через корпоративную культуру, лидерство в изменениях и адаптивную структуру компании, способствует формированию позитивного и мотивирующего восприятия будущего среди сотрудников организации.

Для проверки гипотез в рамках модели управления ЧПО требуется определить критерии измерения переменных, собрать необходимые данные, подобрать адекватный метод для оценки каузальных связей и выполнить анализ с применением соответствующего эконометрического метода.

Для адекватной оценки социально-экономического положения предприятия, определения динамики его развития и выявления экономических изменений целесообразно

использовать методологию экономического анализа. Экономический анализ неотъемлемо связан с управлением экономическими процессами в организации. Аналитики предпочитают использовать эконометрические методы для установления корреляций между доступными ресурсами и стратегическими направлениями деятельности, включая международное позиционирование и эффективность бизнеса [11]. На рубеже XX–XXI веков акцент делался на изучении связи между объемом материальных ресурсов и скоростью экономического развития [10]. Современный тренд заключается в исследовании влияния нематериальных активов на рост и конкурентоспособность компании [13].

В исследовании Д. Миллера и Дж. Шамзи [8] применен динамический подход к анализу ресурсов предприятий, основываясь на сравнении их деятельности в двух разных экономических циклах: стабильном (1936–1950 гг.) и нестабильном (1951–1965 гг.). Анализировались как дискретные ресурсы (патенты, специализированные умения), так и систематические (целостность производственных процессов, компетенции в управлении). Исследование выявило, что в период стабильности наибольший вклад в результативность вносили материальные активы, тогда как в период нестабильности ключевую роль играли интеллектуальные ресурсы и компетенции.

В рамках исследования взаимосвязей между нематериальными активами и стратегическим развитием организаций, А. Кармели [12] анализировал 90 компаний из Израиля, применяя аналитическую модель VRIO, разработанную Дж. Барни. Из 22-х типов ресурсов, руководители предприятий отбирали ключевые для их стратегии развития. Результаты показали, что компании, демонстрирующие высокие темпы роста, акцентируют внимание на развитии человеческого капитала, маркетинговых стратегий и организационной структуры, в то время как менее динамично развивающиеся организации сосредоточены на укреплении репутации, качестве продукции и правах на интеллектуальную собственность. Таким образом, исследование подчеркивает связь между выбором ресурсов и стратегическим успехом в достижении устойчивого роста организаций.

Важным вкладом в менеджмент является работа Дж. Хи и Х. Ванга [14], которая демонстрирует, что разнообразие ресурсов компании коррелирует с различиями в методах управления, включая такие аспекты, как мотивация и контроль персонала. С другой стороны, исследование Т. Реуса и его коллег [17] предлагает ответы на вопросы о том, почему некоторые компании инвестируют в развитие знаний больше, чем другие, и как эти инвестиции могут иметь различное влияние на ценностное предложение бизнеса. Они утверждают, что ключ к разгадке заключается в соотношении между потребностью в ресурсе и объемом вложений в его приобретение.

Анализ разных подходов [9; 18] позволяет заключить, что 1) влияние ресурсов различается в зависимости от специфики отрасли; 2) нематериальные активы играют более значительную роль, чем материальные, хотя локальные бизнесмены преимущественно инвестируют в физические ресурсы, прежде всего в закупку сырья; 3) инвестиции в человеческий капитал наиболее позитивно сказываются на доходах компаний, в то время как вложения в сырье и реляционный капитал имеют противоположный эффект.

Заключение. По результатам исследования сформулированы следующие выводы.

1. Анализ существующих системных подходов к идентификации процессов изменений в экономике организаций позволил предложить конструирование организационно-мотивационных механизмов (ОММ), влияющих на развитие организации через разработку стратегии управления ресурсами.

2. Представлена классификация видов ресурсов, обеспечивающих развитие промышленного предприятия и количественные способы их оценки. Квантитативные метрики, применяемые для оценки активов, облегчают не только точный анализ, но и комплексную оценку ресурсов.

3. Обозначена позитивная роль организационно-мотивационных механизмов (ОММ), проявляющихся через корпоративную культуру, лидерство в изменениях и адаптивную структуру компании, и способствующая формированию позитивного и мотивирующего восприятия будущего среди сотрудников организации в инновационной деятельности.

4. Выявлены конструктивное воздействие человеческого потенциала на конкурентоспособность организаций и роль нематериальных активов в обеспечении роста и конкурентоспособности предприятия.

Литература:

1. Авдашева С.Б. Количество против качества экономического роста: эффективность использования ресурсов в российской промышленности в 1997–2001 гг. / С. Б. Авдашева // Российский журнал менеджмента. — 2003. — №2. — С. 55.

2. Грант Р.М. Современный стратегический анализ. — СПб.: Питер, 2008. — С. 168–169.

3. Ивашковская И.В. Управление стоимостью компании: вызовы российскому менеджменту / И.В. Ивашковская // Российский журнал менеджмента. — 2004. — Т. 2, №4. — С. 113–123.

4. Орехова С.В. Формирование методологии устойчивого развития металлургического предприятия на основе ресурсно-институционального подхода: дис. …д. экон. наук / С.В.. Орехова. — Екатеринбург, 2018. — 387 с.

5. Руус Й. Интеллектуальный капитал: практика управления / Й. Русс, С. Пайк, Л. Фернстрем. // СПб.: Высшая школа менеджмента; Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2007.

6. Смолькин В.П. Формирование механизмов интенсификации человеческого потенциала организации в обеспечении её конкурентоспособности / В.П. Смолькин, О.Ф. Удалов, В.В. Кутепова // Вестник Академии Знаний. — 2023. — №3(56) — 456-460.

7. Тургель И.Д. Моноспециализированный город: теория и практика управления социально-экономическим развитием: дис. … д-ра эконом. наук / И.Д. Тургель. — Екатеринбург, 2001. — 396 с.

8. Фляйшер К. Стратегический и конкурентный анализ. Методы и средства конкурентного анализа в бизнесе / К. Фляйшер Б. Бенсуссан — М.: Бином. Лаборатория знаний, 2012. — С. 271–273.

9. Широкова Г.В. Управление предпринимательской фирмой / Г.В. Широкова — СПб.: Высшая школа менеджмента, 2011. — С. 161–168.

10. Auty R.M. Resource abundance and economic development / R.M. Auty — Oxford: Oxford University Press, 2001.

11. Barney J.B. Resource-Based Theory: Creating and Sustaining Competitive Advantage. / J.B. Barney, D.N. Clark // Oxford: Oxford University Press, 2007. — Pp. 11–12.

12. Carmeli A. Assessing Core Intangible Resources / A. Carmeli // European Management Journal. — 2004. — №22(1). — Pp. 110–122.

13. Daunfeldt S-O. Are high-growth firms overrepresented in high-tech industries? / S-O. Daunfeldt, N. Elert, D. Johansson // Industrial and Corporate Change. — 2016. — №25(1). — Pp. 1–21.

14. He J. Innovative knowledge assets and economic performance: The asymmetric poles of incentives and monitoring / J. He, H.C. Wang // Academy of Management Journal. — 2009. — №52(5). — Pp. 919–938.

15. Higgins R.C. How much growth can a firm afford? / R.C. Higgins // Financial Management. — 1977. — №6(3). — Pp. 7–16.

16. OECD Productivity Manual / A Guide to the Measurement of Industry-level and Aggregate Productivity Growth. — Washington, D.C.: OECD, 2001.

17. Reus T.H. An interpretive systems view of knowledge investments / T.H. Reus, A.L. Ranft, B.T. Lamont, G.L. Adams // Academy of Management Review. — 2009. — №34(3). — Pp. 382–400.

18. Skaletskii E. Role of the strategy in the relationship between recourses and firm growth in the con-text of crisis in the emerging market / E. Skaletskii // International Conference materials «GSOM Emerging Markets Conference». — St. Petersburg, 2016. — Pp. 372–377.

19. Stewart B.G. Best-practice EVA. The definitive guide to measuring and maximizing shareholder value / B.G. Stewart — Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons Inc., 2013.

INVESTMENT TOKENS: THE EVOLUTION OF FINANCIAL INSTRUMENTS AND THEIR ROLE IN SHAPING MODERN ECOSYSTEMS

Tkachuk Peter Yurievich, *DSc of Economics, Associate Professor, member of the Free Economic Society*

Rozmyslov Alexander Nikolaevich, *PhD of Economics, Associate Professor*

Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk, LPR

The study is devoted to the study of the history of the emergence of investment tokens and other types of electronic money as a means of payment. It was found that despite the high rate of development, the share of cryptocurrencies in the international financial market remains insignificant at the moment. Thus, investment tokens have little impact in the overall composition of the financial market capitalization. At the same time, digital financial assets are spreading with a significant level of acceleration, which creates prerequisites for their detailed study both in terms of studying the regulatory framework for their study, and in terms of their impact on building modern financial ecosystems. This is due to the fact that the way digital financial assets are used varies significantly depending on the country of their use, which creates threats and risks for participants in the financial ecosystem of a particular country. The purpose of this article is to clarify the role of digital financial assets as financial assets generated using distributed ledger technology (or similar technologies) in building modern financial ecosystems. A special feature of such assets is their existence exclusively in electronic form, while they can be transformed into the form of cash, equity instruments or contractual rights. It was noted in the paper that the definition of digital assets does not cover the digital expression of fiat currencies, securities and other financial assets. The scientific contribution of the study is to systematize the criteria for investment tokens and identify the factors influencing their transformation when building models of financial ecosystems. The practical significance of the research lies in the possibility of attracting global capital using tokens in the context of the functioning of traditional models of the securities market.

Keywords: *crypto assets; investments; tokens; financial market; digital economy; ecosystem; digital assets; bitcoin; investment contract.*

EDN: RGNAVA ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.43***

Цитировать: *Ткачук П.Ю., Розмыслов А.Н. Инвестиционные токены: эволюция финансовых инструментов и их роль в формировании современных экосистем // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 309-320. EDN: RGNAVA. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.43*

УДК 336.763
5.2.4

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ТОКЕНЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОСИСТЕМ

© Ткачук П.Ю., Розмыслов А.Н., 2026

Исследование посвящено изучению вопросов истории появления инвестиционных токенов и прочих типов электронных денег как средств платежа. В ходе разработки проблематики установлено, что несмотря на высокие темпы развития доля криптовалют на международном финансовом рынке на настоящий момент остается незначительной. Таким образом, инвестиционные токены оказывают незначительное влияние в общем составе капитализации финансового рынка. При этом, цифровые финансовые активы распространяются со значительным уровнем ускорения, что создает предпосылки их детального изучения как с точки зрения изучения нормативно-правовой базы их изучения, так и с точки зрения их влияния на построение современных финансовых экосистем. Это связано с тем, что способ применения цифровых финансовых активов значительно различается в зависимости от страны их применения, что создает угрозы и риски для участников финансовой экосистемы конкретной страны. Целью исследования является уточнение роли цифровых финансовых активов, как финансовых активов, генерируемых с помощью технологии распределенного реестра (или аналогичных технологий) при построении современных финансовых экосистем. Особенностью таких активов является их существование исключительно в электронной форме, при этом они могут быть трансформированы в форму денежных средств, инструментов собственного капитала или договорных прав. В работе отмечено, что определение цифровых активов не охватывает цифровое выражение фиатных валют,

ТКАЧУК Петр Юрьевич, *доктор экономических наук, доцент, член Вольного экономического общества*

SPIN-код 2683-2498

ORCID: 0000-0000-0003-1746-084X

РОЗМЫСЛОВ Александр Николаевич, *кандидат экономических наук, доцент*

SPIN-код 2448-2400

ORCID: 0000-0003-1307-9662

Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск, ЛНР

ценных бумаг и других финансовых активов. Научный вклад исследования заключается в систематизации критериев инвестиционных токенов и определении факторов, влияющих на их трансформацию при построении моделей финансовых экосистем. Практическое значение исследования заключается в возможности привлечения мирового капитала с использованием токенов в условиях функционирования традиционных моделей рынка ценных бумаг.

Ключевые слова: *криптоактивы; инвестиции; токены; финансовый рынок; цифровая экономика; экосистема; цифровые активы; биткоин; инвестиционный контракт.*

Введение

Экономическое развитие современного общества определяется переходом к цифровой экономике. Этот процесс характеризуется комплексным внедрением цифровых технологий во все сферы бизнеса и развитием соответствующей государственной инфраструктуры. В финансовой сфере цифровизация привела к появлению революционных инструментов, построенных на блокчейне: криптовалют, инвестиционных токенов и стейблкоинов. Эти инновации радикально изменили механизмы платежей и привлечения инвестиций.

За последнее десятилетие рынок цифровых финансовых активов продемонстрировал феноменальный рост. В качестве иллюстрации, рыночная капитализация одних только криптовалют за период с июля 2013 по июль 2023 года, увеличилась с 1,08 млрд долл. до 1,25 трлн долл., что составляет более чем 1150-кратный рост. По данным на октябрь 2025 года, «…совокупная рыночная капитализация криптовалют достигла 5,2 трлн долла. США, при этом доля Bitcoin — 48%» [1]. Ключевыми факторами роста капитализации криптовалют являются ужесточение нормативного контроля, прогресс в развитии блокчейн-инфраструктуры и увеличение числа случаев использования криптовалют как полноценных финансовых инструментов.

Из открытых источников публичной информации следует, что «…история криптовалюты начинается с 80-х годов XX столетия. В 1983 году американский криптограф Дэвид Чаум придумал первый тип электронных денег под названием «ecash»» [2]. Электронных деньги неподконтрольные Центральным банкам своих стран, не подвергались инфляции и самое главное — «…не имели физического носителя, а представляли ограниченный набор случайных цифр, формирующих номер электронной банкноты, с помощью которой можно было проводить банковские финансовые операции» [4, с. 41]. В 1985 году была запущена первая платежная система, а в 1989 году появилась компания «DigiCash», ставшая пионером в сфере цифрового золота, занимаясь его обслуживанием и созданием.

В 2014 году состоялось первое первичное размещение монет (ICO — Initial coin offering англ. — «первичное предложение монет»), и, хотя сфера криптоактивов демонстрирует стремительное развитие, ее доля в мировой экономике остается небольшой. По данным CoinMarketCap «…на середину августа 2025 года, общая рыночная капитализация криптовалют достигла 4,2 трлн долл.». По данным Всемирной федерации бирж (World Federation of Exchanges, WFE), скорректированным Econovis с учётом рынков Великобритании и Гонконга, «…в июне 2025 года капитализация мирового фондового рынка достигла 133 трлн долл.» [3].

Результаты и обсуждение

В мировой практике до сих пор отсутствует унифицированное, согласованное опре-

[1] Какова актуальная ситуация на рынке криптовалют в октябре 2025 года? URL: https://www.gate.com/ru/crypto-wiki/article/what-is-the-current-market-overview-for-crypto-in-october-2025

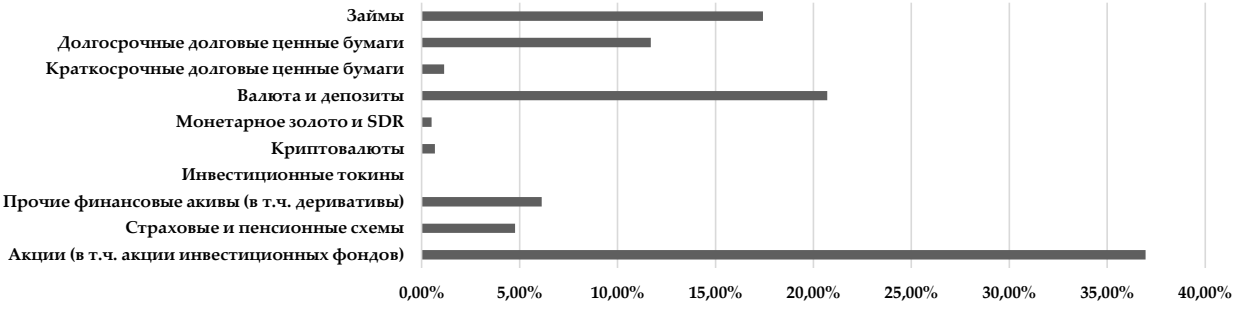
[2] SEC's Regulatory Net Now Covers $120 Billion of Crypto After Coinbase, Binance Action. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-06-06/sec-regulatory-net-now-covers-115-billion-of-crypto-after-suit-against-binance

[3] Текущее состояние криптовалютного рынка в 2025 году: всесторонний обзор. URL: https://www.gate.com/ru/crypto-wiki/article/what-is-the-current-state-of-the-crypto-market-in-2025-a-comprehensive-overview

деление понятия «цифровая экономика». Как правило, исследования сосредоточены на отдельных технологических инновациях и трансформациях, которые они вызывают в экономической деятельности и способах взаимодействия субъектов хозяйствования. Вследствие этого, в зависимости от того, на каких именно типах цифровых технологий делается упор, научное сообщество предлагает различные модели этапов становления цифровой экономики.

В частности, к так называемым «универсальным цифровым решениям», применяемым для выявления, накопления, сохранения, анализа, транспортировки и отображения информации в электронном формате, которые актуальны для всех сфер хозяйствования, создают новые рынки и трансформируют операционные процессы, можно причислить: технологии беспроводной коммуникации, технологии виртуальной и дополненной действительности, большие массивы данных, квантовые разработки, составляющие робототехники, нейроинженерию и искусственный интеллект, промышленный Интернет и технологии блокчейна. При этом, понятие «криптовалюта» более специфично, поскольку оно охватывает только один тип цифровых финансовых активов. Это становится очевидным при изучении нормативно-правовых актов, регулирующих выпуск и оборот криптовалют в мире, а также при ознакомлении с документами и публикациями международных финансовых институтов. Однако, такое определение не раскрывает их экономическую суть и не учитывает их цифровую природу.

Результаты анализа мирового финансового рынка на начало второго квартала 2025 года свидетельствуют о том, что доля криптовалют в общей капитализации не превышала 1%. При этом, инвестиционные токены практически не оказывали влияния на мировой финансовый рынок, составляя лишь 0,01% от его общей капитализации.

	Акции (в т.ч. акции инвестиционных фондов)	Страховые и пенсионные схемы	Прочие финансовые акивы (в т.ч. деривативы)	Инвестиционные токины	Криптовалюты	Монетарное золото и SDR	Валюта и депозиты	Краткосрочные долговые ценные бумаги	Долгосрочные долговые ценные бумаги	Займы
Ряд1	36,96%	4,77%	6,13%	0,01%	0,68%	0,51%	20,71%	1,14%	11,69%	17,42%

Рисунок 1 — **Структура мирового финансового рынка по видам активов и доля на нем цифровых финансовых активов (криптовалют и инвестиционных токенов), по состоянию на начало 2025 г.**

Источник: составлено авторами на основе [5]

Следует учитывать, что в настоящее время влияние криптовалют на финансовую систему не представляют серьезной угрозы для глобальной финансовой стабильности. Однако, быстрое развитие рынка цифровых валют, их потенциальное влияние на отдельные национальные экономики, а также растущая интеграция с традиционными финансовыми рынками и привлечение системно важных учреждений, значительно усиливают их способность влиять на функционирование финансовой системы в целом.

Поскольку цифровые финансовые активы (ЦФА) быстро распространяются и все больше интегрируются с традиционными финансами, исследование роли инвестиционных токенов в современных финансовых экосистемах особенно актуально из-за специфических характеристик ЦФА, таких как их нестабильность, склонность к резким изменениям,

быстрое развитие, глобальный характер и отсутствие согласованного международного регулирования. Как считают Е.М. Азарян [12], И.А. Ангелина [2], Л.А. Омельянович [10], В.А. Орлова [8] и П.Ю. Ткачук [11] эти факторы создают риски, связанные с возможными пробелами в законодательстве и использованием нормативных различий.

К причинам периодических колебаний на рынках криптоактивов можно отнести незаконное вмешательство третьих лиц в функционирование криптобирж или операторов конкретных криптовалют, повлекшее потерю средств их владельцам и высокую нестабильность курсов криптовалют, что отличает их от фиатных валют. Однако, по состоянию на время подготовки данного исследования, эти эпизоды нестабильности не выходили за пределы локальных проявлений и не представляли никакой угрозы для устойчивости как самих финансовых рынков, так и субъектов, обеспечивающих их функционирование. При этом, значительная часть операций с криптовалютами и производными финансовыми инструментами, основанными на них, осуществляется на платформах, которые часто функционируют вне регуляторного поля финансовых органов или открыто нарушают действующее законодательство.

На сегодняшний день степень и способ использования цифровых финансовых активов, а также их регулирование значительно различаются в зависимости от страны. Некоторые юрисдикции полностью запрещают операции с криптоактивами, в то время как другие создают расширенные нормативные рамки. Эти рамки могут быть сформированы как путем разработки специальных законов для цифровых активов, так и путем применения существующих норм, регулирующих традиционные финансовые инструменты, к определенным видам цифровых активов. Такой подход оправдан тем, что цифровые финансовые активы часто имеют общие черты, функции и связанные с ними риски с традиционными активами, что влияет как на владельцев, так и на национальные финансовые системы и экономики.

В контексте определения платежных токенов и токенов ценных бумаг (инвестиционных токенов) как доминирующих групп цифровых финансовых активов, представляется целесообразным проведение сравнительного анализа их характеристик с традиционными финансовыми инструментами. Первый этап исследования предполагает изучение специфики токенов ценных бумаг и их интеграции в парадигму традиционных ценных бумаг. Второй этап исследования будет посвящен анализу платежных токенов, выявлению их общих черт и отличий от традиционных платежных средств.

Токены ценных бумаг представляют собой цифровые активы, подпадающие под определение ценных бумаг или финансовых инструментов. Следует подчеркнуть, что в некоторых юрисдикциях нормативно-правовая база не предусматривает отдельной классификации для токенов ценных бумаг. В частности, в Европейском Союзе Европейское управление по надзору за рынком ценных бумаг (ESMA) рассматривает их как криптоактивы инвестиционного типа, а Европейское банковское управление (EBA) — как инвестиционные токены. В Швейцарии они классифицируются как токены активов.

Важно отметить, что в контексте криптоактивов под активами мы подразумеваем токены, которые пользователи могут создавать в рамках определенных протоколов. Эти токены выпускаются не путем майнинга, а путем привлечения средств от других участников платформы. Они существуют в определенном блокчейне и могут иметь любое наименование, номинал или назначение, определяемое их эмитентом. Например, токены активов могут представлять:

— активы, имеющие физическую форму или цифровой эквивалент, подтверждающий их существование в реальном мире. Примерами являются драгоценные металлы (в виде монет или слитков), физические деньги, правоустанавливающие документы на недвижимое имущество (например, акты на землю) и другие подобные объекты, которые можно потрогать или увидеть нематериальные цифровые продукты (билеты, лицензии, виртуальная валюта);

— долю в проекте, например: токены ценных бумаг (акции или паи в компании), токены, предоставляющие право на часть роялти или прибыли компании, а также токены, в основе которых лежит конкретный предмет, полученный / произведенный за счет средств, полученных путем краудфандинга.

Таким образом, инвестиционные токены подразделяются на две основные группы активов:

— цифровые активы, которые представляют собой токенизированные акции и облигации, по сути являются ценными бумагами, поскольку они соответствуют их ключевым характеристикам и функциям;

— цифровые токены, представляющие реальные или виртуальные активы, предназначены для создания добавленной стоимости. Это могут быть токены, символизирующие долю в бизнесе, оборудовании или инвестиционном проекте, и по своей сути являются финансовыми инвестициями.

В целом, использование криптовалют в качестве платежного средства имеет ряд преимуществ по сравнению с фиатными валютами, в том числе: снижение комиссий за транзакции и сокращение времени их обработки.

Однако, следует отметить, что это преимущество может постепенно уменьшаться вследствие снижения транзакционных издержек банками и платежными системами, обусловленного конкурентным давлением со стороны криптовалютных бирж:

— уменьшение расходов торговых сетей и банков на управление наличными, хотя это преимущество может быть нивелировано ростом доли безналичных расчетов;

— усиление государственного регулирования криптовалют постепенно нивелирует анонимность транзакций. Это подтверждается тем, что ведущие биржи уже требуют полную идентификацию клиентов, включая фото и копию паспорта.

Использование криптовалюты в качестве средства обращения имеет ряд ограничений, к числу которых можно отнести:

— высокая и нестабильная стоимость криптовалют, не подкрепленных активами, делает их неудобными для повседневных расчетов в национальных валютах;

— внедрение новой валюты требует первоначальных затрат как для бизнеса, так и для пользователей. На начальном этапе это включает в себя время и ресурсы для изучения технологии, покупки необходимого оборудования и установки программного обеспечения;

— уязвимость к кибератакам;

— юридически, как частные, так и государственные предприятия не имеют никаких обязательств по приему криптовалюты в качестве формы оплаты. Это означает, что его применение в качестве средства обращения полностью основано на добровольном согласии всех участников рынка;

— участники обмена несут полную ответственность за отсутствие защиты от споров. Нет централизованного органа, который мог бы отменить ошибочную транзакцию или рассмотреть спорные вопросы, что оставляет их незащищенными от ошибок или мошенничества, а значит исправление любой ошибочной транзакции зависит исключительно от добровольного согласия всех вовлеченных сторон.

Тем не менее, рост популярности криптовалют как средства платежа поддерживается, в частности, активной деятельностью платформ для их торговли, что соответственно создает предпосылки для активного использования инвестиционных токенов в мировых финансовых системах. Следует учитывать, что в мировой практике применяют инвестиционные токены двух типов.

Ключевой особенностью выпуска и обращения инвестиционных токенов первой группы является то, что эмитент и инвестор с самого начала признают их как ценные бумаги. Соответственно, и эмитент, и инвестор понимают, что их действия должны соответствовать действующим нормам законодательства о ценных бумагах в пределах соответствующей юрисдикции.

Инвестиционные токены второй группы часто не имеют в своем названии прямых указаний на то, что они являются ценными бумагами (например, слов «акция» или «облигация»). Поэтому их классификация как ценных бумаг нередко происходит не автоматически, а по инициативе национальных регуляторов рынка ценных бумаг. Это может быть результатом определенных регулирующих действий. Иногда признание таких токенов ценными бумагами происходило уже после того, как они были выпущены, и даже через судебные процессы. Среди мировых регуляторов, которые чаще всего прибегали к таким принудительным признаниям, лидером является американская Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC).

В частности, в июне 2023 года «…SEC осуществила очередную публикацию списка

токенов стоимостью 115 миллиардов долларов, которые, по ее мнению, являются незарегистрированными ценными бумагами» [20]. Признание токенов ценными бумагами со стороны регулятора влечет за собой усиление обязательств эмитентов по защите инвесторов. Это, среди прочего, предполагает необходимость детального раскрытия информации об эмитенте и регулярной подготовки финансовой отчетности.

Интенсивное развитие механизмов привлечения капитала с помощью токенов году вызвало ряд предупреждений со стороны регуляторных органов рынка ценных бумаг. В частности, SEC (США), CSA (Канада), FCA (Соединенное Королевство), MAS (Сингапур), SFC (Гонконг) и ASIC (Австралия) в течение указанного года опубликовали заявления, в которых подчеркивалось, что определенные токены имеют признаки инвестиционных инструментов и, как следствие, подпадают под юрисдикцию национального законодательства о ценных бумагах. Кроме того, некоторые юрисдикции, включая Китайскую Народную республику, признали рынки криптоактивов нуждающимися в лицензировании, объявили их деятельность нелегальной и ввели меры по пресечению торговли соответствующими активами. Так, например, «…глобальные регулирующие органы делегируют регулирующие полномочия конкретным агентствам и вводят режимы лицензирования, соответствующие традиционным рыночным стандартам» [6, с. 188].

Раздельное регулирование токенизированных ценных бумаг оправдано, поскольку эти активы имеют особенности, присущие традиционным ценным бумагам. Эти особенности требуют специфических нормативных подходов и учета разного уровня развития рынков ценных бумаг в разных странах.

Несмотря на то, что лучшим вариантом было бы одинаковое регулирование всех криптовалют, чтобы избежать ситуаций, когда эмитенты выбирают юрисдикцию с самыми мягкими правилами и защитить инвесторов, регуляторы, совместно с международными организациями, вынуждены разрабатывать отдельные подходы к регулированию токенизированных ценных бумаг. Это обусловлено возможностью мошеннических схем со стороны эмитентов, потенциальными убытками для инвесторов и рисками для финансовой стабильности отдельных стран, которые возникают из-за этих активов.

IOSCO, ESMA, FATF и другие организации активно сотрудничают с национальными регуляторами рынков ценных бумаг, уделяя особое внимание этой проблематике. Чтобы понять, являются ли криптовалютные токены ценными бумагами, необходимо тщательно изучить их особенности и сравнить с тем, как работают обычные ценные бумаги. Главная функция ценных бумаг — это привлечение финансирования. Выпуская ценные бумаги, компании могут собирать деньги для развития или других нужд. Эта функция привлечения капитала тесно связана с перераспределением финансов: деньги переходят от тех, у кого они есть, к тем, кто в них нуждается.

Анализ данных по объемам привлечения капитала с помощью токенов ценных бумаг подтверждает их функцию мобилизации и перераспределения финансовых ресурсов. В период с 2014 года (дата первого размещения) по сентябрь 2025 года было произведено 4098 размещений, что позволило привлечь $19,517 млрд [4].

Сегодня на рынке существует три основные модели размещения токенов ценных бумаг: ICO, IEO и IDO, и одна подмодель — STO, которая является своеобразной трансформацией ИСО.

1. В 2013 году появился новый способ привлечения финансирования — ICO (Initial Coin Offering), что в переводе означает «первичное предложение монет». ICO можно считать цифровым аналогом IPO (Initial Public Offering — первичное публичное предложение акций). Отличие состоит в том, что вместо продажи акций через фондовые биржи, как это происходит при IPO, компании, проводящие ICO, предлагают инвесторам цифровые токены напрямую. Эти токены выпускаются на блокчейне и используются для финансирования конкретного проекта или платформы. Инвесторы, покупающие токены вовремя ICO, обычно не получают права собственности на компанию, как это происходит при покупке акций на IPO. Вместо этого токены

Historical Snapshot — 08 August 2025. URL: https://coinmarketcap.com/historical/20250808/

могут предоставлять доступ к определенным услугам или права на часть прибыли проекта. Отсутствие строгого контроля над ICO, как со стороны платформ, проводящих их, так и со стороны регуляторов, способствовало распространению мошенничества. Это заставило финансовых регуляторов во многих странах требовать от блокчейн-стартапов соблюдения правил, касающихся выпуска ценных бумаг. Чтобы дистанцироваться от негативной репутации ICO, эмитенты и стартапы начали использовать термин STO (Security Token Offering) для обозначения своих кампаний по привлечению финансирования.

2. STO (Security Token Offering) — это продажа токенов, отвечающих требованиям законодательства о ценных бумагах. В отличие от ICO, STO регулируются государственными органами и представляют собой долю в реальном активе. Инвесторы, покупающие токены STO, могут иметь право на получение прибыли и участие в принятии решений. Регуляторы рынка, такие как SEC в США и ESMA в Европе, не используют термин "STO". Вместо этого они рассматривают все ICO как ценные бумаги, подчиненные соответствующему законодательству. Таким образом, термин "STO" сегодня в основном используется участниками рынка, а не регулирующими органами.

3. Первичное биржевое предложение (IEO) — это способ сбора средств для криптопроектов, впервые появившийся в 2018 году. Он напоминает ICO, но с ключевым отличием: токены продаются не напрямую инвесторам, а через специальную платформу — криптовалютную биржу. Такой подход призван повысить безопасность инвестиций, защищая инвесторов от возможных мошеннических схем. Биржа, выступая посредником, самостоятельно отбирает перспективные криптопроекты, руководствуясь собственными критериями отбора. После отбора биржа организует и проводит размещение токенов на своей платформе. Криптобиржа зарабатывает на листинге новых токенов, а также может получить эксклюзивное право на их торговлю. Стоит подчеркнуть, что, хотя платформы для торговли криптовалютами часто называют "биржами", они обычно не зарегистрированы в соответствующих регулирующих органах. Это означает, что они не подпадают под те же стандарты и требования, которые применяются к традиционным биржам ценных бумаг, таким как NYSE или Nasdaq, которые регулируются SEC. Следовательно, с юридической точки зрения криптобиржи не являются биржами в том смысле, который используется в национальном законодательстве о ценных бумагах.

4. IDO (Initial Dex Offering) — это механизм первичного размещения токенов, использующий децентрализованные биржи (DEX) для продажи новых криптовалют. Этот способ дебюта токенов впервые появился в 2019 году, когда интерес к DeFi (децентрализованным финансам) начал стремительно расти. IDO стали ответом на недостатки Ieo (Initial Exchange Offering), которые не соответствовали потребностям организаторов сбора средств:а) из-за необходимости оплачивать услуги криптобиржи, б) из-за нежелания выполнять требования криптобирж к проектам, а также в) из-за зависимости ИЭО от централизованных бирж, что противоречило первоначальной идее блокчейна, который предполагал децентрализацией. IDO (Initial DEX Offering) является способом привлечения финансирования для блокчейн-проектов, аналогичным IPO (Initial Public Offering) в традиционном финансовом мире. Основное преимущество IDO заключается в том, что стартапам не нужно самостоятельно разрабатывать платформу для размещения своих токенов. Вместо этого они используют децентрализованные биржи (DEX), такие как Binance или Ethereum, которые берут на себя эту функцию. Это позволяет любому пользователю DEX участвовать в продаже токенов. Фактически, все современные методы привлечения капитала на рынке цифровых финансовых активов являются эволюцией модели ICO (Initial Coin Offering) (рис. 2).

В последние годы ведущие платежные компании, использующие блокчейн, активно работают над созданием экосистемы для более широкого внедрения криптовалют в платежные процессы. Основная цель таких экосистем заключается в обеспечении повсеместного внедрения криптовалют в повседневные транзакции с последующим глобальным распространением и признанием. Следует отметить, что их инициативы демонстрируют положительную динамику. В

частности, в ряде стран уже функционирует нормативная база, позволяющая работникам получать заработную плату в обеспеченных активах криптовалютах (стейблкоинах) с одобрения регулирующих органов и налоговых служб. Особенно часто к такому виду оплаты труда прибегают компании технологического и инновационного секторов.

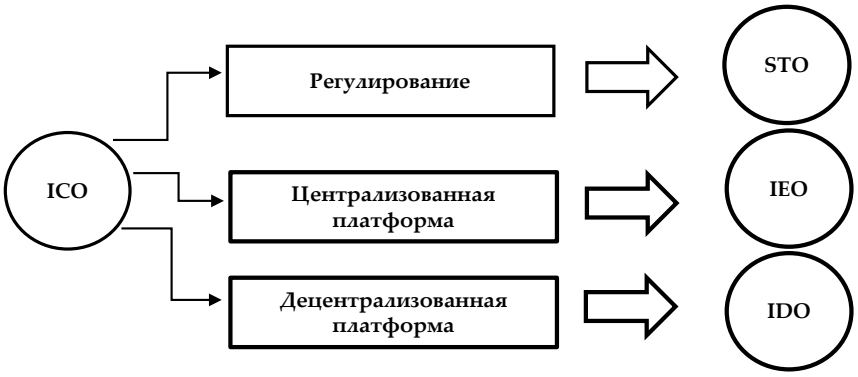

Рисунок 2 — **Трансформация ICO в другие модели привлечения ресурсов на рынке цифровых финансовых активов**

Источник: авторская разработка А.Н. Розмыслова.

Тем не менее, распространение криптовалют как платежного инструмента может идти медленнее, чем прогнозировалось, ведь даже профессиональные игроки рынка не проявляют к ним высокого доверия. Требование к постоянству стоимости платежного инструмента позволяет предположить, что хотя криптовалюты и стейблкоины и способны выполнять роль денег, их эффективность в этой функции пока уступает их роли как средства обмена.

Среди факторов, способствующих использованию криптовалют в качестве платежного средства, стоит отметить их интеграцию в традиционные платежные системы, высокое удобство и доступность, а также потенциал для уменьшения затрат и ускорения расчетов.

Значительное влияние на ограничение использования криптовалют в качестве платежного инструмента оказывает текущее осторожное отношение со стороны национальных регуляторов финансового рынка и международных институтов.

Таким образом, важно подчеркнуть, что стейблкоины, привязанные к фиатным валютам, имеют ограниченный потенциал для использования в качестве платежного инструмента. В то же время, другие виды платежных токенов, такие как необеспеченные криптовалюты и стейблкоины, обеспеченные активами, отличными от фиатных валют, практически не могут выполнять эту роль.

Появление и рост рынка криптовалют привели к появлению цифровых финансовых активов, которые стали дополнительными инструментами для сохранения стоимости. Постоянный и ограниченный выпуск некоторых криптовалют способствовал их восприятию владельцами как инвестиций, аналогичных драгоценным металлам, вроде золота. Широкое признание криптовалют как цифрового актива для сохранения стоимости и получения прибыли стимулирует ежедневную активность на рынке. Это приводит к тому, что около двух сотен различных криптовалют активно покупаются и продаются на биржах с высоким объемом торгов, поскольку участники рынка стремятся извлечь выгоду из этих операций.

Следует подчеркнуть, что трансформация существующих платёжных моделей является результатом адаптации участников рынка цифровых финансовых активов к изменениям условий деятельности. При этом, как считает директор по цифровым активам Московской биржи С.В. Харинов, «…преимущество цифровых финансовых активов — отсутствие необходимости в учете активов на стороне центральных депозитариев, что повышает устойчивость к санкциям» [13].

Следовательно, с течением времени возможно появление новых модификаций и вариаций современных моделей привлечения цифровых финансовых активов. Однако, как считает профессор Д.А. Кочергин, «… решение данных задач осложняется трансграничностью рынка криптоактивов, децентрализованной природой используемого инструментария и наличием большого количества национальных регуляторов, которые используют разные подходы к интерпретации и классификации криптоактивов, а также нередко придерживаются противоположных подходов в отношении рисков их широкого

использования и регулирования оборота» [7, с. 78].

Современные модели привлечения средств через токены (ICO, IEO, IDO, а также STO как разновидность ICO) различаются по ключевым параметрам: наличию государственного контроля за выпуском и оборотом токенов, степени централизации платформы для размещения и способом взаимодействия между организатором сбора средств и инвесторами.

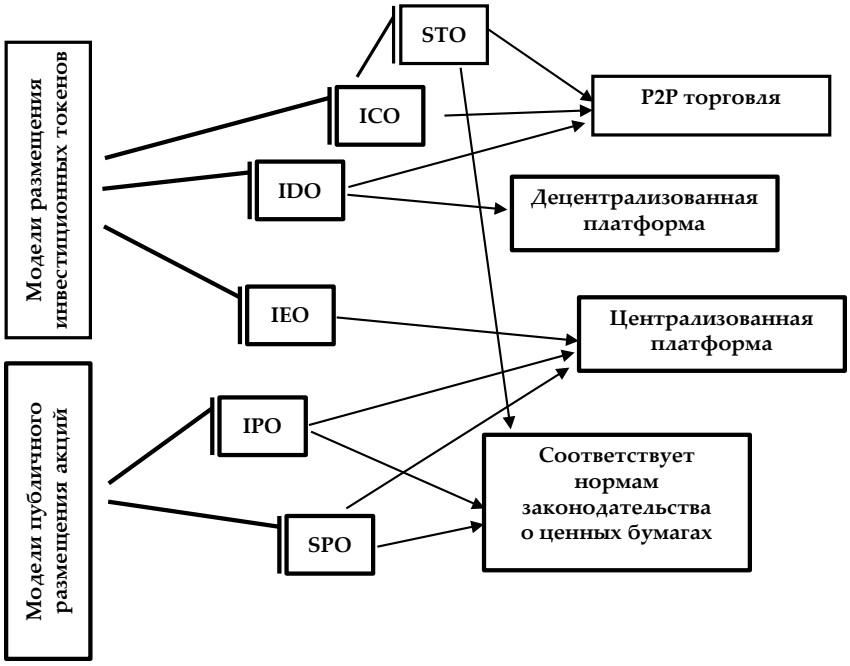

Рисунок 3 — **Характерные признаки моделей размещения инвестиционных токенов и моделей публичного размещения акций**

Источник: авторская разработка А.Н. Розмыслова.

Основное различие между привлечением средств на рынке цифровых финансовых активов (ICO, IEO, IDO, STO) и традиционным финансовым рынком (IPO, вторичное размещение акций) заключается в централизации торговли. Со временем нормативные требования к обоим типам рынков становятся все более похожими, и разница в регулировании постепенно исчезает. Финансовые регуляторы во многих странах активно работают над тем, чтобы приравнять выпуск инвестиционных токенов к регулированию ценных бумаг или финансовых инвестиций. На рисунке 3 представлено авторское видение признаков моделей размещения инвестиционных токенов и моделей публичного размещения акций.

Большинство мировых регулирующих органов, определяющих, классифицировать ли токен как ценную бумагу, используют подход, основанный на прецеденте суда, известном как «тест Howey». Этот тест возник в 1946 году в США, когда Верховный суд рассматривал дело Howey.

К ключевым критериям «теста Howey», которые применяют большинство регуляторов рынка ценных бумаг к цифровым активам, относят:

1-й критерий — вложение денег. Как правило, этот критерий выполняется при продаже или предложении любого цифрового актива, поскольку он покупается за обычные деньги или другие криптовалюты (например, биткоин). Даже если цифровой актив выдается бесплатно в рамках программы вознаграждения, это не исключает выполнения критерия «вложения денег». По разъяснениям SEC, инвестиционный контракт может быть заключен не только за наличные, но и за другие формы расчета или инвестиций. Например, если цифровой актив распространяется среди держателей другого цифрового актива для стимулирования его оборота, это считается эквивалентом денежного вознаграждения.

2-й критерий — совместное предприятие. Например, SEC считает, что инвестиции в цифровые активы, как правило, являются инвестициями в совместное предприятие, поскольку успех покупателей этих активов зависит от взаимосвязи их интересов или от усилий организатора.

3-й критерий — разумное ожидание прибыли, получаемой от усилий других. Самым сложным этапом анализа цифровых активов по «тесту Howey» является определение того, ожидает ли покупатель получить прибыль (или другую финансовую выгоду) благодаря работе других лиц. Это может быть, например, ожидание прибыли от распределения активов или от их последующей продажи на вторичном рынке. Поскольку оценка третье-

го критерия является наиболее сложной, SEC разработала дополнительные метрики для определения того, соответствуют ли цифровые активы критериям зависимости от усилий других и разумного ожидания прибыли.

Таким образом, положительное заключение по отнесению токенов к ценным бумагам будет при ответе «да» на такие вопросы:

— несут ли активные участники размещения токенов ответственность за разработку, совершенствование, работу или продвижение сетей;

— есть ли у покупателей токенов разумные ожидания, что активные участники будут развивать функциональность цифрового актива, чтобы его стоимость увеличивалась;

— выплачивается ли компенсация лицам, предоставляющим услуги сети, или на которых возложен надзор за сетью;

— организовали ли активные участники (или пообещали организовать) ликвидную торговлю цифровым активом на вторичном рынке;

— имеют ли активные участники в собственности цифровые активы или получают в них вознаграждение, поскольку в таких случаях инвесторы обоснованно ожидают, что активные участники будут заинтересованы и будут прилагать усилия для повышения стоимости токена.

В июле 2018 года мальтийское управление финансовых услуг (MFSA) выпустило руководство по тестированию финансового инструмента, которое устанавливает процедуру проведения теста финансового актива. По результатам прохождения указанного теста, заключающегося в предоставлении ответов на вопросы анкеты, регулятор осуществляет классификацию DLT — актива как одного из следующих финансовых инструментов: виртуальный токен, оборотные ценные бумаги, инструменты денежного рынка, паи в схеме коллективного инвестирования, финансовые деривативы или разрешение на выпуск.

Классификация криптоактива, созданного по технологии распределенного реестра (DLT), как оборотной ценной бумаги возможна лишь при условии его соответствия следующим критериям, приведенным ниже:

— актив имеет реальную ценность или практическое применение вне рамок своей исходной DLT-системы;

— актив подлежит обмену на средства или другое законное платежное средство через платформу эмитента или непосредственно у него;

— вращается на рынке капитала;

— обладает функциональной аналогией с акциями компании, обеспечивая владельцу участие в капитале эмитента, внесение в реестр акционеров, право голоса, право на получение средств в случае ликвидации, а также право на дивиденды или другие периодические доходы от деятельности компании;

— обеспечивает права, аналогичные тем, которые имеют держатели облигаций (в частности, определяется фиксированная стоимость актива с определенным сроком погашения, а также право на покупку/продажу или приобретение, не является платежным инструментом).

По определению Управления финансового надзора (FCA), токен считается ценной бумагой, если он торгуется на рынке капитала и предоставляет права, аналогичные правам по акциям, облигациям, варрантам или депозитарным распискам [3].

Регуляторы финансового рынка по всему миру стремятся распространить действие законодательства о ценных бумагах на токены, признавая их таковыми при соответствии определенным критериям. Такой подход безусловно положительно влияет на построение финансовой экосистемы в целом. Как отмечалось в ранних публикациях, «… функционирование финансовой экосистемы неразрывно связано с правовым полем, которое охватывает финансовую деятельность. Благодаря правовому обеспечению становится возможным как текущее наблюдение за работой финансовой экосистемы, так и прогнозирование его будущих тенденций» [9, с. 255]. О.В. Меленьтьева отмечает, что «…прогнозирование будущих тенденций построения современных финансовых экосистем с участием инвестиционных токенов влечет за собой обязательства по подготовке проспекта эмиссии и раскрытию дополнительной информации для инвесторов» [1].

Конкретные законы, касающиеся криптоактивов, в настоящее время применяются только к тем, кто предоставляет услуги в рамках этого рынка, например, платежные системы или торговые платформы. При этом,

вместо создания отдельных законодательных актов и правил для выпуска токенов, представляющих собой ценные бумаги, более целесообразным представляется унификация существующей нормативно — правовой базы. Это означает, что правила для традиционных ценных бумаг будут применяться и к их цифровым аналогам в виде токенов.

Заключение. Анализируя вышеприведенное, можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время мировые финансовые регуляторы и международные организации не пришли к общему мнению о том, следует ли классифицировать цифровые финансовые активы как ценные бумаги, и, если да, то по каким признакам. Тем не менее, можно заметить постепенное стремление к унификации правил для традиционных и цифровых финансовых инструментов. Это объясняется тем, что многие токены по своим характеристикам и функционалу в значительной степени соответствуют признакам ценных бумаг. Наиболее активные усилия по разработке четких критериев, по которым токены могли бы быть классифицированы как ценные бумаги, сейчас прилагает SEC.

2. Трансформация моделей предложения инвестиционных токенов обусловлена влиянием изменений в регуляторной среде, интересах инвесторов, развитии инфраструктуры, а также специфических рыночных событий, таких как увеличение случаев мошенничества, что приводит к снижению доверия к рынку. Хотя современные модели предложения токенов являются производными от модели ICO, не исключено появление новых вариаций в будущем.

3. Модели привлечения капитала с использованием токенов (IEO, IDO, STO) и традиционные модели рынка ценных бумаг (IPO и SPO) различаются в первую очередь по уровню централизации торговых операций. Тем не менее, ожидается, что разрыв в регулировании со стороны национальных комиссий по ценным бумагам и других финансовых регуляторов будет сокращаться. Это сближение регулирования является критически важным для предотвращения регуляторного арбитража на рынке токенов.

Литература:

1. Азарян Е.М. Перспективы развития цифровых площадок на виртуальном рынке / Е.М. Азарян, В.О. Бессарабов, О.В. Мелентьева // Новые парадигмы развития маркетинга в условиях трансформации современной экономики: сб. ст. Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию основания университета, Гомель, 03 октября 2024 года. — Гомель: Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, 2024. — С. 6-9.

2. Ангелина И.А. Эффективность инвестиций в финансовые технологии банковских компаний / И.А. Ангелина, В.Г. Антонец // Финансовые рынки и банки. — 2025. — №4. — С. 519-525.

3. Андрюшин С.А. Токенизация реальных активов: классификация, платформы, приложения, возможности и проблемы развития // Russian Journal of Economics and Law. — 2024. — №1(18). — С. 88–104. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.88-104.

4. Володарский Д.В. Криптовалюта и ее значение в современной экономике / Д.В. Володарский, Д.А. Карапетян, Г.А. Шершнева, И.А. Буслаева // Юный ученый. — 2023. — №11(74). — С. 40-51.

5. Глебов И.О. Роль информационных технологий в структурной трансформации российской экономики / И.О. Глебов // Современные информационные технологии в условиях новых вызовов: сб. ст. VII Международной научной интернет-конференции, Донецк, 17 мая 2024 года. — Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, 2024. — С. 169-171.

6. Китинов М.Б. Состояние и тенденции регулирования криптоактивов и криптобирж // Вестник университета. — 2024. — №11. — С. 184-194.

7. Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. — 2022. — Т. 17, №3. — С. 75-122. doi:10.17323/19967845-2022-03-04.

8. Орлова В.А. Стратегия развития цифровых платформ и экосистем в финансовой сфере России / В.А. Орлова, И.О. Тюрина // Тенденции и перспективы развития финансов в условиях цифровизации: сб. ст. I Международной научно-практической интернет-конференции, Донецк, 28 марта 2024 года. — Донецк: ФЛП Кириенко С.Г., 2024. — С. 198-201.

9. Розмыслов А.Н. Актуальные вопросы теории и практики формирования финансовой экосистемы на основе методов нейронечетких технологий. / А.Н. Розмыслов // Финансовый менеджмент. — 2025. — №10. — С. 248-258.

10. Омельянович Л.А. Казначейское сопровождение в рамках цифровизации бюджетного процесса / Л.А. Омельянович, М.В. Егорова // Тенденции и перспективы развития финансов в условиях цифровизации: сб. ст. I Международной научно-практической интернет-конференции, Донецк, 28 марта 2024 года. — Донецк: ФЛП Кириенко С.Г., 2024. — С. 4-8.

11. Стратегия социально-экономического и технологического развития Донбасса: от промышленных кризисов к цифровой реальности. Посвящается 160-летию со дня рождения Михаила Туган-Барановского / Н.А. Ольмезова, А.В.

12. Харинов С.В. Цифровые финансовые активы на рынке международного движения капитала / С.В. Харинов, В.В. Иванов // Банковское дело. — 2023. — №8. — С. 6-15.

13. Юзвович Л.И. Исследование мирового рынка цифровых финансовых активов / Л.И. Юзвович, М.И. Львова, А.А. Глазунова // Вестник Академии знаний. — 2025. — №1(66). — С. 756-759.

CONCENTRATION OF FISCAL REVENUES AND THE DEFICIT OF REGIONAL AUTONOMY

Shchirov Nikita Nikolaevich, *Postgraduate student, Vladimir Dahl Lugansk National University, Lugansk, LPR*

This article addresses a fundamental problem in the modern Russian budget-tax system: the concentration of fiscal revenues in a limited number of regions and the resulting deficit of financial autonomy for most subjects. The relevance of the topic stems from the fact that uneven distribution of the tax base institutionalizes regions' dependency on the center, undermining their capacity for independent development and resilience to external shocks. The objective of the study is to assess the degree of concentration of tax revenues among selected RF subjects and to identify the compensatory mechanism via interbudgetary transfers, as well as to demonstrate to what extent these transfers can mitigate fiscal imbalances or, conversely, entrench dependency. To this end, the following tasks were undertaken: forming a sample by selecting one region from each federal district, computing the concentration index HHI for tax revenues, compiling and analyzing planned versus actual volumes of subsidies, subventions, and other interbudgetary transfers, comparing levels of concentration and transfers, and uncovering relationships between shares in the tax base and redistribution amounts. The methodology comprises the classic HHI calculation (sum of squared shares of regions) and an original concentrated-transfer approach combining analysis of tax shares and transfer volumes to evaluate fiscal dependency. Results indicate extremely high concentration of tax revenues: Moscow accounts for the overwhelming portion of the base, and the remaining subjects hold marginal positions. Meanwhile, actual transfers often considerably exceed planned amounts, especially in subsidized regions, yet they fail to alter the fundamental inequality in tax base distribution. This suggests that transfers reproduce dependency rather than foster genuine autonomy. The practical significance of the study lies in substantiating the need for redistribution of some federal taxes in favor of regions and in designing transparent formulaic transfer models to stimulate tax activity. Prospects for future research include expanding the sample to all RF subjects, applying panel regression models, and investigating "leakages" of the tax base via registration schemes of large taxpayers.

Keywords: *budget-tax policy; grant dependence; intergovernmental transfers; tax concentration; tax potential; subsidies; concentration of fiscal revenues.*

EDN: RUJQTG **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.44**

Цитировать: *Щиров Н.Н. Концентрация фискальных доходов и дефицит региональной самостоятельности // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 321-328. EDN: RUJQTG. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.44*

КОНЦЕНТРАЦИЯ ФИСКАЛЬНЫХ ДОХОДОВ И ДЕФИЦИТ РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 336.22

5.2.3

© Щиров Н.Н., 2026

В статье анализируется фундаментальная проблема современной российской бюджетно-налоговой системы: концентрация фискальных доходов в ограниченном круге регионов и связанный с этим дефицит финансовой самостоятельности большинства субъектов. Актуальность темы обусловлена тем, что неравномерное распределение налоговой базы создает институционально закреплённую зависимость регионов от центра, подрывая их способности к самостоятельному развитию и устойчивости к внешним шокам. Цель исследования — оценить степень концентрации налоговых доходов среди выбранных субъектов РФ и выявить механизм компенсации через межбюджетные трансферты, а также показать, насколько данные трансферты способны сглаживать фискальные дисбалансы или, напротив, закреплять зависимость. Для этой цели были решены следующие задачи: сформирована выборка по одному региону из каждого федерального округа, рассчитан индекс концентрации HHI для налоговых доходов, собраны и проанализированы плановые и фактические объёмы субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов, сопоставлен уровень концентрации и трансфертов, выявлены взаимосвязи между долями в налоговой базе и объёмом перераспределения. Методика включает классический расчет HHI (сумма квадратов долей субъектов) и авторский концентрированно-трансферный подход, который сочетает анализ налоговых долей и объёмов трансфертов для оценки фискальной зависимости. Результаты показывают чрезвычайно высокую концентрацию на-

логовых доходов: на долю Москвы приходится подавляющая часть базы, остальные субъекты занимают отстающие позиции. При этом фактические трансферты часто существенно превышают плановые значения, особенно в дотационных регионах, но не модифицируют фундаментальное неравенство распределения налоговой базы. Это свидетельствует, что трансферты скорее воспроизводят зависимость, чем создают подлинную автономию. Практическое значение исследования заключается в обосновании необходимости перераспределения части федеральных налогов в пользу регионов, разработки прозрачных формульных моделей трансфертов, стимулирующих налоговую активность. Перспективы дальнейших исследований — расширение выборки до всех субъектов РФ, применение панельных регрессионных моделей и изучение "утечек налоговой базы" через регистрационные схемы крупных налогоплательщиков.

Ключевые слова: *бюджетно-налоговая политика; дотационная зависимость; межбюджетные трансферты; налоговая концентрация; налоговый потенциал; субсидии; концентрация фискальных доходов.*

ЩИРОВ Никита Николаевич, *аспирант, Луганский национальный университет имени Владимира Даля, Луганск, ЛНР*
ORCID: 0009-0005-7033-4369
Researcher ID: OKS-4636-2025

Введение

Концентрация фискальных доходов в нескольких центрах и недостаток финансовой самостоятельности регионов представляют собой одну из ключевых системных проблем современной российской бюджетно-налоговой системы. В условиях растущего несправедливого распределения налоговых поступлений экономически развитые субъекты аккумулируют львиную долю доходов, тогда как периферийные регионы, лишённые значительного налогового потенциала, вынуждены существовать на трансферты из федерального центра. Такая ситуация не только усиливает межрегиональное неравенство, но и подавляет инициативу регионов к развитию, снижает эффективность использования ресурсов и ослабляет институциональные стимулы к реформам.

Научный интерес к данной проблематике обоснован несколькими факторами. Во-первых, дефицит региональной самостоятельности препятствует устойчивому развитию территорий и повышает нагрузку на федеральный бюджет через рост зависимых дотационных выплат (трансфертов). Во-вторых, концентрация фискальных доходов в одиночных центрах — особенно в столичных субъектах — усиливает риск формирования «фискального магнита», который вытягивает ресурсы из менее развитых регионов, создавая порочный круг зависимости. В-третьих, в условиях экономической нестабильности и внешних шоков регионы, лишённые значительной налоговой базы, становятся особенно уязвимыми к сокращениям трансфертов и бюджетным кризисам. Ряд исследований отмечает, что рост межрегионального неравенства по доходам связан с концентрацией экономической активности и миграцией капитала, что усиливает давление на централизацию фискальных потоков.

Например, работа Аганбегяна фиксирует устойчиво высокие межрегиональные различия в РФ и оценивает, в какой мере система межбюджетных отношений сглаживает диспропорции [1, с. 55]: формально разрывы сокращались, но «долгая тень» структурной асимметрии сохраняется; при этом шоки 2020–2021 гг. ударили по более богатым регионам сильнее, что высветило чувствительность модели к концентрации налоговой базы. Сильная сторона — строгая идентификация трендов на длинной панели; ограничение — агрегированный уровень и докризисная (до-2022) институциональная конфигурация налогового распределения.

Аналитика Лаврова показывает, что федеральная налоговая реформа повышает прогрессию и усиливает роль центра в сборе ключевых доходов, тогда как бюджеты субъектов в 2024 г. формально нарастили совокупные доходы до 21.7 трлн руб. (неконсолидированные), но распределение этих доходов крайне неравномерно (высокая «доля Москвы») [7, с. 115]. Сильная сторона — актуальные цифры

и детализация по статьям; слабая — ограниченность причинно-следственных выводов: отчёты констатируют факты, но почти не моделируют, как новая конфигурация ставок/баз меняет стимулы регионов и траектории дотационности.

Исследование Барцица посвящено отраслевому анализу структуры межбюджетных трансфертов регионам, выявлено преимущественное направление — на социальную сферу, что усиливает уязвимость регионов при ограниченном фискальном потенциале [2, с. 202]. Также Зубаревич рассматривает роль трансфертов в обеспечении бюджетной обеспеченности субъектов и выявляет недостатки действующих механизмов выравнивания [5, с. 22].

Для анализа концентрации фискальных доходов и оценки дефицита региональной самостоятельности применялись два основных метода:

1. Индекс концентрации HHI. Этот индекс выбран как универсальный и хорошо зарекомендовавший себя инструмент количественной оценки распределения ресурсов, позволяющий выявить степень неравномерности распределения налоговых доходов между субъектами Федерации [4, с. 77]. В классическом виде HHI рассчитывается как сумма квадратов долей каждого субъекта в общей массе доходов, что делает его чувствительным к доминантам и даёт понятный эквивалент "концентрации" (например, в антимонопольной практике пороги концентрации часто задаются в баллах: < 1500 — умеренная концентрация, > 2500 — высокая).

Вместе с тем, чтобы смягчить нагрузку анализа и сделать модель более управляемой, выборка субъектов была сформирована следующим образом: по одному крупному региону из каждого федерального округа. Такой подход позволяет представить архитектуру налоговой концентрации России более сбалансированно: включить как столичный центр, так и периферийные регионы с разной экономической базой, не теряя при этом возможности качественно проследить доминанты. Он упрощает модель, снижает шум от мелких субъектов и делает интерпретацию HHI более наглядной.

Актуальность такого подхода состоит в том, что он сочетает прагматичность и диагностическую силу: вместо того чтобы работать с 89 регионами и погрязнуть в деталях, мы концентрируем внимание на «федеральных узлах» — субъектах, которые наиболее ярко отражают структуру ресурсообразования в своих округах. Это особенно важно в контексте федерализма: если даже при таком "срезе" концентрация сохраняется высокой, это говорит о системной природе проблемы, а не случайности выборки.

Вводя своё исследование этой конфигурацией, мы таким образом обосновываем использование HHI в урезанном формате, но с акцентом на качественную значимость каждого субъекта. В сочетании с анализом субсидий и трансфертов (где мы рассматриваем, сколько средств возвращается регионам) такой метод позволяет не просто зафиксировать степень концентрации, но показать компромисс между централизацией налоговых баз и механизмом перераспределения, который используется для выравнивания. Это новаторское сочетание даёт возможность выявлять не только факт концентрации, но её последствия для региональной самостоятельности.

2. Предложенный автором концентрированно-трансферный метод оценки фискальной зависимости, объединяющий два взаимодополняющих подхода: расчет концентрации налоговых доходов через индекс Херфиндаля–Хиршмана и анализ распределения межбюджетных трансфертов (субсидий, субвенций) в регионы. Сначала с помощью HHI количественно фиксируется степень неравномерности распределения налоговых ресурсов между субъектами; затем посредством сопоставления плановых и фактически перечисленных трансфертов выявляется, насколько централизованный центр компенсирует эти неравенства и как трансферты коррелируют с низкими долями регионов в налоговой базе. Такой метод даёт целостную картину: не только как сильно сконцентрированы доходы, но и как функционирует механизм перераспределения, который при всех своих корректирующих свойствах остаётся инструментом зависимости, а не независимости регионов.

Результаты и их обсуждение

В этом разделе представлены сравнительные данные по ключевым доходным источникам региональных бюджетов в выборке

из восьми субъектов Федерации, включая столичный центр и представителей всех федеральных округов. Таблица 1 содержит показатели по наиболее бюджетообразующим налогам — НДС, НДПИ, НДФЛ и налогу на прибыль — для каждого региона, а также итоговые суммы по отдельным субъектам и общую сумму по выборке. Данные охватывают 2024 год и служат эмпирическим базисом для анализа распределения налоговой базы и оценки дисбалансов между регионами. Путём сопоставления этих показателей открывается возможность количественного сравнения регионов с различной экономической специализацией и географическим положением, что в дальнейшем позволит выявить закономерности концентрации фискальных ресурсов.

Таблица 1 — **Сумма основных бюджетообразующих налогов в 2024 году по 8 регионам**

Округ	Регион	НДС	НДПИ	НДФЛ	Налог на прибыль	Сумма по региону	Общая сумма
ЦФО	г. Москва	2.01 трлн	1.73 трлн	2.34 трлн	2.67 трлн	8750 млрд	
Приволжский ФО	Оренбургская область	169 млрд	458 млрд	54 млрд	48 млрд	729.00 млрд	
Уральский ФО	Свердловская область	274.58 млрд	12.02 млрд	183. 53 млрд	48.48 млрд	518.61 млрд	
Сибирский ФО	Томская область	89.38 млрд	222.56 млрд	42.65 млрд	19.29 млрд	373.88 млрд	
Дальневосточный ФО	Хабаровский край	10.90 млрд	13.22 млрд	76.36 млрд	43.48 млрд	143.96 млрд	
Северо-Кавказский ФО	Чеченская республика	3.7 млрд	13 млн	19.30 млрд	2.28 млрд	25.29 млрд	
Южный ФО	Ростовская область	65.76 млрд	1.12 млрд	141.63 млрд	85.83 млрд	294.34 млрд	
Северо-Западный ФО	Ленинградская область	20 млрд	1.2 млрд	101.00 млрд	146 млрд	268.20 млрд	11 103.28 млрд

Источник: составлено автором на основе данных [2]

Для построения индекса концентрации Herfindahl–Hirschman (HHI) предварительно производится растет долей регионов в общей массе налоговых доходов.

Зачем это необходимо:

1. Нормировка и сравнимость

Выражая вклад каждого региона через долю, мы нормируем абсолютные величины доходов к общему уровню для всей выборки. Это позволяет перейти от несопоставимых абсолютных значений (миллиарды. триллионы) к относительным частям, которые можно прямо сравнивать между регионами и годами.

2. Корректность квадратического складывания

В HHI мы суммируем квадраты долей. Если не нормировать доли, квадратичный компонент потеряет интерпретируемость и приведёт к некорректному масштабу индекса. Только доли (сумма которых равна 1) позволяют HHI принимать увязанные и осмысленные значения.

3. Интерпретируемость концентрации

Доли регионов показывают, какая часть налоговых ресурсов приходится на каждый субъект. Это даёт интуитивное понимание: чем выше индекс для одного региона, тем сильнее его влияние на общий уровень концентрации. Использование долей даёт возможность видеть, например, что, если один субъект имеет долю гораздо больше остальных, его квадрат будет доминировать в сумме.

4. Унификация меры для разных наборов данных

Независимо от масштабов доходов (разные налоги. разные периоды), процедура построения долей делает HHI универсальной мерой концентрации, инвариантной к масштабам абсолютных значений.

5. Выделение "значимого ядра"

С помощью долей легко провести эмпирическую фильтрацию: можно исключить регионы с очень маленькими долями (например, менее определённого порога) и проанализировать перерасчёт HHI без них — оценка вклада "ядра".

Рассчитаем доли и HHI:

1) Доля Москвы: 8750 / 11103.28 ≈ 0.7881

2) Доля Оренбурга: 729 / 11103.28 ≈ 0.0656

3) Доля Свердловска: 518.61 / 11103.28 ≈ 0.0467

4) Доля Томской: 373.88 / 11103.28 ≈ 0.0337

5) Доля Хабаровска: 143.96 / 11103.28 ≈ 0.0130

6) Доля Чечни: 25.29 / 11103.28 ≈ 0.0023

7) Доля Ростова: 294.34 / 11103.28 ≈ 0.0265

8) Доля Ленинграда: 268.20 / 11103.28 ≈ 0.0242

Квадраты этих долей:

1) Москва: $0.7881^2 = 0.6211$

2) Оренбург: $0.0656^2 = 0.00430$

3) Свердловск: $0.0467^2 = 0.00218$

4) Томская: $0.0337^2 = 0.00113$

5) Хабаровск: $0.0130^2 = 0.00017$

6) Чечня: $0.0023^2 = 0.000005$

7) Ростов: $0.0265^2 = 0.00070$

8) Ленинград: $0.0242^2 = 0.00058$

Сумма квадратов ≈ 0.6211 + 0.00430 + 0.00218 + 0.00113 + 0.00017 + 0.000005 + 0.00070 + 0.00058 ≈ 0.6302

Итак. HHI ≈ 0.6302 для выборки из 8 регионов

Отбор по одному субъекту на округ задаёт иллюстративный «срез» структурных типов регионов: столичное ядро (Москва), сырьевые территории (Оренбургская и Томская области), индустриальные центры (Свердловская), транзитно-логистические и сервисные узлы (Ленинградская и Ростовская области), дальневосточная периферия (Хабаровский край) и высокодотационный субъект (Чеченская Республика). Такой дизайн не претендует на статистическую репрезентативность каждого ФО, но позволяет проверить, «держится» ли картина концентрации даже при разнотипной выборке.

Пересчёт индекса Херфиндаля–Хиршмана по этой восьмёрке даёт HHI ≈ 0.630 (или ≈ 6301 балл в шкале 0–10 000), что соответствует зоне высокой концентрации: сопоставимо с порогами, которые в конкурентной политике используют для «сильно концентрированных» рынков (обычно > 2500 баллов). Иначе говоря, даже при «одном представителе на округ» распределение налоговой базы остаётся выраженно неравномерным и смещённым в сторону одного субъекта — Москвы.

Структурная логика наблюдаемого результата согласуется с экономическими профилями выбранных регионов. Сырьевой характер Оренбургской области и заметная добыча углеводородов в Томской области объясняют высокую роль НДПИ в их структуре поступлений, но этого недостаточно, чтобы приблизиться к столичному масштабу налоговой базы [6 с. 133]. Индустриальные узлы (Свердловская область) и транспортно-производственные узлы (Ленинградская область) демонстрируют более сбалансированную структуру (НДФЛ/прибыль), однако их вклад в общей совокупности всё равно на порядок меньше столичного. Для Чеченской Республики характерна существенная доля межбюджетных трансфертов — по официальным документам республиканского Минфина значительный объём поддержки ежегодно заходит из федерального бюджета, что подтверждает зависимую модель доходообразования.

Доминанта Москвы объясняется не только масштабом экономики, но и концентрацией управленческих и финансовых функций страны, что отражается в ёмкости её бюджета и фискальной способности [6, с. 101]. Пресс-сообщения УФНС по г. Москве подчёркивают её ведущий вклад в общероссийские поступления и внебюджетные фонды. Эти факты усиливают вывод о «фискальном гравитационном эффекте» столицы, который мы количественно фиксируем через HHI.

Таким образом, даже «по одному представителю на округ» выявляется устойчивая централизация налоговой базы: столичное ядро аккумулирует львиную долю, сырьевые и индустриальные регионы обеспечивают заметные, но несопоставимые объёмы, дальневосточная периферия и высокодотационные субъекты остаются внизу распределения. В практическом плане это означает, что механизмы сглаживания через трансферты важны, но не меняют конфигурацию концентрации: HHI остаётся высоким. Для полноты картины дальнейший этап исследования должен включать расширение выборки до всех субъектов в каждом ФО и декомпозицию по ви-

дам налогов (НДС, НДФЛ, прибыль. НДПИ) — но уже текущая, «окружная» выборка показала, что ядро концентрации устойчиво и к географическому, и к отраслевому «разбавлению».

После того как анализ концентрации фискальных доходов (через HHI) выявил степень доминирования отдельных субъектов и структуры распределения налоговой базы, целесообразно дополнить исследование оценкой финансовой зависимости регионов от федеральных трансфертов [7, с. 99]. Этот метод позволяет показать, какая часть бюджетных ресурсов регионов формируется за счёт внешней поддержки, а не за счёт собственной налоговой активности, что прямо связано с дефицитом региональной самостоятельности.

В таблице 2 приведены данные по плановым и фактически исполненным межбюджетным трансфер¬там (субсидиям, субвенциям и иным МБТ) на 01.01.2025 в отношении семи регионов, включая Москву.

Таблица 2 — **Сумма перечисленных субсидий, субвенций и иных МБТ регионам в 2024 году**

Регион	Субсидии. субвенции. иные МБТ подлежащие перечислению из федерального бюджета в 2024 году	Фактически исполненная сумма на 01.01.2025 г.
г. Москва	0.00	0.00
Оренбургская область	5.88	43.59
Свердловская область	5.50	45.16
Томская область	1.97	25.20
Хабаровский край	12.69	47.42
Чеченская республика	20.87	73.20
Ростовская область	10.35	51.73
Ленинградская область	3.66	21.03

Источник: составлено автором на основе данных [4]

Связав эту картину с ранее рассчитанным HHI, можно видеть устойчивую двойственную архитектуру: налоговая база концентрируется в Москве, а регионы слабо представлены, но получают крупные трансферты, чтобы компенсировать нехватку. Однако трансферты не трансформируют распределение налоговых долей — они лишь создают зависимость [1].

Проблема формирования доходов регионального бюджета усиливается: регионы официально не получают налоговые потоки, которые генерируются у них, либо «утекают» в федеральный бюджет, и лишь часть возвращается через субсидии [8, с. 202]. При этом нет гарантии, что трансферты будут адекватны потребностям региона, и они не мотивируют к самостоятельному росту налоговой базы.

Особо стоит выделить Чеченскую республику — она получает значительные средства (73.20 млрд) при относительно слабой налоговой базе, что делает её классическим примером дотационного региона. Ленинградская область, хоть и относительный "средний" субъект, демонстрирует значительное "приращение" фактических трансфертов над планом [3, с. 45].

Следует подчеркнуть ещё один важный механизм, усиливающий концентрацию фискальных доходов и подрывающий региональную самостоятельность: централизация регистрации крупнейших налогоплательщиков в Москве [9, с. 11]. Многие корпорации, ведущие деятельность по всей стране, предпочитают иметь юридический адрес, штаб-квартиру или дочерние структуры в столице. В результате доходы, фактически генерируемые в других субъектах, оказываются "прописанными" в московскую налоговую юрисдикцию [10, с. 88]. По оценкам СМИ, более 60% крупнейших государственных компаний зарегистрированы в Москве, даже если основные операции расположены за пределами столицы.

Этот феномен не случайный, а институционально обусловленный. Он создаёт аморфную связь между экономической действительностью региона и налоговой юрисдикцией: когда крупный налогоплательщик "уходит на учет" в Москву, регион теряет право на часть налоговых поступлений, даже если фактически функционирует на его территории. Это один из ключевых симптомов дисбаланса в российском федерализме — когда юридическая регистрация становится политико-административным инструментом перераспределения ресурсов [11, с. 40].

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31.07.1998 №145-ФЗ (в ред. от 2025 г.).

В контексте нашего исследования это критически важно. Наш индекс HHI уже показал, что налоговые доходы концентрированы в нескольких субъектах. Случай Москвы дополняет картину: она не только агрегирует высокие доли, но и "принимает на себя" доли крупных компаний за счёт юридических схем [13 с. 69]. Это усиливает доминирование столицы, делает менее значимыми региональные налоговые базы и усиливает дефицит автономии у регионов.

В совокупности данные таблицы 2 усиливают основную гипотезу: концентрация налоговых доходов — структурная и институциональная; трансферты лишь маскируют, но не разрушают эту систему [13, с. 11].

Заключение

В настоящей статье была поставлена цель: определить степень концентрации фискальных доходов между регионами и оценить, каким образом механизм межбюджетных трансфертов (субсидий, субвенций и иных МБТ) смягчает или воспроизводит фискальную зависимость субъектов Федерации. В качестве основных методов были использованы: расчёт индекса Херфиндаля–Хиршмана (HHI) для выбранной выборки регионов, анализ фактических субсидий и сопоставление их с плановыми показателями, и комбинированный «концентрированно-трансферный» подход, позволяющий сопоставлять налоговую концентрацию и распределение трансфертов.

При выборке восьми субъектов (по одному из каждого федерального округа) был получен показатель HHI ≈ 0.630 (или около 6300 баллов в шкале 0-10 000), что указывает на очень высокую концентрацию доходов. Доли налоговых поступлений распределены крайне неравномерно: Москва доминирует, остальные регионы занимают лишь малую часть общей базы. Анализ субсидий показывает, что фактически исполненные трансферты во многих случаях значительно превышают нормативные плановые величины (например, в Чеченской республике, Ленинградской области, Оренбургской области и др.), что свидетельствует о том, что центр активно "доплачивает" регионам сверх базовых обязательств.

Эти результаты подтверждают гипотезу о том, что концентрация доходов и механизм дотаций образуют двустороннюю, но асимметричную систему: регионы лишаются налоговой базы или её части, ресурсы аккумулируются в центре (в виде налоговых поступлений), а затем возвращаются в форме трансфертов, но не в полностью автономной, а в зависимой модели. При этом трансферты далеко не всегда компенсируют все потребности регионов и не стимулируют рост собственной налоговой активности.

С учётом полученного эмпирического материала можно предложить следующие практические рекомендации:

1. Перераспределить некоторые доли федеральных налогов (например НДС) в пользу регионов, чтобы повысить их налоговую автономию.

2. Внедрить прозрачный и формульный механизм распределения трансфертов, основанный на объективных показателях (налоговый потенциал, демография, социально-экономические издержки).

3. Ввести нормативные ограничения на "перерегистрацию" крупных налогоплательщиков в Москве, чтобы минимизировать утечку налоговой базы из регионов.

4. Поощрять межрегиональное сотрудничество и совместное создание налогово-доходных моделей, особенно для регионов с малой базой.

Направления будущего исследования могут включать: расширение анализа на всех субъектов РФ с полной панелью по годам, построение регрессионных моделей для выявления причин концентрации и зависимости трансфертов и сравнительные исследования с федерациями других стран.

Таким образом, проведённый анализ не только фиксирует степень фискальной концентрации и зависимость регионов, но и показывает, что трансферты — лишь косметическое сглаживание, а не инструмент усиления региональной самостоятельности.

Литература:

1. Аганбегян А.Г. Экономическое развитие России: проблемы и решения. — М.: Дело, 2020. — 432 с.

2. Барциц И.Н. Конституционно-правовые основы российского федерализма. — М.: Норма, 2019. — 352 с.

3. Гонтмахер Е.Ш. Региональная политика в России: вызовы и решения // Общественные науки и современность. — 2020. — №4. — С. 34–49.

4. Дробышевский С.М., Казакова М.В. Оценка устойчивости бюджетов регионов РФ и факторов

их дефицита // Экономическое развитие России. — 2021. — №12. — С. 55–63.

5. Зубаревич Н.В. Пространственное развитие России: региональное неравенство и бюджетная политика. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. — 248 с.

6. Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Долгосрочные бюджетные риски и устойчивость региональных финансов // Вопросы экономики. — 2019. — №9. — С. 5–28.

7. Лавров А.М. Межбюджетные отношения: теория и практика. — М.: Финансы и статистика, 2019. — 384 с.

8. Минфин России. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024–2026 годы. — М., 2023. — 112 с.

9. Петров А.А. Концентрация фискальных доходов и перераспределительные механизмы в бюджетной системе РФ // Экономическая политика. — 2021. — Т. 16. — №3. — С. 75–96.

10. Порфирьев Б.Н. Региональное развитие и экономическая безопасность России. — М.: Наука, 2018. — 287 с.

11. Сафина А.И. Налоговый потенциал регионов России и его использование // Финансы и кредит. — 2020. — Т. 26. — №6. — С. 1453–1471.

12. Синельников-Мурылёв С.Г., Дробышевский С.М. Бюджетный федерализм в России: проблемы и перспективы // Научные труды ИЭПП. — 2019. — №158. — С. 5–54.

13. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: центр и регионы. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 304 с.

14. Финансы российских регионов: анализ и прогнозирование: монография / И.В. Масакова, С.В. Саркисов, В.А. Макеев [и др.] / под ред. И.В. Масаковой. — М.: Финансы, 2020. — 312 с.

Development of information competence of university students in the process of studying disciplines of the social and humanitarian cycle

Abramenko Natalya Yurievna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Pacific State University, Khabarovsk*

The purpose of the study is theoretical substantiation of the structure of information competence of university students and the disclosure of the potential of the disciplines of the socio-humanitarian cycle as a key educational environment for its development. The scientific novelty consists in clarifying theoretical concepts about the structure of information competence of university students and in substantiating the pedagogical potential of the disciplines of the social and humanitarian cycle as an integral educational environment for its formation. The student's information competence is presented as an integrative education that includes interrelated components: information, computer, media literacy and communicative literacy. As a result, the position is substantiated that the key, most complex components of information competence, represented by media literacy and communicative literacy, are formed mainly not within the framework of technical or instrumental disciplines, but in the process of studying the socio-humanitarian cycle. It is shown that it is the humanities, focused on the interpretation of texts, the analysis of various points of view, argumentation and value comprehension of information, that create a natural pedagogical environment for the development of media literacy, communicative culture and critical thinking of students.

Keywords: *information competence; information literacy; educational conditions; university students; disciplines of the social and humanitarian cycle.*

EDN: RZGWUK ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.45***

Цитировать: *Абраменко Н.Ю. Развитие информационной компетентности студентов вуза в процессе изучения дисциплин социально-гуманитарного цикла // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 329-334. EDN: RZGWUK. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.45*

УДК 378
5.8.1

Развитие информационной компетентности студентов вуза в процессе изучения дисциплин социально-гуманитарного цикла

© Абраменко Н.Ю., 2026

Цель исследования — теоретическое обоснование структуры информационной компетентности студентов вуза и раскрытие потенциала дисциплин социально-гуманитарного цикла как образовательной среды её развития. Научная новизна заключается в уточнении теоретических представлений о структуре информационной компетентности студентов вуза и обосновании педагогического потенциала дисциплин социально-гуманитарного цикла как целостной образовательной среды её формирования. Информационная компетентность студента представлена как интегративное образование, включающее взаимосвязанные компоненты: информационную, компьютерную, медиаграмотность и коммуникативную грамотность. В результате обосновано положение о том, что ключевые, наиболее сложные компоненты информационной компетентности, представленные медиаграмотностью и коммуникативной грамотностью, формируются преимущественно не в рамках технических или инструментальных дисциплин, а в процессе изучения социально-гуманитарного цикла. Показано, что именно гуманитарные дисциплины, ориентированные на интерпретацию текстов, анализ различных точек зрения, аргументацию и ценностное осмысление информации, создают естественную педагогическую среду для развития медиаграмотности, коммуникативной культуры и критического мышления студентов.

Ключевые слова: *информационная компетентность; информационная грамотность; образовательные условия; студенты вуза; дисциплины социально-гуманитарного цикла.*

АБРАМЕНКО Наталья Юрьевна, *кандидат педагогических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск*

Введение

В системе высшего образования процессы цифровизации приобрели устойчивый и практически необратимый характер. Образовательная деятельность студентов вузов все в большей степени осуществляется с использованием информационно-коммуникационных технологий: электронных образовательных платформ, цифровых библиотек, сетевых сервисов, систем дистанционного взаимодействия и средств онлайн-коммуникации. Информационная среда становится естественным пространством учебной, исследовательской и профессионально-ориентированной активности обучающихся.

Трансформация образовательной практики приводит к тому, что современный специалист, выпускник социально-гуманитарного профиля оказывается постоянно включенным в процессы работы с информацией, требующие регулярного обновления знаний и навыков. Профессиональная состоятельность и социальная адаптивность становятся напрямую связанными со способностью эффективно осуществлять поиск, отбор, критическую оценку и интерпретацию информационных ресурсов, а также применять полученные сведения в учебной и профессиональной деятельности. Соответственно, информационная компетентность приобретает статус ключевого интегративного качества личности выпускника, обеспечивающего не только успешность освоения образовательных программ, но и готовность к профессиональной деятельности в цифровой среде.

В ходе теоретического обоснования структуры информационной компетентности студентов вуза и раскрытия потенциала дисциплин социально-гуманитарного цикла как образовательной среды её развития решены следующие задачи: 1) проанализировано современное состояние информационной компетентности студентов; 2) выявлены ключевые компоненты информационной компетентности студентов; 3) определен педагогический потенциал дисциплин социально-гуманитарного цикла в развитии информационной компетентности студентов.

Теоретической базой исследования являются научные статьи М.Р. Васильевой, М.С. Апановича, Е.Г. Мягковой, Д.И. Закировой и П. Милана, в которых представлены результаты оценки уровня информационной компетентности студентов вузов [1; 2]. Также в основу исследования легли научные работы А.В. Новикова, Д.Е. Прокудина и Н.П. Табачук, посвященные изучению роли и потенциала гуманитарного образования в контексте развития информационных технологий [6; 7; 10].

Аналитические материалы программы «Приоритет-2030» позволяют рассматривать уровень информационной и цифровой компетентности студентов как достаточный для функционирования в цифровой образовательной среде. Массовое внедрение электронных образовательных платформ, дистанционных форм взаимодействия, цифровых сервисов и онлайн-инструментов обучения привело к тому, что работа с информационными ресурсами стала повседневной практикой студенческой деятельности. Большинство студентов обладают базовыми навыками использования цифровых инструментов, они способны взаимодействовать с электронными образовательными средами, выполнять задания в онлайн-формате и участвовать в сетевой коммуникации.

Однако в ряде научных работ фиксируется наличие пробела между базовым уровнем информационной подготовленности студентов и уровнем компетентности, который необходим для полноценной учебной, исследовательской и последующей профессиональной деятельности. Так, в соответствии с результатами исследования М.Р. Васильевой, М.С. Апановича и Е.Г. Мягковой, студенты вузов в целом осознают значимость информационной компетентности как в учебной, так и будущей профессиональной деятельности, но данная готовность зачастую носит декларативный характер и не всегда сопровождается сформированностью устойчивых умений критической работы с источниками, отбора и интерпретации информации, а также понимания этических и правовых аспектов информационной деятельности. На примере студентов медицинского вуза показано, что уровень информационной грамотности студентов является неоднородным, а более половины респондентов, принявших участив в опросе, характеризуют собственный уровень владения продуктами MS Office как низкий [1, с. 76].

В статье Д.И. Закировой и П. Милана проведена оценка уровня цифровой компетентности студентов вуза на основе комплексного подхода, включающего информационную, компьютерную, медийную и коммуникативную грамотность, а также отношение обучающихся к технологическим инновациям. Полученные данные показали, что информационная грамотность, понимаемая как способность к поиску, критическому анализу и осмысленному использованию информации, находится у студентов на достаточно высоком уровне, компьютерная грамотность находится на уровне, позволяющем студентам эффективно включаться в цифровую образовательную среду. Медиаграмотность, обеспечивающая критическое восприятие медиаконтента, характеризуется относительно высокими показателями, но авторы указывают на недостаточность аналитических навыков, позволяющих осмысленно интерпретировать контент, оценивать и соотносить с социальным, культурным и научным контекстом. Коммуникативная грамотность, отражающая способность использовать цифровые инструменты для взаимодействия, позволяет судить о достаточной адаптированности большинства студентов к цифровым формам коммуникации, однако вопросы этики и информационной безопасности отнесены авторами исследования к проблемным зонам. Так, студенты воспринимают цифровую среду как пространство свободного обмена контентом, а правовые ограничения, связанные с авторским правом, лицензированием материалов и правилами цитирования, зачастую не учитываются [2, с. 370].

Результаты исследований подтверждают, что современное студенческое сообщество обладает базовым уровнем информационной компетентности, достаточным для включения в образовательную и профессиональную деятельность. Вместе с тем выявленные дефициты в области критической оценки информации, этики цифрового взаимодействия и осознанного использования информационных ресурсов показывают, что сформированность информационной компетентности носит фрагментарный характер и не всегда обеспечивается системным педагогическим воздействием.

Результаты и обсуждение

В педагогической литературе информационная компетентность студента вуза определяется как личностное образование, представляющее собой систему знаний, умений и навыков работы с информацией, а также способность и готовность осуществлять различные виды деятельности на основе этой системы [4, с. 37]. В широком смысле информационная компетентность рассматривается как универсальная компетенция, связанная с культурой работы с информацией, цифровым контентом, профессиональным контекстом и информационной безопасностью [10, с. 100].

Информационную компетентность студента вуза можно рассматривать как интегративное личностно-профессиональное качество, представляющее собой систему знаний, умений, ценностных установок и опыта информационной деятельности, обеспечивающих эффективный поиск, критическую оценку, переработку, использование и безопасное распространение информации в учебной и будущей профессиональной деятельности.

К числу ключевых составляющих информационной компетентности относят информационную, компьютерную, медиаграмотность и коммуникативную грамотность [2], каждая из которых выполняет определённую функцию в структуре информационной компетентности и обеспечивает формирование специфических навыков, необходимых студенту в образовательном процессе.

Информационная грамотность представляет собой базовый когнитивный компонент информационной компетентности и связана со способностью осмысленно работать с содержанием информации. В образовательном процессе информационная грамотность проявляется в умении работать с научными текстами, выделять ключевые идеи, осуществлять смысловой анализ, строить аргументацию на основе различных источников и корректно оформлять результаты интеллектуальной деятельности.

Компьютерная грамотность отражает уровень владения техническими средствами обработки информации и включает понимание принципов функционирования компьютерных систем, владение основными программными продуктами, способность работать с

цифровыми устройствами, образовательными платформами, а также умение использовать информационно-коммуникационные технологии для решения учебных задач. К ключевым навыкам компьютерной грамотности относятся работа с текстовыми и табличными редакторами, использование электронных образовательных ресурсов, работа с системами дистанционного обучения и цифровыми средствами представления результатов учебной деятельности.

Медиаграмотность отражает аналитико-ценностный аспект информационной компетентности и связана со способностью критически воспринимать и интерпретировать медиаконтент. Для студента медиаграмотность проявляется в способности анализировать информационные потоки, проверять достоверность новостей и формировать обоснованную позицию по социально значимым вопросам [3, с. 105].

Коммуникативная грамотность отражает социально-практическую сторону информационной компетентности и включает умение использовать различные цифровые средства коммуникации. В образовательном процессе коммуникативная грамотность проявляется в умении вести учебную переписку, способности участвовать в онлайн-дискуссиях, адекватно воспринимать и интерпретировать сообщения других участников образовательного взаимодействия.

Информационная, компьютерная, медиаграмотность и коммуникативная грамотность образуют взаимосвязанную систему, обеспечивающую формирование информационной компетентности студента. Информационная — представляет когнитивное ядро работы с содержанием информации, компьютерная — создает инструментальную основу информационной деятельности, медиаграмотность — критико-аналитический и ценностный аспект, а коммуникативная грамотность — социально-практическое применение информации в образовательном и профессиональном взаимодействии. Совокупность указанных компонентов обеспечивает способность студента эффективно функционировать в цифровой образовательной среде, осмысленно использовать информационные ресурсы и выстраивать продуктивную учебную и профессиональную коммуникацию.

Структура информационной компетентности, представленная на рисунке, показывает, что её формирование невозможно свести исключительно к техническому обучению или освоению цифровых инструментов. В частности, как показано в статьях Ю.В. Рыжова и М.С. Мельникова, в традиционной образовательной системе основное внимание уделяется формированию навыков использования компьютеров и умений работать и информацией [8, с. 48; 5, с. 190].

Рисунок — **Структура информационной компетентности студентов вуза**

Источник: составлено автором.

Наибольшую сложность в структуре информационной компетентности представляют когнитивные, аналитические, ценностные и коммуникативные компоненты, которые не сводятся к освоению технических навыков и не формируются автоматически в процессе повседневного взаимодействия с цифровыми технологиями. В отличие от компьютерной грамотности, формирование коммуникативной и медиаграмотности требует целенаправ-

ленного педагогического воздействия, связанного с развитием мышления, рефлексии и ценностного отношения к информации [5, с. 191]. Формирование медиаграмотности и коммуникативной грамотности в наибольшей степени связано с содержанием и методикой преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла. В отличие от дисциплин инструментального или технологического профиля, где работа с информацией чаще носит прикладной характер [9, с. 108], социально-гуманитарные науки изначально ориентированы на анализ смыслов, интерпретацию текстов и социальную коммуникацию.

Изучение философии, истории, социологии, права, культурологии, этики и др. предполагает постоянную работу с текстами различной природы: научными, публицистическими, нормативными, художественными, статистическими и иными источниками. Студенту необходимо не только воспроизводить информацию, но и сопоставлять различные точки зрения, выявлять противоречия, анализировать аргументы и делать обоснованные выводы [7, с. 80]. Процесс освоения данных дисциплин непосредственно формирует навыки критического мышления, которые и составляют основу информационной грамотности.

Элементом гуманитарного образования является интерпретация и сопоставление различных позиций, поскольку в гуманитарных дисциплинах практически отсутствуют однозначные и окончательные ответы, что побуждает студентов рассматривать научные проблемы с разных сторон, учитывать исторический, культурный и социальный контекст, анализировать аргументацию авторов. Процессы интерпретации и сопоставления различных точек зрения закладывают основу для развития у студентов аналитических умений, способностей выделять главное, устанавливать причинно-следственные связи и формировать собственную позицию на основе анализа информации.

Неотъемлемой частью учебной деятельности в социально-гуманитарных дисциплинах является построение аргументированной позиции. Выполнение эссе, аналитических работ, рефератов, участие в семинарских занятиях и дискуссиях — формируют навыки научной аргументации, академической честности и ответственного отношения к информации.

Коммуникативный аспект занимает центральное место в процессе освоения дисциплин социально-гуманитарного цикла, поскольку значительная часть учебного процесса строится на диалоговых формах взаимодействия, в ходе которых студенты осваивают нормы академической коммуникации, учатся корректно выражать собственную позицию, выстраивать доказательные рассуждения и вести конструктивный диалог. Подобные умения непосредственно соотносятся с коммуникативной грамотностью, обеспечивая готовность к профессиональному и общественному диалогу.

Коммуникативное измерение гуманитарного образования не ограничивается только технологией учебного взаимодействия. С точки зрения А.В. Новикова, нельзя недооценивать роль преподавателя гуманитарных дисциплин в формировании национально-культурной идентичности обучающихся. Педагог, обладающий глубокими предметными знаниями, высоким уровнем профессиональной компетентности, выступает ключевой фигурой в процессе трансляции культурных ценностей и формирования патриотического сознания студентов [6, с. 292]. В этой связи коммуникативное пространство гуманитарных дисциплин приобретает характер не только академического, но и ценностно-ориентированного взаимодействия, в котором формируются мировоззренческие установки, социальные ориентиры и культурные идентичности обучающихся.

В рамках социально-гуманитарных дисциплин также обсуждаются вопросы социальной ответственности, правовых и этических норм, культурных различий, идеологических установок и механизмов информационного воздействия, в результате чего у студентов формируются навыки осознанного отношения к информации, ответственного и безопасного информационного взаимодействия. Таким образом, в процессе освоения дисциплин социо-гуманитарного цикла у студентов вузов развиваются когнитивные, аналитические, коммуникативные и этические навыки, необходимые для полноценной учебной, исследовательской и последующей профессиональной деятельности.

Заключение

Анализ показал, что структура информационной компетентности носит комплексный характер и включает взаимосвязанные компоненты: информационную, компьютерную, медиаграмотность и коммуникативную грамотность. Специфика содержания и методики преподавания гуманитарных дисциплин обусловливает их особую роль в формировании наиболее сложных компонентов информационной компетентности, к которым отнесены медиаграмотность и коммуникативная грамотность.

Практические навыки, формируемые и закрепляемые в процессе освоения дисциплин социально-гуманитарного цикла, обеспечивают развитие информационной компетентности студентов вуза на уровне, необходимом для полноценной учебной, исследовательской и последующей профессиональной деятельности. Следовательно, социально-гуманитарные дисциплины выступают не только средством передачи знаний, но и пространством формирования информационной культуры и ответственного информационного поведения студентов.

Литература:

1. Васильева М.Р., Апанович М.С., Мягкова Е.Г. Анализ информационной компетентности обучающихся медицинского вуза на начальном этапе подготовки // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2023. — №42(1). — С. 66–79. — DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-66-79

2. Закирова Д.И., Милан П. Контуры современного образования: оценка цифровых навыков студентов // Вестник университета «Туран». — 2024. — №1. — С. 355–373. — DOI: 10.46914/1562-2959-2024-1-1-355-373.

3. Кижнер Ю.К. Развитие информационной культуры: ключевая компетенция современного гуманитария // Мир науки, культуры, образования. — 2025. — №5(114). — С. 104-106. — DOI: 10.24412/1991-5497-2025-5114-104-106.

4. Лозицкий В.Л. Формирование и развитие информационной компетентности студентов вуза в системе управления учебной деятельностью при изучении дисциплин социально-гуманитарного цикла // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. — 2014. — №1. — С. 36-41.

5. Мельников М.С. Информационная компетенция в структуре цифровой культуры студентов СПО // Самарский научный вестник. — 2025. — Т. 14, №2. — С. 189–193. — DOI: 10.55355/snv2025142308.

6. Новиков А.В. Гуманитарное образование в эпоху информационных технологий: культурологический аспект // Культура и цивилизация. — 2024. — Т. 14, №10А. — С. 290-297.

7. Прокудин Д.Е. Формирование цифровых компетенций при изучении социокультурного пространства // Информационное общество. — 2023. — №6. — С. 77-85.

8. Рыжов Ю.В. Формирование информационной культуры как метакомпетенции студентов // Гуманитарные науки. — 2024. — №2(66). — С. 48–53.

9. Санников М.А. Педагогические условия формирования информационной компетентности студентов технического вуза / М.А. Санников // Технические университеты: интеграция с европейскими и мировыми системами образования: сб. ст. VIII Международной конференции. — Том 1. — Ижевск: Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, 2019. — С. 106-109.

10. Табачук Н.П. Информационная компетенция студентов вуза как транспрофессиональная // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. — 2021. — №2(36). — С. 100–107.

NONVERBAL MEANS OF ONLINE COMMUNICATION IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: EMOTICONS, STICKERS, MEMES

Balykov Vlacheslav Vitalievich, *Lecturer additional education, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow*

This article explores emoticons, stickers, and memes as digital non-verbal means of online communication in teaching Russian as a foreign language. The relevance of this study is determined by the growing role of visual symbols in online communication and the need to adapt Russian as a foreign language (RFL) methods to modern digital practices. The aim of the study is to analyze the functionality of emojis, stickers, and memes and develop methodological recommendations for their integration into the educational process. The methods used include content analysis of popular educational platforms, questionnaires, and an experiment with groups of students at different levels of language proficiency. The results demonstrate that the systematic inclusion of online non-verbal signs in learning tasks increases motivation, promotes better acquisition of lexical and grammatical structures, and develops emotionally expressive communication skills. The proposed exercises and case studies can be successfully implemented in online and offline Russian as a foreign language (RFL) courses to enrich communication practices and enhance the authenticity of the learning material.

Keywords: *Internet communication; international students; learning; nonverbal communication; Russian language; Russian as a foreign language; emoticons; memes; stickers.*

EDN: TAHNHP ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.46***

Цитировать: *Балыков В.В. Невербальные средства интернет-коммуникации в обучении РКИ: смайлики, стикеры, мемы // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 335-339. EDN: TAHNHP. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.46*

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В ОБУЧЕНИИ РКИ: СМАЙЛИКИ, СТИКЕРЫ, МЕМЫ

УДК 378
5.8.2

© Балыков В.В., 2026

Статья посвящена исследованию смайликов, стикеров и мемов как цифровых невербальных средств интернет-коммуникации в преподавании русского языка как иностранного. Актуальность работы определяется растущей ролью визуальных символов в онлайн-общении и необходимостью адаптации методик РКИ к современным цифровым практикам. Цель исследования — проанализировать функциональные возможности эмодзи, стикеров и мемов и разработать методические рекомендации по их интеграции в учебный процесс. В качестве методов использованы контент-анализ популярных образовательных платформ, анкетирование и эксперимент с группами студентов разного уровня владения языком. Результаты показывают, что систематическое включение сетевых невербальных знаков в учебные задания повышает мотивацию, способствует лучшему усвоению лексико-грамматических конструкций и развивает навыки эмоционально-экспрессивного общения. Предложенные упражнения и кейсы могут быть успешно внедрены в онлайн— и офлайн-курсы РКИ для обогащения коммуникативных практик и повышения аутентичности учебного материала.

Ключевые слова: *интернет-коммуникация; иностранные студенты; обучение; невербальная коммуникация; русский язык; РКИ; смайлики; мемы; стикеры.*

БАЛЫКОВ Вячеслав Витальевич, *педагог дополнительного образования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва*
SPIN-код: 3700-6477
ORCID: 0009-0005-7034-3601

Введение

Актуальность исследования обусловлена стремительным расширением цифровой среды обучения и возрастающей значимостью визуальных символов как средств передачи информации и эмоций в интернет-коммуникации. Эмодзи, стикеры и мемы прочно вошли в повседневное общение пользователей, включая изучающих русский язык как иностранный, и выполняют не только эстетическую, но и коммуникативную функцию, позволяя кратко и наглядно передавать от-

тенки смысла, интонации и культурные коннотации. При этом традиционные методики РКИ нередко не учитывают потенциал этих невербальных средств, что снижает эффективность мотивации и вовлечённости студентов, а также ограничивает возможности аутентичной практики эмоционально-экспрессивного общения.

В современных онлайн— и офлайн-курсах РКИ требуется системное включение цифровых невербальных инструментов в учебные задания и коммуникативные упражнения. Это позволяет не только повысить интерес учащихся, адаптированных к визуально насыщенным форматам информации, но и развивает у них умение интерпретировать и активно использовать сетевые символы в реальных ситуациях коммуникации.

В современном цифровом пространстве визуальные элементы приобретают ключевое значение в процессе онлайн-общения и обучения иностранным языкам. Настоящая статья посвящена исследованию смайликов, стикеров и мемов как цифровых невербальных средств интернет-коммуникации в преподавании русского языка как иностранного.

Актуальность работы определяется растущей ролью визуальных символов в сети и необходимостью адаптации традиционных методик РКИ к реалиям современного медиадискурса. Цель исследования — всесторонний анализ функциональных возможностей эмодзи, стикеров и мемов и выработка методических рекомендаций по их интеграции в учебный процесс. В качестве методов применены контент-анализ популярных образовательных платформ, анкетирование студентов различных уровней владения языком и экспериментальная апробация учебных модулей с включением сетевых визуальных средств.

Результаты исследования и их обсуждение

Тема невербальных средств интернет-коммуникации достаточно активно изучается в научной литературе. Значительный вклад в разработку вопросов интернет-коммуникации внесли У.И. Турко, Т.Н. Колокольцева, Г.Н. Боева, О.С. Флоринский, М.П. Петанова, Т.Б. Радбиль, А.И. Помазов, А.В. Фетищева, О.В. Фетищева, М.А. Гангалов, Д.Г. Бронников, Н.В. Корунова, А.С. Каменева, Л.А. Киселева, Э.И. Дусеева, А.А. Аббасова, Л.А. Косарева. Интернет-коммуникация давно привлекает внимание учёных: в лингвистике уже изучены смайлики, стикеры и мемы, однако методические аспекты их применения в обучении русскому языку как иностранному практически не рассматривались. Освещение этой темы создаёт основу для разработки новых приёмов преподавания РКИ и оценки влияния мультимодальных средств на эффективность учебного процесса.

Базой исследования выступил Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, где была проведена практическая часть исследования. Участниками исследования стали слушатели Подготовительного факультета из Афганистана, Вьетнама, Ирана, Иордании, Марокко, Китая, Турции, Сирии, Ганы, Колумбии, Замбии, Того, ОАЭ, Палестины и Республики Конго — слушатели, изучающие русский язык как иностранный на уровне А2-В1. Представленные упражнения и техники были специально адаптированы для курса "Русский язык как иностранный", соответствующего требованиям уровня А2-В1, и направлены на развитие навыков восприятия и понимания невербальных средств интернет-коммуникации на русском языке.

Развитие телефонной связи, а именно массовое распространение голосовых звонков, в свое время значительно снизило долю письменной речи в общении. Телефон помог разрешить проблему пространственной и временной отдалённости. Однако с появлением интернета, а именно с появлением и широким распространением социальных сетей и мессенджеров, письменная речь вновь становится ведущей, хотя она и претерпевает значительные видоизменения [6, с. 177].

Современное интернет-общение немыслимо без графических и текстово-графических маркеров: смайликов, эмодзи, стикеров, мемов. Особенно активно они используются в чатах и мессенджерах российских студентов. Для иностранцев эти некодированные элементы становятся источником недопонимания: в них заложены культурно обусловленные коннотации, ситуативные шутки, ссылки на актуальные события и фольклор. При формировании коммуникативной компетенции РКИ необходимо, на наш взгляд, учитывать

навыки чтения и продуцирования таких знаков. Разграничим основные термины.

— Смайлик (*emoticon*) — графема или последовательность символов, стилизованная под лицо или жест (например, :-) , :D).

— Эмодзи (*emoji*, эмодзи/эмоджи) — пиктографические знаки, стандартизированные для кроссплатформенной передачи, более детализированы, чем смайлики, имеют тысячи вариантов (лицам, животным, явлениям). В русском языке оба написания («эмодзи» и «эмоджи») употребляются наряду друг с другом, однако предпочтительнее транслитерация «эмодзи» как более близкая к японскому оригиналу [4, с. 3007].

— Стикер — графическое изображение (часто векторное или растровое), оформленное в едином стиле, которое может включать персонажа, фразу и служит для выражения эмоциональной реакции или оформления сообщения. В отличие от эмодзи, стикеры не стандартизированы, а создаются авторами или сообществами.

— Мем — полуоткрытый культурный знак, представляющий собой набор визуально-текстовых элементов (картинка + подпись), который переосмысливается и видоизменяется пользователями. Мемы опираются на предшествующие культурные или ситуативные реалии и часто строятся на эффекте узнавания или иронии [5, с. 69-70]. А.С. Каменева отмечает: «Мемы — это коллективное, стихийное творчество Интернета, своеобразный сетевой фольклор. И, как в любом творчестве, в них зачастую используются каламбуры и языковая игра» [2, с. 40].

По форме невербальные средства интернет-коммуникации разделяются на три группы:

1) текстово-графические (смайлики, *emoticons*);

2) универсальные пиктограммы (эмодзи);

3) авторские графические наборы (стикеры, мемы).

По функциональному назначению их можно подразделить на:

— эмоционально-экспрессивные (смайлики, эмодзи, большинство стикеров).

— коннотативно-комментирующие (мемы, стикеры с фразами).

— интерактивно-управляющие (стикеры-реакции в чатах, «лайки»-эмодзи).

По культурной привязанности различают:

— интернациональные (большинство эмодзи: лица, предметы).

— локальные (мемы с отсылками к российской поп-культуре, шутки про «Чебурашку», культурные артефакты).

Ранее мы отмечали, что «для графической передачи улыбки, чаще всего используется круглая скобка. В зависимости от направления «(« или «)», они могут передавать или радость, или грусть» [1, с. 3].

Все смайлики можно разделить на две группы: восточные и западные.

Восточные эмограммы имеют ряд неповторимых особенностей. Так, важной чертой японских смайликов является то, что жители Японии делают большой акцент на глаза. Рассмотрим примеры текстовых эмограмм восточной группы:

^_^	n_n	ô_O	-_-	>_<	x_x	O_o

Восточные эмограммы, они же «facemarks». Второе наименование они получили из-за способа их «прочтения». Чтобы «прочитать» значение смайлика нужно держать голову прямо, не наклоняя её влево или вправо.

К западным эмограммам относят смайлики, для «чтения» которых нужно наклонить голову в сторону. Примеры эмограмм западного типа:

:))	:((	))	:D	:з

Среди данной группы выделяют русский подвид смайликов, отличительной чертой которых является большое количество круглых скобок [1, с. 3-4].

Нами проанализированы наиболее используемые текстовые смайлики в русскоязычных чатах и соцсетях:

1. *Улыбка/смеяться:*

:) — простая улыбка;

:-) — улыбка с носом;

)) — очень распространённый в Рунете способ показать улыбку/смех: одна или несколько закрывающих скобок — чем больше, тем сильнее смех;

:D / :-D — открытый смех;

xD / XD — смех, часто ироничный.

2. *Подмигивание/флирт:*
;) / ;-) — подмигивание.
3. *Грусть/печаль:*
:(/ :-(— грусть;
:'(— плач;
=(— разочарование.
4. *Удивление/шок:*
:O / :-O — удивление;
:0 — удивление/шок.
5. *Нейтральные/скепсис:*
:| — нейтральное лицо;
:/ — сомнение, неловкость.
6. *Поцелуй/любовь:*
:*— поцелуй;
<3 — сердце.
7. *Злость/недовольство:*
>:(— злость;
D: — испуганно злой/шок.
8. *Смеющийся смайлик с глазами-скобками:*
^^ — довольство, радость, иногда сарказм.
9. Ирония/сухой юмор:
¯_(ツ)_/¯ — жест «мне всё равно», англоязычный мем, встречается и в Рунете;
(°͜ʖ͡°) — ленивая ухмылка (Lennyface), используется для иронии, флирта.
10. *Другие популярные варианты*:
:3 — мягкая/милая улыбка;
o.O / O_o — недоумение;
^^ — неловкость или смущение.

В основе нашего исследования лежат три этапа:

1. Контент-анализ: сбор и анализ 50 смайликов, 50 эмодзи, 50 стикеров и 50 мемов.

2. Анкетирование 60 иностранных студентов, изучающих русский язык на базовом уровне, о степени понимания и уместности применения разных видов графических маркеров.

3. Эксперимент: внедрение в программу РКИ специального модуля по невербальным средствам (серия упражнений и творческих заданий) с последующим сравнительным тестированием групп с модулем и без.

Результаты анализа продемонстрировали:

— Студенты уверенно интерпретируют интернациональные эмодзи, но испытывают затруднения с локальными мемами и стикерами, в которых встречаются отсылки к историческим событиям, современным трендам («шутка про "Пятерочку"», «ждун»).

— Упражнения, направленные на сопоставление двух версий одного стикера (оригинальной и адаптированной) повышают осознанность использования.

— Группа, получившая модуль по невербальным средствам, продемонстрировала на 30% более высокий балл в коммуникативном тесте, включающем задания на понимание скрытых коннотаций.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие методические рекомендации:

— На этапе вводной презентации необходимо познакомить студентов с историей появления смайликов и эмодзи, показать примеры локальных и интернациональных стереотипов.

— Предлагаем в двух-четырех практика-сессиях разбирать мемы: предложить перевести популярный русский мем на родной язык и объяснить комедийный эффект.

— В модуле «стикеры» использовать платформы мессенджеров: обучать созданию авторских реакций, ориентированных на русскоязычную аудиторию.

— Интегрировать задания в онлайн-курсы: создавать мини-чаты, где определенная часть общения ведётся с обязательным использованием смайликов, эмодзи и мемов по заданной тематике.

Заключение

Невербальные средства интернет-коммуникации являются важной составляющей современного языка общения. Их изучение в рамках курсов РКИ позволяет иностранным студентам не только расширить лексико-грамматический запас, но и овладеть культурно обусловленной частью языка, повысить мотивацию и уровень аутентичности коммуникации. Дальнейшие исследования могут быть посвящены анализу динамики мем-контента и появлению новых жанров графической самоидентификации. Использование смайликов, стикеров и мемов как цифровых невербальных средств интернет-коммуникации представляет собой мощный инструмент для преподавателей русского языка как иностранного, значительно повышает языковую компетенцию иностранных студентов и способствует развитию межкультурной коммуникации, что имеет особое значение в многоязычном и глобализированном мире.

Литература:

1. Балыков В.В. Средства выражения эмоций в интернет-коммуникации: эмограммы / В.В. Балыков // Русский язык — путь к успеху: сб. науч. тр. II Международной студенческой научно-практической конференции, Курск, 27 апреля 2023 года. — Курск: Курский государственный университет, 2023. — С. 32-36. — EDN OBCWYZ.

2. Каменева А.С. Интернет-мемы на уроках РКИ: возможности и примеры использования / А.С. Каменева // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. — 2022. — №3(11). — С. 39-48. — DOI 10.18572/2687-0339-2022-3-39-48. — EDN PGNRZU.

3. Корунова Н.В. Интернет-мем как средство обучения на уроках РКИ по фонетике / Н. В. Корунова // Наукосфера. — 2024. — №7-1. — С. 315-321. — DOI 10.5281/zenodo.12771449. — EDN KPGMNQ.

4. Турко У.И. Смайлик, эмотикон и эмодзи как невербальные средства общения в интернет-коммуникации / У.И. Турко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17, №9. — С. 3005-3011. — DOI 10.30853/phil20240427. — EDN INSYQE.

5. Фетищева А.В. Интернет-мем как форма современной интернет-коммуникации / А.В. Фетищева, О.В. Фетищева // Социально-философские аспекты науки и образования. — 2024. — №1(4). — С. 68-74. — EDN QMVXEZ.

6. Петрова Л.Г. Подсистема особого типа: Интернет-язык / Л. Г. Петрова, В. В. Балыков // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сб. тр. Международной научно-практической конференции, Белгород, 07–09 октября 2024 года. — Белгород: Космос, 2024. — С. 176-180. — EDN KTVAMB.

COGNITIVE LOAD THEORY AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR DESIGNING EDUCATIONAL MATERIALS

Bostanova Svetlana Nikolaevna, *PhD of Psychological sciences, Associate Professor, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, Karachayevsk, Karachay-Cherkess Republic*

Kafarova Kizkhanum Zagirovna, *Senior Lecturer, Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny, Chechen Republic*

Koposova Elena Granetovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Military Academy of Communications named after S.M. Budyonny, St. Petersburg*

This study provides a theoretical rationale for using cognitive load theory as a methodological basis for designing educational materials in an information-intensive educational environment. It presents key characteristics of human cognitive architecture, the limitations of working and long-term memory, and the concept of schemas and their role in knowledge acquisition. It explores the nature of internal, external, and substantive cognitive load and its impact on the design of learning tasks. Based on an analysis of domestic and international research, it systematizes principles for reducing excessive cognitive load and supporting meaningful learning through a gradual increase in content complexity, the selection and placement of visual aids, the use of the teaching example effect, and consideration of the reversibility of expert review. The study's findings demonstrate that relying on cognitive load theory enables targeted management of learners' resources and serves as a methodological guideline for creating courses in various subject areas. Particular attention is paid to materials for self-paced learning, distance learning formats, and next-generation digital educational resources in educational contexts.

Keywords: *cognitive load theory; cognitive architecture; working memory; long-term memory; designing educational materials.*

EDN: TNJYJH ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.47***

Цитировать: *Бостанова С.Н., Кафарова К.З., Копосова Е.Г. Теория когнитивной нагрузки как методологическая основа проектирования учебных материалов // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 340-344. EDN: TNJYJH. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.47*

УДК 37.015
5.8.2

© Бостанова С.Н., Кафарова К.З., Копосова Е.Г., 2026

БОСТАНОВА Светлана Николаевна, *кандидат психологических наук, доцент, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Карачаево-Черкесская республика*

КАФАРОВА Кизханум Загировна, *старший преподаватель, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Грозный, Чеченская Республика*

КОПОСОВА Елена Гранетовна, *кандидат педагогических наук, доцент, Военная академия связи им. С.М. Буденного, Санкт-Петербург*

ТЕОРИЯ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРОЕКТИРОВАНИЯ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Исследование включает теоретическое обоснование использования теории когнитивной нагрузки как методологической основы проектирования учебных материалов в условиях информационной насыщенности образования. Представлены ключевые характеристики когнитивной архитектуры человека, ограничения рабочей и возможности долговременной памяти, понятие схем и их роль в усвоении знаний. Раскрывается содержание внутренней, внешней и содержательной когнитивной нагрузки и их влияние на конструирование учебных заданий. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований систематизированы принципы снижения избыточной нагрузки и поддержки осмысленного усвоения за счет поэтапного усложнения содержания, отбора и расположения наглядности, применения эффекта обучающего примера и учёта обратимости экспертизы. Результаты исследования позволили установить, что опора на теорию когнитивной нагрузки позволяет целенаправленно управлять ресурсами обучающихся и служит методологическим ориентиром при создании учебных курсов в различных предметных областях. Особое внимание уделяется материалам для самостоятельного обучения, дистанционных форматов и цифровых образовательных ресурсов нового поколения в образовательных контекстах.

Ключевые слова: *теория когнитивной нагрузки; когнитивная архитектура; рабочая память; долговременная память; проектирование учебных материалов.*

Введение

В условиях роста информационной насыщенности образования качество учебных материалов определяется не столько объёмом сведений, сколько тем, насколько их форма соответствует возможностям обучающегося перерабатывать информацию. Ограниченность оперативной памяти приводит к тому, что неудачное сочетание текста и иллюстраций или преждевременное усложнение заданий создают перегрузку и смещают усилия с понимания на преодоление помех. Это особенно значимо при конструировании материалов, рассчитанных на самостоятельное освоение. Следовательно, проектирование учебных материалов нуждается в методологической опоре, позволяющей целенаправленно управлять учебной нагрузкой. Данное исследование обращено к решению данной задачи: теоретически обосновать теорию когнитивной нагрузки как методологическую основу проектирования учебных материалов и систематизировать принципы снижения избыточной нагрузки и поддержки осмысленного усвоения.

Теория когнитивной нагрузки, предложенная А.Л. Игнаткиной, рассматривает «обучение как управление распределением умственных ресурсов при усвоении содержания» [5, с. 76]. Этот тезис также находит отражение у Н.В. Чичериной и В. Линьпэн: «когда взаимосвязанные элементы разнесены и требуют мысленной интеграции, возникает эффект разделения внимания, а интегрированное представление уменьшает избыточные умственные затраты и улучшает выполнение учебных задач» [9, с. 12]. Следует отметить подход Л.В. Колобаевой, согласно которому «эффективность учебных условий оценивается совместно по результату и субъективно фиксируемым умственным усилиям, что позволяет теоретически сопоставлять проектные решения по их “педагогической цене”» [6, с. 194].

Рабочая память, долговременная память и обучение в теории когнитивной нагрузки

Рабочая память рассматривается как система удержания и переработки информации, необходимой для учебной деятельности. Исследования Джорджа Миллера показали, что человек способен одновременно оперировать лишь ограниченным числом элементов, что принципиально ограничивает объём одновременной обработки данных. В модели К.В. Бутарева выделяются центральный управляющий механизм и подсистемы для речевого и зрительно-пространственного материала, что показывает конкуренцию различных видов информации за ограниченные ресурсы [1, с. 8].

Долговременная память описывается как хранилище взаимосвязанных схем. Схема объединяет отдельные элементы в целостную структуру и в рабочей памяти обрабатывается как единое целое. Обучение, с позиции теории когнитивной нагрузки, понимается как формирование и автоматизация схем: по мере накопления опыта всё больше операций «сворачивается» в знакомые структуры и перестаёт перегружать рабочую память. Теоретический анализ проектирования учебных материалов должен исходить из учёта ограничений рабочей памяти и механизмов перехода от разрозненных элементов к устойчивым схемам в долговременной памяти.

Теория когнитивной нагрузки исходит из того, что обучение происходит внутри определённой когнитивной архитектуры человека, в которую входят сенсорные регистры, рабочая и долговременная память, а также система знаний в виде схем. Рабочая память обеспечивает временное удержание и переработку информации, актуальной для деятельности, тогда как долговременная память выступает как практически неограниченное хранилище уже усвоенных знаний, умений и способов действия. Именно это соотношение «узкого горлышка» текущей переработки и большого фонда накопленного опыта задаёт исходные условия для проектирования учебного материала и конструирования учебной задачи.

Рабочая память обладает как ограниченным объёмом, так и ограниченным временем удержания информации. Исследования Джордж Миллер показали, что человек способен одновременно оперировать лишь небольшим числом элементов, что легло в основу широко обсуждаемого принципа «семь плюс-минус два» и заставило по-новому взглянуть на возможности кратковременной переработки информации. В педагогическом

плане это означает, что при предъявлении учащемуся слишком большого количества несвязанных элементов содержание перестаёт быть контролируемым и перерастает в перегрузку, а не в продуктивное умственное усилие. [2] Дополнительные данные о структуре рабочей памяти даёт модель К.В. Бутарева, выделяющая центральный управляющий компонент, речевую подсистему и зрительно-пространственный блок. Такая трактовка показывает, что разные виды информации конкурируют за ограниченные ресурсы и что объединение нескольких сложных потоков (например, насыщенного текста и перегруженной иллюстрации) способно резко увеличить нагрузку на рабочую память обучающегося.

Долговременная память рассматривается в теории когнитивной нагрузки как система взаимосвязанных схем. Схема объединяет отдельные элементы в осмысленное целое и в рабочей памяти обрабатывается уже как единый компонент. По мере накопления учебного опыта количество операций, выполняемых за счёт автоматизированных схем, возрастает, а доля сознательно контролируемых шагов в рабочей памяти уменьшается. Таким образом, обучение может быть описано как процесс постепенного формирования и усложнения схем, перехода от манипулирования разрозненными элементами к оперированию крупными смысловыми блоками. Для проектирования учебных материалов это означает необходимость организовывать содержание таким образом, чтобы обучающийся имел возможность опираться на уже имеющиеся схемы и строить новые за счёт включения в них частных фактов, примеров и способов действий [3, с. 61].

С теоретической точки зрения ограничения рабочей памяти задают границы того, сколько новых элементов и связей можно вводить одновременно, а структура долговременной памяти задаёт направление движения от простых схем к более сложным. Поэтому при конструировании задания важно не только выбирать объём содержания, но и определять уровень его взаимосвязанности, степень опоры на предшествующие знания, последовательность шагов и форму представления материала. [7] Теория когнитивной нагрузки предлагает рассматривать каждое учебное задание через призму соотношения между нагрузкой на рабочую память и вкладом в формирование устойчивых схем, что превращает характеристики когнитивной архитектуры человека в базу для обоснованного педагогического проектирования и позволяет на теоретическом уровне обосновать требование поэтапности, дозированности и структурной ясности учебного материала.

Принципы снижения избыточной нагрузки и поддержки осмысленного усвоения

Теория когнитивной нагрузки изначально создавалась как основа для выведения правил предъявления учебной информации, которые согласуются с устройством познавательной системы человека и поддерживают оптимальное распределение умственных усилий. Как показывают работы Джона Свеллера, Фреда Пааса и Йеруна ван Мерриенбура, такое проектирование невозможно без учёта трёх видов нагрузки: внутренней, внешней и содержательной, каждая из которых требует специфических педагогических стратегий.

Управление внутренней когнитивной нагрузкой связано с самим учебным содержанием и уровнем взаимосвязанности его элементов. Чем больше новых, тесно переплетённых между собой единиц знания предъявляется одновременно, тем выше риск перегрузки рабочей памяти. Поэтому одна из ключевых стратегий проектирования учебных материалов — поэтапное введение состава действия: от простейших элементов к более сложным, от опоры на уже имеющиеся знания к постепенному расширению схем [10, с. 129]. В работах ван Мерриенбура подробно описывается подход, при котором обучение строится вокруг целостных учебных задач, но внутри каждой задачи выделяются этапы, позволяющие уменьшать количество новых связей, с которыми сталкивается новичок на каждом шаге. В практическом плане это означает разбивку сложных тем на логически завершённые блоки, введение подготовительных заданий, активизацию опорных знаний перед изучением нового материала.

Снижение внешней (побочной) когнитивной нагрузки связано с оптимизацией формы представления материала и условий выполнения задания. Здесь теория когнитивной

нагрузки сформулировала ряд принципов. Принцип согласованности требует исключать из учебных материалов несущественные иллюстрации, фрагменты текста, декоративные элементы, не работающие на понимание, поскольку они «отвлекают» ресурсы внимания и памяти. Принцип пространственной и временной близости предписывает располагать взаимосвязанные фрагменты текста и изображения рядом и предъявлять их синхронно, избегая ситуаций, когда обучающийся вынужден переключаться между разнесёнными источниками, что и порождает эффект разделения внимания. Наконец, принцип модальности опирается на представление о частичной независимости слухового и зрительного каналов и рекомендует сочетать, например, зрительные схемы с поясняющим звучащим текстом, а не с перегружёнными подписями, тем самым распределяя нагрузку между каналами [8, с. 46].

Поддержка содержательной (схемообразующей) нагрузки предполагает такое проектирование, при котором ресурсы рабочей памяти направляются не на преодоление помех, а на построение и уточнение смысловых структур, лежащих в основе будущих учебных схем. В этом контексте особенно важен эффект обучающего примера: для начинающих эффективнее поэтапно изучать подробно разобранные образцы решений с комментариями и затем выполнять аналогичные задания, чем сразу переходить к самостоятельному поиску способа решения в условиях высокой неопределённости. Постепенный переход от полных образцов к частично заполненным, а затем к самостоятельным решениям позволяет смещать нагрузку с восприятия и воспроизведения к активному конструированию и автоматизации схем действия, формируя осмысленную стратегию решения задач [4, с. 7]. Дополнительно усиливают содержательную нагрузку задания на объяснение материала своими словами и самообъяснение шагов, вопросы, требующие обоснования выбора приёма, вариативные задачи на перенос способа действия в новые условия, а также регулярные проверочные задания, ориентированные на восстановление логики рассуждения и ключевых опорных шагов решения, а не на механическое воспроизведение.

Классические эффекты теории когнитивной нагрузки — разделения внимания, избыточности, модальности, обучающего примера и «обратимости экспертизы» — служат теоретическими моделями для выбора формата подачи материала и приёмов организации учебной деятельности. Понимание эффекта избыточности ведёт к отказу от одновременного предъявления одной и той же информации в нескольких форматах, если это лишь дублирует содержание и перегружает восприятие. Осмысление эффекта разделения внимания требует заранее продумывать взаимное расположение текста, рисунков и обозначений, добиваясь их пространственной и временной близости. Учёт эффекта модальности побуждает находить баланс между устным и письменным сопровождением иллюстраций, распределяя нагрузку между каналами восприятия. Эффект обучающего примера обосновывает включение подробно разобранных образцов решений перед самостоятельной работой, а эффект «обратимости экспертизы» показывает, что по мере роста подготовленности обучающегося одни и те же приёмы могут из полезных превращаться в избыточные, что требует дифференцированного проектирования учебного материала.

Наконец, теоретические принципы проектирования, основанные на теории когнитивной нагрузки, успешно описаны для различных предметных областей. В естественно-научном и математическом образовании акцент делается на поэтапном освоении процедур и последовательном усложнении задач; в профессиональной подготовке специалистов здравоохранения — на целостных учебных ситуациях и постепенном снижении степени внешнего руководства; при обучении иностранному языку — на исключении избыточных стимулов и тщательной дозировке объёма вводимого материала на каждом шаге.

Заключение

Таким образом, теория когнитивной нагрузки позволяет рассматривать проектирование учебных материалов как процесс целенаправленного управления ресурсами рабочей и долговременной памяти обучающегося. Теоретический анализ когнитивной архитектуры человека показал, что ограни-

ченный объём рабочей памяти и практически неограниченные возможности долговременной памяти задают жёсткие рамки для организации содержания и формата учебного материала.

Разграничение внутренней, внешней и содержательной нагрузки открывает возможность оценивать каждое педагогическое решение с точки зрения его вклада в формирование устойчивых схем и риска перегрузки. Описанные в статье принципы структурирования содержания, отбора наглядности, использования обучающих примеров и поэтапного усложнения заданий задают методологические ориентиры для конструирования учебных курсов в различных предметных областях.

При этом теория когнитивной нагрузки не исчерпывает всего многообразия факторов обучения, но предоставляет продуктивный теоретический каркас, который может быть дополнен исследованиями мотивационных, эмоциональных и метакогнитивных аспектов образовательного процесса, особенно в контексте цифровой среды.

Литература:

1. Бутарев К.В. Изучение программирования с позиции теории когнитивной нагрузки // Информатика в школе. — 2024. — №5. — С. 5–11.
2. Горбунова А.Ю. Теория когнитивной нагрузки: оптимизация обучения с помощью алгоритмов решения задач и последовательности обучения // Мир психологии. — 2024. — №2. — С. 237–253.
3. Евенко Е.В., Гливенкова О.А., Морозова О.Н. Модель смешанного обучения с точки зрения теории когнитивной нагрузки // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2022. — Т. 14, №3. — С. 58–65.
4. Иванова Е.А. Регулирование когнитивной нагрузки при обучении иностранному языку в технологическом вузе // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12, №1. — С. 1–13.
5. Игнаткина А.Л., Зотеева Т.С. Роль когнитивной архитектоники обучающихся в оптимизации процесса изучения английского языка // Ярославский педагогический вестник. — 2020. — №2(113). — С. 73–80.
6. Колобаева Л.В. Модели педагогического дизайна и теория когнитивной нагрузки в создании онлайн-курса // Русское культурное пространство — реальное и виртуальное: сб. ст. XXI Международной научно-практической конференции (Москва, 3 декабря 2020 г.). — М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2022. — С. 192–197.
7. Назарова Т.С. Когнитивные технологии в образовании и мультидисциплинарные учебные комплексы // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. — 2016. — №3. — С. 45–71.
8. Рахмонов А.Б. Применение теории когнитивной нагрузки для оптимизации обучения методике преподавания русского языка // Universum: психология и образование. — 2024. — №12(126). — С. 45–48.
9. Чичерина Н.В., Ван Линьпэн. Методы и приемы управления когнитивной нагрузкой в процессе обучения // Вопросы методики преподавания в вузе. — 2023. — №4. — С. 8–16.
10. Чичерина Н.В., Алмазова Н.И., Попова Н.В. и др. Теория и методика обучения и воспитания: иностранные языки. — СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2024. — 153 с.

THE EVOLUTION OF PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE EDUCATION IN CHINESE UNIVERSITIES

Wang Yixiao, *Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow*

The purpose is to comprehensively study the genesis and evolution of professional foreign language education in Chinese higher education institutions, and to identify the key patterns that determine the transition to a blended learning model. The relevance of the transformation is justified by the need to harmonize the educational system with the requirements of a globalized labor market, accelerated by national strategic initiatives (One Belt, One Road). The novelty lies in the fact that the superiority of blended learning over traditional models in improving students' academic performance has been substantiated. It has been noted that this format promotes the development of specialized skills, the acquisition of vocabulary, and increased student motivation. However, a key contradiction has been identified: despite high ratings and subjective satisfaction, blended options do not always lead to significant improvements in student engagement, indicating the persistence of conceptual inertia.

Keywords: *Instrumentalism; Artificial Intelligence (AI); China; Confucian Values; Professional Foreign Language Education; Blended Learning; Digital Transformation.*

EDN: TULRDD ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.48***

Цитировать: *Ван Исяо. Становление форм профессионального иноязычного образования в университетах Китая // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 345-354. EDN: TULRDD. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.48*

Становление форм профессионального иноязычного образования в университетах Китая

УДК 378:81
5.8.1

© Ван Исяо, 2026

Цель исследования — комплексное изучение генезиса и эволюции профессионального иноязычного образования в китайских высших учебных заведениях, выявление ключевых закономерностей, которые определяют переход к модели смешанного обучения. Обосновывается актуальность трансформации необходимостью гармонизации образовательной системы с требованиями глобализированного рынка труда, ускоренной национальными стратегическими инициативами («Один пояс — один путь»). Научная новизна состоит в том, что аргументировано превосходство смешанного обучения над традиционными моделями в повышении академической успеваемости студентов. Отмечено, что этот формат содействует развитию специализированных навыков, освоению лексики, повышению мотивации учащихся. Однако в результате выявлено ключевое противоречие — несмотря на высокие оценки и субъективную удовлетворенность, смешанные варианты не всегда приводят к значимому улучшению студенческой вовлеченности, что указывает на сохранение концептуальной инерции.

Ключевые слова: *инструментализм; искусственный интеллект (ИИ); Китай; конфуцианские ценности; профессиональное иноязычное образование; смешанное обучение; цифровая трансформация.*

ВАН Исяо, *аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва*

Введение

Развитие профессионального иноязычного образования (ПИО) в Китайской Народной Республике (КНР) на протяжении последних десятилетий характеризуется ярковыраженной динамикой, которая обусловлена как внутренними политическими решениями, так и стремительным встраиванием страны в глобальные экономические процессы.

Актуальность исследования обосновывается тем, что необходимость гармонизации образовательной системы с динамичными требованиями глобализированного рынка труда и национальными стратегическими инициативами (подразумевается, в первую очередь, «Один пояс — один путь») выдвигает на первый план проблематику эффективности подготовки высококвалифицированных специалистов.

В данном контексте традиционные методики преподавания, в течение долгого времени доминировавшие в университетской среде, демонстрируют нарастающую неспособность

обеспечить выпускников требуемыми прикладными коммуникативными навыками. Исторически сложившаяся модель, центрированная на лекционном формате, грамматико-переводном методе, механическом запоминании, зачастую не способствует развитию спонтанной речи и навыков, которые критически значимы для реальной профессиональной деятельности.

Таким образом, переход к новым, более гибким, ориентированным на студента образовательным формам, в частности, к смешанному обучению, представляется не обычным педагогическим новшеством, а стратегическим императивом, нацеленным на интеграцию технологических инноваций с наиболее действенными практиками обучения.

Целью в данной работе является комплексное изучение генезиса и эволюции ПИО в китайских высших учебных заведениях, выявление ключевых закономерностей, которые определяют переход к модели смешанного обучения, оценка его реальной результативности и устойчивости в условиях системных вызовов.

Для достижения сформулированной цели требуется решить ряд задач. Во-первых, необходимо проанализировать историко-идеологические предпосылки формирования языковой политики КНР. Во-вторых, следует критически рассмотреть фундаментальные ограничения традиционных лекционных моделей. В-третьих, важно систематизировать теоретические основы и эмпирические доказательства действенности смешанных форматов. Наконец, целесообразно уделить внимание идентификации ключевых институциональных и кадровых вызовов, которые препятствуют полноценной и эффективной трансформации педагогической парадигмы в китайском высшем образовании.

Данная работа представляет собой комплексное теоретико-эмпирическое исследование, базирующееся на методологии академического синтеза и системного обзора литературы. Основным подходом, определившим структуру и содержание статьи, стал критический анализ вторичных источников, включая рецензируемые материалы. Это позволило собрать, систематизировать, интерпретировать разрозненные данные о педагогической практике, политических решениях, эмпирических результатах, которые были получены различными авторами. В методологическую базу были включены следующие методы, обеспечившие глубину и многоаспектность рассмотрения проблематики: историко-хронологический анализ (удалось проследить многовековой процесс становления иноязычного образования в Китае, начиная с династии Чжоу и ранних переводческих институтов), политико-концептуальный анализ (использовался с целью изучения факторов, стимулирующих текущие реформы), обзор эмпирических изысканий (метааналитический синтез), сравнение (для систематизации конкретных педагогических моделей и вызовов внедрения).

Совокупность перечисленных методов обеспечила разностороннее рассмотрение темы, позволив как описать эволюционный путь профессионального иноязычного образования, так и критически оценить эффективность перехода к цифровизированным и смешанным формам обучения в контексте уникальных культурно-педагогических особенностей китайского высшего образования.

Теоретический обзор проблематики

Обширный научный дискурс, посвященный профессиональному иноязычному образованию в Китае, целесообразно логически структурировать в несколько основных групп, в каждой из которых используются специфические методологические подходы для анализа различных аспектов темы.

Так, И. Ван [1, с. 39], С. Ли [6, с. 36], Ли Су [7, с. 237] и другие авторы закладывают фон исследования, рассматривая историко-структурные и институциональные предпосылки становления профессионального иноязычного образования в Китае — от традиционной университетской лекции к формам, в которых сочетаются офлайн-и онлайн-компоненты. Эти работы носят, главным образом, описательно-ретроспективный характер и дают широкий контекст реформы учебных планов и целевых компетенций в условиях цифровизации высшего образования.

В ряде публикаций из числа отечественных авторов представлен сопоставительно-сравнительный подход к анализу образовательных практик Китая и других стран (например, исследования Н.И. Герасимовой, Д. Синьжуй

[4, с. 29], О.Ю. Шиманской, Ю. Лю [10, с. 155]), где основное внимание уделено институциональным моделям, организационным решениям при подготовке преподавателей и переводчиков.

Следующая группа работ посвящена эмпирическому и методическому анализу смешанного обучения в профессионально-ориентированных курсах иностранного языка. Авторы описывают конструирование смешанных курсов, моделирование интеграции онлайн-платформ и аудиторных практик, а также дают рекомендации по методике и оценке эффективности. Так, А.А. Вертьянова, С.Н. Арзютова, М.А. Ермошина [2, с. 185], Е.Н. Воробьева [3, с. 13], К.А. Кузьмина и соавторы [5, с. 245] представляют практические кейсы и методические модели в вузовской среде, включая варианты использования дистанционных LMS и проектных задач для развития профессиональной коммуникативной компетенции. Исследования В. Чжан, Л.Е. Весниной [9, с. 79] и Ю. Ян, А.О. Ливинской [12, с. 229] ориентированы более узко — на преподавание русского как иностранного в китайских вузах и организацию учебного процесса при смешанном формате, что наполняет обзор практическими примерами из специфической предметно-языковой области.

Ещё одна линия — сравнительные и мета-аналитические изыскания результативности смешанных форматов, включающие крупные обзоры и статистические синтезы результатов. Так, W. Cao [13], Z. Yu и коллеги [19], R. Shoukat и соавторы [17] проводят мета-анализы и крупномасштабные сравнения, оценивая влияние смешанного обучения на успеваемость, мотивацию, вовлечённость. В этих работах используются количественные методы — сводятся воедино результаты разнородных исследований, даются обобщённые выводы о средней эффективности характеризуемых моделей в различных контекстах. Y. Jiang с коллегами [15], H. Wu [18] предлагают эмпирические исследования, направленные на проверку конкретных учебных вмешательств (влияние смешанного режима на навыки аудирования, восприятие студентов), опираясь на экспериментальные дизайны и анализ учебной динамики.

В ещё одной категории работ внимание акцентируется на цифровых компетенциях преподавателей и на институциональной цифровизации как факторах, которые воздействуют на успешность внедрения смешанных форм. Ц. Ли, М. Г. Сергеева [8, с. 120], H. Hu, F. Li, Z. Luo [14] (с применением LDA и Word2Vec для анализа политик и дискурсов) рассматривают цифровую грамотность, профессиональные барьеры, политико-административную составляющую перехода к гибридным формам обучения. Авторами применяются как опросные и интервью-методы, так и вычислительный анализ больших текстовых массивов, что даёт более системное представление о среде внедрения инноваций.

Наконец, следует выделить труды, посвящённые специализированным моделям билингвального и кооперативного обучения, — F. Meng [16], изыскания по подготовке переводчиков (Ли Су [7, с. 237]) — содержат конструктивные модели интеграции междисциплинарного содержания и профессиональных микроспециальностей в языковую подготовку. Ученые опираются на проектно-ориентированные и модельные подходы, описывая организацию совместных программ и сотрудничество с зарубежными партнёрами.

При обзоре обнаруживается значительная диапазонность — от историко-описательных и сравнительных исследований до прикладных экспериментальных работ, мета-аналитических синтезов, методических разработок и кейс-стади, а также вычислительного анализа политик и текстов (LDA, Word2Vec). На уровне методики заметно широкое применение смешанных методов — сочетание количественных измерений успеваемости и вовлечённости с качественными данными (опросы, интервью, аналитика LMS) для объяснения механизмов эффективности смешанных форм. При этом ряд авторов концентрируются на разработке практических рекомендаций и адаптации учебных планов под нужды профессиональных дисциплин (микроспециальности, переводческая подготовка), предлагая варианты интеграции профильных компетенций с языковыми целями.

В литературе прослеживаются и устойчивые противоречия. Во-первых, мета-аналитические обзоры сопровождаются неоднозначными выводами о степени преимущества смешанного обучения перед традиционными формами — некоторые синтезы указывают на

статистически значимые улучшения по ряду показателей [13, 19], но в отдельных эмпирических исследованиях фиксируется слабая или разнонаправленная динамика в зависимости от предметной специфики и качества внедрения [15, 18, 20]. Во-вторых, существует диссонанс между амбициозными институциональными политиками цифровизации и ограниченной готовностью преподавателей и инфраструктуры на местах — в политико-аналитических работах выявляется несогласованность стратегий и практик [8, с. 120; 14]. В-третьих, методологическая гетерогенность — различия в определениях «смешанного обучения», в структуре онлайн-компонентов, в критериях оценки — затрудняет прямые сравнения результатов изысканий и сводит на нет часть обобщений, сделанных в мета-анализах.

Таким образом, изученные при подготовке статьи источники представляют собой богатую, но неравномерную палитру подходов — историко-институциональные описания, прикладные методики, эмпирические проверки, мета-аналитические обобщения создают основу для понимания перехода от традиционных лекций к смешанному обучению в китайских университетах. Вместе с тем, методологическая фрагментарность, нехватка долгосрочных и отраслево-ориентированных исследований, а также разрыв между политикой и практикой указывают на ключевые направления, в которых необходимо углублённое и системное научное внимание.

Генезис и эволюция иноязычного образования в Китае

Практика перевода и обучения иностранным языкам в Китае имеет многотысячелетнюю историю, которая восходит к династии Чжоу (около 1100 г. до н.э.). Ранние переводческие мероприятия осуществлялись государственными служащими, чья основная задача заключалась в обеспечении передачи идеологий. Потребность в изучении языков возникала исторически в связи с развитием торговых отношений, установлением дипломатических связей между Китаем и соседними государствами. Уже с династии Цинь (более 2000 лет назад) торговля с европейскими странами являлась ключевым фактором, побуждавшим население к освоению языков народов-партнеров [1, с. 39; 4, с. 30].

В имперский период создание переводческих должностей было традиционным способом управления, а эти посты обычно находились в ведении департаментов протокола и иностранных дел.

Существенная трансформация наступила во второй половине XIX века, когда феодальное правительство Цинской империи оказалось под давлением западных держав — оно было вынуждено принять современную идею дипломатии и расширить взаимодействие с иностранными культурами. Этот внешний императив спровоцировал Движение самоусиления, ориентированное на укрепление нации через модернизацию и международное сотрудничество. Ключевым институциональным сдвигом стало основание правительственной школы (Колледж переводчиков) в Пекине в 1862 году, сразу после окончания Второй опиумной войны. Это учреждение, которое стало первой финансируемой государством школой, специализирующейся на западных языках, было создано для обеспечения лингвистических навыков, необходимых для работы в новом министерстве иностранных дел. Изначально в учебную программу входили европейские языки, прежде всего, английский, а также французский, немецкий, русский, японский. Однако уже к 1877 году преподавание расширилось — включились современные дисциплины (химия, астрономия, математика, международное право). Выпускники активно занимались переводом западных трудов, содействуя распространению знаний. Несмотря на то, что это нововведение встретило сопротивление со стороны традиционных конфуцианских ученых, опасавшихся культурного проникновения, успешная работа данного учреждения заложила «фундамент» для будущих реформ, а его языковые программы стали прямыми «предшественниками» соответствующих в Пекинском университете [1, с. 39; 4, с. 30; 10, с. 155].

Исторически становление системы иноязычного образования в КНР, начиная с 1949 года, было неразрывно связано с политической нестабильностью и процессами постоянной экономической реформы. Языковое планирование (Foreign Language Education Planning, FLEP) в Китае на протяжении многих десятилетий носило выраженный ин-

струменталистский характер. Расширение иноязычной подготовки в значительной степени обусловливалось императивом национальной модернизации и стратегической необходимостью поддерживать легитимность Коммунистической партии Китая.

Потребность в изучении иностранных языков, изначально сосредоточенная на русском и, позже, на европейских, возникала, главным образом, из практических соображений — развития торговли и установления дипломатических связей. Например, в середине XX века в Пекинском университете и институте иностранных языков были основаны отделения для изучения менее распространенных европейских языков — польский, чешский, румынский, что подчеркивало ориентацию на подготовку узких специалистов для конкретных геополитических задач [7, с. 238; 11, с. 156].

Доминирование инструментализма в планировании FLEP привело к формированию глубокой структурной особенности китайской образовательной системы. Если язык рассматривается, прежде всего, как инструмент для достижения внешних экономических или политических целей, а не как ресурс, способствующий культурному обогащению и критическому мышлению, то приоритет отдается тем языковым навыкам, которые легче поддаются количественной оценке и тестированию (грамматике и чтению). Именно такой подход в течение десятилетий создавал структурный дефицит прикладных коммуникативных навыков среди выпускников, поскольку коммуникативные компетенции сложнее измерить стандартными тестами. Характеризуемый дисбаланс, накопленный за предыдущие эпохи, стал ключевым фактором, потребовавшим перестройки педагогической модели.

Развитие инициативы «Один пояс — один путь», нацеленной на укрепление трансграничного сотрудничества и региональной связанности, выступило в качестве мощного внешнего фактора, ускорившего трансформацию ПИО. Произошло резкое повышение требований к профессиональным языковым и межкультурным компетенциям выпускников.

В политике Министерства образования (МО КНР) фокус начал смещаться с общего английского языка (General English) на английский для специальных целей (English for Specific Purposes, ESP), а также на активное развитие межкультурной коммуникативной компетентности [11, с. 155]. В новых рекомендациях, которые были выпущены Национальным консультативным советом по преподаванию иностранных языков в колледжах в октябре 2020 года, подчеркивается необходимость культивировать у студентов способности использовать английский язык эффективно в учебе, жизни, будущей карьере, наряду с развитием их гуманистического духа и критического мышления. Эта переориентация соответствует возрастающему спросу на специалистов, что обусловлено выходом китайских предприятий на мировой рынок и активным развитием международного сотрудничества.

Помимо этого, стратегическая необходимость работы с неанглоязычными партнерами по инициативе «Один пояс — один путь» привела к существенному росту числа совместных образовательных программ с фокусом на менее распространенные языки. К примеру, значительно увеличилось количество китайско-корейских (99), китайско-русских (58), китайско-японских (23) совместных программ в высших профессиональных колледжах, что требует разработки специализированных моделей билингвального обучения [16].

Таким образом, геополитическая стратегия КНР напрямую конвертировалась в необходимость педагогической реформы, которая направлена на формирование прикладного, а не исключительно академического языкового мастерства.

Лекционный формат и культурно-педагогические ограничения

На протяжении большей части второй половины XX века и в начале XXI века традиционный подход к преподаванию иностранных языков в китайских университетах базировался на методах, которые сопровождались минимальным использованием языка в реальных коммуникативных ситуациях. Для этой практики было характерно широкое использование грамматико-переводного метода, акцент на заучивании наизусть, многократное выполнение структурных упражнений.

Как отмечают H. Hu, F. Li, Z. Luo, критики соответствующих подходов справедливо

указывают на их неспособность обеспечить студентов практической языковой компетенцией, востребованной на рабочем месте [14]. Преподаватели, зачастую обладающие обширным академическим образованием, но не имеющие достаточного практического опыта в профессиональных контекстах, были вынуждены опираться на проверенный временем, но не результативный лекционный формат.

Следует указать также на проблему технологической инерции. Даже при наличии в университетах современного оборудования (мультимедийные классы, специальные языковые лаборатории, интерактивные платформы), использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) часто ограничивалось пассивными инструментами, например, PowerPoint, что не влекло за собой существенных изменений в педагогической сути процесса, который оставался центрированным на фигуре преподавателя.

Трудности, возникающие при внедрении прогрессивных педагогических реформ (коммуникативное обучение иностранным языкам, CLT), не ограничиваются лишь техническими или методическими аспектами; они имеют глубокие культурно-философские корни. Основной конфликт возникает из-за расхождения между западными педагогическими принципами, в которых подчеркивается активный опыт и автономия учащегося (к примеру, традиции Джона Дьюи), и доминирующими локальными образовательными принципами.

Конфуцианская традиция, в рамках которой во главу угла ставятся уважение к авторитету учителя, иерархия, акцент на усвоении передаваемых знаний, не просто замедляет принятие CLT; она активно подкрепляет лектор-центрованный подход как педагогическую норму. Благодаря этому культурному фактору объясняется, почему, даже когда происходит внедрение смешанного обучения, оно может быть реализовано нерезультативно, сводясь к простой дигитализации (цифровому преобразованию) традиционной лекции. Вместо того, чтобы использовать онлайн-среду для развития коммуникации и автономности, преподаватели могут просто переносить лекционный контент или структурные упражнения в цифровой формат. Следовательно, действительная трансформация педагогической парадигмы в сторону коммуникации и критического мышления остается недостижимой без преодоления этих глубоко укорененных концептуальных ограничений.

Детерминанты смешанного обучения

В условиях глобализации и усиливающейся конкуренции традиционные методы подготовки кадров оказались недостаточными для удовлетворения потребностей в высокоспециализированных кадрах, способных эффективно осуществлять международное сотрудничество и бизнес-коммуникацию. В ответ на этот спрос смешанное обучение, определяемое как сочетание очного контактного преподавания с использованием онлайн-ресурсов для самоконтролируемой подготовки, стало ключевым стратегическим решением.

Его преимущество заключается в том, что оно позволяет интегрировать специализированный контент и обеспечивать необходимую гибкость, предоставляя студентам возможность работать в собственном темпе и в удобное для них время. Это необходимо для обучения узкоспециализированным навыкам, которые требуются, к примеру, в сфере делового английского языка.

Хотя концепция смешанного обучения имеет достаточно давнюю историю, будучи впервые представленной в 1969 году как базовый элемент систем дистанционного образования, ее массовое и беспрецедентно быстрое принятие в КНР было непосредственно спровоцировано вспышкой пандемии COVID-19. Внезапная необходимость полного перехода на дистанционное обучение послужила решающей «движущей силой».

Пандемия вызвала взрывной рост спроса на онлайн-образование. Этот институциональный шок выполнил функцию принуждения, преодолев естественную инерцию и сопротивление преподавателей, которые до этого не имели достаточного времени или мотивации для освоения новых педагогических подходов. Масштабное внедрение онлайн-форматов подготовило почву для последующей, более продуманной гибридизации. Смешанное обучение превратилось из экспериментальной или нишевой модели в неотъемлемое, стратегически значимое звено образовательной системы.

Теоретико-педагогические модели смешанного обучения в ПИО

В контексте иностранного языка смешанное обучение рассматривается как способ эффективного дополнения традиционной инструкции технологически обогащенными заданиями, направленными на развитие разнообразных навыков.

Китайские высшие учебные заведения адаптировали ряд специфических моделей для нужд языковой подготовки (табл.).

Таблица — **Адаптированные модели смешанного обучения в китайских университетах (составлено автором)**

Модель	Описание
«Перевернутый класс»	Данный подход широко применяется, в том числе, и в обучении русскому языку как иностранному (РКИ). Предполагается перенос лекционного и базового теоретического материала в онлайн-среду для самостоятельного изучения студентами. Очное время, таким образом, освобождается для активной языковой практики, дискуссий, интерактивного взаимодействия, что усиливает коммуникативную составляющую обучения.
Ориентированная на самостоятельное обучение	Делается упор на самоконтролируемую подготовку с использованием обширных цифровых ресурсов.
С опорой на точное обучение (Precision Teaching)	Подход, который базируется на цикле Pinpoint, Record, Change, Evaluation, доказал свою действенность. Исследование, охватившее 80 студентов-нелингвистов, показало, что дизайн смешанного обучения на основе этой модели обеспечил положительное восприятие учащимися благодаря большей гибкости, доступности, увеличению автономии [18]. Успех, вероятно, объясняется совместимостью с традиционным упором на систематическое улучшение и измеримые результаты. В отличие от чисто коммуникативных методов, которые сложно оценить количественно, в рассматриваемой модели предлагается четкий, эмпирически подтвержденный цикл улучшения.

В сфере обучения языку для специальных целей, например, Business English или техническому английскому, смешанные форматы проявляют себя как идеальный инструмент. Они позволяют преподавателям действенно встраивать специфический профессиональный контент (отраслевую лексику, кейс-стади, симуляции) в онлайн-среду, тем самым значительно расширяя объем материала и контекстов, которые доступны для самостоятельного изучения. Очное время при этом резервируется для отработки сложных профессиональных коммуникативных задач, переговоров, презентаций, что требует непосредственного взаимодействия и обратной связи.

Эмпирические данные о результативности смешанного обучения в ПИО

С помощью метааналитического рассмотрения было показано, что исходы обучения, базирующегося на смешанных форматах, значительно превышают итоги, полученные при традиционном подходе [19]. Посредством конкретных изысканий в Китае эти выводы подкрепляются. Так, анализ результатов студентов, обучавшихся на курсах ESL в крупном Пекинском университете (N = 5376), помог выявить, что учащиеся, применявшие смешанное обучение, добивались лучших академических достижений по сравнению со своими сверстниками, следовавшими исключительно традиционной очной модели [20]. В эмпирических исследованиях подтверждается, что смешанный подход содействует улучшению грамматики, освоению словарного запаса, развитию навыков аудирования, совершенствованию разговорной речи, повышению эффективности чтения и письма [15].

С психолого-педагогической точки зрения, смешанное обучение оказывает положительное воздействие на внутренние факторы успеваемости. Было отмечено, что оно мотивирует студентов, способствует повышению их самооценки, развивает способность к самостоятельному, автономному обучению. Помимо этого, учащиеся демонстрируют высокую степень удовлетворенности благодаря пространственной и временной гибкости, а также более интенсивному взаимодействию с преподавателем [17].

Вместе с тем, W. Cao выявлен критически важный парадокс — несмотря на лучшие академические результаты и высокую субъективную удовлетворенность, некоторые метаа-

нализы показывают, что в КНР (по аналогии с США) смешанное обучение не всегда приводит к статистически значимому улучшению студенческой вовлеченности в академическую деятельность [13].

Системные вызовы внедрения и институциональная поддержка реформ

Эффективная и повсеместная интеграция смешанного обучения в китайских университетах сопряжена с рядом системных препятствий, которые требуют целенаправленного институционального вмешательства.

Так, по замечанию Ц. Ли, М.Г. Сергеевой, несмотря на очевидные преимущества, одним из наиболее существенных барьеров остается недостаточная профессиональная подготовка преподавательского состава в области цифровой педагогики [8, с. 127]. Многие педагоги, привыкшие к традиционному лекционному формату, нуждаются в дополнительном, комплексном обучении, чтобы не просто использовать digital-инструментарий, а интегрировать его в практику действенным образом.

Важно понимать, что разработка качественных материалов для дистанционного обучения, управление онлайн-платформами, проверка заданий, поддержание непрерывной коммуникации со студентами в смешанном формате требуют значительных временных затрат со стороны академического персонала. Ограниченность во времени и отсутствие адекватной поддержки для освоения новых методик часто вынуждают преподавателей ограничивать применение ИКТ, задействуя их лишь для базовых презентаций, что не приводит к желаемой трансформации.

Хотя в Китае были предприняты значительные шаги по развитию образовательной инфраструктуры, включая специализированные классы и платформы (например, iClass и Rain Classroom), сохраняются логистические проблемы. Обучающиеся подчас сталкиваются и с техническими трудностями, а преподаватели — с нехваткой времени на предварительную подготовку, особенно в условиях интенсивного внедрения новых технологий.

В дополнение к отмеченному, остается актуальной проблема цифрового неравенства. Невзирая на государственные инициативы по расширению интернет-инфраструктуры, студенты из менее обеспеченных слоев не имеют достаточного доступа к необходимому оборудованию или стабильному интернету, что потенциально приводит к их отсеву и снижению качества образования [9, с. 86].

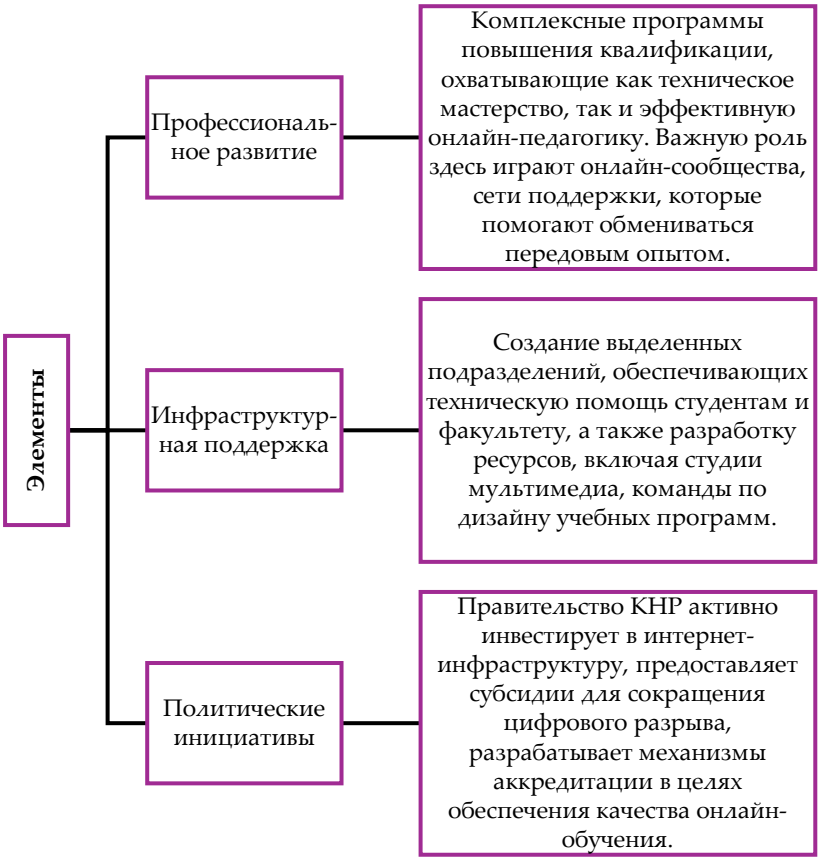

Рисунок — **Элементы институциональной поддержки смешанного обучения (составлено автором)**

Изначально реформы часто «спотыкались» о концептуальную инерцию и недостаток оборудования. Однако, поскольку инфраструктура (например, платформы и оборудование) стала более доступной, а политическая воля требует перемен, главным сдерживающим фактором становится человеческий капитал — то есть, способность преподавателей к педагогической трансформации.

В связи с этим успех последующего внедрения смешанного обучения зависит от мощной институциональной поддержки. Её элементы представлены на схеме (рис.)

Таким образом, эффективность характеризуемых форматов в будущем напрямую зависит от способности институтов обеспечить непрерывную и всестороннюю поддержку, переводя фокус с приобретения оборудования на развитие педагогических компетенций.

Заключение

Становление форм профессионального иноязычного образования в университетах Китая представляет собой сложный процесс, отражающий переход от исторического инструменталистского дискурса, ориентированного на минимальные, измеримые результаты, к проактивному, стратегическому подходу. Характеризуемый переход был ускорен макроэкономическими требованиями инициативы «Один пояс — один путь» и массовым институциональным сдвигом, который был вызван пандемией COVID-19.

Смешанное обучение является более результативным подходом для повышения академической успеваемости и формирования прикладных навыков по сравнению с устаревшими лекционными моделями. Оно обеспечивает необходимую гибкость, положительным образом сказывается на усилении мотивации учащихся. Однако долгосрочная устойчивость и подлинная результативность трансформации в значительной степени зависят не от наличия технологий, а от институциональной способности преодолеть педагогическую инерцию и наладить комплексную поддержку преподавателей в освоении новых, ориентированных на студента методик.

Платформа «Smart Education of China» уже функционирует как крупнейший в мире репозиторий высококачественных цифровых образовательных ресурсов, что подчеркивает серьезность государственной поддержки стандартизации и цифровизации контента. Интеграция ИИ, активно продвигаемая МО КНР, знаменует собой переход от простого «смешивания модальностей» к персонализированной адаптивной системе. Искусственный интеллект способен компенсировать недостатки массового образования, предлагая индивидуализированные траектории обучения и оценку. Как представляется, это станет решающим фактором в преодолении парадокса высоких результатов при относительно низкой глубокой вовлеченности студентов, поскольку ИИ потенциально обеспечит более точную обратную связь и фокусировку на развитии критического мышления, что является ключевой целью современной образовательной политики.

Вместе с тем, перед китайскими университетами стоят новые, неотложные вызовы, которые сопряжены с необходимостью решения вопросов касательно этического и ответственного использования ИИ, обеспечения безопасности данных и алгоритмов, а также расширения дисциплин, связанных с разработкой и применением ИИ-решений.

Для обеспечения дальнейшего совершенствования системы ПИО рекомендуется сосредоточить исследовательскую деятельность на следующих направлениях:

— проведение углубленных сравнительных исследований влияния конкретных, теоретически обоснованных моделей смешанного обучения (например, гибридного — для менее распространенных языков или моделей на основе PRCE) на формирование как лингвистических, так и межкультурных коммуникативных компетенций;

— разработка и эмпирическая проверка методических подходов к этичной и результативной интеграции ИИ в курсы ESP. Необходимо понять, как адаптивные системы могут быть использованы для достижения профессионального совершенствования и развития критического мышления, а не только для механического улучшения базовых языковых навыков;

— анализ долгосрочных эффектов институциональной поддержки и программ профессионального развития преподавателей на качество педагогической трансформации в условиях цифровизации.

Литература:

1. Ван И. Происхождение и развитие профессионального иноязычного образования в Китае / И. Ван // Роль цифровых технологий в процессах трансформации научной коммуникации: сб. науч. тр. — Казань: 2024. — С. 39-41.

2. Вертьянова А.А. Использование технологии смешанного обучения английскому и русскому языкам студентов из Китая / А.А. Вертьянова, С.Н. Арзю-

това, М.А. Ермошина // Язык и культура. — 2021. — №55. — С. 185-203.

3. Воробьева Е.Н. Смешанное обучение в контексте профессионального образования и формирования иноязычной коммуникативной компетенции / Е. Н. Воробьева // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. — 2022. — №2(5). — С. 13-19.

4. Герасимова Н.И. Формирование профессиональных компетенций будущих преподавателей иностранного языка в России и Китае / Н.И. Герасимова, Д. Синьжуй // Современные тенденции исследований в языкознании, литературоведении и журналистике: сб. II Всероссийской науч. конф. — Курск, 2025. — С. 29-33.

5. Кузьмина К.А. Технология смешанного обучения профессиональному иностранному языку студентов вуза / К.А. Кузьмина, Е.И. Баженова, И.А. Ткачева // Человеческий капитал. — 2023. — №4(172). — С. 245-258.

6. Ли С. Междисциплинарное обучение в Китае: иностранный язык с микроспециальностью / С. Ли // Педагогика и просвещение. — 2025. — №2. — С. 36-48.

7. Ли Су. Инновации и практика подготовки переводчиков в китайских университетах иностранных языков / Су Ли // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сб. ст. XI Международной научно-практической конференции. — Новосибирск: 2025. — С. 237-241.

8. Ли Ц. Исследование влияния цифровых компетенций на преодоление профессиональных барьеров у преподавателей иностранных языков в условиях цифровизации китайских вузов / Ц. Ли, М. Г. Сергеева // Академический исследовательский журнал. — 2025. — Т. 3, №2. — С. 120-131.

9. Чжан В. Исследование возможностей применения реформы смешанного обучения в процессе преподавания курса грамматики русского языка в вузах Китая / В. Чжан, Л.Е. Веснина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2022. — №2(165). — С. 79-89.

10. Шиманская О. Ю., Лю Ю. Пути совершенствования иноязычного педагогического образования в магистратуре Китая и Беларуси / О.Ю. Шиманская, Ю. Лю // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: сб. ст. IX Международной научно-практической конференции. — Армавир, 2021. — С. 155-158.

11. Щербатых Л. Н. Методика преподавания английского и русского языка как иностранных в системе профессионального образования России и Китая / Л. Н. Щербатых, С.И. Самсонова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. — 2025. — №1. — С. 154-160.

12. Ян Ю. Особенности организации учебного процесса при смешанном обучении РКИ в вузах России и Китая / Ю. Ян, А.О. Ливинская // В мире русского языка и русской культуры: сб. тезисов VII Международной научно-практической конференции. — М., 2024. — С. 229-233.

13. Cao W.A meta-analysis of effects of blended learning on performance, attitude, achievement, and engagement across different countries / W. Cao // Front Psychol. — 2023. PMID: 37502744. doi: 10.3389/fpsyg.2023.1212056

14. Hu H. The evolution of China's English education policy and challenges in higher education: analysis based on LDA and Word2Vec / H. Hu, F. Li, Z. Luo // Frontiers in Education. — 2024. — Vol. 9. https://doi.org/10.3389/feduc.2024.1385602

15. Jiang Y. The Effect of the Online and Offline Blended Teaching Mode on English as a Foreign Language Learners' Listening Performance in a Chinese Context / Y. Jiang, Y. Chen, J. Lu, Y. Wang // Front Psychol. — 2021. PMID: 34867623; PMCID: PMC8634958. doi: 10.3389/fpsyg.2021.742742.

16. Meng F. Blended Bilingual Education Model in Chinese-Foreign Cooperatively-Run Programs in Higher Vocational Colleges With Foreign Language Other Than English as the Target Language / F. Meng // Journal of Education and Development. — 2022. — №6(2):50. DOI:10.20849/jed.v6i2.1190.

17. Shoukat R.A comparative analysis of blended learning and traditional instruction: Effects on academic motivation and learning outcomes / R. Shoukat, I. Ismayil, Q. Huang, M. Oubibi, M. Younas, R. Munir // PLoS One. — 2024. — №19(3):e0298220. doi: 10.1371/journal.pone.0298220.

18. Wu H. Chinese university EFL learners' perceptions of a blended learning model featuring precision teaching / H. Wu // International Journal of Knowledge Management. — 2025. — №21:1. — Pp. 1-19.

19. Yu Z. Meta-analyses of differences in blended and traditional learning outcomes and students' attitudes / Z. Yu, W. Xu, P. Sukjairungwattana // Front Psychol. — 2022. PMID: 36186290; PMCID: PMC9524290. doi: 10.3389/fpsyg.2022.926947.

20. Zhang W. Comparing Learning Outcomes of Blended Learning and Traditional Face-to-Face Learning of University Students in ESL Courses / W. Zhang, Ch. Zhu // International Journal on E-Learning. — 2017. — Vol. 17, Issue 2. — Pp. 251–273.

A THEORETICAL MODEL OF DEVELOPING DIGITAL LITERACY OF TEACHERS IN THE CONTEXT OF HYBRID PROFESSIONAL COMMUNITIES

Garifullina Liliya Albertovna, *Lecturer, College of Kazan Institute (Branch)*

Biketova Yanina Olegovna, *Lecturer, College of Kazan Institute (Branch)*

Maksimova Maria Aleksandrovna, *Lecturer, College of Kazan Institute (Branch)*

All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia), Kazan, Republic of Tatarstan

Digital innovations have the potential to complement, enrich, and transform education, thereby radically changing the nature of teachers' professional work. As a result, digital literacy is becoming an integrative personality trait and a measure of professional competence. This necessitates the development of a theoretical model of digital literacy for teachers in ten hybrid professional communities. The aim of this study is to substantiate the structure and logic of curved models, including closed, content-based, organizational-activity-based, and reflective-evaluative blocks. The results present the pedagogical conditions for an effective model: variability of traditional trajectories, a combination of formal and informal education, mentoring, and horizontal interaction.

Keywords: *digital literacy of teachers; professional digital competence; hybrid professional communities.*

EDN: TZVLBB ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.49***

Цитировать: *Гарифуллина Л.А., Бикетова Я.О., Максимова М.А. Теоретическая модель формирования цифровой грамотности преподавателей в контексте гибридных профессиональных сообществ // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 355-359. EDN: TZVLBB. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.49*

УДК 378.122
5.8.1

Теоретическая модель формирования цифровой грамотности преподавателей в контексте гибридных профессиональных сообществ

© Гарифуллина Л.А., Бикетова Я.О., Максимова М.А., 2026

Цифровые инновации способны дополнять, обогащать и преобразовывать образование, внося тем самым радикальные изменения в характер профессиональной деятельности преподавателя. В результате чего, цифровая грамотность становится интегративным качеством личности и неотъемлемой составляющей профессиональной компетентности. Это обуславливает необходимость разработки теоретической модели формирования цифровой грамотности преподавателей в контексте гибридных профессиональных сообществ. Цель исследования — обосновать структуру и логику функционирования модели, включающей целевой, содержательный, организационно-деятельностный и рефлексивно-оценочный блоки. В результате представлены педагогические условия эффективности модели: вариативность индивидуальных траекторий, сочетание формального и неформального образования, наставничество, горизонтальное взаимодействие.

Ключевые слова: *цифровая грамотность преподавателей; профессиональная цифровая компетентность; гибридные профессиональные сообщества.*

ГАРИФУЛЛИНА Лилия Альбертовна, *преподаватель колледжа Казанского института (филиала)*

БИКЕТОВА Янина Олеговна, *преподаватель колледжа Казанского института (филиала)*

МАКСИМОВА Мария Александровна, *преподаватель колледжа Казанского института (филиала)*

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Казань, Республика Татарстан

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровая трансформация образования и требования к качеству подготовки обучающихся усиливают значимость цифровой грамотности преподавателей как ключевого компонента их профессиональной компетентности. Цифровая трансформация образования радикально изменяет характер профессиональной деятельности преподавателя, выводя на первый план его цифровую грамотность как интегративное качество личности и важную составля-

ющую профессиональной компетентности. Исследования академика РАО И.В. Роберт [8; 9] показывают, что дидактика эпохи цифровых технологий предполагает владение комплексом умений по отбору, проектированию и дидактической адаптации цифровых ресурсов, однако значительная часть преподавателей испытывает затруднения при их систематическом использовании в учебном процессе.

Анализ Н.М. Тимофеевой [10] позволяет трактовать цифровую грамотность педагога как совокупность инструментально-технологического, коммуникативного, рефлексивно-аналитического и ценностно-смыслового компонентов, обеспечивающих ответственное и безопасное педагогическое взаимодействие в цифровой среде; при этом эмпирические данные фиксируют неоднородность их сформированности у преподавателей. При высокой насыщенности образовательного пространства цифровыми средствами сохраняется противоречие между потребностью в их педагогически целесообразном использовании и недостаточным уровнем готовности многих педагогов к проектированию цифровой образовательной среды.

Теоретико-понятийные основания проблемы связаны с уточнением ключевых категорий. Цифровая грамотность трактуется как совокупность знаний, умений и установок, обеспечивающих безопасную работу с информацией и технологиями. Цифровая компетентность понимается как способность решать профессионально-педагогические задачи с опорой на цифровые средства, а профессиональная цифровая компетентность преподавателя отражает применение методического инструментария и педагогических стратегий в цифровой среде обучения и выступает компонентом общей профессиональной компетентности. Структура цифровой грамотности преподавателя включает инструментально-технологический, педагогико-методический, коммуникативный, рефлексивно-аналитический и этико-правовой компоненты, обеспечивающие владение ресурсами и сервисами, проектирование смешанных форм обучения, организацию сетевого взаимодействия, анализ цифровых практик и соблюдение норм информационной безопасности. Такое понимание задаёт ориентиры для разработки теоретической модели формирования цифровой грамотности в контексте гибридных профессиональных сообществ, опирающейся на современные национальные и международные подходы к описанию цифровых компетенций педагогов.

Гибридное профессиональное сообщество как значимая среда формирования цифровой грамотности преподавателя

Профессиональные сообщества педагогов в современной педагогике рассматриваются как особая форма коллективного субъекта, объединённого общими ценностями, профессиональными задачами и готовностью к взаимному обмену опытом. В логике концепции сообществ практики они выступают пространством, где через регулярное совместное обсуждение случаев из педагогической практики, анализ затруднений и обобщение удачных решений формируется профессиональное знание и поддерживается непрерывное образование педагога. Сетевой формат таких объединений позволяет преодолеть территориальные и временные ограничения, обеспечивая доступ к разнообразным формам методической поддержки, консультирования и совместной разработки учебно-методических материалов. Гибридные профессиональные сообщества возникают там, где очные формы методической работы (предметные методические объединения, семинары, стажировочные площадки, конференции) целенаправленно интегрируются с сетевыми форматами взаимодействия на цифровых платформах [5, с. 239].

Такое сочетание очного и дистанционного взаимодействия усиливает коммуникативный и рефлексивный потенциал сообщества, позволяет фиксировать и тиражировать лучшие практики, расширяет круг участников за счёт включения представителей разных образовательных организаций и регионов. Специфическими характеристиками гибридных профессиональных сообществ преподавателей являются распределённость во времени и пространстве, вариативность форм участия (от эпизодического обращения к ресурсам до регулярного включения в совместные проекты), сочетание формального дополнительного профессионального образования с неформальным самообразованием, а также

выраженная проектно-деятельностная направленность [2, с. 18]. В рамках таких сообществ реализуются сетевые курсы и модули повышения квалификации, тематические группы по интересам, совместные исследовательско-методические и конструкторские проекты, программы наставничества, ориентированные на сопровождение молодых педагогов и поддержку педагогов, осваивающих новые цифровые инструменты.

Гибридное профессиональное сообщество становится значимой средой формирования цифровой грамотности преподавателя, поскольку именно в нём разворачивается горизонтальное обучение «равный — равному», организуется совместная рефлексия цифровых практик, обсуждаются критерии их педагогической целесообразности и безопасности. Постоянное включение в сетевое взаимодействие стимулирует развитие умений работы с цифровыми образовательными ресурсами, ведения профессиональной коммуникации в электронных средах, соблюдения норм информационной этики и защиты персональных данных, критической оценки информации и аналитической интерпретации цифровых следов учебной деятельности.

Структура и логика функционирования модели

Разрабатываемая теоретическая модель формирования цифровой грамотности преподавателей в контексте гибридных профессиональных сообществ опирается на идеи системно-деятельностного и компетентностного подходов и соотносится с современными рамками цифровых компетенций педагогов, в том числе европейскими моделями, в которых цифровая грамотность описывается как совокупность взаимосвязанных областей, уровней и индикаторов проявления в профессиональной деятельности.

В целевом блоке модели фиксируются ориентиры, задаваемые национальными и международными документами о цифровой трансформации образования и профессиональном развитии педагога: ожидаемые уровни цифровой грамотности, соответствующие характеристикам готовности к проектированию гибридных образовательных сред, использованию цифровых ресурсов в учебном процессе, организации сетевого взаимодействия и обеспечению цифровой безопасности участников образования. Целевой блок задаёт не только конечные результаты, но и уровневую шкалу продвижения преподавателя — от элементарной операциональной освоенности цифровыми инструментами до их творческого, проектно-конструкторского применения в гибридных форматах обучения и профессионального общения.

Содержательный блок модели раскрывает ключевые содержательные линии формирования цифровой грамотности: информационно-технологическую, педагогико-методическую, коммуникативно-сетевую, оценочно-аналитическую и аксиологическую. Он соотносится с выделяемыми в ряде исследований компонентами цифровой компетентности педагога (работа с цифровыми ресурсами, организация обучения, оценивание, сопровождение образовательных траекторий обучающихся, профессиональное саморазвитие) и наполняется конкретным содержанием, учитывающим специфику гибридных профессиональных сообществ. Именно в этом блоке описываются типовые цифровые практики преподавателей: участие в сетевых методических мероприятиях, ведение профессиональных электронных сообществ, совместное создание цифровых образовательных ресурсов, использование инструментов аналитики учебных данных, соблюдение норм сетевого этикета и правовых аспектов работы с информацией. Гибридный характер сообществ предполагает, что содержание направлено не только на овладение отдельными цифровыми инструментами, но и на развитие способности интегрировать их в сложные педагогические сценарии, объединяющие очные и дистанционные форматы.

Организационно-деятельностный блок отражает формы, механизмы и технологии включения преподавателей в гибридные профессиональные сообщества и организации соответствующей образовательной деятельности. Здесь задаются модели учебного и профессионально-ориентированного взаимодействия: сетевые курсы и программы повышения квалификации, реализуемые в смешанном формате; проблемно-тематические сообщества практики; наставнические пары и микрогруппы; проектные команды, осуществляющие совместное конструиро-

вание цифровой образовательной среды. Важным элементом этого блока выступают механизмы научно-методического сопровождения, обеспечивающие поэтапное освоение новых цифровых практик: консультации, тьюторское сопровождение, методические мастерские, рефлексивные сессии по обсуждению опыта внедрения цифровых решений. Гибридное профессиональное сообщество в данном контексте выступает не только фоном, но и ключевым ресурсом, так как создаёт насыщенное коммуникативное пространство горизонтального обучения и обеспечивает устойчивую включённость педагога в процессы обмена опытом и совместного решения профессионально-педагогических задач.

Рефлексивно-оценочный блок модели направлен на обеспечение обратной связи и управление индивидуальной траекторией формирования цифровой грамотности. Он включает систему диагностических процедур, критериев и показателей, позволяющих оценивать уровень цифровой грамотности преподавателя, динамику его профессионального развития, эффективность участия в гибридных сообществах. В современной педагогической литературе подчёркивается значимость поэтапной диагностики и построения структурно-функциональных моделей, в которых оценочный компонент тесно связан с целевым и содержательным. В рамках предлагаемой модели рефлексия и оценивание организуются как многоуровневый процесс: самооценка педагога (портфолио цифровых практик, рефлексивные отчёты), экспертная оценка коллег и наставников в сообществе, институциональный мониторинг цифровой грамотности. На основе данных оценивания выстраиваются «дорожные карты» индивидуального развития, предусматривающие выбор форм участия в сообществе, приоритетных направлений повышения квалификации, проектной деятельности и самообразования.

Логика функционирования модели описывает последовательность этапов формирования цифровой грамотности преподавателя в пространстве гибридного профессионального сообщества. Исходный этап связан с диагностикой исходного уровня цифровой грамотности, выявлением профессиональных дефицитов и мотивационных оснований для включения в сообщество; на этом этапе важно сформировать у педагога осознанную потребность в освоении цифровых технологий и понимание их роли в повышении качества обучения. Далее следует этап адаптационного включения в гибридное профессиональное сообщество, когда преподаватель осваивает базовые цифровые практики, учится пользоваться ресурсами сообщества, участвует в простых формах сетевого взаимодействия. На этапе продуктивного участия разворачивается совместное проектирование цифрового обучения, реализация коллективных практико-ориентированных проектов, проведение взаимного рецензирования цифровых материалов. Завершающий этап предполагает закрепление и институционализацию успешных практик, когда преподаватель становится носителем и медиатором цифровой культуры, выступает в роли наставника, модератора профессиональных сетевых площадок, инициатора инновационных проектов в области цифровой дидактики.

Эффективность описанной теоретической модели обеспечивается совокупностью педагогических условий, выявленных в исследованиях по проблеме развития цифровой компетентности педагогов: вариативность индивидуальных образовательных траекторий, признание субъектной позиции преподавателя и опора на принципы андрагогики, сочетание формального и неформального образования, наличие институциональной поддержки цифровых инициатив, ресурсное обеспечение гибридных сообществ и организационно-методическое сопровождение процессов профессионального развития. В таком виде модель позволяет рассматривать гибридные профессиональные сообщества как системообразующий фактор формирования цифровой грамотности преподавателя и задаёт концептуальные основания для последующей эмпирической верификации и уточнения её структурных компонентов и механизмов.

Заключение

Представленная в статье теоретическая модель формирования цифровой грамотности преподавателей в контексте гибридных профессиональных сообществ позволяет целостно описать взаимосвязь целевого, содержательного, организационно-деятельностного и рефлексивно-оценочного блоков, опира-

ющихся на методологию компетентностного и системно-деятельностного подходов. Показано, что именно гибридное профессиональное сообщество выступает ключевой образовательной средой, интегрирующей ресурсы формального и неформального образования, создающей условия для горизонтального взаимодействия, наставничества и развития рефлексивной позиции педагога. Модель демонстрирует потенциал поэтапного формирования цифровой грамотности: от устранения базовых дефицитов до становления преподавателя в роли носителя цифровой культуры и модератора профессионального общения. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией предложенных структурных компонентов и механизмов, разработкой диагностического инструментария, а также уточнением специфики реализации модели в различных типах образовательных организаций и предметных областях.

Литература:

1. Авилкина И.Н. Цифровая грамотность преподавателя иностранного языка в онлайн-эпоху // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2021. — Т. 10. — №3. — С. 4–10.
2. Афанасьева О.Ю., Федотова М.Г., Байрамгалин Ф.Г. Гибридное образовательное пространство как фактор подготовки будущего учителя в педагогическом вузе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2022. — №4(170). — С. 7–24.
3. Бороненко Т.А., Федотова В.С. Исследование цифровой компетентности педагогов в условиях цифровизации образовательной среды школы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2021. — Т. 27, №1. — С. 51–61.
4. Бурганова Л.А., Юрьева О.В. Цифровая компетентность университетских преподавателей: теоретико-методологические подходы к исследованию // Вестник экономики, права и социологии. — 2022. — №1. — С. 124–127.
5. Воронина Ю.В. Цифровая грамотность педагога: анализ содержания понятия и структура // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2019. — №4(32). — С. 232–245.
6. Грязнов С.А. Цифровая компетентность преподавателя // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2021. — №2(35). — С. 79–81.
7. Масалова Ю.А. Цифровая компетентность преподавателей российских вузов // Университетское управление: практика и анализ. — 2021. — Т. 25, №3. — С. 33–44.
8. Роберт И.В. Дидактика периода цифровой трансформации образования. — М.: ИСМО, 2024. — 204 с.
9. Роберт И.В., Мухаметзянов И.Ш., Лопанова Е.В. Цифровая трансформация образования: теория и практика / под ред. Е.В. Лопановой. — Омск: ОмГА, 2022. — 190 с.
10. Тимофеева Н.М. Цифровая грамотность как компонент жизненных навыков / Н.М. Тимофеева // Психология, социология и педагогика. — 2015. — №7(46). URL: https://psychology.snauka.ru/2015/07/5573

THE BASICS OF THE PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS IN MULTICULTURAL AND MULTIETHNIC UNIVERSITY ENVIRONMENTS

Gurov Valery Nikolaevich, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

Yeremeyev Artem Vladimirovich, *applicant*

Institute of Educational Development of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Republic of Bashkortostan

The purpose of the article is to identify the basics of patriotic education of students in multicultural and multiethnic environments of the university. The article models the basis of the multicultural and multiethnic environment of the university as a result of the analysis of the concepts of "multicultural environment" and "multiethnic environment". The system of components and principles of patriotic education at the university is highlighted. As a result of the interrelation of the obtained models and systems, the authors determined the basis of patriotic education of students in multicultural and multiethnic environments of the university. The Scientific novelty is characterized by the definition of the central personality qualities that are the basis of patriotic education in the multicultural and multiethnic environments of the university. As a result of the research, the conclusion is formulated that patriotic personality traits in multicultural and multiethnic university environments are formed by means of pedagogical influence on education, primarily humanistic ideas and tolerance, taking into account the level of formation of ethnocultural competencies, the degree of multicultural personality of students and the specialty they master.

Keywords: *multicultural environment of the university; multiethnic environment of the university; patriotic education of students; ethnicity; culture; the basis of the multicultural and multiethnic environment of the university; components of patriotic education.*

EDN: UMRFYD ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.50***

Цитировать: *Гуров В.Н., Еремеев А.В. Основы патриотического воспитания студентов в поликультурной и полиэтнической средах вуза // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 360-365. EDN: UMRFYD. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.50*

УДК 378

5.8.1

© Гуров В.Н., Еремеев А.В., 2026

Основы патриотического воспитания студентов в поликультурной и полиэтнической средах вуза

ГУРОВ Валерий Николаевич, *доктор педагогических наук, профессор*

ЕРЕМЕЕВ Артём Владимирович, *соискатель*

Институт развития образования Республики Башкортостан, Уфа, Республика Башкортостан

Цель исследования — выявить основы патриотического воспитания студентов в поликультурной и полиэтнической средах вуза. В статье смоделирована основа поликультурной и полиэтнической среды вуза в результате анализа понятий «поликультурная среда» и «полиэтническая среда». Выделена система компонентов и принципов патриотического воспитания в вузе. В результате взаимосвязи полученных модели и системы авторы определили основу патриотического воспитания студентов в поликультурной и полиэтнической средах вуза. Научная новизна характеризуется определением центральных качеств личности, являющимися основой патриотического воспитания в поликультурной и полиэтнической средах вуза. В результате проведенного исследования сформулирован вывод о том, что патриотические качества личности в поликультурной и полиэтнической средах вуза формируются средствами педагогического воздействия по воспитанию, в первую очередь, гуманистических идей и толерантности, учитывая при этом уровень сформированности этнокультурных компетенций, степени мультикультурной личности студентов и осваиваемой ими специальности.

Ключевые слова: *поликультурная среда вуза; полиэтническая среда вуза; патриотическое воспитание студентов; этнос; культура; основа поликультурной и полиэтнической среды вуза; компоненты патриотического воспитания.*

Введение

События, которые происходят на современной мировой политической арене, показывают важность сплочённости народа в

каждом государстве. То, как страна преодолевает возникающие трудности, отражает уровень взаимоотношения государства и его населения и проявляется через патриотизм. Как пишет И. Ильина, «никто не может указать другому человеку его родину — ни воспитатели, ни друзья, ни общественное мнение, ни государственная власть» [7]. Поэтому учителя и преподаватели могут только рассказать и показать о патриотизме посредствам воспитательных мероприятий и включением материала — о любви к родине в образовательный процесс. Происходит это через трансляцию истории края, его культурные особенности, знакомство с национальным искусством и его авторами, при этом особое значение имеют истории мужественных и благородных поступков из биографии героев родины. Таким образом, реализуется патриотическое воспитание.

Указанная система хорошо работает, когда она внедряется с дошкольного периода, но данных мероприятий может оказаться недостаточно, если человек вливается в новую поликультурную и полиэтническую среду уже в более зрелом возрасте. Так обстоят дела, например, в вузе. Поступающие молодые люди могут быть как из других регионов нашей страны, так и из других стран вообще, что порождает сложности в их адаптации в пространстве вуза, а особенно в возникновении патриотических чувств к новой родине. Поэтому так важно правильно выстроить не только образовательный процесс вуза, но и воспитательный. В этих условиях необходимо выявить основы и особенности патриотического воспитания студентов в поликультурной и полиэтнической средах вуза, что является целью данного исследования.

Используя методы теоретического анализа (анализ, синтез, моделирование) возможно решение следующих задач исследования: 1) моделирование основ поликультурной и полиэтнической среды вуза, посредствам конкретизации понятий «поликультурная среда» и «полиэтническая среда»; 2) разработка взаимосвязанной системы компонентов «патриотического воспитания» посредством сравнения понятий «патриотическое воспитание» разными авторами; 3) определения основ патриотического воспитания студентов в поликультурной и полиэтнической средах вуза на основе полученных результатов анализа.

Методологической основой исследования послужили научные работы: Е.М. Колпакова, Т.З. Махмудова, Д.М. Тайсаева, Б.И. Эминли, Е.А. Бирюкова и др. изучающих понятия «этнос», «культура» и их развитие. В.И. Антонова и О.А. Очировой исследующих взаимосвязь этноса и культуры. Работа Гурова и др. определяет концептуальные подходы к формированию личности ребенка в поликультурной среде [12]. И.И. Буриев, М.М. Мамасалиев, В.С. Шилова, М.А. Горшкова, В.Н. Гуров, Р.Р. Исламов и др. исследуют проблему патриотического воспитания в образовательных организациях.

Практическая значимость исследования заключается в том, что изложенные в нем теоретические материалы и выводы создают предпосылки для практического проектирования воспитательных программ патриотического воспитания в вузе с учетом её поликультурной и полиэтнической среды.

Результаты исследования и их обсуждения

Во многих источниках поликультурная среда и полиэтническая среда рассматриваются как синонимы, поэтому конкретизируем оба понятия. Сразу уточним смысл приставки «поли-» от др.-греч. *πολύς* «многочисленный», что в контексте нашего исследования подразумевает сочетание различных видов культур и этносов.

Конкретизируя понятие «этнос», мы видим, что многие авторы (Е.М. Колпаков, Т.З. Махмудов, Д.М. Тайсаев) в своих исследовательских работах используют определение, сформулированное Ю.В. Бромлеем. «Этнос (греч. *ethnos* — племя, народ) — это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этноним).» [8] Современные исследователи этноса и культуры, такие как Б.И. Эминли [15], уточняют, что в контексте современных реалий этнос перестал принадлежать определенной территории. При этом В.И. Антонов и

О.А. Очирова указывают, что понятие «этнос» неотрывно связано с понятиями «культура» и «язык» [1].

Исследуя понятие «культура», Е.А. Бирюкова показывает, на сколько широко возможно использование его. Так, специалисты по теории культуры А. Кребер и К. Клакхон все имеющиеся определения по смысловому наполнению разделили на девять групп (рис. 1), причисляя к этому понятию как «сокровищницу всего созданного людьми» [2] (книги, картины, язык, обычаи, религия, т.д.), так и «поведение, которому человек научился, а не получил в качестве биологического наследства» [2].

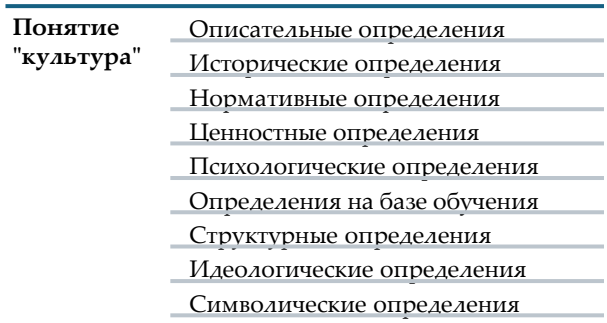

Рисунок 1 — **Группы понятия «культура»**

В.И. Антонов и О.А. Очирова [1] указывают на этнос, как на генетическое ядро культуры. Таким образом, мы видим, что культура и этнос взаимосвязаны, причем этнос находится в основе культуры, и если полиэтническая среда, нам дает четкое понимание, что это среда, в которой встречаются народности с разными этническими принадлежностями такими, как язык, нравы, обычаи, то в поликультурной среде отличия на много шире и заключаются в разнице тех культурных ценностей и культурных психологических особенностей, которые порождает каждым этносом. Приведем предложенную С. Чжоу [13] схему соотношений полиэтнической среды, межкультурной среды и образовательной среды вуза (рис. 2), отражающих их взаимосвязь.

В связи с тем, что поликультурная и полиэтническая среды имеют высокий уровень взаимосвязи и по сути компоненты полиэтнической среды уже находятся в основе поликультурной среды, поэтому за основу исследования мы возьмем следующее определение: «поликультурная (полиэтническая) среда вуза — это мобильная модель для практического овладения навыками профессионального общения, которые неизбежно должны приводить к объединению людей разных культурных традиций, национальностей, религий, социальных слоев, поскольку система аудиторной и внеаудиторной работы со студентами должна соответствовать общепринятым мировым стандартам» [9].

Ключевыми моментами в поликультурном и в полиэтническом образовании, как указывает Т.В. Поштарева [10], являются следующие качества:

1) комбинирование традиций русской культуры с достижениями мировой культуры в рамках образовательного процесса;

2) формирование мультикультурной личности студента;

3) применение научного, культурного и художественного языка в качестве основы формирования этнокультурных компетенций;

4) толерантность к этнокультурному разнообразию;

5) использование разнообразных социально-ценностных потребностей в процессе созидательной культурной деятельности;

6) гуманистическое содержание обучения, способствующие взаимопониманию и ведению диалога между представителями разнообразных этнических культур;

7) образовательная организация является тем местом, где происходит интеграция обучающихся в поликультурную среду.

Сочетание понятия «*поликультурная (полиэтническая) среда вуза*» с особенностями поликультурного и полиэтнического образования в рамках схемы их взаимосвязи, позволяют нам вывести следующую взаимосвязанную основу поликультурной и полиэтнической среды вуза (рис. 3.).

Перейдем к конкретизации понятия «патриотическое воспитание». Так, с точки зрения педагогического процесса, патриотическое воспитание подразумевает направленное действие на формирование и развитие патриотических качеств личности каждого гражданина России.

И.И. Буриев и М.М. Мамасалиев указывают в своей работе, что патриотическое воспитание — это формы и методы педагогического воздействия, направленные на объект воспитания, на формирование у него определенных социально-нравственных качеств. [3]

Рисунок 2 — **Схема соотношений полиэтнической среды, межкультурной среды и образовательной среды вуза**

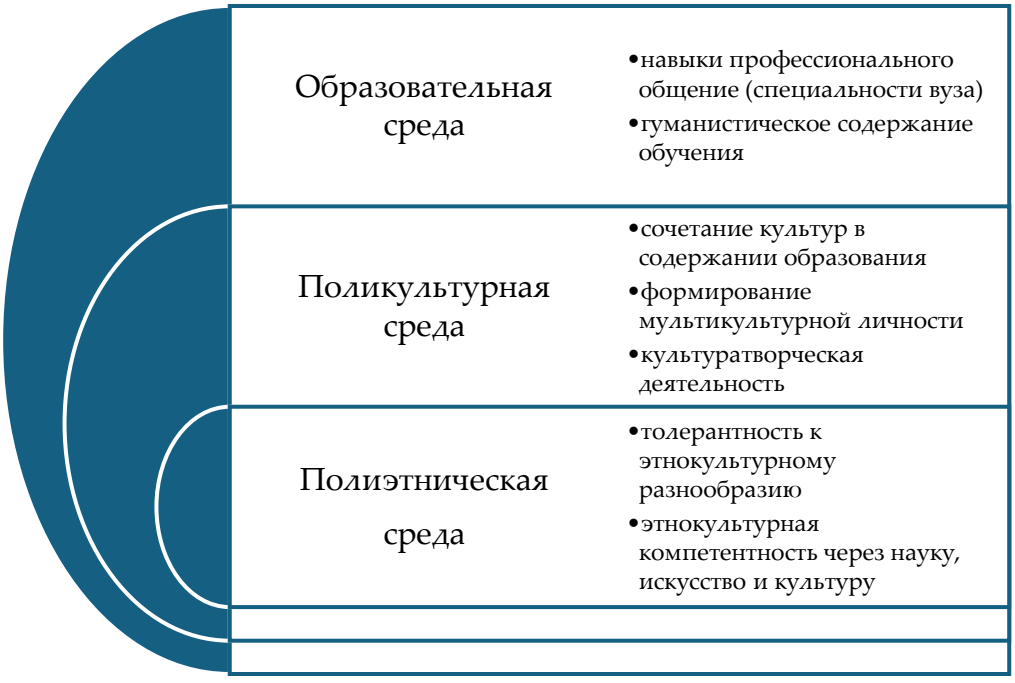

Рисунок 3 — **Основа поликультурной и полиэтнической среды вуза**

В.С. Шилова в свою очередь под «патриотическим воспитанием человека» подразумевает «действия, которые осуществляются в процессе собственной деятельности индивида, характеризующиеся определенной направленностью, формами и методами реализации». При этом важной составляющей является практика освоения социальной действительности. «В связи с этим цель патриотического воспитания студентов вуза заключается в развитии патриотических чувств: *любви* к своей Родине, народу; преданности Отечеству; готовности к самореализации на благо общества, во имя интересов государства и его граждан» [14, с. 76]. М.А. Горшкова приводит под патриотическим воспитанием «систематическую и целенаправленную работу по формированию у студентов высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины» [4, с. 153]. Необходимость систематической и целенаправленного характера деятельности по формированию патриотических чувств со стороны отмечается и в Федеральном законе «О молодежной политике в РФ» №489 от 30.12.2020 года.

В результате анализа используемых в работе определений выстраивается взаимосвязанная система компонентов «патриотического воспитания», состоящая из:

1. *Систематическая реализация* педагогического воздействия по формированию и развитию патриотических качеств *личности*;

2. *Педагогическое воздействие* по формированию и развитию патриотических качеств *личности*, которое должно стимулировать как самостоятельную социально-нравственную деятельность обучающегося, так и совместную практику освоения социальной действительности;

3. *Патриотические качества*, которые включают:

— *любовь* и уважения к Отечеству;

— верность Отечеству и чувства *личной* ответственности за его судьбу перед нынешним и будущими поколениями;

— готовность к выполнению гражданского долга и конституционной обязанности по защите Отечества;

— готовность к самореализации на благо общества, во имя интересов государства (Отечества) и его граждан.

Отметим, что перечисленные в Федеральном законе «О молодежной политике» направления являются составными частями описанных выше патриотических качеств.

Патриотические качества личности возможно сформировать, соблюдая принципы патриотического воспитания, которые заключаются в духовности, демократизме, конкурентоспособности, толерантности (терпимости), индивидуализации, гуманизме, вариативности.

Для решения проблемы патриотического воспитания молодежи в полиэтнической и поликультурной средах В.Н. Гуров и Р.Р. Исламов предлагают на основе системного подхода использовать разработанную ими педагогическую модель, которая состоит из взаимосвязанных блоков: целевого, управленческого, организационно-содержательного, функционального, диагностико-результативного [6].

Следующим шагом в определении основ патриотического воспитания студентов в поликультурной и полиэтнической средах вуза, становится сравнение описанной системы компонентов и принципов «патриотического воспитания» с конкретизированной основой поликультурной и полиэтнической средах вуза.

В результате приведенная выше схема основы поликультурной и полиэтнической сред вуза (рис. 3) является горизонтальной базовой площадкой, а «патриотическое воспитание» в свою очередь больше относится к внешнему воздействию на указанную основу, а точнее систематическим педагогическим воздействием по формированию патриотических качеств (воспитательными мероприятиями), которые в свою очередь возникают на основе отношения к своей Отчизне, через любовь к малой Родене или родной культуре и своему родному этносу.

При этом такие качества личности, как толерантность и гуманизм находятся и в патриотическом воспитании, и в конкретизированной основе поликультурной и полиэтнической средах вуза, являясь центральными качествами, с помощью которых возможно сформировать все остальные направления. Поэтому, в первую очередь, педагогическое воздействие необходимо выстроить для адекватного формирования именно этих качеств личности в контексте «патриотизма». Тогда эти качества становятся связующими элементами между всеми компонентами патриотического воспитания в поликультурной и полиэтнической средах вуза.

Вычленение основ патриотического воспитания студентов в поликультурной и полиэтнической средах вуза позволит выстраивать воспитательную и образовательную траекторию работы со студентами, учитывая многонациональный состав студенческого коллектива и опираясь при этом на конкретные главные принципы, развивая через них остальные качества «патриотической личности».

Заключение

В процессе анализа понятий «поликультурная среда», «полиэтническая среда» смоделирована основа поликультурной и полиэтнической среды вуза, которая при взаимосвязи с системой компонентов и принципов патриотического воспитания позволила определить основу патриотического воспитания студентов в поликультурной и полиэтнической средах вуза.

Результатом исследования стало понимание, что основами патриотического воспитания студентов в поликультурной и полиэтнической средах вуза являются систематическое специальное педагогическое воздействие по формированию и развитию патриотических качеств личности средствами гуманистических идей и толерантности, учитывая уровень сформированности этнокультурных компетенций, степени мультикультурной личности студентов и осваиваемой ими специальности.

Литература:

1. Антонов В.И., Очирова О.А. Этнос, культура, язык // Вестник Калмыцкого университета. — 2021. — №1(49). — С. 100-110.

2. Бирюкова Е.А. О значении понятия «культура» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — №12-4. — С. 131-134.

3. Буриев И.И., Мамасалиев М.М. Патриотическое воспитание молодого поколения // Вестник науки и образования. — 2020. — №22-2 (100). — С. 37-39.

4. Горшкова М.А. Патриотическое воспитание студентов как основа гражданского становления молодежи // Социально-гуманитарные проблемы современности: сб. науч. тр. Международной научно-практической конференции. — 2020. — Т. 24. — С. 76-78.

5. Горшкова М.А., Муравьева А. Преемственность в воспитательной работе по формированию патриотизма между современной школой и вузом // Проблемы современного образования. Сер.: Педагогика и психология. — 2016. — № 53-3. — С. 152-158.

6. Гуров В.Н., Исламов Р.Р. Сетевая инновационная кластерная педагогическая лаборатория в контексте патриотического воспитания обучающейся молодежи // Инновации в образовании. — 2019. — №2. — С. 107-114.

7. Луховицкий В., Русакова Е., Силинг Ю. Патриотическое воспитание: задачи, содержание, акценты // Народное образование. — 2009. — №7(1390). — С. 212-217.

8. Махмудов Т.З. Понятие этноса и других категорий этнических групп // Аналитика культурологии. — 2013. — №26. — С. 35-39.

9. Мельничук М. В. Поликультурная среда вуза и формирующие ее факторы // Мир науки, культуры, образования. — 2022. №4 (95). — С. 175-176. doi:10.24412/1991-5497-2022-495-175-176

10. Поштарева Т.В. Формирование этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде: дис. … д-ра пед. наук: 13.00.01 / Т. В. Поштарева. — Ставрополь, 2009. — 393 с.

11. Савельева А.В. Патриотическое воспитание молодежи: сущность, цели и задачи // Научный журнал Дискурс. — 2018. — №11(25). — С. 68-74.

12. Формирование толерантной личности в полиэтнической образовательной среде / В.Н. Гуров, Б.З. Вульфов, В.Н. Галяпина [и др.] — М.: Педагогическое общество России, 2004. — 240 с.

13. Чжоу С. Полиэтническая образовательная среда вуза как фактор межкультурной адаптации студентов // Психология образования в поликультурном пространстве. — 2023. — №2(62). — С. 107-119.

14. Шилова В.С. Патриотическое воспитание студентов: сущность, цели и задачи // Научный результат. Педагогика и психология образования. — 2015. — №1(3). — С. 75-78.

15. Эминли Б.И. Язык, культура и этнос // Языки и смыслы: сб. ст. XX Международной научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук, Новосибирск, 25–27 октября 2022 года / под ред. В.В. Петрова, А.С. Зайковой. — Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2022. — С. 362-365.

THE VALUE ORIENTATIONS OF ART IN EDUCATING SOCIETY AND STRENGTHENING THE SPIRITUAL UNITY OF RUSSIA (USING THE EXAMPLE OF THE CULTURAL ASPECT OF ARTISTIC TRAINING AT A PEDAGOGICAL UNIVERSITY)

Drozdov Sergey Anatolyevich, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk*

The article is devoted to the analysis of the influence of the value orientations of art on society through the prism of the cultural aspect of artistic training at a pedagogical university. Since ancient times, culture in Russia has played an important role in uniting different peoples. The visual arts, in addition to education, also have educational and educational functions. Therefore, values such as unity, sacrifice, patriotism and love of the Motherland are reflected in artistic works. The purpose of the article is to identify specific features of Russian art as a factor of national consolidation on the basis of iconographic and semiotic analysis, as well as to propose special conditions for improving the effectiveness of artistic training at a pedagogical university. The emphasis is placed on the mechanisms by which images in various types of art influence the upbringing of a personality. Russian art and education are considered as a tool of "soft power", with the identification of its specific features that affect the strengthening of civil solidarity. His role in overcoming sociocultural gaps is emphasized. The author is convinced of the need for a state cultural policy that supports traditional art and education. This will help to further strengthen the spiritual unity of Russian society.

Keywords: *value orientations; art and education; upbringing; consolidation of society; artistic and pedagogical training.*

EDN: UNUFFA ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.51***

Цитировать: *Дроздов С.А. Ценностные ориентиры искусства в воспитании общества и укреплении духовного единства России (на примере культурологического аспекта художественной подготовки в педагогическом вузе) // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 366-374. EDN: UNUFFA. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.51*

УДК 378
5.8.2

© Дроздов С.А., 2026

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ИСКУССТВА В ВОСПИТАНИИ ОБЩЕСТВА И УКРЕПЛЕНИИ ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПОДГОТОВКИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ)

ДРОЗДОВ Сергей Анатольевич, *кандидат педагогических наук, доцент, Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск*

Статья посвящена анализу влияния ценностных ориентиров искусства на общество через призму культурологического аспекта художественной подготовки в педвузе. Культура на Руси издревле играла важную роль в объединении разных народов. Изобразительное искусство, помимо воспитания, также обладает образовательными и просветительскими функциями. Поэтому такие ценности, как соборность, жертвенность, патриотизм и любовь к Родине, отражаются в художественных произведениях. Цель статьи — на основе иконографического и семиотического анализа выявить специфические черты русского искусства как фактора национальной консолидации, а также предложить специальные условия для повышения эффективности художественной подготовки в педвузе. Акцент сделан на механизмах, посредством которых образы в различных видах искусств воздействуют на воспитание личности. Российское искусство и образование рассматриваются в качестве инструмента «мягкой силы», с выявлением его специфических черт, влияющих на укрепление гражданской солидарности. Подчеркивается его роль в преодолении социокультурных разрывов. Автор убежден в необходимости проведения государственной культурной политики, поддерживающей традиционное искусство и образование. Это поможет еще сильнее укрепить духовное единство российского общества.

Ключевые слова: *ценностные ориентиры; искусство и образование; воспитание; консолидация общества; художественно-педагогическая подготовка.*

Введение

Как известно, искусство зародилось раньше, чем образование. По мнению ученых, речь может идти о периоде с 35-го по 10-е тыс. до н.э. На протяжении веков искусство и наука влияли на образование, способствуя его прогрессу. С течением времени художественное наследие стало считаться показателем национального достояния разных стран, в котором отражаются уникальные черты и ценности их народов, а также средством самовыражения и сохранения уникального культурного кода. Это было в прошлые столетия, так происходит и в государствах современной цивилизации.

По мнению психолога и специалиста в области исследования личности Д.А. Леонтьева, запросы, предъявляемые к искусству человеком, связаны с ценностно-смысловой организацией личности, а именно с ее системой ценностей, установками, жизненным опытом и опытом общения с искусством. Так, для одного человека искусство может носить исключительно развлекательный характер, в то время как для другого значима познавательная ценность художественного произведения [7]. В глобальном смысле искусство — это разновидность духовной культуры: оно воспроизводит действительность посредством художественных, музыкальных и других образов и способно вызывать у человека эмоциональный отклик. В контексте художественно-педагогического образования, к понятию «искусство» часто обращаются, когда обозначают совершенное владение техническим мастерством и другое.

«Важную роль в культурном пространстве играет искусство. В XXI веке оно характеризуется полистилистическим многообразием, различной направленностью художественных поисков творцов. Технические возможности позволяют человеку с легкостью найти образцы искусства любой эпохи или страны» [1, с. 455]. Поэтому использование искусства для воспитания общества и укрепления духовных связей не является чем-то новым. Особую нишу в этом вопросе занимает образование. Тандем двух сфер — культурной и педагогической — придает искусству как инструменту воспитания наибольшую эффективность. Достаточно вспомнить сложный период нашей истории в прошлом столетии. Начатая 26 декабря 1919 г. кампания ликбеза (ликвидации безграмотности) в Советской России (подписанная Владимиром Лениным), помимо обучения чтению и счету, сопровождалась повсеместным приобщением простого народа к произведениям живописи. В это же время национализировались частные коллекции и музеи: так Третьяковская галерея стала «Московской городской художественной галереей имени П. и С.М. Третьяковых» и т.д. Руководство проводило в них экскурсии, знакомя граждан с творчеством художников. Ценностные ориентиры выступали интегративной основой как для отдельной личности, так и для любой социальной группы в целом. Через доступ к художественному наследию внедрялись общие ценности, стирались сословные различия и формировалась новая социальная общность.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных философов, психологов, а также статьи и публикации по педагогике, искусствоведению и культурологии. Практическая значимость заключается в следующем:

— в анализе концептуальных положений ценностных ориентиров искусства в контексте духовно-нравственного развития и воспитания;

— в разработке конкретных предложений (специальных условий) по совершенствованию культурологического аспекта художественной подготовки учителей (советов по обновлению программ, интеграции ценностного анализа, использованию современных технологий и т.д.).

Методология исследования состоит в использовании иконографического анализа (способствовавшего выявлению и систематизации сюжетов и символов) и семиотического подхода (позволившего интерпретировать образы как знаки, несущие определенные смыслы и эмоции для общества, формируя общее ценностно-смысловое поле) в контексте культурологического аспекта художественной подготовки в вузе.

Постановка вопроса

С начала 90-х годов искусство, наряду с образованием, которое до сих пор являлось инструментом социалистического воспитания и пропаганды коммунистического строя, вышло из-под опеки государства и было от-

правлено в «свободное плавание». Как результат, резко снизился уровень всеобщей культурной образованности. Для многих людей патриотизм стал немодным, потеряв сакральный смысл. Это произошло из-за смены политического режима и либерализации экономики. Поколение людей-созидателей стало сменяться новым типом гражданина — человеком-потребителем [5].

Сегодня благодаря гигантским усилиям нашего правительства и, в первую очередь, Президента России В.В. Путина, эту ситуацию во многом удалось стабилизировать. Особенно этому способствовал выход России из Болонского процесса. Еще в 2019 г. на церемонии вручения премий молодым деятелям культуры и авторам произведений для детей и юношества Владимир Путин сказал: «В России служение культуре и искусству абсолютно справедливо считается важнейшей миссией, прежде всего за колоссальный вклад в образование и просвещение, укрепление духовных и нравственных основ общества, в сбережение и приумножение нашего богатейшего культурного наследия» [1]. Очевидно, что национально ориентированное искусство и образование — это шаг к обретению независимости России, ее духовно-ценностному возрождению. По мнению В.А. Ситарова, «контроль над ценностями дает ключ к контролю над обществом. Тот, кто может управлять ценностями, тот управляет обществом и его членами» [8, с. 48]. И в этом вопросе роль искусства как проводника ценностей становится определяющей.

Культурологический аспект предполагает изучение темы исследования через освоение материала по отечественной культуре, для формирования у будущих учителей новаторского стиля мышления и способности к творческой самореализации. Поэтому, прежде чем приступить к рекомендациям в области художественной подготовки, считаем важным разобраться в разновидностях искусства как явлении культуры и средстве нравственного воспитания.

И так, французский философ-спиритуалист и поэт Ж.М. Гюйо полагал, что «искусство — это функция общественного организма». Немецкий философ, социолог и музыковед Т. Адорно указывал, что отношение искусства к обществу определяют нерешенные антагонистические противоречия реальности, которые проявляются в художественных произведениях. Русский философ, писатель и публицист И.А. Ильин в своих философско-эстетических трудах писал о роли искусства в формировании человека и гражданина, национального самосознания и духовности. Датский физик-теоретик Н. Бор отмечал, что искусство может обогатить человека, потому что способно напоминать о гармониях, недосягаемых для систематического анализа.

Как можно убедиться, различные мыслители, рассматривая искусство через призмы общественной функции, социальных противоречий, духовного воспитания и познания гармонии, сходятся в признании его глубокой и многогранной связи с обществом и внутренним миром человека.

Советский психолог Л.С. Выготский утверждал, что смысловое содержание художественного произведения вступает в контакт со смысловыми структурами личности и в конечном счете вызывает в них те изменения, которые затем воспринимаются как социальный эффект искусства [3]. Можно ли утверждать, что такие ценности, как «собо́рность», «же́ртвенность», «патриоти́зм» и «любовь к Родине», можно привить через художественные произведения? Безусловно. Русская академическая и религиозная живопись на протяжении веков выступала в качестве одного из основных инструментов инкультурации (приобщения индивида к культуре), формируя и закрепляя базовые социокультурные ценности через создание канонических визуальных образов. Иконопись Андрея Рублева, в частности образ «Троицы», представляет собой аксиологическую матрицу (систему ценностей и смыслов), где догматическое содержание трансформируется в пластическую формулу: символ триединства Бога в трех Лицах — Отца, Сына и Святого Духа. Композиционная и смысловая гармония фигур вокруг евхаристической чаши визуализирует концепцию соборности как высшего духовного согласия, а просветленный колорит и лиризм смягчают трагизм жертвенности, подчеркивая ее преображающую сущность.

[1] Путин: искусство должно помогать подрастающему поколению постигать противоречия жизни. ТАСС Медиа. URL: https://tass.ru/kultura/6260235

Художественные образы, функционирующие в качестве мощного инструмента педагогического воздействия, способны воздействовать на воспитание личности через специфические психоэмоциональные и когнитивные механизмы, детерминированные как видовой природой искусства (литература, живопись, музыка, кинематограф), так и уникальностью его средств. Воспитательная функция искусства проявляется в нарративных стратегиях (принципах организации повествования) литературы, визуальных кодах живописи и синтетическом языке кино.

В то время как некогда просвещенная Европа переживает период секуляризации, российское образование выступает инструментом «мягкой силы», а ее искусство в целом является основой этой концепции. Поддержка традиционных ценностей внутри государства улучшает позиции страны на международной арене. На это влияют три специфические черты:

1) притягательная самобытность традиционной культуры (литература, музыка, живопись);

2) целенаправленная работа с соотечественниками за рубежом как часть внутренней и внешней политики Российской Федерации;

3) использование продуктов массовой культуры для влияния на широкие слои населения и другое.

Внутри страны искусство выполняет политическую функцию, способствуя консолидации общества через формирование общих идеалов и ценностей, преодолевающих внутренние различия. Мы рассматриваем искусство как один из универсальных источников духовного воспитания.

«Современное понимание патриотизма во многом опирается на идеи христианства как высшего блага, не разделяющего, а соединяющего людей. В этом проявляется духовно-нравственная сущность патриотизма» [2, с. 25]. В искусстве XIX в., в условиях роста национального самосознания, эта парадигма достаточно эволюционировала. К примеру, монументальное полотно А.А. Иванова «Явление Христа народу» является образцом светской живописи. И в то же время его можно рассматривать как синтез личной творческой аскезы (добровольных ограничений, которые автор накладывает на себя, чтобы сфокусироваться на главном) и темы всеобщего духовного преображения. Картина моделирует генезис соборного сознания людей через изображение разнообразных путей, которыми человечество идет ко Христу.

Или другие примеры. К.П. Брюллов, работая в рамках академического канона, транслировал ценности героического патриотизма и гражданской жертвенности. Его произведение «Последний день Помпеи» репрезентирует не религиозный, а гуманистический идеал самопожертвования и достоинства перед лицом рока, что было воспринято современниками как национальная художественная победа. Другой русский художник — А.Г. Венецианов предлагает иную, более «приземленную» модель патриотизма. В жанровых сценах он идеализировал крестьянский быт и гармонию труда, конструируя мифологему «тихой» Родины. В его произведениях соборность проявляется не в драматическом или религиозном единении, а скорее в поэтике мирного, трудового лада общины.

Таким образом, искусство задолго до наших дней представляло собой мощную семиотическую систему (знаковую структуру с явно выраженной коммуникативной функцией). Создавая эмоционально заряженные и эстетически совершенные визуальные повествования, оно объективировало абстрактные ценности, превращая их в устойчивые компоненты коллективной идентичности и национального культурного кода.

Приведем конкретные примеры влияния ценностных ориентиров искусства на воспитание общества и укрепление духовного единства России:

1. *Через историческую преемственность и формирование «культурного кода»*. Пример: Древнерусская литература («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве») транслирует архетипические идеалы — патриотизм, силу, ум, отвагу и жертвенность за Русскую землю. Эти тексты стали первоосновой, формирующей историческое самосознание и чувство принадлежности к единому народу на протяжении веков.

2. *Через визуальные символы и иконографию, создающие общее смысловое поле.* Например: иконографический анализ русской живописи позволяет выявлять повторяющиеся, ставшие каноническими сюжеты и

образы: 1) защитников Отечества (богатыри, воины в полотнах В.М. Васнецова), исторических побед (картины В.В. Верещагина); 2) православных святынь: например, иконы «Троица» А. Рублева, «Двусторонняя Донская икона Божией Матери» Ф. Грека; 3) произведения на тему защиты городов, такие как «Оборона Петрограда» и «Оборона Севастополя» А.А. Дейнеки, работают как символы коллективной стойкости и жертвенности, понятные всем поколениям.

3. *Через героизацию подвига и формирование эмоциональной связи с историей*, например, советская военная живопись («Допрос коммунистов» и «Праздник Победы» Б.В. Иогансона, «Фашист пролетел» А.А. Пластова, «Письмо с фронта» А.И. Лактионова) не просто документирует события, а создает эмоционально заряженные образы героизма, возвышающие волю к победе. Это искусство воспитывает уважение к предкам, чувство сопричастности к общей истории, укрепляя гражданскую солидарность. Другой пример — поэзия о войне, представленная творчеством А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова, Д.И. Самойлова и других авторов, воплотила героизм, патриотизм и всю сложную гамму чувств сурового военного времени. Уже первые строки стихотворения «Жди меня» К.М. Симонова — «Жди меня, и я вернусь…» вызывали у людей надежду на возвращение к любимым и помогали справляться с трудностями военного времени.

4. *Через актуализацию ценностей в современном контексте.* Пример: современные произведения, посвященные участникам Специальной военной операции (СВО) (работы Студии военных художников имени М.Б. Грекова, а также картины «Донбасс. Одноклассники» Е. Корнеева, «Герои операции Z» Е. Соловьевой, «Порт Мариуполь взят» А. Дроздова), напрямую связывают традиционные ценности патриотизма и жертвенности с сегодняшним днем. Они визуализируют и героизируют современный подвиг, делая абстрактные ценности осязаемыми и личностно значимыми для общества. Или вспомним, какой ажиотаж произвела выставка произведений Валентина Серова (к 150-летию со дня рождения художника) в Москве с момента ее открытия в 2015 г. Любовь и тяга к искусству объединяет разные поколения наших граждан.

5. *Через духовно-нравственную основу (соборность).* Пример: Древнерусская икона — не просто религиозный артефакт, а визуальное выражение идеи соборности. Представляя собой уникальное духовное и культурное наследие, она формирует чувство коллективной принадлежности к вере и исторической общности, выходящей за рамки индивидуального опыта. Как отмечается в тексте, христианские идеи, лежащие в основе иконописи, способствуют «объединению людей».

6. *Через лирическое чувство любви к малой Родине и природе.* Например, поэзия о родном крае (стихи С.А. Есенина, И.А. Бунина, К.Д. Бальмонта) и лирическая патриотическая лирика (А.А. Ахматова, М.И. Цветаева и другие) воспитывают не «показной» патриотизм, а глубокое личное, эмоциональное чувство любви к своей стране. Это искусство формирует духовную связь с землей, языком и культурой.

7. *Через наглядную агитацию.* Пример: в Великую Отечественную войну плакаты и листовки были системным инструментом мобилизации, выполнявшим четыре ключевые функции:

— психологическая регуляция: трансформация тревоги и пораженческих настроений в уверенность через сатирическое изображение врага и героизацию образа советского воина;

— идеологическая консолидация: формирование коллективной идентичности («священная война народа») и воспитание патриотизма через бинарную систему ценностей «свои — чужие»;

— экономическая мобилизация тыла: визуальный призыв к трудовому героизму и легитимация новых социальных ролей (трактористки, рабочие);

— контрпропаганда: демифологизация (развенчание мифов) врага путем визуальной демонстрации его потерь и неизбежного поражения.

Результаты и обсуждения

Итак, мы проанализировали примеры влияния ориентиров искусства на личность. В частности, выяснили, что собой представляет искусство как модель воспитания и развития по отношению к российскому обществу. Но как это коррелирует с художественной подготовкой в педвузе? Рассмотрение этого вопро-

са помогло нам сформулировать перечень специальных условий для повышения эффективности подготовки учителей. Но обо всем по порядку.

Концептуальные положения ценностных ориентиров искусства в контексте культурологического аспекта духовно-нравственного воспитания

Блок I. Ценностные ориентиры искусства

Эстетические ценности (связь с красотой, гармонией и художественным выражением):

1. Восприятие прекрасного. Способность видеть и эмоционально откликаться на красоту в произведениях искусства и окружающей действительности, что обогащает внутренний мир человека.

2. Развитие эстетического вкуса. Формирование способности критически оценивать и отличать подлинно художественное, гармоничное от безвкусного и низкопробного, основанное на опыте взаимодействия с высокими образцами искусства.

3. Приобщение к художественным образам. Погружение в мир образов, созданных художниками, развивает воображение, ассоциативное (умственный процесс, при котором одна идея, образ или ощущение вызывает в сознании другое) и образное мышление (процесс познания, посредством формирования в сознании человека мысленного образа).

Духовные ценности (внутренний и смысловой мир человека):

1. Формирование нравственных категорий. Искусство служит «учебником жизни», на примерах исторических событий, ситуаций из жизни героев ВОВ и СВО, помогая усваивать понятия добра и зла, справедливости, сострадания, долга и любви.

2. Развитие духовного мира личности. Обогащение внутреннего пространства человека через сопереживание, рефлексию, поиск смыслов, что ведет к самопознанию и личностному росту.

3. Социализация через искусство. Усвоение социальных норм, ролей и культурных кодов через сюжеты и образы, что помогает человеку понять свое предназначение в этом мире и в истории.

Культурные ценности (связь преемственности и развития культуры):

1. Передача социального опыта. Искусство выступает как носитель исторического, бытового и эмоционального опыта предыдущих поколений, передавая его в концентрированной, образной форме.

2. Сохранение культурного наследия. Через произведения искусства сохраняются и транслируются будущим поколениям язык, традиции, идеалы и историческая память народа.

3. Развитие творческих способностей. Поощрение нестандартного мышления, фантазии и умения создавать новое, что является двигателем как личностного, так и общественного прогресса.

Блок II. Механизмы влияния искусства на общество

Коммуникативный аспект (роль особого языка искусства в передаче информации):

1. Обмен художественно-культурной информацией. Искусство –специфический канал коммуникации, посредством которого происходит передача идей, эмоций, знаний о мире и человеке, вне зависимости от временных и пространственных границ.

2. Восприятие ценностей через произведения искусства. Ценности усваиваются не как абстрактные понятия, а эмоционально и личностно, через проживание опыта, предложенного художником (в кино, книге, картине).

3. Усвоение образцов поведения. Зритель или читатель идентифицирует себя с персонажами, неосознанно перенимая модели их действий, решений и реакций в различных жизненных ситуациях.

Воспитательный аспект (целенаправленное и системное воздействие искусства на формирование личности):

1. Формирование ценностных ориентаций. Искусство помогает расставить жизненные приоритеты, определить, что является важным и значимым (семья, свобода, познание, Родина и т.д.).

2. Развитие эмоционального интеллекта. Учит распознавать, понимать и управлять своими эмоциями, а также сопереживать чувствам других людей.

3. Становление личности. Способствует интеграции полученного опыта, знаний и ценностей в целостное «Я», помогая обрести идентичность, мировоззрение и устойчивую жизненную позицию.

Блок III. Результаты воздействия ценностных ориентиров искусства

Личностное развитие (изменения, происходящие на уровне индивидуальности человека):

1. Повышение общей культуры. Расширение кругозора, формирование широкого взгляда на мир, обладание базовыми знаниями и пониманием художественных и культурных традиций.

2. Развитие творческих способностей личности. Активизация способности к образному мышлению, импровизации и созданию оригинальных решений в различных сферах жизни.

3. Формирование эстетического восприятия личности. Умение видеть гармонию и выразительность в повседневной жизни, стремление к упорядоченности и красоте в собственной жизни и окружении.

Социальное развитие (изменения, проявляющиеся на уровне общества и межличностных отношений):

1. Укрепление духовных ценностей. Искусство поддерживает и актуализирует в обществе базовые нравственные нормы и идеалы, выступая против их размывания.

2. Развитие коммуникативных навыков личности. Общий культурный фон и понятные всем образы искусства создают почву для более глубокого взаимопонимания и диалога между людьми.

3. Формирование гармоничной личности. Воспитание человека, в котором сочетается эмоциональная развитость, нравственная зрелость и социальная ответственность, что является основой для стабильного и здорового общества.

На рисунке представлена схема вышеописанной концепции ценностных ориентиров искусства, где все элементы взаимосвязаны и влияют друг на друга. Она представляет собой структурно-логическую модель, систематизирующую коммуникативные и воспитательные аспекты искусства, его ценностное влияние на социально-личностное развитие, а также ожидаемые результаты воздействия. Моделирование позволяет наглядно анализировать взаимосвязи между искусством, личностью и социумом в рамках культурологических и социально-педагогических исследований.

Рисунок — **Схема взаимосвязи ценностных ориентиров искусства и воспитания общества**

На основе положений культурологического аспекта, изложенных в статье, мы сформулировали перечень специальных условий для повышения эффективности художественной подготовки в педуниверситете, с учетом рас-

смотренных ценностных ориентиров искусства в воспитании общества:

1. Обновление содержания учебных программ:

— включить в базовые дисциплины («История визуально-пространственных искусств», «Методика преподавания изобразительного искусства») модули, посвященные ценностно-смысловому анализу произведений отечественного искусства;

— активно использовать иконографический и семиотический методы как инструменты раскрытия традиционных ценностей (соборность, жертвенность, патриотизм) в художественных образах;

— разработать спецкурсы по теме «Искусство как инструмент национально-культурной консолидации».

2. Интеграция теории и практики ценностного воспитания через искусство:

— организовать мастер-классы и проектные работы, в ходе которых студенты создают собственные художественно-педагогические работы, направленные на трансляцию традиционных ценностей;

— ввести в программу педагогической практики задания по проведению экскурсий, бесед, уроков с использованием произведений искусства, раскрывающих темы духовности, исторической памяти и любви к Родине.

3. Методическая подготовка будущих педагогов к работе с ценностным контентом:

— обучать студентов методам интерпретации искусства не только с эстетической, но и с воспитательной и мировоззренческой позиций;

— разработать методические пособия или кейсы по теме «Использование искусства в формировании гражданской позиции, патриотизма и уважения к культурному наследию».

4. Использование современных технологий и медиа в художественно-педагогическом образовании:

— внедрять цифровые инструменты (виртуальные музеи, интерактивные платформы, мультимедийные проекты) для демонстрации возможностей искусства в воспитании и консолидации общества;

— учить студентов создавать и использовать цифровой контент, направленный на ценностное просвещение (видеоуроки, онлайн-выставки, образовательные блоги).

5. Акцент на отечественном художественном наследии и современном искусстве:

— изучать не только классическое, но и современное российское искусство, отражающее традиционные ценности в актуальном контексте (к примеру, анализировать произведения, посвященные современным подвигам героев СВО — в рамках «Разговора о важном»);

— анализировать преемственность ценностных ориентиров в искусстве разных эпох: от древнерусской иконописи до современных визуальных практик.

6. Подготовка педагогов к реализации государственной культурной политики:

— включать в учебные планы темы, связанные с ролью искусства в объединении народов России;

— формировать у будущих педагогов понимание их миссии как проводников ценностно-ориентированного художественного образования.

7. Развитие исследовательской и проектной деятельности студентов:

— поощрять научные работы, курсовые и дипломные проекты, направленные на изучение искусства как фактора воспитания и социальной консолидации;

— организовывать студенческие конференции, круглые столы и публикации по темам культурологического, ценностного и педагогического потенциала искусства.

8. Сотрудничество с институтами культуры и образования:

— налаживать партнерские связи с музеями, галереями, центрами дополнительного образования для проведения совместных проектов, педагогических практик, стажировок;

— привлекать действующих художников, искусствоведов, культурологов к проведению занятий и мастер-классов.

9. Формирование у студентов личностной позиции как носителей и трансляторов ценностей:

— воспитывать осознанное отношение к искусству не только как к профессиональной сфере, но и как к средству духовно-нравственного развития общества;

— развивать навыки критического мышления и ценностной рефлексии при анализе художественных произведений.

Представленные специальные условия являются ключевым звеном в системе воспитания общества, способным через различные виды искусства формировать патриотов России в условиях педагогического университета. «Художественно-эстетический опыт развивающейся личности создает мощную питательную среду культурного развития, творчества, воображения, эмоций, вкусов, образного мышления, расширяет круг ценностных предпочтений» [6, с. 97].

Заключение

В статье обосновывается тезис о том, что ценностно-ориентированное художественное воспитание и обучение является неотъемлемым фактором просвещения общества, национальной консолидации и укрепления государственности. Это особенно важно в условиях преодоления последствий социокультурного кризиса 1990-х годов. В этой связи возрастает роль искусства как ключевого инструмента восстановления традиционных ориентиров, основанных на патриотизме (чувстве любви и преданности к Отечеству), соборности (свободном духовном единении людей в церковной и мирской жизни) и семейных ценностях (разделяемых поколениями убеждениях, нормах и принципах поведения в семье). При этом, как отмечают отдельные исследователи: «Воспитывать духовно-нравственные качества становится все сложнее, и только объединившись мы сможем сделать наш мир прекраснее, а наших детей достойными гражданами наших государств» [4, с. 16]. Важно вкладывать значительные ресурсы в художественно-образовательную сферу, а также транслировать многонациональность нашей культуры через финансирование всевозможных проектов, институциональное развитие и правовое закрепление ее роли как инструмента «мягкой силы». Такая политика рассматривается нами, прежде всего, как условие национально-культурного суверенитета и духовного возрождения России. В этом есть цель укрепления единства многонационального народа страны и гражданского самосознания при сбережении этнокультурного и языкового разнообразия .

Хотелось бы добавить, что влияние различных видов искусства на сознание людей, независимо от того, происходит ли это в жизни или в учебном процессе, осуществляется не пассивно, а через активные механизмы: создание общих героев и символов, эмоциональную героизацию прошлого и настоящего, институциональное внедрение в общественное сознание и опору на глубинные духовные чувства, формирующие коллективную идентичность.

Литература:

1. Афанасьева А.Б. Роль искусства в формировании ценностных ориентиров личности / А.Б. Афанасьева // Россия как самобытная цивилизация и открытое культурное пространство: сб. ст. XXXI Международной конференции, Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2025 года. — СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025. — С. 454-457.

2. Бобылев В.Е. Воспитание патриотизма подростков средствами искусства / В.Е. Бобылев // Лучшая студенческая статья 2022: сб. ст. IV Международного учебно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 14 декабря 2022 года. — Петрозаводск: Новая Наука, 2022. — С. 24-30.

3. Выготский Л.С. Психология искусства. — М.: Лабиринт, 2008. — 349 с.

4. Грядунова Е.А. Духовно-нравственное воспитание средствами искусства / Е.А. Грядунова // Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. — 2021. — №3(5). — С. 15-24.

5. Дроздов С.А. Анализ Болонской модели — как фактора устойчивости европейской образовательной системы и средства упразднения достижений в российском образовании (через призму подготовки учителей по искусству) / С.А. Дроздов // Педагогическое образование. — 2022. — Т. 3, №4. — С. 152-159.

6. Кондратенко А.П. Ценностные основания процесса приобщения современной молодежи к отечественной духовной культуре / А.П. Кондратенко // Отечественное художественно-эстетическое образование в контексте мировой культуры: сб. ст. Международной научно-практической конференции, посвященной Году педагога и наставника, Самара, 20–21 апреля 2023 года. — Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2023. — С. 95-99.

7. Пушкина А.В. Ценностные ориентации в контексте изучения предпочтений в искусстве современной молодежи / А. В. Пушкина // Культура. Духовность. Общество. — 2016. — №27. — С. 169-175.

8. Ситаров В.А. Ценностные ориентиры в воспитании современной молодежи / В.А. Ситаров // Знание. Понимание. Умение. — 2018. — №1. — С. 47-57.

CURRENT ASPECTS OF THE QUALITY OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION IN THE LIGHT OF ITS DIGITAL TRANSFORMATION

Drondin Alexander Leonidovich, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Saytbagina Lydiya Alexandrovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Moscow University "Synergy", Moscow

The article is devoted to one of the most prominent trends in today's higher education — its digital transformation. Its relevance is confirmed by the fact that numerous publications on this topic by various experts express rather contradictory opinions about which aspects of higher education benefit from this phenomenon, and what is lost in terms of the quality of education. Therefore, the purpose of this article is to explore the main factors affecting the quality of domestic higher education in the context of its digital transformation. The methodology is based on the principles of the theory of educational quality and the theory of digital transformation. According to the authors, it is necessary to draw a clear distinction between the concepts of "digitalization" and "digital transformation." The positive consequences of introducing digital tools into the educational process are confirmed, primarily in terms of providing individual learning paths. At the same time, the authors address the issue of maintaining students' motivation to acquire the necessary competencies in the modern labor market in the context of distance learning. The author's recommendations are aimed at finding the optimal proportion of offline and online formats for educational activities, as well as the controlled and balanced use of artificial intelligence, and the optimal combination of digital and traditional tools for the educational process. The author proposes a systematic update of the activities related to the quality control of higher education, which involves shifting the focus from quantitative indicators of higher education quality to qualitative indicators. The author's recommendations are intended for both university management and faculty members, as well as government agencies responsible for managing higher education.

Keywords: *higher education; quality of education; digital transformation; digitalization; artificial intelligence; employers; labor market.*

EDN: VCKQNN ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.52***

Цитировать: *Дрондин А.Л., Сайтбагина Л.А. Актуальные аспекты качества российского высшего образования в свете его цифровой трансформации // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 375-380. EDN: VCKQNN. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.52*

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КАЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ ЕГО ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

УДК 378

5.8.1

© Дрондин А.Л., Сайтбагина Л.А., 2026

Статья посвящена одному из наиболее заметных трендов в сегодняшнем высшем образовании — его цифровой трансформации. Ее актуальность подтверждается тем, что в многочисленных публикациях на эту тему различными специалистами высказываются довольно противоречивые мнения о том, в каких аспектах в рамках данного явления высшая школа выигрывает, а что, в разрезе качества образования, теряется. Вытекающей отсюда целью статьи является исследование основных факторов, влияющих на качество отечественного высшего образования в условиях его цифровой трансформации. Методология основана на принципах теории качества образования и теории цифровой трансформации. По мнению авторов, необходимо проводить четкую границу между понятиями «цифровизация» и «цифровая трансформация». Подтверждаются положительные последствия внедрения цифровых инструментов в образовательный процесс, прежде всего, с точки зрения реального обеспечения индивидуальных траекторий обучения. Одновременно авторы обращаются к проблеме сохранения в условиях дистанционного формата обучения мотивации студентов к приобретению необходимых компетенций, востребованных на современном рынке труда. Авторские рекомендации направлены на поиск оптимальной пропорции офлайн и онлайн форматов учебных занятий, дозированное и взвешенное использование искусственного интеллекта, поиск оптимального сочетания цифровых и традиционных инструментов образовательного процесса. Предлагается планомерная актуализация

ДРОНДИН Александр Леонидович, *кандидат педагогических наук, доцент*

SPIN-код: 1910-6870

ORCID: 0000-0001-7272-5615

САЙТБАГИНА Лидия Александровна, *кандидат педагогических наук, доцент*

SPIN-код: 4321-3506

ORCID: 0009-0009-0460-5924

Московский университет «Синергия», Москва

деятельности по контролю качества высшего образования, опирающаяся на смещение акцента с количественных индикаторов качества высшего образования на качественные показатели. Адресатом авторских рекомендаций являются как менеджмент вузов и профессорско-преподавательский состав, так и государственные органы, управляющие высшим образованием.

Ключевые слова: *высшее образование; качество образования; цифровая трансформация; цифровизация; искусственный интеллект; работодатели; рынок труда.*

Введение

Являясь одним из важнейших факторов социально-экономического развития, образование реагирует, хотя иногда с некоторой задержкой, на глобальные тренды современного общества, в частности на реалии цифровой трансформации. Очевидным катализатором активного внедрения цифровых инструментов отечественной высшей школы стала пандемия COVID 19, зафиксировавшая возможность минимальных потерь для качества высшего образования в кризисное время исключительно при опоре на цифровые инструменты. Не менее очевидной стала необходимость аккуратного и взвешенного подхода к цифровой трансформации высшей школы, поскольку забвение традиционных ценностей отечественного образования не является адекватной ценой за повсеместное и неограниченное использование цифровых возможностей. Необходимость выстраивания разумного баланса между цифровой трансформацией высшего образования и позитивными наработками традиционной российской высшей школы обусловливает актуальность данной публикации.

Цель статьи — исследование основных факторов, влияющих на качество отечественного высшего образования в условиях его цифровой трансформации. В рамках достижения цели решены следующие задачи: 1) уточнено понятие цифровой трансформации высшей школы; 2) представлен анализ последствий внедрения цифровых инструментов в организацию и проведение учебного процесса в вузах с точки зрения качества образования; 3) разработаны рекомендации по гармоничному сосуществованию возможностей цифровой трансформации и традиционных ценностей отечественной высшей школы.

Будучи одним из наиболее заметных и очевидно влияющих на качество высшего образования современных трендов, цифровая трансформация высшей школы находится в центре внимания многих специалистов. Представители академического сообщества обращают внимание как на позитивное влияние данного тренда на качество образования, так и на возникающие проблемы, являющиеся новыми для вузов [5; 9; 14]. Исследуются такие аспекты, как отношение к использованию цифровых инструментов со стороны профессорско-преподавательского состава [3], а также со стороны студентов [11]. Вызывает интерес вопрос изменения требований к компетенциям обучающихся в условиях цифровой трансформации высшей школы и взаимосвязи данных изменений с требованиями современного рынка труда [13]. Звучащие в данных и других исследованиях, проводимых представителями академического сообщества, разнообразные и порой взаимоисключающие мнения о широком спектре направлений влияния цифровой трансформации высшего образования на его качество говорят о том, что проблема изучена недостаточно и обусловливают целесообразность дальнейшей разработки данной темы.

Научная новизна исследования состоит в авторской оценке положительных и отрицательных сдвигов в качестве высшей школы в условиях ее цифровой трансформации, а также поиске путей выстраивания гармоничной системы высшего образования, опирающиеся на ее традиционные ценности.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации и уточнении направлений влияния цифровой трансформации высшей школы на ее качество. Практическая значимость статьи заключается в выработке рекомендаций по получению максимального положительного эффекта и демпфированию негативного влияния цифровой трансформации высшего образования на его качество.

Гипотеза данного исследования: совершенствованию качества высшего образования в условиях цифровой трансформации может способствовать только взвешенное и продуманное внедрение цифровых инструментов в образовательный процесс, сопровождающееся постоянным анализом эффективности управления высшей школой.

Методология, которая использована для достижения цели исследования, приведенной выше, основана на принципах теории качества образования и теории цифровой трансформации.

В рамках первого этапа исследования произведен систематизированный обзор научных публикаций, посвященных качеству современного высшего образования. Акцент делался на работы, которые выявляют проблемы, возникающие на пути получения необходимых результатов обучения в высшей школе. Настоящее исследование предполагает понимание качества результатов обучения как высокой конкурентоспособности на рынке труда и соответствуют требованиям работодателей [12]. В данном контексте представляется актуальной описанная рядом авторов концепция «предпринимательского университета», главным вектором деятельности которого является активное взаимодействие с реальным сектором экономки [18]. К озвученному действующей нормативной базой в сфере управления отечественной высшей школой пониманию результатов образовательной деятельности как степени соответствия характеристикам, зафиксированным федеральными образовательными стандартами (ФГОС), авторы считают не менее важным добавить их соответствие запросам профессионального сообщества.

В рамках второго этапа исследования обобщен практический опыт анализа качества высшего образования в условиях цифровой трансформации. Эмпирическая база исследования получена в ходе реализации проектов по независимой оценке качества основных профессиональных образовательных программ под эгидой Агентства по контролю качества образования и развитию карьеры (АККОРК) и Агентства по профессионально-общественной аккредитации и независимой оценке квалификаций (Профаккредагентство) в таких вузах, как Московский государственный технологический университет «Станкин», Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Государственный университет "Дубна" и др.

Заключительный этап исследования базировался на комплексном применении теоретических и эмпирических методов, что дало возможность проанализировать проблемы качества российского высшего образования в условиях цифровой трансформации и предложить рекомендации по решению выявленных проблем.

Результаты и их обсуждение

Войдя в научный обиход в 1990-е гг., понятие «цифровая экономика» в настоящее время занимает важное место в социально-экономической сфере. Сегодняшний рынок труда предъявляет возросшие требования к цифровым компетенциям работников, поскольку современные предприятия, старающиеся быть на гребне научно-технического прогресса, перешли от таких количественных факторов, как оцифровка производственных процессов и массовой компьютеризации, к факторам качественным, например, работа с большими базами данных, искусственный интеллект, блокчейн. Все это обусловливает необходимость внедрения к образование новых тенденций [2].

Активный приход в современную высшую школу информационно-коммуникационных технологий обусловливает необходимость взвешенного анализа данного явления, причем начиная с внесением определенности в терминологию. Даже поверхностный взгляд на публикации по данной тематике зафиксирует нередкое «жонглирование» такими понятиями, как «цифровизация» и «цифровая трансформация». Присоединимся к тем авторам, которые разграничивают данные понятия, интерпретируя цифровую трансформацию как результат цифровизации [8], выражающийся в повышении эффективности всех внутриорганизационных процессов [4].

Логично ожидать позитивных последствий от прихода цифровой трансформации в высшую школу, и они действительно есть.

Цифровые библиотеки, мегакампусы и другие инструменты, открывающие студентам свободный доступ к необходимым для обучения информационным ресурсам, безусловно обогащают учебный процесс. Не секрет, что сегодня большинство студентов совмещают обучение с трудовой деятельностью, поэтому весьма актуальным является расширение возможностей выстраивания индивидуальных траекторий обучения при активном стимулировании навыков цифровой грамотности и самостоятельной работы [7]. Неслучайным является тот факт, что, если студентам предоставляется право выбора формата обучения: онлайн или офлайн, большинство обучающихся предпочитают онлайн. Очевидным плюсом с точки зрения организации учебного процесса является постоянно расширяющиеся сферы использования электронно-информационной образовательной среды. Можно также обратить внимание на снижение нагрузки на аудиторный фонд, экономию студентов и преподавателей на транспортных расходах и т.д. и т.п. При этом непредвзятый взгляд на реалии внедрения инструментов цифровой трансформации в образовательный процесс выявляет и серьезные проблемы, прежде всего сквозь призму подходов к качеству образования, озвученных выше.

Представляется актуальной оценка образованности как вектора личностных изменений, а не с помощью квалиметрических показателей эффективности [6]. Образную интерпретацию неточности поверхностного анализа результатов цифровой трансформации высшей школы можно найти в таком сравнении: правильное цифровое преобразование — это превращение гусеницы в бабочку, а неправильное — это просто быстрая гусеница [16]. Необходимо учитывать не только и не столько масштабы изменений в результате цифровой трансформации, сколько эффективность и результативность прихода цифровых технологий в высшее образование [17].

Зададимся вопросом: не снижает ли дистанционный формат обучения мотивацию к приобретению студентами тех самых компетенций, которые делают их более конкурентоспособными на рынке труда? Отвечая на этот вопрос, «вынесем за скобки» готовность к цифровой трансформации педагогического состава вуза. Понятно, что, например, при ведении вебинаров, высокую готовность к использованию всех возможностей цифровых платформ, начиная с самых простых: интерактивной онлайн-доски, голосования слушателей и др., демонстрируют далеко не все преподаватели, особенно возрастные. Если предположить, что руководство вуза решило эту проблему, то решение ее без ущерба для качества образования сегодня представляется маловероятным.

К сожалению, приходится констатировать стремление достаточно большого процента сегодняшних студентов к минимизации интеллектуальных затрат на освоение учебного материала с максимизацией привлечения искусственного интеллекта и других цифровых инструментов для получения положительной оценки в рамках контроля успеваемости, остаточных знаний и других оценочных мероприятий.

Разумеется, активное внедрение прокторинга и других инструментов обеспечения академической честности и отсутствия плагиата в условиях цифровой трансформации дают определенный эффект. Если не полное решение упомянутых проблем, то определенное их смягчение видится в выстраивании разумного баланса между использованием возможностей цифровой трансформации и традиционными методиками обучения, предусматривающими личностное общение преподавателей и обучающихся, а также обучающихся друг с другом. Оптимальным представляется использование смешанного обучения, в рамках которого цифровые ресурсы сочетаются с офлайн-обучением. Интересным развитием данной методики является гибридное обучение, предполагающее синхронное общение преподавателя и со студентами, присутствующими в аудитории, и со студентами, подключенными онлайн [1].

Немаловажным аспектом сохранения качества высшего образования в условиях цифровой трансформации является грамотная организация оценки данного качества. Имеется в виду не только оценка качества вузовского образования со стороны государства (Рособрнадзора), но и выстраивание внутренней системы оценки качества образования, которая с 2021 года на основании соответствующего Приказа Минобрнауки России входит в число аккредитационных показателей по

образовательным программам высшего образования [15]. Думается, что в рамках обеих систем оценки качества образования целесообразно анализ степени соответствия высшей школы требованиям ФГОС дополнить активным диалогом со всеми интересантами высшего образования: работодателями, студентами, преподавателями, выпускниками. Не хотелось бы с выходом нашей страны из Болонского процесса терять наработки по независимой оценке качества основных профессиональных образовательных программ [10]. Также необходимо избегать чрезмерного увлечения в рамках внутренней системы оценки качества образования использованием искусственного интеллекта для оценки качества вебинаров. Несмотря на то, что искусственный интеллект сможет зафиксировать наличие в презентации преподавателя нужного числа ссылок на QR-коды и т.п, но это будет опять же сведением оценки качества образования к квалиметрическим показателям, о чем уже говорилось выше.

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о широком спектре положительных последствий цифровой трансформации высшей школы, прежде всего в обеспечении реальных возможностей для индивидуальных траекторий обучения. В то же время необходимо сместить акцент с количественных индикаторов качества образования в условиях цифровой трансформации на качественные показатели. Представляется целесообразным поиск оптимального сочетания цифровых и традиционных инструментов образовательного процесса, в частности активное использование смешанного и гибридного обучения. Необходимо обеспечить при использовании онлайн-формата академическую честность и отсутствие плагиата. Важным аспектом достижения высокого качества высшей школы в условиях цифровой трансформации является грамотная организация внутренней системы оценки качества образования с активным привлечением независимых экспертов.

Литература:

1. Ананин Д.П., Стрикун Н.Г. Гибридное обучение в структуре высшего образования: между онлайн и офлайн // Преподаватель XXI век. — 2022. — №4-1. — С. 60-74.
2. Белоусова Т.П. Цифровая трансформация высшего образования в России // Педагогический журнал. — 2023. — Т. 13, №2-3-1. — С. 303-309.
3. Бурганова Л.А., Юрьева О.В. Отношение вузовских преподавателей к использованию цифровых технологий: социологический анализ // Вестник экономики, права и социологии. — 2020. — №1. — С. 105–108.
4. Гарифуллина Э.В., Красина И.В. и др. Этапы цифровой трансформации университета // Управление устойчивым развитием. — 2022. — №1(38). — С. 67-72.
5. Дивина Т.В., Маймина Э.В. Возможности и перспективы использования цифровой трансформации в образовании // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. — 2020. — №5(25). — С. 38–48.
6. Забнева Э.И. Социокультурная трансформация современного отечественного образования // Общество: философия, история, культура. — 2024. — №1(117). — С. 15-19.
7. Каминский А.В. Совершенствование форм и методов образовательного процесса в условиях цифровизации высшего образования // Современный ученый. — 2025. — №3. — С. 361-367.
8. Колесникова А.Ю., Едынак И.В. Цифровизация и цифровая трансоформация высшего образования: этапы и технологические особенности // Информатизация образования и науки. — 2025. — №3(67). — С. 6-13.
9. Кузьмин Н.Н., Глазунова И.Н., Чистякова Н.А. Внедрение искусственного интеллекта в образование: плюсы и минусы // Управление образованием: теория и практика. — 2024. — №3-1. — С. 130-138.
10. Ногина А.А. Качество высшего образования: ключевые направления // Педагогика современности. — 2025. — №2-2 (32). — С. 22-23.
11. Прохорова М.П., Минеева О.А., Благодинова В.В. Изучение отношения обучающихся вуза к цифровизации образования // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — Т. 8, №2. — С. 1-9.
12. Рубин Ю.Б. Конкуренция в российском образовании: теория и противоречивые реалии // Университетское управление: практика и анализ. — 2017. — Т. 21, №5(111). — С. 17-30.
13. Румянцева А.Ю., Тарутько О.А. Анализ влияния пандемии на образовательную экосистему // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2022. — №4(68). — С. 188–196.
14. Сырцов Д.Н., Мирзаева Ф.Б. Цифровая трансформация в сфере образования: вопросы терминологии и управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2024. — №1. — С. 76–83.
15. Тишкина К.О. Роль студента в обеспечении качества высшего образования: анализ результатов исследований // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2025. — Т. 1, №3(106). — С. 43-55.
16. Усамов И.Р. Цифровая трансформация: проблемы и перспективы // Вестник ГГНТУ. Гумани-

тарные и социально-экономические науки. — 2019. — Т. 15, №3(17). — С. 80-86.
17. Шматко А.Д., Волкова А.А. Цифровая трансформация образования: тренды и перспективы развития // Общество: социология, психология, педагогика. — 2025. — №6(134). — С. 139-147.
18. Юревич М.А. Глобальная трансформация высшего образования: от традиционного к предпринимательскому университету // Journal of Applied Economic Research. — 2021. — Т. 20, №3. — С. 560-581.

Developing listening skills through authentic audio materials: from theory to practice

Lopez Rosalba, *Postgraduate student*

Talybina Elena Valentinovna, *PhD of Philological sciences, Associate Professor*

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

Perceiving spoken language remains one of the most difficult aspects of learning a foreign language, which is confirmed by numerous studies noting the insufficient study of this skill compared to other types of speech activities. Foreign students learning Russian experience significant difficulties when transitioning from adapted educational recordings to authentic speech by native speakers, which is due to differences in pace, the presence of colloquial constructions and sociocultural realities. Podcasts, as a form of authentic audio material, provide an opportunity to simulate a natural language environment and develop listening skills in conditions close to real communication. The purpose of the study is to develop methodological recommendations for using podcasts to develop listening skills in foreign students learning Russian. The work employs an integrated approach based on Vandergrift and Goh's concepts of metacognitive listening instruction, Widdowson's theory of authenticity in foreign language teaching, and psycholinguistic theory of speech perception. The article presents an analysis of the psycholinguistic features of authentic sound perception, systematizes the criteria for selecting podcasts for teaching Russian as a foreign language at different levels of language proficiency, describes a three-stage model for working with authentic audio materials, and presents the results of an empirical survey of 47 foreign students at RUDN University on their perception of podcasts and difficulties when working with authentic materials. The scientific novelty lies in the systematization of podcast selection criteria and the development of a model for their methodological use in the Russian as a foreign language course, taking into account the psycholinguistic features of authentic sound perception. The results showed that 68% of students regularly use podcasts for independent work, with 78% noting improved comprehension of Russian speech when practicing systematically. The materials in the article can be used by teachers of Russian as a foreign language to develop curricula and create exercises for developing listening skills.

Keywords: *listening; podcasts; authentic materials; Russian as a foreign language; methods of teaching Russian as a foreign language; metacognitive strategies; listening competence; psycholinguistic features.*

EDN: VMEEVQ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.53***

Цитировать: *Лопец Р., Талыбина Е.В. Развитие навыков аудирования через аутентичные аудиоматериалы: от теории к практике // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 381-390. EDN: VMEEVQ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.53*

Развитие навыков аудирования через аутентичные аудиоматериалы: от теории к практике

УДК 372.881.161.1
5.8.2

© Лопец Р., Талыбина Е.В., 2026

Восприятие звучащей речи остается одним из наиболее сложных аспектов овладения иностранным языком, что подтверждается многочисленными исследованиями, отмечающими недостаточную изученность данного навыка по сравнению с другими видами речевой деятельности. Иностранные студенты, изучающие русский язык, испытывают значительные затруднения при переходе от учебных адаптированных записей к аутентичной речи носителей, что обусловлено разницей в темпе, наличием разговорных конструкций и социокультурных реалий. Подкасты как форма аутентичного аудиоматериала предоставляют возможность моделировать естественную языковую среду и развивать аудитивные навыки в условиях, приближенных к реальной коммуникации. Цель исследования заключается в разработке методических рекомендаций по использованию подкастов для развития навыков аудирования у иностранных студентов, изучающих русский язык. В работе применяется комплексный подход, основанный на концепциях метакогнитивного обучения аудированию Вандергрифта и Го, теории аутентичности в обучении иностранным языкам Уиддоусона, а также психолингвистической теории восприятия речи. Статья представляет анализ психолингвистических особенностей восприятия аутентичного звучания, систематизирует критерии отбора подкастов для обучения

ЛОПЕЦ Розальба,
аспирант

ТАЛЫБИНА Елена Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва

русскому языку как иностранному на различных уровнях владения языком, описывает трехэтапную модель работы с аутентичными аудиоматериалами и содержит результаты эмпирического опроса 47 иностранных студентов РУДН об их восприятии подкастов и трудностях при работе с аутентичными материалами. Научная новизна заключается в систематизации критериев отбора подкастов и разработке модели их методического использования в курсе РКИ с учетом психолингвистических особенностей восприятия аутентичного звучания. Результаты показали, что 68% студентов регулярно используют подкасты для самостоятельной работы, при этом 78% отмечают улучшение понимания русской речи на слух при систематической практике. Материалы статьи могут быть использованы преподавателями русского языка как иностранного для разработки учебных программ и создания упражнений по развитию аудитивной компетенции.

Ключевые слова: *аудирование; подкасты; аутентичные материалы; русский язык как иностранный; методика преподавания РКИ; метакогнитивные стратегии; аудитивная компетенция; психолингвистические особенности.*

Введение

Аудирование занимает около 45% времени речевого общения, что подтверждается также исследованиями зарубежных методистов [11, с. 175]. Несмотря на столь значительную долю этого вида речевой деятельности в процессе коммуникации, исследователи отмечают парадоксальную ситуацию: восприятие звучащей речи остается наименее изученным и понятым навыком в области преподавания иностранных языков [28, с. 191]. Долгое время методика преподавания русского языка как иностранному уделяла аудированию меньше внимания по сравнению с чтением или грамматикой [2, с. 144].

Разрыв между учебными адаптированными текстами и реальной речью носителей языка создает барьер для иностранных студентов: привыкнув к замедленной речи преподавателя или дикторов учебных записей, они испытывают трудности при восприятии естественного темпа, разговорных конструкций, фоновых шумов и акцентов в реальных коммуникативных ситуациях [7, с. 14]. Данная проблема особенно актуализируется в контексте современной методической парадигмы, которая подчеркивает необходимость формировать у учащихся способность «научиться слушать», чтобы впоследствии они могли эффективно «слушать, чтобы учиться» [28, с. 192].

Появление цифровых технологий и широкое распространение подкастов открыли новые возможности для обучения аудированию. Подкасты стали мейнстримом в изучении иностранных языков лишь в последнее десятилетие [11, с. 125], что определяет актуальность данного исследования. За период 2015-2025 гг. количество русскоязычных подкастов для изучающих язык значительно возросло: появились специализированные учебные проекты (Russian with Max, Slow Russian, Russian Podcast Татьяны Климовой [26]), преподаватели начали активно интегрировать подкасты в учебный процесс [3, с. 251; 6, с. 92].

Исследования убедительно демонстрируют, что использование аутентичных материалов приводит к существенному повышению мотивации обучающихся: поведенческая активность и наблюдаемая мотивация студентов значительно возрастают при работе с неадаптированными материалами [23, с. 144]. Научная новизна заключается в систематизации критериев отбора подкастов и разработке модели их методического использования в курсе РКИ с учетом психолингвистических особенностей восприятия аутентичного звучания.

Целью статьи является разработка методических рекомендаций по использованию подкастов для развития навыков аудирования у иностранных студентов, изучающих русский язык. Исследование решает следу-

ющие задачи: анализ психолингвистических особенностей восприятия аутентичного звучания иностранными учащимися; определение критериев отбора подкастов для учебных целей; описание поэтапной методики работы с аудиоматериалами; сравнение различных аудиоформатов; представление результатов эмпирического исследования восприятия подкастов студентами.

Психолингвистические основы восприятия аутентичного звучания

Аудирование представляет собой сложный психолингвистический процесс одновременного восприятия и понимания звучащей речи [4, с. 1014]. Иностранный учащийся должен не только распознавать отдельные звуки и слова, но и удерживать в памяти начало высказывания, анализируя его конец, извлекать смысл из потока связной речи без возможности остановить говорящего или вернуться к непонятому фрагменту [5, с. 228].

Концепция аутентичности в обучении иностранным языкам требует тщательного осмысления. Как справедливо отмечают исследователи, подлинная аутентичность заключается не столько в самом материале, сколько в характере взаимодействия между слушателем и текстом [14, с. 100]. В то же время существует понимание того, что язык не может быть полностью аутентичным в учебной аудитории, поскольку классная комната не способна обеспечить те контекстуальные условия, которые позволили бы учащимся аутентифицировать язык в полной мере [29, с. 705].

Аутентичный аудиотекст характеризуется естественной скоростью речи (в среднем 180-200 слов в минуту для русского языка), нелимитированным словарным составом, наличием разговорных элементов, различными акцентами дикторов, возможными фоновыми шумами — всем тем, что отсутствует или намеренно сглажено в учебных записях [15, с. 100].

Трудности аудирования для иностранных студентов связаны с несколькими факторами. Лингвистические барьеры возникают при необходимости воспринимать незнакомую лексику и грамматические конструкции, распознавать слова в потоке связной речи, где границы между словами нечетки из-за фонетических явлений редукции и ассимиляции [2, с. 146; 13, с. 980]. Акустические помехи, наложение голосов в диалогах, особенности дикции различных носителей языка создают дополнительные препятствия и требуют значительных когнитивных усилий [24, с. 206]. Социокультурный контекст требует знания реалий, прецедентных текстов, национального юмора для полного понимания [25, с. 240]. Психолингвистическая специфика аудирования заключается в том, что процесс происходит в реальном времени и требует высокой концентрации внимания [28, с. 195].

Учебно-адаптированные аудиоматериалы не полностью решают задачу формирования аудитивных умений на продвинутом этапе [26, с. 310]. Упрощенные тексты не содержат многих характеристик живой речи: спонтанных пауз, исправлений, вводных конструкций, разговорных маркеров [15, с. 101]. Уровни A1-A2 предполагают использование преимущественно адаптированных материалов из-за ограниченного языкового запаса учащихся, но начиная с уровня B1 необходимо постепенно вводить естественное звучание [8, с. 80]. Переход к аутентичному материалу должен быть плавным и методически обоснованным, с учетом готовности студентов к восприятию более сложной речи [20, с. 220].

Подкасты как инструмент развития аудитивной компетенции

Подкасты как образовательный инструмент способны обеспечить значительные преимущества для изучения языка [10, с. 123]. Регулярное прослушивание подкастов способствует развитию целого комплекса языковых навыков [17, с. 190]. Слуховое восприятие улучшается благодаря привыканию к различным акцентам, темпам и голосовым манерам.

Особую ценность представляет разнообразие голосов в подкастах: экспозиция к вариативности дикторов способствует формированию устойчивых навыков перцептивного обучения и улучшает способность категоризации речи незнакомых говорящих [22, с. 155]. Многообразие голосовых характеристик (мужские и женские, молодые и зрелые дикторы, носители из разных регионов России) помогает преодолеть эффект привыкания к голосу одного преподавателя [22, с. 160].

Словарный запас расширяется через встречу с новой лексикой и фразеологией в живых

диалогах и монологах, причем контекстуальное предъявление слов в естественных ситуациях способствует их более прочному усвоению по сравнению с изолированным заучиванием списков [29, с. 710]. Погружение в реальный язык с естественными интонациями, разговорными конструкциями, живым употреблением грамматики предоставляет возможность познакомиться с культурным контекстом, актуальными событиями, образом мышления носителей [10, с. 170]. Тематическое разнообразие подкастов позволяет студентам выбирать интересующие их сюжеты, поддерживая мотивацию к обучению [23, с. 148].

Произносительные навыки развиваются через метод «shadowing» (повторение услышанных фраз за диктором), помогая сделать речь изучающего более естественной по интонации и ритму [19, с. 15]. Грамматические модели усваиваются интуитивно через многократное восприятие в естественных ситуациях, что дополняет эксплицитное обучение и способствует автоматизации навыков [25, с. 242].

Психологический аспект использования подкастов связан с повышением мотивации и автономности обучающихся [6, с. 22]. Исследования демонстрируют успешные кейсы поощрения автономного прослушивания подкастов вне класса для улучшения способности понимания речи на слух [16, с. 8]. Интересный и разнообразный контент увлекает студентов, поддерживает интерес к языку и приучает к самостоятельной работе вне класса. Удобство доступа позволяет слушать аудиоэпизоды в любое время и в любом месте (в дороге, на прогулке, во время занятий спортом), превращая время ожидания в языковую практику [11, с. 128].

Подкасты как источник аутентичной звучащей речи фактически становятся окном в русскоговорящий мир для студента, находящегося за пределами России или имеющего ограниченные возможности общения с носителями языка [10, с. 171]. Развитие коммуникативной готовности — способности спонтанно реагировать и участвовать в беседе — происходит через привыкание к непоставленной речи, обучение извлечению смысла даже из неполных или быстрых высказываний [28, с. 198].

Критерии отбора подкастов для обучения РКИ

Разнообразие доступных русскоязычных подкастов чрезвычайно велико, однако отсутствуют единые стандарты контроля их языковой сложности и содержания [10, с. 169]. Преподавателю необходимо руководствоваться четкими критериями при выборе подкастов для учебных целей.

Соответствие уровню языковой подготовки учащихся является определяющим фактором. На начальных этапах (A1-A2) предпочтительны специально созданные учебные подкасты с замедленной речью, четкой дикцией и ограниченным лексиконом, часто сопровождающиеся двуязычными комментариями [9, с. 168]. Студентов уровня B1 целесообразно знакомить с адаптированными подкастами для изучающих русский, а на уровнях B2-C2 возможно подключение аутентичных подкастов, рассчитанных на носителей языка [13, с. 148]. Практика показывает, что продвинутые студенты способны с интересом работать с неадаптированным материалом при условии методической поддержки [8, с. 82].

Тематика и содержательная ценность подкаста должны соответствовать интересам и потребностям учащихся, а также учебной программе курса. Желательно отбирать выпуски, отражающие актуальные реалии, культурные аспекты России, повседневную жизнь, что подкрепляет мотивацию и делает занятия практико-ориентированными. Типы содержания подкастов включают информационные выпуски (новости, наука, культура), разговорные форматы (беседы на бытовые темы, интервью), образовательные программы (объяснение языковых явлений, адаптированные истории). Каждый тип обладает своими преимуществами: новостные подкасты тренируют понимание официальной речи, беседы знакомят с разговорным стилем, повествовательные истории развивают восприятие длительного монолога.

Формат и жанр подкаста влияют на развиваемые навыки. Монологические подкасты (один ведущий рассказывает определенную тему) позволяют работать над пониманием связного высказывания одного говорящего, обогащают монологическую речь студентов. Диалогические и полилогические форматы (беседа двух и более человек) знакомят с

особенностями разговорной динамики, учат различать голоса, понимать реплики разных говорящих, реагировать на смену темпов и стилей речи. Формат может включать элементы радиопостановки, аудиоспектакля, документального повествования, что открывает возможности варьирования материалов для поддержания интереса.

Длительность и структура выпуска также учитываются при отборе. Для учебных целей рекомендуется подбирать подкасты средней длительности (10-15 минут), чтобы с ними можно было полноценно работать на одном занятии. Слишком длинные эпизоды целесообразно разбивать на части. Структурированность выпуска (наличие логичного повествования, разбивка на сегменты, рубрикация) облегчает восприятие.

Наличие вспомогательных материалов — транскрипта или словаря к подкасту — существенно помогает учащимся. Многие образовательные подкасты сопровождаются текстом и комментариями [3, с. 253; 9, с. 168]. Транскрипт можно давать после первичного прослушивания, чтобы не снижать тренирующий эффект аудирования без опоры.

Языковая норма и качество звучания требуют внимания преподавателя. Хотя большинство аутентичных подкастов создаются носителями языка, важно обращать внимание на четкость произношения, отсутствие серьезных дефектов звука, соответствие литературной норме (если задача не состоит специально в изучении просторечий). Отсутствие контроля за соблюдением норм языка в свободных интернет-подкастах отмечается исследователями как фактор риска [10, с. 170], поэтому преподавателю следует предварительно прослушивать материал, чтобы исключить нежелательные примеры или обсценную лексику.

Методика работы с подкастами на занятии

Поэтапная методика использования подкастов при обучении аудированию основывается на традиционной трехфазной модели (*pre-listening, while-listening, post-listening*) с адаптацией под специфику аутентичного материала [17, с. 192; 25, с. 238].

Предтекстовый этап направлен на снятие языковых и психологических трудностей, подготовку учащихся к восприятию [5, с. 229]. Преподаватель кратко вводит тему эпизода, активизирует имеющиеся знания через беседу со студентами о тематике подкаста, их предположения о содержании [16, с. 8]. Предварительная работа с лексикой включает отбор нескольких ключевых слов и выражений из подкаста, без которых понимание затруднено, и их объяснение с опорой на контекст, образы, жесты.

Если в аудио ожидаются сложные культурные реалии или имена собственные, они также поясняются на данном этапе [21, с. 120]. Прогнозирующий прием повышает вовлеченность: на основе названия или описания подкаста студенты предполагают, о чем пойдет речь, что мотивирует внимательно слушать и проверять свои гипотезы [17, с. 195].

Пример задания на предтекстовом этапе: перед прослушиванием подкаста о традициях русского чаепития преподаватель показывает фотографии самовара, бубликов, варенья и спрашивает: «Как вы думаете, о чем будет наш подкаст сегодня? Что вы уже знаете о русском чае? Пьют ли в вашей стране чай так же, как в России?». Затем вводится 5-7 ключевых слов: самовар, заварка, вприкуску, гостеприимство, чаепитие — с объяснением значений и примерами употребления.

Текстовый этап включает несколько фаз прослушивания [25, с. 241]. Первое прослушивание является ознакомительным, без опоры на текст, с установкой понять общую идею выпуска, основные факты или определить, затрагиваются ли определенные вопросы [5, с. 230]. После первого прослушивания проводится краткое обсуждение: что удалось понять, какие возникли трудности. Второе прослушивание происходит с более конкретным заданием (заполнить таблицу деталями, отметить верность определенных утверждений, ответить на вопросы на понимание содержания) [17, с. 196]. На данном этапе возможно прослушивание с частичной опорой: раздать лист с тезисным планом эпизода, в котором пропущены отдельные слова, которые студенты должны заполнить по ходу слушания [16, с. 12].

Важно отметить, что метакогнитивный подход к обучению аудированию предполагает развитие у учащихся способности контролировать свое мышление и регулировать собственное обучение [15, с. 5]. Третье прослу-

шивание (при необходимости) предназначено для проверки и закрепления понимания. Здесь допускается использование транскрипта: обучающиеся слушают подкаст повторно, одновременно сверяя расшифровку, что позволяет увидеть написание новых слов, уточнить непонятое ранее [3, с. 254]. Сочетание слухового восприятия с чтением при повторном прослушивании служит ценным подспорьем на этапе обучения [30, с. 38].

Пример заданий на текстовом этапе для того же подкаста о чаепитии: при первом прослушивании студенты отвечают на общий вопрос «Почему русские люди так любят чай?»; при втором прослушивании заполняют таблицу «Что пьют с чаем?» (варенье, мед, лимон, молоко и т.д.) и отмечают верные/неверные утверждения («Самовар — это старинное устройство для кипячения воды» — верно/неверно); при третьем прослушивании с транскриптом находят и выписывают 3 новых выражения о гостеприимстве.

Послетекстовый этап нацелен на проверку понимания, языковой анализ аудиотекста и развитие продуктивных навыков [25, с. 243]. Обсуждение вопросов по содержанию включает вопросы на понимание, выяснение интерпретации основных мыслей, стимулирование студентов высказать свое мнение о прослушанном [17, с. 198].

Разбор трудностей предполагает обсуждение фрагментов с непонятными местами: почему не расслышали слово (было ли оно новым или прозвучало неотчетливо), перевод и примеры употребления новых слов [5, с. 232]. Фонетические моменты заслуживают отдельного внимания: в речи дикторов встречаются характерные сокращения, стяжения (типа «чё» вместо «что»), примеры быстрой речи, которые проигрываются и имитируются студентами для прочувствования изменения звучания слов в беглой речи.

На данном этапе особенно важно работать над минимизацией ментального перевода, что является критически важным для становления более компетентного слушателя [15, с. 10]. Упражнения на основе подкаста включают пересказ или резюмирование услышанного, что проверяет понимание и включает говорение (студенты своими словами пересказывают содержание индивидуально, в малых группах или письменно) [16, с. 14]. Поощряется использование новых слов из эпизода в ходе пересказа.

Составление вопросов к содержанию подкаста студентами (по 2-3 вопроса каждым) с последующим взаимным опросом превращает аудирование в диалоговую практику [25, с. 244]. Творческие задания могут включать ролевую игру по мотивам эпизода (если интервью — разыграть продолжение беседы, если история — придумать окончание) [21, с. 122]. Домашняя работа предполагает написание короткого отзыва на выпуск или эссе по теме, что связывает аудирование с письмом и позволяет глубже осмыслить материал [17, с. 200].

Пример заданий на послетекстовом этапе: студенты в парах составляют диалог «Приглашение на чай» с использованием новых слов из подкаста; пишут короткое сравнение «Чайные традиции в России и в моей стране» (10-15 предложений); готовят презентацию на 2-3 минуты о традиционных напитках своей страны.

Специальные техники повышения результативности аудирования подкастов включают метод активного слушания, когда учащийся после прослушивания пересказывает текст или записывает новые слова в словарик [18, с. 755]. Метод «теневого» повторения (shadowing) предполагает, что студент повторяет за диктором фразы, стараясь скопировать интонацию и скорость, что можно практиковать во внеурочное время для улучшения восприятия и произношения одновременно [19, с. 20]. Вариативность заданий поддерживает интерес: работа с подкастом не должна ограничиваться только ответами на вопросы, можно включать задания на установление последовательности событий, заполнение пропусков, сопоставление услышанного с изображениями, превращая восприятие на слух в интерактивную деятельность [3, с. 255].

Эмпирическое исследование восприятия подкастов студентами

Для оценки восприятия подкастов студентами было проведено анкетирование иностранных учащихся Российского университета дружбы народов, изучающих русский язык на уровнях B1-B2 (n=47). Анкета включала вопросы о частоте прослушивания подкастов, предпочитаемых форматах, вос-

принимаемой пользе для языковых навыков и трудностях при работе с аутентичными материалами. Опрос проводился анонимно в онлайн-формате в феврале 2025 года.

Результаты показали, что 68% студентов (32 человека) регулярно слушают подкасты на русском языке вне занятий (не реже одного раза в неделю), 21% (10 человек) слушают эпизодически (несколько раз в месяц), 11% (5 человек) не используют подкасты для самостоятельной работы. Среди студентов, регулярно слушающих подкасты, 78% отметили улучшение понимания русской речи на слух, 65% — расширение словарного запаса, 53% — повышение уверенности в общении с носителями языка.

Наиболее популярными оказались учебные подкасты для изучающих русский язык: *Slow Russian* назвали 19 студентов (40%), *Russian with Max* — 15 студентов (32%), *Russian Podcast* Татьяны Климовой — 11 студентов (23%). Аутентичные подкасты для носителей языка (новостные, культурные) слушают 17% опрошенных, преимущественно студенты уровня B2.

Основные трудности при восприятии подкастов распределились следующим образом: высокая скорость речи затрудняет понимание для 72% респондентов, незнакомая лексика — для 68%, акценты и особенности произношения разных дикторов — для 47%, отсутствие визуальной опоры — для 32%, фоновые шумы и качество записи — для 19%. Студенты отметили, что транскрипты помогают преодолеть трудности (91% считают их полезными), но чрезмерная опора на текст снижает тренирующий эффект аудирования (с этим согласны 64% опрошенных).

На вопрос о предпочитаемом формате подкастов 57% выбрали диалоги и беседы (более живые и интересные), 43% — монологи (легче следить за одним голосом). Оптимальной длительностью эпизода 81% студентов назвали 10-15 минут, 17% — 15-20 минут, лишь 2% — готовы слушать выпуски длиннее 20 минут без перерыва. Тематические предпочтения показали интерес к бытовым темам и российской культуре (74%), новостям и актуальным событиям (43%), научно-популярным темам (38%), литературе и искусству (21%).

Студенты оценили влияние регулярного прослушивания подкастов на различные языковые навыки по пятибалльной шкале (где 5 — очень значительное влияние, 1 — отсутствие влияния). Средние оценки составили: понимание устной речи — 4,3; словарный запас — 4,1; знание разговорных выражений — 3,9; произношение — 3,4; грамматика — 2,8; уверенность в общении — 4,0.

Полученные данные подтверждают, что подкасты наиболее результативны для развития рецептивных навыков (аудирование, лексика) и социокультурной компетенции, в меньшей степени влияя на грамматическую корректность речи и произношение (которое требует дополнительной целенаправленной работы). Это согласуется с современными исследованиями, которые показывают, что эффективное использование стратегий аудирования отличает опытных слушателей и способствует улучшению результатов, уверенности и саморегуляции [15, с. 12].

Анализ корреляций показал, что студенты, слушающие подкасты регулярно (не реже одного раза в неделю), демонстрируют более высокие оценки понимания устной речи по сравнению с теми, кто слушает эпизодически или не слушает вовсе. Среди регулярно слушающих 84% оценили свой уровень понимания аутентичной речи как хороший или отличный, тогда как среди нерегулярных слушателей — лишь 40%. Факт регулярности практики оказывается важнее общего количества прослушанных часов: студенты, слушающие по 10-15 минут ежедневно, показывают лучшие результаты, чем те, кто слушает по несколько часов раз в неделю.

Практические рекомендации преподавателям

Успешная интеграция подкастов в учебный процесс требует методической подготовки и соблюдения ряда принципов. Постепенное увеличение сложности материала предполагает начало с учебных подкастов, где речь замедлена и четко артикулирована, переход к адаптированным материалам для изучающих русский и только на продвинутом этапе введение аутентичных подкастов для носителей. Резкий переход от учебных записей к настоящей речи носителей может демотивировать студентов из-за большого количества непонятого.

Обязательная предварительная работа с лексикой и социокультурным контекстом

требует от преподавателя прослушивания подкаста заранее, выделения 5-7 ключевых слов, без понимания которых общий смысл будет недоступен, и введения их перед прослушиванием. Объяснение реалий, имен, событий, упоминаемых в подкасте, снимает социокультурные барьеры. Создание лингвокультурологического комментария к подкасту может быть совместной деятельностью преподавателя и студентов с использованием словарей и интернет-ресурсов [8, с. 81].

Вариативность упражнений и заданий поддерживает интерес студентов. Однообразная работа с подкастами (только ответы на вопросы после прослушивания) быстро надоедает. Преподаватель может использовать разные типы заданий: заполнение таблиц, верификацию утверждений (правда/неправда), упорядочивание событий, множественный выбор, сопоставление аудио с изображениями, создание ментальных карт по содержанию, драматизацию диалогов из подкаста, написание альтернативных концовок к историям. Разнообразие задействует разные когнитивные процессы [21, с. 125].

Использование транскриптов требует разумного подхода. Транскрипт — ценный инструмент, но оптимальная последовательность такова: первое прослушивание без текста (тренировка аудирования), второе прослушивание с конкретными заданиями без текста (углубленное понимание), третье прослушивание с транскриптом (проверка и закрепление). Давать транскрипт перед первым прослушиванием нецелесообразно, так как студенты будут читать вместо того, чтобы слушать. После работы с транскриптом полезно провести четвертое прослушивание снова без текста, чтобы проверить, насколько улучшилось понимание.

Регулярность и системность работы определяют успех. Единичное включение подкаста в программу курса не даст значительного эффекта. Желательно выделять время на работу с подкастами еженедельно, создавая рубрику «Подкаст недели», когда каждое занятие начинается или заканчивается прослушиванием и обсуждением короткого эпизода (5-10 минут). Регулярная практика формирует навык и снижает тревожность студентов перед аутентичной речью [27, с. 8].

Учет индивидуальных интересов студентов повышает мотивацию. Преподаватель может предложить список из 5-7 подкастов различной тематики и позволить студентам выбрать те, которые им наиболее интересны для самостоятельного прослушивания. Автономность выбора создает атмосферу сообщества изучающих язык, где на занятиях студенты делятся впечатлениями о прослушанном, рекомендуют друг другу эпизоды.

Интеграция подкастов с другими видами речевой деятельности создает целостную коммуникативную деятельность вокруг одной темы. Аудирование не должно быть изолированным навыком. После прослушивания подкаста студенты могут писать короткие отзывы (развитие письма), обсуждать содержание в парах или группах (развитие говорения), читать дополнительные материалы по теме выпуска (развитие чтения).

Технологическая поддержка облегчает работу студентов. Преподавателю стоит ознакомить студентов с платформами для прослушивания подкастов (Apple Podcasts, Spotify, Яндекс.Музыка), показать, как подписываться на выпуски, регулировать скорость воспроизведения (некоторые плееры позволяют замедлить или ускорить аудио). Создание общего плейлиста рекомендованных подкастов для группы упрощает доступ студентов к материалам.

Формирование толерантности к неполному пониманию важно для психологического комфорта студентов. Преподаватель должен объяснить, что понимание 60-70 % содержания на начальном этапе работы с аутентичными материалами является нормой и достижением. Стремление понять каждое слово создает психологическое напряжение и не соответствует реальным ситуациям общения, где носители языка также не всегда понимают друг друга полностью. Задания на извлечение общего смысла (gist listening) должны предшествовать заданиям на понимание деталей.

Обратная связь и рефлексия после работы с подкастом включают вопросы студентам не только о содержании, но и об их ощущениях: что было легче/труднее понять, какие стратегии они использовали для преодоления непонимания, что помогло/мешало в восприятии. Осознание собственных стратегий аудирова-

ния (метакогнитивный подход) способствует более результативному обучению [17, с. 200].

Заключение

Развитие навыков аудирования через аутентичные аудиоматериалы, в частности через подкасты, представляет перспективное направление в методике преподавания русского языка как иностранному. Проведенный анализ подтверждает результативность подкастов для улучшения аудитивной компетенции: они позволяют преодолеть разрыв между учебной и реальной разговорной речью, повышают мотивацию учащихся, развивают не только умение понимать, но и сопутствующие навыки — произношение, говорение, знание реалий.

Эмпирическое исследование показало, что большинство иностранных студентов положительно воспринимают работу с подкастами и отмечают прогресс в понимании устной речи при регулярной практике. Основные трудности связаны с высокой скоростью речи и незнакомой лексикой, что требует методической поддержки со стороны преподавателя через предварительную работу с ключевыми словами, использование транскриптов на определенных этапах, постепенное увеличение сложности материала.

Методические рекомендации подчеркивают необходимость системного поэтапного подхода к работе с подкастами: тщательная подготовка студентов к восприятию, использование разнообразных упражнений до, во время и после прослушивания, сочетание аудирования с другими видами речевой деятельности, уделение внимания обратной связи и рефлексии. Простое включение подкастов без методической проработки не гарантирует успеха — требуется продуманная интеграция аутентичных материалов в учебную программу с учетом уровня студентов, их интересов и психолингвистических особенностей восприятия.

Литература:

1. Амлинская Ю.Р. Способы повышения мотивации студентов в рамках онлайн-обучения РКИ // Русский язык за рубежом. — 2020. — №5. — С. 19–26.

2. Гончар И.А., Федотова Н.Л. Виды фонетических упражнений и заданий для обучения аудированию иноязычного текста (в аспекте русского языка как иностранного) // Филологический класс. — 2019. — №4(58). — С. 144–152.

3. Гришкова Л.В. Использование подкастов на занятиях русского языка как иностранного (РКИ) // Проблемы современного образования. — 2025. — №1. — С. 251–257.

4. Дреер А.Г., Штадлер В. Аудирование на уроках РКИ глазами исследователей, учителей и учеников // Русское слово в многоязычном мире. — 2019. — С. 1013–1019.

5. Елухина Н.В. Основные трудности аудирования и пути их преодоления // Общая методика обучения иностранным языкам: хрестоматия / сост. А.А. Леонтьев. — М.: Русский язык, 1991. — С. 226–238.

6. Киреева И.А., Сороковых Н.В. Применение подкастов в обучении иностранному языку: социальный и гендерный аспекты // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2020. — №4(40). — С. 92–100.

7. Кочкина З.А. Аудирование: что это такое? // Иностранные языки в школе. — 2007. — №8. — С. 12–18.

8. Мирзоева Л.Ю. Аутентичные видеоматериалы как средство развития социокультурной компетенции студентов казахского отделения // Современные проблемы науки и образования. — 2016. — №4. — С. 78–84.

9. Трапезникова О.А. Использование подкастов в обучении русскому языку как инославянскому // Славистика. XXV/2. — Белград: Славистичко друштво Србије, 2021. — С. 168–177.

10. De la Peña I. A., Cassany D. Student Podcasting for Foreign Language Teaching-Learning at University // Journal of Technology and Science Education. — 2024. — Vol. 14, №1. — P. 123–141.

11. Feyten C.M. The power of listening ability: An overlooked dimension in language acquisition // The Modern Language Journal. — 1991. — Vol. 75, №2. — P. 173–180. DOI: 10.1111/j.1540-4781.1991.tb05346.x

12. Ghaderpanahi L. Using authentic aural materials to develop listening comprehension in the EFL classroom // English Language Teaching. — 2012. — Vol. 5. — №6. — P. 146–153. DOI: 10.5539/elt.v5n6p146

13. Gilakjani A.P., Ahmadi M.R. A study of factors affecting EFL learners' English listening comprehension and the strategies for improvement // Journal of Language Teaching and Research. — 2011. — Vol. 2, №5. — P. 977–988. DOI: 10.4304/jltr.2.5.977-988.

14. Gilmore A. Authentic materials and authenticity in foreign language learning // Language Teaching. — 2007. — Vol. 40, №2. — P. 97–118. DOI: 10.1017/S0261444807004144

15. Goh C.C.M., Vandergrift L. Teaching and Learning Second Language Listening: Metacognition in Action. — New York: Routledge, 2021. — 296 p.

16. Cross J. Promoting autonomous listening to podcasts: A case study // Language Teaching Research. — 2014. — Vol. 18, №1. — P. 8–32.

17. Graham S., Macaro E. Strategy instruction in listening for lower-intermediate learners of French //

Language Learning. — 2008. — Vol. 58, №4. — P. 747–783. DOI: 10.1111/j.1467-9922.2008.00478.x

18. Graham S., Santos D., Vanderplank R. Listening comprehension and strategy use: A longitudinal exploration // System. — 2008. — Vol. 36, №1. — P. 52–68.

19. Kadota S. Shadowing as a Practice in Second Language Acquisition: Connecting Inputs and Outputs. — London: Routledge, 2019. — 234 p.

20. Khalili Sabet M., Mahsefat H. The impact of authentic listening materials on elementary EFL learners' listening skills // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. — 2012. — Vol. 1, №4. — P. 216–229. DOI: 10.7575/ijalel.v.1n.4p.216

21. Molina P.X.R., Alfonso-Vargas J. Authentic Materials and Task Design: A Teaching Amalgam for Listening // Colombian Applied Linguistics Journal. — 2023. — Vol. 25, №1. — P. 118–131.

22. Nygaard L. C., Tzeng D. Speech perception and perceptual learning: The role of talker variability // The Handbook of Speech Perception / ed. by J. S. Pardo et al. 2nd ed. — Hoboken: Wiley-Blackwell, 2021. — P. 155–180.

23. Peacock M. The effect of authentic materials on the motivation of EFL learners // ELT Journal. — 1997. — Vol. 51, №2. — P. 144–156. DOI: 10.1093/elt/51.2.144

24. Peelle J.E. Listening effort: How the cognitive consequences of acoustic challenge are reflected in brain and behavior // Ear and hearing. — 2018. — Vol. 39, №2. — P. 204–214.

25. Richards J.C., Renandya W.A. (eds.). Methodology in language teaching: An anthology of current practice. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 422 p.

26. Rost M. Teaching and researching listening. 2nd ed. — Harlow: Pearson Education, 2011. — 328 p.

27. Savall Ceres J., Villafán Amezcua L. A. The podcast as an educational tool: faculty perceptions and challenges in two universities // Cogent Education. — 2025. — Vol. 12, №1. — P. 2536527.

28. Vandergrift L. Recent developments in second and foreign language listening comprehension research // Language Teaching. — 2007. — Vol. 40, №3. — P. 191–210. DOI: 10.1017/S0261444807004338

29. Widdowson H.G. Context, community, and authentic language // TESOL Quarterly. — 1998. — Vol. 32, №4. — P. 705–716. DOI: 10.2307/3588001

30. Yeldham M., Gruba P. Toward an instructional approach to developing interactive second language listening // Language Teaching Research. — 2014. — Vol. 18, №1. — P. 33–53. DOI: 10.1177/1362168813505395

Modern individually-focused technologies for training future music teachers in piano classes in China

Liu Zonghao, *Postgraduate student, Moscow State Pedagogical University, Moscow*

This article presents the results of a study of the use of individually oriented technologies in the training of future music teachers at Chinese universities. It examines the characteristic features of technology use in music education. The purpose of this study was to identify the most effective and significant technologies aimed at developing students' personal qualities and acquiring their performance and teaching skills. The novelty of the study lies in the presentation of suggestive technologies, the main purpose of which is to immerse students in the required emotional state and to master methods of influencing their personality as they master educational material. A case study of technologies that involve solving a specific real-life situation based on knowledge in the field of musical analysis, music history, and issues of musical interpretation. The practical focus of the use of interactive technologies is associated with the development of cognitive interest in students and their ability to adapt to new problems.

Keywords: *technology; individual orientation; students; interactivity; cases; informatization.*

EDN: VPBZGZ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.54***

Цитировать: *Лю Цзунхао. Современные индивидуально ориентированные технологии подготовки будущих учителей музыки в классе фортепиано в Китае // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 391-395. EDN: VPBZGZ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.54*

Современные индивидуально ориентированные технологии подготовки будущих учителей музыки в классе фортепиано в Китае

УДК 378
5.8.2

© Лю Цзунхао, 2026

В статье представлены результаты рассмотрения проблемы использования индивидуально ориентированных технологий в подготовке будущих учителей музыки в вузах Китая, рассматриваются характерные особенности использования технологий в музыкальном образовании; целью рассмотрения проблемы стало определение наиболее эффективных и значимых технологий, направленных на развитие личностных качеств студентов, приобретение ими исполнительских и педагогических навыков; новизна исследования заключается в представлении суггестивных технологий, основная задача которых в необходимости погружения обучаемых в необходимое эмоциональное состояние, освоение методов воздействия на личность в процессе освоения ими учебного материала; кейс технологий, предполагающих решение конкретной реальной ситуации на основе знаний в области анализа музыкальных произведения, истории музыки, вопросов интерпретации музыкальных сочинений; практическая направленность использования интерактивных технологий связана с развитием познавательного интереса у обучаемых, их способности к адаптации решения новых задач.

Ключевые слова: *технологии; индивидуальная ориентация; студенты; интерактивность; кейсы; информатизация.*

Лю Цзунхао, *аспирант, Московский педагогический государственный университет, Москва*

Введение

В современном этапе развития музыкального образования в Китае отмечаются тенденции использования индивидуально ориентированных технологий в фортепианной подготовке студентов, предусматривающих совершенствование процесса обучения на основе использования педагогических технологий, учитывающих исходный уровень знаний студентов, профессиональную направленность, что позволяет конкретизировать содержание фортепианной подготовки и выбора методики творческого развития будущих учителей музыки. Педагогические технологии, широко применяемые в музыкальной педагогике и, в частности в фортепианном обучении,

представляют собой, по мнению ученых: установки, определяющие специальный набор форм, методов, способов и приемов обучения в педагогическом процессе (Б.Т. Лихачёв [7]); технику реализации учебного процесса. (В.П. Беспалько [1]); достижение планируемых результатов (И.П. Волков [2]); совокупность и порядок всех средств, используемых для достижения педагогических целей (М.В. Кларин [5]); функционирование всех компонентов педагогического процесса, запрограммированных на реализацию намеченного результата (Г.К. Селевко [10]).

В исследованиях китайских ученых проблеме выбора наиболее эффективных и целесообразных методов и технологий уделяется большое внимание. Так, Янь Цзе рассматривает технологии в контексте педагогической профилизации фортепианного образования [17]; Чжан Хуа, считает необходимым достижение интеграции программного обеспечения и преподавания, которые будут способствовать повышению качества фортепианного образования [15]; Гао Донхуай и Пэй Лиянь [3] особое внимание уделяют возможностям онлайн-курсов для совершенствования подготовки обучаемых с использованием современных технологий.

Анализ литературы позволяет заключить, что технологии обеспечивают необходимую эффективность учебно-воспитательного процесса, необходимость передачи преподавателем не только знаний, умений и навыков, но и формирование творческой личности. Имея процессуальную сущность, педагогические технологии в музыкальном образовании позволяют систематизировать подготовку студентов в фортепианном классе, выдвигают на первый план методы, способствующие, в оптимально короткие сроки, сформировать необходимые навыки с ориентацией на самостоятельность и развитие потенциальных способностей будущих учителей музыки.

Результаты исследования и их обсуждение

Особенностью подготовки студентов в фортепианном классе, которым предстоит осуществлять свою деятельность в качестве учителя музыки, является необходимость овладения педагогическими технологиям, предполагающими понимание значимости передачи имеющегося опыта. Содержание фортепианного музыкального произведения и его освоение требуют особенных приемов и методов освоения, предполагающих погружение в необходимое эмоциональное состояние, что требует освоения *суггестивных технологий*, направленных на воздействие на обучаемых в процессе освоения ими учебного материала. Методы и приемы суггестивного воздействия на обучающихся, приобретают особую значимость при обучении в классе фортепиано, при этом, как считает Г.К. Селевко, необходимо: «использование всех возможностей человеческого мозга и органов чувств в процессе восприятия и усвоения информации; применение различных видов предъявления информации (аудио, видео, кодированного); восприятие информации всеми возможными каналами применение многообразия взаимодополняющих методов и форм концентрации учебной деятельности» [10, с. 114]. А.В. Торопова считает, что суггестивное воздействие заключается, как в интонационных свойствах музыки, так и психофизических аспектах индивидуального музыкального сознания [13, с. 151], так как суггестивный потенциал музыки, представляет эмоционально окрашенный опыт, который трактуется как человеческое познание. Следовательно, суггестивный потенциал музыки в формировании личности представляет уникальный способ актуализации опыта, получаемого обучаемыми на уроках фортепианного класса. Суггестивное воздействие на учеников обеспечивается созданием атмосферы творчества, профессиональным и ярким воспроизведением музыкального произведения в исполнении учителем или средствами воспроизведения (проигрыватель, компьютерная запись и т.д.), использованием игровых и интерактивных методов обучения (мозгового штурма, кейсов и т.д.).

Метод мозгового штурма (от англ. *brainstorm*) в практике преподавания музыки предполагает поиск решения исполнительских задач, связанных с анализом услышанного музыкального материала. Идея создания данной техники мозгового штурма принадлежит американскому психологу Алексу Осборну, практика которого была опубликована в 1942 году в книге How to «Think Up» («Как придумывать»). Особенностями использования

мозгового штурма, как интерактивных технологий на уроках музыки становится активизация обучаемых. Так, Е.Д. Критская [6], при использовании мозгового штурма рекомендует использовать поэтапность, включающую: знакомство с новым музыкальным материалом при помощи вопросов, ориентирующих на стиль и характер сочинения; план подготовки логического рассказа об изучаемом произведении. При мозговом штурме значимым представляется: осмысление основных теоретических понятий, умение их объяснить на доходчивом уровне; диалогически обосновать особенности интерпретации исполняемого сочинения; освоение стиля и метода творческого общения.

Реализация мозгового штурма возможна при осуществлении творческого сотрудничества, которое определяют, как «систему методов и приёмов воспитания и обучения, основанных на принципах гуманизма и творческого подхода к развитию личности» [16, с. 148]. Особенно актуальной данная проблема представляется в классе фортепиано в китайских вузах [4; 8]. Авторы убеждены, что формирование созидательной личности, способной реализовать свой творческий потенциал, возможно на основе творческого сотрудничества педагога и студентов в классе фортепиано, направленного на понимании специфики музыкально-исполнительской деятельности, ориентированной на сформулированные мотивы, ценностные ориентации, способы сотрудничества. Творческий процесс в фортепианном классе сводится не только к техническому совершенствованию, но, также, к единству эмоций в результате восприятия и исполнения музыкального произведения, включающего интонационные нюансы, агогику, способы звукоизвлечения.

Значимыми в осмыслении многозначности и многослойность художественных образов, в достижении навыков педагогического сотрудничества, становится технология *использования кейсов*, представляющих собой метод решения проблем в процессе приобретения педагогических навыков у будущих учителей музыки, формирование навыков анализа и выбора лучшего варианта решения проблемы. Кейс в системе музыкального образования предполагает необходимость решения конкретной реальной ситуации на основе знаний в области анализа музыкальных произведения, истории музыки, вопросов интерпретации музыкальных сочинений. Целью использования кейсов в подготовке студентов в фортепианном классе является направленность на создание такой ситуации, которая предполагает практическое ее решение в сфере педагогики и исполнительства с оценкой эффективности предложенных методов. Сравнивая интерактивную технологию кейсов с ранее известными методами обучения, следует отметить активное развитие познавательного интереса у обучаемых. Как правило, кейс-технологии в фортепианной педагогике имеют свои особенности: предлагаемые кейсы должны быть доступны для понимания студентами; иметь четко практическую направленность на педагогическую и исполнительскую деятельность, быть адаптированным и к задачам, решаемым студентами. Использование кейс-технологий предлагается описанием возможного решения проблемы: преподаватель постепенно направляет внимание обучаемых на достижение необходимо и цели [9, с. 35].

При использовании кейсов важно активизировать участие студентов в поиске решения педагогических задач фортепианного обучения с учетом индивидуальных особенностей обучаемых, их склонностей. Были использованы три группы кейсов, имеющих следующую целевую направленность:

1. Кейсы, ориентированные на формирование первоначальных навыков обучения в классе фортепиано детей дошкольного и школьного возраста. Студентам было предложено при знакомстве с начинающими пианистами ответить на ряд вопросов, связанных в начальными практическими действиями при индивидуальном занятием в классе фортепиано:

— определить возрастные особенности детей и их склонность к урокам фортепиано на игровой основе;

— определить степень любознательности и познавательной активности; умение детей отвечать на такие вопросы, как: какая это мелодия — грустная или веселая? Под эту музыку можно маршировать?

— способность детей к запоминанию мелодии, ритма, фактора, диапазона и т.д.;

— восприимчивость к заданиям, которые предлагаются на уроке (положение рук на клавиатуре, изучение расположения нот, длительностей и т.д.);

— эмоциональная восприимчивость, особенности формирования музыкально-эстетических представлений на начальном этапе обучения.

2. Кейсы, связанные с осмыслением жанрового и стилевого содержания рассматриваемого репертуара для начинающих пианистов, который учитывает возрастную категорию обучаемых. При этом необходимо ответить на ряд вопросов, связанных с начальным этапом обучения пианистов:

— какие произведения, имеющие ярковыраженный жанровый характер, представляют наибольший интерес для обучаемых?

— какие произведения программного характера наиболее эффективны для обучения на начальном этапе (образы природы, особенности изображения животных и т.д.);

— определение произведений по жанровой принадлежности (марш, песня, танец).

3. Кейсы, ориентированные на выбор методики работы с детьми, учитывающие педагогическое содержание процесса обучения детей в соответствии с педагогическими и воспитательными задачами:

— методики решения художественно-эстетических задач обучения (скованность, зажатость, стеснительность, не развитая речь и т.д.);

— знание методик, направленных на совершенствование навыков поиска необходимой информации по проблеме преподавания и решения ключевых задач начального фортепианного обучения детей;

— приобретение опыта практических навыков по коммуникативному взаимодействию с детьми (умение общаться, увлекательно говорить о музыке, организовывать игровые ситуации и т.д.);

— кейсы, направленные на самоанализ и самооценку.

При адаптации кейс-технологий учитывались рекомендации по последовательному решению задач обучения [12, с. 35]:

1 этап — постановка педагогической или исполнительской задачи, самостоятельная подготовка к ее решению, обсуждение с преподавателем возможных трудностей и объективной результативности.

2 этап — реализация кейса на индивидуальном занятии студентов с учеником: определение первоочередных задач, выбор эффективной методики, связанной с постановкой рук на клавиатуре, звукоизвлечением, работой над метроритмом, активизации слуховой дедукции, контроль и самоконтроль и т.д.

3 этап — связан с анализом итогов занятия, определения образовательных результатов работы с кейсом: студент должен проанализировать эффективность использованной технологии, ее результативность, осмыслить проблемы для дальнейшего занятия в классе фортепиано с учеником.

Особое внимание внедрению современных технологий уделяют китайские преподаватели в процессе фортепианного образования, ориентируясь на то, что интерактивная направленность на развитие личности ученика, внедрение игровой техники с использованием видео и аудиозаписей расширяют возможности обучения, способствуют повышению доступности и эффективности освоения фортепиано. Внедрение современных технологий позволяет создавать индивидуальные программы и учебные сценарии [11; 14].

Заключение

Современные индивидуально ориентированные технологии подготовки будущих учителей музыки в классе фортепиано в Китае ориентируют на динамичное развитие исполнительского искусства и педагогической деятельности, расширяют практики использования перспективных средств обучения, ориентируют преподавателей на включение в подготовку студентов нового дидактического инструментария. Благодаря индивидуально ориентированным технологиям происходит интенсификация изучения нотных текстов, методик музыкального образования, вводятся практики аудиовизуальных вариантов интерпретации музыкальных произведений, изучение наиболее эффективных методик обучения.

Следовательно, индивидуально ориентированные технологии в подготовке студентов способствуют диверсификации изучаемого репертуара на основе привлечения произведений зарубежных и китайских композиторов, исполнителей, выдающихся методистов, расширяющих международные горизонты

подготовки в вузе и обогащающих профессиональные навыки обучаемых. В условиях информатизации музыкального образования на основе использования новых технологий повышается интерес к освоению новых пластов музыкального творчества, формируется система знаний об особенностях европейской и китайской фортепианной музыки, осуществляется направленность на творческую самореализацию будущих учителей музыки, учитывающих заложенный в студентах потенциал.

Литература:

1. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. — М.: Педагогика, 1989. — 192 с.
2. Волков И.П. Педагогика. — М.: Педагогика, 1982. — 88 с.
3. Гао Донхуай, Пэй Лиянь. Создание и применение режима обучения на основе онлайн-курсов // Современные образовательные технологии. — 2013. — №1. — С. 80-83.
4. Дин, И. Система фортепианного образования в современном Китае: структура, стратегии развития, национальный репертуар: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Дин И; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова»]. — СПб., 2020. — 217 с.
5. Кларин М.В. Педагогическая технология в учебном процессе. Анализ зарубежного опыта. — М.: Знание, 1989. — 80 с.
6. Критская Е.Д. Уроки музыки: 1-4-е классы: поурочные разработки: учебное пособие / Е.Д. Критская, Г.П. Сергеева, Т.С. Шмагина. — 6-е изд., перераб. — М.: Просвещение, 2023. — 367 с.
7. Лихачев Б.Т. Педагогика: курс лекций / Б.Т. Лихачев; под ред. В.А. Сластенина. — М.: Владос, 2010. — 646 с.
8. Лю Цзин. Развитие содержания профессиональной подготовки педагогов-музыкантов в Китае: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08. — Минск, 2019. — 29 с.
9. Попова С.Ю. Современные образовательные технологии. Кейс-стади: учебное пособие для академического бакалавриата / С.Ю. Попова, Е.В. Пронина. — М.: ЮРАЙТ, 2017. — 113 с.
10. Селевко Г.К. Педагогические технологии на основе дидактического и методического усовершенствования УВП. — М.: НИИ школьных технологий, 2005. — 288 с.
11. Сунь Т. Проблемы преподавания фортепиано в дошкольном образовании и направления совершенствования // Промышленно-технический форум. — 2014. — №13(03). — С. 182-183.
12. Темина С.Ю. Кейс-метод в педагогическом образовании: теория и технология реализации тематический сборник кейсов / С.Ю. Темина, И.П. Андриади; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ун-т. — М.: Московский психолого-социальный университет, 2014. — 193 с.
13. Торопова А.В. HOMO-MUSICUS в зеркале музыкально-психологической и музыкально-педагогической антропологии: монография. — М.: Граф-Пресс, 2008. — 200 с.
14. Ци Х. Интеграция мультимедийных технологий и преподавания фортепиано // Наука и образование Вэньхуэй (середина сезона). — 2014. — №12. — С. 129–130.
15. Чжан Хуа. Интеграция учебной программы и преподавания // Исследование образования. — 2000. — №21(2). — С. 52-58.
16. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе / И.С. Якиманская; отв. ред. М.А. Ушакова. — 2. изд. — М.: Сентябрь, 2000. — 111 с.
17. Янь Цзе. К вопросу педагогической профилизации фортепианного образования в университетах Китая // Современная наука: Актуальные проблемы теории. — М.: Научные технологии, 2018. — С. 127–131.

PORTRAIT OF A TEACHER OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION THROUGH THE EYES OF STUDENTS

Makhiyanova Alina Vladimirovna, *DSc of Sociological sciences, Professor, Kazan State Energy University, Kazan, Republic of Tatarstan*

Kiyamova Ania Galiakbarovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan*

The purpose of the study is to build a social portrait of a modern university teacher based on data from a student survey on the quality of teaching and interaction with teaching staff in higher education institutions. The scientific novelty lies in determining the preferred professional qualities of a teacher by students: clarity of explanations, deep knowledge of the subject, motivation, digital competence, communication skills and tolerance. Their suggestions for improving teaching, such as professional development, quality feedback, interactive/digital methods, and practical assignments, are demonstrated. As a result, a portrait of a higher school teacher is created, who combines subject-expert competence with pedagogical sensitivity, acts not only as a transmitter of knowledge, but also as a partner for students, adapts to individual needs and supports their development. At the same time, the study reveals a gap between the ideal and reality: insufficient consultations, limited adaptation to the group level, and weak encouragement of independent learning.

Keywords: *higher school teacher; social worker; higher education institution.*

EDN: VROYTB ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.55***

Цитировать: *Махиянова А.В., Киямова А.Г. Портрет преподавателя высшего профессионального образования глазами студентов // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 396-402. EDN: VROYTB. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.55*

УДК 378.1
5.8.7

© Махиянова А.В., Киямова А.Г., 2026

МАХИЯНОВА Алина Владимировна, *доктор социологических наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет, Казань, Республика Татарстан*

ORCID: 0000-0002-4431-2394

КИЯМОВА Ания Галиакбаровна, *кандидат педагогических наук, доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Республика Татарстан*

ORCID: 0000-0003-4035-2070

ПОРТРЕТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Цель исследования — построить социальный портрет современного университетского преподавателя на основе данных опроса студентов о качестве преподавания и взаимодействии с профессорско-преподавательским составом в высших учебных заведениях. Научная новизна заключается в определении предпочитаемых студентами профессиональных качеств преподавателя: ясность объяснений, глубокое знание предмета, мотивация, цифровая компетентность, коммуникативные навыки и терпимость. Продемонстрированы их предложения по улучшению преподавания, такие как профессиональное развитие, качественная обратная связь, интерактивные/цифровые методы и практические задания. В результате создаётся портрет преподавателя высшей школы, который сочетает в себе предметно-экспертную компетентность с педагогической чуткостью, выступает не просто как передатчик знаний, но и как партнёр для учащихся, адаптируется к индивидуальным потребностям и поддерживает их развитие. В то же время исследование выявляет разрыв между идеалом и реальностью: недостаточное количество консультаций, ограниченная адаптация к групповому уровню и слабое поощрение самостоятельного обучения.

Ключевые слова: *преподаватель высшей школы; социальный портрет; высшее учебное заведение.*

Введение

Профессорско-преподавательский состав университета представляет собой особую социальную группу российской интеллигенции, вносящую значительный вклад в культурную и духовную жизнь страны. Как представители интеллигенции, преподаватели должны быть воплощением подлинного интеллекта, системы этических принципов и образа жизни, характеризующегося граждан-

ской ответственностью, честностью, порядочностью, добротой, скромностью, благородством, трудолюбием и эмпатией.

В последние годы личность, имидж и профессиональные качества преподавателя высшей школы становятся объектом всеобщего внимания. Вопросы, связанные с профессиональным ростом, внедрением инновационных технологий и цифровизацией в преподавательскую деятельность, а также возможностями расширения профессиональных компетенций, стали особенно актуальными.

Работа современного университетского преподавателя сложна и многогранна, т.к. требует сочетания преподавания и научных исследований, которые в совокупности составляют основу профессиональной практики. Современный преподаватель высшей школы должен одновременно быть эффективным организатором учебного процесса, эрудированным ученым, квалифицированным аналитиком и компетентным специалистом в своей области. Таким образом, социальный портрет преподавателя вуза по роду своей профессиональной деятельности состоит из широкого спектра универсальных компетенций. Он должен быть умелым организатором, красноречивым оратором, проницательным аналитиком и чутким психологом. Необходимы владение педагогической логикой, навыки устного и письменного общения, глубокие знания предмета, а также широкая эрудиция в преподаваемых областях.

Профессиональная компетентность выделяется как одно из важнейших составляющих портрета преподавателя, которая служит основой педагогического мастерства и формирует ядро педагогической культуры. Немногие профессии требуют такого разнообразного и сложного набора квалификаций. Преподавание требует не только природных способностей, но и таланта, а также значительных интеллектуальных, физических, временных и эмоциональных усилий. Эти требования тесно вплетаются в портрет педагога и преломляются в его ключевых функциях.

Формирование портрета преподавателя неотделимо от развития креативности и обогащения его эмоционально-волевого и нравственного потенциала. Оно предполагает содействие самореализации через конструктивную профессиональную деятельность, расширяющую границы саморазвития. В конечном счете, процесс формирования и совершенствования портрета педагога высшей школы следует понимать как непрерывную траекторию личностного и профессионального роста, интегрирующую индивидуальные ценности, знания, умения и педагогическое мастерство.

Материал для исследования был собран с использованием метода анкетирования, в котором приняли участие 400 респондентов из Республики Татарстан, являвшихся на момент опроса студентами очной формы обучения высших учебных заведений Казани.

Теоретическя база исследования

Проблема личности, имиджа и профессионального портрета педагога высшей школы уже давно привлекает внимание выдающихся ученых. Такие мыслители, как Я.А. Коменский, И.Г. Песталоцци, Ф.А. Дистервег, К.Д. Ушинский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский подчеркивали, что педагог является центральной фигурой в образовательном процессе, мотивирует и вдохновляет учащихся на овладение учебным материалом. Данные ученые рассматривали портрет преподавателя не просто как набор профессиональных, но и как истинное призвание. Портрет учителя представляет собой сложную систему взаимосвязанных качеств, охватывающих личностные, профессиональные и психологические особенности. В частности, В.И. Загвязинский отмечал, что в портрете педагога слиты воедино общие и специфические черты, обширный набор характеристик, которые условно можно разделить на четыре интегральные категории: направленность, эрудиция, навыки и характер [2].

Команда российских авторов исследует современные тенденции трансформации роли преподавателя в высшем образовании. В их статье показано, что цифровая компетентность, адаптируемость к форматам смешанного обучения и наставничество становятся все более важными. Исследование показывает, что современный преподаватель вуза должен владеть инструментами онлайн-педагогики и быть готовым к непрерывным преобразованиям в образовательной среде [1, с. 95-107; 3, с. 398-404; 5, с.93-101].

Ряд зарубежных исследователей уделяют особое внимание анализу представлений студентов об эффективном преподавателе университета. С помощью контент-анализа оценок студентов было продемонстрировано, что студенты ценят не только академические качества преподавателя, но и такие личностные качества, как доброжелательность, уважение и открытость к диалогу. Таким образом, исследование подтверждает, что восприятие студентами самого педагога и эффективности преподавания в целом тесно связано с эмоциональной атмосферой взаимодействия в процессе обучения [7].

Другие исследования опираются на международные базы данных, такие как TALIS и PISA, для определения характеристик эффективных педагогов. Результаты показывают, что высокая профессиональная эффективность связана с непрерывным профессиональным развитием (CPD), сотрудничеством с коллегами и способностью анализировать результаты обучения учащихся. Биликан-Демир демонстрирует, что качество преподавания напрямую зависит от институциональной поддержки и условий, созданных для профессионального роста [6, с. 525-545].

Duta исследует качества, которые определяют эффективного преподавателя, основываясь на опросах как студентов, так и профессорско-преподавательского состава. Исследование показывает, что методологическая грамотность, коммуникативные навыки, справедливость и этическое отношение к учащимся являются одними из наиболее ценимых составляющих портрет педагога. Duta демонстрирует, что идеальный учитель должен уметь интегрировать профессиональные знания, педагогический опыт и моральные ценности, тем самым формируя целостную профессиональную идентичность [8, с. 1223-1229].

Практическая значимость данного исследования обусловлена насущной потребностью современного высшего образования в переоценке как профессионального, так и личностного портрета преподавателей вузов в условиях трансформации образовательной среды, продолжающейся цифровизации и растущих требований к качеству подготовки выпускников. Исследование особенно актуально, поскольку на практике существует постоянный разрыв между реальными требованиями образовательного процесса, ожиданиями студентов и существующими моделями профессиональной подготовки преподавателей высших учебных заведений.

Многим университетам не хватает всестороннего, научно обоснованного понимания современного портрета преподавателя, способного эффективно работать в рамках цифровой, междисциплинарной и компетентностной образовательной парадигмы. На практике преобладают устаревшие подходы, ориентированные преимущественно на предметные знания и уделяющие недостаточное внимание педагогическим, коммуникативным и личностным компетенциям. Данное исследование устраняет этот пробел, выявляя профессиональные и личностные качества, которые способствуют эффективности преподавания.

Присутствуют расхождения между ожиданиями студентов и самооценками преподавателей указывают на необходимость переориентации профессиональной подготовки преподавателей высших учебных заведений. Практическая ценность исследования заключается в его потенциальном применении при разработке и обновлении программ повышения квалификации, курсов педагогического мастерства и стандартов оценки профессиональной деятельности учителей.

Полученные результаты в целом могут послужить основой для практики управления высшими учебными заведениями, способствуя совершенствованию кадровой политики, отбору и адаптации молодых преподавателей, а также разработке институциональных моделей профессионального роста.

Основная часть

Согласно данным опроса, большинство студентов положительно оценивают качество преподавания. Примерно 39,4% респондентов вполне удовлетворены, а 27,3% — очень довольны. Каждый пятый студент оценивает качество преподавания нейтрально (20,1%), в то время как 13,8% считают его неудовлетворительным (9,7% — скорее недовольны и 4,1% — полностью недовольны).

Что касается взаимодействия с преподавателями, то большинство респондентов считают его относительно комфортным. Около

42,3% студентов сообщили, что взаимодействовать с преподавателями довольно легко, в то время как 28,4% считают его очень легким. Примерно 18,2% оценивают взаимодействие как нейтральное, а каждый десятый сталкивается с трудностями (8,5% — скорее с трудностями, 3,1% — с большими трудностями).

Рисунок 1 — **Распределение ответов респондентов на вопрос: «С какими трудностями вы чаще всего сталкиваетесь во взаимодействии с преподавателями?»**

Рисунок 2 — **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие три качества преподавателя вы считаете наиболее важными для эффективного обучения?»**

Учащиеся также сообщают о некоторых проблемах во взаимодействии с преподавателями. Наиболее распространенными проблемами являются трудности с получением обратной связи или консультаций (41,3%), трудности с пониманием материала, когда он плохо объяснен (37,2%), и отсутствие мотивации со стороны преподавателя (29,4%). Почти четверть студентов отмечают, что с их мнением не считаются (27,8%) или что им трудно участвовать в интерактивных или практических занятиях (24,3%). Около 22,7% указывают на недостаточное внимание к индивидуальным потребностям учащихся, а 16,4% сообщают о несправедливых оценках (рис. 1).

Рисунок 3 — **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие способы улучшения качества преподавания Вы считаете действенными?»**

Когда речь заходит о профессиональных качествах, студенты выделяют несколько из них, которые они считают наиболее важными. Умение доходчиво объяснять материал отметили 56,2% респондентов. Глубокое знание предмета важно для 53,1%, а способность мотивировать студентов к учебе ценят 42,3%. Около трети опрошенных отмечают владение современными цифровыми технологиями (32,4%), в то время как коммуникативные навыки (28,7%) и терпимость по отношению к учащимся (24,5%) отмечают примерно четверть. Организацию интерактивного обуче-

ния упоминают 22,3%, а 18,6% — подчеркивают справедливость оценки (рис. 2, *выше*).

Рисунок 4 — **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие три качества преподавателя вы считаете наиболее важными для эффективного обучения?»**

Рисунок 5 — **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каким вы хотели бы видеть стиль взаимодействия идеального преподавателя со студентами?»**

Что касается способов улучшения преподавания, то студенты выделяют профессиональное развитие (46,7%) и частую, качественную обратную связь (42,1%) как наиболее важные. Примерно 39,2% — отмечают необходимость использования современных цифровых и интерактивных методов обучения, а 35,4% — предлагают больше практических упражнений и примеров. Около 28,4% — подчеркивают справедливость оценок, 25,3% рекомендуют более доступное общение вне класса, а 22,6% — выступают за создание благоприятной и комфортной атмосферы в классе (рис. 3).

Способность учителей мотивировать к самостоятельной учебе воспринимается неоднозначно. Около 24,3% учащихся считают, что учителя очень мотивируют их, 20,4% — сообщают о довольно сильной мотивации, а 18,2% — оценивают ее нейтрально. Между тем, 22,1% — считают мотивацию учителей довольно слабой, а 16% — считают, что учителя вообще не поощряют самостоятельную работу.

Для эффективного преподавания большинство студентов выделяют умение доходчиво объяснять (54,2%) и глубокие знания предмета (51,3%). Мотивацию студентов отмечают 34,1%, владение цифровыми инструментами — 27,2%, а навыки интерактивного обучения — 22,4%. Навыки адаптации уроков к различным уровням учащихся, справедливость в оценке и коммуникативные навыки упоминают 20,8%, в то время как терпимость и уважение отмечают 19,1%. Сделать оценки более справедливыми предлагают 18,3% — опрошенных (рис. 4).

Что касается стиля преподавания, то большинство студентов предпочитают дружественный, поддерживающий подход с вниманием к каждой личности (43,2%). Около 21,3% — предпочитают активное участие в дискуссиях и совместном обучении, 25,4% — предпочитают сбалансированный стиль, сочетающий поддержку и строгость, 11,2% — выбирают строгий, но справедливый подход, а 10,3% — предпочитают стиль, в котором упор делается на самостоятельную работу (рис. 5).

Заключение

На основании представленных данных можно конструировать социальный портрет современного преподавателя высшей школы, а также выделить основные разрывы меж-

ду идеалом и реальностью, которые влияют на качество обучения. Во первых, студенты в целом выражают удовлетворение преподаванием, что указывает на наличие базового доверия к преподавательскому корпусу. Однако значимые доли тех, кто нейтрален или недоволен, сигнализируют о том, что преподавательский портрет не является однородным. При этом комфортное взаимодействие оценивается многими положительно. Таким образом, идеальный портрет говорит о том, что идеальный преподаватель не просто компетентен, но и доступен, умеет выстраивать каналы коммуникации, адаптироваться к аудитории, быть открытым.

Во вторых, учащиеся акцентируют необходимость обратной связи и консультаций как одного из главных дефицитов в преподавательской практике. То есть, социальный портрет «хорошего» преподавателя включает не только функцию «преподать лекцию», но и роль наставника, сопровождающего студента в процессе обучения. Если преподаватель и не выходит за рамки монолога, часто проявляются жалобы на непонимание материала и ощущение игнорирования мнения студентов.

При этом студенты выделяют конкретные качества портрета преподавателя, которые они ценят: умение доходчиво объяснять, глубокие знания предмета, способность мотивировать, владение цифровыми технологиями, коммуникативность, терпимость, организация интерактивного обучения и справедливость оценок. Это создаёт образ преподавателя, который сочетает в себе ученую компетентность, педагогическую чуткость и технологическую адаптивность.

При этом данные качества не распределены равномерно, т.к. акцент студенты ставят, прежде всего, на ясность изложения, мотивацию и доступность, а уже затем на технические и коммуникативные навыки. Это включает в социальный портрет преподавателя не просто эксперта в предметной области, но как медиатора между знанием и студентом. В социальном портрете он выступает посредником, фасилитатором, который «переводит» дисциплину на язык учащихся, открывает окна понимания.

Ещё один элемент портрета представлен стилем общения и взаимодействия. Согласно полученным результатам, студенты чаще всего предпочитают дружелюбный, поддерживающий подход с вниманием к каждому. Преподавательская роль уже не воспринимается как авторитарная передача знаний, а как взаимодействие, партнёрство, персонализация процесса. Жёсткий стиль или стиль, где упор на самостоятельную работу (без поддержки), вызывают меньшую симпатию у большинства студентов.

Кроме того, преподаватель, каким его видят студенты, это человек, который не просто преподаёт, но развивается сам за счет профессионального роста, освоения новых методов и интерактивных подходов. То есть, в портрете складывается фигура постоянно развивающегося педагога, готового меняться вместе с образовательной средой.

С другой стороны, отчетливо проявляются «слабые места» портрета: отсутствие обратной связи и механизмов адаптации объяснения к уровню группы, преподаватели не в полной мере мотивируют к самостоятельной работе, не учитывают индивидуальные потребности студентов, что свидетельствует о том, что портрет дополняется теневыми зонами: преподаватель, который хочет быть доступным и мотивирующим, но испытывает организационные, временные и методические ограничения.

Таким образом, социальный портрет преподавателя высшей школы будет успешным именно тогда, когда он сочетает дисциплинарную компетентность с чуткостью, гибкостью и ориентацией на студента. В итоге полученный на основе проведенного исследования портрет преподавателя не статичен, т.к. отражает баланс между знаниями и механизмом его передачи знаний, между преподаванием как актом передачи и как актом сопровождения, и он предполагает постоянное развитие, адаптацию и внимание к обратной связи со студентом.

Литература:

1. Васильева Е.Г. Преподаватель глазами студента, студент — глазами преподавателя (об итогах социологических исследований) / Е.Г. Васильева, Т.В. Юдина // Вестник ВолГУ. — 2007. — С. 95–107.

2. Загвязинский В.И. Педагогическая инноватика: проблемы стратегии и тактики: монография / В.И. Загвязинский, Т.А. Строкова; Тюм. гос ун-т. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2011.

3. Зверева О.Л. Преподаватель университета глазами студента // Дошкольное образование и профес-

сиональная подготовка кадров: традиции и инновации: сб. науч. ст. — М., 2017. — С. 398–404.

4. Прохода В.А. Образ идеального преподавателя вуза в сознании студентов // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления. — М., 2014. — С. 203–206.

5. Ушмаева К.А. Советские преподаватели и студенты 1930-х гг.: историкосоциальный портрет // Научные проблемы гуманитарных исследований. Ставрополь. — 2011. — С. 93–101.

6. Bilican-Demir S. The Characteristics of Teachers in Effective Schools: A Secondary Analysis of TALIS // International Online Journal of Education and Teaching (IOJET). — 2021. — Vol. 8, №1. — pp. 525-545.

7. Nushi M., Momeni A., Roshanbin M. Characteristics of an Effective University Professor From Students' Perspective: Are the Qualities Changing? // Frontiers in Education. — 2022. — Vol. 7. https://doi.org/10.3389/feduc.2022.842640

6. Mladenovici V., Ilie M.D., Maricuţoiu L.P., Iancu D.E. Approaches to teaching in higher education: the perspective of network analysis using the revised approaches to teaching inventory // Higher Education (Springer). — 2022. — Vol. 84. №2. — P. 255-277.

8. Duta N., Tomoaica E., Panisoara G. Desirable Characteristics Defining to Describe an Effective Teacher // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2015. — Volume 197. — P. 1223-1229. https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.07.383

The role of scientific and pedagogical texts in the development of professional skills of students of language universities

Melnikova Ksenia Andreevna, *Postgraduate student, Federal State University of Education, Moscow*

The article analyzes the role of scientific and pedagogical texts in the development of professional skills of future foreign language teachers and examines the experience of working with such texts from the perspectives of university teachers and students. Particular attention is paid to the integration of interdisciplinary scientific and pedagogical texts into the educational process. The purpose of the study is to identify the didactic potential of scientific and pedagogical texts as a means of professional development of future foreign language teachers. To achieve this goal, the following objectives were set: to clarify the concept of a "scientific and pedagogical text" and distinguish it from a professionally oriented text; to determine its functions within the system of teacher education; to analyze teaching practices related to its use; and to assess students' readiness to work with such texts as well as the impact of interdisciplinary integration on the quality of their comprehension. The methodological framework of the study is based on the personality-activity and competence-based approaches, the concept of text-based activity, and the theory of professional development of foreign language teachers, which make it possible to consider the reading of scientific texts as a tool for developing methodological thinking. The empirical basis of the research includes surveys of teachers and students from language and teacher-training universities followed by interpretation and statistical analysis of the data. The scientific novelty of the study lies in the comparative analysis of how scientific and pedagogical texts are perceived and used by two key participants in the educational process—teachers and students—as well as in identifying criteria for their didactic value. The results show that despite a high awareness of the importance of interdisciplinary foreign-language texts, their practical integration into the learning process remains fragmentary. Both teachers and students encounter difficulties in their implementation and use due to insufficient practice and methodological support. More systematic engagement with such texts contributes to the development of professional terminology and analytical skills of future teachers.

Keywords: *scientific and pedagogical text; professionally oriented text; foreign language teacher education; professional reading in a foreign language; professional skills; methodological thinking; interdisciplinary approach.*

EDN: WBYBVY ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.56***

Цитировать: *Мельникова К.А. Роль научно-педагогического текста в формировании профессиональных умений студентов языковых* ***вузов*** *// KANT. — 2026. — №1(58). — С. 403-412. EDN: WBYBVY. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.56*

Роль научно-педагогического текста в формировании профессиональных умений студентов языковых вузов

УДК 372.881
5.8.2

© Мельникова К.А., 2026

Статья посвящена анализу роли научно-педагогических текстов в формировании профессиональных умений будущих преподавателей иностранного языка, а также оценке опыта работы с такими текстами со стороны преподавателей и студентов педагогических вузов. Основное внимание уделяется интеграции междисциплинарных научно-педагогических текстов в учебный процесс. Цель исследования заключается в выявлении дидактического потенциала научно-педагогического текста как средства профессионального становления будущего преподавателя иностранного языка. Для достижения цели были поставлены задачи: уточнить содержание понятия «научно-педагогический текст» и его отличие от профессионально ориентированного текста; определить его функции в системе подготовки преподавателя; проанализировать практику его использования преподавателями; выявить готовность студентов к работе с такими текстами и влияние междисциплинарной интеграции на качество их понимания. Методологическую основу составляют личностно-деятельностный и компетентностный подходы, концепция текстовой деятельности и теория профессионального развития преподавателя иностранного языка, что позволяет рассматривать чтение научных текстов как инструмент формирования методического сознания. Эмпирическая база исследования включает анкетирование преподавателей и студентов языковых и педагогических вузов с последующей интерпретацией и статистической обработкой данных. Науч-

ная новизна исследования заключается в сопоставительном анализе восприятия и использования научно-педагогических текстов двумя ключевыми субъектами образовательного процесса — преподавателями и студентами, а также в выявлении критериев их дидактической значимости. Результаты показали, что при высокой осознанной ценности междисциплинарных иноязычных текстов их практическая интеграция в учебный процесс остаётся фрагментарной. Преподаватели и студенты сталкиваются с трудностями как при их внедрении, так и в процессе работы с ними, что связано с недостатком практики и методического инструментария. Более системная работа с такими текстами способствует формированию профессионального тезауруса и развитию аналитических умений будущих преподавателей.

Ключевые слова: *научно-педагогический текст; профессионально ориентированный текст; подготовка преподавателей иностранного языка; чтение профессиональных текстов на иностранном языке; профессиональные умения; методическое мышление; междисциплинарный подход.*

МЕЛЬНИКОВА Ксения Андреевна, *аспирант, Государственный университет просвещения, Москва*
SPIN-код: 7171-6470
ORCID: 0000-0001-7555-5738

Введение

На любом этапе развития общества повышенное внимание всегда уделялось подготовке кадров в системе высшего образования, так как университет является одним из институтов социализации и становления личности — социальной, патриотической, профессиональной, духовной, культурной и т.д. Так, Указом «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» Президент РФ определил стратегию развития государства и сформулировал основные задачи устойчивого развития общества, которые выражаются в: «реализации потенциала каждого человека, развитии его талантов, воспитании патриотичной и социально ответственной личности, участвующей в проектах и программах, направленных на профессиональное, личностное развитие и патриотическое воспитание, также формирование сети устойчивых партнерств с иностранными государствами», что несомненно говорит об антропоцентричности современного образования в целом и языкового образования в частности. Современное лингвообразование должно быть направлено на всестороннее развитие личности, способной и готовой к осуществлению профессиональной деятельности в рамках межкультурного диалога посредством иностранного языка. И.А. Зимняя отмечала, что «в центре обучения находится сам обучающийся — его мотивы, цели, его неповторимый психологический склад, т.е. ученик, студент как личность» [6, с. 26]. Таким образом, обучение должно быть не просто направлено на личность, но также оно быть осмыслено личностью и перенесено в ее социокультурный и профессиональный «информационный багаж» в процессе своего развития. В настоящее время языковое образование все больше становится междисциплинарным, выходя за рамки простого изучения лингвистической составляющей. По словам Р.П. Мильруда, «знания, получаемые в языковом образовании, становятся богатством «языковой личности», действующей в современном глобальном пространстве» [13, с. 101]. Это значит, что такие знания имеют гораздо более глубокую ценность и признание, чем, просто коммуникативные умения.

Говоря о процессе подготовки преподавателей иностранного языка, ведущую роль здесь играют также преподаватели — личности, которые сквозь призму своих знаний и опыта могут показать связь теории и образовательной практики, традиций и инноваций, обучения и развития, поскольку только преподаватель-личность, согласно Н.Д. Гальсковой, может способствовать «формированию у студентов профессиональных умений творческого типа, который предполагает умение, способность и готовность самостоятельно прогнозировать, формулировать и решать сложные педагогические задачи» [4, с. 128], что должно быть отражено в его професси-

ональных и общепрофессиональный компетенциях. Образование, в таком случае, должно быть направлено «на создание личностного познавательного, культурного и ментального продукта». [3, с. 95]. На занятиях по иностранному языку это можно достичь посредством решения проблемных заданий, проектной работой, групповыми дискуссиями, блиц-анализами различных педагогических ситуаций и др. Однако, все это невозможно без определенной базы знаний, который должны служить опорой в процессе решения профессиональных задач. Одной из таких опрос может стать работа с текстами по специальности, а в контексте подготовки преподавателей ИЯ в вузе — научно-педагогического текста. В связи с этим есть необходимость осветить вопрос использования научно-педагогических текстах на занятиях преподавателями в процессе подготовки студентов педагогического профиля, а также опыт чтения данных текстов студентами.

Новизна исследования заключается в анализе и описании опыта работы с текстами научно-педагогической направленности от лица преподавателей, с одной стороны, а с другой — показать опыт такой интеграции от лица студентов педагогических вузов.

Методологическую основу исследования составили исследования в области:

— личностно-деятельностного подхода (И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, Н.Ф. Коряковцева, Л.В. Яроцкая и др.);

— компетентностного подхода (И.А. Зимняя, А.В. Хуторской, Е.Г. Тарева, Р.П. Мильруд и др.);

— текстовой деятельности (А.В. Коржуев, З.И. Клычникова);

— профессионального развития преподавателя иностранного языка (Н.Д. Гальскова, Н.Ф. Коряковцева, Е.Г. Тарева, Н. В. Языкова).

Цель исследования состоит в выявлении роли научно-педагогического текста как средства формирования профессиональных умений будущих преподавателей иностранного языка и анализа опыта его использования в образовательной практике. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: 1) определить содержание и дидактические функции научно-педагогического текста в системе профессиональной подготовки преподавателя иностранного языка; 2) разграничить понятия «научно-педагогический текст» и «профессионально ориентированный текст»; 3) проанализировать опыт преподавателей в использовании научно-педагогических текстов и оценить их значение для организации учебного процесса; 4) выявить уровень готовности студентов к чтению и анализу иноязычных научно-педагогических текстов, а также определить влияние междисциплинарной интеграции на глубину их понимания и интерпретации.

Исследование основывается на гипотезе о том, что, несмотря на осознание высокой значимости научно-педагогических текстов для профессионального развития, отсутствие системной методической организации работы с ними снижает эффективность их использования в процессе подготовки будущих преподавателей иностранного языка. Проверка данной гипотезы осуществляется посредством сопоставительного анализа взглядов преподавателей и студентов и интерпретации эмпирических данных анкетирования.

Основные методические аспекты обучения чтению научно-педагогического текста на иностранном языке

Чтение является одной из важнейших целей и средств обучения иностранному языку и культуре, поскольку оно способствует не только освоению лексического и грамматического материала, но и формированию межкультурной осведомленности и является носителем информации, которая может быть чрезвычайно полезной в профессиональной деятельности. Чтение профессиональной литературы, статей, монографий и результатов исследований на иностранном языке позволяет студентам и профессионалам быть в курсе последних тенденций в своей области, а также лучше взаимодействовать с международными коллегами в условиях межкультурного диалога.

Международные исследования в области английского языка для академических целей (English for Academic Purposes, далее — EAP) также фиксируют противоречие между возрастающей значимостью академического и профессионально ориентированного обучения и недостаточной методической готовностью преподавателей к работе с соответствующим дискурсом. Ю. Чен отмечает, что

преподаватели, переходящие от обучения общему иностранному языку к академическому и профессионально ориентированному, сталкиваются с тем, что «их прежняя подготовка не позволяет эффективно работать с предметно-специфичным академическим содержанием, а система профессиональной подготовки отстаёт от масштабов и темпов развития EAP» [16, с. 2]. Это указывает на необходимость поиска дидактических средств, способных обеспечить интеграцию языкового, научного и профессионального знания в подготовке будущих преподавателей.

Чтение профессиональной литературы, статей, монографий и результатов исследований на иностранном языке позволяет студентам и профессионалам быть в курсе последних тенденций в своей области, а также эффективно включаться в международный научный и профессиональный диалог. По мнению Н.Ф. Коряковцевой, целью чтения можно считать «достижение уровня сформированности чтения, достаточного для осуществления качественной информационно-познавательной деятельности в различных сферах межкультурного общения — социально-личностной, социокультурной, учебной, самообразовательной, профессиональной» [10, с. 21], что даёт возможность освоить язык не только как средство общения, но и как средство познания мира, что привносит вклад в профессиональное развитие будущего преподавателя. Как уже отмечалось выше, таким средством в контексте подготовки педагогов по иностранному языку может выступать научно-педагогический текст. В своем исследовании, Н.В. Борновалова дает определение научно-педагогическому тексту, отмечая, что — «это форма научно-педагогического знания, представляющая собой письменное сообщение, которое характеризуется специфическими лингвоструктурными особенностями: наличием лексических маркеров (стилистически окрашенного общелитературного, общенаучного и терминологического аппарата), специальной структуры, логической схемы, определенных жанров (монографий, диссертаций, научных статей, тезисов научных докладов, рефератов и др.), а также научного стиля изложения» [2, с. 95]. Как можно заметить, данное определение отражает композиционную составляющую научного дискурса, однако не в полной мере рассматривается предметно-содержательную сторону данных текстов. В качестве одной из составляющих предметно-содержательного анализа текста А.В. Коржуев выделял «анализ концептуальной направленности этого научно-педагогического произведения». [9, с. 125]. Под научно-педагогическим текстом в данном исследовании понимается междисциплинарный иноязычный научный текст, в котором в рамках единого смыслового пространства интегрированы теоретические, методологические и концептуальные положения педагогики, методики обучения иностранным языкам, лингводидактики, лингвистики, психолингвистики и смежных наук, а также результаты соответствующих исследований, ориентированные на формирование профессиональных умений, методического мышления и профессионального сознания будущего преподавателя иностранного языка. Ранее было показано, что систематическая работа с научно-педагогическими текстами способствует не только усвоению предметного содержания, но и развитию аналитических и рефлексивных умений, необходимых для профессионального роста преподавателя иностранного языка [11, с. 135]. В настоящем исследовании данный подход получает дальнейшее развитие за счёт эмпирического анализа того, как научно-педагогические тексты воспринимаются и используются двумя ключевыми субъектами образовательного процесса — преподавателями и студентами.

Проводя данное исследование, нам, в первую очередь, было интересно увидеть, как они определяют содержание понятия научно-педагогический текст, видят ли они какое-то различие между ним и профессионально-ориентированным текстом, включают ли они на занятиях работу с ними и какие критерии являются основополагающими в процессе подбора материала. В рамках эмпирического этапа исследования был реализован опрос с применением цифровых платформ для сбора и первичной обработки данных. В исследовании приняли участие 186 преподавателей, представляющих ряд российских вузов, среди которых Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Государственный университет просвещения, Московский педагогический

государственный университет и Московский городской педагогический университет, а также 253 студента педагогических направлений, обучающихся в этих же образовательных организациях.

Полученные в ходе опроса данные послужили основой для анализа особенностей использования иноязычных научно-педагогических текстов в профессиональной деятельности преподавателей и в учебной практике студентов. Эти данные предоставляют информацию о том, как участники образовательного процесса интегрируют данную материалы в свою деятельность, что, в свою очередь, может содействовать более глубокому пониманию взаимосвязи процесса обучения чтению на иностранном языке и профессиональной подготовки.

Анкетирование преподавателей

Анализ мнений и практического опыта включения преподавателями научно-педагогических текстов (НПТ) в образовательный процесс позволил выявить, насколько преподаватели осознают важность интеграции иноязычных текстов по специальности в обучение, а также как именно они применяют данные тексты на своих учебных занятиях.

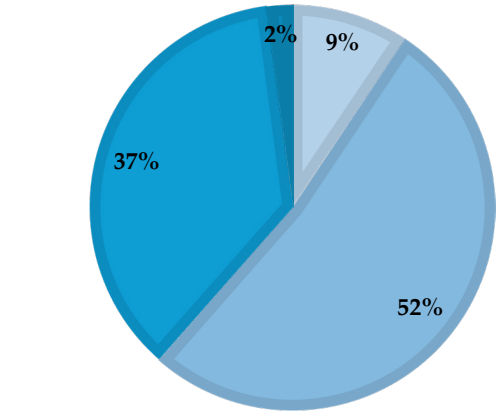
На первый вопрос «Связана ли ваша профессиональная деятельность с подготовкой студентов педагогического профиля?» 78,3% респондентов ответили, что «Да, связана», а на второй вопрос «Какую дисциплину вы преподаете?» 56,5% — преподают иностранный язык, 39,1% — профильные дисциплины (педагогика, методика обучения ИЯ, психология), а 4,4% — преподают дисциплины теоретической лингвистики, что является для нас целевой аудиторией опроса. 65,2% преподавателей отметило, что работа с НПТ им интересна и полезна для профессионального развития (написания статей, подготовки к занятиям и другим видам профессиональной деятельности), тогда как 26,1% и 21,7% — отметили, что да, это полезно, но иногда они испытывают трудности понимания (смысловые, языковые, др.) или же в целом предпочитают получать информацию на родном языке, что может говорить о наличии определённых барьеров в восприятии текстов, которые могут возникать как на уровне языка, так и на уровне понимания содержания.

Далее последовал вопрос «Используете ли вы при подготовке к занятиям тексты научно-педагогической направленности для расширения знаний по исследуемой проблеме?» 22% опрошенных ответили, что включают работу с НТП при подготовке к занятиям часто (в основном — научные статьи и монографии), 65% — иногда, от случая к случаю, 13% — не используют их вообще или дают на дом, что говорит о неполном вовлечении преподавателей в использование НПТ при подготовке к занятиям. Интересно, что большинство считает их важными и полезными, однако большинство используют их лишь иногда или же от случая к случаю (или же совсем не используют). Возможно, это связано с тем, что большинство респондентов — преподаватели АЯ, где они должны работать с разной типологией текстов, а также со сложностями, с которыми они сталкиваются в попытке разобраться в таких текстах. С другой стороны, преподаватели отмечают, что важно давать студентам возможность самостоятельной работы с текстами, так как чаще всего тексты научной направленности довольно сложные и длинные, и у преподавателей нет сил/времени систематически уделять им внимание на занятиях. А.Г. Ковалева, говоря о текстовой деятельности студентов, отмечает, что «студенты должны учиться самостоятельно работать с источниками научной информации, анализировать их, извлекать необходимую информацию для достижения необходимых результатов обучения» [7, с.86], то есть получения научно-педагогического знания в рамках своей специальности в рамках личностно-деятельностного подхода. Говоря же о ключевых составляющих научно-педагогических текстов, преподаватели выделили определённый набор критериев, которые будут представлены в сравнении со студенческими в следующем разделе данной статьи.

Следующая группа вопросов ставила целью попытку разграничить термины «профессионально-ориентированный текст на иностранном языке» (рис. 1) и «научно-педагогический текст на иностранном языке» (рис. 2).

Наиболее значительный процент (52%) составляют ответы, указывающие на понимание профессионально-ориентированного текста как документа, содержащего профессиональную лексику и специфические задания,

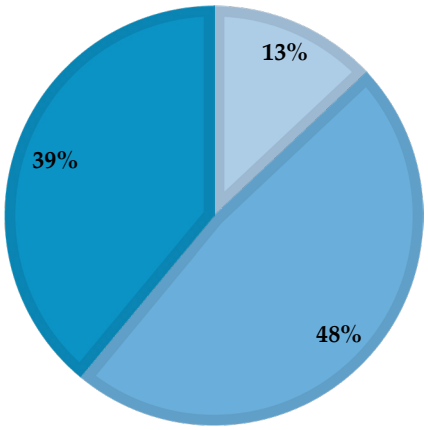
связанные с определенной профессией. Это свидетельствует о том, что большинство преподавателей акцентируют внимание на важности профессионального языка и контекста в обучении. Далее идет категория (37%), отражающая понимание текстов, написанных с целью обучения специфическим умениям и профессиональным терминам. Это подчеркивает не только важность владения тезаурусом, но и практических умений, необходимых в профессиональной деятельности.

- текст, написанный с целью обучения специфическим умениям или профессиональным терминам, необходимым в определенной сфере работы
- текст, содержащий профессиональную лексику и фокусирующийся на специфических заданиях, связанных с определенной профессией
- любые документы или литература, которые могут быть использованы для практического обучения и включают специализированные термины, полезные для работы в конкретной области

Рисунок 1 — **Определение понятия «профессионально-ориентированный текст»: результат** анкетирования преподавателей

На рисунке 2 видно, что большинство преподавателей (48%) подчеркивают важность взаимосвязи трех уровней при работе с НПТ: метатеоретического (методология), теоретического и практического, а также интегративный характер текстов (39%). Можно сделать вывод, что научно-педагогический текст выступает не только как средство передачи информации, но и как важный инструмент профессионального развития, помогающий преподавателям накапливать теоретический багаж и находить его применение в образовательной практике, интегрируя знания из различных научных областей (требует специализированных знаний и умений в рамках плюридисциплинарности), в то время как профессионально-ориентированный текст — более широкое понятие «текста», который, как правило, легче воспринимается аудиторией за счет простоты изложения содержит информацию о технологиях обучения, которая будет полезна в процессе овладения профессией.

- материал, в котором анализируются различные аспекты обучения и преподавания, включая исследования теории, а также даются практические рекомендации
- текст, который объединяет научные исследования и экспериментальную практику, направленный на совершенствование образовательных процессов и методологии преподавания
- литература, адресованная студентам, педагогам и исследователям, включающим в себя профессиональную терминологию, актуальные разработки в области образования, а также данные, основанные на научных исследованиях педагогической проблемы с позиции разных наук

Рисунок 2 — **Определение понятия «научно-педагогический текст»: результат анкетирования преподавателей**

Далее следовала группа вопросов, которая рассматривала междисциплинарную интеграцию в процессе работы с текстами научно-педагогической направленности. На вопрос «Из каких научных областей вы преимущественно выбираете тексты для использования в своей практике?» все респонденты в равной пропорции (около 60%) ответили, что

интегрируют материалы из таких областей, как: педагогика, методика обучения ИЯ, психология и лингвистика. Психолингвистику отметили только 36% респондентов, аргументируя это тем, что для них эта научная область является незнакомой. Однако, подавляющее большинство (82%) акцентировало внимание на влияние взаимосвязи между дисциплинами на качество понимания материалов студентами, отмечая, что качество получаемого знания существенно улучшается, что может говорить о «расширении вариативности проблемных ситуаций в содержании практической подготовки будущего учителя, углубление междисциплинарных связей внутри предметного поля профессионального знания и компетентности» [9, с. 159]. 73% преподавателей отметило, что междисциплинарный подход имеет крайне важное значение в работе с научно-педагогическими текстами, поскольку междисциплинарность позволяет интегрировать знания из различных областей, что способствует более комплексному анализу и пониманию изучаемой темы, остальные сделали вывод, что не всегда необходимо: его нужно применять там, где он действительно может подсветить изучаемую проблему с разных сторон, но никто из опрошенных не ответил, что фокусирование на одной дисциплине может быть более эффективным.

Анкетирование студентов

Цель актирования студентов можно определить как установление степени восприятия студентами образовательного процесса и роли научно-педагогических текстов в формировании их профессиональных знаний и умений в области преподавания ИЯ. В вопросах, касающихся определения содержания понятий «научно-педагогический текст» и «профессионально-ориентированный текст», у студентов не было значительных расхождений с преподавателями, что говорит о том, что, как преподаватели, так и студенты понимают разницу этих двух категорий.

Следующая группа вопросов касалась их опыта работы с данными текстами. На первый вопрос из этой группы «Читаете ли вы научные тексты педагогической направленности на иностранном языке?», удивительно, но 72% опрошенных ответили «Да», в то время как преподаватели в своем опросе отмечали, что главным недостатком обучения чтению научных текстов является полное нежелание студентов их читать. Возможно, это касается учебно-научных текстов, так как студенты не видят их практической пользы для своей будущей карьеры. Что касается степени мотивации к чтению научно-педагогических текстов на иностранном языке, то большинство респондентов ответило, что они читают данные тексты в связи с потребностью к профессиональному росту, а также из-за необходимости актуализации своих знаний (50% и 58%, соответственно) и обновления научно-педагогического знания посредством чтения исследования ученых в своей области. Интерес к предмету проявили 35% опрошенных, а 4% — заявили, что не читают данный вид текстов вообще, что может свидетельствовать о недостаточной мотивации или о других барьерах в доступе к информации. Как отмечают студенты, они находит материалы либо ориентируясь на экспертов в профессиональных сообществах в соцсетях (47%), либо ориентируются на материалы преподавателя (38%), либо ищут сами в научных журналах (15%). Как можно увидеть, материалы, которые подбирает преподаватель для работы на занятиях, находятся на втором месте по популярности, что говорит о значительной роли, которую играют преподаватели в процессе выбора учебных ресурсов для своих студентов. Это подчеркивает важность их влияния на образовательный опыт и профессиональное развитие учащихся.

Следующие вопросы анализировали опыт междисциплинарной интеграции в текстовой деятельности студентов. 65,4% опрошенных студентов заявили, что читают междисциплинарные тексты очень редко или никогда против 33% опрошенных, которые делают это часто или постоянно. Однако, отвечая на вопрос «Какое значение имеет междисциплинарный подход в работе с научно-педагогическими текстами?» 61,5% (что являлось абсолютным большинством) — ответили, что крайне важное или важное: так как междисциплинарность позволяет объединять знания из разных областей, что, в свою очередь, способствует более глубокому анализу и пониманию изучаемой проблемы. Междисциплинарный характер научно-педагогического текста как интегратора различных научных перспектив

также получает эмпирическое подтверждение в современных исследованиях языкового образования. Так, О.В. Жиронкина и А.А. Рольгайзер отмечают, что «интеграция содержания профессиональных и общеобразовательных дисциплин в процессе обучения иностранному языку способствует формированию языковых, профессиональных и коммуникативных компетенций, а также повышает учебную мотивацию студентов» [5, с. 155–157]. Именно междисциплинарное содержание обеспечивает более высокий образовательный эффект по сравнению с традиционными формами обучения, что позволяет рассматривать научно-педагогический текст как важный дидактический ресурс профессионального становления будущих преподавателей.

Вывод, который можно сделать из ответов респондентов заключается в том, что существует явная зависимость между частотой чтения научно-педагогических текстов и осознанием их важности. Несмотря на то, что большинство респондентов (46,2%) читает такие тексты редко или никогда, значительная часть (61,5%) признает, что междисциплинарный подход и работа с качественной научной литературой являются крайне важными для их образования и профессиональной подготовки. Это указывает на разрыв между теоретическим осознанием ценности чтения научных текстов и практическим применением этого знания.

Последний вопрос представлял для нас наибольший интерес, поскольку этот вопрос «Какие критерии научно-педагогических текстов вы считаете наиболее значимыми для работы с ними?» отражает, что именно преподаватели и студенты считают важными при работе с текстами научно педагогической направленности и почему, а также демонстрирует различия по степени важности каждого критерия для респондентов (рис. 3).

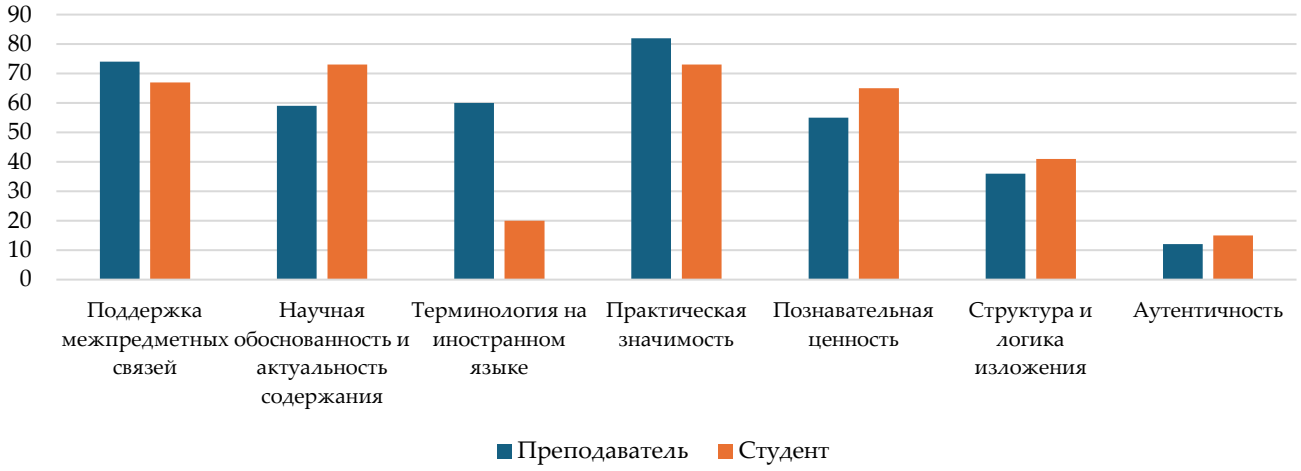

Рисунок 3 — **Критерии иноязычного научно-педагогического текста: сравнение результатов опроса**

На графике можно увидеть несколько интересных тенденций. Так, для обеих групп не самыми приоритетными являются такие критерии, как: наличие четкой структуры/логики изложения и аутентичность, что говорит о том, что в первом случае — лингвистические и стилистические особенности текста, несомненно, являются важными, но не приоритетными в процессе чтения, где на первый план выходит содержательная сторона текста, тогда как во втором случае отмечалось, что иноязычный научно-педагогический текст должен быть аутентичным, но исключать любого проявления дискриминации по отношению к авторам текстов. З.Н. Никитенко отмечает, что «при обучении иностранному языку нельзя ограничиваться лингвокультурными «границами» своей страны или «границами» исключительно страны изучаемого языка» [13, с. 79]. То есть необходимо сравнивать социокультурный опыт народа, говорящего на изучаемом языке, с собственным опытом для повышения качества приобретаемого опыта.

Одинаково актуальным, согласно опросу, являются следующие три критерия: поддержка межпредметных связей, что помогает студентам установить связь «не только с языковыми аспектами, но и с другими смежными областями знаний, расширяя их профессиональные горизонты», [11, с. 118] а также практическая значимость и познавательная ценность.

З.И. Клычникова подчеркивает, что «познавательный интерес возникает обычно тогда, когда сообщаемые факты имеют личную значимость для чтеца. Для человека же в первую очередь значимым является то, что связано с его потребностями, в частности с потребностями в познании» [7, с. 169]. Наличие этих критериев позволяют студенту «преодолеть его отчуждение от содержания образования, выделив в нем личностно-значимую основу». [15, с. 5]. Конечная цель работы с текстами научно-педагогической направленности — обогащение знаний и их дальнейшее использование в своей профессии.

Как отмечает Н.В Языкова, в профессиограмме учителя иностранного языка «сфера профессионально-коммуникативного самосовершенствования предусматривает поиск учителем возможностей для постоянного развития своих профессиональных коммуникативных способностей и своего мастерства как в процессе самообразования, так в процессе профессиональной подготовки», что может быть сделано посредством систематической работы с текстами по специальности [1, с. 14].

Научная обоснованность и актуальность содержания, как видно из рисунка 3, является значимым критерием для студентов. Можно предположить, что это связано с тем, что они опираются на такого рода тексты в своей научной работе — написание статей, тезисов докладов, участие в конференциях и работа с ВКР.

Такой критерий, как «наличие специализированной утвержденной терминологии на иностранном языке» показал наибольший разрыв между преподавателями и студентами. Можно сделать вывод о том, что в процессе обучения студенты не всегда понимают важность овладения профессиональным тезаурусом и только в процессе своего профессиональной деятельности сталкиваются с последствие такого пренебрежения.

Заключение

В данной статье была предпринята попытка обосновать значимость включения научно-педагогических текстов на иностранном языке в процесс профессиональной подготовки будущих преподавателей, а также выявить особенности их восприятия и использования преподавателями и студентами педагогических направлений. Анализ результатов анкетирования подтверждает, что данные тексты рассматриваются участниками образовательного процесса как важный источник профессионального знания, необходимый для повышения квалификации, расширения методического кругозора и осмысления современных проблем педагогической науки.

Кроме того, в рамках анкетирования педагоги и студенты отметили следующие важные критерии к выбору научно-педагогических текстов для работы, такие как практическая значимость, поддержка межпредметных связей, научная обоснованность и актуальность содержания, познавательная ценность, наличие специализированной терминологии, что демонстрирует их осознанность в отношении аспектов своего профессионального развития. В свою очередь, студенты отмечают, что недостаточно много времени уделяют на занятиях работе с текстами, которые отражают результаты исследования смежных наук, но отмечают важной такой междисциплинарной интеграции для расширения их лингвопрофессиональной картины мира.

С методической точки зрения, это предполагает целесообразность включения научно-педагогических текстов в структуру занятий по иностранному языку в виде специально организованных модулей профессионально ориентированного чтения, ориентированных не только на понимание содержания, но и на развитие аналитических и рефлексивных умений студентов. Эффективной может быть также интеграция работы с такими текстами в курсы методики обучения иностранным языкам, педагогики и психологии, что позволит формировать у студентов целостное междисциплинарное видение профессиональной деятельности.

Таким образом, систематическая и методически выверенная работа с научно-педагогическими текстами на иностранном языке может рассматриваться как один из ключе-

вых инструментов формирования профессионального тезауруса, методического мышления и готовности будущих преподавателей к решению сложных педагогических задач. Выявленные трудности и противоречия определяют перспективы дальнейших исследований, связанных с разработкой конкретных методических моделей и технологий работы с научно-педагогическими текстами в лингвообразовании.

Литература:

1. Бердичевский А.Л., Тарева Е.Г., Языкова Н.В. Профессиограмма современного учителя иностранного языка. — М., 2021. — 48 с.

2. Борновалова Н.В. Иноязычный научно-педагогический текст как средство профессионального становления педагога // Рема.Rhema. — 2024. — №1. — С. 92–102. DOI: 10.31862/2500-2953-2024-1-92-102

3. Гальскова Н.Д., Коряковцева, Н.Ф., Гусейнова И.А. Современная лингводидактика. — М., 2024. — 216 с.

4. Гальскова Н.Д. Методологическая культура исследователя в лингвообразовательном научном поиске / Н. Д. Гальскова, З. Н. Никитенко. — М.: Прометей, 2023. — 210 с.

5. Жиронкина О.В., Рольгайзер А.А. Реализация междисциплинарного подхода при обучении иностранному языку в вузе // Профессиональное образование и рынок труда. — 2022. — Т. 10, №3. — С. 146–163.

6. Зимняя И.А. Педагогическая психология. — Изд. второе доп., исп. и перераб. — М.: Логос, 2000. — 384 с.

7. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. Пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1983. — 206 с.

8. Ковалева А.Г. Методика обучения чтению научных текстов для реализации междисциплинарных проектов на иностранном языке / А.Г. Ковалева [и др.] // Педагогическое образование в России. — 2019. — №7. — С. 84-91.

9. Коржуев А.В., Бабаскин В.С. Анализ научно-педагогического текста как исследовательская процедура // Высшее образование в России. — 2014. — №1. — С. 124–129.

10. Коряковцева Н.Ф. Актуальные вопросы профессиональной подготовки учителя иностранного языка в контексте реформирования отечественной системы высшего образования // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2023. — №3(51). — С. 155–161

11. Мельникова К.А. Научно-педагогический текст в процессе подготовки преподавателей иностранного языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2024. — №12-3. — С. 134-138.

12. Мельникова К.А. Критерии отбора иноязычных научно-педагогических текстов для обучения чтению / К.А. Мельникова, Н.Д. Гальскова // Шатиловские чтения. Трансформационные процессы в иноязычном образовании: реальность и перспективы, 2024. — С. 114-119

13. Мильруд Р.П. Компетентность в языковом образовании / Р.П. Мильруд // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2003. — №2(30). — С. 100-106.

14. Никитенко З.Н. Методология исследовательской деятельности в области иноязычного образования: учебник / З.Н. Никитенко, И.В. Трешина, Н.В. Горобинская. — М.: ФЛИНТА, 2023. — 224 с.

15. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования / А.В. Хуторской // Вестник Института образования человека. — 2024. — №2. — С. 1-29.

16. Chen Y. Ready for the changes? Exploring EAP teachers' competencies and training needs in tertiary level in China // Frontiers in Education. — 2025. — Vol. 10. — Art. 1707419.

PUBLIC OPINION AS A PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL FACTOR INFLUENCING THE PRODUCTIVITY OF REPRESENTATIVES OF THE RESEARCH TEAM

Nikolov Nikita Olegovich, *PhD of Pedagogical sciences, Chelyabinsk Institute for Education Development, Chelyabinsk*

This study examines the psychological and pedagogical factors that influence scientific productivity and, above all, aims to assess the impact of public opinion on the performance of research team members. Establishing the link between external pressure and task performance places the psychological and pedagogical factor alongside institutional incentives, internal team dynamics (communication, shared goals) that foster engagement, and a culture of interpersonal interaction. The study tested the proprietary "Empath" methodology, implemented using the Mind Link neuroheadset. It was found that changing public perceptions of a research team member's performance directly impacts their psychological state, their willingness to productively address pedagogical challenges, and their willingness to actively support their colleagues. Based on this, a draft set of methodological recommendations was developed for adjusting interpersonal patterns within research teams formed at Russian education development institutes.

Keywords: *research teams; public opinion; psychological state of the individual; educational development institutions; neuroheadsets; the Empath proprietary methodology; psychological and pedagogical factors influencing individual performance; and pedagogical recommendations.*

EDN: WHJTCX ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.57***

Цитировать: *Николов Н.О. Общественное мнение как психолого-педагогический фактор влияния на продуктивность работы представителей научно-исследовательского коллектива // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 413-417. EDN: WHJTCX. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.57*

УДК 378.2
5.8.7

Общественное мнение как психолого-педагогический фактор влияния на продуктивность работы представителей научно-исследовательского коллектива

© Николов Н.О., 2026

Исследование посвящено изучению психолого-педагогического фактора, влияющего на продуктивность научной деятельности и, прежде всего, призвано оценить степень воздействия общественного мнения на качество работы представителей научно-исследовательских коллективов. Обоснование связи между давлением из вне и результатом в решении поставленных задач определяет положение психолого-педагогического фактора наравне с институциональными стимулами, внутренней динамикой команды (коммуникация, общие цели), которая способствует вовлеченности в процесс, а также культурой межличностного взаимодействия. В рамках исследования была апробирована авторская методика «Эмпат», реализованная с опорой на нейрогарнитуру Mind Link. В результате было установлено, что смена установок общественного мнения о деятельности представителя научно-исследовательского коллектива прямо воздействует на его психологическое состояние, готовность продуктивно решать педагогические задачи, активно помогать своим коллегам. На этом основании был разработан проект методических рекомендаций для коррекции моделей межличностного отношения внутри научно-исследовательских коллективов, образованных на базе институтов развития образования России.

Ключевые слова: *научно-исследовательские коллективы; общественное мнение; психологическое состояние личности; институты развития образования; нейрогарнитура; психолого-педагогические факторы влияния на работоспособность личности; педагогические рекомендации.*

НИКОЛОВ Никита Олегович, *кандидат педагогических наук, Челябинский институт развития образования, Челябинск*
SPIN-код: 9436-9960
ORCID:0000-0001-6597-1834

Введение

Деятельность научно-исследовательских коллективов играет значительную роль в совершенствовании образовательных процессов и, в первую очередь, содержания дополнительных профессиональных программ, реализуемых в рамках институтов развития образования. Активность представителей научно-исследовательских коллективов направлена на повышение качества педагогической работы. Для выполнения данной задачи понимания исключительно дидактической, организационной и психологической специфики деятельности данной категории специалистов недостаточно. Важным является и согласованность действий внутри научно-исследовательского коллектива, который предлагает обобщённый продукт для учителей общеобразовательных школ. Под согласованностью действий понимается не только формальное выполнение алгоритмов коллективной работы, но и психологический климат, атмосфера взаимоуважения, сонастройка с перспективой установления единой модели эмоционально-чувственного отношения во всех видах деятельности. Отношения, которые складываются внутри коллектива, служит своего рода транслятором конструктивного общественного мнения о коллективе за его пределами.

В этой связи цель исследования предполагает обоснование общественного мнения в роли психолого-педагогического фактора, влияющего на продуктивность работы представителей научно-исследовательского коллектива. Для её достижения были определены задачи научной работы: 1) установить взаимосвязь между эмоционально-чувственным содержанием общественного мнения и продуктивностью работы учёного; 2) апробировать теоретические положения в рамках педагогического эксперимента; 3) обобщить полученные сведения и представить их в виде выводов.

При решении первой задачи внимание было обращено к концепции культурно-исторического развития, которая была развита среди представителей научной школы Л.С. Выготского [1]. Согласно одному из положений данной концепции, развитие личности наиболее эффективно происходит в рамках социального окружения. Именно благодаря обществу становится возможным процесс интериоризации нового значимого опыта. На этом основании и происходит формирование новых психологических функций личности. Педагогический смысл данного факта заключается в том, что иногда масса разрозненных, хаотичных на первый взгляд воспитательных воздействий коллектива приводит к положительному результату. Иными словами, для каждого отдельного человека у коллектива будет свой уникальный набор «случайных», а также хорошо спланированных воздействий, который раскроет когнитивный потенциал человека.

В том числе, Д.М. Дагужиева и И.А. Уджуху отмечают, что коллективная точка зрения влияет на исследователя при выборе оригинальной, независимой идеи: принять его или отказаться, чтобы избежать последующих трудностей. Это может проявляться в том, что самовыражение человека подменяется подражанием эталонному образцу [2]. На этом основании можно заключить, что общественное мнение оказывает влияние не только на активное сознание, но и подсознательные установки личности, а также на морально-нравственные установки человека [3], оказывая воспитывающее воздействие. Г.А. Поделякина и Л.П. Назарова выводят три функциональных вектора педагогического воздействия: организационный, идейно-воспитывающий и стимулирующий. При этом под стимулирующим понимается выработка общественного мнения, которое оказывает непрерывное давление, независимо от окружающих педагогических условий [6]. Данный вывод позволяет заключить, что влияние на личность может оказываться опосредованно, не напрямую. Вместе с тем воспитательный эффект даже в этом случае будет не менее значимым.

С.М. Мальцевой, Е.Э. Мацкевич и О.П. Кашиной общественное мнение рассмотрено в качестве фактора влияния на профессиональное самоопределение будущих студентов, и в достаточной мере зависит от уровня самооценки личности. Таким образом, высокий показатель самооценки позволяет сопротивляться деструктивным установкам, исходящим из вне [4]. Следовательно, работа членов научно-исследовательского коллектива над своей самооценкой повышает её резистентность.

Таким образом, анализ показывает, что общественное мнение действительно можно

рассматривать в качестве фактора, влияющего на продуктивность работы представителей научно-исследовательского коллектива. При этом, психолого-педагогические аспекты и особенности влияния данного фактора на личность нуждаются в проработке. Также в научных источниках нет конкретных педагогических рекомендаций, способствующих коррекции моделей межличностного общения внутри научно-исследовательских коллективов, образованных на базе институтов развития образования России.

Результаты и их обсуждение

Для того чтобы выявить психолого-педагогические особенности влияния общественного мнения на продуктивность работы представителей научно-исследовательского коллектива, был поставлен педагогический эксперимент, который был проведён на базе ГБУ ДПО «Челябинский институт развития образования» в 2025 году. В состав экспериментальной (далее — ЭГ) и контрольной групп (далее — КГ) вошли представители прикладных научно-исследовательских коллективов. При этом у представителей ЭГ были различные роли: воздействующие, испытывающие воздействие и наблюдатели. ЭГ составили 20 человек, а КГ — 23 человека. Для участников ЭГ была применена авторская методика «Эмпат», по названию которой также был назван педагогический эксперимент.

Процесс исследования заключался в том, что испытуемый с экспериментальной ролью «испытывающий воздействие» в течение четырех минут записывал свои чувственные ощущения. При этом он находился в привычном для него рабочем кабинете. По условиям авторской методики, каждую минуту он менял лист бумаги для записи своих переживаний (показателей). Вне видимости испытуемого синхронно с его действиями работала другая часть участников ЭГ с ролью «воздействующие». Их задачей стало высказывание коллективного мнения о «испытывающем воздействие». В подгруппу ЭГ с ролью «воздействующие» входило от 4 до 5 человек. По заданию ведущего эксперимента направленность и содержание высказываний менялись раз в минуту. Типы высказываний были следующего характера: критические и вдохновляющие. Направление критических высказываний требовало сообщать своё сомнение в творческих возможностях испытуемого, говорилось о его слабом потенциале и т.п. Направленность вдохновляющих высказываний, напротив, требовала указаний на сильные стороны испытуемого, говорилось о том, что для него нет трудных задач и т.п. Роль наблюдателей была нейтральной, они создавали знакомый для испытуемого рабочий фон деятельности. Вместе с тем в дальнейшем проводился опрос наблюдателей относительно поведения испытуемого. Это позволило собрать достаточный эмпирический материал для подготовки нового этапа эксперимента и разработки рекомендаций педагогического характера для членов научно-исследовательских коллективов. Стоит отметить, что после проведения эксперимента удалось опросить членов ЭГ со статусом «воздействующие». По их словам, им с трудом давались формулировки критического характера. Вместе с тем, вдохновляющие высказывания об их коллегах позволили повысить эмоциональное настроение в коллективе.

Для чистоты эксперимента комбинации типов высказываний, создающих основу общественного мнения, были уникальны для каждого нового испытуемого. Было отмечено, что критические высказывания совпадали с негативной эмоциональной реакцией испытуемых. В моменты активной критики они чаще всего (80% текстовых записей) использовали такие фразы, как «беспокойство», «апатия», «боль». Вместе с тем, порядка 20% текстового материала отражали и нейтральные чувственные переживания. При оказании воздействия вдохновляющими высказываниями в 80% исследований испытуемые сообщали о переживании положительных эмоциональных ощущений. В частности, были зафиксированы такие слова, как «удовлетворение», «спокойствие», «позитив», «время летит быстро» и т.п. 20% ассоциативных фраз не содержали какой-либо эмоционально-чувственной характеристики.

На основе полученных данных можно заключить, что даже неявная эмоционально-чувственная установка коллектива относительно членов научно-исследовательских коллективов может повлиять на их психологическое состояние. Соответственно, общественное мнение допустимо рассматривать в

качестве педагогического фактора, влияющего на продуктивность работы представителей научно-исследовательского коллектива.

В целях повышения точности экспериментальных данных на «испытывающем воздействие» размещалась нейрогарнитура Mind Link, которая имела три налобных датчика: EEG, GND, REF. Для визуализации его работы была использована программа «BsicDetection». Отмечается, что на всём протяжении эксперимента у членов ЭГ в роли «испытывающий воздействие» преобладали тета-ритмы (θ-ритмы) (рис.). Это говорит о активизации у них поискового поведения, которое усиливается при эмоциональном напряжении. Вместе с тем, данный тип ритмов свойственен для некоторых изменённых состояний сознания, пограничных между глубоким отдыхом и сном. То есть, изменения общественного мнения о личности вызывают у неё не столько стресс, сколько эмоциональное напряжение.

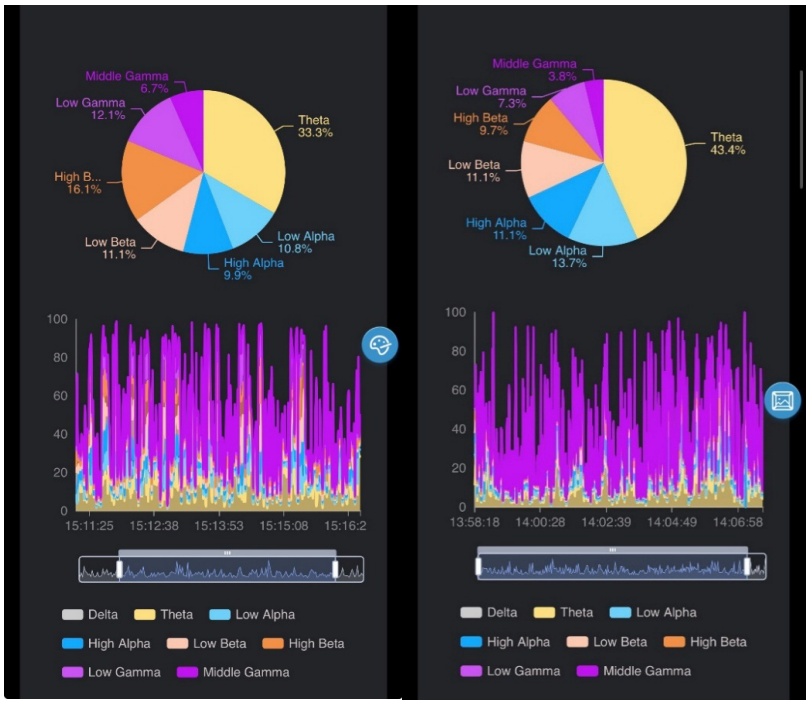

Рисунок — **Распределение ритмов коры головного мозга членов ЭГ в момент проведения эксперимента (пример по двум испытуемым мужского пола)**

Обобщение полученных эмпирических данных позволило сформулировать рекомендации педагогического характера для представителей научно-исследовательского коллектива. Все они были посвящены повышению качества их работы. Ниже они представлены в виде кратких тезисов:

1. Позитивные, одобрительные высказывания в адрес коллег по научно-исследовательскому коллективу повышают их уровень самооценки, а также уровень психологического самочувствия. В этой связи руководителям коллективов рекомендуется больше давать положительную оценку, отмечать незначительные успехи подчинённых. Данная модель поведения должна стать популярной среди членов научно-исследовательского коллектива.

2. Воспитывающее влияние общественного мнения воспринимается личностью непрерывно, на всём протяжении совместной научно-исследовательской деятельности. На этом основании иным членам коллектива рекомендуется отслеживать свои эмоциональные высказывания в адрес коллег при непосредственном контакте, а также заочно.

3. Излишне критическое отношение к человеку негативно сказывается на продуктивности трудовой деятельности и транслирующего данную точку зрения, и того, о ком он высказывается. Учитывая данный факт, представителям научно-исследовательских коллективов нужно составить кодекс психогигиены межличностных отношений. Данная мера позволит повысить успешность научных исследований у всех его представителей.

Сформулированные рекомендации планируется учесть в деятельности научно-исследовательских коллективов в 2026 году. По итогам данного эксперимента будет проведён дополнительный анализ эффективности работы учёных.

Заключение

Полученные результаты показали, что общественное мнение является психолого-педагогическим фактором, влияющим на продуктивность работы представителей научно-исследовательского коллектива. При этом данный фактор действует опосредованно, воздействуя, в первую очередь, на психоэмоциональное состояние человека. Общественное

мнение обладает воспитывающим эффектом, которое оказывается на всём протяжении времени совместной работы. На этом основании были сформулированы педагогические рекомендации, конкретизирующие направления совершенствования межличностных отношений у изучаемой социальной группы.

Литература:

1. Выготский Л.С. Мышление и речь: психика, сознание, бессознательное / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 2001. – 366 с.
2. Дагужиева Д.М. Как общественное мнение влияет на человека? / Д.М. Дагужиева, И.А. Уджуху // Психология и педагогика XXI века: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. II Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 19 мая 2021 года. — Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2021. — С. 38–42.
3. Закомалдин М.М. Общественное мнение как один из факторов развития личности сотрудника органов внутренних дел / М.М. Закомалдин // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. — 2023. — №1(13). — С. 83–88.
4. Мальцева С.М. Общественное мнение как фактор влияния на профессиональное самоопределение будущих студентов / С.М. Мальцева, Е.Э. Мацкевич, О.П. Кашина // Проблемы современного педагогического образования. — 2025. — №87-3. — С. 174–177.
5. Николов Н.О. Роль чувства юмора членов научного коллектива в организации их совместной деятельности в системе дополнительного профессионального образования / Н.О. Николов // Мир науки, культуры, образования. — 2025. — №5(114). — С. 235-237.
6. Поделякина Г.А. Влияние коллектива на развитие личности / Г.А. Поделякина, Л. П. Назарова // Матрица научного познания. — 2018. — №6. — С. 92–94.

Features of developing ecological culture in preschool children in the modern cultural and educational environment

Ruban Ekaterina Yurievna, *Postgraduate student, senior lecturer, Department of Preschool Education, Melitopol State University, Melitopol*

This study analyzes the pedagogical conditions for developing environmental culture in preschool children in the context of the modern cultural and educational environment. The relevance of this work is determined by the worsening global environmental situation and the existing contradictions between the regulatory requirements of the federal state educational standard for preschool education and the actual practices of educational organizations. The purpose of the study is to identify the specifics of developing environmental culture in preschool children through an analysis of the structural components of this phenomenon and the identification of effective pedagogical conditions for their development. The objectives include a critical understanding of theoretical concepts of early childhood environmental education, an analysis of the results of diagnostic studies on the development of the cognitive, emotional, moral, and activity-based components of environmental culture, and a determination of the role of the subject-spatial environment and the participants in the educational process in communicating environmental values. The methodological basis is a systems-activity approach, allowing us to consider the cultural and educational space of a preschool organization as a holistic environment integrating subject-spatial, content-based, and subject-based components. The study results reveal a critical imbalance in the development of environmental culture components in preschoolers, with the cognitive component predominating over the emotional-moral component. This indicates the need to adjust pedagogical strategies to strengthen the emotional-value sphere of interaction with nature. It has been established that the key factors in the effectiveness of environmental education are the professional environmental competence of teachers as bearers of environmental culture and organizers of the educational process. The scientific novelty of the study lies in its substantiation of the cultural and educational space of a preschool organization as an active factor in the development of environmental culture, determining its developmental trajectory through the integration of material objects, social practices, and the value orientations of significant adults, while identifying a disparity between the cognitive and emotional-moral components in children aged 3-7 years.

Keywords: *ecological culture of preschoolers; cultural and educational space; cognitive component of ecological culture; emotional and moral component; activity component; subject-spatial development environment; ecological competence of teachers.*

EDN: WHMPCI ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.58***

Цитировать: *Рубан Е.Ю. Особенности формирования экологической культуры у детей дошкольного возраста в современном культурно-образовательном пространстве // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 418-423. EDN: WHMPCI. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.58*

УДК 373.24
5.8.2

© Рубан Е.Ю., 2026

Особенности формирования экологической культуры у детей дошкольного возраста в современном культурно-образовательном пространстве

Исследование посвящено анализу педагогических условий формирования экологической культуры у детей дошкольного возраста в контексте современного культурно-образовательного пространства. Актуальность работы обусловлена обострением глобальной экологической ситуации и существующими противоречиями между нормативными требованиями федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования и реальной практикой образовательных организаций. Цель исследования заключается в выявлении специфики формирования экологической культуры дошкольников через анализ структурных компонентов данного феномена и определение эффективных педагогических условий их развития. Задачи включают критическое осмысление теоретических концепций экологического образования раннего возраста, анализ результатов диагностических исследований сформированности когнитивного, эмоционально-нравственного и деятельностного компонентов экологической культуры, определение роли предметно-пространственной среды и субъектов образовательного процесса в трансляции экологических ценностей. Мето-

дологическую основу составляет системно-деятельностный подход, позволяющий рассматривать культурно-образовательное пространство дошкольной организации как целостную среду, интегрирующую предметно-пространственные, содержательные и субъектные компоненты. Результаты исследования свидетельствуют о критической диспропорции в развитии компонентов экологической культуры дошкольников с преобладанием когнитивного компонента над эмоционально-нравственным, что указывает на необходимость коррекции педагогических стратегий в сторону усиления эмоционально-ценностной сферы взаимодействия с природой. Установлено, что ключевыми факторами эффективности экологического образования выступают профессиональная экологическая компетентность педагогов как носителей экологической культуры и организаторов образовательного процесса. Научная новизна исследования заключается в обосновании культурно-образовательного пространства дошкольной организации как активного фактора становления экологической культуры, детерминирующего траекторию её развития через интеграцию материальных объектов, социальных практик и ценностных ориентиров значимых взрослых при выявленной диспропорции между когнитивным и эмоционально-нравственным компонентами у детей 3-7 лет.

Ключевые слова: *экологическая культура дошкольников; культурно-образовательное пространство; когнитивный компонент экологической культуры; эмоционально-нравственный компонент; деятельностный компонент; предметно-пространственная развивающая среда; экологическая компетентность педагогов.*

РУБАН Екатерина Юрьевна, *аспирант, старший преподаватель, Мелитопольский государственный университет, Мелитополь*
SPIN-код: 7658-6248

Введение

Обострение глобальной экологической ситуации в условиях антропогенного давления на биосферу актуализирует проблему становления экологической культуры на ранних этапах социализации личности. Дошкольный период характеризуется особой восприимчивостью к формированию базовых ценностных установок, однако исследовательский вопрос о механизмах трансляции экологических императивов в специфических условиях современного культурно-образовательного пространства остается недостаточно разработанным. Существующие противоречия между нормативными требованиями федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования и реальной практикой образовательных организаций обусловливают необходимость критического анализа педагогических условий формирования экологической культуры у детей 3-7 лет.

Научная разработка проблемы экологического воспитания дошкольников восходит к концепции С.Н. Николаевой, обосновавшей природосообразность экологического образования в раннем детстве через формирование осознанного отношения к природным объектам. Г.В. Васюкова развила структурный подход, выделив когнитивную, эмоционально-нравственную и деятельностную составляющие экологической культуры. А.Л. Третьяков эмпирически установил неравномерность развития данных компонентов у детей 5-7 лет, зафиксировав дефицит эмоционального отношения к природе при относительной сформированности познавательного компонента. О.А. Чалова акцентировала значение импринтинговых механизмов в присвоении экологических образцов поведения через наблюдение за действиями референтных взрослых. И.А. Галкина и Н.А. Шинкарёва обнаружили объективные трудности организации экологического образования в урбанизированной среде, что требует разработки компенсаторных педагогических стратегий.

Методологическую основу исследования составляет системно-деятельностный подход, позволяющий рассматривать культурно-образовательное пространство дошкольной

организации как целостную среду, интегрирующую предметно-пространственные, содержательные и субъектные компоненты. Анализ осуществляется через сопоставление теоретических моделей экологической культуры с эмпирическими данными диагностических исследований, проведенных на базе образовательных организаций Московской области.

Критическое осмысление существующих подходов выявляет ключевую проблему дефицита экологической компетентности у субъектов образовательного процесса, включая педагогов и родителей, что делает невозможным полноценную трансляцию экологических ценностей детям. Оригинальность авторской позиции заключается в рассмотрении культурно-образовательного пространства не как нейтрального контекста, но как активного фактора, детерминирующего траекторию становления экологической культуры через совокупность материальных объектов, социальных практик и ценностных ориентиров значимых взрослых.

Результаты и обсуждение

Современное состояние экологической ситуации актуализирует необходимость целенаправленного формирования экологической культуры, начиная с ранних этапов онтогенеза. Дошкольный возраст представляет собой сензитивный период для становления базовых ценностных ориентаций личности, однако нормативная база демонстрирует внутреннюю противоречивость [2, с. 64].

Структурный анализ экологической культуры дошкольников выявляет три базовых компонента. А.Л. Третьяков выделяет когнитивный компонент, включающий сформированные представления о природных объектах и явлениях, эмоционально-нравственный компонент, определяющий проявление позитивных эмоций в процессе познания природы, и деятельностный компонент, связанный с умением осуществлять деятельность с природными объектами [8, с. 69]. И.А. Галкина и Н.А. Шинкарёва, опираясь на концепцию Г.В. Васюковой, рассматривают экологическую культуру как активное познание природы через накопление позитивного эмоционально-чувственного опыта и способность контролировать собственные действия при взаимодействии с природной средой [3, с. 27]. О.А. Чалова подчеркивает, что воспитание бережного отношения к природе целесообразно начинать с трехлетнего возраста, когда ребенок проходит собственный путь развития через повторение действий значимых взрослых в экологически грамотном окружении [9, с.].

Диагностические исследования компонентов экологической культуры дошкольников

Эмпирическое исследование А.Л. Третьякова, проведенное на выборке 450 детей от 5 до 7 лет из 10 дошкольных организаций Московской области, показало неравномерность развития структурных компонентов экологической культуры. Высокий уровень зафиксирован у 22,5% детей, средний — у 50%, низкий — у 27,5% испытуемых. Когнитивный и деятельностный компоненты демонстрируют более высокие показатели сформированности по сравнению с эмоционально-нравственным компонентом. Дошкольники обнаруживают эмоциональную бедность по отношению к природе, склонность замечать исключительно яркие проявления в природном мире [8, с. 74]. О.А. Чалова применяла методику Е. Иштыковой для определения исходного уровня экологической культуры детей 4–5 лет средней группы ГБОУ г. Москвы «Школа №1905», что позволило выстроить траекторию дальнейшего формирования экологической грамотности [9, с. 8]. Ю.А. Моренова и О.М. Овчинников провели анкетирование 142 родителей дошкольников, выявив критическую ситуацию: 80% родителей оценивают уровень экологических знаний собственных детей как низкий, 20% — как средний, при этом только 19% родителей читают детям литературу о природе [6, с.52].

И.А. Галкина и Н.А. Шинкарёва установили в ходе педагогического эксперимента возможность формирования естественнонаучных знаний и экологической культуры на этапе дошкольного детства, одновременно обнаружив трудности организации данной деятельности педагогами в условиях городской среды [3, с.28]. А.Л. Третьяков зафиксировал, что предметно-пространственная среда экологической направленности в большинстве дошкольных образовательных организаций

не способствует в должной степени формированию экологической культуры детей [8, с.75]. А.С. Москвина и А.Л. Третьяков определили правовую основу экологического образования через статью 42 Конституции РФ о праве каждого ребенка на благоприятную окружающую среду, выделив ключевые показатели экологической культуры дошкольников: наличие знаний о развитии природы и общества, осознанность отношений природы и человека, отсутствие потребительских мотивов использования природы, навыки предсказывания последствий разрушительной деятельности [7, с.118].

Педагогические условия формирования экологической культуры в современном культурно-образовательном пространстве

О.Ю. Латыпова рассматривает культурно-образовательное пространство дошкольной образовательной организации как специально организованную среду, требующую многофункциональности, трансформируемости, вариативности, доступности и безопасности согласно федеральному государственному образовательному стандарту дошкольного образования [4, с. 92]. Интеграция различных образовательных областей создает условия для самостоятельной деятельности детей при обеспечении индивидуализации образовательного процесса. А.С. Москвина и А.Л. Третьяков акцентируют внимание на организации зоны природы в дошкольном образовательном учреждении через групповые уголки природы, зимний сад, экологическую тропу как начало работы по экологическому образованию. Создание конкретных педагогических ситуаций развивает познавательную заинтересованность к природе [7, с.123].

В.О. Матвеева выделяет инновационные технологии формирования экологической культуры, где предметно-развивающая среда должна быть содержательно насыщенной, включающей природную среду и объекты, культурные ландшафты для полноценного физического, эстетического, познавательного и социального развития детей [5, с.26]. Проектная деятельность позволяет сфокусировать внимание на развитии отдельных сторон личности воспитанников при формировании положительного отношения к природе. Н.В. Баулина подчеркивает, что педагоги выступают носителями экологической культуры, служа образцами экологически ориентированного поведения в повседневном образовательном процессе через организацию наблюдений за природными явлениями, проведение экологических экспериментов, использование дидактических игр экологического содержания [1, с.28].

Г.В. Яковлева рассматривает взаимодействие с семьей как ключевой инновационный тренд, поскольку создание экологической воспитывающей среды невозможно без активного включения родителей в образовательный процесс [10, с.120]. Реализация проектов семейного участия направлена на формирование представлений об особенностях природных объектов через совместную деятельность детей и родителей. Ю.А. Моренова и О.М. Овчинников выдвинули гипотезу об эффективности экологического воспитания дошкольников при высоком уровне экологической культуры родителей, однако эмпирические данные свидетельствуют о недостаточной сформированности экологической культуры у самих родителей [6, с.53]. И.А. Галкина и Н.А. Шинкарёва разработали систему работы, включающую повышение компетентности педагогов и родителей по проблеме развития экологической культуры в условиях города [3, с.25].

Формирование экологической культуры дошкольников осуществляется через механизм импринтинга, поскольку дети данного возраста не способны усваивать знания преимущественно в вербальной форме. Систематическое использование наблюдений и экспериментов, решение логических и экологических задач, работа с моделями, создание проблемных ситуаций, практическая природоохранная деятельность в виде сбора макулатуры и батареек, раздельного сбора мусора закладывают основы экологически ответственного поведения. В.О. Матвеева акцентирует внимание на мониторинге развития детей как инновационной технологии оценки через систематические беседы, экспертную оценку специалистов и анализ продуктов детской деятельности [5, с.25]. Усиление экологической составляющей в программах дошкольного образования позволит сформировать устойчивые позитивные поведенческие

паттерны и заложить фундамент экологической культуры будущего гражданина.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что формирование экологической культуры у детей дошкольного возраста представляет собой сложный многокомпонентный процесс, эффективность которого определяется согласованным взаимодействием целого комплекса педагогических условий в современном культурно-образовательном пространстве. Критический анализ теоретических концепций и эмпирических данных обнаруживает существенное расхождение между декларируемыми целями экологического образования и реальной практикой их достижения в условиях дошкольных образовательных организаций.

Принципиальное значение для успешного формирования экологической культуры дошкольников имеет согласованность воспитательных воздействий образовательной организации и семьи. Выявленный низкий уровень экологической грамотности значительной части родительской аудитории создает противоречие между образовательными усилиями педагогов и реальной практикой семейного воспитания. Преодоление данного противоречия требует разработки системы целенаправленной работы с родителями, предполагающей не только информирование о важности экологического воспитания, но и активное включение семей в совместную проектную деятельность, способствующую формированию экологической культуры всех участников образовательного процесса.

Специфика дошкольного возраста, характеризующаяся доминированием непосредственно-чувственного познания мира и высокой степенью подражательности, определяет приоритетность практико-ориентированных методов экологического образования над информационно-просветительскими. Систематическое включение детей в наблюдения за природными явлениями, экспериментирование с природными материалами, практическую природоохранную деятельность обеспечивает формирование устойчивых поведенческих паттернов через механизм импринтинга и создает основу для последующего осознанного экологически ответственного поведения.

Интеграция различных образовательных областей в процессе формирования экологической культуры позволяет обеспечить целостность восприятия ребенком природного мира и его связи с социокультурным контекстом. Экологическая проблематика органично включается в художественно-эстетическое, познавательное, социально-коммуникативное и физическое развитие дошкольников, создавая условия для формирования интегрированного образа мира, в котором природа выступает не как объект потребительского использования, а как самоценная среда существования человека.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой дифференцированных педагогических стратегий формирования экологической культуры с учетом индивидуальных особенностей детей, специфики региональных природно-климатических условий и культурных традиций взаимодействия с природой. Особого внимания требует проблема преемственности экологического образования между дошкольным и начальным уровнями общего образования для обеспечения непрерывности процесса формирования экологического сознания личности. Актуальным направлением исследований остается разработка валидных диагностических инструментов оценки сформированности экологической культуры дошкольников с учетом возрастных особенностей и специфики проявления её компонентов в детской деятельности.

Практическая значимость полученных результатов определяется возможностью их использования при проектировании образовательных программ дошкольных организаций, организации предметно-пространственной среды экологической направленности, разработке содержания повышения квалификации педагогов дошкольного образования и программ психолого-педагогического просвещения родителей. Усиление экологической составляющей в системе дошкольного образования создаст фундамент для формирования экологически ответственного поколения, способного решать глобальные экологические проблемы современности на основе сформированных в раннем детстве ценностных ориентаций и поведенческих установок по отношению к природной среде.

Литература:

1. Баулина Н.В. Формирование экологической культуры у детей дошкольного возраста / Н.В. Баулина // Осовские педагогические чтения "Образование в современном мире: новое время — новые решения". — 2022. — №1-1. — С. 25-29.

2. Беляева А.С. Воспитание экологической культуры у детей дошкольного возраста / А.С. Беляева // Актуальные проблемы социогуманитарного образования: сб. ст. под науч. ред. Т.С. Дороховой, Е.В. Донгаузер. — Екатеринбург, 2021. — С. 62-68.

3. Галкина И.А. Педагогические условия развития основ экологической культуры у детей старшего дошкольного возраста в городской среде / И.А. Галкина, Н.А. Шинкарева // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2024. — Т. 13, №2(47). — С. 24-30.

4. Латыпова О.Ю. Сущность понятия экологической культуры в системе дошкольного образования / О.Ю. Латыпова // Актуальные проблемы социогуманитарного образования: сб. ст. — Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2024. — С. 89-96.

5. Матвеева В.О. Экологическая культура дошкольника: условия формирования в дошкольном образовательном учреждении / В.О. Матвеева // Актуальные проблемы педагогики и психологии. — 2021. — Т. 2, №10. — С. 21-27.

6. Моренова Ю.А. Актуальные вопросы экологического воспитания дошкольников / Ю.А. Моренова, О.М. Овчинников // Глобальный научный потенциал. — 2024. — №3(156). — С. 50-53.

7. Москвина А.С. Сущностно содержательные основы экологического образования старших дошкольников / А.С. Москвина, А.Л. Третьяков // Мир образования — образование в мире. — 2021. — №2(82). — С. 116-125.

8. Третьяков А.Л. Методический потенциал развивающей среды современного детского сада в экологическом образовании старших дошкольников / А.Л. Третьяков // Новое в психолого-педагогических исследованиях. — 2021. — №2(62). — С. 67-77.

9. Чалова О.А. Диагностика уровня сформированности экологической культуры у детей дошкольного возраста (4-5 лет) / О.А. Чалова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2023. — Т. 11, №1. — С. 1-11.

10. Яковлева Г.В. Условия организации экологического образования детей дошкольного возраста / Г.В. Яковлева // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — №102-1. — С. 119-123. — DOI 10.18411/trnio-10-2023-35.

Conceptual framework for justifying pedagogical conditions to enhance the effectiveness of research activities by operators of the Rosgvardiya training-research company

Rudometov Svyatoslav Sergeevich, *Senior Officer, Department for Coordination and Support of the Training-Research Company, Main Center for Scientific Research of Rosgvardiya, Moscow*

This article addresses the justification of approaches to resolving the contradiction between the needs of research activities conducted by operators of the Rosgvardiya scientific company—specifically, their requirement for pedagogical conditions that enhance effectiveness—and the current absence of a systematic framework of such pedagogical conditions, as well as their insufficient theoretical development. The study aims to theoretically substantiate a system of pedagogical conditions designed to improve the effectiveness of research activities carried out by operators of the Rosgvardiya training-research company. The scientific novelty lies in proposing an original system of pedagogical conditions that integrates differentiated mentoring—distinguishing between an expert supervisor and an operational mentor—individualized educational pathways tailored to address specific competency gaps, and non-material incentives linked to career advancement opportunities and scientific integration. The practical value of this research consists in developing a conceptual framework comprising a set of pedagogical conditions aimed at enhancing the quality of research activities by operators of the Rosgvardiya training-research company. Furthermore, this framework can be replicated in other scientific companies within security agencies and adapted for programs training young researchers under constraints of limited time and managerial resources, both in military and civilian higher education institutions. A survey of company operators identified priority needs: feedback on interim results, training in research methodology, and opportunities for collaboration with Sirius University of Science and Technology (NTU "Sirius"). These findings enabled the formulation of a practical model designed to increase motivation, scientific competence, and, consequently, research effectiveness.

Keywords: *research effectiveness; training-research company; Rosgvardiya; pedagogical conditions; mentoring; continuing education; non-material incentives; scientific research activity.*

EDN: WVSJGO ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.59***

Цитировать: *Рудометов С.С. Концепция обоснования педагогических условий повышения результативности исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты Росгвардии // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 424-430. EDN: WVSJGO. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.59*

УДК 37.02
5.8.1

© Рудометов С.С., 2026

Концепция обоснования педагогических условий повышения результативности исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты Росгвардии

Исследование посвящено обоснованию путей разрешения противоречия между потребностями исследовательской деятельности операторов научной роты Росгвардии в создании педагогических условий повышения ее результативности и отсутствием системы таких педагогических условий, а также их научной непроработанностью. Цель исследования — теоретически обосновать систему педагогических условий повышения результативности исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты Росгвардии. Научная новизна состоит в предложении оригинальной системы педагогических условий, сочетающей дифференцированное наставничество с разделением ролей между экспертным руководителем и оперативным наставником, индивидуальные образовательные траектории, ориентированные на закрытие дефицитов компетенций, и нематериальные стимулы, связанные с карьерными перспективами и научной интеграцией. Практическая ценность исследования заключается в разработке концепции комплекса педагогических условий повышения качества исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты Росгвардии, а также в возможности тиражирования данной концепции в других научных ротах силовых структур, а также в адаптации для программ подготовки молодых исследователей в условиях ограниченных временных и управленческих

ресурсов как в военных, так и гражданских образовательеых организациях высшего образования. На основе опроса операторов роты выявлены приоритетные запросы: обратная связь по промежуточным результатам, обучение методологии исследования и возможности сотрудничества с НТУ «Сириус». В результате полученные данные позволили сформулировать практическую модель, направленную на повышение мотивации, научной компетентности и как следствие, результативности исследований.

Ключевые слова: *результативность исследовательской деятельности; учебно-научная рота; Росгвардия; педагогические условия; наставничество; дополнительное образование; нематериальное стимулирование, научно-исследовательская деятельность.*

РУДОМЕТОВ Святослав Сергеевич, *старший офицер отдела координации и обеспечения деятельности учебно-научной роты, Главный центр научных исследований Росгвардии, Москва*
SPIN-код: 5360-2843

Введение

Тенденции развития политической ситуации в мире, технологичный характер современной войны и видимый дефицит научно-исследовательских работ, связанных с обоснованием оригинальных технических решений, применимых для выполнения служебно-боевых задач, обусловливают необходимость поиска новых подходов к организации и качеству научной деятельности в войсках национальной гвардии Российской Федерации. Одним из таких подходов стало создание на базе Главного центра научных исследований принципиально нового структурного подразделения — научной роты, основной целью функционирования которой определено повышение военно-научного потенциала войск и проведение научно-прикладных исследований в интересах Росгвардии. Научная рота Росгвардии, в отличии от схожих подразделений, сформированных в Министерстве Обороны, не имеет четкой специализации на одном направлении изысканий, что дает большую свободу в выборе тематик проведения исследований, а также возможности для заключения партнерских соглашений о проведении исследовательской работы с гражданскими научными организациями. Ярким примером подобного взаимодействия может послужить заключенное соглашение с Научно-технологическим университетом «Сириус», обеспечившее последующую передислокацию Учебно-научной роты Росгвардии в г. Сочи для полноценной интеграции процессов исследовательской деятельности по обговоренным тематикам. Учебно-научная рота Росгвардии комплектуется из числа молодых людей, подлежащих призыву на срочную службу, но при этом имеющих высшее образование. При наборе на службу приоритет отдается наиболее выдающимся выпускникам ведущих вузов страны с упором на обладание ими нужным набором личностных качеств и опыта работы в гражданском секторе. Операторы учебно-научной роты участвуют в разработке новых инновационных решений, развитии и оптимизации уже существующих проектов, регистрации изобретений, а также их апробации и внедрению в повседневную деятельность войск.

Основным противоречием, существующим при проведении военно-научных исследований, выступает их не всегда высокая результативность, что не соответствует предъявляемым требованиям. Как показывает изучение практики деятельности научной роты, основной причиной данного противоречия является недостаточно высокая мотивационная и научно-компетентностная готовность операторов, несмотря на общий высокий интеллектуальный потенциал молодых людей, призываемых на службу.

Важными условиями в обеспечении необходимого качества и результативности исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты Росгвардии является их личная мотивация к проведению исследования и интерес к выбранной тематике, наличие рядом наставника, способного объяснить все тонкости ведения научного исследования, а также возможность получения дополнительных знаний по выбранной тематике исследования для восполнения пробелов в знаниях.

Дополнительным фактором, осложняющим проведение научных исследований операторами учебно-научной роты, послу-

жила передислокация роты в г. Сочи. С одной стороны, это позволило находиться в непосредственной близости к Научно-технологическому университету «Сириус», что в свою очередь кратно облегчает процесс взаимодействия с научно-педагогическим составом университета и дает доступ к его учебно-материальной и производственной базе. С другой — создает условия, при которых операторы территориально разобщены со своими научными руководителями, а особенности срочной службы еще больше усложняют порядок взаимодействия с ними. В данных реалиях исследовательская деятельность операторов приобретает характер преимущественно самостоятельной в сравнении с предыдущими годами, что так же несет дополнительные сложности.

Как показывает анализ практики деятельности научной роты с момента ее передислокации, происходит снижение мотивации к проведению научных исследований примерно у трети личного состава, а также снижение патентной активности до уровня 80% от обычного.

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод, что существует необходимость в формировании педагогических условий повышения результативности исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты Росгвардии. Если рассматривать учебно-воспитательный процесс в научной роте Росгвардии как объект, а педагогические условия повышения качества исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты Росгвардии как предмет исследования и, преследуя цель теоретико-методологического и экспериментального обоснования системы педагогических условий повышения качества исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты Росгвардии, можно сформулировать гипотезу, что цель будет достигнута при соблюдении следующих условий: 1) исследование следует провести на основе системного и личностно-социально-деятельного подходов; 2) результативность исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты Росгвардии необходимо рассматривать как педагогическую цель; 3) разработать модель системы педагогических условий повышения качества исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты, включив в них на основе принципа комплексности: наставничество над операторами; организацию дополнительного образования; совершенствование системы стимулирования операторов; 4) разработать критерии оценки результативности использования системы педагогических условий повышения качества исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты.

Результаты исследования и их обсуждение

Одним из ключевых понятий исследования является «результативность исследовательской деятельности», под которым обычно понимается степень достижения запланированных научных и практических целей в ходе проведения исследований, проявляющаяся в количественных, качественных и практических критериях. Как выделяет в своей работе И.Н. Рыкова, результат научной деятельности — объективированная и зафиксированная на любых носителях информация, содержащая новые научные знания (открытия), новые решения прикладных задач в области науки и техники, обладающая новизной, практической целесообразностью и ценностью применения [6, с. 80]. В условиях деятельности учебно-научной роты Росгвардии к количественной категории можно отнести показатели научных публикаций, патентов, научно-исследовательских работ, представленных на конкурсы и освещенных на форумах. Качественная категория включает в себя наличие научной новизны, глубина проведенного в научно-исследовательской работе анализа, теоретическая и/или практическая значимость исследования, актуальность и обоснованность исследования, а также уровень журналов, в которых публикуются научные статьи операторов. К практической категории относится уровень практической реализации научно-исследовательских работ, количество созданных прототипов и внедренных в повседневную деятельность разработок. М.В. Ларионова результативность понимает как производительность научной деятельности, измеримая количеством и качеством публикаций, цитированием, внедрением результатов и другими формальными показателями [4, с. 21].

Под результативностью исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты Росгвардии мы понимаем совокупность измеримых теоретических и практических решений, отражающих не только продуктивность их научно-исследовательской деятельности как таковой, но и вклад в решение актуальных задач, стоящих перед Росгвардией.

Следует так же уточнить понятие «педагогические условия». Исходя из анализа научной литераторы, можно утверждать, что на сегодняшний день единой формулировки понятия «педагогические условия» не существует, каждый автор трактует данное понятие, исходя из своего опыта и представления. В данном вопросе нам наиболее близка позиция В.А. Беликова, согласно которому педагогические условия — это совокупность объективных возможностей содержания, форм, методов и материально-пространственной среды, направленных на решение поставленных в педагогике задач [1, с. 310], однако данное понятие слишком широкое и требует конкретизации под наши задачи.

Под педагогическими условиями повышения результативности исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты мы понимаем целенаправленно организованные и взаимосвязанные педагогические процессы (наставничество, дополнительное образование, система стимулирования), обеспечивающие формирование образовательной среды, в которой создаются предпосылки для получения значимых теоретических и практических результатов научно-исследовательской деятельности и погружение в данную среду операторов учебно-научной роты.

Каково содержание педагогических условий: влияния наставничества, дополнительного образования и стимулирования на повышение результативности исследовательской деятельности операторов, а также, каким образом данные процессы взаимосвязаны?

Наставничество можно отнести к актуальным формам взаимодействия, которые выступают действенным инструментом в процессах адаптации и развития молодых специалистов к новым условиям. По мнению С.Г. Вершловского, наставничество — это такой способ подготовки к образовательной деятельности, который обеспечивает работоспособность специалиста с опорой на опытного наставника, что способствует изучению работы как изнутри, так и на практике [2, с. 76].

В науке наставничество традиционно отождествлялось с функциями научного руководителя, предполагая всестороннюю поддержку подопечного — от экспертной консультации до поддержания мотивации. Однако в современных условиях эта модель утрачивает эффективность. Как отмечают И.Е. Ильина и И.М. Фадеева, «один человек уже не способен выполнять все функции, необходимые для подготовки молодых исследователей», особенно в условиях полидисциплинарности и высокой нагрузки [3, с. 552]. Авторы также подчёркивают, что «модель множественного наставничества многими расценивается как более правильная альтернатива традиционному научному руководству в лице одного наставника» [3, с. 552]. В контексте деятельности учебно-научной роты Росгвардии данная тенденция приобретает особую значимость, после соглашения с Научно-технологическим университетом «Сириус» и передислокации учебно-научной роты Росгвардии в г. Сочи изменился и характер проводимых операторами исследований, которые стали полидисциплинарными. Также передислокация привнесла фактор территориальной разобщенности во взаимодействие оператора с научным руководителем, еще больше усложнив их, при этом сводя функцию научного руководителя только к консультационной.

Все это говорит о необходимости пересмотра имеющейся модели научного руководства и проведении эксперимента по разделению функции руководства научной деятельностью оператора, с четко прописанными ролями, между несколькими наставниками. В такой системе официальный научный руководитель оставляет за собой экспертную роль и общее руководство проектом, при этом к группе операторов дополнительно прикрепляется наставник осуществляющий непосредственное с ними взаимодействие и отвечающий за реализацию неформальных функций (бороться с проявлением недобросовестности, проводить промежуточное заслушивание по работе, оказывать методическую помощь при оформлении научной документации, мотивировать и стимулировать научную деятельность оператора, оказывать помощь в поиске

программ дополнительного образования по тематике проводимого исследования, организовывать встречи с экспертами в области, организовывать сеансы связи с научным руководителем и т.д.). Согласно гипотезе, данные меры позволят не только нивелировать сложившиеся сложности с ролью научного руководителя оператора учебно-научной роты, но и повысить результативность проводимых исследований за счет ввода дополнительных элементов в существующую систему.

Вторым педагогическим условием был назван процесс дополнительного образования и способы его реализации в реалиях повседневной деятельности научной роты Росгвардии. Согласно Федеральному закону об образовании, дополнительное профессиональное образование направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды [1]. В нашем случае дополнительное образование послужит инструментом, позволяющим закрыть пробелы в знаниях по проводимой тематике исследования. Мы подразумеваем, что этот инструмент будет носить индивидуальный характер и применяться в каждом конкретном случае по отдельному сценарию и под руководством наставника. При его применении необходимо учитывать изначальный уровень образования, полученный оператором до призыва на срочную службу, жизненный и трудовой опыт и наличие практики проведения научных исследований. Подразумевается обязательное проведение занятий по методологии научно-исследовательской работы, порядка ведения патентной работы, роли и места применения нейросетевых моделей в проведении научных исследований, а также по индивидуальному запросу операторов организовываться лекции и консультации с привлечением экспертов в области проводимых исследований. Также возможна организация прохождения онлайн-курсов, используя возможности цифровой образовательной среды ведущих образовательных организациях страны. Для организации индивидуального плана дополнительного образования каждый оператор при распределении в научную роту должен пройти обязательное тестирование с целью выявления явных слабых сторон. После этого наставником прорабатываются возможные варианты проведения образовательных занятий, их формы и способы привлечения к ним. Разработка данного тестирования является одной из потенциальных задач, реализация которых позволит спроектировать комплекс педагогических условий повышения качества исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты Росгвардии, являющийся конечной целью нашего исследования.

Сопровождение наставником и возможность получить дополнительное образование по тематике проводимых изысканий безусловно являются важными факторами повышения результативности исследовательской деятельности, но они не будут работать должным образом в случае, если у операторов не будет личной заинтересованности в работе. Поэтому появляется необходимость дополнительного воздействия на операторов, создания системы стимулов. Согласно определению Толкового словаря С.И. Ожегова, стимул — это «побудительная причина к действию, заинтересованность в совершении чего-то». Исходя из данного определения мы должны обеспечить каждому оператору причину к действию, в нашем случае причину обеспечить требуемый результат проведения научных исследований за период их службы в учебно-научной роте. Согласно исследованию Н.М. Семанюк, М.М. Борисовой, С.Е. Шукшиной, Н.А. Муртазиной, наибольшего успеха удается добиться при комплексном подходе, предусматривающем сочетание нескольких стимулирующих факторов: финансовой поддержки, возможностей для публикации и участие в научных мероприятиях, а также тесного научного руководства опытных ученых [5, с. 189]. Учитывая, что служба в учебно-научной роте Росгвардии является срочной и методы материального стимулирования (финансовой поддержки) для нас недоступны, нам стоит сосредоточится на нематериальных.

Одним из новых факторов в организации научно-исследовательской деятельности в

[1] Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 15.10.2025) "Об образовании в Российской Федерации", 2012. — 254 с. — С. 152.

учебно-научной роте Росгвардии стало заключение соглашения о сотрудничестве с Научно-технологическим университетом «Сириус», благодаря которому у операторов имеется уникальная возможность участия в проведении научных изысканий совместно с научным составом университета, что способствует получению передового опыта проведения научных исследований с возможностью его последующего применения в других работах. Это сотрудничество открывает возможность операторам участвовать в проводимых на территории Научно-технологического университета «Сириус» научных мероприятий в качестве слушателей, а наиболее отличившимся в качестве участников, при этом без отрыва от повседневной деятельности. В учебно-научной роте Росгвардии имеется практика ведения патентной работы, у операторов всегда имеется возможность закрепить свое исключительное право на результаты своих изысканий.

Сегодня в теории и практике науки имеется большой опыт повышения результативности проводимых исследований, однако не один из этих подходов до конца не отражает потребности учебно-научной роты Росгвардии. В связи с этим данный вопрос нуждается в дальнейшей разработке.

Поиск методов совершенствования научно-исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты направлен на повышение результативности проводимых ими в период прохождения срочной службы исследований. С этой целью был проведен опрос операторов учебно-научной роты Росгвардии, в котором операторам предлагалось ответить на заданные опросы и оценить значимость того или иного условия для повышения общей результативности исследовательской деятельности. Опросный лист был разделен на три основных раздела, включающих вопросы по направлению наставничества, дополнительного образования и методов стимулирования.

В первом разделе, посвященном вопросам наставничества, были получены следующие данные:

1. Наиболее полезной формой взаимодействия с наставником операторы считают:

— обратная связь по промежуточным результатам — 62% опрошенных;

— помощь в публикациях/оформлении патентов — 12% опрошенных;

— участие в научных семинарах под руководством наставников — 26% опрошенных.

2. К наиболее важными личностными качествами наставника операторы относят:

— высокий уровень общее эрудиции — 41% опрошенных;

— наличие опыта в публикациях/патентной работе/внедрении разработок — 32% опрошенных;

— готовность к диалогу и поддержка инициативы — 27% опрошенных.

Во втором разделе, посвященном вопросам возможности дополнительного образования, были получены следующие данные.

Наиболее предпочтительное направление дополнительного образования операторы считают:

— методология и методика проведения научного исследования — 56% опрошенных;

— использование больших языковых моделей и цифровых инструментов в исследовании — 27% опрошенных;

— лекции экспертов в направлении исследования — 17% опрошенных.

В третьем разделе, посвященном вопросам стимулирования исследовательской деятельности, были получены следующие данные.

Наиболее действенными способами стимулирования исследовательской деятельности операторы считают:

— публичное признание (благодарности, грамоты) — 5% опрошенных;

— участие в научных конференциях — 15% опрошенных;

— возможность получения преимуществ при поступлении в магистратуру/аспирантуру (рекомендательные письма, квоты) — 27% опрошенных;

— возможность совместной работы с научным коллективом НТУ «Сириус» — 29% опрошенных;

— шанс получить приглашение на работу после окончания срочной службы — 24% опрошенных.

Эмпирические данные, полученные в ходе опроса, подтверждают:

— наибольшую ценность операторы придают обратной связи по промежуточным результатам (62%);

— ключевой образовательной потребностью остаётся методология научного исследования (56%);

— наиболее значимыми стимулами выступают возможность сотрудничества с НТУ «Сириус» (29%) и карьерные перспективы после службы (24-27%).

Таким образом, как следует из результатов опроса, для обеспечения повышения результативности проводимых исследований, значимы как внешние факторы воздействия на повседневную деятельность операторов, так и их устремления, интересы, проявление инициативы в постановке и решении научных проблем.

Заключение

Проведенное исследование позволяет подтвердить гипотезу, что повышение результативности научно-исследовательской деятельности операторов учебно-научной роты Росгвардии возможно при реализации комплекса взаимосвязанных педагогических условий: дифференцированного наставничества, индивидуально направленного дополнительного образования и средств нематериального стимулирования.

Анализ практики деятельности роты после её передислокации в г. Сочи выявил объективные трудности: территориальная разобщённость с научными руководителями, снижение мотивации и патентной активности. В этих условиях традиционная модель научного руководства утрачивает свою эффективность. Предложенная нами модель дифференцированного наставничества — с разделением ролей между экспертным руководителем и оперативным наставником — предположительно позволит сохранить непрерывность педагогического сопровождения, обеспечить методическую поддержку и поддерживать мотивацию операторов на всех этапах исследования.

Таким образом, результативность исследовательской деятельности в условиях срочной службы не является исключительно личностной характеристикой военнослужащего, а во многом зависит от проработанной образовательной среды. Формирование такой среды требует синергии наставничества, гибкого дополнительного образования и системы нематериального стимулирования.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на апробацию модели дифференцированного наставничества, разработку индивидуальных образовательных траекторий и создание системы нематериального стимулирования, интегрированной в служебно-профессиональную деятельность операторов.

Литература:

1. Беликов В.А. Образование. Деятельность. Личность: монография. — М.: Академия Естествознания, 2010. — 310 с.

2. Вершловский С.Г. Особенности профессионального становления молодого учителя // Сов. педагогика. — 2014. — №4. — С. 76.

3. Ильина И. Е., Фадеева И. М. Исследование роли наставничества в науке как фактора научно-технологического развития // Управление наукой и наукометрия. — 2023. — Т. 18, №4. — С. 544–577.

4. Ларионова М.В. Сравнительный анализ опыта оценки исследовательского потенциала университетов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2011. — Т. 6, №1. — С. 4-28.

5. Семенюк Н.М. Методы стимулирования научно-исследовательской работы студентов в вузах России / Н.М. Семенюк, М.М. Борисова, С.Е. Шукшина, Н.А. Муртазина // Управление образованием: теория и практика. — 2024. — №2-1(76). — С. 187-194. doi:10.25726/k7674-1199-7377-v

6. Рыкова Инна Николаевна Подходы к определению результативности научно-исследовательской деятельности в России // Финансовый журнал. — 2013. — №3. — С 73-88.

SEMANTIC-PRAGMATIC INTERPRETATION OF TEACHER'S DISCOURSE AS AN INDICATOR OF STUDENTS' COGNITIVE LOAD

Unatlokov Vyacheslav Khautievich, *PhD of Philological sciences, Associate Professor, Institute of Social Sciences and Humanities, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic*

Kafarova Kizkhanum Zagirovna, *Senior Lecturer, Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny, Chechen Republic*

Petrosyan Aleksandr Albertovich, *Postgraduate student, Faculty of Information Technology, Moscow Polytechnic University, Moscow*

The article examines the potential of the semantic-pragmatic classical discourse of a teacher as an additional indicator of students' cognitive load. The purpose of the study is to substantiate the prospects of such an interpretation and outline directions for further empirical development of the problem in the context of higher education. The article draws on the theoretical sources of J. Sweller's cognitive load theory in the work of F. Paas and J. van Merriboer, as well as the cognitive-pragmatic approach to pedagogical discourse. A conceptual analysis of semantic parameters (information loudness, explicitness of logical connections, balance of terminology and "explanatory" language), pragmatic strategies (directives, questions, paraphrasing, metacommentaries), and discursive markers of structuring and complexity is conducted. It is argued that the totality of these characteristics can be interpreted through the triad of internal, external, and relevant cognitive load. A descriptive framework for analyzing teacher discourse across coursework stages and cognitive load types is proposed. Theoretical and applied prospects for using this framework in a higher education context are presented.

Keywords: *cognitive load; cognitive load theory; teacher discourse; pedagogical discourse; semantic-pragmatic interpretation.*

EDN: YEYXHW ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.60***

Цитировать: *Унатлоков В.Х., Кафарова К.З., Петросян А.А. Семантико-прагматическая интерпретация дискурса преподавателя как показатель когнитивной нагрузки студентов // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 431-435. EDN: YEYXHW. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.60*

УДК 378.147
5.8.1

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИСКУРСА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ СТУДЕНТОВ

© Унатлоков В.Х., Кафарова К.З., Петросян А.А., 2026

В статье рассматривается возможность семантико-прагматической интерпретации дискурса преподавателя как косвенного показателя когнитивной нагрузки студентов. Цель исследования — обосновать перспективность такой интерпретации и наметить направления дальнейшей эмпирической разработки проблемы в контексте высшего образования. Теоретической основой служит теория когнитивной нагрузки Дж. Свеллера в интерпретации Ф. Пааса и Я. ван Мерринбоера, а также когнитивно-прагматический подход к педагогическому дискурсу. Проводится концептуальный анализ семантических параметров (информационная плотность, эксплицитность логических связей, баланс терминологии и «объясняющего» языка), прагматических стратегий (директивы, вопросы, перефразирование, метакомментарии) и дискурсивных маркеров структурирования и оценки сложности. Обосновывается тезис о том, что совокупность указанных характеристик может интерпретироваться через триаду внутренней, внешней и релевантной когнитивной нагрузки. Предлагается описательная схема анализа дискурса преподавателя по этапам учебного занятия и типам когнитивной нагрузки. Показаны теоретические и прикладные перспективы использования данной схемы в практике высшего образования.

Ключевые слова: *когнитивная нагрузка; теория когнитивной нагрузки; дискурс преподавателя; педагогический дискурс; семантико-прагматическая интерпретация.*

Унатлоков Вячеслав Хаутиевич, *кандидат филологических наук, доцент, Социально-гуманитарный институт, Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, Нальчик, Кабардино-Балкарская республика*

Кафарова Кизханум Загировна, *старший преподаватель, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Грозный, Чеченская республика*

Петросян Александр Альбертович, *аспирант, Московский политехнический университет, Москва*

Введение

Современный этап развития педагогики характеризуется усилением внимания к когнитивным основаниям учебной деятельности и речевому оформлению педагогического взаимодействия. Теория когнитивной нагрузки, разработанная Д. Свеллер, показывает, что «ограниченные ресурсы рабочей памяти обучающегося требуют особой организации содержания и формы предъявления учебного материала, иначе возникает перегрузка и снижается результативность обучения» [4, с. 299]. На это указывают исследования Д. Свеллера [5], демонстрирующие зависимость успешности усвоения от соотношения внутренней, внешней и учебной составляющих нагрузки, а также работы Ф. Паас, эмпирически подтвердившего «связь субъективно переживаемых умственных усилий с качеством выполнения учебных заданий» [3, с. 422]. Параллельно в лингвистике и теории образования формируется подход к педагогическому и академическому дискурсу как к особому типу институционального общения, обладающему специфическими когнитивно-прагматическими характеристиками.

В этих условиях актуальной становится задача теоретически установить, каким образом семантические и прагматические параметры дискурса преподавателя (структурирование темы, характер объяснений, система вопросов, метакомментарии) могут рассматриваться как косвенные индикаторы когнитивной нагрузки студентов. Исследование направлено на обоснование перспективности такой интерпретации и установление перспектив дальнейшей эмпирической разработки проблемы в контексте высшего образования.

Результаты исследования и их обсуждение

Теория когнитивной нагрузки, разработанная Джоном Свеллером и развиваемая в работах Фреда Пааса и Яна ван Мерринбоера, исходит из ограниченных ресурсов рабочей памяти обучающегося и различает внутреннюю, внешнюю и значимую (учебную) составляющие нагрузки. Показано, что «чрезмерное усложнение содержания или формы предъявления материала приводит к росту внешней нагрузки и снижению продуктивности учебной деятельности, тогда как продуманное структурирование, дозирование информации и опора на уже сформированные когнитивные схемы позволяют перераспределять усилия в пользу значимой нагрузки и способствуют формированию устойчивых знаний и умений» [5, с. 289].

Семантическая организация дискурса преподавателя напрямую связана с объёмом и характером когнитивной нагрузки, которую испытывают студенты в процессе усвоения учебного материала. Теория когнитивной нагрузки, разработанная Дж. Свеллером, показывает, что переработка новой информации ограничена возможностями операциональной памяти, поэтому чрезмерное усложнение содержания или его неструктурированная подача ведут к перегрузке и снижению учебной успешности.

Одним из ключевых параметров выступает плотность пропозиций и понятий в единицу учебного времени: чем больше новых определений, терминов, связей и обобщений вводится в рамках одного объяснительного фрагмента, тем выше внутренняя когнитивная нагрузка. Исследования в русле теории когнитивной нагрузки (Ф. Паас, И. ван Мерринбоер и др.) показывают, что сложность учебной задачи и количество взаимосвязанных элементов содержания прямо связаны с субъективно переживаемыми умственными усилиями обучающихся. В педагогической практике это означает необходимость дозирования теоретического материала, «упаковки» его в относительно небольшие смысловые блоки и обеспечения пауз для переработки и закрепления.

Не менее значимым показателем когнитивной нагрузки является степень явной логической связности дискурса. Когда причинно-следственные, иерархические и таксономические отношения между понятиями проговариваются, визуализируются, сопровождаются речевыми сигналами («сначала», «следовательно», «отсюда вытекает»), студенты получают опору для формирования когнитивных схем, что способствует увеличению релевантной, то есть учебно-полезной нагрузки. Напротив, имплицитное предъявление связей, скачкообразные переходы между фрагментами содержания, отсутствие вербализованных обобщений ведут к возрастанию внешней нагрузки: значительная часть уси-

лий тратится не на усвоение, а на реконструкцию логики изложения.

Особое внимание в лингвистике и педагогике уделяется балансу между специализированной терминологией и «объясняющим», приближённым к повседневному опыту языком. В исследованиях педагогического дискурса подчёркивается, что задача преподавателя состоит не только в передаче научных понятий, но и в переводе их на язык, доступный уровню когнитивного развития и учебной подготовленности конкретной аудитории. Чрезмерная терминологическая насыщенность без последовательного раскрытия содержательных признаков понятий увеличивает внешнюю нагрузку, тогда как использование примеров, метафор, наглядных ситуаций обеспечивает перекодировку сложных концептов и способствует перераспределению когнитивных ресурсов в пользу осмысленного понимания.

Прагматический уровень дискурса преподавателя связан с целенаправленным выбором речевых актов и коммуникативных стратегий, посредством которых организуется учебное взаимодействие, регулируется деятельность студентов и управляется их вниманием. В рамках когнитивной перспективы дискурс анализируется как последовательность речевых действий, реализующих объясняющую, побудительную, контролирующую, поддерживающую функции педагогического общения.

Одну из ключевых групп составляют директивы: инструкции, задания, требования, побуждения к выполнению учебной деятельности. Прагмалингвистические исследования организационного дискурса в учебной ситуации показывают, что степень конкретности и структурированности директивных высказываний существенно влияет на успешность понимания задачи и распределение когнитивных усилий [1, с. 16]. Если преподаватель формулирует задание расплывчато, включает в одну реплику несколько разнонаправленных требований, не обозначает приоритеты и последовательность действий, значительная часть ресурсов студентов расходуется на интерпретацию условия, а не на собственно решение учебной задачи. Напротив, пошаговая инструкция, выделение ключевых действий, указание критериев результата способствуют снижению внешней нагрузки.

Не менее важны стратегии постановки вопросов. Вопросы проверочного, диагностического, проблемного характера выполняют сразу несколько функций: контролируют уровень понимания, стимулируют переработку информации, побуждают к рефлексии. Исследования дискурса преподавателя показывают, что преобладание вопросов, предполагающих односложный ответ, поддерживает минимальный уровень внимания, но мало способствует перестройке когнитивных схем; напротив, открытые, уточняющие, метапознавательные вопросы увеличивают долю учебно-релевантной нагрузки, направляя мыслительную деятельность студентов на установление связей, обобщение и перенос знаний.

К прагматическим стратегиям относится также перефразирование и пояснительное повторение. Когда преподаватель целенаправленно возвращается к ключевым фрагментам, переформулирует определения, сопоставляет различные формулировки одного и того же понятия, он создаёт условия для многократной когнитивной обработки информации, что, по данным теории когнитивной нагрузки, способствует укреплению устойчивых схем в долговременной памяти. Однако избыточные повторы без изменения ракурса или уровня конкретности могут, напротив, увеличивать внешнюю нагрузку за счёт чувства «информационного шума».

Особый пласт семантико-прагматических средств составляют дискурсивные маркеры — слова и выражения, которые не несут нового предметного содержания, но выполняют важные функции структурирования текста, регулирования взаимодействия и управления вниманием адресата. В работах по лингвистике дискурса показано, что такие единицы, как «итак», «значит», «в любом случае», «так или иначе», сигнализируют переход к новой фазе рассуждения, подведение промежуточного итога или смену коммуникативной задачи.

В педагогическом дискурсе маркеры структурирования («сейчас перейдём к следующему вопросу», «подведём итог сказанному», «главное здесь то, что…») выступают важным инструментом снижения внешней когнитивной нагрузки: они помогают студентам ориентироваться в логике объяснения, выделять опорные пункты содержания, своевремен-

но переключать внимание с одного аспекта темы на другой. При отсутствии подобных сигналов учебный текст воспринимается как «непрерывный поток», что требует от обучающихся дополнительных усилий по самостоятельной сегментации и увеличивает риск потери смысла [2, с. 319].

Отдельную группу составляют маркеры оценки сложности и значимости: реплики типа «это непростая тема», «здесь нужно быть особенно внимательными», «на этом месте обычно возникают трудности» выполняют функцию метакомментариев по поводу ожидаемой когнитивной нагрузки. Они не только предупреждают студентов о необходимости мобилизовать ресурсы, но и нормализуют переживание затруднений, снижая тревожность и поддерживая мотивацию.

Наконец, в устной речи преподавателя часто используются частицы и вводные слова, выполняющие роль «паузы» или «триггера» для переключения внимания: «ну», «так», «значит», «итак, продолжим». Прагматический анализ показывает, что такие единицы могут служить сигналом завершения одного смыслового блока и начала другого, создавая ритм учебного общения, который облегчает переработку информации.

Обобщая рассмотренные семантические, прагматические и дискурсивные характеристики, можно говорить о их двойственном когнитивно-прагматическом потенциале. С одной стороны, они способны усиливать неблагоприятные компоненты когнитивной нагрузки. Высокая информационная плотность, имплицитность логических связей, перегруженные инструктивные формулировки, отсутствие чётких маркеров структурирования создают ситуацию, когда значительная часть ресурсов обучающихся расходуется на ориентацию в тексте и восстановление замысла преподавателя.

С другой стороны, при целенаправленном использовании эти же параметры становятся инструментом педагогического управления когнитивной нагрузкой. Продуманное дозирование нового содержания, эксплицитное выстраивание причинно-следственных и иерархических связей, пошаговые инструкции, система диагностических и проблемных вопросов, метакомментарии о сложности материала и «сигнальные» дискурсивные маркеры позволяют снижать избыточную внешнюю нагрузку и одновременно повышать долю релевантной учебной нагрузки, связанной с осмысленным пониманием и конструированием знаний.

В этом смысле семантико-прагматическое устройство дискурса преподавателя может рассматриваться как пространство реализации дидактических принципов, вытекающих из теории когнитивной нагрузки: принципа постепенного усложнения, принципа опоры на уже сформированные знания, принципа минимизации отвлекающих факторов и избыточной информации. Такое понимание создаёт основу для качественной интерпретации учебного дискурса как возможного индикатора уровня и характера когнитивной нагрузки студентов.

На основе рассмотренных положений можно предложить описательную схему интерпретации дискурса преподавателя как показателя когнитивной нагрузки студентов, не претендующую на статус новой формальной модели.

1. *Сегментация дискурса.* Учебное занятие делится на относительно целостные фрагменты (этап объяснения нового материала, постановка задачи, обсуждение решения, подведение итогов). Такая сегментация соответствует дидактическим этапам урока и позволяет соотносить семантико-прагматические характеристики речи с целями конкретного отрезка учебной деятельности.

2. *Аннотирование семантических и прагматических параметров.* Для каждого фрагмента определяется плотность введения новых понятий, степень эксплицитности логических связей, характер используемой терминологии, а также типы речевых актов (объяснение, директива, вопрос, оценка), особенности постановки вопросов, наличие перефраз и метакомментариев, набор дискурсивных маркеров.

3. *Интерпретация через типы когнитивной нагрузки.* На основании теории когнитивной нагрузки делается качественный вывод о том, какие компоненты нагрузки вероятнее всего доминируют в данном фрагменте: внутренняя (обусловленная сложностью содержания), внешняя (связанная с формой предъявления и организацией дискурса), релевантная (отражающая учебно полезные усилия по осмыслению и интеграции знаний).

4. *Сопоставление фрагментов и сценариев.* Полученные данные позволяют реконструировать общий дискурсивный профиль преподавателя и выявить преобладающие сценарии: перегрузка, поддерживающий дискурс, тенденция к авторитарности и др. На этой основе возможно выдвижение гипотез о том, как данные особенности связаны с успеваемостью, учебной мотивацией и самочувствием студентов.

Такая схема опирается на уже сложившиеся теоретические подходы — теорию когнитивной нагрузки и когнитивно-прагматическую лингвистику дискурса — и служит инструментом качественной интерпретации, открытым для дальнейшей эмпирической проверки.

Заключение

Таким образом, семантико-прагматические характеристики дискурса преподавателя могут рассматриваться как значимый косвенный индикатор когнитивной нагрузки студентов, соотносимый с типами нагрузки, выделяемыми в теории Дж. Свеллера. Интеграция положений теории когнитивной нагрузки с когнитивно-прагматическим подходом к учебному дискурсу открывает перспективы для разработки критериев педагогического проектирования, направленного на оптимизацию содержания и речевой организации обучения и требует дальнейшей эмпирической проверки в разных образовательных контекстах.

Литература:

1. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и личностный дискурс: сборник научных работ / под редакцией В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5–20.

2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, понятия, дискурс: монография. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.

3. Paas F.G., Van Merriënboer J.J., Adam J.J. Measurement of cognitive load in instructional research // Percept Mot Skills. — 1994. — 79(1 Pt 2). — Pp. 419-430. https://doi.org/10.2466/pms.1994.79.1.419

4. Sweller J. Cognitive load theory, learning difficulty, and instructional design // Learning and instruction. — 1994. — Т. 4. — №. 4. — С. 295—312.

5. Sweller J., van Merrienboer, J.J., Paas, F.G. Cognitive Architecture and Instructional Design // Educational Psychology Review. — 1998. — №10. — Pp. 251–296. https://doi.org/10.1023/A:1022193728205

THE CONTEXT OF SOCIAL COMMUNICATION AS A CONDITION FOR THE LEARNER'S MEANING-FORMATION: THEORETICAL AND PEDAGOGICAL UNDERSTANDING

Shabanova Tatyana Nikolaevna, *Lecturer, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Krasnodar*

The study provides a theoretical understanding of the context of social communication as a condition for learners' meaning-making in a modern, mediated educational environment. Drawing on cultural-historical and student-centered approaches, the limitations of the knowledge paradigm are presented and it is demonstrated that the personal meaning of learning arises at the intersection of formal, informal, and online communicative practices. Social communication is interpreted as a discursive space in which educational meanings are constructed through dialogue, collaborative activities, identification, and reflection. Based on the study's results, a theoretical and pedagogical model is proposed that incorporates the interrelationships between educational actors, content, the organization's communicative space, and the external media environment; the central outcome of their interaction is the learner's personal meaning-making. The article substantiates the pedagogical principles of designing meaning-rich communication (dialogic, subjectivity, openness, reflexivity, personalization) and analyzes the risks of a mediated context (infonoise, pseudo-dialogic, manipulation). It concludes that the presented model has the potential to serve as a theoretical foundation for developing practice-oriented technologies for organizing a communicative educational environment that supports students' learning motivation and professional self-determination.

Keywords: *student meaning-making; personal meaning; social media environment; mediated educational environment; educational communication.*

EDN: YJNOTS **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.61**

Цитировать: *Шабанова Т.Н. Контекст социальной коммуникации как условие смыслообразования обучающегося: теоретико-педагогическое осмысление // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 436-440. EDN: YJNOTS. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.61*

УДК 37.013
5.8.1

© Шабанова Т.Н., 2026

КОНТЕКСТ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК УСЛОВИЕ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ: ТЕОРЕТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

ШАБАНОВА Татьяна Николаевна,
преподаватель, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар

Исследование направлено на теоретическое осмысление контекста социальной коммуникации как условия смыслообразования обучающегося в современной медиатизированной образовательной среде. На основе культурно-исторического и личностно-ориентированного подходов представлены ограничения знаниевой парадигмы и показано, что личностный смысл учения возникает в пересечении формальных, неформальных и сетевых коммуникативных практик. Социальная коммуникация трактуется как дискурсивное пространство, в котором через диалог, совместную деятельность, идентификацию и рефлексию конструируются образовательные значения. По результатам исследования предложена теоретико-педагогическая модель, включающая взаимосвязь субъектов образования, содержания, коммуникативного пространства организации и внешней медиасреды; центральным результатом их взаимодействия выступает личностное смыслообразование обучающегося. Обосновываются педагогические принципы проектирования смыслонасыщенной коммуникации (диалогичность, субъектность, открытость, рефлексивность, персонализация) и анализируются риски медиатизированного контекста (инфошум, псевдодиалогичность, манипуляция). Сделан вывод о потенциале представленной модели как теоретического основания для разработки практико-ориентированных технологий организации коммуникативной образовательной среды, поддерживающей учебную мотивацию и профессиональное самоопределение обучающихся.

Ключевые слова: *смыслообразование обучающегося; личностный смысл; социальная медиасреда; медиатизированная образовательная среда; учебная коммуникация.*

Современная модернизация образования в условиях медиатизации и сетевой коммуникативности по новому ставит проблему смыслообразования обучающегося. Учебное знание все чаще усваивается не в замкнутом классово урочном пространстве, а в широком контексте социальной коммуникации, включающем дискурсивные практики интернет сообществ и повседневные сетевые взаимодействия. В этих условиях знаниевая парадигма, ориентированная преимущественно на передачу содержания, обнаруживает ограниченность, поскольку не объясняет механизмов превращения учебной информации в личностно значимый опыт.

В работах А.Н. Леонтьева личностный смысл описывается как «форма отражения действительности, задающая иерархию мотивов и выступающая источником активности субъекта учения» [3, с. 237]. А.Г. Асмолов показывает, что «цель современного образования состоит в развитии индивидуальности, ценностно смысловой сферы и способности к самоопределению» [1, с. 128]. В трактовке В.В. Серикова личностно ориентированное образование предстает как «организация пространства отношений и событий, где через диалог и совместную деятельность осуществляется смыслопередача и смыслопорождение» [5, с. 72]. Следовательно, контекст социальной коммуникации выступает не фоном, а ключевым условием становления субъекта учения, что и обусловливает необходимость его теоретико педагогического анализа.

Понятие социальной коммуникации в гуманитарном знании раскрывается как процесс социально опосредованного взаимодействия, в котором производство смысла обусловлено не передачей «готовых» сообщений, а интерпретацией, признанием и согласованием позиций участников. Социальная коммуникация включает диалог, дискурс и устойчивые коммуникативные практики, закреплённые в культуре и институтах. В этой логике принципиально важно различать информационный обмен и коммуникацию как событие взаимопонимания. В теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса [7] рациональность общения связывается с ориентацией на согласие и с «притязаниями на значимость» высказываний (истинность, нормативная оправданность, искренность), благодаря чему коммуникация становится механизмом общественной интеграции и одновременно условием формирования субъектной позиции. Тем самым образовательные взаимодействия могут быть описаны не только через дидактические процедуры, но и через дискурсивные режимы признания, аргументации и совместного принятия смыслов.

Учебная коммуникация представляет собой институционально организованное педагогическое взаимодействие, ориентированное на формирование учебной деятельности, освоение способов действия и развитие рефлексии. Однако образовательная коммуникация обучающегося поликонтекстна: формальные контексты (урок, консультация, контроль, регламент) переплетаются с неформальными (дружеские микрогруппы, кружки, дворовые сообщества) и информальными (стихийные обмены мнениями, бытовые разговоры, ситуативные обсуждения). Именно на пересечении контекстов возникает «смысловая судьба» учебного содержания: оно может быть присвоено как ценностно значимый ресурс самоопределения либо редуцировано до внешней обязанности. Для педагогики здесь критично понятие социальной ситуации развития: содержание образования начинает «работать» на личностный смысл лишь тогда, когда включено в систему значимых отношений и совместных действий.

Особенности современной медиасреды усиливают роль сетевых сообществ и цифровых платформ как пространств социализации и конструирования «я-образа». Медиатизированная коммуникация характеризуется высокой интенсивностью, фрагментарностью внимания и переизбытком сигналов оценки, что перестраивает механизмы мотивации и смыслообразования: усиливается зависимость от внешнего признания и эмоционального резонанса, возрастает риск ситуативности целей. Вместе с тем эмпирические исследования отечественных психологов показывают, что связь между уровнем сформированности «образа Я» подростка и его самопрезентацией в виртуальной среде является статистически выраженной: при более интегрированном «образе Я» наблюдаются более осмысленные стратегии поведения и самопредъявления. Так, О.В. Рубцова и соавторы, анализируя подростковую самопре-

зентацию в виртуальной среде, описывают сопряжённость особенностей поведения и характеристик «образа Я», подчёркивая педагогическую значимость развития рефлексии и критического отношения к цифровым практикам [4, с. 25]. Исследования Р.И. Зекерьяева, посвящённые компоненту «Я-виртуальное», также фиксируют, что сетевые практики становятся частью структуры самосознания, а значит, способны усиливать либо ослаблять смысловую насыщенность образовательного опыта [2, с. 276].

Коммуникативное пространство образовательной организации — это многоуровневая система официальных и неофициальных каналов взаимодействия. Официальные каналы (урок, проектная защита, обсуждение результатов, воспитательные мероприятия) задают нормативную рамку и критерии успешности; неофициальные (повседневные разговоры, групповые чаты, совместные инициативы) обеспечивают распределение ролей, формирование статуса и эмоциональной поддержки. Вертикальные взаимодействия «администрация — педагог — обучающийся» регулируют правила и ожидания, тогда как горизонтальные связи между обучающимися и между педагогами создают поле кооперации, взаимного обучения и коллективного смыслопроизводства. В этой системе педагог выступает медиатором коммуникации: он не только передаёт содержание, но и проектирует условия дискурса, поддерживает этическую рамку, предотвращает манипулятивные сценарии и переводит стихийные обсуждения в формат культурно аргументированного диалога.

Позиция обучающегося в коммуникативных сетях колеблется от пассивного реципиента к активному субъекту смыслопорождения. В репродуктивной модели доминирует внешняя регуляция и ориентация на образец; в развивающей модели значима субъектность: способность инициировать вопросы, строить аргументацию, осуществлять выбор и принимать ответственность. Культурно-историческая традиция связывает становление внутреннего плана действия с интериоризацией форм сотрудничества: следовательно, чем богаче и диалогичнее коммуникативные практики обучения, тем выше вероятность формирования личностного смысла и устойчивой учебной мотивации.

Контекст социальной коммуникации целесообразно понимать как совокупность социальных ролей, норм, дискурсов, практик и медиасред, задающих рамки интерпретации образовательных событий и определяющих доступные обучающемуся позиции участия. Такой контекст формируется на пересечении институциональных требований школы (или вуза), культурных ожиданий значимых сообществ и индивидуальных стратегий самопрезентации. В личностно-ориентированной педагогике В.В. Серикова образование трактуется как организация пространства отношений и событий, где разворачиваются механизмы личностного существования — рефлексия, избирательность, ответственность и смыслотворчество; поэтому коммуникативный контекст становится не «фоном», а ведущим условием педагогической результативности.

Механизмы влияния коммуникативного контекста на смыслообразование можно описать через четыре взаимосвязанных узла. Во-первых, диалог и полилог выступают источником проблематизации: столкновение интерпретаций вынуждает обучающегося уточнять основания позиции и соотносить знание с ценностями. Во-вторых, совместная деятельность обеспечивает кооперацию и распределённую ответственность, а смысл рождается через переживание причастности к общему результату. В-третьих, идентификация и принадлежность к группе задают ценностно-нормативную рамку; через признание и статусные отношения формируется образ «я как учащегося», а вместе с ним — учебные мотивы. В-четвёртых, рефлексия опыта через коммуникацию (обсуждения, обратная связь, публичное представление результатов) переводит обучение из режима выполнения требований в режим самоопределения.

Теоретико-педагогическая модель контекста социальной коммуникации как условия смыслообразования включает ключевые компоненты: субъект-педагог, субъект-обучающийся, содержание образования, коммуникативное пространство организации и внешняя медиасреда. Центральным результатом взаимодействия компонентов выступает личностное смыслообразование как присвоение содержания в форме моти-

вированного, ценностно обусловленного и рефлексивно контролируемого опыта. Связи между компонентами реализуются через коммуникативные практики (вопросно-ответные структуры, дискуссии, совместный анализ, проектирование), через механизмы признания и мотивообразования, а также через институциональные регламенты (табл., рис.). Уровни смыслообразования описываются как:

— индивидуальный (внутренняя работа смысла);

— межличностный (диалог), групповой (сообщество);

— институциональный (культура и правила).

Таблица — **Ключевые компоненты теоретико-педагогической модели**

Компонент модели	**Краткая характеристика**	**Опорные авторы / концепции**	**Вклад в смыслообразование обучающегося**
Субъект-педагог	Значимый другой, организатор и медиатор образовательной коммуникации; задаёт ценностно-смысловую рамку, поддерживает признание и рефлексию.	А. Г. Асмолов — ценностно-смысловая сфера и «значимый другой» в образовании; В. В. Сериков — личностно-ориентированное образование как пространство отношений	Запускает механизмы мотивообразования, создаёт ситуации «присвоения» содержания и перехода от внешней к внутренней мотивации.
Субъект-обучающийся	Активный или потенциальный субъект смыслопорождения; конструирует «образ Я» в пересечении учебных и сетевых практик.	А. Н. Леонтьев — личностный смысл как связь мотива и цели деятельности; исследования «Я-образа» и «Я-виртуального» подростков в сетях (О. В. Рубцова, Р. И. Зекерьяев)	Определяет индивидуальную «смысловую судьбу» содержания: включение в жизненные планы, образовательную идентичность, устойчивость учебной мотивации.
Содержание образования	Носитель культурно закреплённых значений; приобретает личностный смысл в связи с опытом, ценностями и коммуникативными ситуациями.	А. Н. Леонтьев — различение значения и личностного смысла; В. В. Сериков — содержание как ресурс личностного развития, а не самоцель	При соответствующей подаче становится ресурсом самоопределения, а не только объектом усвоения; связывает учебные задачи с ценностными ориентирами.
Коммуникативное пространство образовательной организации	Многоуровневая система официальных и неофициальных каналов общения (уроки, проекты, чаты, инициативы), задающая правила признания и участия.	Ю. Хабермас — коммуникативное действие, ориентированное на взаимопонимание и согласие; В. В. Сериков — образование как пространство событий и отношений	Обеспечивает переход от информационного обмена к подлинному диалогу и полилогу; формирует опыт сотрудничества, доверия и ответственности, усиливающий личностный смысл учения.
Внешняя медиасреда	Сетевые сообщества, цифровые платформы, медиатексты, задающие дополнительные дискурсы, нормы и образцы поведения.	Исследования виртуальной самопрезентации и «Я-образа» подростков (О. В. Рубцова и др.; Р. И. Зекерьяев); работы о медиатизированной коммуникации и её влиянии на мотивацию и внимание	Может расширять смысловой горизонт (участие в сообществах практики, доступ к разнообразным позициям) или, напротив, порождать инфошум, манипуляцию и псевдодиалогичность, ослабляющие глубину смыслообразования.

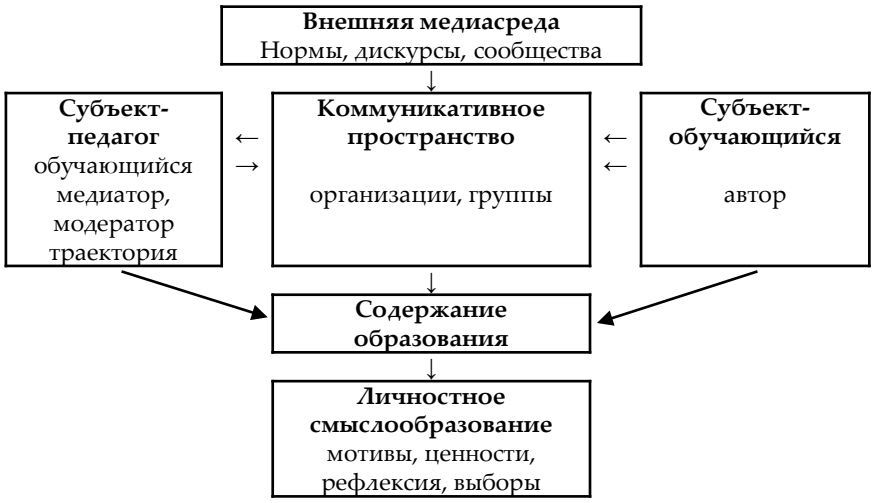

Рисунок — **Ключевые компоненты теоретико-педагогической модели**

Педагогические принципы конструирования образовательной коммуникации, усиливающие смыслообразование, включают: диалогичность (равноправие голосов и аргументация), субъектность (инициатива и ответственность обучающегося), открытость (сопряжение учебного содержания с культурно-социальным опытом), рефлексивность (процедуры анализа оснований решений и затруднений), персонализацию (вариативность маршрутов и заданий) и учёт культурно-социального опыта обучающегося как ресурса понимания. Эти принципы переводят коммуникацию из режима «контроля усвоения» в режим «смыслового сотрудничества».

Потенциальные риски коммуникативного контекста связаны с манипуляцией, инфошумом и фрагментацией внимания. В медиасреде усиливается вероятность подмены смыслообразования реактивными эмоциональными откликами на сигналы одобрения; формируется псевдодиалогичность, когда внешняя открытость не сопровождается реальным учётом позиции обучающихся. Чрезмерная регламентация общения, напротив, может блокировать инициативу и снижать смысловой потенциал содержания. Следовательно, задача педагога — проектировать баланс между свободой высказывания, культурной ответственностью и требовательностью к аргументированному обсуждению.

Заключение

Теоретический анализ показывает, что смыслообразование обучающегося определяется не только содержанием учебного материала, но и качеством социально-коммуникативных условий его присвоения: признанием позиции, диалогом, совместной деятельностью и рефлексией. В логике Ю. Хабермаса ориентация общения на взаимопонимание формирует нормативный каркас образовательного взаимодействия и переводит трансляцию знаний в режим согласования значений. В деятельностной традиции А.Н. Леонтьева личностный смысл связывает мотив и цель учения, поэтому коммуникативная среда выступает условием мотивообразования. Личностно-ориентированный подход В.В. Серикова позволяет рассматривать образовательное общение как пространство событий, где развиваются рефлексия и ответственность. Тем самым модель задаёт основания для проектирования смыслонасыщенной образовательной среды на теоретическом уровне, в целом.

Литература:

1. Асмолов А.Г. Психология личности: учебник. — М.: МГУ, 1990. — 367 с.

2. Зекерьяев Р.И. Психологические особенности компонента «Я-виртуальное» в структуре образа «Я» подростков в социальных сетях // Проблемы современного педагогического образования. — 2019. — Вып. 62, ч. 3. — С. 275–278.

3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.

4. Рубцова О.В., Поскакалова Т.А., Ширяева Е.И. Особенности поведения в виртуальной среде подростков с разным уровнем сформированности «образа Я» // Психологическая наука и образование. — 2021. — Т. 26, №4. — С. 20–33. — DOI: 10.17759/pse.2021260402.

5. Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепция и технологии: монография. — Волгоград: Перемена, 1994. — 149 с.

6. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. — М.: Логос, 1999. — 272 с.

7. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: в 2 т. / пер. с нем. А.К. Судакова. — М.: Весь Мир, 2022. — 880 с.

TEACHING FINGERSTYLE TECHNIQUES: EXPERIENCE WORKING WITH EXPERIMENTAL GROUPS IN A CHILDREN'S MUSIC SCHOOL

Shcherbakova Daria Sergeevna, *Postgraduate student, Tambov State Musical Pedagogical Institute named after S.V. Rachmaninov, Tambov*

Shak Fedor Mikhailovich, *DSc of Art History, Associate Professor, Professor of Instrumental Jazz Performance, Gnessin Russian Academy of Music, Moscow*

The purpose of the study is to present the results of experimental work with groups of students in children's music schools using percussion fingerstyle techniques. Modern guitar teaching methods incorporate a variety of percussion techniques. However, while fingerstyle techniques are an integral part of popular music, jazz, and blues, they are rarely used in the initial stages of training academic guitarists. Fingerstyle is a phenomenon with multiple definitions. Given this, the authors of this article provide a review of the existing literature. This guitar style is defined as a percussion technique with a strong emphasis on sound imitation. The experiment involved students aged 10 to 14. In a children's music school setting, they were taught percussion techniques such as slap, bass drum, and throw. Each new technique was introduced into the experimental process sequentially, complemented by work to correct improper hand motor skills and reduce such performance-impairing factors as tightness, tension minimization, and loss of percussive emphasis.

Keywords: *fingerstyle; guitar pedagogy; modern guitar performance methods; percussion models; jazz; guitar arrangements.*

EDN: YLVRWG ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.62***

Цитировать: *Щербакова Д.С., Шак Ф.М. Обучение приёмам фингерстайла: опыт работы с экспериментальными группами детской музыкальной школы // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 441-447. EDN: YLVRWG. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.62*

ОБУЧЕНИЕ ПРИЁМАМ ФИНГЕРСТАЙЛА: ОПЫТ РАБОТЫ С ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ ДЕТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

УДК 37
5.8.2

© Щербакова Д.С., Шак Ф.М., 2026

Цель исследования — изложить результаты экспериментальной работы с группами обучающихся в детских музыкальных школах с применением техники перкуссионного фингерстайла. Современные методики обучения игре на гитаре включают разнообразные перкуссионные техники. При этом, будучи неотъемлемой частью массовой музыки, джазовых и блюзовых стилей, техники фингерстайла практически не задействованы на начальных этапах подготовки академических гитаристов. Феномен фингерстайла представляет собой явление, в отношении которого прослеживается многозначность дефиниций. Учитывая этот факт, авторы статьи приводят обзор существующей источниковой базы. Рассматриваемый гитарный стиль определяется в качестве перкуссионной техники с сильным акцентом на исполнительских приёмах звукоимитации. В рамках проводимого эксперимента были задействованы учащиеся в возрастных группах от 10 до 14 лет. В условиях детской музыкальной школы с ними проводилась работа по закреплению перкуссионных приёмов в технике «слэп», «бас-бочка» и «выброс». Внедрение в экспериментальный процесс каждого из новых приёмов осуществлялось последовательным образом, дополняясь работой по устранению неправильной моторики кисти, снижению таких отрицательных для исполнительской техники параметров, как зажатость аппарата, минимизация напряжения, потеря перкуссионного акцента.

Ключевые слова: *фингерстайл; гитарная педагогика; современная методика исполнения на гитаре; перкуссионные модели; джаз; аранжировки для гитары.*

ЩЕРБАКОВА Дарья Сергеевна, *аспирант Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт имени С.В. Рахманинова, Тамбов*

ORCID: 0009-0009-0071-3805

ШАК Фёдор Михайлович, *доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры инструментального джазового исполнительства, Российская академия музыки имени Гнесиных, Москва*

ORCID: 0000-0001-5915-7051

Специализированная методическая литература, ориентированная на подготовку специалистов в области академической гитары, сложилась достаточно давно. В отличие от консервативного академического подхода эстрадно-джазовое направление демонстрирует большую гибкость и открытость к внедрению инновационных методических и технических решений в процесс обучения игре на гитаре. В джазовом исполнительстве, характеризующимся открытостью к новациям, широкое признание получила техника фингерстайл. В настоящее время она рассматривается как одна из наиболее самобытных техник трактовки гитары. Внимание музыкальной общественности к фингерстайлу весьма велико. Расширенная база учебных и методических ресурсов дала мощный импульс распространению данного стиля игры.

Фингерстайл получил развитие как важный компонент академической исполнительской техники, а также органично влился в традиции фламенко-гитары, джаза и блюза. Параллельно существовали и этнические формы его применения, наиболее колоритно представленные в самобытной африканской культуре. Этническое развитие описываемого явления стало предметом исследования в испаноязычной диссертации А. Косентино, где анализировалось распространение техники среди музыкантов Малави [2]. Благодаря наличию сравнительно простых для освоения методов фингерстайл стал проникать в педагогические направления, ориентированные на работу с людьми без специальной музыкальной подготовки. В частности, перспективными значениями наделён процесс включения данной техники в область музыкальной терапии и абилитации, где она рассматривается как элемент вовлечения пациентов в процессы спонтанного музицирования [2]. Статистические методы исследования фингерстайла были изложены в междисциплинарном исследовании А. Мартелонни, Э. Макферсона, М. Барте, сосредоточивших внимание на вопросах применения специально подготовленных «аугментированных» инструментов [4]. Методологически работа упомянутых авторов строилась на техническом анализе исполнительских техник перкуссионного спектра с применением электронных вычислительных комплексов и дальнейшей обработкой результатов нейросетевыми алгоритмами.

Содержательно перкуссионный фингерстайл представляет собой технику, основанную на совмещении традиционной игры на гитаре и ритмическим перкуссионным взаимодействием исполнителя с корпусом инструмента. В рамках англоязычных источников техника иногда обозначалась несколько неакадемичным определением «человек-оркестр» (англ. one man band). При более детальном рассмотрении вопроса становится очевидным, что дефиниция, приведённая выше, вполне обоснована. В современном медийном пространстве с сильной акцентом на потреблении «дофаминовых» источников цифрового контента часто встречаются образцы музыкальных выступлений, сущностные характеристики которых основываются на укладываемой в 20–30-секундный промежуток времени демонстрации броских и запоминающихся исполнительских техник. Фингерстайл эффективным образом вписывается в наиболее профессиональные и зрелищные разновидности подобных выступлений. Зрелищность и сценическая броскость — категории, сближающие рассматриваемую исполнительскую технику с образцами массовой музыкальной культуры.

Существуют значительно более сложные и требовательные к исполнительской технике разновидности, родственные фингерстайлу. Их специфические особенности могут быть повторены далеко не всеми профессионалами гитарного исполнительства. В числе нетрадиционных исполнительских техник особое внимание заслуживает двуручный тэппинг. Его реализация предполагает владение комплексом высококоординированных двигательных навыков, что делает метод доступным, в первую очередь, музыкантам с продвинутым уровнем подготовки. Осуществляющий практику двуручного тэппинга гитарист извлекает звук не медиатором или пальцами правой руки, а легкими отрывистыми ударами («тэпом») по ладам на грифе. В процессе развития двухручного тэпинга исполнители добились впечатляющей перестройки техники, когда руки активно участвуют в звукоизвлечении, создавая сложные мелодические линии и подголоски, формирующие впечатление плотной инструментальной фактуры с одно-

временным задействованием сразу нескольких инструментов. В области джазового искусства значительное продвижение техники осуществлено С. Джорданом.

В процессе осуществления педагогической деятельности нами была констатирована целесообразность внедрения простых разновидностей фингерстайла. Техника фингерстайл обладает целым рядом содержательных свойств, смысловые критерии которых формируют определённые трудности, связанные с её включением образовательный процесс. Сложности обуславливаются главным образом тем, что фингерстайл обнаруживает подчинённость логике инструментального исполнительства, обращённого к пространству популярной музыки. Достаточно весомый взгляд на проблему был сформулирован крупным отечественным специалистом в области джазового искусства В. Б. Фейертагом. Данное высказывание, насколько нам известно, не фиксировалось в каких-то отдельных источниках, и приводится здесь в изустной форме. В предварявшей интервью беседе, состоявшейся во время проведения одного из эстрадно-джазовых фестивалей, проходивших в г. Ростове-на-Дону, Фейертаг коснулся различий, прослеживаемых во взаимодействии с материалом эстрадных жанров у различных групп инструменталистов. Особым образом им были выделены гитаристы, которых данный музыковед был склонен рассматривать в качестве исполнителей, детерминированных идейным багажом популярной музыки. Автор обоснованно указал на отсутствие у начинающих гитаристов четких эстетических ориентиров, что объясняется их погруженностью в практику исполнения популярной музыки.

Высказывание, сделанное крупным представителем отечественного джазового движения, иллюстрирует пласт проблем, связанных с вопросами изучаемого нами фингерстайла. Исполнительская техника последнего интегрирует комплекс перкуссионных приёмов, обусловливающих трансформацию тембра инструмента, его отклонение от канонов академической школы. Предлагаемые техники способны заинтересовать юных исполнителей из ДМШ и ДШИ. Благодаря эффектности и возможности существенно менять звучание разножанровых композиций они хорошо отвечают творческим интересам молодого поколения. Представляется важным выделить, что перед педагогом ДМШ, сталкивающимся с необходимостью более детально разобраться в структуре техники фингерстайла, открывается окно возможностей. Связано оно главным образом с возможностью проконтролировать и направить художественные интересы ученика от простых музыкальных форм (популярная музыка) к обладающим несомненной художественной глубиной явлениям (джаз, импровизационное музыкальное творчество). Базой проведённого эксперимента выступила ДШИ.

Фингерстайл базируется на комплексе перкуссионных и звукоимитационных приёмов, демонстрирующих явную связь с областью ритма и ритмической выразительности. Среди них — техники «слэп», «выброс» и «бас-бочка». Экспериментальная группа включала 10 учащихся 10–14 лет: 1 человек 10 лет, 3 человека 11 лет, 1 человек 13 лет и 5 человек 14 лет. Критерии отбора: не менее года опыта игры на гитаре в академическом направлении и владение приёмом «арпеджио».

Длительность экспериментального обучения составила два месяца. Режим занятий: два раза в неделю, продолжительность каждого занятия — 30 минут. Эксперимент проводился в 3 этапа с дифференциацией на констатирующую, формирующую и завершающую фазы. На констатирующем этапе изучалось владение исполнительскими приёмами «слэп», «выброс», «бас-бочка». Уровень определялся по следующим критериям: 1) динамическая вариативность (способность исполнять crescendo, diminuendo; 2) исполнительская точность с отсутствием у испытуемого неверно сыгранных нот. Шкала оценивания 5-балльная. По 1 критерию: 1 балл — монотонное исполнение; 2 балла — минимальные отклонения, попытки не контролируемые; 3 балла — переходы осуществляются плавно, не равномерно; 4 балла — ученик точно выдерживает намеченный темп crescendo, diminuendo; 5 баллов — переходы плавные и глубоко осмысленные.

По 2 критерию: 1 балл — систематически не попадает по нужным струнам; 2 балла — частые промахи, нечистое звучание; 3 балла — периодические исполнительские неточности; 4 балла — уверенное попадание, чистое

звучание; 5 баллов — исключительная точность исполнительского процесса.

Таблица 1 — **Результаты констатирующего этапа**

Ученик	«Слэп»	«Выброс»	«бас-бочка»	Сумма баллов	Средний балл
1	2	1	3	6	2
2	1	4	3	8	2,6
3	2	2	1	5	1,6
4	5	4	1	10	3,3
5	1	3	3	7	2,3
6	3	2	2	6	2
7	4	3	2	6	2
8	3	1	1	5	1,4
9	4	5	5	14	4,6
10	1	3	2	6	3

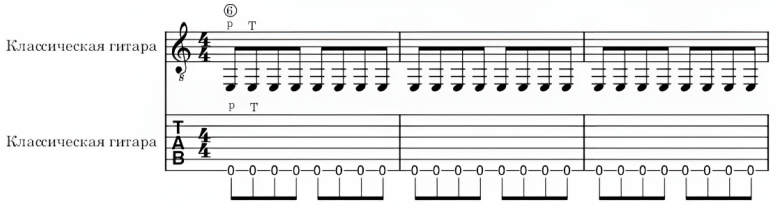
Сумма полученных баллов по каждому приёму делилась на их количество, то есть на 3. Результаты констатирующего этапа эмпирического исследования продемонстрировали недостаточно высокий уровень качества исполнения таких приёмов, как «слэп», «выброс» и «бас-бочка».

В рамках формирующего этапа эксперимента осуществлялась интеграция методических рекомендаций, направленных на освоение перкуссионных приёмов игры на гитаре в образовательный процесс. Длительность данного этапа составила 50 календарных дней. Обучение начиналось с освоения техники слэпа, поскольку этот приём был априори признан наименее затратным с точки зрения моторной сложности и, соответственно, оптимальным для первоначального включения в комплекс. Развивая данные темы, специально упомянем работы бас-гитариста А. А. Витюка — исследователя, изучавшего слэповые модели исполнения. Важно будет подчеркнуть, что Витюк обращался как к методическим аспектам процесса обучения бас-гитаристов, так и к изучению динамики исполнительских принципов слэповой техники, рассматривая их сквозь призму деятельности авторитетных джазовых солистов [7], [8]. Обращаясь к определению слэпа, автор отмечает: «Благодаря своей перкуссионной основе данный способ звукоизвлечения позволяет исполнять как яркую мелодическую линию, так и имитировать звуки ударной установки» [8, с. 10]. Отметим, что исполняемые на бас-гитаре приёмы перкуссионного цикла могут использоваться и в гитарном исполнительстве.

В рамках изучения приёма «слэп» гитаристам было предложено освоить следующее упражнение (нотный пример 1): на шестой струне последовательно извлекается звук традиционным классическим способом (например, с помощью атаки пальцем правой руки), за которым следует удар по звучащим струнам (удар пальцем правой руки по 6-й струне в районе резонаторного отверстия), с чередованием двух этих способов извлечения звука.

Группы обучающихся играли с метрономом, постепенно повышая скорость из расчёта темпа M.M.= 60 с дальнейшим повышением до M.M.=100. Ключевой проблемой в освоении техники слэпа является неправильная моторика кисти: вместо эргономичного разворота, который обеспечивает чистоту, силу удара и минимизирует напряжение, большинство гитаристов выполняют удар «зажатой кистью», что приводит к мышечной усталости, снижению контроля, ограничению динамического диапазона и потере характерного перкуссионного акцента. Поэтому целенаправленная отработка правильного разворота кисти является основополагающим аспектом обучения.

Нотный пример 1 — **Упражнение на приём «слэп»**

Также в ходе эксперимента с обучающимся отрабатывалась вариация слэповой техники, называемая «мёртвыми нотами». Она заключается в ударе правой рукой по струнам, когда струны не зажимаются на определенном ладу, что приводит к возникновению чистого щелчка без определённой высоты звучания. Эта техника используется в основном для создания чётких ритмических акцентов и обогащения перкуссионного звучания композиции (нотный пример 2).

В контексте развития навыков игры на гитаре освоение техники «мёртвой ноты» (приглушённого звука, лишённого определённой высоты) является необходимым условием для эффективного применения приёма «выброс». Сам приём «выброс» представляет собой со-

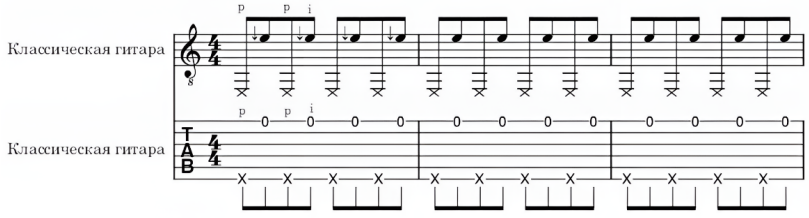
четание двух компонентов: во-первых, перкуссионного элемента — удара по струне, имитирующего глухой ритмический звук («мёртвая нота»), обеспечивающего ритмическую основу и акцент; во-вторых, мелодического компонента — звучащей ноты, извлекаемой другими пальцами, которая несёт и мелодическую информацию. Таким образом, способность точно контролировать приглушение струн и формировать ритмически чёткий, но не мелодичный звук, заложенная в изучении «мёртвых нот», является ключевым фактором для развития уверенности, динамики и артикуляции, необходимых для успешного воспроизведения комплексной техники «выброса».

Нотный пример 2 — **Упражнение «слэп» мёртвыми нотами**

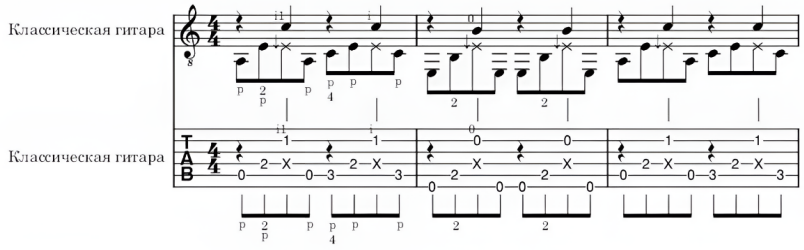

Для отработки этой задачи используется подводящее упражнение (нотный пример 3), заключающееся в последовательном, а затем синхронном исполнении ударов по нижним и верхним струнам, что позволяет сформировать координацию и целостное многослойное звучание.

Нотный пример 3 — **Упражнение «выброс» (отработка элементов по отдельности)**

Нотный пример 4 — **Упражнение на приём «выброс» одновременное исполнение элементов**

Разделение приёма «выброс» на два элемента («слэп — мёртвая нота» и «удар пальцем (i)») упростило освоение (нотный пример 4): сначала отрабатывались компоненты по отдельности, затем — в комплексе. Это сформировало нужную координацию и позволило учащимся овладеть приёмом в полном объёме.

На следующем этапе осваивался приём «бас-бочка». Его суть заключается в имитации звука ударного инструмента: исполнитель наносит удар запястьем правой руки по верхней деке гитары, располагая руку над областью шестой струны. Ключевая сложность в освоении рассматриваемого приёма заключается в одновременной координации двух сложных исполнительских задач: во-первых, ритмически точного удара запястьем по деке гитары (имитирующего звучание бас-барабана); во-вторых, синхронизации этого ударного движения с извлечением одновременной ноты (как правило, басовой ноты или аккорда) с помощью правой руки, что требует высокого уровня моторной координации, чувства ритма и умения интегрировать перкуссионные элементы в слаженную последовательность музыкального материала.

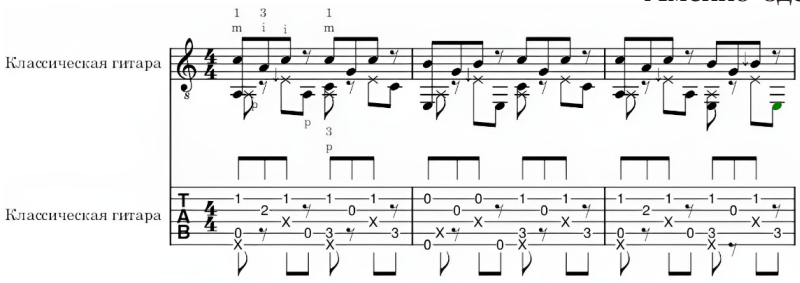
Приём включался в исполнительскую практику как посредством чередования с исполнением басовых нот, так и в виде самостоятельных, эпизодических акцентов, что позволило гитаристам обогатить фактуру исполнения, придавая ей характерный ритмический рисунок, свойственный ударной ритм-секции (нотный пример 5).

В рамках освоения приёма «бас-бочка» были предложены два варианта упражнения: первый вариант («Бас-бочка 1») предполагал одновременное исполнение имитации бас-бочки и басовой ноты, что способствует развитию навыка синхронизации этих элементов. Второй вариант («Бас-бочка 2») был ориентирован на поочерёдное исполнение (нотный пример 6).

Для закрепления освоенных перкуссионных приёмов (слэп, бас-бочка, «выброс») использовались музыкальные переложения. В частности, были подготовлены аранжировки узнаваемого песенного материала, давно ставшего

неотъемлемой частью отечественной музыкальной культуры: «Песенка львёнка и черепахи» (Г.И. Гладков) и «Песенка кота Леопольда» (Б.А. Савельев). Аранжировки этих произведений, обладающих демократичным музыкальным языком, были дополнены совокупностью приёмов фингерстайла. На завершающем этапе эксперимента проводился анализ исполнительских навыков после внедрения разработанных методических рекомендаций. Целью данного этапа являлось сопоставление результатов, полученных в начале и в конце эксперимента. Соответствующие данные представлены в таблице 2.

Нотный пример 5 — **Упражнение «Бас-бочка» 1 вариант**

Нотный пример 6 — **Упражнение «Бас-бочка 2»**

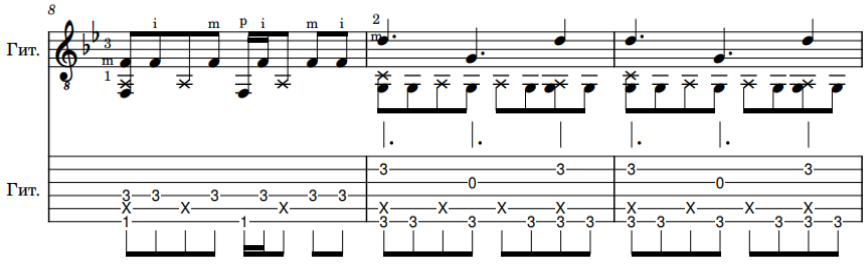

Таблица 2 — **Результаты завершающего этапа**

Ученик	«Слэп»	«Выброс»	«бас-бочка»	Сумма баллов	Средний балл
1	4	3	4	11	3,6
2	5	4	5	14	4,6
3	3	4	5	12	4
4	5	4	4	13	4,3
5	3	5	5	13	4,3
6	4	3	5	12	4
7	5	4	5	14	4,6
8	4	3	4	11	3,6
9	5	5	5	15	5
10	4	5	4	13	4,3

Проведенный эксперимент продемонстрировал эффективность разработанных методических рекомендаций, показал значительное повышение уровня исполнения основных перкуссионных элементов: слэпа, бас-бочки и выброса. Предложенная методика оказала положительное воздействие на техническую подготовку гитаристов.

Заключение

Одним из продуктивных звеньев техники фингерстайл следует назвать присущую ей вовлекающую функцию, особенно значимую в контексте работы с подростками. Обучающиеся этого возраста, переживающие характерные психоэмоциональные перестройки и экзистенциальные кризисы самоидентификации, испытывают острую потребность в социальном признании. Именно здесь педагог должен актуализировать потенциал фингерстайла. Благодаря броскости и демократичному музыкальному языку эта техника становится доступным и привлекательным средством коммуникации, позволяющим подростку завоевать уважение сверстников. Ученик, уверенно владеющий приёмами фингерстайла и демонстрирующий их перед аудиторией, получает возможность реализовать свойственную подросткам потребность в признании и преодолении кризисов идентификации средствами творческого самовыражения.

Литература:

1. Витюк А.А. К проблеме изучения техники слэп в работах бас-гитариста Виктора Вутена // Джазовое искусство в современной музыкальной культуре: сб. ст. I Всероссийской научно-практической конференции: сборник статей, Москва, 28 апреля 2022 года. — М.: Российская академия музыки им. Гнесиных, 2024. — С. 180-185.

2. Витюк А. А. Особенности начального обучения технике слэп на бас-гитаре // Мировоззренческие основания культуры современной России: сб. науч. тр. XV Международной научной конференции, Магнитогорск, 16–17 мая 2024 года. — Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2024. — С. 10-16.

3. Belkadi J.M. Progressive Tapping Licks: Lessons and Tab for 75 Extreme Guitar Tapping Ideas / Jean Marc Belkadi. — Softcover with CD (TAB). — Milwaukee: Hal Leonard / Musicians Institute Press, [n.d.]. — 40 p.

4. Cosentino A. La chitarra finger-style in Malawi. Christopher Gerald (1981), compositore ed esecutore. Dottorato di ricerca in storia, scienze e tecniche, Della musica, 2012 — 285 p.

5. Kogutek D., Introduction to Guitar Techniques and Genres for the Utilization in Improvised Active Music Therapy // Music Therapy Perspectives. — 2025. — Volume 43, Issue 1.

6. Martelloni A. Percussive Fingerstyle Guitar through the Lens of NIME: an Interview Study / Andrea Martelloni, Andrew McPherson, Mathieu Barthet; Queen Mary University of London // NIME: Proceedings of the International Conference on New Interfaces for Musical Expression, 21-25 July 2020 / Birmingham City University. — Birmingham, 2020. — P. 440–445.

7. Martelloni A., McPherson, A.P., Barthet M. Guitar augmentation for percussive fingerstyle. In Proceedings of NIME 2021.

8. Payne R. Simply Blues Fingerstyle Guitar. — Los Gatos: Smashwords Ed., 2017. — 11 p.

COMPETENCY MODEL OF A LEARNER WITHIN THE FRAMEWORK OF MATHEMATICAL TRAINING IN THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A DEPARTMENTAL EDUCATIONAL ORGANIZATION

Shcherbatykh Sergey Viktorovich, *DSc of Pedagogical sciences, Professor, Bunin Yelets State University, Lipetsk Region, Yelets*

Kozyreva Alla Vyacheslavovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Russian Federation Security Guard Service Federal Academy, Orel*

The study focuses on the theoretical justification and design of a competency-based model of students in the field of information security and the operation of automated systems within the framework of mathematical training in the digital educational environment of a departmental educational organization. The relevance and timeliness of implementing such a model in the educational process are substantiated in light of rapidly developing digital technologies and the importance of mathematical training for engineering students. A brief overview of existing student models at departmental educational organizations and approaches to defining a competitive specialist is provided. The following pedagogical concepts are clarified: "student mathematical competence," "hard skills," "soft skills," and "competitive specialist". The key functions of a competitive specialist are defined and structured. The influence of students' mathematical training in a digital educational environment on the development of professional functions that ensure a specialist's competitiveness is established. Pedagogical conditions have been identified that contribute to the mathematical training of a competitive specialist and are aimed at integrating mathematical tools into the modeling of real engineering processes. The theoretical and practical significance of the study is emphasized.

Keywords: *competency model of a learner; mathematical training; digital educational environment; departmental educational organization; mathematical competence; learner functions; soft skills; hard skills; competitive specialist.*

EDN: YWKAZG **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.63**

Цитировать: *Щербатых С.В., Козырева А.В. Компетентностная модель обучающегося в рамках математической подготовки в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 448-454. EDN: YWKAZG. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.63*

УДК 372.851
5.8.2

© Щербатых С.В., Козырева А.В., 2026

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В РАМКАХ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВЕДОМСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ЩЕРБАТЫХ Сергей Викторович, *доктор педагогических наук, профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Липецкая область, Елец*

КОЗЫРЕВА Алла Вячеславовна, *кандидат педагогических наук, доцент, Академия ФСО России, Орёл*

Исследование посвящено теоретическому обоснованию и проектированию компетентностной модели будущего специалиста сферы информационной безопасности и эксплуатации автоматизированных систем в рамках математической подготовки в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации. Обоснована актуальность и своевременность внедрения подобной модели в учебный процесс с позиций стремительно развивающихся цифровых технологий и важности математической подготовки обучающихся инженерных специальностей. Проведен краткий обзор существующих моделей обучающихся ведомственных образовательных организаций, подходов к формулировке определения конкурентоспособного специалиста. Уточнено содержание педагогических понятий: «математическая компетентность обучающегося», «твердые навыки», «гибкие навыки», «конкурентоспособный специалист». Определены и структурированы ключевые функции конкурентоспособного специалиста. Выявлены педагогические условия, способствующие математической подготовке конкурентоспособного специалиста, направленные на интеграцию математического аппарата в моделирование реальных инженерных процессов. Акцентировано внимание на теоретической и практической значимости проведенного исследования.

Ключевые слова: *компетентностная модель обучающегося; математическая подготовка; цифровая образовательная среда; ведомственная образовательная организация; математическая компетентность; функции обучающегося; гибкие навыки; твердые навыки; конкурентоспособный специалист.*

Введение

Актуальность исследования носит системный и стратегический характер. Речь идет не просто об очередном изменении образовательного процесса ведомственной образовательной организации, а о его совершенствовании с учетом назревшей необходимости математической подготовки специалистов, способных адекватно реагировать на требования современной цифровой эпохи, участвовать в обеспечении технического превосходства России, развитии экономики в условиях санкций и ограничений, сохранении научного потенциала нации и ее культурного наследия.

В настоящее время существует методологический разрыв между традиционной педагогикой и цифровой дидактикой, направленной на поиск педагогических возможностей внедрения цифровой образовательной среды в ведомственную образовательную организацию. Такой разрыв важно устранить, соединив классику традиционной педагогики с использованием возможностей цифровой образовательной среды и создав условия для формирования математической компетентности обучающихся — представителей поколения «Z».

Модификация образовательного процесса ведомственной образовательной организации диктуется рядом утвержденных государственных программ, среди которых «Приоритет — 2030», федеральными проектами «Цифровая образовательная среда» и «Молодые профессионалы (повышение конкурентоспособности профессионального образования)». Изучив основные положения вышеперечисленных документов, можно заключить, что необходимо разработать компетентностную модель обучающегося в рамках математической подготовки в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации, результатом реализации которой станет конкурентоспособный специалист, имеющий возможность выполнять целенаправленную когнитивную работу.

Обозначенная проблематика требует теоретического обоснования и проектирования компетентностной модели обучающегося в рамках математической подготовки в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации. В ходе исследования решается ряд задач: 1) разбор существующих в педагогической практике моделей обучающегося в рамках математической подготовки в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации; 2) обоснование личностной характеристики обучающегося в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации; 3) уточнение содержания понятия «конкурентоспособный специалист»; 4) структурирование ключевых функций конкурентоспособного специалиста; 5) выявление педагогических условий, обеспечивающих математическую подготовку конкурентоспособного специалиста.

Для решения поставленных задач применялся комплекс взаимодействующих между собой методов исследования: изучение нормативных документов, сравнительно-сопоставительный анализ научных работ, затрагивающих основные аспекты поднятой авторами проблемы, обобщение опыта ученых-исследователей по проектированию и конструированию моделей обучающегося ведомственной образовательной организации.

Теоретическую базу исследования составляет решение научных проблем:

— внедрения цифровых технологий и цифровых образовательных ресурсов в образовательный процесс ведомственной образовательной организации (М.С. Артюхина [1], Н.А. Василькова, Е.А. Гафарова, Г.А. Диденко, О.Н. Щварцкоп [2], А.В. Поначугин, Ю.Н. Лапыгин [11] и др.);

— формирования профессиональной и математической компетентности будущих специалистов (И.Н. Мильшин [10], Е.В. Сергеева [14] и др.);

— выявления личностных качеств будущих специалистов (Т.П. Коваленок [5], Г.В. Прозорова [12] и др.);

— формирования конкурентоспособной личности будущего специалиста (Т.А. Сливина [16], Л.Г. Белякова [2] и др.);

— проектирования моделей обучающихся ведомственной образовательной организации (Н.С. Радевская, Г.М. Иманов [13], О.В. Солодянкина [17], О.В. Евтихов [4], Н.Г. Малошонок, И.А. Щеглова [9] и др.).

Методологическая основа опирается на философские концепции, утверждающие взаимную обусловленность целостности при-

родных и социальных явлений, неразрывное единство теории и практики; ключевые идеи и принципы реализации компетентностного, средового и личностно-ориентированного подходов к математической подготовке обучающихся в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации.

Результаты исследования и их обоснование

В педагогической науке широко применяется метод моделирования. Метод позволяет детально описать тенденцию и динамику развития изучаемого субъекта, установить связи между его компонентами, спрогнозировать результат математической подготовки обучающихся в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации, выявить и преодолеть недостатки в знаниях, умениях и навыках, выполнить коррекцию результатов обучения [15].

В настоящее время многие исследователи занимаются разработкой и внедрением в педагогическую практику моделей обучающихся ведомственных образовательных организаций.

Н.С. Радевская и Г.М. Иманов выделяют в модели компетенции (интеллектуальная, коммуникативная, социальная, профессиональная), которые позволяют быть конкурентоспособными в обществе и выдержать конкурсный отбор на вакантную должность в любую организацию; здоровье и физическую подготовленность [13].

О.В. Солодянкина считает, что модель должна быть отражена в системном виде эталона результатов образования, отвечающих запросам рынка труда, общества и личности, и быть направлена на формирование готовности к выполнению задач профессиональной деятельности [17].

О.В. Евтихов в научных исследованиях представляет модель профессиональной компетентности выпускника вуза правоохранительных органов как совокупность его профессиональных компетенций (общепрофессиональных, профессионально-служебных, профессионально-деятельностных) и профессионально-психологических характеристик (личностная и деятельностная составляющие) [4].

Н.Г. Малошонок и И.А. Щеглова описывают модели: консьюмеристскую («студент как потребитель образовательных услуг» влияет на образовательный процесс), студенческой вовлеченности (включенность студента в образовательный процесс), совместного создания ценности и сопроизводства (обучающиеся привлекаются к разработке учебных планов и образовательной среды) [9].

На основе анализа существующих моделей выпускника вуза, а также уточненных понятий «цифровая образовательная среда», «математическая компетентность обучающегося» разработана компетентностная модель обучающегося в рамках математической подготовки в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации, которая представлена на рисунке 1. Основой для ее проектирования служит социальный заказ общества на математическую подготовку высококвалифицированных кадров в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации. Модель обучающегося состоит из двух взаимосвязанных блоков: личностная характеристика обучающегося и функции будущего специалиста. Ниже подробно представлен каждый блок компетентностной модели обучающегося в рамках математической подготовки в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации.

*Первый блок — Л*ичностная характеристики обучающегося.

1. Твердые навыки («hard skills»). Знания и умения, которые формируются во время присутствия на всех видах учебных занятий, при подготовке к зачету или экзамену, написании курсовых и дипломных проектов, во время самостоятельной работы обучающихся с рекомендованной преподавателем и дополнительной литературой. Овладение ими — формальный признак, характеризующий обучающегося, необходимый для получения диплома о высшем образовании и участия в конкурсе на замещение вакантной должности в организации. Важно помнить, что твердые навыки («hard skills»), приобретаемые в рамках математической подготовки в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации, стремительно устаревают, поэтому востребован не тот специалист, который много выучил, а тот,

кто способен быстро переучиться и адаптироваться в современных цифровых средах.

Твердые навыки («hard skills») характеризуются: знанием методов линейной и векторной алгебры, аналитической геометрии, математической статистики, элементов математического анализа, теорий дифференциального и интегрального исчислений функций одного и нескольких действительных переменных, обыкновенных дифференциальных уравнений, элементов операционного исчисления, числовых и функциональных рядов; навыками разработки математических моделей для решения задач с применением компонентов цифровой образовательной среды ведомственной образовательной организации.

2. Гибкие навыки («soft skills») включают:

— когнитивно-интеллектуальные: гибкость ума, мобильность, креативность, неординарность, инициативность и оперативность в решении возникающих проблем в режиме многозадачности и нехватки рабочего времени, адекватная оценка значимости непрерывного самообразования и использования цифровых технологий в будущей профессиональной деятельности;

— деятельностно-поведенческие: эмоциональный интеллект при устройстве на работу, в общении с единомышленниками и оппонентами; стремление занимать лидирующие позиции в условиях справедливой конкурентной борьбы и развития цифровых технологий.

Формирование гибких навыков («soft skills») происходит с помощью цифровых инструментов (коммуникация осуществляется через интерфейсы платформ, что требует освоения новых «цифровых» поведенческих паттернов), соблюдения цифровой дисциплины (самоорганизация выходит на первый план), наличия обратной связи и рефлексии (цифровая образовательная среда фиксирует множество цифровых «следов», которые можно проанализировать). Гибкие навыки («soft skills») могут приобретаться обучающимися в ходе участия в совместной проектной деятельности субъектов образовательного процесса (распределение задач, отслеживание дедлайнов), ролевых играх на форумах и чатах, при ведении учебных блогов или подкастов (креативность, самопрезентация) [7].

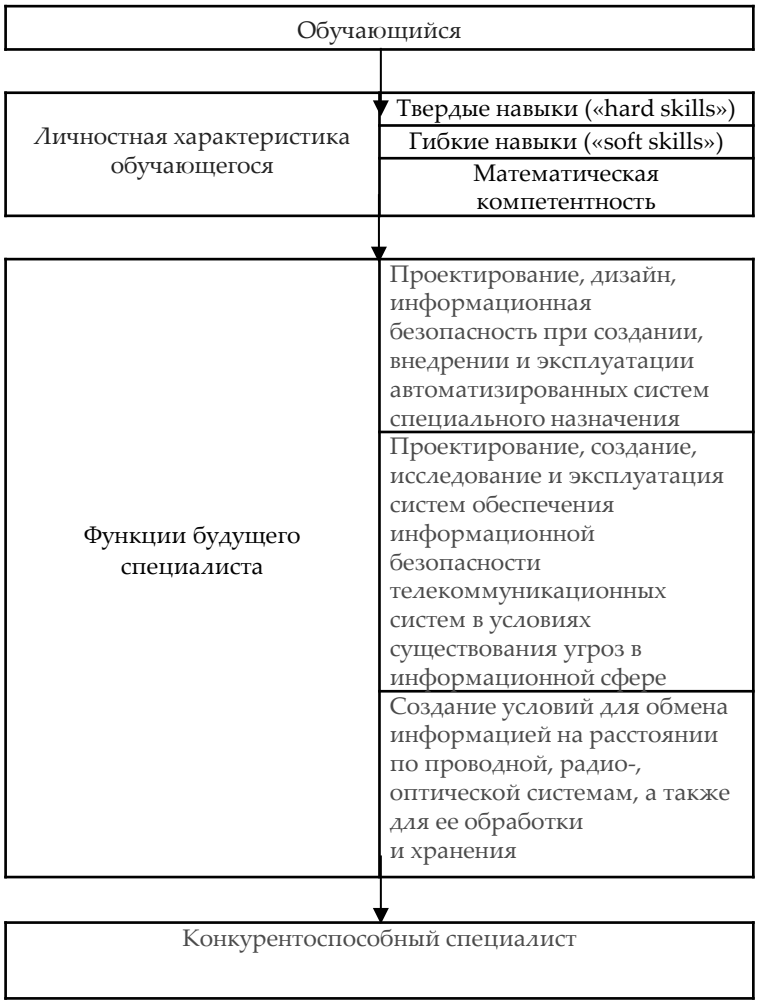

Рисунок 1 — **Компетентностная модель обучающегося в рамках математической подготовки в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации**

3. Математическая компетентность — личностное образование, т.е. присвоенная личности система интегративных знаний фундаментальных математических методов, умений и навыков для решения практико-ориентированных задач с помощью современных цифровых технологий, а также способность осуществлять различные виды профессиональной деятельности с применением этой системы. Понятие «математическая компетентность обучающегося» включает две взаи-

мосвязанные составляющие: математическая грамотность и математическое поведение. Первая составляющая — наличие компетенций, необходимых для разработки математических моделей, описывающих реальные процессы, и нахождения рациональных решений различных задач с помощью цифровых технологий [8]. Вторая составляющая — совокупность действий обучающихся по применению математической грамотности для решения практико-ориентированных задач с помощью цифровых технологий.

Второй блок — Функции будущего специалиста — определяется в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов подготовки обучающихся по специальностям: 09.05.01 «Применение и эксплуатация автоматизированных систем специального назначения», 10.05.02 «Информационная безопасность телекоммуникационных систем», 11.05.04 «Инфокоммуникационные технологии и системы специальной связи». Среди них:

— проектирование, дизайн, информационная безопасность при создании, внедрении и эксплуатации автоматизированных систем специального назначения;

— проектирование, создание, исследование и эксплуатация систем обеспечения информационной безопасности телекоммуникационных систем в условиях существования угроз в информационной сфере;

— создание условий для обмена информацией на расстоянии по проводной, радио-, оптической системам, а также для ее обработки и хранения.

Перечисленные функции связаны с разработкой, анализом и защитой сложных систем, принципы работы которых нужно глубоко понимать, что невозможно без математической подготовки обучающихся в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации. Именно математическая подготовка позволяет перевести инженерные задачи в область доказательного обеспечения требуемых характеристик создаваемых и эксплуатируемых систем. Так, например, теория чисел применяется в кодировании информации; математическая логика — для проектирования цифровых устройств и верификации программного обеспечения; линейная алгебра — для обработки сигналов и в машинном обучении; теория вероятностей — для оценки надежности систем, анализа рисков, обнаружения аномалий, в теории телетрафика (расчет емкости канала связи, вероятности потери пакетов данных и планирование сетей); дискретная математика — при проектировании сетей, архитектуры баз данных; элементы математического анализа — для разработки эффективных алгоритмов сжатия данных.

Результатом внедрения в образовательный процесс ведомственной образовательной организации компетентностной модели обучающегося в рамках математической подготовки в цифровой образовательной среде является сформированная личность конкурентоспособного специалиста.

В работах Т.А. Сливиной конкурентоспособная личность специалиста рассматривается как субъект, обладающий интегральной характеристикой — конкурентоспособностью, проявляющейся в достижении успеха и занятию лидерских позиций в профессиональной деятельности [16]. Л.Г. Белякова характеризует конкурентоспособную личность как высокоорганизованную и обладающую рядом профессиональных компетенций, необходимых для сохранения конкурентных преимуществ на разных этапах профессиональной деятельности [2]. С учетом этого, конкурентоспособного специалиста можно определить как субъекта профессиональной деятельности, обладающего уникальным и ценным набором «твердых» и «гибких» навыков («hard skills» и «soft skills»), которые обеспечивают ему преимущество в трудоустройстве и самореализации в условиях развивающихся цифровых технологий.

Ключевыми атрибутами этого понятия являются:

— динамичность (уровень специалиста непостоянен и требует непрерывного совершенствования);

— релятивность (конкурентоспособность оценивается относительно других специалистов, квалификационных требований к конкретной должности, организации);

— ценностная ориентация (трансляция «твердых» и «гибких» навыков во внешнюю среду в форме конкретного вклада).

Конкурентоспособная личность характеризуется владением:

— data-грамотностью, степенью владения умениями и навыками интерпретации, ана-

лиза и обработки больших объемов данных с применением математических методов и алгоритмов;

— компьютерной грамотностью, степенью владения умениями и навыками применения цифровых технологий для решения профессионально-ориентированных задач;

— медиа-грамотностью, степенью владения умениями и навыками осуществления критического анализа медиаконтента, интегрирования его в будущую профессиональную деятельность;

— коммуникативной грамотностью, степенью владения умениями и навыками этичного построения профессионального диалога в реальном и виртуальных мирах;

— эмоциональной грамотностью, степенью владения умениями и навыками эмоционального саморегулирования и социальной эмпатии [6].

Авторы исследования считают, что для математической подготовки конкурентоспособного специалиста недостаточно спроектировать компетентностную модель обучающегося, следует также:

— формировать мотивацию обучающихся к математической подготовке в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации посредством доведения информации о стремительных темпах развития цифровых технологий и быстро меняющемся рынке востребованных профессий;

— непрерывно развивать цифровую образовательную среду ведомственной образовательной организации всеми субъектами образовательного процесса, начиная с руководства и закачивая преподавателями кафедр;

— обогатить содержание математического образования в части использования современных цифровых технологий для решения профессионально-ориентированных задач (ввести в рабочую программу изучение функциональных возможностей прикладных программных продуктов, математических сервисов глобальной сети Интернет, принципов работы в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации);

— разработать технологию обучения и алгоритм ее реализации;

— решать на учебных занятиях профессионально-ориентированные задачи в условиях смоделированной конкурентной среды.

Заключение

Обобщая вышесказанное, математическая подготовка конкурентоспособного специалиста в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации — сложный процесс, который требует вовлечения всех субъектов образовательного процесса. Исследование обращено к важной для современного цифрового общества проблеме определения личности конкурентоспособного специалиста, который трудится и развивается на благо своей Родины, описана ее актуальность и предложены пути решения.

Ключевые атрибуты и характеристика понятия «конкурентоспособный специалист» являются дополнением критически важных компетенций обучающихся, таких как способность к безопасной работе в защищенных информационных контурах и внедрению новых автоматизированных систем в строгих нормативных рамках. Компетентностная модель служит целевым ориентиром для разработки учебных планов и рабочих программ, фонда оценочных средств по дисциплине «Высшая математика», а также выступает связующим звеном между стратегическими требованиями, предъявляемыми к специалистам в области информационной безопасности и эксплуатации автоматизированных систем, от которых зависит суверенитет нашего государства, и качеством математической подготовки обучающихся в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации.

Литература:

1. Артюхина М.С. Система интерактивного обучения математике на социально-гуманитарных направлениях подготовки в цифровой образовательной среде: автореф. дис. … докт. пед. наук / М.С. Артюхина. — Елец. — 2023. — 51 с.

2. Белякова Л.Г. Структурно-содержательная модель конкурентоспособности как качества личности / Л.Г. Белякова // Гуманитарные исследования. — 2017. — Том 3, №2. — С. 189-198.

3. Василькова Н.А. Цифровые образовательные технологии: дидактические возможности и риски: монография / Н.А. Василькова, Е.А. Гафарова, Г.А. Диденко, О.Н. Шварц. — Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2023. — 99 с.

4. Евтихов О.В. Формирование профессиональной компетентности курсантов в образовательной среде вуза правоохранительных органов: дис. … докт. пед. наук / О.В. Евтихов. — Красноярск, 2015. — 424 с.

5. Коваленок Т.П. Современное состояние исследований профессиональных и личностных качеств инженеров / Т.П. Коваленок // Научно-педагогическое обозрение. — 2022. — Вып. 1(41). — С. 181-191.

6. Козырева А.В. Компьютерная грамотность субъектов учебного процесса как фактор успешной математической подготовки обучающихся

в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации / А.В. Козырева // KANT. — 2024. — №2(51). — С. 353-358.

7. Козырева А.В. О цифровой образовательной среде для математической подготовки обучающихся ведомственной образовательной организации / А.В. Козырева // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2024. — №1(102). — С. 260-265.

8. Козырева А.В. Математическая подготовка обучающихся в цифровой образовательной среде ведомственной образовательной организации: ее сущность, структура и перспективы развития / А.В. Козырева // Научный рецензируемый журнал «Глобальный научный потенциал». — 2025. — Т. 2, №5(170). — С. 116-122.

9. Малошонок Н.Г. Модели организации обучения студентов в университете: основные представления, преимущества и ограничения / Н.Г. Малошонок, И.А. Щеглова // Университетское управление: практика и анализ. — 2020. — Т. 24, №2. — С. 107-120.

10. Мильшин Н.Н. Формирование профессионально-прикладной математической компетентности будущих инженеров: автореф. дис. … канд. пед. наук / Н.Н. Мильшин. — Тольятти, 2011. — 23 с.

11. Поначугин А.В. Цифровые образовательные ресурсы вуза: проектирование, анализ и экспертиза / А.В. Поначугин, Ю.Н. Лапыгин // Вестник Мининского университета. — 2019. — Т. 7, №2. — С. 5-20.

12. Прозорова Г.В. Формирование профессиональных компетенций бакалавров-инженеров по направлению «Информационные системы и технологии» в вузе: дис. … канд. пед. наук / Г.В. Прозорова. — Тюмень, 2015. — 207 с.

13. Радевская Н.С. Структурно-содержательные смыслы компетентностной модели выпускника вуза / Н.С. Радевская, Г.М. Иманов // Человек и образование. — 2017. — №2(51). — С. 15-19.

14. Сергеева Е.В. Развитие математической компетентности студентов вузов в процессе профессиональной подготовки по техническим профилям: дис. … канд. пед. наук / Е.В. Сергеева. — Екатеринбург, 2017. — 179 с.

15. Скляренко И.Н. Моделирование в педагогическом процессе /

И.Н. Скляренко // Педагогика и психология: академический журнал. — 2024. — №1(4). — С. 14-21.

16. Сливина Т.А. Формирование конкурентоспособной личности будущего специалиста в образовательном процессе вуза: автореф. дис. … канд. пед. наук / Т.А. Сливина. — Красноярск, 2008. — 24 с.

17. Солодянкина О.В. Разработка документов по моделированию и определению путей формирования компетенций выпускника вуза (теоретические и методические аспекты): учебное пособие / О.В. Солодянкина. — Ижевск: Удмуртский университет, 2015. — 70 с.

Grigorieva Marina Anatolievna, *PhD of Political sciences, Chief-editor of the scientific journal «KANT», Director of Publishing house «Stavrolit», Stavropol*

Grigorev Anatoly Fedorovich, *DSc of Cultural science, PhD of Pedagogical science, Professor, Professor of Cultural science MAN, Honored worker of Arts ChR, member of the Union of composers of the Russian Federation, editor-in-chief of magazine «KANT»; Professor Department of Theory and Technique of Music Education, Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol*

This article provides a review of scientific articles published in the KANT journal for 2025, dedicated to the problems of the evolution of cultural space in the era of global civilizational transition. Key issues concern (1) understanding the past and present for the formation of the culture of the future, (2) the image of a person of culture as a guide in the formation of spiritual, cultural-value directions of the individual, (3) the role of the institution of the family as the basis for the development of society and the system of its values, (4) the conditions for the formation of a culture of self-awareness oriented towards the future, (5) the role of cultural heritage as a means of relaying spiritual values and the most important mechanism of counter-discursive resistance to social globalization, (6) problems of the formation of Russian identity and the prospects for the development of Russian statehood; (7) the significance of the subjective turn at the current stage of the development of Western European civilization.

Keywords: *image of a man of culture; cultural heritage; categories of culture; cultural and historical process; institution of the family; traditions, norms, values; spiritual and moral ideals; technological development.*

EDN: ZWVNQE **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-58.64**

Цитировать: *Григорьева М.А., Григорьев А.Ф. Эволюция культурного пространства в эпоху глобального цивилизационного перехода // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 455-463. EDN: ZWVNQE. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.64*

Эволюция культурного пространства в эпоху глобального цивилизационного перехода

УДК 130.2
5.7.8

В рамках данной статьи осуществляется обзор научных статей, опубликованных в журнале KANT за 2025 год, посвященных проблематике эволюции культурного пространства в эпоху глобального цивилизационного перехода. Ключевые вопросы касаются (1) осмысления прошлого и настоящего для формирования культуры будущего, (2) образу человека культуры как ориентир в формировании духовных, культурноценностных направлений личности, (3) роли института семьи как основы развития общества и система его ценностей, (4) условиям формирования культуры самосознания, ориентированной на будущее, (5) роли культурного наследия как средства ретрансляции духовных ценностей и важнейшего механизма контрдискурсивного сопротивления социальной глобализации, (6) проблемам формирования российской идентичности и перспективам развития российской государственности; (7) значения субъективного поворота на современном этапе развития Западно-Европейской цивилизации.

Ключевые слова: *образ человека культуры; культурное наследие; категории культуры; культурно-исторический процесс; институт семьи; традиции, нормы, ценности; духовно-нравственные идеалы; технологическое развитие.*

© Григорьева М.А., Григорьев А.Ф., 2026

Григорьева Марина Анатольевна, *кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «KANT», Ставрополь*
SPIN-код: 3366-6974
ORCID: 0009-0002-9186-3954

Григорьев Анатолий Федорович, *доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор, профессор культурологии МАН, заслуженный деятель искусств Чеченской Республики, член Союза композиторов России, главный редактор журнала «KANT»; Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь*
SPIN-код: 7581-1510

Культура конституирует мир, наделяя его смыслом, координатами которых выступают культурные категории: ценности, традиции, нормы, знаки, символы, духовно-нравственные идеалы, а также научно-технические достижения. Они служат точками опоры, фундаментом основания мира, а их многообразие

обеспечивает равновесие, гибкость и устойчивость функционирования культуры как целостной системы.

Технологический поворот — это то, что приводит систему в динамическое состояние. Механическое время, сила и давление стали неотъемлемыми атрибутами динамики. Ими измерялись как сокращение времени выполнения определенной работы, так и сокращение времени перемещения в пространстве. Степень приложения сил, достаточная для того, чтобы запустить в космос ракету, равна нажатию кнопки. Но по мере снижения физической нагрузки на человека пропорционально нагнеталась интеллектуальная нагрузка. Для того, чтобы мыслимое воплотилось, требовались долгие часы напряженной работы приведения механизмов и устройств к действию. Сила и время — два основных компонента механической работы, выступающие попеременно на сцену.

С изобретением телеграфа начался ряд изобретений, сокращающих разрыв во времени между общением и реакцией вне зависимости от ограничения пространства: сначала телеграф, затем телефон, затем беспроводной телефон и, наконец, глобальная сеть. В результате, с помощью механических устройств коммуникация сейчас находится на грани возвращения к той мгновенной реакции человека на человека, с которой она началась — встреча лицом к лицу в расщелине пещеры.

Расширение числа контактов выдвигает больше требований к вниманию и времени, поэтому чтение и рефлексивная мысль функционально ослаблены. С телефоном поток интереса и внимания, вместо того чтобы быть направленным на себя, оказывается во власти любого постороннего человека, который пытается направить его на свои собственные цели. С разветвлением сети контактов и в результате «информационного ожирения» нарастает требование к памяти, которая способна была бы справиться с таким объемом, и параллельно осмыслить глубинный порядок и логику событий во всем богатстве их проявлений.

Техника захватила воображение с того момента, как стало очевидно, что она может реализовать любые самые смелые фантазии. Машины, как и производимые ими товары казались сразу желанными, потому что они всегда предлагают снять тяжелое бремя труда, забот, обязанностей и, наконец, ответственности. Хотя много хорошего появлялось благодаря изобретениям, большинство из них безотносительны к пользе.

> ***для сохранения мира «технология как никогда нуждается в человечности» как устойчивой опоре, которая воплощается в сохранении истории, ценностей, традиций и нравственных ориентиров.***

Обращение к проблеме эволюции культурного пространства в эпоху глобального цивилизационного переустройства актуализируется процессами ускоренного технологического роста, при котором смена циклов изменений либо становится неощутимой в силу того, что способность к их восприятию существенно снижается, либо ощущается как утрата фундамента и защитного механизма, позволяющих адаптироваться человеку к изменениям. Переход к пятой индустриальной революции предполагает упрочение связи между человеком и машиной, объединяет их потенциал на когнитивном уровне сопряжения. В этой ключе встает вопрос, как это повлияет на связь между человеком и человеком. По определению Джона Нейсбита, *для сохранения мира «технология как никогда нуждается в человечности»* как устойчивой опоре, которая воплощается в сохранении истории, ценностей, традиций и нравственных ориентиров.

Далее в этом ключе представлен обзор статей, опубликованных в журналах «KANT» и «KANT: Social Sciences & Humanities» за 2025 год.

Культура. Размышление о будущем, его предвидении и предсказании

Во все времена учеными различных научных направлений предпринималась попытка осмыслить феномен культуры, с одной стороны, как процесс человеческой духовно-материальной жизнедеятельности как форму бытия человека, а с другой — как результат и детерминант преобразования и трансформации общества — выстраивались методология, моделирование, проектирование. В статье

И.В. Федяй и *А.Н. Буланова* представлена попытка определить ключевые принципы, на которых выстраивается линейная методология истории культуры, опровергнуть их и заменить на противоположные установки, создавая, тем самым, иную операционную систему. Авторы обосновывают методологические принципы для выстраивания истории культуры в парадигме теории антисистем. В результате выявлено, что линейная методология в истории культуры появляется на основе выделения модерна в качестве самостоятельной структуралистической модели, которое происходит путем подмены плана содержательного (профанность, сакральность) планом уровневым (функционально-прикладной, целеполагающий). По мысли авторов, современное общество (модерн и постмодерн, как его продолжение) — это не самостоятельно противостоящая премодерну парадигма, а зависимая, паразитирующая на нем и искажающая его же. Они всегда присутствуют одновременно как язык и возможность его извращения, как оторванность одного из его речевых вариантов, или как система, с одной стороны, и, паразитирующая на ней антисистема — с другой. Поэтому должное понимание современности (модерн) и его дальнейшее логическое продолжение постмодерн, может получить только в контексте теории антисистем Л.Н. Гумилева. [22]

Размышления о будущем, его предвидении и предсказании сопровождают человечество на всем протяжении его истории, находя свое выражение в мифологических образах, религиозной эсхатологии, философских и социально-политических теориях. Как справедливо замечено *Е.А. Сергодеевой, С.В. Димитровой* и *И.И. Гуляк* «его неустранимое присутствие в коллективном и индивидуальном мировоззрении обусловлено темпоральностью самого бытия, сущностно предполагающего историчность, обоснованность прошлым и устремленность в неизвестное будущее» [16] и это во все времена рассматривалось в тесной взаимосвязи с культурой как формы бытия человека. Известный философ В.С. Библер, характеризуя культуру как «...форму самодетерминации, самоприречения деятельности, воли, сознания, мышления, судьбы человека, кульминацией усвоения человеком духовных ценностей» [2, с. 304-305], лаконично заметил, что культура, в своей сущностной динамике, разворачивается в непрерывном диалоге с настоящим, в процессе актуализации культурного наследия [1] и именно в этой динамике непрерывного переосмысления и реактуализации скрыт один из сущностных механизмов, обусловливающих парадигмальный сдвиг культуры в процессе трансформаций культурного пространства в современных обществах [3].

Т.В. Лутуценко и С.Ю. Рыкова называют культуру «фундаментальным проявлением интенциональности человеческого сознания как стремления инкорпорировать прошлое в настоящее», которая не просто воспроизводит, но, обновляя его смысловое ядро, конституирует его новую значимость для формирования культуры будущего, при этом личность становится не просто пассивным реципиентом внешних культурных импульсов, но и активным «переводчиком» смыслов, точкой пересечения всех временных и пространственных горизонтов культуры [10]. В этом контексте образ человека культуры как ориентира в формировании духовных и культурноценностных направлений личности как научная проблематика является продолжением нашего дискурса.

Образ человека культуры как ориентир в формировании духовных, культурноценностных направлений личности

Проблематика выявления потенциала образа человека культуры как ориентира в формировании культурноценностных направлений личности, определяющих способ ее бытия в мире актуальна и научно значима. Особое внимание уделяется анализу ценностной картины в рамках не только психологии, но и расширенного философского подхода — экофилософии. В статье *С.В. Дрожжиной* рассматривается индивидуальная ценностная картина мира как уникальный комплекс приоритетов, взглядов и убеждений, который формируется под влиянием опыта, окружающей среды, культуры и образования. Автор справедливо подчеркивает, что «ценностная картина мира не является статичной, она динамично трансформируется под воздействием жизненных обстоятельств, включая экстремальные условия» [6, с. 200].

Для выявления основных принципов и подходов в процессе развития личности с высоким духовным потенциалом в условиях современного кризиса *И.А. Черных* уточняется содержание понятий "человек культуры", "образ человека культуры" в философском, психологическом и педагогическом ракурсах. В рамках поставленной цели автор выделяет специфику психолого-педагогического подхода в трактовке понятия "образ человека культуры" и приходит к выводу, что «образ человека культуры является идеалом, ориентиром, надсистемой, в которой развивается человек и сама культура. То есть в нем запечатлены те социокультурные нормы, представления, установки, которые определяют идеальное "Я" человека, целостность его личности». Автор приходит к выводу, что «в современный образ человека культуры заложена идея духовного совершенства, выражающаяся прежде всего в верности абсолюту, личной дисциплине и подчинении себя выбранной цели, внутренней свободе, практической реализации идеала и усилиях, которые прикладывает человек на этом пути. Формирование духовных новообразований в человеке происходит через развитие творческой индивидуальности, общечеловеческих ценностей и интернационализацию этих ценностей» [24, с. 274].

В другой статье И.А. Черных [25] представлены выводы, что опора на ценности духовной культуры в процессе социализации способствует обретению личностью духовного опыта, развитию ценностных ориентаций, духовных потребностей и духовных чувств, и только в таком случае возникает понимание смыслов, социальных стереотипов и образцов мышления и поведения, закрепленных в этом обществе, а социокультурная ситуация общества направляет ценностные приоритеты в сторону их развития. Справедливо отмечается, что именно духовно-практическая деятельность лежит в основе социализации подрастающего поколения и имеет наибольшее значение для формирования у детей и молодежи духовных ценностей, а на личностном уровне в процессе социализации именно духовная культура формирует духовное начало в человеке.

Гуманитарная стратегия как актуальная модель целостного образовательного процесса, осуществляющая интегративную функцию по отношению к иным стратегиям образования, ориентирует педагога на оказание психолого-педагогической поддержки обучающимся в их ценностно-осмысленном моральном выборе, рождающем "Чувство МЫ" как значимом условии воспитания гражданской идентичности субъектов образования. Исследованию воспитательного потенциала образовательных стратегий для ценностного самоопределения субъектов образования посвящена статья *Н.И. Джегутановой*, где отмечено, что «…ценностное самоопределение субъектов образования как социально значимый для современного общества процесс актуализирует проблему выбора образовательных стратегий как модели деятельности по созданию условий для воспитания гражданской идентичности обучающихся» [4, с. 315]. Акцентируется внимание на интегративной функции гуманитарной стратегии в создании условий для воспитания гражданской идентичности субъектов образования. На основе представлений о духовности как активном начале человека подчеркивается взаимосвязь процессов самоидентификации и самоактуализации как условия воспитания гражданской идентичности субъекта образования.

В статье *Ф.Р. Имамвердиева* проанализирована роль политико-правовых идей как неотъемлемых элементов культурно-духовных ценностей в становлении справедливого миропорядка и раскрыто возникновение и развитие баланса центробежных сил сквозь призму культурно-цивилизационной идентичности. По мысли автора, культурно-исторический тип как политико-правовой феномен и форма многополярной глобализации представляет собой необходимое условие разрешения сложившейся хаотизации в мировом порядке. Целеполагание исследования выражено «в необходимости экспликации становления цивилизационного порядка в условиях глобальной нестабильности и выявления факторов, определяющих направление культурно-исторического процесса и способствующих достижению справедливого мирового порядка» [8, с. 221].

Ю.М. Лустин и *О.В. Пефтиев* выявляют концептуальные аспекты аксиологической взаимосвязи патриотического сознания и правовой культуры человека в современном

дискурсе идеологического противоборства. Авторами предпринята попытка обоснования мировоззренческой парадигмы гражданской позиции личности в морально-нравственном контексте идейно-правовой проблематики, конкретизирована социальная методология диалектического проявления основных особенностей патриотического сознания и ключевых структурных элементов правовой культуры социализированной личности в политической жизнедеятельности социума. [11] Ж.В. Марфина особое внимание уделяет влиянию глобализации, цифровизации и экологического кризиса на трансформацию образовательной аксиосферы. [12] На основе философско-антропологического и аксиологического подходов анализируется структура культурного кода, выявляются его уровни и механизмы, а также формулируются основные ценностные ориентиры современности — достоинство, свобода, ответственность, истина, справедливость, солидарность, устойчивое развитие, культурная память и этика технологий. [12]

Очевидно, что базовые основы воспитания и формирования системы ценностей человека закладываются в семье, чему и посвящена следующая наша обзорная рубрика.

Семья как основа развития общества и система его ценностей

Основным базовым социальным институтом, закладывающим основы развития общества, систему его ценностей, является семья, которая детерминирует уровень развития культуры и стабильность этого развития, опирающегося на культ любви, верности, самопожертвования и благочестия. В работе *А.В. Чернова* и *С.В. Новиковой* анализируются классические социально-философские произведения утопического жанра, такие как: "Государство" Платона, "Утопию" Томаса Мора и "Город Солнца" Томмазо Кампанеллы на предмет их отношения к институту семьи и семейных ценностей. Детально исследуя эти произведения, авторы работы на конкретных примерах наглядно показывают содержащиеся в них деформации традиционного брака и отношения к детям. Все классические утопии в той или иной степени подвергают ревизии институт семьи и семейных ценностей, видя в них несовершенство и даже препятствие на пути к построению "идеального государства". В работе предполагается, что отрицание классической семьи и традиционных семейных ценностей авторами утопий обусловлено их специфическим психологическим типом — "отшельника в миру". И Платон, и Мор, и Кампанелла отдавали приоритет коллективному над частным и рассматривали общество как одну большую человеческую семью, в которой нет места традиционному институту семьи. [23]

Статья *С.В. Новиковой, А.В. Чернова* и *Ф.В. Балеевских* посвящена анализу духовного, метафизического смысла понятия "семья" в контексте мировых религий (буддизма, христианства, ислама) и русской религиозной философии начала XX века. Обращение к проблематике семьи обусловлено трансформацией в осмыслении социокультурной действительности и как следствие сдвига границ понимания семьи как социально-правового института. В исследовании раскрываются духовные аспекты брака, ценность семьи и традиционных семейных ценностей для современного человека и общества, в котором границы "семьи", "семейных отношений" и понимание брака размываются до утраты изначального смысла, что в свою очередь ведет к дестабилизации, дезориентации, социальной напряженности и дезадаптации. [13] В этих условиях все активнее в обществе формируется запрос на формирование культуры самосознания, национальной идентификации, исследование трансформации представлений о человеке в эпоху новых технологий.

Запрос на формирование культуры самосознания, ориентированной на будущее

Современными тенденциями, сопровождающими общество и оказывающих огромное влияние на самосознание молодежи, являются проблемы трансформации культуры потребления и символического обмена в условиях цифровизации.

Фокус исследования *Д.И. Измайловой* и *Л.А. Ахкозова* направлен на анализ эволюции представлений о человеке в научных и философских контекстах и сосредоточен на решении вопроса, как философские и научные течения с Ренессанса до постгуманизма

и трансгуманизма пытались понять сущность человека и его будущее на фоне научных открытий. Основное внимание уделено взаимодействию гуманистической идеи о человеке как разумном существе с вызовами, порожденными развитием технологий. Авторы анализируют философские, этические и культурные последствия научных изменений, а также трансформацию представлений о человеке в эпоху новых технологий, таких как искусственный интеллект и биотехнологии, утверждая, что будущее Homo Humanus включает не только эволюцию тела, но и моральные и социальные изменения, влияющие на человеческую идентичность. [7]

О.В. Каширина и *Е.А. Сергодеева* сосредоточили внимание на исследование культуры самосознания и ее функции в современном цивилизационном развитии и обоснование запроса на формирование культуры самосознания, ориентированной на будущее. В статье концептуализирована культура самосознания как внутренняя самоорганизация его субъекта на основе духовных ценностей и принципов смыслополагания; описаны ее функции в цивилизационном развитии, обосновано, что в современную эпоху культура самосознания получает новое понимание в качестве оснований информационного отбора. В результате сформулирован вывод о том, что культура самосознания должна выстраиваться на основе модели будущего, что позволяет цивилизационным субъектам успешно адаптироваться к вызовам глобального развития, а также формировать новые императивы ответственности в контексте перспектив социальной активности. [9]

В статье *Э.Н. Севумян* рассматриваются философско-культурные и методологические основания трансформации культуры потребления и символического обмена в условиях цифровизации, анализируются классические и современные концепции потребления, от Аристотеля и Смита до Бодрийяра и Кейнса, а также раскрывается взаимосвязь между потреблением, богатством и понятием счастья. Автор выделяет внутреннюю архитектуру системы потребления, подчеркивает роль системного подхода и символической репрезентации в интерпретации современных процессов. Делается вывод о необходимости переосмысления философии потребления в контексте кризисов XXI века и цифровой культуры. [15]

Огромную значимость в процессе культурной эволюции, переосмысления философии потребления и в итоге развития человеческой цивилизации приобретает культурное наследие.

Культурное наследие как средство ретрансляции духовных ценностей и важнейший механизм контрдискурсивного сопротивления социальной глобализации

Понимание искусства как явления, тесно связанного с историческим контекстом, стало важнейшим направлением в теории и истории философии искусства. В частности, Гегель озвучил идею о том, что форма искусства не существует вне своей эпохи, а является отражением общественных условий и духа времени.

Огромную значимость в процессе культурной эволюция и развития человеческой цивилизации приобретает культурное наследие, которое становится ключевым механизмом, позволяющим обществу не только преодолевать когнитивный и аксиологический разрыв между историей и современностью, но и активно участвовать в конструировании новой культурной матрицы. В связи с чем, *Т.В. Лугуценко* и *С.Ю. Рыкова* отмечают: «Классические произведения искусства, основополагающие философские идеи и социокультурные парадигмы минувших эпох, не пассивно транслируют, а активно реинтерпретируются, выстраиваясь в актуальный дискурс и обретая новое функциональное значение, и этот процесс не ограничивается механическим переносом, а является диалектическим взаимодействием, при котором исходное содержание обогащается, трансформируется и реконфигурируется в свете доминирующих мировоззренческих и технологических координат настоящего» [1]. Шарль Луи де Монтескье, чьи размышления о взаимосвязи искусства и общественно-политической среды оказали значительное влияние на дальнейшее развитие гуманитарных наук, в свое время отметил, что искусство не существует в изоляции, а отражает и зависит от конкретных исторических и социальных условий, в которых оно создаётся.

В условиях современного общества, характеризующегося беспрецедентной скоростью социокультурных изменений, тотальной цифровизацией, глобализацией и поиском новых метанарративов, культурное наследие приобретает статус не просто академической проблемы, но императива социокультурной саморегуляции, формирующего новые контуры культурной идентичности и открывающего горизонты для инновационного развития. [10]

Особое значение в этом контексте приобретает музыкальное наследие классиков, творчество которых воплотило гармонию строгой классической формы и глубокого эмоционального содержания, символизируя триумф разума и свободы творчества. Именно через произведения искусства культура получила мощный импульс к обновлению, способствуя формированию новых эстетических и философских ориентиров, которые продолжали влиять на искусство и мышление последующих поколений. Гениальные творения зарубежных и отечественных классиков наполнены глубоким смыслом, колоссальной энергией мысли, что с полным основанием позволяет говорить об их глубоком философском содержании, актуальном во все времена.

Р.А. Фаттахов, прослеживая историческую ретроспективу эволюции искусства, отмечает: «Заложив прочный фундамент для понимания искусства как динамичного процесса, который формируется и развивается под воздействием исторических факторов, идеи Гегеля продолжают оказывать влияние на современную эстетическую мысль, способствуя более глубокому осмыслению взаимосвязи искусства и общества в разные эпохи» [21]. По его мысли, «XX век изменил представления о реалистическом искусстве, народной и классовой культуре — они стали трактоваться многозначно, подвергаться сомнению и отрицанию. Отчасти это было связано с отступлением марксистского материализма, отчасти с появившемся на горизонте постмодернизмом, продолжающим поиски философских очертаний» [21].

В условиях постмодернистского дискурса и технологически детерминированных социокультурных ландшафтов, характеризующихся доминированием феноменов масскультуры, интенсификацией процессов унификации и стандартизации культурных паттернов, именно культура наследия, по мысли А. Павлова, выступает в качестве важного механизма контрдискурсивного сопротивления социальной глобализации. [14]

В этом контексте культурные артефакты утрачивают свой исключительный ретроспективный характер, трансформируясь в живой элемент настоящего момента. Нельзя не согласиться с тезисом Т.В. Лугуценко и С.Ю. Рыковой о том, что «они перестают быть лишь объектами историографического анализа и становятся активными агентами смыслообразования, способствуя установлению не просто хронологической, но и экзистенциальной связи современного субъекта с традициями, этическими императивами и фундаментальными ценностями, заложенными в исторической перспективе». По мысли авторов, «данный феномен является наглядной иллюстрацией одной из конститутивных черт человеческого сознания: его неустранимого стремления к инкорпорации прошлого в настоящее, не с целью его статичной репродукции, а для динамичного обновления смыслового ядра культуры и придания ему беспрецедентной значимости в контексте формирования будущих социокультурных траекторий» [10].

На примере сегодняшнего состояния Западной Европы, некогда колыбели выдающихся гениальных культурных образцов композиторского творчества, изобразительного искусства европейских художников, художественного творчества писателей, поэтов — возникает вопрос утраты и девальвации традиционных ценностей, их отмены и подмены.

Проблемы формирования российской идентичности и перспективы развития российской государственности

В статье *С.В. Дрожжиной* осуществляется анализ проблемы формирования российской идентичности как государства цивилизации в контексте экофилософской парадигмы. В ходе исследования автором были сформулированы следующие выводы: идентичность общества Российской Федерации как государства-цивилизации характеризуется определёнными признаками, которые в своей совокупности формируют образ народа, исполняющего миссию освободителя; особенностью иден-

тичности Российского государства-цивилизации является её многослойность, при которой предыдущие слои не исчезают, а "работают" вместе, создавая уникальную идентичность. Автором в дополнении концепции "волн идентичности" Р. ле Коадика выделена ещё одна волна — четвертая "волна" — "волна цветных революций", затронувшая государства, вышедшие из состава СССР. [5]

Попытке переосмысления модели элитогенеза современной России с учетом запросов со стороны социума, актуальных вызовов внешнеполитической повестки, а также преобладающих тенденций общественно-политического развития посвящена статья *И.А. Стеценко* и *В.В. Стеценко.* Авторы выдвигают тезис о том, что российская модель элитогенеза должна учитывать мировоззренческие доминанты, а также ценностно-смысловые ориентиры, соответствующие цивилизационной матрице российского государства и общества. В качестве основных направлений деятельности по формированию качественно новой российской элиты авторы выделяют культурную политику, молодежную политику, развитие политологического образования, гражданско-патриотическое воспитание. [20]

Проблеме характеристики мировоззренческих разрывов современного российского общества и выявлению обусловливающих их факторов и возможностей преодоления негативных последствий посвящена статья *Е.А. Сергодеевой, С.В. Димитровой* и *И.И. Гуляк.* В ходе исследования авторами перечислены актуальные мировоззренческие разрывы современного российского общества, выявлены детерминирующие их факторы, обрисованы возможности преодоления мировоззренческих разрывов и продемонстрированы основания их сглаживания, коренящиеся в культурной самобытности российской цивилизации. По результатам исследования сформулирован вывод о том, что преодоление современных мировоззренческих разрывов возможно на основе сохранения самобытности российского культурного кода с учетом цивилизационных целей и многообразных вызовов глобального развития. [17]

Размышляя о перспективах развития российской государственности авторы статьи «Образ будущего как темпоральная характеристика мировоззрения» озвучили важнейший тезис, что образ будущего в развитии нашей страны сегодня, по сути, становится «основанием стратегии ее национальной безопасности и позитивной социокультурной динамики» [16, с. 262]. Образ будущего, по их мысли, «сформированный на основе интерпретаций прошлого и интенций настоящего, задает перспективу личностного и коллективного мировоззрения, что определяет ценностную обусловленность темпоральных перспектив субъективности» [16, с. 266]. И в данном контексте авторы с полном основанием характеризуют образ будущего в качестве многомерной целеполагающей модели жизненной активности личности и общественного развития.

Роль и значение субъективного поворота на современном этапе развития Западно-Европейской цивилизации

Р.К. Смирнов выявляет природу, роль и значение субъективного поворота на современном этапе развития Западно-Европейской цивилизации. Системный подход к социально-философской рефлексии онтологических основ субъективного поворота позволил автору обосновать идеи интерпретации субъективного поворота в качестве нового типа мировоззрения, которое выстраивает мир в соответствии с эмоционально-окрашенными практическими нуждами субъекта. [18] В результате исследования показано, что субъективный поворот обусловлен исторической логикой развития Западно-Европейского общества. В основании этого поворота, по мысли автора, «лежит процесс заколдованности мира, связанный с утратой контроля со стороны разума над происходящим и кризисом метанарраций, способных поддерживать принцип доминирования объективного начала над началом субъективным» [18, с. 275]. Подчеркнуто, что «субъективный поворот, как тип мировоззрения чужд солипсизму, но не является устойчивым в длительной перспективе, так как не высвобождает, а наоборот, ограничивает и разрушает самость человека». Сделан итоговый вывод «о необходимости преодоления субъективного поворота на пути возвращения к новому философскому синтезу, способному реабилитировать пошатнувшийся авторитет метанарраций и

одну из главных ролей в этом может сыграть Россия» [18, с. 276].

Литература:

1. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. — М.: Прогресс; Гнозис, 1991. — 176 с.

2. Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры: два философских введения в XXI век / В.С. Библер. — М.: Мысль, — 1990. — 413 с.

3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.

4. Джегутанова Н.И. Современные стратегии образования в контексте поиска модели воспитания гражданской идентичности обучающихся // KANT. — 2025. — №3(56). — С. 315-320. EDN: TZDWOK. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-56.48

5. Дрожжина С.В. Идентичность Российского государства-цивилизации как фактор обеспечения духовно-культурной безопасности (экофилософский взгляд) // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 236-245. EDN: MIUIQH. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-54.35

6. Дрожжина С.В. Критерии экзистенциальных ценностей индивидуальной ценностной картины мира в пространстве экофилософии // KANT. — 2025. — №3(56). — С. 200-205. EDN: MQZCPX. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-56.30

7. Измайлова Д.И., Ахкозов Л.А. От гуманизма к постгуманизму: человек в гуманистических проектах науки // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 260-267. EDN: MSCQZC. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-54.38

8. Имамвердиев Ф.Р. Цивилизационный порядок как коэволюция политико-правовых и культурно-духовных ценностей // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 221-225. EDN: NIPIEL. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-55.32

9. Каширина О.В., Сергодеева Е.А. Культура самосознания как ценность цивилизационного развития // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 278-282. EDN: NTCFPG. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-54.40

10. Лугуценко Т.В., Рыкова С.Ю.Парадигмальный сдвиг культуры в процессе трансформаций культурного пространства // KANT. — 2025. — №4(57). — С. 225-230. EDN: NCRDEG. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-57.34

11. Лустин Ю.М., Пефтиев О.В. Патриотическое сознание и правовая культура человека: концептуальность аксиологического взаимодействия // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 229-236. EDN: OXWFTJ. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-55.34

12. Марфина Ж.В. Образование как культурный код цивилизации: аксиологические ориентиры XXI века // KANT. — 2025. — №4(57). — С. 230-235. EDN: NGHQCO. https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-57.35

13. Новикова С.В., Чернов А.В., Балеевских Ф.В. Смысл и значение семьи в социальном мироустройстве // KANT. — 2025. — №4(57). — С. 240-245. EDN: NZHDYB. https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-57.37

14. Павлов А. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время, — М.: Дело, 2021, — 560 с.

15. Севумян Э.Н. Методологические основания трансформации культуры потребления: от классической политической экономии к цифровизации // KANT. — 2025. — №3(56). — С. 253-260. EDN: PPXNBX. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-56.38

16. Сергодеева Е.А., Димитрова С.В., Гуляк И.И. Образ будущего как темпоральная характеристика мировоззрения // KANT. — 2025. — №4(57). — С. 262-267. EDN: PTNQPW. https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-57.41

17. Сергодеева Е.А., Димитрова С.В., Гуляк И.И. Современные мировоззренческие разрывы и приоритеты развития российского общества // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 350-354. EDN: QWWNWB. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-54.53

18. Смирнов Р.К. Субъективный поворот в реалиях современного бытия человека: социально-философский аспект // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 275-282.

19. Стенограмма интервью с Жан-Люком Нанси. О пустыне смыслов, анонимных ритмах и пульсации чужого сердца / предисл. к переводной версии М.А. Григорьевой // KANT: Social science & Humanities. — 2024. — №4(20). — С. 88-94. EDN: LMZQVS. DOI: 10.24923/2305-8757.2024-20.12.

20. Стеценко И.А., Стеценко В.В. Конструирование ландшафта формирования элитогенеза современной России в контексте инструментария цивилизационной культурной политики // KANT. — 2025. — №3(56). — С. 261-266. EDN: QUKTPQ. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-56.39

21. Фаттахов Р.А. Философские идеи в творчестве художника: синтез чувственного переживания мира и осмысления реальности перемен // KANT: Social science & Humanities. — 2026. — №1(25). — С. 130-135. EDN: MPWUYO. DOI: https://doi.org/10.24923/2305-8757.2026-25.17

22. Федяй И.В., Буланов А.Н. Методологическая проблематика истории культуры // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 379-386. EDN: TSGMGQ. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-54.58

23. Чернов А.В., Новикова С.В. Роль института семьи и традиционных семейных ценностей в классических утопиях// KANT. — 2025. — №2(55). — С. 305-310. EDN: RXKPSQ. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-55.46

24. Черных И.А. Сущность понятия "образ человека культуры" и его роль в процессе формирования личности современного человека // KANT. — 2025. — №3(56). — С. 274-279. EDN: SKICHC. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-56.41

25. Черных И.А. Ценности духовной культуры как один из ориентиров социализации современного человека // KANT. — 2025. — №4(57). — С. 283-288. EDN: RHVNFJ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-57.45